АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XXVII

К 13(4)
Инст. слав. АН.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

К.13(4)
Ин-т слав. д.п.

inslav

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, *И. Ф. Бэлза*, *Л. Б. Валев*, *Л. Э. Калнынь*,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, *И. С. Миллер*, *С. В. Никольский*,
Б. Ф. Стахеев

РЕДАКТОР ТОМА:

И. К. Бунина

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
Ж 017
63

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

Р. Эккерт

ОСНОВЫ НА *-й-* В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Предметом исследования являются лишь имена с основой (или вероятной основой) на *-й-*.

В центре внимания праславянский период, что, разумеется, не исключает в тех или иных случаях — когда это необходимо — привлечения явлений, относящихся к еще более раннему периоду (к периоду существования диалектальных групп индоевропейских языков или к периоду существования индоевропейского праязыка) или к более позднему периоду (к периоду выраженной диалектальной дифференциации славянской языковой области и начала истории отдельных славянских языков и диалектов).

Целью исследования является выяснение приблизительного лексического состава имен существительных и имен прилагательных с основой (или вероятной основой) на *-й-* в праславянском языке.

Основы на *-й-* мы намерены рассмотреть, исходя из изучения отдельных слов, для которых в большей или меньшей мере можно предполагать исконную принадлежность к древним основам на *-й-*. По этой причине для нас первостепенное значение будет иметь вопрос определения *й*-основ. Ему и будет отведено самое большое место. Помимо него, конечно, будем касаться ряда других вопросов, так как установление определенных разрядов слов с прежней основой на *-й-* очевидно позволит подвести некоторые итоги относительно их особенностей.

Имена существительные и имена прилагательные даны в работе в отдельных главах. Сначала рассматриваются имена существительные, потом имена прилагательные. Отдельное их рассмотрение принципиального значения не имеет, оно продиктовано методологическими соображениями. От праславянских имен существительных с основой на *-й-* древнеписьменными славянскими языками зафиксированы разного рода следы вплоть до частичного сохранения системы склонения; следы древних *й*-основ широко представлены в производных, причем не только в древних памятниках, но и в современных славянских языках и диалектах. Следы же праславянских имен прилагательных с *й*-основой гораздо более скудны в силу целого ряда причин. Поэтому для разработки методологии, отдающей предпочтение фактам внутренней реконструкции перед фактами внешней реконструкции, такой порядок отдельных частей исследования оказался более последовательным.

inslav

Глава I

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ОСНОВОЙ НА *-ŭ-*

Введение

К проблематике исследования. В праславянском языке тип склонения имен существительных с основой на *-ŭ-* был унаследован из индоевропейского праязыка. В индоевропейском праязыке склонение основ на *-ŭ-* отличалось своими специфическими особенностями. Внутри индоевропейского склонения на *-ŭ-* различают два типа: 1) тип на согласный *-u̯-*, например **médhu̯* 'мёд' род. п. ед. ч. **medhuḗs*, и 2) тип на дифтонг. -**eu̯/-*ou̯*, например. *sūnū́-* 'сын' (см. Бенвенист. Им. сл., 78—79)[1]. Они обнаруживаются в хеттском языке (см. Фридрих. Кр. гр. хетт. яз., 63; Friedrich. Heth. Wb., 107). Таким образом, существование двух подтипов внутри склонения основ на *-ŭ-* в индоевропейском праязыке, очевидно, древнее. Позднее произошло вытеснение первого подтипа вторым, так что в самых ранних зафиксированных индоевропейских языках древнейшее состояние отражено лишь в виде реликтов. В праславянском языке это древнейшее состояние не сохранилось (см. Мейе. Общсл. яз., 331), и праславянский язык в отличие от индоевропейского праязыка обладает уже не двумя подтипами склонения основ на *-ŭ-*, а только одним — подтипом на **-eu̯-* (**-ou̯-*).

Отличным по сравнению с индоевропейским праязыком является и состав слов, входящих в тип склонения основ на *-ŭ-* в праславянском языке. Среди слов, унаследованных праславянским языком из индоевропейского, нужно прежде всего назвать слова, которые уже в индоевропейском праязыке принадлежали к основам на *-ŭ-* и как таковые вошли в группу слов, изменявшихся и в праславянском языке по этому типу склонения. Сюда относятся, например, такие слова, как и.-е. *sūneus* 'сын', **medhu* (очевидно, из первоначального **médhu̯-*) 'мёд'. Другая группа слов, склоняющихся по типу основ на *-ŭ-*, является собственно праславянскими словами, как, например, имена существительные **polu-* 'половина', **volu-* 'вол'. В третью группу можно включить слова, которые не могут быть безусловно отнесены либо к общеиндоевропейским, либо к собственно праславянским, так как они встречаются в двух—трех (возможно, образующих какую-то диалектальную область) группах индоевропейских языков. Ср., например, прасл. **vĭrxu* > *vьrxъ* 'верх, верхняя часть чего-либо', лит. *viršùs* 'верх, верхняя часть чего-либо', лат. *verrūca* 'бородавка'. На основании сказанного можно заключить, что состав имен существительных с основой на *-ŭ-* в праславянском языке был разнородным. Это, между прочим, характерно не только для праславянского языка, но и для всех других индоевропейских языков, которые сохранили древний тип склонения основ на *-ŭ-*. Очевидно, что тип склонения основ на *-ŭ-*, живой в индоевропейском праязыке, остался продуктивным и в начальный период истории отдельных групп индоевропейского праязыка. Несомненно, он был еще продуктивным типом и в праславянском языке.

Упрощение системы в праславянском языке по сравнению с состоянием в индоевропейском праязыке наблюдается в вопросе о грамматическом роде имен существительных с древней основой на *-ŭ-*. В индо-

[1] См. список сокращений в конце статьи.

inslav

европейском праязыке к типу склонения *ŭ*-основ принадлежали, во-первых, имена существительные среднего рода, например, и.-е. **medhu*, во-вторых, имена существительные несреднего, одушевленного, рода, например, и.-е. **sūneus*. Эта древнейшая дифференциация в категории рода ярко отражена в хеттском языке, ср., например, имя существительное ср. р. *genu* 'колено' и имя существительное неср. р. *kutru* 'свидетель'. Как известно, деление имен по основам древнее, чем деление их по родам. Если же мы имеем в ряде индоевропейских языков имена существительные женского рода с *ŭ*-основой, как, например, гот. *handus* 'рука', лат. *manus* 'рука', и т. д., то это явление более позднее, связанное с дифференциацией уже внутри древней категории несреднего рода. Вследствие этого в ряде индоевропейских языков в группе слов с основой на -*ŭ*- представлены имена существительные всех трех родов (ср. германские языки, латинский язык.) Что же касается судьбы имен существительных, характеризующихся *ŭ*-основой в праславянском языке, то вследствие разных изменений произошла не дифференциация их по разным родам, а унификация. Правда, для ранней эпохи праславянского языка предполагают еще сохранение имен существительных среднего рода в типе склонения основ на -*ŭ*- (см. Ильинский. Остатки склонения, 9—15). В результате специфических закономерностей конца слова, действовавших в поздний период праславянского языка (утрата конечных **-s*, **-n* и **-n* < **m*; совпадение конечных незащищенных звуков -*ŏ* и -*ŭ* в -ъ), имена существительные несреднего рода (а в праславянском языке в типе склонения основ на -*ŭ*- это были исключительно имена существительные мужского рода) и имена существительные, принадлежавшие в индоевропейском праязыке к именам среднего рода, совпали в формах именительного и винительного падежей единственного числа, т. е. имели сначала в этих формах -*ŭ*, развившееся потом в -ъ. Например, им.-вин. п. ед. ч., ср. р. и.-е. *medhu* (< **médhu*) > ранее прасл. **medu* (возможно, через ступень **medus*) позднее прасл. **medъ* м. р., ср. ст.-сл. **медъ**; им. п. ед. ч. неср. р. и.-е. **sūneus* > **sūnus* > **sūnu* > **synъ* м. р., ср. ст.-сл, **сынъ**; вин. п. ед. ч. неср. р. и.-е. **sūnum* > **sūnun* > **sūnu* > *synъ*, ср. ст.-сл. **сынъ**. Поэтому еще в праславянском языке (в поздний период) в именительном и винительном падежах единственного числа имена существительные бывшего среднего рода и бывшего несреднего рода в типе склонения основ на -*ŭ*- совпали. Последствиями этого совпадения явились: во-первых, переход имен существительных бывшего среднего рода с основой на -*ŭ*- в категорию имен существительных мужского рода того же типа основы; во-вторых, взаимное проникновение в поздний период праславянского языка типа склонения основ на -*ŭ*- и типа склонения основ на -*ŏ*-, так как в последнем типе в результате упомянутых выше изменений конца слова в именительном и винительном падежах единственного числа также появилось -ъ. При смешении возобладал тип склонения основ на -*ŏ*-, вытеснивший впоследствии склонение основ на -*ŭ*- как самостоятельный тип. Причины данного явления мы должны искать не только в смешении указанных двух типов склонения. Смешение было лишь последним, завершающим этапом очень длительного и сложного процесса, который брал свое начало, очевидно, еще в индоевропейском праязыке. Неслучайно во всех индоевропейских языках (разумеется, в тех, в которых засвидетельствован тип склонения основ на -*ŭ*-) происходит разложение этого типа склонения, переход слов, принадлежавших к нему, прежде всего в тип склонения основ на -*ŏ*-. В связи с этим следует обратить внимание еще на одно обстоятель-

inslav

ство, которое может быть определенным образом связано с утратой склонения *й*-основ как самостоятельного типа. Это — изменение соотношения между основообразующим элементом и падежными окончаниями в праславянском склонении вообще, в частности в типе склонения основ на *-й-*. В результате ряда существенных фонетических изменений (назовем, например, утрату четкости древнейших чередований **-ĕu-(*ĕw-)* || **-ŏu-(*-ŏw-* || **-й*, которые в праславянском языке изменились в *-u-(-ov-)* || *-u- (-ov-)* || *-ъ*) в праславянском языке терялось четкое структурное расчленение слова во всех его формах на корень, основообразующий гласный и окончание. Впоследствии ощущались только корень и окончания, с которыми соединился основообразующий элемент, утративший к тому времени свою относительную самостоятельность (см. Мейе. Общсл. яз., 330).

Древнейшие из известных нам славянских памятников свидетельствуют о том, что процесс распадения склонения основ на *-й-* начался уже давно. Но несмотря на то, что исчезновение основ на *-й-* как самостоятельного типа склонения наблюдается сравнительно рано и что количество слов, первоначально изменявшихся по этому типу склонения, было относительно невелико, данный тип склонения оставил очень глубокие следы не только в системе именного склонения, но вообще в морфологической системе славянских языков, а также в области славянского словообразования. Возникает интересный вопрос: чем объяснить огромное воздействие древнего типа склонения основ на *-й-* в истории славянских языков при его сравнительно небольшом составе слов?

Прежде чем решать эту главную проблему, необходимо сначала исследовать некоторые более частные вопросы. Так, нужно выяснить, каков именно был состав той группы слов, которые первоначально изменялись по древнему типу склонения основ на *-й-* в праславянском языке.

К методу исследования. В отношении метода определения праславянских имен существительных можно сказать, что приемы, характеризующие так называемую внутреннюю реконструкцию, в литературе исследуемого вопроса получали все большее развитие. Увеличивалось количество типов древних производных, представляющих аномалии и позволяющих в силу этого реконструировать более древнее состояние. Разумеется, и в привлечении древних падежных форм и соответствий из других индоевропейских языков наблюдается определенный прогресс, выражающийся главным образом в большей точности анализа материала, но, несомненно, областью определяющей заметное движение вперед в разработке критериев определения праславянских имен существительных с *й*-основой, было славянское словообразование. Здесь и в будущем может быть еще сделано многое.

Однако до сих пор мы сталкиваемся с преувеличением значения фактов старославянского языка для реконструкции праславянского состава имен существительных с *й*-основой. На протяжении долгого периода истории разработки критериев для определения *й*-основ чуть ли не самым определяющим критерием были древние падежные формы, а они были шире всего засвидетельствованы старославянскими памятниками. Принимая во внимание огромное значение старославянского языка для реконструкции праславянского, мы отнюдь не соглашаемся с преувеличением роли языка древнейших славянских памятников. Давно уже прошли те времена, когда прообразом прагерманского являлся готский язык, а праславянского — старославянский. Не является чистой случайностью тот факт, что слова, которые мы счи-

inslav

таем несомненными случаями праславянских *й*-основ (см. стр. 21 и далее), или вовсе не засвидетельствованы в старославянских памятниках (*bobrъ*; *borъ* — только в церковнославянских текстах; *ilъ*, *olъ* — в церковнославянских текстах), или слабо в них отражены (*ledъ*). Поэтому для реконструкции праславянского состава имен существительных с *й*-основой первостепенное внимание должно быть уделено не только части древних славянских языков, а всем старописьменным славянским языкам и, конечно, всем современным славянским языкам и диалектам.

На пути выделения древних имен существительных с основой на *-й-* встречается ряд трудностей. Еще А. Мейе (см. Общсл. яз., 331) обратил свое внимание на две из них: на проникновение основ на *-ŏ-* в тип склонения основ на *-й-* и на то обстоятельство, что наиболее употребительные формы (формы именительного и винительного падежей единственного числа) ничего не доказывают. Можно указать еще на одно явление, усложняющее определение имен существительных с древней *й*-основой, а именно на отсутствие ряда слов и их падежных форм, а также их производных, в древнейших славянских памятниках письменности, например, в старославянском. Поэтому, чтобы приблизительно установить состав слов, изменявшихся в праславянском языке по древнему типу склонения основ на *-й-*, необходимы определенные критерии выделения исконной *й*-основы. Главными из них мы считаем следующие.

I. Сохранение древней чистой основы[2]

Обычно в славянских языках в сложных словах в качестве соединительного гласного как правило выступает звук *ŏ*. Его можно найти и в тех случаях, когда первый компонент сложного слова происходит от *й*-основы, ср. ст.-сл. **сыноткореніе**, **сыновожьствіе**, **медоточьнъ**, церк.-сл. **домодръжица** и т. п.[3]. Как исключения из этого правила еще Ф. Миклошичем (см. Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 349) приводились два слова: слав. *medvědь* (о нем ниже) и *polu-* в сложных словах. Нами зарегистрировано свыше 80 сложных слов из различных славянских языков, первой частью которых является основа **polu-*, ср., например: ст.-сл. **полоудьне** 'в полдень', **полоудьньнъ** 'mittägig', др.-русск. **полѹдьніе** 'полдень', др.-чешск. *polúdnie*, чешск. *poludienok* 'обед' (Kott, VII, 340), словен. *poludné* 'полдень, юг', н.-луж. *połudnjo* 'полдень', польск. *południe*, блр. *пóлудзень* 'полдник, полдень', укр. *пóлудень* — то же самое, *полýдання* 'полдничанье, полдень', русск. диал. *полýдень* 'полдень' (Смоленск. обл. сл., 655), *полýденный* — эпитет обедни (Олон. обл. сл.), *полýдновать* арханг. 'отдыхать после полудня', иркутск. 'жить последние минуты перед смертью' (Опыт, 168), брянск. 'полдничать' (Тиханов. Брянский говор, 71); блр. *полудниковаць* 'полдничать', *переполудниковаць* 'отдыхать в полдневное время' (Носович, 462); русск. диал. *полýдница* 'воображаемое существо, в виде старухи в лохмотьях, со всклоченными волосами; ей приписывают охрану огородов от детей' (ср. польск. *przypołudnica* 'дух, призрак полдневный' см. Br. Sł., 429 и VEW, II, 400), русск. диал. тверск. *полуднёвище* 'место (большею частью в лесу), где скот пасется в полдень, отдыхает' (Записки ИАН, т. XXII, кн. 2, 36) и вологодск. *полýденица* 'полянка,

---

[2] Под «чистой основой» мы понимаем здесь корень данного слова + *-й-*, причем *-й-* не должно здесь являться падежным окончанием или частью суффикса.

[3] К. Бругманн (см. Grdr., Bd. II, T. I, 91) предполагает даже, что в этих сложениях соединительная гласная *-ŏ-*, имевшая место еще до перехода *й*-основ в *ŏ*-основы, вероятно, способствовала этому переходу.

inslav

ягода' (Опыт, 168). Большое количество образований с **polu-* убеждает нас в том, что **polu-* в них следует рассматривать как чистую основу. В некоторых случаях мы не можем говорить с полной уверенностью о сохранении чистой основы на *-ŭ-* в первой части сложного слова, так как для них встречаются и иные объяснения. Мы имеем в виду церк.-сл. **домоузаконьникъ** 'управляющий домом', 'οἰκονόμος', которое, например, К. Бругманном (см. Grdr., Bd. II, T. I, 54, 70) и А. М. Селищевым (см. Ст.-сл. яз., I, 86) определяется как сложное слово; у И. И. Срезневского (Срезн. Мат., I, 799—800), однако оно дано как словосочетание **домоу законьникъ**. Этим он, вероятно, допускает трактовку первой части сочетания как формы родительного падежа единственного числа основы на *-ŭ-* или даже, что менее вероятно, как формы дательного падежа единственного числа по основам на *-ŏ-*. Встречающееся сходное слово **домувладыка** наряду с **домовладыка** (Сл. церк.-сл. и р. яз., I, 728—730), — ср. еще и сочетание **домовьнъ влка** 'домовладыка, хозяин' (Срезн. Мат., IV, 13) — также не вполне ясно. В словен. *domuhód* 'возвращение домой, Heimkehr' (Janežič. Sl.-dtsch., 78) содержится, очевидно, наречие *domú* 'домой'. В литовском языке в некоторых случаях соединительная гласная *-u-* имеет место в сложениях, первой частью которых выступает основа на *-ŭ-* с окситонным ударением, ср., например, *viršùgalvis* 'макушка' (< **viršù-*, ср. *viršùs* 'верхняя часть чего-либо' + *-galvis*, ср. *galvà* 'голова') или *viršùkalnis*. (Kurschat. Lit.-dtsch. Wb., 507) 'вершина горы' с *-kalnis*, ср. лит. kálnas 'гора'.

Сохранение древней чистой основы наблюдается и в производных в виде: корень + *-u-* + суффиксы, например, блр. *полýйка* 'горсть льна, наполовину (разрядка наша. — *Р. Э.*) измятого в мяле и еще не совсем очищенного от костры' (Носович, 463) < **polu-* + *-jь-* + *-ka*. Возможно, русск. местное название *Полуево* (Сп. нас. м., XI, 317) тоже содержит **polu-jь*.

II. Сохранение системы архаических падежных форм, характерных для типа склонения основ на *-ŭ-*

Определяющими являются следующие падежные формы:

род. п. ед. ч. на *-u* (< **-oŭ-s*): ст.-сл. **с(ы)ноу** (Савв. кн.), др.-словен. *sinu* (Флор. Лекц.);

дат. п. ед. ч. на *-ovi* (< **-oŭ-eĭ*): ст.-сл. **с(ы)нови** (Мар., Зогр., Асс.), др.-словен. *sinovi* (Флор. Лекц.);

твор. п. ед. ч. на *-ъmь* (< *-ŭ-mĭ*): русск. церк.-сл. **домъмь** (Остр. ев.);

местн. п. ед. ч. на *-ú* (< **-oŭ* < **-ōŭ*): ст.-сл. **с(ы)ноу** (Асс.); др.-чешск. *synu*;

зв. форма на *-u* (очевидно, чистая основа, т. е. из **-oŭ*): ст.-сл. **с(ы)ноу** (Супр. р.); др.-чешск. *moj ſynu*; *zlosynu;* ст.-луж. *synu* (Флор. Лекц.);

им. п. мн. ч. на *-ove* (**-oŭ-es*): русск. церк.-сл. **сынове** (Остр. ев.); др.-чешск. *synove* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 630);

род. п. мн. ч. на *-ovъ*: ст.-сл., др.-русск. **с(ы)новъ** (широко представлена); др.-чешск. *ſynow* (Geb., там же);

твор. п. мн. ч. на *-ъmi* (< **-ŭ-mi*): ст.-сл. **с(ы)нъми** (Супр. р.);

местн. п. мн. ч. { на *-ъхъ* (южно- и восточнослав. языки); на *-охъ* (западнослав. языки) } < **-oŭ-s-os*

им.-вин. п. дв. ч. на *-y* (< **-ū*): ст.-сл. **с(ы)ны** (Мар., Асс.);

род.-местн. п. дв. ч. на *-ovu*: ст.-сл. **с(ы)новоу** (Мар., Зогр., Асс.);

inslav

твор.-дат. п. дв. ч. на *-ъта*: ст.-сл. **полъма** (Зогр., Мар., Асс., Савв. кн., Супр. р.).

Несомненно, наиболее ценными доказательствами для установления *й*-основы являются факты из древнейших памятников, поскольку в них процесс разрушения типа склонения основ на *-й-* отражен на более ранней стадии. Нельзя также оставлять без внимания географический момент. Если имеются примеры только из одной группы славянских языков, то они менее убедительны, чем данные из древних памятников всех групп славянских языков. Следует еще обратить внимание на то, что падежные формы слов должны отражать старое состояние, они должны быть свободны от всякого аналогичного воздействия, ибо некоторые старые (исконные для типа склонения основ на *-й-*) падежные формы в истории славянских языков рано стали характеризовать имена существительные, не восходящие первоначально к *й*-основам.

Могут быть привлечены примеры и из современных славянских языков, например, фразеологические сочетания, старинные пословицы и т. п., в которых древняя падежная форма может удержаться в результате изоляции. Ср. блр. пословицу: «Печь затопила, а *верху* не отчинила». Здесь *верх* — 'окно, прорубленное под потолком, особенно над дверями, для выпуска дыма в курных избах' (Носович, 49)[4].

Наречные образования на *-й-* непосредственно генетически связаны с древними падежными формами склонения основ на *-й-*. Здесь можно выделить три группы:

а) образования, идентичные по своему звуковому составу определенным падежным формам соответствующего имени сущ. с прежней *й*-основой, ср. имя сущ. ст.-сл. **врьхъ** и форму местн. п. ед. ч. **врьхоу**, с одной стороны, и наречие ст.-сл. **врьхоу** 'наверху' — с другой; др.-русск. имя сущ. **вьрхъ**, местн. п. ед. ч. **вьрху** и наречие **вьрхоу** 'наверху, над, на' и наречное словосочетание **вьрхꙋ того** 'о том'; словен. *vrhu* 'над, вверху, наверху'; русск. *верху́* 'вверху, над' (Даль, I, 184);

б) наречные образования типа *vьrxu* — в роли первого компонента сложного слова, например, в имени дочери князя Всеволода Мстиславовича: др.-русск. **верхуслава** (ПСРЛ, I, 407, 543; Туп., 460) или др.-чешск. *ſwrchugmenowanee* (*sbožie*) (Geb. Hist. ml. j. č., т. III, 333);

в) наречные образования, состоящие из окаменелой падежной формы имени существительного и предлога, сросшегося с ним в одно целое, например, ст.-сл. **исполоу** 'пополам' (Супр. р.); др.-русск. **съполоу** 'кстати; наполовину'; **сполу** 'вместе'; др.-чешск. *spolu* 'вместе, сообща'; н.-луж. *społu* или *zepółu* 'пополам, вместе'; польск. *społu*, *pospołu* 'вместе, сообща'; русск. *спо́лу* 'пополам, zur Hälfte', диал. 'с половины, исполу', русск. диал. *и́сполу* 'пополам, по половинной части' (Герасимов. Сл. череповец. гов., 43); 'пополам — обыкновенно так выражаются о сдаче земли крестьянам за п о л о в и н у (разрядка наша — *Р. Э.*) урожая в снопах и с возвратом семян, которые обыкновенно дает помещик'[5] (Мотовилов. Симбирск. молвь, 22).

Однако и во всех этих случаях необходимо строго отличать явления старые, исконные от вторичных, развившихся под воздействием аналогии[6].

---

[4] Ср. в этой связи слово, приведенное Д. Зелениным (см. Отчет. . ., стр. 148), *верхова́тый* 'с верхом' из заговора: «Как у нас матушка печка не стоит пуста, все же стоит с хлебом, да со́льев полка *верховата*».

[5] См. ниже производные с *-ov-* с тем же значением.

[6] О роли аналогии в наречных образованиях на *-u* см. Unbegaun. LR, 97. В отношении прасл. **domovь* небезынтересен случай распространения по аналогии

inslav

III. Сохранение определенных рефлексов старого конечного гласного звука основы в виде *-v-* и *-ov-*

1. Рефлекс *-v-*[7].

а) Корень + *-v-* в сложных словах. Классический пример представляет славянское название для *ursus* 'медведь': *medvědъ* < **medu̯-ědь* < **medu-ēdĭ* (буквально: 'медоед'). Полное соответствие в формальном отношении церк.-сл. **медвѣдь** находим в др.-инд. *madhuv-ád-* 'едящий мёд' (Мейе. Общсл. яз., 301), *madhv-ad-* 'тот, кто ест сладости' (Grdr., Bd II, T. I, 113). Ср. еще венг. *medve*, *nedve* 'медведь' (см. Kniezsa, 332).

б) Корень + *-v-* + суффиксы (т. е. корень + *-v-* в производных). Сюда относятся церк.-сл. и др.-русск. **медвьнъ**, μέλιτος, 'медовый' (Mikl. Radices, 49; Mikl. Lex., 365; Вост., I, 420; Срезн. Мат., II, 120 и III, 161); церк.-сл. **медвьница** 'погреб для медов и вин' (Вост., I, 420; Срезн. Мат., II, 120), церк.-сл- **омедвити** 'усладить'[8] (Вост., II, 46). Ср. далее, др.-серб. *medvanstven* 'медовый, сладкий' и *medvanstvo* 'сладость'; с.-хорв. *medvača* 'груша сладкая, как мед'[9] (Rječn., VI, 565) и с.-хорв. *medven* 'медовый'. Имеется местное название *Medvenača* в Сербии, образованное от *medven*. Из производных с рефлексом *-v-* ср. еще русск. диал. (тверск.) *медвá* 'медовая сыта, медовица, сладкое сусло', русск. *медвя́ный* (поэт. 'с запахом меда, ароматный' (Уш., II, 168—169), 'медовый, с медом или на меду сделанный, сладкий' (Даль, II, 319), 'медовый, медвеный, подобный меду' (Сл. церк.-сл. и р. яз., II, 615) — примеры цитируются по VEW, 216[10]. Производным от русск. *медвя́ный* является название насекомого Bombilius 'Медвя́ник' (см. Грот, 98). Э. Бернекер приводит в последнем выпуске своего этимологического словаря (см. BEW, II, 31) болг. *medvenik* 'Honigkuchen', т. е. 'медовый пирог', которое он сравнивает с с.-хорв. *medîvo* и укр. *medivnýk*, имеющими то же самое значение.

2. Рефлекс *-ov-*.

В ранний период праславянского языка имело место чередование **-ou̯-* || *-u-*. В более поздний период (после монофтонгизации дифтонгических сочетаний) на месте **-ou̯-* || *-u-* имеем чередование *-u-* || *-ъ-*. Можно предполагать, что или конечный звук *-u-* старой основы на *-ŭ-* стал в определенных условиях неслоговым и дал *-v-*[11], или *ŭ̂*, будучи еще дифтонгическим сочетанием, под действием закона открытых слогов давал *ou̯* > *ov* в определенных случаях слогоразделения. Ср., например, прасл. **volŭ̂-+-in-os* > **volou̯-in-o* > **vo-lo-vь-nъ* ст.-сл. **волověнъ**. В дальнейшем такой тип огласовки аффиксального элемента мог распространяться и аналогически (ср., например, ст.-сл. **доуховěнъ**).

элемента *-ov-*, наблюдаемый в праславянском наречии **dolovь* 'долой, вниз'. Имя сущ. *dolъ* — основа на *-ŏ*.

[7] Рефлекс *-v-* как отражение старой конечной гласной *ŭ*-основы мы находим не только в славянских, но и в балтийских, и латинском (см. Specht. Zur Bildung, 198), и в древнеиндийском языках.

[8] Это очень ценное свидетельство сохранения рефлекса древней *ŭ*-основы в отыменном глагольном образовании в виде *-v-*.

[9] Ср. чешск. *medovka* 'сладкая груша', 'Honigbirne' (Kott, I, 994).

[10] С. Линде (см. Linde, II, 123) приводит русск. *медвенный*. В сл. церк.-сл. и р. яз., II, 614 отмечено слово *мéдвеный* 'медовый'.

[11] Краткие замечания по затронутым здесь вопросам, разумеется, носят в значительной степени гипотетический характер. Но нужно отметить, что мы в понимании происхождения рефлекса *-v-* ближе к той трактовке, которой, например, придерживается П. Скарджюс (см. P. Skardžius, 113), нежели к гипотезе А. Вайана, согласно которой, например, *-v-* в имени прил. *medvьnъ* восходит к *u̯* в согласном подтипе и.-е. склонения основ на *-u̯-* (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 114—116).

inslav

Ценны здесь опять-таки слова, в которых *-ov-* не могло появляться аналогическим путем, а является рефлексом старой основы, как, например, в следующих образованиях.

а) С суффиксом *-in-a-*. В группе производных, образованных от названий животных, рыб, и т. д. и обозначающих мясо, или шкуру животных и т. д., не существует сложного суффикса **-ovin-a-*[12]. Поэтому *-ov-* в прасл. **volov-in-a*, несомненно, связано с конечным звуком древней основы на *-й-*. Ср. др.-русск. **воловина** 'воловина', русск. *волóвина*, словен. *volóvina*, 'мясо вола, шкура его', чешск. *volovina*. Очевидно, по своей семантике сюда примыкает название напитка, прасл. **medovin-a*: церк.-сл. **медовина** 'σίκερα', болг. *медовúна* 'сироп из меда' (Геров, III, 57), с.-хорв. *medovina* 'напиток с медом', словен. *medovína* 'Honiggeschmack', чешск. *medovina*, н.-луж. *mjodowina* 'мед—напиток', польск. *miodowina*, русск. *медовúна* и новогреч. μεδοβινα (μοδοβινα), заимствованное из славянского (BEW, II, 31). Более широкое предметное значение суффикс *-in-a* имеет в прасл. **polov-ina*: церк.-сл. и др.-русск. **половина**, болг. *половúна*, словен. *polovína*, чешск. *polovina*, русск., укр., блр. *половúна* и в прасл. **domov-ina*: болг. *домóвина* 'все, что относится к дому, обзаведение', с.-хорв. *dòmovina* 'дом и двор', словен. *domovína* — то же самое, слвц. *domovína* 'родной край', чешск. *domovina* 'родина', русск. диал. *домовúна* 'гроб' (Опыт, 49). От основы **vьrxu-* производные слова с суффиксом *-ina*, вероятно, более позднего происхождения. Во всяком случае они не могут быть использованы в качестве полноценных доказательств для восстановления *й*-основы, так как наряду с образованиями на *-ov-*: чешск. *vrchovina* 'Hoch-, Bergland', полаб. *varchövēina* 'hochgelegenes Stück Land' (Rost. Polab. Spr. r., 431), польск. *wierzchowina*, укр. *верховина* 'вершина дерева, горы', русск. *верхóвина*, ст.-русск. фамилия *Верховина* (Туп., 84) — распределенными, как кажется, исключительно по «севернославянским» языкам, имеется производное без *-ov-*, ср. русск. *вершúна*.

б) С суффиксом имени прилагательного *-ьn-*, непродуктивным в современных славянских языках, ср. церк.-сл. **сыновьнъ**, др.-русск. **домовьный** 'дома совершающийся, принадлежащий к дому, храму; домашний', **домовьное** 'имение, имущество', **домовьникъ** 'хозяин дома'; ст.-сл. **домовьнъ** 'относящийся к дому'; др.-чешск. *domowncze* 'Haushälterin' (Geb., Sl. st. č, I, 295); болг. *домóвник* 'домохозяин'; с.-хорв. *domovnik*, имя прил. *domovan*, слвц. *domovník* 'správca domu', имя прил. *domovný*; чешск. *domovník* 'Hausgenosse; -besitzer, -knecht, -hofmeister', имя прил. *domovní*; н.-луж. *domownik*, имя прил. *domowny* 'домашний'; польск. *domownik* 'домочадец, свой', укр. *домíвнúк* 'домочадец'; русск. диал. *домовнúство* — «Девица, родители которой отлучились на сутки или двое, приглашает к себе домовнúчать, т. е. ночевать и помогать по хозяйству, нескольких подруг. Парни не упускают случая провести вечер на *домовнистве*» (Волоцкий. Рост. гов., 30); русск. диал. *бездомóвный* (Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 151), *бездомóвник*, (*бездомóвница*) 'бездомный'; у Даля *бездóмник* (см. Сб. ОРЯС, т. 76, 27); церк.-сл. **медовьнъ** 'μέλιτος', ст.-сербск. *medovan* (Rječn., VI, 563), чешск. *medovna* 'место, где продают медовину', *medovnice* 'Honigfaß', словен. *medovnják* 'Honigkorb'; ст.-сл. **воловьнъ** 'относящийся к волу', болг. *волóвен*, русск. *волóвня*, укр. *волóвня*, *волóвник* 'сарай для волов', чешск. *volovna* — то же самое; др.-русск. **половьный** 'половинный', **половьникъ** 'наемный работник, получающий в оплату часть выработанного' (Срезн. Мат., II, 1130—31), *половничать* (Мат., I, 208); болг. *половúца* 'мера'; венг.

[12] Ср. русск. *телятина*, *говядина*, *осетрина* и т. п.

inslav

polovnyák 'ein Maß' < слвц. *polovnjak* 'бочка на пять ведер'; ст.-сл., церк.-сл. **крьчовьнъ**. Правда, в этом типе суффиксальных образований были случаи перенесения путем аналогии (ср. ст.-сл. **доучовьнъ**), но они имели ограниченное распространение (см. Мейе. Общсл. яз., 293 и Grdr., Bd II, T. 1, 273).

в) С суффиксом *-ьje*, ср. др.-русск. **половье** 'половина урожая, разновидность оброка', русск. *пóловь* 'в половинную аренду'; русск. *верхóвье* 'верхнее течение реки', словен. *verhovje* 'вершина'.

г) С суффиксом *-ic-a* предметного значения, ср. словен. *polovíca* 'половина', польск. *połowica*, н.-луж. *polojca* < **polovica* 'половина предмета'; русск. диал. *медовúца* 'сосуд для хранения меду' — арханг. (Подвысоцкий. Сл. обл. арханг. нар., 89); чешск. *volovice* < **volovica* 'шкура вола'.

Многие слова, образованные при помощи других суффиксов, также содержат *-ov-*. Однако в них *-ov-* не всегда отражает старые отношения, поэтому они могут фигурировать только в качестве дополнительных доказательств, как например, следующие образования.

а) Имена прилагательные с суффиксом *-ovit*, получившие большое развитие (особенно в западно-славянских языках и в словенском), ср. ст.-сл. **домовитъ** 'отец, хозяин дома', болг. *домовúт*, словен. *domovit*, чешск. *domovitý* 'хозяйственный', русск. *домовúтый* 'экономный, зажиточный', др.-русск. **домовитъ** 'владелец дома', церк.-сл. **домовитьць** — 'incola'.

б) Имена прилагательные с суффиксом *-ov-*[13], широко распространенным в славянских языках, ср. др.-русск. **домовыи**; **домовок** 'имение, имущество', блр. *домóвый* 'домашний', слвц., чешск. *domový*, польск. *domowy*, болг. *домóвен*, укр. *домóвий*, русск. диал. *домóвая* — *домовня* — *домáха* 'женщина, любящая хозяйство и охотно остающаяся дома, домоседка' (Опыт, 49), *бездомóвый* 'бездомный' (Опыт, 8); др.-русск. **медовыи**, прил. к **медъ**, с.-хорв. *medov* 'medan', чешск. *medový*, польск. *miodowy*, н.-луж. *mjodowy*, блр. *медóвый*, укр. *медóвий*, русск. *медóвый*; болг. *вóлов*, чешск. *volový*, словен. *volov*, полаб. *vuolüöve*, ср. польск. *wołowy*, укр. *волóвий* и др. Особое внимание должно быть уделено словам типа русск. *домовóй*, т. е. образованиям, представляющим имена прилагательные с суффиксом *-ov-*, несущим ударение. Русскому *домовóй* точно соответствует чешск. *domový*, *-ého* 'bouřlivy domáci duch' (Kott, VII, 1233), *domovoj* 'домовой' (Kott, VI. Дополнение, 8). Наряду с *домовóй* в русских диалектах встречается с тем же значением слово *домовик* (Олон. обл. сл., 19) и форма женского рода *домавúлиха*[14] (Миртов. Донской сл., 79), ср. еще укр. *домовúк* 'домовой' и *домовнúк* — то же самое (Грінченко, I—II, 419), блр. *домовúк* 'домовой'. В этом словообразовательном типе *-ov-*, очевидно, отражает древние отношения, ибо перед нами обособленная, единая в семантическом и акцентологическом отношении группа слов.

в) Глагольные отыменные образования с *-ov-*, несомненно, генетически связаны с группой имен существительных со старой *й*-основой. Но ввиду того, что *-ov-* стал очень продуктивным суффиксом в глагольном словообразовании, следует детально анализировать каждый отдельный случай. Отражают, например, старые отношения церк.-сл.

---

[13] На связь этих имен прилагательных с первоначальными основами на *-u-* указывают Ф. Шпехт (см. Specht. Bildung des Femininums, 268) и Ф. Славский (см. SES, I, 155).

[14] См русск. *lešačicha: lešak* из *lêšij* 'Waldgeist', приведенные Миклошичем (см. Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 288).

inslav

домокати 'жить, обитать', и русск. *усыновлять*, *усыновить* 'принимать в семью на правах сына'.

Определенный интерес для внутренней реконструкции представляют образования с суффиксом *-ко-*, ср. церк.-сл. домъкъ, бездомъкъ, сынъкъ, в которых -ъ-, предшествующий суффиксу *-ко*, несомненно, отражает древнюю основообразующую гласную.

IV. Наличие точного соответствия в других индоевропейских языках

Понятно, что наличие точных соответствий во многих индоевропейских языках позволяет установить *й*-основу для данного слова с большей убедительностью, чем наличие примеров из одного или двух индоевропейских языков. Но и это последнее положение является важным аргументом. Ведь во многих случаях этот древнейший материал не дошел до нас. К тому же могли иметь место диалектные различия в индоевропейском праязыке. Привлечение данных индоевропейских языков требует соблюдения следующих условий.

1. Необходимо изучить вопрос исконности рассматриваемых фактов. Заимствованное слово также во многом может способствовать определению древней основы. Вместе с тем между славянскими заимствованиями в других индоевропейских языках и между неславянскими словами, но родственными славянским, есть принципиальная разница.

2. Необходимо подвергать тщательному анализу факты из других индоевропейских языков с точки зрения их относительной хронологии, чтобы избежать смешения древних явлений с более поздними, первичных со вторичными.

3. Нужно, наконец, обратить внимание не только на случаи сходства и совпадения, но и расхождения.

При установлении древней *й*-основы для данного слова вовсе не обязательно одновременное применение всех трех критериев. Качественная сторона здесь существеннее, чем количественная. Могут иметь место случаи, когда достаточно применения одного или двух критериев, чтобы прийти к правильному обоснованному результату. Необходимо при этом исходить из всей системы данного языка. Это следует учесть и по отношению к отдельному слову. Слово необходимо изучать в системе его форм, его производных и вариантов и т. п. Только при этом условии отдельные факты могут получать правильное освещение[15].

В своем изложении мы уделяем первостепенное внимание доказательствам из славянских языков (современных, включая сюда доступные диалектные данные и топонимические материалы, а также старописьменных), а потом только соответствиям из других индоевропейских языков. Такой подход продиктован тем обстоятельством, что родство индоевропейских языков является более отдаленным, чем родство славянских языков, вследствие чего наиболее достоверными являются данные из славянских языков.

Состав праславянских имен существительных с древней *й*-основой. Общепризнанными в славистике, несомненными *й*-основами являются шесть слов: *domъ*, *medъ*, *polъ*, *synъ*, *vьrxъ* и *volъ*; однако перечисленными шестью несомненными случаями праславянских имен существительных с *й*-основой не исчерпывается группа слов, имевших в праславянском языке *й*-основу. А. Шлейхер был совершенно прав, указывая, что «к склонению основ на *-й-* принадлежит

[15] Мы отнюдь не думаем, что изложенные выше критерии являются исчерпывающими, но, исходя из наблюдений и собранного материала, мы считаем их вполне достаточными и удобными в методологическом отношении.

inslav

больше форм, нежели обыкновенно предполагают»[16]. Эту же мысль более точно сформулировал К. Г. Мейер: «Im Urslavischen sind die *ĭ*-Stämme zahlreicher, als sie in den slavischen Einzelsprachen überliefert sind...» — «В праславянском основы на *-ĭ-* более многочисленны, чем они дошли до нас в отдельных славянских языках...» (см.: Meyer. Hist. Gr. d. russ. Spr., 105). Это вытекает и из того обстоятельства, что исчезновение склонения основ на *-ĭ-* как самостоятельного типа склонения началось еще в праславянский период. Поэтому вполне закономерно, что у исследователей помимо шести имен существительных с несомненно исконной *ĭ*-основой приводится целый ряд других имен существительных, отнесенных ими с меньшей или большей вероятностью, а иногда и с несомненностью к древним *ĭ*-основам. По поводу именно этих слов у разных ученых наблюдаются более или менее резкие расхождения в вопросе об их исконной основе. Как замечает Б. Унбегаун (см.: Unbegaun. LR, 80), не найдется и двух исследователей, у которых полностью совпали бы списки слов, относящихся к *ĭ*-основам. В нашей работе — и это является ее главной целью — мы пытаемся при помощи выше изложенных критериев более точно определить место нескольких из этих слов, не являющихся общепризнанными *ĭ*-основами.

Имена существительные, являющиеся продолжениями древних индоевропейских основ на -ĭ-

Среди несомненных имен существительных с *ĭ*-основой в праславянском языке имеются слова, восходящие еще к древним *ĭ*-основам индоевропейского праязыка; наряду с ними там представлены такие имена существительные, которые имеют соответствия только в некоторых индоевропейских языках (балтийских, германских и др.)[17]; наконец, есть слова с древней *ĭ*-основой чисто славянского типа, т. е. без соответствий в других индоевропейских языках. Все эти слова, генетически относящиеся к разным историческим эпохам, по крайней мере в поздний период праславянского языка существовали рядом друг с другом, составляя тем самым ту группу слов, которая характеризовала праславянский тип склонения основ на *-ĭ-*.

Прежде чем исследовать эту группу слов с точки зрения ее состава, рассмотрим коротко вопрос о составе группы имен существительных с *ĭ*-основой предшествующего периода, поскольку не все имена существительные, выступавшие в эпохи, предшествовавшие позднему периоду праславянского языка, как *ĭ*-основы, сохранились на протяжении всей длительной истории праславянского языка: они могли претерпевать разного рода изменения, переходить в другие типы основ. Обратимся к более детальному анализу ряда подобных случаев.

**borĭ-*

Из церк.-сл. **бракъ** 'скотина породы овец и коз, pecus, oves caprae', (Mikl. Lex., 41—42; Вост., I, 56; Срезн. Мат., II, 163); болг. *брав* 'жертвенный баран' (Дювернуа, 142), 'единица (счета) овец, коз, свиней' (МТР, 200); серб. *брâв* род. п. ед. ч. *брâва*: 1) 'глова (единица счета)', 2) 'боров', 3) 'кастрированный баран', диал. 'овца вообще, особенно же баран' (Елезовић. Речн. кос.-мет., I, 57); словен. *brâv* м. р. 'Schafvieh

[16] А. Шлейхер. Склонение основ на *-у-* в славянских языках.—«Записки Императорской Академии Наук», т. XI. СПб., 1867, стр. 2.

[17] Эти индоевропейские языки или группы языков нередко вместе с праславянским образуют определенную изоглоссную область.

inslav

(ohne Rücksicht auf Alter und Geschlecht), Schöps (Pleteršn. Wb.), диал. 'кастрированная свинья', *brâv* ж. р. 'Schafvieh' (BEW, 75); слвц. *brav* 'кастрированный баран' (BEW, 75), *brav(ec)* 'вепрь' (MES, 41); чешск. *brav* 'мелкий скот (овцы, козы, кабаны)' (MES, 41); польск. диал. *browek* 'откормленный кабан' (BEW, 75)[18]; русск. *бóров* 'самец свиньи, кабан, кастрированный для откормления на убой' (Уш., I, 175) 'свиной кладеный самец' (Сл. р. яз., I, 245), 'кладеный кабан, легченый пóрос; кнур, нохрок, хряк' (Даль, I, 115); русск. диал. (вост.-сиб., вят.) *боровáк* 'годовалый теленок, выросток, бычок или яловка' (Даль, I, 115) и др.-русск. **боровъ** 'скотина породы овец и коз, pecus, oves, caprae' (Срезн. Мат., I, 152), по всей вероятности, для раннего праславянского периода восстанавливается праформа **borv-os* < **boru̯-os*.

Прасл. **borv-* 'боров, кастрированное животное' имеет соответствия в германских языках. Ср.: др.-исл. *borgr* м. р. 'кабан' (поэтич.), по мнению де Фриса (см. AnEW, 70), это слово из прасев. **barugaR*, ср. еще совр. норв. швед. диал. *barre* 'баран', швед. диал. *bässe* 'кастрированный баран';

др.-англ. *bearg* м. р. 'кастрированный баран', совр. англ. *barrow* и с аблаутом др.-англ. *ġealt-borg* м. р. 'свинья';

др.-в.-нем., др.-сакс. *bor/u/g*, ср.-в.-нем. *barc/g/*, нем. *Barch* 'кастрированный кабан' (с аблаутом ср.-н.-нем. и н.-нем. *borch* — то же самое), ср.-нидерл. *bar/e/ch*, совр. нидерл. *barg*. В немецком этимологическом словаре Ф. Клуге (см. KEW[17], 51) дается праформа *baruza*, а также сравнение с родственными славянскими словами. На славянские соответствия указывает и Ф. Хольтхаузен.

Сравнение слав. *borvĭ* с др.-в.-нем. *pēr*, *paruc*[19] и альб. *brave* находим уже у Ф. Миклошича (MEW, 19).

Мнение о заимствовании славянского слова из германских языков (см. PBB, Bd 23, 331 и Kiparski. Lehnw., 61) отвергается большинством ученых (см.: Janko. Pravěk, 51; BEW, 75;, TWb, 27; JEW, 135; KEW[17], 51; VEW, 109 и др.). Несомненно, славянские слова, обозначающие борова, кастрированное или мелкое животное, находятся в родственных отношениях с приведенными выше германскими примерами. Они, очевидно, представляют собой общее новообразование этих двух ветвей[20]. Так же, как название свиньи в этих двух группах, оно возникло путем субстантивации имени прилагательного: слав. *svinja* им. прил. *svinъ* < **su̯īnos* (> гот. *swein*). Ср. еще имя прилагательное, обозначающее вещество, материал (Stoffadjektiv) на *-ino*: др.-в.-нем. *swīnīn* 'от свиньи', н.-в.-нем. баварск. *Schweinernes* 'свинина' и русск. *свинúна* (Porzig. Glied., 143).

Э. Бернекер (BEW, 75) предполагает, что герм. **baru-zaz* и слав. **borvo-* могут быть образованиями (Weiterbildungen) от и.-е. *ŭ*-основы **bhoru-*, означающей 'битый', так же, как *kortъ-kъ* (ст.-сл. **кратъкъ**

---

[18] Польск. *braw*, наряду с исконными *nierogacizna* 'Borstenvieh', и *swinia* 'свинья', по мнению И. Голуба и Ф. Копечного (HKES, 76), происходит из моравского. А. Преображенский (ПЭС, 37) почему-то приводит польск. диал. *brawec?* в значении 'откормленный кабан', однако в «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności», t. 12, 87, откуда Е. Бернекер взял это слово, мы находим *browek*. Так и у И. Карловича (Karł. Sł. gw., I, 121),

[19] Есть и другие орфографические варианты, как например, *parug*, *baruc*, *barch*.

[20] О других лексикальных связях, свойственных исключительно этим двум группам, см. Porzig. Glied., 143. Среди шести примеров, приведенных им, две основы на *-ŭ-*: **ǫzostь*, др.-в.-нем. *angust* от основы *angh-u-*; **borъ* 'сосновый лес, сосна', др.-исл. *borr*.

inslav

'короткий') первоначально означало 'урезанный, обрезанный' и относилось к корню *qert- 'резать'. Р. Траутманн (TWb, 27), ссылаясь на К. Бругманна (Grdr., Bd II, T. I, 157—158) исходит из древнего собирательного, относящегося к протослав. *bharu-(*bhoru-?), выступающего в др.-в.-нем. как имя существительное мужского рода: *baruc* 'кастрированный кабан'. Он указывает на сходное соотношение в авест. *pasuka* — имя сущ. м. р. 'отдельное домашнее животное' и *pasu* — собирательное. М. Фасмер (VEW, 108) также предполагает, что праславянское слово происходит от древнего собирательного, относящегося к *й*-основе, которая в германском была распространена через -**ko*-. Это весьма вероятно, так как суффикс -**ko*- в ряде индоевропейских языков присоединяется к именным основам на -*й*- (ср., например, праславянские имена прилагательные типа **saldu-ko-s* см. ниже). Ю. Покорный (PEW, 135) тоже допускает возможность выведения герм. **baru-ha*, -*ga* 'кастрированная свинья' и слав. **borv-ъ* из **bhoru-s* 'кастрированное животное', но германские примеры он рассматривает как возникшие по образцу со словом **farha-z* (др.-в.-нем. **far(a)h* 'свинья', др.-англ. *fearh* 'поросенок' и т. д.).

Итак, сравнение праславянского **borvъ* с родственными германскими словами показывает, что оно может восходить к более ранней основе **boru̯-*, которая содержит и.-е. корень **bhe/or-* 'резать, сверлить, протыкать, скоблить, острым инструментом; обрабатывать, растирать, колоть, бить'.

Вероятно, общее германским и славянским языкам название мелкого кастрированного животного (кастрированного барана, кабана) отражает древнейший способ холощения животных — механическое повреждение семенников отбиванием (см. Schrader. Rl², II, 598 и Janko, Pravěk, 51), разбиванием, растиранием (AnEW, 70). Ср. *о*-ступень корневого вокализма, характерную, между прочим, и для Verba des Schlagens. В этой связи нельзя не упомянуть этимологию праславянского названия для кастрированного быка **volъ* < **volu-* (тоже *й*-основа!): *valjati* 'вертеть, катать', данную Б. Грубором, но забытую в науке. О. Н. Трубачев вернулся к этому объяснению слова *volъ* и убедительно доказал правильность этимологии Грубора (О. Н. Трубачев. Происхождение, 44). Можно привести ряд данных, подтверждающих связь слова *valjati* со словом *volъ*: русск. диал. (новгородск.) *вал* 'вол' (Мат., V, 279 с ссылкой на Дополнения к Обл. сл., 17); (орловск.) *валушо́к* 'кладеный бычок' (Опыт, 20); укр. *полува́л* 'цельная плотная кожа, преимущественно в о л о в а я (разрядка наша. — *Р. Э.*), выделанная преимущественно для подошв' (Грінченко, III—IV, 288); русск. диал. *ва́лу́шить* 'холостить; обыкновенный способ холощения — загонка яиц внутрь' (Караулов, 52). Ср. далее названия кастрированного барана: русск. диал. (курск. *ва́лух* 'кладеный баран', укр. *ва́лах* (Мат., V, 315 с ссылкой на Дополнения к Обл. сл., 17; Караулов, там же).

deru̯-, *dru̯u̯-[21]

И.-е. основа **deru̯-* содержится в прасл. слове **deru̯-o*, засвидетельствованном в ст.-сл. **дрѣво** ср. р. 'Holz, Baum, Stock (Holz des Kreuzes)' — Зогр., Мар., Асс., Син. Псалт., Син. Требн., Сб. Клоца, Пражск.

[21] В нашей статье «К вопросу о составе группы имен существительных с основой на -*й*- в праславянском языке» (см. ВСЯ, вып. 4, стр. 112—114) это слово фигурировало среди имен существительных, которые мы считаем принадлежащими к несомненным случаям праславянских основ на -*й*-. Но, имея в виду его структуру и ряд других особенностей, целесообразнее помещать это слово в разделе, посвященном следам индоевропейских имен существительных на -*й*- (согласного подтипа на -*u̯*-) в праславянском языке.

inslav

глаг. отр., Супр. р. (Sadnik — Aitzetmüller, 22); болг. *дре́во* стар., обл. зап.; *дряво* обл. вост. (МТР, 597); серб. *drljevo* 'Baum, Holz, Schiff'; чак. *drêvo* (TWb, 52), словен. *drévô*, *drèvêsa* 'дерево, обтесанное дерево, плуг', *drévje* собир. 'деревья' (BEW, 186), *dervà* 'кусок дерева' (Murko. Slov.-dtsch., 54); слвц. *drevo* (Jánošík—Jóna, 496); чешск. *dřevo* (MES, 98), стар. *dřêvo* 'arbor, lignum' (BEW, 186); польск. *drzewo* 'arbor, lignum'; в.-луж. *drjewo*, 'lignum, лес'; н.-луж. *drjowo* 'lignum'; полаб. *drévnė* 'деревянный' (Rost. Polab. Spr. r., 124); укр. *де́рево*; русск. *де́рево* 'arbor'. В литовском самое близкое слово, родственное праславянскому **derŭ-o*, **dervà* 'смолистая древесина сосны; смола' (SES, 174; FEW, 90)[22]. И то и другое представляет собой результат тематизации (см. MES, 98) древней индоевропейской основы на *-ŭ-* или *-ŭ-* **der-u-*, которая содержится в др.-сакс. *teru*, др.-англ. *teoru* ср. р., ср.-нем. *ter(e)* 'смола'; ирл. *deruсс* 'желудь' < *deru-g-n* (Pedersen. Vgl. Gr. kelt. Spr., II, 25 и Specht. Ursprr., 216), а также в ряде других соответствий, отличающихся от прасл. **derŭ-o* (< **deru-*) другой огласовкой корневого вокализма, как, например, др.-инд. *dā́ru* 'древесина', *dārunas* 'твердый'; авест. *dāuru* 'древесина' и хетт. *taru* ср. р. 'древесина; дерево как материал' (Friedrich. Heth. Wb., 217). Из других индоевропейских соответствий, отражающих, вероятно, очень древнее состояние (корневой вокализм в полной ступени, нулевую огласовку бывшего основообразующего элемента) можно назвать следующие слова: кимр. *derwen* 'дуб' (согласно TWb, 53, из **derŭā*); галльск. *dervo-* в местном названии *Dervus* 'дубовый лес' (VEW, I, 342) и ирл. *derb* 'наверно, непременно' (BEW, 186). Эти примеры показывают одинаковую с прасл. **derŭ-o* и лит. *dervà* ступени аблаута.

Помимо образований с полной ступенью (с краткой и долгой) корневого вокализма во многих индоевропейских языках, в том числе и в праславянском, встречаются производные того же корня с нулевой ступенью корневого вокализма, т. е. кроме **derŭ-o* в праславянском языке имелось еще **druŭ-o*, **druŭ-ā*. Ср. ст.-сл. **дръва**, ср. р. мн. ч. 'lignum' (Супр. р. ξύλα — VEW, I, 371; Sadnik—Aitzetmüller, 23); болг. *дръво́* 'дерево как растение и как материал', обл. стар. *древо* (МТР, 624); серб. *дрво* 'дерево; древесина'; чак. *drvà* мн. ч. — шток. *дрва* 'дрова' (ср. болг. *дръвá* мн. ч. 'дрова' — VEW, I, 371); словен. *drova* мн. ч. собир. 'дрова' (Murko. Slov.-dtsch., 54), *dŕva* 'полено, полка', *dŕva* (наряду с *drvâ*) мн. ч. 'Holz' (BEW, 232; VEW, I, 371); чешск. *drvo* 'Holz' (VEW, I, 371), *drva*, род. п. *drev* 'дрова' мн. ч. (BEW, 232); польск. *drwa*, род. п. *drew* 'дрова, дерево как материал' (BEW, 232); полаб. *dráva* 'Holz' (Rost. Polab. Spr. r., 381); укр. *дривá*, *дрóва* (Кирич., I, 464) и русск. *дровá* мн. ч. 'Brennholz'.

Самым близким соответствием прасл. **druŭ-o*, **druŭ-ā* является, очевидно, др.-инд. *druváyas* 'деревянный сосуд, деревянный корпус барабана' (BEW, 232). Из других родственных слов с той же огласовкой корневого вокализма ср. др.-инд. *dru* 'Holz'; авест. *dru-* 'Holz', *drvaēna* 'деревянный'[23]; греч. δρῦς 'дерево, дуб', род. п. δρυ(F)ός; ἀκρό-δρυα 'садовые деревья'; алб. *dru* (< **druŭā*, см. Meyer. Alb. Wb., 75 и TWb, 61), ж. р. определ. *druja* наряду с *druri*; гетск. *drŭni* 'lignum, дерево, шест'; нем. *Trog* 'большой, очевидно, первоначально, деревянный сосуд или из одного дерева сделанный' (**dru-ko*, прагерм. *druko*, т. е.

[22] В литовском языке встречается вариант этого слова с другой огласовкой корневого вокализма *darvà*, точно соответствующее лтш. *darva* 'смола'. Ср. далее лит. производные *dervókšnė*, *-is*, *darvókšnė*, *dervókšlis*, *darvókšlis* 'полено, факел'.

[23] М. Фасмер сопоставляет авестийское слово с русск. *дровяно́й* (см. VEW, 371).

inslav

распространение через суффикс *-ko-*; см. еще KEW[17], 793) и лат. *trua*, 'большая ложка, половник' (BEW, 232). Как видно из этих примеров, а также из выше приведенных рефлексов праслав. **druṵo*, **druṵ-ā* в отдельных славянских языках преобладающим и очевидно древним здесь является значение 'дерево как материал', 'lignum', что, вероятно, в праславянском языке привело к дифференциации: **deru̯-o-* 'arbor', **druṵ-o*, **druṵ-a* 'lignum'. Сложность дальнейшего анализа состоит в том, что эта дифференциация затрагивает кроме того категорию числа. В. Махек (MES, 98) констатирует, например, следующее распределение: формы ед. ч. для *arbor* — образованы от **deru̯-o*, формы мн. ч. — от *druṵ-ā*. Это распределение заменило, по мнению Махека, древнее индоевропейское состояние, характеризующееся чередованием форм с полной ступенью корневого вокализма (**dér-u*, **dór-u*) в casus recti, с формами нулевой ступени корневого вокализма в casus obliqui. Как видно, Махек принимает парадигму гетероклитического типа, сохранившуюся в др.-инд. *dā́ru*, род. п. ед. ч. *druṇáh* (см. Petersson. Stud., 244 им. п. **dru-er*, род. п. **dreu̯-en-ês* и т. д.) как исходную и предполагает, что основа «слабых падежных форм» и.-е. **dru-n-* в праславянском преобразовалась в **druv-* > *drъv-*. Однако в каких условиях, по каким законам могло иметь место такое преобразование, и вообще так ли именно развивалось прасл. **druṵ-o*, **druṵ-ā*, остается невыясненным[24].

****golṵ-***

Если прасл. **golṵ-ā* 'голова' (ст.-сл. **глава**, болг. *глава́*, с.-хорв. *гла́ва*, словен. *gláva*, чешск., слвц. *hláva*, польск. *głova*, в.-луж. *hłowa*, н.-луж. *głowa*), имеющее точные — за исключением интонации — соответствия в балтийских языках (ср. лит. *galvà*, лтш. *gal̃va*, др.-прус. *gallū*, *galwo* 'голова, глава') связано с **golъ* 'голый' (PEW, 349, BEW, 323—24)[25], то, вероятно, и в этом случае перед нами слово, которое может восходить к древней основе на *-ŭ-*. Ю. Покорный (PEW, 349) сравнивает с этими славянскими и балтийскими словами др.-в.-нем. *kalo* (**kalṵa-*), *kalwer*, др.-англ. *calu*, др.-в.-нем. *calua* 'calvitium'. Э. Френкель (FEW, 131—132) соотносит с балтийским и славянским примерами армян. *glux* 'голова', которое согласно приведенной им цитате из Педерсена (см. KZ, Bd. 39, 252) имеет праформу **gōlu-kho-*. Таким образом, связь прасл. **golṵ-a* с древней *ŭ*-основой, кажется, вполне вероятна. Как и в случае с и.-е. **medhu-* (resp. *medhṵ-*) в отдельных индоевропейских языках встречаются то формы с *-ŭ-*, то формы с *-ṵ-*.

****korṵ-***

Из церк.-сл. **крава** 'корова' (Срезн. Мат., II, 1310); болг. *кра́ва*; с.-хорв. *кра̏ва*, словен. *kráva*; слвц. *krava* (MES, 233); чешск. *kráva*; в.-луж. *krowa*, *krowa*, н.-луж. *krowa*; полаб. *korvó* (VEW, I, 629—30); польск. *krowa*, кашуб. *krova* (Lorentz. Pom. Wb. 382)[26]; укр., блр. *ко-*

---

[24] Г. А. Ильинский («Остатки склонения. . .» стр. 9—15) пытался прасл. **druv-o* выводить из формы мн. ч. основ на *-ŭ-* **drū-*, к которой присоединилось *-a-* из основ на *-o-* среднего рода. А. Мейе (Meillet. Et., II, 372) выделил из прасл. **drъv-a* какой-то формант **-wā-*, сопоставляя его с *-ū-* (< **wə-w-*) в греч. δρῦς.

[25] В качестве семантических параллелей для 'голый' — 'голова' Э. Бернекер приводит польск. диал. *łys* 'голова, башка' и *łysy* 'лысый' а также др.-в.-нем. *calua* 'calvitium', лат. *calva* и *calus* 'kahl'.

[26] Побочную форму *karva* и относящееся к нему имя прил. *karwṵovĭ* отмеченные Р. Поблоцким, Ф. Лоренц (указ. соч., 336—337) комментирует как несуществующие. а имя прил. *karъĭ*, приведенное Ромультом, он определяет как существующее только в топ. названии *karъω*. Наряду с кашуб. *kωrъĭńc* 'коровий на-

inslav

рóва, русск. *корóва* 'самка крупного рогатого скота, домашнее молочное животное, самка быка' (Уш., I. 1471) и др.-русск. **корова** (Срезн. Мат., II, 1289) восстанавливается праславянское слово **kórv-ā* с акутовой интонацией, соответствующее лит. *kárvė* < **kárvi̯ā*. В старопольском языке (XVI—XVIII вв.) и в некоторых современных северно-польских говорах сохранилось слово *karw* 'старый ленивый вол' (SES, II, 90). Одни ученые выводят его из праформы со ступенью редукции корневого вокализма (см.: PEW, 577), другие склонны считать его одним из немногочисленных примеров нарушения обычной для польского языка метатезы *tart* < **tort*, а не > *trot* (см. SES, 90; HKES, 186). Последнее, очевидно, более вероятно, так как изолированный характер польского диалектного слова согласуется с архаичным фонетическим явлением перехода прасл. **tort* в *tart* на периферии праславянской языковой области. В этом случае весьма вероятно польск. диал. *karw* продолжает прасл. **korvъ*[27] < **koru̯-os*. В древнепрусском языке засвидетельствовано слово *curwis* 'вол', родственное славянским и литовскому словам. Эти слова, по всей вероятности, связаны с древней *ŭ*-основой *koru-* (resp. **kr̥u-*). Тематизация древних атематических основ, в нашем случае *ŭ*-основы, — процесс, наблюдаемый во многих индоевропейских языках. Ср., например, перестройку (путем тематизации) древних гетероклитических основ, находившихся в определенной связи с древними основами на *-i-* и *-ŭ-*, как прасл. **vesn-a* 'весна' (ср. с *n*-основой: др.-инд. *vasan-ta-* 'весна'; а с *r*-основой лит. *vãsara* 'лето, весна', др.-инд. *vásar-* 'ранний' в *vasar-han-*) и др. В нашем случае наблюдается весьма продуктивный в праславянском, а отчасти и в прабалтийском языках способ перевода атематических основ в тип основ на *-ā-*: прасл. *korvā* < *koru̯-ā*; лит. *kárvė* < **karu̯-i̯-ā*. Но есть и другой путь тематизации; ср. прасл. диал. **korvъ* < **koru̯-os*, точно как прасл. **borvъ* 'баран, кастрированное мелкое животное' **boru̯-os*, которое в свою очередь связано с *ŭ*-основой **bor-ŭ-*, засвидетельствованной в некоторых германских языках. Основа на *-ŭ-* (resp. *-u̯-*) от и.-е. корня **k'er-* || *k'or-* || *k'r̥-* 'выситься и т. д.' содержится в ряде названий рогатых животных, ср. лат. *cervus* 'олень', др.-в.-нем. *hirusz*[28], др.-сев. *hjǫrtr* 'олень', кимр. *carw*, корнев. *carow*, бретон. *karo* 'олень' (**kr̥u̯o-s*, согласно мнению Ю. Покорного, — PEW, 576), греч. κεραός < *κεραϝός 'рогатый' и т. д. От этого же корня происходит прасл. **korvā* и прасл. диал. **korvъ*, а также лит. *kárvė* с особым рефлексом начального задненебного звука, отраженного вполне закономерно в названиях диких рогатых животных в этих же языковых группах, ср. лтш. *sirna*, др.-прус. *sirwis*, русск. *сéрна* 'козуля'. Именно это обстоятельство — нарушение звуковых законов в названиях домашних животных (рогатого скота) и закономерные рефлексы начальных средненебных в названиях диких рогатых животных — заставляет рассматривать прасл. **korvā*, *korvъ* и лит. *kárvė* как заимствования, полученные этими языками из области диалектов «кентум», что уже давно предполагал А. Вальде (WEWL², 156) и что впоследствии блестяще доказал

вов, Kuhfladen' он дает побочные формы: *karvińc*, *kārvińc*, *korvińc*, *kórvińc*, *krovińc*, *krwrvińc*, *kuorvińc* (указ. соч., 337). См. еще кашуб. местные названия *kárvjô*, *karvinsće błoto* (BEW, 577).

[27] Славский (SES, 90) предполагает прасл. диал. **korvъ*, относящееся к прасл. **korvā*, как *lisъ* к *lisā*, *sr̥nъ* к *sr̥nā*, а В. Махек (MES, 233) рассматривает прасл. **korvъ*: *korvā* как результаты дифференциации по грамматическому роду.

[28] Ср. греч. κορυδός м. р. 'хохлатый жаворонок' и греч. κόρυς, -υθος 'шлем', а также κόρυπτω 'бью головой, рогами' и лат. *cornū* 'рог', в котором основа на *-ŭ-* стала вторичной, присоединяясь к основе на *-n-*.

inslav

Н. Иокль (см. W. u. S., 12, 68; см. еще: Porzig. Glied., 174 и 210; О. Н. Трубачев. Происхождение, 31—32).

Разные пути тематизации основы **koru-* (**korŭ-*) в праславянском и пралитовском заставляют думать, что именно в таком виде это новообразование перешло в данные языки, т. е., вероятнее всего в виде *ŭ*-основы. Если бы исходным для новообразования являлось образование типа **korŭ-ā*, то трудно было бы объяснить польское и литовское слово. Тематизирующий формант не являлся общим (даже в пределах праславянского языка), что делает возможным предположение о том, что в ранний период праславянского языка словам **korv-ā* и **korv-os* могла предшествовать основа на *-ŭ-*: *koru-*.

* * *

Таким образом, внутри праславянских основ на *-u-* выделяются слова, относящиеся к первому пласту, являются как бы «традиционными» основами на *-ŭ-*, унаследованными более ранними этапами развития языка. Это тип неживой уже в праславянском языке, он показывает, что, начиная с эпохи существования индоевропейского праязыка *-u-* перестало быть основообразующим элементом и, очевидно, приобрело свойство выступать как расширитель, детерминатив.

Слова, относящиеся ко второму пласту, и являются собственно праславянскими *ŭ*-основами. Они представляют собой живой, продуктивный тип. Это лишний раз подчеркивает сложный характер развития основ на *-ŭ-* в разные исторические периоды.

Основы **borŭ-*, **derŭ-* (**druŭ-*), **golŭ-* и **korŭ-* в прасл. **borŭ-os*, **derŭ-o* (**druŭ-ā*), *golŭ-ā* и **korŭ-ā* существенно отличаются от шести несомненных праславянских основ на *-ŭ-* (**domŭ-*, **medŭ-*, **polŭ-*, **sūnŭ-*, **volŭ-*, **vьrxŭ-*) и от пяти праславянских основ на *-ŭ-*, которые мы считаем также принадлежащими к бесспорным случаям праславянских *ŭ*-основ (**be/obrŭ-* (**bьbrŭ-*), **boru-*, **(j)ilŭ-*, **ledu-*, **olŭ-* (см. о них в следующем разделе). В последних двух группах слов основа на *-ŭ-* сохраняется долго, на протяжении почти всей истории праславянского языка, чего нельзя сказать об *ŭ*-основе в словах типа **borŭ-*. В праславянских словах **borŭ-os*, **derŭ-o* (**druŭ-ā*), **golŭ-ā* и **korŭ-ā*[29], элемент *-u-*, хотя уже не выступает в качестве словообразующего, но по происхождению является, однако, несомненным отражением бывшего основообразующего элемента очень древних индоевропейских *ŭ*-основ: **borŭ-*, **derŭ-*, **golŭ-*, **korŭ-*. Особенностью этих основ является сочетание полной ступени корневого вокализма *e//o* с нулевой огласовкой бывшего основообразующего элемента, Наблюдаемая здесь закономерность, отражающая гармонию отдельных частей индоевропейского слова, корня и аффиксальных элементов, указывает на очень большую древность данных образований. Если бы в ранний период праславянского языка эти основы оканчивались звуком *-u-*, то тогда, когда начинала действовать тенденция открытых слогов, здесь не сложились бы условия для развития сочетаний **tort*, **tert*, как известно, давших разные результаты в различных диалектных группах праславянской языковой области, и такая основа как, например, **borŭ-* 'боров' имела бы тождественные основе **boru-* 'бор, сосна' отражения в отдельных славянских языках. Таким образом, если для раннего периода праславянского языка и можно предполагать существо-

[29] Очевидно, в праславянском языке кроме этих четырех имелись еще другие слова, восходящие подобно им к древним индоевропейским *ŭ*-основам (см. выше).

inslav

вание какое-то время (возможно, до того момента, когда такого рода основы как *borŭ-os тематизировались) основ на -ŭ-, то для позднего периода праславянского языка отнесение их к ŭ-основам совершенно исключается.

К раннему периоду праславянского языка восходят еще, по всей вероятности, образования, представляющие расширения древних основ на -ŭ- суффиксами *-ko-, *-ko-(s). Из числа имен существительных мы можем привести лишь один, очевидно, весьма древний пример — прасл. *ablъ-ko < *āblu-ko 'яблоко'; среди же праславянских имен прилагательных имеется целая группа сходных образований (см. гл. II, разд. 2.).

Прасл. *ablъ-ko 'яблоко' (ср. болг. áбълка, я́бълка, с.-хорв. jȁbuka, jȁbuko, словен. jábołko, чешск. jablko, др.-чешск. jablo, слвц. jablko, в.-луж. jabłoko, н.-луж. jabłuko, полаб. jobkŭ, польск. jabłko, русск. я́блоко, др.-русск. ꙗблъко, церк.-сл. ѧблъко (Вост., 1, 9) восходит, очевидно, к основе на -ŭ- *ablŭ- + суффикс *-ko- (см. Meillet. Ét., 335, TWb, 2; HKES, 148; SES, 479—480; VEW, III, 476—477), А. Вайян (см. Vaillant. Gr. comp., t. II. part. 1, 114, 169) рассматривает славянское ablŭko как имя существительное среднего рода подобно *medu, *olu.

Как показывают соответствия праславянскому языку в балтийских языках (лит. óbuolas, obuo ỹs, лтш. âbuôls, др.-прусс. woble), древнейшей для этого слова нужно считать основу на -l- (см. PEW, 2). От нее была образована ŭ-основа, распространенная в германских (ср.-др.-в.-нем. apful; гот. (крымск.) apel; др.-англ. æppel < *aplu-), кельтских (ср.др.-ирл. ubull < ablu-) и праславянском языках[30]. По мнению В. Порцига (Porzig. Glied., 197), ŭ-основа была заимствована праславянским языком из этих «западных» индоевропейских языков. Независимо от того, считать ли праславянскую основу *ablu- заимствованной или исконной, мы все же должны предположить, имея в виду праславянские имена прилагательные с основой на -ŭ-, расширенной суффиксом *-ko(s)-, что в очень ранний период истории праславянского языка к основе *ablu- был присоединен суффикс *-ko-.

Имена существительные, причисляемые нами к несомненным случаям основ на -ŭ-

ве/овгŭ-, *въвгŭ-

Древнее общеиндоевропейское название млекопитающего из грызунов (castor fiber) *bhe/o-bhr-u- и *bhi-bhr-u- было образовано путем неполного удвоения индоевропейского корня *bher-, обозначавшего светло-коричневый, коричневый цвет и, возможно, выступавшего еще в значении 'блестящий' (см. KEW[17], 97 и Persson. Stud. Wz., 18), В праславянском языке засвидетельствована как ступень -e/o- этого образования, так и ступень редукции: *bobr-u-[31], *bebr-u- и *bьbr-u-[32].

Первый из этих вариантов представлен болг. книжн. бобър; ст.-серб. bȍbr (Rječn., I, 466; SES, I, 40); словен. bobər (Pleteršn. Wb., 36: bóber, -bra); чешск. bobr; слвц. bobor, -bra; в.-луж. bobr; н.-луж. bober, bobɛr;

[30] Сюда относят еще (лат. или иллир.?) название города в Кампании, который славился своими яблоками, — Abella. Как видно. слово распределено по западному индоевропейскому ареалу, с которым, как известно, славянскую и балтийскую языковые области связывали определенные отношения.

[31] Э. Бернекер (BEW, 47) сравнивает bobrъ с -o- в первой части удвоения со словами слав. gogolь 'Anas clangula', др.-прусск. gagalis 'гагара'.

[32] На все три ступени указывает Ф. Миклошич (MEW, 8).

inslav

полаб. топ. назв. *Brobra* и *Brobraken* (у реки Эльбы), *Bröbberow* в Мекленбурге; слав. назв. озер *Bobereckensee* около Rheinsberg, *Boberowsee*, в области Пригниц (Rost. Polab. Spr. r., 190); польск. *bóbr*; кашуб. (редк.) *b*ᵘ*obăr*, *-bra* (Lorentz. Pom. Wb., 67); укр. *бібр*, род. п. *бобрá* (у Грінченко, I—II, 77—78: *бобéр*, *-брá*); русск. *бобр*, *бобёр*, род. п. *бобрá* и др.-русск. **бобръ**.

Второй вариант представлен болг. *бéбер*, ст.-болг. **бебръ** (MEP, 20); словен. *beber*, *bréber* (Pleteršn. Wb., 15, 54); слвц. назв. реки *Bebrava* (MES, 36); в.-луж. *bĕbr*; слав. топ. назв. *Bibra* (по старым документам *Bebra*) в Саксонии, *Bebrow* (старое *Bebroa*) около Косег (Rost. Polab. Spr. r., 190); польск. назв. реки *Biebrza* (Br. Sł., 32) и топ. назв. *Biebern* (Chojn., 18); укр. устар. редк. *бебря́ний* (Кирич., I, 39), др.-русск. **бебрянъ**, 'бобровый' («Слово о полку Игореве»: *бебрянъ рукавъ*), русск. назв. реки *Бебря* — правый приток Вязьмы (VEW, I, 67), а также др.-русск. фамилиями *Беберинъ* и *Бебревъ* (Туп., 476) и русск. топ. назв. *Беберово* — деревня при речке Норнеге (Сп. нас. м., XVIII, 130). Нужно признать справедливым мнение Ф. П. Филина (Филин. Лекс., 262), считающего форму *бебр* для русского языка исконной, а не заимствованной, книжной; он ссылается при этом на следующее замечание И. И. Срезневского (см. Срезн. Мат., I, 47): «До сих пор так (**бебръ**, — *Р. Э.*) называется бобр в галицко-русском наречии в Коломийском уезде и в Мармороше». И для других славянских языков вариант с *е* выделяется без всяких сомнений (см.: Brückner. 215 и KZ, Bd. 48, 123).

Третий вариант (**bьbr-*) характерен исключительно для южнославянской языковой области. Ср. ст.-болг. **бьбръ** (MEP, 20), болг. диал. *бъбър* (MTP, 114) и с.-хорв. *дäбар* (< **babar* < *bьbrъ*). Установление варианта **bьbrъ* необходимо, так как с.-хорв. *дäбар* объяснимо только исходя из него. Древнейшими старославянскими памятниками рассматриваемое слово, очевидно, случайно не засвидетельствовано. В словарях В. Востокова и Л. Садника и Р. Айцетмюллера оно отсутствует.

Основа праславянского слова (со всеми своими вариантами) мало изучена. Авторы этимологических словарей и других лингвистических работ обычно ограничиваются установлением индоевропейской праформы, которая, по мнению одних, имеет вид *ŭ*-основы: **bhe-bhr-u-*, **bhi-bhr-u-* (Fick. Vgl. Wb., III, 419; Brugmann. KVG, 152; WEWL², 287; ПЭС, 32; VEW, I, 97), а, по мнению других, может быть реконструирована и как *ŭ*-основа, и как *ŏ*-основа: **bhe-bhru-s*, **bhe-bhro-s* (Ernout — Meillet³, I, 412, TWb 28; PEW, 136) и наконец, третьи указывают, что встречаются основы на *-ŭ-*, *-i-* и *-ŏ-* (Meyer. Zur Gesch., 54; Specht. Urspr., 38). При этом часто остается невыясненным, какие именно основы, для какого периода развития языка и в каких индоевропейских языках (или диалектальных групп) можно установить. Во многих этимологических словарях отдельных славянских языков вовсе не дается определения основы данного слова (см. MEP, 20; Br. Sł., 32—33; HKES, 72; MES, 36; SES, 40; FEW, 38). С другой стороны, еще Г. Мейером (Meyer. Zur Gesch., 54) слово *bobrŭ* было отнесено наряду с авест. *bawra-nām*, род. п. мн. ч. 'бобров' и лат. *fiber* к группе основ на *-a-*, т. е. на и.-е. **-ŏ-*. А. Мейе тоже рассматривает славянское слово в разделе «имена существительные, характеризующиеся элементом *-e/o-*» (Meillet. Et., II, 230). Признавая *-u-* в др.-инд. *bábhrú-* древним, он считает, что слово *castor* скорее всего имеет *-ŏ-* основу (Meillet — Ernout, I, 412). И. Ф. Шпехт утверждает (Specht. Urspr., 38), что в лит. *bẽbras*, *dãbras*, слав. **bobrъ* (русск. *бобр* и т. д.). корнев. *befer* (< **bebro-*); авест. *bawra* и лат. *fiber* уже проникла *-ŏ-*

inslav

основа в отличие от ŭ-основы в др.-в.-нем. *bibar*, др.-сакс. *beofor* (**bebru-*), др.-прусск. *bebrus*, лит. *bebrùs*, и от *i*-основы в авест. *bawri*. Таким образом, ŏ-основу в славянских (и в некоторых других) языках следует рассматривать как вторичную, что при широком переходе ŭ-основ в ŏ-основы в различных индоевропейских языках, в том числе и в славянском, не вызывает сомнения. Однако, на вопросы, что предшествовало ŏ-основе данного слова в праславянском языке и имеются ли следы ŭ-основы в славянских языках, не дается никакого ответа. Только у Э. Бернекера (BEW, 47) — насколько нам известно — находим предположение о том, что рассматриваемое слово, очевидно, имело первоначально ŭ-основу. Правильность высказанного положения подтверждается многочисленными фактами.

Чистая основа этого слова сохранилась в названии города Могилевской области Белорусской ССР — *Бобруйск* < **bobru* + суффикс прилагательного *-jь-sk-*. В местных названиях суффикс прилагательного *-sk-* является продуктивным. Согласно БСЭ [2], т. V, 329, «*Бобруйск* получил свое название по имени проходящей в западной части города реки *Бобруйки*, где, по преданию, водились бобры». Суффикс *-к-* в старом названии реки (*Бобруйка* < *bobru-jь-k-a* — приток р. Ольсы — см. Машт. Днепр., 102) был в названии города заменен суффиксом *-sk-*. В именительном падеже в древне-русском языке имелась форма *Bobrujьskъ*, что отражено после падения редуцированных в слабой позиции в др.-русск. **Бобрꙋескъ**. Позже произошло, очевидно, уравнивание формы именительного падежа по формам косвенных падежей, в которых редуцированный, следующий за *-j-*, находился в слабой позиции (ср. происхождение совр. назв. *Смоленск*).

Этимологическая связь этого названия со словом *бобр* подтверждается «Словарем географических названий» М. С. Боднарского: «Бобруйск лежит в лесной местности, которая прежде была богата бобрами». Город Бобруйск расположен на берегу реки Березины. Ср. еще укр. *Вобруйськ*, *бобруйський* (Кирич., I, 76). И. Шейн (см. Записки ИАН, т. XXII, кн. 2, 8) приводит слова: *Бобруянин*, *-янка* 'житель, -ница города или уезда Бобруйска'.

Основу на *-ov-* с различными суффиксами находим в следующих примерах: *bobrov* + *-in-a*: русск. *боброви́на* 'мясо бобра', чешск. *bobrovina* — то же (Jungmann, I, 147), с.-хорв. *bobrovina* — то же; словен. *bobrovína* или *bebrovina* 'мясо бобра; шкура бобра' (Pleteršn. Wb, I, 37); *bobrov-* + *-ьc-*: русск. топ. *Бобровец* — а) название деревни при реке Садве (Сп. нас. м., XLIII, 126), б) название деревни при оз. Глухом (там же, XXXIV, 177), *Бобровцево* — название деревни в местности, где много речек (там же, XXXIV, 481); *Бобрывец* — название деревни при р. Беседке (там же, XL, 340); здесь *-ы-* появилось, вероятно, вследствие контаминации названий *Бобровец* и *Бобры*; чешск. топ. *Bobrovec*, *-vce-* — местное название в Уграх (Kott, V, 1019); с.-хорв. имя собственное *Bobrovac* (Mikl. Bildg. ON, 15);

bobrov- + *ik-*, а также *-ic* + (*a*): русск. топ. *Бобровица* — а) название деревни (Волост., VI, 256), б) название реки (там же); укр. топ. *Бобровица* — а) название хутора (Сп. нас. м., XXXIII, 199), б) название реки (там же); чешск. топ. *Bobrovice* (MJČ, I, 105). Ср. еще русск. топ. *Бобровичь* (*Бобровец*) < **bobrovik* — (Сп. нас. м., XXXIV, 398) и *Бобровичи* (Сп. нас. м., XL, 436);

bobrov- + *-isk-o*: чешск. *bobrovisko* 'болотистое место, где летом живут бобры' (Kott, V, 1019);

bobrovьn- (основа имени прилагательного): а) с суффиксом *-jь-* + *-a*: польск. *bobrownia* 'бобровый гон, бобровое гнездо'; чешск. *bobrovna*

inslav

'жилище бобра' (Jungmann, I, 147); б) с суффиксом *-ik-*: русск. стар. *бобровник* 'ловец бобров' (Даль, I, 101); русск, топ. *Бобровник* (Сп. нас. м., XXXIV, 38 и 305); чешск. *bobrovnik* 'охотник на бобров' (Jungmann, I, 147); чешск. топ. *Bobrovniky* — деревня в бывшей прусской Силезии (Kott, V, 1019); польск. *bobrownik* 'ловец бобров, охотник на бобров' (Linde, I, 132); польск. топ. *Bobrownici* (Kühnel. Sl. ON. u. FN, 44/11); *bobrovit-* чешск. *bobrovitý* 'бобpоподобный, biberartig' (Jungmann, I, 148), словен. *bobrovit* 'бобpоподобный'.

Наконец, ср. еще два глагольных образования чешск. *bobrovati* 'в воде, болоте ходить по колено, спотыкаться' (Jungmann, I, 148), 'шлепать, как бобр' (Kott, I, 75): польск. *bobrować* то же, что и чешск. (Sł. j. p., I, 179) 'ходить по воде, по грязи, как бобр; бродить'; ср. еще моравск. *bobrovat* 'вниз падать, бродить' (Bartoš, 20).

Данные из памятников древней славянской письменности. 1. Др.-русск. *Бобруескъ* — название города, *Кузьма Бобруенко*, (Туп., 480). Ср. еще др.-русск. имя *Бобренко* (там же). 2. Др. — русск. **бобровина** 'бобровина, мясо бобра', **бобровок** 'обязанность ловить бобров' (Срезн. Мат., I, 124—125); др.-польск. *bobrowe* 'tributum ant servitus a fibris dicta'. Далее ср. др.-русск. **бобровьникъ** 'ловец бобров'; др.-польск. *bobrounici*, *bobrovnici* (Sł. st. p., I, 117); др.-чешск. *bowrownici* (Geb. Sl. st. č., I); ст.-укр. *бобровник* 'ловец бобров'. Ср. еще ст.-укр. *бобровництво* (Полоцкое) 'бобровые гоны', *бобровщина* 'плата, подарок за право ловить бобров' (Тимченко, I, 108). Далее ср. др.-польск. *bobrownicze* 'род дани' (Sł. st. p., I, 117); др.-русск. имена *Бобровниковъ*, *Бобров* (Туп., 480).

Форма род. мн. на *-ov-* встречается несколько раз. Приводим самый ранний пример: **бобровъ** (Срезн. Мат., I, 125). Форма род ед. на *-u* засвидетельствована в древнепольском языке с 1461 г. *bobru* (Sł. st. p., I, 136).

Данные из других индоевропейских языков представлены очень широко.

Факты балтийских языков. В литовском языке для названия castor fiber имеются многочисленные варианты. Это, во-первых, варианты, отличающиеся чередованием *-e-//-o-* в первом слоге редуплицированного корня: с одной стороны, находим *bẽbras*, *bẽbras*, *bẽbrus bebrùs*, *dẽbras*, *dẽbras*, *debrùs*[33], *bèbras*, *vẽbras*, *vebrùs* и *bèbrius*, с другой стороны, — *bãbras*, *babrùs*, *babrius*[34], *dãbras*. Во-вторых, имеются варианты, различаемые по начальному согласному звуку: наряду с многочисленными вариантами с начальным *b* встречаются (редко) *dẽbras*, *debrùs*, *dãbras* (ср. с.-хорв. *дȁбар* < **babar* < **bьbr-*), *vẽbras* и *vebrùs* — слова с начальными *d-*, *v-*, развившимися в результате диссимиляции. Наконец, наблюдаются разные варианты основы. Наиболее архаическими из них, как ниже будет убедительно доказано, являются *ŭ*-основы: *bebrùs* (Širv. Dict., 16), *bebraus pautai* 'яички бобра' (Ruhig. Wb., 73 и LKŽ, I, 575), *bèbrùs* и *bẽbrus*, различающиеся по акцентологическим классам (*bẽbraus pautai* и *bèbraũs plaukai* 'шерсть бобра' — Kurschat. Dtsch.-lit. Wb. I, 238; LKŽ, I, 575), *debrùs* Kurschat, там же; LKŽ, II, 239) и *babrus* (из польско-литовского словаря и других произведений Дионизаса Пошки 1760—1831; LKŽ, I, 412). Наряду с *ŭ*-основами засвидетельствованы основы на *-ju-*, очевидно,

[33] Форма *debrùs* отмечена в LKŽ (см. II, 239) с ссылкой на Ф. Куршата и дана Э. Френкелем (FEW, 38).

[34] Слово *babrius* 'бобр' является заимствованием из славянских языков (LKŽ, I, 787).

inslav

локального и более позднего характера: *babrius* (LKŽ, I, 442) и *bèbrius* (в округе г. Kapsukas и в Sasnava, — LKŽ, I, 575).

В связи с переходом *ŭ*-основ в основы на *-ŏ-*, наблюдаемом в целом ряде индоевропейских языков, в том числе и в литовском языке, наиболее распространенной является *ŏ*-основа: *bẽbras*, имеющая варианты *bèbras* (в районах Kalvarija и Kapsukas), *bẽbras* (LKŽ, I, 575), а также *bãbras*, *vebras* (LKŽ, I, 442), *dẽbras* (LKŽ, II, 239) и *dabras* (Sereiskis, 115).

Доказательством того, что основы на *-ŭ-* являются самыми древними и первоначальными[35], может служить богатый материал из области топонимии и гидронимии. Ср. лит. топ. *Bebrùviete* — название старого имения недалеко от города Ragnit. Пример взят из «Немецкого словаря» Гримма[36], где он дан еще в старом орфографическом виде и с немецким переводом *bebruwẽte* 'biberstätte', т. е. 'бобровое место'. *Bebrùviete* состоит из *bebru-* + *vietė*. В первой части сложения обнаруживается чистая основа. Более поздним образованием является слово *bebravietė* 'бобровое место', уже не выступающее как местное название (LKŽ, I, 575). Вторая часть сложения образована от слова *vietà* 'место', ср. еще *turgãvietė* 'место рынка', *ugniãvietė* 'место огня' и т. п.

Название реки в районе Šeduva *Bẽbrujis* и деревни *Bebrùjai* в этом же районе свидетельствуют так же о древней *ŭ*-основе. Эти слова образованы путем присоединения суффикса *-ja-* к основе на *-ŭ-* **Bebru-jis*, **Bebru-jai*[37], ср. *bẽbrus*. Аналогичный способ образования находим в названии реки *Medujà* в районе Stakliškis: **Medu-ja*: *medùs* 'мед'. Таким же образом разложим суффикс *-ūna-* в имени собственном *Bebrūnai*: *-ū-* (удлиненный *-ū-* первичной *ŭ*-основы) + *-na* (см. LKŽD, 280). По мнению П. Скарджюса, название *Babrungas* 'устье, впадение реки Mìnija', возводимое к **babru-ng(as)*, в котором **babru-* сравнивается с *babru-s*, *bebru-s* 'бобр'. Суффиксальные комплексы *-anga-*, *-unga-*, *-inga-* он выводит из сочетаний основообразующих звуков *-a-*, *-u-*, *-i-* с суффиксальной группой *-ng-* (см. еще Specht. Urspr., 213 и Gerullis. Apr. ON, 247). Г. Геруллис сравнивает лит. гидроним *Dubingà* и лит. *dubùs* 'глубокий', лит. топ. *Medingėnai* и лит. *mẽdis* 'дерево', лит. гидроним *Bebrungas* и лит. *bẽbrus* 'бобр' и заключает, что первоначально суффиксом в балтийском, очевидно, было сочетание *-ng-*, которое впоследствии соединилось с конечным звуком основы в *-ang-*, *-ing-*, *-ung-* и т. д. Имея в виду другие однотипные образования в слове **babruñga*, следовало бы ожидать циркумфлексную интонацию. Краткую интонацию в *Babrùnga* П. Скарджюс объясняет воздействием аналогии (см. LKŽD, 105—106).

В названии озера в районе Jieznas *Bebrūkas* выделяется суффикс *-ūka*[38] (реже *-ŭka-*), имеющий распространение прежде всего в жемайтской области. Название озера около Trãkai *Babrùkas* (LP, I, 209), а также топонимические названия *Bebruliškė* и *Bebrutiškiai* (Onom. rocz., II, 1, 38) представляют собой, очевидно, уменьшительные обра-

---

[35] П. Арумаа, сравнивая лит. *bẽbras*/*bebrùs* с др.-прусск. *bebrus* и др.-инд. *babhrú*, утверждает, что *ŭ*-основа древнее, чем основа на *-ŏ-*. (Arumaa. Sur l'hist., 31).

[36] J. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd I. Leipzig, 1854.

[37] Правда, Я. Отрембский выделяет в этих словах суффиксальные комплексы *-ujis-*, *-uja* (см. LP, I, 210). Г. Геруллис отмечает, что лит. *-ùj-* соответствует прусск. *-oj-*, вследствие чего, по его мнению, нужно восстановить не только балт. *-ūj-*, как предполагает Лескин (см. Leskien. Bildg. Nom., 340), но и балт. *-uj-* (см. Gerullis. Apr. ON, 248). Однако в латышском *-uj-* отсутствует.

[38] Как утверждает П. Скарджюс (см. LKŽD, 140), этот суффикс состоит из *-ū-* (или *-ŭ-*) от основ на *-ū-*(*-ŭ-*) и из суффикса *-ka-* (см. еще LP, II, 212).

inslav

зования, причем последние два слова еще распространены суффиксом имени прилагательного — *-išk* (*-as*, *-ė*). *Bebrusaĩ-*, *-ų*[39] — название озера в районе Utena — (см. LKRŽ, 388) является, вероятно, образованием с суффиксом *-sa-*; ср. суффикс *-asa-* в названии озера *Čẽdasas* (см. LKŽD, 311).

2. Латыш. *bębrs* возможно из **bebrus* 'бобр'. Есть еще вариант — *bebris* 'бобр' (Mühlenbach—Endzelin, I, 276).

3. Др.-прусск. *bebrus* 'бобр' (см. Trautmann. Apr. Sprd., 239, 310). Р. Траутманн рассматривает древне-прусское слово как *ŭ*-основу, которая лучше всего сохранилась в Эльбингском словаре. Древнепрусское название бобра еще отражено в топонимических названиях *Bebirlauken* (Gerullis. Apr. ON, 18), *Babyrnich*, *Bebernic*, *Bebirnik* и в названии реки *Bewer*, *Bybir*, *Bebir*, *Bebra*, *Bober* (там же, 20). По мнению Г. Геруллиса, формы *Bewer*, *Bybir* являются германизированными, ср. ср.-н.-нем. *bever*, ср.-в.-нем. *biber*, а форма *Bober* возникла под влиянием польского языка (ср. польск. *bobr*).

Факты германских языков. Для прагерманского языка ряд исследователей (KEW[17], 17, 73; PEW, 136; Specht. Urspr., 38) восстанавливает *ŭ*-основу **beđru-* (восходит к индоевропейской *ŭ*-основе **bebhrŭ-*), извлекая эту праформу из. др.-в.-нем. *bibar*, др.-сакс. *bibar*, ср.-в.-нем. *biber*, ср.-н.-нем., ср.-нидерл., нидерл. *bever*, др.-англ. *be(o)for* 'бобр'; др.-исл. *bjórr* 'бобр, шкура бобра', н.-исл. *bjór*, фарэрск. *bævur* 'бобровая струя', 'castoreum', норв. диал. *bjór*, швед. диал. *bjur*, др.-датск. *biævær*, *biauær* 'бобр'. Весьма характерно то обстоятельство, что скандинависты др.-исл. *bjórr* возводят непосредственно только к **beđur-r* или **beđ-uraR* (см. Holthausen. Awestn. EW, 17; AnEW, 40 и 294), а А. Иогансон возводит др.-датск. *biæver* к **bjafurr* (см. JEW, 40), ср. еще и фарэрск. слово. Таким образом, мы имеем здесь вместо *-ru-* сочетание *-ur-* — явление, встречающееся и в других случаях, когда *-u-*, характерное для основ на *-ŭ-*, присоединяется к образованиям на *-r-*. Ф. Шпехт утверждает, что др.-англ. *beofor* происходит из **bebru-* (см. Specht. Urspr., 38 и 188).

Данные из индоиранских языков. 1. Еще Я. и В. Гримм в своем «Немецком словаре» (Bd. I, стр. 1806) высказали предположение, правда, еще в форме вопроса, что нем. *Biber*, лит. *bebrùs* и русск. *бобр* связаны с др.-инд. названием ихневмона *babhru-*. Это предположение оказалось правильным. Оно принимается всеми лингвистами. Др.-инд. слово *babhru-* означает 'коричневый, рыжеватый (цвет)', когда оно выступает в качестве имени прилагательного, а в функции имени существительного мужского рода, оно имеет значение 'большой ихневмон', собственно 'коричневое (животное)', отражая не только очень древнюю семантику, но и древнюю основу. Основа на *-ŭ-* содержится и в ряде производных от этого слова, ср. др.-инд. *babhru-ś-á*, *babhlu-ś-á* 'коричнéватый цвет' и *bábhru-ka* 'вид ихневмона'. Ф. Шпехт (Specht. Urspr., 187, 202 и 247) эти образования рассматривает как расширенные через *-k-* имена прилагательные (первые два названные слова) и как название животного, распространенное звуком *-k-*.

2. В древнеиранских языках наряду с *ŭ*-основой — ср. авест. *Bābirav* — название города 'Вавилон', страны 'Вавилония', *bābiruviya* 'вавилонский, вавилонянин' (Barth. Airan. Wb., 954); др.-перс. *Babirauv*[40] —

---

[39] Ср. еще одно название озера в районе Lazdijai — *Babrų ẽžeras* (LKRŽ, 387).

[40] А. Лескин (там же) сравнивает эту форму с формой мест. п. ед. ч. слав. *synu*, что, по его мнению, восходит к балто-слав. **sūnau*, а также с др.-инд.

inslav

мест. п. ед. ч. выше приведенного названия (Leskien. Die Decl., 48) — встречается основа на *-ŏ-* (авест. *bawra* м. р. 'бобр' и т. д.) и основа на *-i-* (авест. *bawri* — см. Meyer. Zur Gesch., 136; PEW, 136; Specht. Urspr., 38 и 188).

Факты кельтских языков. Ю. Покорный (см. PEW, 136) предполагает основы **bibros*, **bibrus* в галльском топонимическом названии и названии реки *Bibracte*, др.-бретон. названии народности *Bibroci*, ср.-ирл. этническом названии *Bibraige* (**bibru*, — *rīgion*), а также в ср.-ирл. имени собственном *Bibar* (**Bibrus*) наряду с **bebros* в некоторых галльских названиях рек. Возможно след древней *ŭ*-основы содержится еще в кельтском топонимическом названии *Bibrusi* (Holder. Acelt. Sprachsch., III, 860).

В латинском языке засвидетельствовано два варианта: *fiber* и *feber* (см. WEWL², 287—288). А Мейе и А. Эрну (Ernout—Meillet ², I, 412) допускает возможность, что оба варианта могут быть древними, и уже А. Вальде (WEWL ²,287—288) дает в качестве исходных индоевропейских праформ **bhe-bhr-u-* и **bhi-bhru-*. Основа в этих вариантах везде *-ŏ-* (см. Ernout—Meillet ², I, 412 и Persson. Stud. Wz., 205).

На историю значения рассматриваемого слова проливает свет целый ряд случаев, когда корень выступает в неудвоенном виде в названиях животных коричневого, бурого цвета. Это, с одной стороны, названия сравнительно маленьких животных, живущих в воде — бобра, выдры. Ср. кроме вышерассмотренных названий для castor fiber еще шотландск. *brūni*—название для выдры (AnEW, 61) или живущих в сырой местности, греч. φρῦνη 'жаба' ж. р., φρῦνος < **bhrŭ-* с тем же *-n-*, что и в приведенном выше *brūni*. С другой стороны, образованиями от корня **bher-* заменилось запретное название[41] для крупного животного с коричневой шкурой — *ursus*: нем. *Bär*, др.-в.-нем. *bëro*, др.-англ. *bēre* и т. д.[42], которые указывают на прагерманскую основу **beran-*. От этой основы в скандинавских языках находим вторичную *ŭ*-основу **bernu-* в др.-исл. *bjǫrn*[43], датск. *bjørn*, швед. *björn* 'медведь'. Сравните еще др.-инд. *bhallaḥ*, *bhallakaḥ*, *bhallŭka-ḥ* со значением 'медведь', в которых *-ll* < *-rl-*. Это, очевидно, тоже табуистическое название наряду с *ṛkša-ḥ* 'медведь'.

Собственно исходное для всех этих названий слово, обозначающее цвет ('бурый, коричневый, рыжеватый, светлокоричневый') сохранилось в нем. *braun*, др.-в.-нем., др.-сакс., др.-англ. *brūn*, др.-исл. *brúnn* и т. д., а также в лит. *bẽras*, 'гнедой (о лошадях), темно-рыжий, коричневый', лтш. *bẽrs* — то же самое, русск. церк.-сл. **бронъ**, 'белый, пестрый (о лошадях)', польск, диал. *brony* 'коричневый' *bron(n)y szymliczek* 'Apfelschimmel' (FEW, 17) и др.

---

sūnđu, объясняя конечное *-v* в авестийском примере как орфографическую особенность.

[41] Ср. другие способы избежания прямого названия: прасл. **medu-* + *-ēd-* русск. *медведь* и т. д. 'поедающий мед' или кимр. *melfochyn* 'медовая свинья', 'Honigschwein'.

[42] Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в немецком животном эпосе медведь называется *Braun*, т. е. 'коричневый', в нидерландском *Bruin* (KEW ¹⁷, 50—51).

[43] Ю. Покорный (PEW, 136) предполагает, что *-u-* в **bhernu-* (= др.-исл. *bjǫrn*) происходит также, как *ŭ* в др.-инд *bhallŭka-ḥ*, в котором *-ll* < *-rl-*, из основы **bher-u-*. Иными словами мы имеем здесь перенесение основообразующего звука из первичного образования во вторичное, что в *ŭ*-основах иногда наблюдается.

inslav

borŭ-

Праславянское слово *borъ (< *boru-) имело, очевидно, два значения:

1) сосновый 'лес': ср. др.-русск. **боръ**, **бъръ** 'сосна, сосновый лес' (Срезн. Мат., I, 154), русск. *бор* 'большой густой хвойный лес'[44] (Ушт., I, 174); укр. *бір*, род. п. ед. ч. *бóру* 'лес, хвойный лес' (BEW, 76), 'сосновый лес' (Ізюмов, Р.-укр. сл., 37—38); укр. диал. (Черн. губ.) *бу̂р* (Мат., III, 12); польск. *bór*, род. п. ед. ч. *boru* 'лес', первоначально 'сосновый лес' (SES, I, 40); кашуб, *bʷór*, род. п. ед. ч. *bʷoru* 'лес, бор', особенно 'сосновый бор' (Lorentz. Pom. Wb., 71); в.-луж. (старое) *bór* 'сосновый лес' (BEW, 76); чешск. *bor* 'сосновый бор' (BEW, 76), старое 'лес';

2) 'сосна' 'Pinus sylvestris': ср. русск. церк.-сл. **боръ** 'сосна'[45]; болг. *бор*[46] 'сосна, ель, мачта' (Дювернуа, 137), Pinus sylvestris'[47] (МТР, 194); серб. *бо̏р*, *бо̏ра* 'сосна', 'Föhre, Kiefer'; словен. *bôr* 'сосна' (Murko. Dtsch.-slov., 22,—Weiszföhre, Kiefer), *bóro* ж. р. 'сосна' (Pleteršn. Wb., I, 45). Вопрос о том, какое из этих значений является первоначальным, окончательно не решен, ибо как для развития значений 'сосна > сосновый лес', так и для обратного процесса 'сосновый лес > сосна' имеются определенные данные. Из приведенного материала вытекает лишь то, что только в южнославянских языках *bor обозначает Pinus sylvestris, в остальных же славянских языках (в «северных» по терминологии Мошинского) оно имеет более общее значение ('лес, сосновый лес'), а в качестве названия для Pinus sylvestris выступает в них слово *sosna* (см. Moszyński. Pierw. zasiąg, 31 и 283—285). Памятниками старославянской письменности рассматриваемое слово не засвидетельствовано[48].

По вопросу о древней *ŭ*-основе праславянского *borъ встречается ряд авторитетных высказываний в лингвистической литературе. Я. Гебауер (Geb. Hist. ml. j. č., III, 333), констатируя колебания между склонениями основ на *-ŭ-* и основ на *-ŏ-* в старочешских примерах, предполагает, что *bor* могло быть первоначальной *ŭ*-основой. Однако, по его мнению, полностью нельзя этого доказать на материале из древнечешского языка. Э. Бернекер (BEW, 76) считает вероятным *ŭ*-основу для русск. церк.-сл. **боръ**, на что, согласно его мнению, указывает и ср.-болг. собирательное **борокиѥ**. Р. Траутманн (TWb, 26), очевидно, вслед за Э. Бернекером, предполагает тоже в русск. церк.-сл. **боръ** (мн. ч. **бороке**) старую основу на *-ŭ-*. Это нашло свое отражение и в праформе, которую он дает в виде *bora- (*baru-?). А. Брюкнер (Br.

[44] К. Мошинский (см. Moszyński. Pierw. zasiąg, 284, прим. 45) обратил внимание на то, что у Э. Бернекера (BEW, 1, 76) дан неточный перевод русского слова как 'Fichtenwald', т. е. 'еловый лес', которое встречается, между прочим, с таким же значением и у М. Фасмера (VEW, 1, 106). Но и для русского языка основным значением (и, вероятно, первоначальным) слова *бор* является именно 'сосновый лес'. Ср. Елизаровский. Лексика, 195: «В этом смысле (т. е. 'сосновый лес' — *Р. Э.*) термин *бор* понимается в беломорской письменности и народными массами». Из ряда русских объяснительных словарей известно еще другое толкование слова *бор*, а именно: 'крупный сосновый и еловый лес на сухом возвышенном месте' (Сл. церк.-сл. и р. яз., I, 161), 'крупный сосновый и еловый лес на возвышенном месте' (Сл. р. яз., I, стр. 249; ПЭС, 39). И. Елизаровский (указ. соч.) отмечает, что в словарях В. Даля и А. Подвысоцкого тоже допускается значение 'еловый лес' наряду со значением 'сосновый лес' и, следовательно, для слова *бор* характерно два признака: наличие хвойного леса и возвышенная сухая местность.

[45] По мнению К. Мошинского (указ. соч., 284), это слово может быть заимствовано из славянских языков на Балканах.

[46] У Бернекера (BEW, 76) встречается неточный перевод как 'Fichte, Tanne', т. е. 'ель, пихта' (см. Moszyński. Pierw. zasiąg, 284, прим. 45).

[47] О значении слова 'сосна' говорят и производные болг. *борина* 'лучина', 'Kienspan', *borinàk* 'сосновый лес'.

[48] В этой связи ссылка на «старосл. **боръ** 'сосновый лес'» у Елизаровского (указ. соч.) оказывается непонятной.

inslav

Sł., 36) пишет, что польск. *bór* (церк.-сл. *borowije* и *borije*), может быть, является первоначальной основой на *-ŭ-*. Несмотря на противоположность взглядов А. Стендер-Петерсена (см. Stender-Petersen, Sl. g. Lehnw., 270, 516, 517 и 545) и В. Кипарского (см. Kiparski. Lehnw., 61) на происхождение слова **borъ*, оба исследователя признают *ŭ*-основу древней. Р. Нахтигал (см. Nahtigal. Akz., 109 и Slov. jez., 25) без колебаний возводит русск. *бор* к *ŭ*-основе. По мнению У. Унбегауна (см. Unbegaun. LR, 96), это имеет, «очевидно, основание». Он ссылается при этом на Э. Бернекера. Кроме того, он исходит из фактов древнерусского языка XII века, а также древнечешского и древнепольского языков. М. Фасмер (VEW, I, 106) тоже предполагает, как Бернекер и Траутманн, что церк.-сл. **боръ**, вероятно, *ŭ*-основа. Для праславянского **borъ* и родственных ему слов в германских языках Ю. Покорный (PEW, 108—109) реконструирует основу **bharu-*, **bharu̯o-*[49], а В. Порциг (Porzig. Glied., 144), рассматривая общее для германских, славянских и иллирийского языков название «сосны» (или «ели»), выводит русск. церк.-сл. **боръ**, русск. *бор*, укр. *бір*, с.-хорв. *бôр* из основы **bhoru-*. Ф. Шпехт (см. Specht. Zur indogermanischen Sprache, 12) объясняет *ŭ*-основу в слав. **borъ* 'сосна, сосновый лес' и производные, относящиеся к ней, сакральным употреблением этого слова, на которое указывают почти совпадающие по звуковому облику с славянским словом др.-англ. *bearu* 'лес, роща', а также др.-в.-нем. *parawari* 'жрец'. Но есть еще некоторые данные, свидетельствующие о том, что в языческом культе ряда славянских племен священные рощи играли определенную роль. См. у Титмара фон Мерзебург слово *Zutibure*, т. е. *svęti borŭ* (Schrader. Rl,[2] 520) и упоминание о дубовой роще, посвященной славянскому божеству Прову в Старгарде (Нидерле, 291; см. еще Janko. Pravěk, 231—232).

Другие исследователи или вовсе не ставят вопроса о древней основе этого слова (см. MEP, 41; HKES, 73; SES, I, 40; MES, 38) или просто причисляют его к типу склонения основ на *-ŏ-* (см. Meillet. Ét., II; 234; Kuryłowicz. L'acc., 182). Однако, дополнительно собранные факты доказывают, что прасл. **borъ* имело *ŭ*-основу.

В славянских языках имеется много производных от слова **borъ*. Имеются в виду прежде всего образования с суффиксом *-ta-*[50]. В следующих названиях лешего, лесного духа суффикс *-ta-* следует, очевидно, за чистой основой. Польск. *boruta* — 'лесной дух, лесной

---

[49] Как указывает Мошинский (указ. соч., 313), праформы **bhoru-*, **bhoru̯o-*, приведенные в «Сравнительном словаре индогерманских языков» А. Вальде и Ю. Покорного (II, 164), Ю. Покорным заменены во втором издании (PEW, 108—109) выше приведенными **bharu-*, **bharu̯o-*. А. Иоханессон (JEW, 616—617) следует в определении праслав. **borъ* и родственных ему слов из германских языков за первыми из указанных индоевропейских праформ, объясняя **bhoru-*, *-u̯o* как *ŭ*-основу, относящуюся к корню **bher-*.

[50] Ср. суффикс *-ta-* для обозначения лиц в старославянском: **юнота** 'юноша' (Син. Требник, Супр. р.) < *juno- + -ta (ср. *ŏ*-основу в лит. *jáunas*); **сирота** 'сирота' (Син. Псалт., Супр. р.) < **siro-* (ср. имя прилагательное **сиръ** + *-ta*). Однако отличие приведенных примеров от образования *boruta* состоит в том, что в них *-ta* присоединяется к основе на *-ŏ-* имени прилагательного, в то время как в случае *boru-ta*, по-видимому, этот же суффикс присоединяется к основе на *-ŭ-* имени существительного. Но по своей структуре, а также по своим морфологическим особенностям основы имен прилагательных в ранний период праславянского языка вряд ли существенно отличались от основ имен существительных, скорее всего они отличались только по своему синтаксическому употреблению.) Можно еще указать на суффикс *-ta* в ст.-сл. **невѣста** 'невеста' < **ne-* (или **nov*)- + *ved-ta*, безразлично отождествляется ли корневая часть с корнем в словах 'знать' или *vesti*, *vedǫ* 'вести' (см. ниже).

inslav

дьявол, дух болота'[51], в фольклоре — 'злой дух, нечистая сила, черт' (Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 201; Sł. j. p., I, 191; Br. Sł., 36). Ср. еще из словаря польских говоров Карловича (Karł. Sł. gw., I, 107): Najstraszniejszy jest djabeł leśny, *Boruta*. — 'Самый страшный — лесной дьявол, Борута'; W borach i puszczach przesiadywał i dokazywał duch ich opiekunczy, glosny u ludu «Boruta». («Siwy Boruta»). — 'В борах и пущах просиживал их дух-хранитель, названный в народе «Борута»'; Do złych (duchów) należy *Boruta*, któremu, dla ułagodzenią, wystawiają naczynia z potrawami. 'К злым (духам) принадлежит Борута, которому, чтобы угодить, выставляют посуду с едой'. (Karł. Sł. gw., 107). С. Линде (Linde, I, 149) определяет слово *Boruta*, *-y* м. р. как 'дьявол, боровец, т. е. житель бора, собиратель ила, злой дух, живущий согласно крестьянским басням (сказкам) в болотах и пущах'. Он же приводит пример: Uwiązłszy furmann wzywa leśnego *boruty*. 'Увязший извозчик зовет лесного духа (боруту)'.

Чешск. *boruta* 'лесной дух, живущий в Татрах' (Kott, VII, 1201 и Доп. 2). Ср. еще чешск. *Boruta*, *-y* м. р. — *Borowjt* (т. е. *borovit*) 'лесной дух, Waldgeist' (Jungmann, I, 164) и *Borowjt* 'lesný duch Staroslowanů', т. е. 'лесной дух древних славян', 'Waldgeist der heidnischen Slaven' (там же, 163). По всей вероятности, к этим словам следует отнести ряд топонимических названий, как, например, чешск. *Borutov* (Mikl. Bildg. ON, 16); лит. *Borutiškiai*[52] (Onom., rocz. II, 1, 30 и 50) и русск. *Борутино* (Сп. нас. м., XLIII, 400 — тверская губ.)[53].

Семантическая связь между *borъ* 'лес, сосновый лес' и польск., чешск. *boruta* ясна, ср., например, русск. *лес* и *леший*. Кроме того, в польском языке синонимами слова *boruta* являются слова *borowy*, *borownik* (Sł. j. p., I, 191), *borowiec* (Linde, I, 148; Karł. Sł. gw., I, 107), образованные несомненно от **borъ*, а в чешском языке с тем же значением, что и *boruta* выступает слово *borovit* 'лесной дух' (Kott, I, 83)[54]. Эти слова можно сравнить с восточно-славянскими названиями лесного

---

[51] П. Калина. (Kalina. Sl. niem.-polsk., cz. I, 1956, 36) переводит *boruta* как 'Wald-, Moorgeist', т. е. 'лесной дух, дух болота'. В польском языке в ряде случаев производные от слова *bor* обозначают болотистую землю, местность, топь и т. д. (см. об этом ниже).

[52] Это слово происходит, очевидно, из польского языка.

[53] Приводимое А. Брюкнером (Br. Sł., 36) в этой связи имя собственное немецкого князя *Baruth* следует из-за корневого вокализма скорее связать с польск. *barć* 'гнездо диких пчел'. в.-луж. *bart*, чешск. *brt*, русск. *борть* (см. Kühnel. Sl. ON u. FN, H. 2, 47, и H. 4, 17).

[54] Чешск. *borovit* содержит сложный суффикс *-ovit-*, состоящий из *-ov-* (от основы на *-ŭ-*) + суффиксальный комплекс *-i-t-*, который в свою очередь разлагается на *-i-* (от основы на *-i-*) + суффикс имен прилагательных **-to* (> *-tъ*). Развитие сложного суффикса *-ov-i-tъ* А. Мейе (см. Общсл. яз., 284) иллюстрирует следующими примерами: Брада—Брадатъ (суффикс *-to-*); мѣсть—мѣстить (суффикс **-il-*) и плодъ (основа на *-ŭ-*, судя по сложению неплоды)—плодовитъ (суффикс *-ovitъ*). **-tъ* < **-to* в чешск. *borovit* можно сопоставить с *-ta-* в чешск., польск. *boruta*, а *-ov-* с *-u-*. Этим подтверждается и морфологическая близость сравниваемых образований. Что касается мнения Ф. Миклошича (Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 201), который в польск. *borut* выделяет суффикс *-utъ*, то это не является опровержением мысли о сохранении чистой основы в данном образовании, ибо, во-первых, словообразовательные суффиксы развились позже, нежели основообразующие элементы, во-вторых, на явную связь суффиксального комплекса (впоследствии, может быть, ставшего суффиксом) *-u-ta* (а не *-utъ*) с древним корнем **bor-* указывает чешск. *borovit* и другие названия лесного духа, содержащие элемент *-ov-*, который также, как *-u-*, является древним основообразующим элементом. В словаре С. Линде (см. Linde, I, 147—149) имеется неоднократное указание на то, что в одном диалекте словенского языка — крайнском, — встречается слово *Bȁrovit* 'божок славянский', *Boruta* 'Waldgeist, Moorgeist, Sumpfgeist', т. е. 'лесной дух, дух болота, топи'.

inslav

духа, образованными при помощи суффикса *-ik-*: блр. *боровйк* 'дух, живущий, по поверью простолюдинов, в бору' (Носович, 31) и русск. фольк. *старйк-боровйк*[55]. По семантическим и акцентологическим признакам эти примеры можно поставить в один ряд с укр. *домовйк* 'домовой' и русск. *домовóй* (ср. польск. *borowy* в значении 'лесной дух'). Возможно, часть многочисленной группы восточнославянских топонимических названий типа *Боровик*, *Боровики*, *Боровиков*, *Боровикова*, *Боровиковка* и т. д. по своему происхождению связана с этими названиями. Весьма характерно, что в них наличествует элемент *-ov-*, идущий за корнем и отражающий, несомненно, старый конечный звук основы.

Таким образом, устанавливается название лешего, образованное от **borъ* для всей «севернославянской» языковой области, для которой в отличие от южнославянской, как уже отмечалось, **borъ* имело значение 'лес, сосновый лес'. Отсутствие параллельных названий лесного духа в южнославянских языках объясняется тем, что **borъ* здесь имело значение 'сосна'.

По мнению А. Профоуса (см. MJČ, I, 138), в чешск. топ. *Boruhrádek*, которое является вариантом к *Borohrádek*, *Bolehrádek* раньше склонялись обе части сложения, как, например, *na Boruhrádku*, *v Boruhrádku*, от которых и был образован им. п. ед. ч. *Boruhrádek* и вин. *městečko Boruhrádek* (все примеры из MJČ, I, 138). Очевидно, в этом названии сохранена старая флексия, свойственная *й*-основам. Укажем здесь же на фразеологическое сочетание, в составе которого имеется, по-видимому, старая форма родительного падежа единственного числа на *-и*: русск. *с бору да с сосенки* или *с бору по сосенке*, т. е. 'откуда попало, без разбора' (Уш., I, 174).

Среди производных от слова **borъ* есть большое количество слов с *-ov-*. Остановимся на наиболее характерных случаях.

Общими всем славянским языкам и, вероятно, очень древними[56] являются названия растений Vaccinium (Vaccinium myrtillus 'черника' и Vaccinium vitis idaea — 'брусника'), которые почти все без исключения содержат элемент *-ov-*, являющийся, по-видимому, рефлексом древнего основообразующего звука. Ср. болг. *боровйнка*, обл. *боровница*, а также *бóровка* 'Vaccinium'[57] (МТР, 195); с.-хорв. *бȍровка* 'брусника', *бȍрсвица*, *борóвница* и *борóвњача* 'черника', *боровњȃк* 'куст черники или место, где она растет' (Rječn., I., 556); словен. *borovníca* 'черника' (Будилович. Перв. сл., ч. I, 101), *borovka* 'черника', *borovničje* 'куст черники' (Janežič. Sl.—dtsch. Wb., 26), *bornica* 'черника' (ПЭС, 39); моравск. *borůvka* (Bartoš, 22) 'брусника' — в одних местах, 'черника' — в других; чешск. *borůvka* 'черника' (Kott, I, 83), *borovnice* — то же самое (MES, 38[58]); в.-луж. *bórovka* 'черника' (Мука, 65); кашуб. *bœrȍvka* 'черника', *bœroviče* 'куст черники' (Ramułt. Sł.); др.-польск. *borówka* 'Vaccinium vitis idaea'; *borownik*, т. е. совр. польск. *borówka* (*borówka czerwona* 'брусника', *borówka czernica* 'черника'); укр. *боровйця*, *боровниця* 'Vaccinium myrtillus' (Грінченко, I—II, 87); русск. *боровйка* 'брусника'.

---

[55] Относится ли сюда укр. *боровйк* 'житель бора', нам пока еще не удалось окончательно выяснить.

[56] К. Мошинский (Moszyński. Pierw. zasiäg., 284) считает, что в южнославянских названиях черники (Vaccinium myrtillus), часто растущей в сосновых лесах, как например, словен. *borovníca*, с.-хорв. *bȍrovica*, *borȍvnica* и болг. *borovnika*, сохранилось воспоминание о древнем, очевидно, и предкам южных славян известном значении слова **borъ* — 'сосновый лес'.

[57] *Червени боровинки* 'брусника', а *черни боровинки* 'черника'.

[58] В. Махек указывает на то, что Vaccinium myrtillus растет именно в сосновых лесах.

inslav

В восточных и западных славянских языках встречается производное от слова *borъ с элементом -ov- и суффиксом -ik-, служащее названием грибов: чешск. borov(n)ik 'род белого гриба, боровик' (MES, 38); польск. borowik 'белый гриб' (Юшкевич. Лит. сл., 1, 192)[59]; блр. баравúк, давшее лит. baravỹkas (FEW, 35)[60] или боровúк (Носович, 31) 'Boletus bovinus'; укр. боровúк 'белый гриб, большой гриб, Boletus edulis' (Грінченко, 1—II, 87); русск. боровúк 'съедобный гриб' (Даль, I, 118), русск. обл. (вятск., олонецк.), боровúк 'березовый рыжик' (Опыт, 13), а также русск. боровóй 'белый гриб' (ПЭС, 39). Отсутствие примеров их южнославянских языков объясняется опять-таки несколько иным значением слова *borъ в этих языках, так что оно не могло быть исходным для такого рода названий.

Такое же географическое распределение (южнославянские языки противостоят остальным славянским, или «севернославянским») в производных от прасл. *borъ мы видим еще в образованиях с суффиксом -ina-. Ср., с одной стороны, с.-хорв. бòровина 'сосна, древесина сосны' и словен. borovína, borovíne и borina 'древесина сосны' (Pleteršn. Wb., I, 45; Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 26), а с другой стороны, польск. borowina 'болото[61], топь' (Sł. j. p., I, 192) 'поле на месте вырубленного леса'[62] (Sł. j. p., I, 192), др.-польск. borowina 'вереск, Heidekraut' (Sł. j. p., I, 130), русск. боровúна 'почва' (ПЭС, 39), 'боровая, хвойная, нехлебная почва' (Даль, I, 118), 'песчаное бесплодное, место' — вятск. (Опыт, 13). Ср. еще следующее место из отчета о диалектологической поездке в Вятскую губернию Д. Зеленина (см. Отчет, 29): *Боровистое место, Боровúна* (Даль): «„Подзол земля" — одна сосна растет, — объясняли мне в народе». Имея в виду эту трактовку русск. обл. боровúна, представляется вполне возможным сюда же отнести чешск. borovina 'сосновый лес' (Kott, I, 83), укр. боровúна 'бір', т. е. тоже 'сосновый лес' и русск. обл. боровúнка 'борик, небольшой лесок; лесная дорожка' (Олон. обл. сл., 5). В «севернославянских» языках слово borovina имело, очевидно, первоначальное значение 'сосновый лес, место, земля, где растет сосновый лес'; ряд же польских и русских областных слов отражают более позднее перенесение этого названия на место, где прежде был сосновый лес, а потом и на почву неплодородную вообще, возможно, сырую, что находит отражение в значении некоторых польских слов. Особенно поучителен для выяснения этого перенесения пример из отчета Зеленина.

В целом ряде других производных два основных значения прасл. *borъ нашли или только очень слабое отражение, или вовсе не отражены то ли в силу смешения этих значений, то ли в силу более позднего происхождения данного слова. Кроме того, можно отметить, что в предыдущих примерах присутствие элемента -ov-, который был здесь исконным и отражал конечный звук древней основы, было совершенно обязательно, в рассматриваемых же ниже случаях он выступает часто факультативно, а иногда он, вероятно, вторичного происхождения. В меньшей степени это, может быть, относится к названию Juniperus

[59] А. Брюкнер (Bz. Sł., 36), отмечая borowik как 'гриб' в «Пане Тадеуше» Мицкевича, допускает возможность заимствования этого слова из русского языка.

[60] Очевидно и лтш. barawika 'большой коричневый гриб' (Дравниак. Русск.-лтш. сл., 19) заимствовано из восточнославянских языков.

[61] Ср. в Опыте, 13, русск. обл. боровúкъ: «метла, веник. Название это произошло от того, что жители Мезени вяжут веники и метлы обыкновенно в бору (разрядка наша. — *Р. Э.*), т. е. на высохшем болоте, которое поросло мелким березняком. Арханг. Мез.». Ср. в этой связи польск. borowinowy 'болотистый' и выше упомянутое boruta в значении 'дух болота, Moorgeist' (там же).

[62] Ср. польск. borowisko 'новь, Rodeland'.

inslav

'можжевельник', в большей степени — к другим ниже рассматриваемым словам.

В. Махек (MES, 38) пишет, что мотив названия можжевельника производным от слова *borъ неясен. Но он предполагает, что это название может быть перенесено от названия черники, так как плоды можжевельника несколько похожи на плоды черники. Это предположение, как нам кажется, подтверждается еще в какой-то мере тем, что иногда в качестве названия Juniperus выступают, те же слова, что и для Viccinium. Ср., например, в этом отношении: с.-хорв. *bòrovica* (Rječn., I, 556), *боровница*; словен. *borovnica* 'водка на можжевельнике'. Для можжевельника в словенском языке имеем еще слово *borovica*, а также связанные с ним *borovička* 'водка на можжевельнике', *borovičje* 'сосновая роща, заросль можжевельника', *bórova* или *brinova jagoda* 'ягоды можжевельника' (Murko. Dtsch-slov., 22). Ср. еще слвц. *borovec*, *borôvka*, *borovie*, *borievka* можжевельник' (MES, 38); моравск. *borovička* 'водка на можжевельнике' (Bartoš, 21); чешск. *borovičky* 'можжевельник', *borynka* 'можжевельник; название некоторых лесных трав'[63]; польск. *borowiczka* 'водка на можжевельнике'; серб. *бордвњача* 'можжевеловая водка', а также венг. *borovicska* 'можжевеловая водка' < слвц. *borovička* (Kniezsa, 105) и венг. *boróka*, *buróka* 'можжевельник' < слвц. borôka (Kniezsa, 101).

С суффиксом *-ic-a* в нескольких языках образуется название сосны. Ср. чешск. *borovice* 'сосна' (Kott, I, 83), чешск. топ. *Borovice* (MJČ, I, 41); слвц. *borovica* 'сосна' (Jánošík—Jóna, 153); н.-луж. *bórowica* и в.-луж. *borowica* 'сосна, пихта' (Мука, 65).

С суффиксом собирательного значения *-ьje-* имеется ряд примеров с элементом *-ov-* наряду с примерами без *-ov-*, причем последние засвидетельствованы несколько шире и уже в церковнославянской письменности. Ср. с одной стороны, ср.-болг. *borovije* (BEW, 76); словен. *borǫvje* собир. 'сосновый лес' (Pleteršn. Wb., I, 46); словен. топ. *Borovje*, *Brovje* (Bezl., 77) и восточнославянское топ. *Заборовье*[64] (Сп. нас. м., XL, 30, XLIII, 412; XXXIV, 533), а с другой стороны: церк.-сл. **борие** 'pinus' (Mikl. Lex., 41) 'arbores, лес' (Вост., I, 56, 66); болг. *борѥ* 'деревья' (Дювернуа, 137); серб. *бôрје* собир. 'сосняк, соснячок' (Толстой).

Ср. еще два топонимических названия в Румынии, показывающих, вероятно, следы старой *й*-основы: *Borovatul* и *Boroiul* < **borov-iul* (Jordan. Num., 69).

Данные их памятников древней славянской письменности наводят на мысль о существовании древней системы склонения типа *й*-основ у этого слова, хотя уже в большей степени разрушенной. Например:

церк.-сл.: род. п. ед. ч. **отъ бъроу** (Mikl. Lex., 41); местн. п. ед. ч. **на бороу** (там же); им. п. мн. ч. **боровє** (там же);

др.-русск.: род. п. ед. ч. **отъ бъроу** (χέδρου)[65], **поперехъ бору** (Срезн. Мат., I, 155); ср. еще несколько др.-русск. форм более позднего времени: **против Шубацкого бору** (Обнорский. Им. скл., 1, 108); род. п. ед. ч. **бору** (Unbegaun. LR. 83); ср. еще ст.-укр. **бору** (Тимченко, 125), **от бору** (там же);

---

[63] Ср. русск. *боровица* 'злак calamagrostis'.

[64] В бывшей Псковской губернии (см. Сп. нас. м., XXXIV) по нашим подсчетам засвидетельствовано 27 названий с *-ov-* (*Заборовье*), а 21 название без *-ov-* (*Заборье*). Собранный нами ономастический материал, относящийся к **borъ*, составляет примерно 220 названий, содержащих элемент *-ov-* и примерно 20 случаев без этого элемента.

[65] **бъроу**, вероятно, слово южнославянского происхождения, ср. его значение (χέδρου).

inslav.

местн. п. ед. ч. **в бору** (Срезн. Мат., I, 155) **побъди на бору юдь** (Соб. Лекц., 171); название церкви в московском Кремле *Спасская на Бору* (ПСРЛ, I, указатель, 565); **а что есть на бору колодязь** (Обнорский. Им. скл., 1, 108); **деревня на бору, в Долгомъ бору** (Unbegaun. LR, 83);

им. п. мн. ч.: **борове** (Срезн. Мат., 155);

др.-чешск: род. п. ед. ч. *boru* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 333); ср. еще др.-чешск. местное название *Petrovi z boru* (Geb. Sl. st. č., I, 85);

др.-польск. род. п. ед. ч. *boru* (Sł. st. p.,I, 143); местн. п. ед. ч. *na boru* (там же); *w boru* (Łoś. Gram., 32); род. п. ед. ч. *borow* (Sł. st. p., I. 143).

В разных старописьменных славянских языках засвидетельствованы старые производные с элементом *-ov-*:

церк.-сл. **боровьнъ** им. прил. 'относящийся к сосне, пихте' (Mikl. Lex., 41);

ср.-болг.: *borovije*;

др.-русск. **боровьныи = бъровьныи: слъзою бъровною** 'сосновой смолой' (Срезн. Мат., 1, 152)[66]; др.-русск. **боровок** 'вид пошлины' (Мат. терм., 31);

др.-польск.: *borowka* 'Vaccinium vitis Idaea'; *borownik* — то же самое; *borowina* 'вереск'; *borowica* 'вереск, болото, папортник'; 1. *borowy*: *boroue* 'сосновый', 2. *starostwo borowe* 'Waldstarostat' (Sł. st. p., I, 130);

др.-чешск. местное имя *Borovany*; имя собственное *Borovec*, Johannes (Geb. Sl. st. č., I, 85);

ср. еще древнерусские имена собственные *боровикъ*, *Боровинтинъ*, *Боровичек*, *Боровль*, *Боровниковъ*, *Боровитиновъ*, *Боровковъ* и *Боровлевъ* (Туп., 60, 485)[67];

ср. еше уменьш. др.-русск. **боръкъ** 'лесок' (Мат., т. I, 516)[68].

Прасл. **boru* имеет соответствия в двух группах индоевропейских языков, разделяющих, как известно, ряд особенностей с праславянским языком.

Это, во-первых, точные соответствия прасл. **boru* — в германских языках. Ср.: др.-исл. *bǫrr* (< **baru-z*[69]) 'хвойное дерево' поэт. 'мужчина' (AnEW, 70), 'дерево'. (Holthausen. Awestn, EW, 33,), 'дерево; определенное дерево' (JEW, 616—617); др.-англ. *bearu*, род. п. ед. ч. *bearwes* 'роща, лес, кустарник' (Holthausen, AeEW, 18); др.-в.-нем. *paro*, *baro* 'роща, лес', ср. еще др.-в.-нем. *parawari* 'жрец' — собственно 'Waldwart', т. е. 'хранитель леса, рощи'. Древнюю *й*-основу ярко показывают древнеанглийское и древнеисландское слова, так что вообще многие исследователи предполагают прагерманскую основу на *-й-*: **barwa* (AnEW, 70), **ƀarwa-* или **baru-* (Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 270), **bhorǫo-* (Porzig. Glied.. 144) и **baru-* (SES, I, 40)[70]. На первоначальную *й*-основу указывает, очевидно, и шведское топонимическое название *Barva* (AnEW, 70).

Во-вторых, еще одно соответствие праславянскому **boru-* отмечено В. Порцигом (Porzig. Glied., 144) в доломитском, фриаульском *baranclo* 'Zwergkiefer', восходящем к иллирийскому **bhor-on-klo*. Однако в этом примере нельзя обнаружить никаких следов древней *й*-основы.

---

[66] Как и выше отмеченное **бьръ** (род. п. ед. ч. **бъроу**), это слово не исконно русское, а южнославянское. Ср. вышеупомянутое церк.-сл. **корнив** 'pinus, arbores'.

[67] Нельзя быть уверенным в том, что все эти имена являются производными от слова **borъ* 'сосна, сосновый лес': возможно, что часть из них восходит к названию животного, — прасл. **borǫ*-'боров' Это относится и к ряду топонимических названий.

[68] См. еше Kühnel. Sl. ON u. FN, H. 4, 20.

[69] Стендер-Петерсен (см. Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 270) возводит *bǫrr* к праседверному **ƀarwaR*.

[70] В. Кипарский (Kiparski. Lehnw., 61) объединяет славянские и германские слова под формулой **bhoru-*.

inslav

В связи с сравнением праславянского слова с соответствиями в германских языках (для определения древней основы только они имеют значение), необходимо коротко рассмотреть вопрос об исконности прасл. **boru-*. К ученым, считавшим, что славяне заимствовали слово для наименования 'сосны, соснового леса' принадлежит Х. Хирт (см. PBB, Bd. 23, 331), А. Стендер-Петерсен (см. Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 270, 271, 516, 517, 545) и некоторые другие. Э. Бернекер (BEW, 76) пишет, что нельзя решить, имеем ли мы дело с первоначальным родством или заимствованием. Другие ученые [Перссон, Уленбек, Брюкнер, Янко (см. Janko. Pravěk, 78), а особенно убедительно, Кипарский (Kiparski. Lehnw., 61), Покорный (PEW, 108—109), Порциг (Porzig. Glied., 144), Славский (SES, I, 40) и Фасмер (VEW, I, 106)], наоборот, определяют отношение между германскими и славянскими словами как древние, родственные. Этот взгляд получил бо́льшее распространение, чем вышеуказанный, он отражен в подавляющем большинстве новейших работ[71] и является, несомненно, правильным. Но несмотря на это, стоит несколько подробнее остановиться на аргументации Стендер-Петерсена в пользу заимствования праславянского **borъ*, так как он связывает этот вопрос с вопросом о древней основе данного слова. Он утверждает, что прагерм. **barwa* или **baru-* имело значение 'еловый лес' (*Fichten*wald — курсив наш. — *Р. Э.*), 'лес вообще' и *дерево* (курсив наш. — *Р. Э.*). Такое прагерманское слово должно было в случае своего перехода в славянские языки выступать как **borъ* (*й*-основа) с теми же тремя значениями, что, по его мнению, и имело место (см. Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 170)[72]. Предполагая, что уже в прагерманском языке имелось чередование (Wechsel) **baru-*: **barwa*, в правосточногерманском якобы унифицировавшееся в пользу первой формы (т. е. **baru-*), он считает появление славянского **borъ*, имевшего *й*-основу и заимствованного скорее в форме именительного, а не винительного падежа ед. ч. германского слова, совершенно нормальным. Далее он думает, что **borъ* в славянском (очевидно, праславянском языке. — *Р. Э.*) был включен в склонение основ на -*й*-, так же как имя существительное среднего рода **alu*, происходившее, согласно его мнению, тоже из германского. Из этого Стендер-Петерсен делает вывод, что к тому времени, когда оба слова заимствовались славянским (праславянским. — *Р. Э.*) языком, а это было в ранний или, как он выражается, «первый» период славянских заимствований из германского, тип склонения основ на -*й*- был еще вполне продуктивным. Именно в этот «первый» период заимствовались слова с *й*-основой, отражающие, таким образом, как пишет Стендер-Петерсен, германские отношения (Verhältnisse), как, например, **borъ* и некоторые другие названия местности (Geländebezeichnungen). Здесь, как нам кажется, допущен ряд неточностей. Во-первых, значения слов в обоих группах языков не полностью совпадают (прасл. **borъ* имело, как мы уже видели, вероятнее всего, значение 'сосна, сосновый лес'); во-вто-

---

[71] Несколько особую позицию среди этимологов занимает Б. Махек, считавший, что **borъ*, вероятно, «праевропейское» слово (MES, 38).

[72] Кроме того, в пользу заимствования этого слова из германских языков, по мнению Стендер—Петерсена, говорят еще такие факты, как наличие прагерманского **borza* (др.-исл. *barr*, датск., норв. *bar* 'игла') и отсутствие примеров, из которых можно было бы объяснить славянское **borъ*, а также совершенно уникальный переход 'хвойный лес' > 'хвойное дерево' или наоборот; хотя тут же замечает, что полной уверенности в неисконном характере славянского слова нет, ибо в чисто этимологическом плане оно вполне может быть родственным германским словом (см. указ. соч., 171).

inslav

рых, переход значений 'хвойный лес' > 'хвойное дерево' или наоборот мог иметь место совершенно независимо в каждой из этих групп языков[73]; в-третьих, и в славянских языках находим производные от и.-е. корня *bhar-, *bhor-, кроме *borъ, ср., например, серб. *бр̑к* 'ус'; наконец, не понятно, почему слова вроде *borъ, *alu должны были в силу своей принадлежности к *ŭ*-основам отражать германские отношения, в то время как тип склонения основ на *-ŭ-* совершенно самостоятельно представлен во многих группах индоевропейских языков, в том числе в праславянском. Ведь эти слова, являющиеся древними основами на *-ŭ-* могут быть родственны германским *ŭ*-основам, как это в ряде случаев и наблюдается.

Итак, праславянская основа на *-ŭ-* *boru-, которая восстанавливается большим количеством данных из самих славянских языков, подтверждается еще точными соответствиями (и в отношении древнего облика основы) в германских языках. Эти слова обычно возводят к и.-е. корню *bhar-, *bhor-, *bhr̥-, обозначающему 'что-то острое, выступающее; щетину; колоть и т. д.' В семантическом отношении интерес представляет образованное от этого же корня исл. слово *barr* 'хвойное дерево, можжевельник, листва, дерево, ячмень, жица'.

(j)ilŭ-

В качестве названия для глинистой, вязкой земли в праславянском языке выступает слово *(j)ilъ < *(j)ilu-. Ср. церк.-сл. **илъ**, 'lutum', т. е. 'грязь, ил, глина' (Mikl. Vgl. Gr., Bd I², 125 и Mikl. Lex., 255) 'глина' (Вост., I, 311); болг. *ил* 'вязкая земля, глина' (МТР, 964 — областное), 'глина, грязь на дне рек' (SES, 450); ст.-серб. *il* 'вид глины' (Rječn., III, 786); словен. *il* 'глина, суглинок'; словен. *ilǫ* ср. р. (Pleteršn. Wb., I, 292—293); слвц. *íl* 'глина (жирная)'; чешск. *jíl* 'глина, суглинок, грязь, земля'; в.-луж. *jił* 'Löszboden', т. е. 'глинистая земля; болото' (устно от лужичанина Х. Фаске[74]; польск. *ił* 'род глины, землянистые образования из отложений', также 'природная влажность земли, болото, топь' (SES, 449—450); укр. русск. *ил* 'глинистая, вязкая, мелко истертая природой земля, обычно пепелистого цвета, на дне вод, или осадок бывших вод' (Даль, II, 41), 'мягкий грунт, обладающий малой вязкостью и богатый водой' (БСЭ², т. 17, 529), диал. 'глина' (Караулов. 67); русск; церк.-сл. **илъ** 'глина' (Срезн. Мат., I, 1091).

Часто исследователи при изучении древних основ на *-ŭ-* это слово опускают (см.: Meillet. Et., II; Vondrák. Vgl. Gr., 482; Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 108—130) или же не дают определения его исконной основы (см. BEW, 424; ПЭС, 269; МЕР, 222). Ряд ученых, однако, считает, что это слово нужно причислять к именам существительным с первоначальной *ŭ*-основой, например, Я. Гебауэр (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 328—329), Р. Траутманн (TWb, 103), И. Голуб и

[73] Ведь *borъ имеет значение 'сосна, дерево', исключительно в южнославянских языках, что объяснимо прежде всего какими-то внутренними причинами: распространение *sosnь, *sosna в «севернославянских языках», состав и характер леса на Балканском полуострове (см. Moszyński. Pierw. zasiąg., 284—285).

[74] Э. Эйхлер («Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität». Leipzig, 1955—1956, H. 3, стр. 306) дает в.-луж. и н.-луж. *jił*. Далее это слово для лужицких языков засвидетельствовано топонимическими названиями: в.-луж. *Jiłow* 'Halbau' и н.-луж. (*W*)*iłow* 'Eulow' (там же). Замечание В. Махека (MES, 180) об отсутствии этого слова в лужицком ошибочно. Кроме приведенных данных, в верхнелужицком имеется еще выражение *w jile* 'в грязи' (устно от Х. Фаске) и слово *jiłocy* < *jilowicy* (Kühnel. Sl. ON u. FN, H. 3, 68). В указанной работе Эйхлера приводится и слав. (elbslav) топ. назв. *Ilow* — округ Висмар, так что, можно думать, слово *(j)ilъ было известно не только лужичанам, но и славянам у Балтийского моря (см. еще Rost. Polab. Spr. r., 205).

inslav

Ф. Копечный (HKES, 154), Е. Курилович (см. Kurylowicz. L'acc², 188), И. Шютц (см. Schütz, Geogr. Term., 48), Ф. Славский (SES, I, 450). В. Махек (MES, 180) пишет, что это слово, очевидно, представляет собой *ŭ*-основу, указывая на форму род. п. ед. ч. ст.-чешск. *jilu*, на *-ov-* в производных и на соответствие в греческом языке. М. Фасмер (VEW, I, 478) отмечает, что производные этого слова в славянских языках показывают старую основу на *-ŭ-*. Ю. Покорный (PEW, 499) дает для греч. ἰλύς 'ил, грязь', лтш. *īls* 'совершенно темный', церк.-сл. **илъ** 'lutum', русск. *ил*, чешск. *jíl* и польск. *ił*, *jeł* праформу **īl-*, **īlū-*.

В пользу первоначальной принадлежности этого праславянского слова к древним *ŭ*-основам имеются многочисленные доказательства в живых славянских языках и в области топонимических названий, а также в древних славянских памятниках и еще в двух индоевропейских языках.

Во всех славянских языках (разумеется, в тех, где засвидетельствовано слово **(j)ilъ*), подавляющее большинство производных содержит элемент *-ov-*, выступающий как рефлекс конечной гласной старой основы. Производные древнего типа образования, а также старые топонимические названия и особенно гидронимы встречаются только с *-ov-*. Ср.:

**ilov-in-a*: русск. *ило́вина* 'иловитая земля, нечистая почва, белая, серая, сухая, холодная с наносом' (Даль, II, 39); укр. *іловина* 'глинистая земля' (BEW, 424); словен. *ílovina* 'глинистая земля, постройка из нее' (Janežič. Sl-dtsch., 134); болг. *и́ловина* 'илистая земля' (Дювернуа, 854); чешск. *jílovina* 'глинистая земля' (Kott, I, 631); ср. еще русское название притока Днепра — река *Иловина* (Машт. Днепр., 252);

**ilov-ik-(a)*: словен. *ílovica* 'глина, глинистая земля' (Murko. Dtsch.-slov., 93; Pleteršn. Wb., I, 292—299); болг. *и́ловица*, *и́лавица* 'вид глины' (Дювернуа, 854 и МТР, 965); словен. *ilovičěn* 'относящийся к глине' (Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 134); ср. большое количество топонимических названий: русск. *Иловица* — а) хутор при речке *Иловке*, б) деревня при речке *Иловке* (Сп. нас. м., XL, 348), в) деревня при реке Великой (там же, XXXIV, 180); словен. *Ilovica* — приток реки Dragonje (Bezl., 225); чешск. *Jílovice* — встречается пять раз (MJČ, II, 150—152), отчасти от гидронимов образовано, например, топ. назв. *Nemecká Jílovice* и *Česká Jílovice* — от названия реки *Jílovice* притока Влтавы; с.-хорв. *Jilōvice* — название деревни в Боснии (Rječn., III, 795); в.-луж. *jiłocy* < < *jiłowicy* 'Eulowitz', т. е. 'куски глины' (Kühnel. Sl. ON u. FN, H.3, 55, 68; H. 4, 4, 25); слав. топ. в Румынии *Iloviţa* (Jordan. Num., 57); ср. еще с.-хорв. *Ilovik* — село в Хорватии (Rječn., III, 785);

**ilov-ka*: русск. *ило́вка* 'глина, похожая на ил, смешанная с илом, иловатая глина' (Сл. церк.-сл. и р. яз., II, 269 и Даль, II, 38) и словен. *ílovka* 'глина, глинистая земля' (Pleteršn., I, 293); ср. русск. топ. *Иловка* — речка (Машт. Днепр., 252), населенный пункт (Сп. нас. м., XL, 11); польск. топ. *Iławka* 'Preuszisch-Eylau' (Chojn., 101) и чешск. топ. *Jílovka* (MJČ, II, 152);

**ilov-jь-(a)* русское название левого притока Дона — река *Иловля*, несудоходная и несплавная (разрядка наша. — *Р. Э*; см. Боднарский. Сл. геогр. назв., 116); русск. топ. назв. *Иловля* — село при реке *Иловле* (Волост., IV, 113); ср. еще русск. топ. назв. *Иловье* (очевидно, из *ilov-j-e*) населенный пункт при речке *Иловке* (Сп. нас. м., XLIII, 305);

**ilov-a-jь*: русск. *илова́й* м. р. 'затон, поемный речной залив, мелкий и болотистый (т. е. с илом. — *Р. Э.*)'. В словаре Бернекера (BEW, 424)

inslav

это слово переводится как 'Nehrung, Niederung, Marschland', т. е. 'низменность, топь и т. д.'; ср. русск. назв. реки *Иловай* — правый приток реки Воронежа. Ср. еще русские топ. названия: *Иловайские Дворки*, *Иловай — Рождественское*, *Иловай — Бригадирское* (при реке *Сухом Иловае*), *Иловай — Дмитревское* или *Алывой*, *Лывой* (Сп. нас. м., XII, 64), а также русскую фамилию *Иловайский* (VEW, I, 478);

**ilov-ьc-(ь)*: русск. топ. *Иловец* — а) деревня при реке Шелонии (Сп. нас. м., XXXIV, 399), б) деревня при реке Черности и *Иловице* (там же, 443), в) названия рек (Машт. Днепр., 252; Машт. Днестр., 57); с.-хорв. топ. *Ilovac* — село в Хорватии, в Загребской области (Rječn., III, 795); с.-хорв. названия рек *Ilovec*, *Ilovac* (Bezl., 225); словен. назв. реки *Ilovaci*, *Ilovec*, *Ilovca* (там же); слвц. назв. реки *Ilovec* (там же).

Об огромном богатстве славянской топонимии производными от слова **(j)ilъ* дает хотя бы некоторое представление статья под словом *Ilovica* в книге Ф. Безлая (см. Bezl., 225), где приводится около 40 славянских названий мест и вод, содержащих этот корень. Коротко остановимся еще на некоторых славянских топонимических названиях в Румынии, характеризующихся элементом *-ov-*: *Ilovățul*, очевидно, из *ilov-ьc-*; *Iloviţa* < **ilov-ic-a*; *Ilva*, по мнению И. Иордана, из **ilov-a*, ср. слав. топ. назв. в Румынии *Ilova*, *Ilovul*; а *Iluţa* из *ilv-ţa* < **ilov-ic-a* (Jordan. Num., 57).

Ряд типов образования имен прилагательных, например, **il-ovat-*, **il-ovit-* не будут рассмотрены, так как в них *-ov-* могло проникнуть в составе сложного суффикса (ср. *-ovat-*, который получил особенно широкое распространение в западнославянских языках) или просто могло быть суффиксом.

Заслуживает еще внимания имя прилагательное, образованное от имени существительного **ilъ* при помощи суффикса *-ko-*: польск. *iłki* 'илистый, глинистый' (см. Arumaa. Sur l'hist., 30). Это одно из немногочисленных деноминативных образований, в которых суффикс *-ko-* присоединился к древней *ŭ*-основе[75]. Польск. *iłki*, — очевидно из **ilъk-*.

Материалы некоторых древних славянских текстов дают основание думать, что в древних славянских языках были распространены производные с *-ov-*, как например серб. церк.-сл **иловица** — название места (Mikl. Lex., 255), русск. церк.-сл. **иловъ**, **иловыи** (Mikl., Lex., 255; Вост., I, 311; Срезн. Мат., I, 1091); др.-серб. *Ilovica* — название нивы недалеко от Хтетова (Rječn., III, 795); др.-чешск. *jílový* (giloue zemi) 'глинистый', *jílový*, *-ové* (město Gilowy) — название места; *jílovatý* (gilowate) имя прил., *jílovati*, *-uju* 'добывать руду, золото', *jílovec* (ylouci) 'кто добывает руду, золото'; *jilovna*, а также *jilovně* 'место, где добывают руду' (*gylowna* glareollum*)[76] (Geb. Sl. st. č., I, 648—650). Ср. совр. чешск. *jilovati* 'добывать руду' и непосредственно образованное от *jíl*: *jílovatěti* 'становится илистым; глинистый' (Kott, I, 631), а также совр. польск. *iłować*, *-uje*, *-ował* 'добывать руду' (Sł. j. p., II, 80) и *iłowacieć* 'становиться илистым'.

Возможно, древняя флексия сохраняется в таких спорадических примерах, как др.-чешск. *jílu* род. п. ед. ч. (*z gilu zemskího*, *z gilu*), *jílu* местн. п. ед. ч. (*w gilu v hlubokém* 'in limo' — Geb. Hist. ml. j. č., III, 328—329); *na gilu jejich* 'super humum' — Geb. Sl. st. č., I, 648).

[75] Ср. чешск. *medký* 'сладкий, как мед; медовый' (Arumaa. Sur l'hist., 30), образованное от имени существительного с бывшей *ŭ*-основой **medŭ*-'мед'.

[76] См. Kott, VII, 1284, чешск. *Jílovně* (gylo*mn*ie) (т. е., очевидно, др.-чешск. — — *Р.Э.*), 'glareolum'.

inslav

За пределами славянских языков достоверные соответствия можно найти только в двух индоевропейских языках, причем в обоих случаях отражена *ŭ*-основа.

1) Сравнение церк.-сл. **илъ** с греч. ἰλύς находим еще у С. Линде (Linde, II, 1855, стр. 199), далее у Ф. Миклошича (Mikl. Vgl. Gr., Bd I, 125, 95), О. Гуйера (LF, 34, 1907, 47), Э. Бернекера (BEW, 424), А. Преображенского (ПЭС, 269), Р. Траутманна (TWb, 103), С. С. Уленбека (KZ, Bd 40, 556), Э. Швицера (см. Schwytzer. Gr. Gr., 495) и др.; др.-греч. ἰλύς род. п. ед. ч. ἰλύος имеет значение ж. р. 'ил, тина, грязь, болото' (Вейсман, 629) 'мокрая грязь' (Prellwitz, Pr. EW, 129). Кроме этого, с церк.-сл. **илъ** сравнивают следующую глоссу из Гезихия: εἰλύ μέλαν 'черное'. Ф. Славский (SES, 450) пишет, что эти греческие слова наряду с лтш. *īls* являются самыми близкими соответствиями прасл. **ilъ*[77].

2) Лтш. *īls* 'совершенно темный, stockfinster', встречающееся согласно словарю Мюленбаха — Эндзелина (см. Mühlenbach — Endzelin, I, 836) в произведениях Нейкена и в словаре Ульманна (Ulmann. Lett.-dtsch. Wb,), обычно тоже приводится в качестве соответствия прасл. **ilъ* и греч. ἰλύς. Р. Траутманн (TWb, 103) и Ю. Покорный (PEW, 499) возводят латышское слово к исходной форме **īlus*. Нам кажется, что лтш. топ. *Ilukste* (Ulmann. Lett.-dtsch. Wb., I, 360), в котором выделяется комплекс *-kste* (ср. *Wadakste*, *Sunakste*, *Zeraukste* и т. д.), может быть отнесено сюда же К. Буга (Būga, KS. VI, 1913, 9; Būga. Rinkt. r. I, 503) предполагает, что ряд балтийских топонимических названий (*Ilavia* — замок и город Deutsch-Eilau, *Illau* — поле около Кирпенена в Самланде) и гидронимов (*Ilijā* — левый приток реки Вилия в бывшей Минской и Витебской губерниях; *Ila* — левый приток лифляндской реки Аа; *Ильупъ* < лит. *Ýl-upis* — ручей около Шпрогиса), вероятно, родственны славянскому слову *ilъ*. К этому высказыванию присоединяется Г. Геруллис (Apr. ON, 48—49), считая возможным сравнение др.-прусск. топ. назв. *Ilien*, *Ilisken* и названия вод *Ilantz* (озеро при Deutsch-Eylau) с вышеприведенными литовскими топонимическими названиями рек. Таким образом, *īlu-s* было, вероятно, распространено во всех балтийских языках.

Наконец, В. И. Георгиев (см. ВЯ, 1, 1956, 53) пытается привести в связь с выше указанными балтийскими гидронимами, с слав. *илъ* русск. *ил* и с греч. ἰλύς даже некоторые кельтские названия рек. Так, он восстанавливает для названия реки *Iller* (*Ilara*) — правый приток Дуная в Баварии — праформы **Ila*, **Ilura* или **Iluris*, причем из них, по его мнению, наиболее древней является **ī-lū-ra* (**īlu-ri-s*, **īl-ьrā*, **īl-ərā*), а Ю. Покорный (см. Zf. celt. Ph., Bd XX, 1936, 521; Bd XXI, 1937, 88) предполагает **Illuris*.

Итак, праславянская основа на *-ŭ-* **ilu-* находит свое подтверждение и в родственных индоевропейских языках (в греческом и балтийских, а возможно, и в кельтских).

ledŭ-

Словом, обозначающим замерзшую воду в праславянском языке являлось **ledъ*. Ср. ст.-сл. **ледъ** (Супр. р.) 'лед'; болг. *лед* (чл. *ледът*)

---

[77] Сравнивая формы ἰλύς и εἰλύ (μέλαν), Славский определяет первую как более позднюю, которая встречается уже у Гомера. Буазак (Bois. Dict. ét., 374), Траутманн (TWb, 103) и Покорный (PEW, 499) приравнивают форму εἰλύ к форме ἰλύ. Эта последняя совершенно точно (и в отношении количества второго слога) соответствует прасл. **(j)ilu-*.

inslav

'лед'; с.-хорв. *лѐд*, род. п. ед. ч. *лѐда* 'лед, град'[78], словен. *lę̑d*, род. п. ед. ч. *lę̑da* и *ledû*; слвц. *l'ad* 'лед'; чешск. *led* 'лед, град'[79]; в.-луж. *lód*; н.-луж. *lod* 'лед'; полаб. *led* 'лед' (BEW, 689); польск. *lód*, род. п. ед. ч. *lodu* 'лед'; кашуб. *lòd*, род. п. ед. ч. *lodu* 'лед' (Lorentz. Pom. Wb., 461); блр. *лёд*, род. п. ед. ч. *лёду* и диал. *ильду* (Носович, 267 и Е. Ф. Карский. Материалы..., 3); укр. *лід*, род. п. ед. ч. *лéду* и *льоду* (Грінченко, I—II, 367); русск. *лёд*, род. п. ед. ч. *льда* и *льду* (по аналогии со словами типа *лен*: *льна*[80]) 'лед' и др.-русск. **ледъ**, род. п. ед. ч. **леда** и **ледоу** (Срезн. Мат., II, 14) 'лед, мороз'.

Многими учеными это слово определяется как древняя *ŭ*-основа, хотя такая трактовка в славистике еще не общепризнана.

К *ŏ*-основам славянское слово относят Р. Шолвин (см. Scholvin, 494)[81] и Е. Курилович (см. Kuryłowicz. L'acc., 212, 180)[82]. Колебания при определении основы (*ŏ*-основа или *ŭ*-основа?) наблюдаются у А. Лескина (см. Leskien. Bildg. Nom., 240), у Э. Бернекера (BEW, 699 — по его мнению, *ledъ* основа на *-ŏ-* с формами, характерными для *ŭ*-основ, а др.-чешск. *led* он рассматривает вслед за Гебауэром как *ŭ*-основу), у Р. Траутманна (TWb, 154; **leda-* и **ledu-*), у И. Голуба и Ф. Копечного (HKES, 200), у А. Вайана (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 119—120) и др. Безоговорочно к *ŭ*-основам рассматриваемое слово причисляют Я. Гебауэр (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 329 — на материале древнечешского языка), В. Вондрак (см. Vondrak. Vgl. Gr.[2], I, 486), А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 243; Общсл. яз., 1331) и М. Фасмер, (VEW, II, 25). Наконец, можно еще заметить, что в ряде славянских этимологических словарей (например, ПЭС, 444; МЕР, 721; Br, Sł., 301; MES, 261) вопрос о первоначальной основе рассматриваемого слова не привлек к себе внимания исследователей.

Существование древней *ŭ*-основы в праславянском языке подтверждается множеством следов ее в современных и старописьменных славянских языках.

Во-первых, в двух южнославянских языках сохранились следы *ŭ*-основы в виде рефлекса *-v-*. Ср.: с.-хорв. *ledven* 'ледяной, относящийся к слову 'лед', которое, очевидно, из **ledŭ-ьn-* < **ledu-ĭn-*. По свидетельству составителей Академического сербского словаря (см. Rječn., V, 954), это слово встречается в северных чакавских и в кайкавских говорах. Что, несомненно, имеется в виду имя прилагательное, относящееся к слову *led*, показывает следующий пример: *Pod ńom je voda ledvena*. Ср. еще производные с.-хорв. *ledvenost* 'холод, мороз', *ledvenica* наряду с *ledenica* 'ледовая яма, ледник' и *ledveniti*, *ledvenim* 'леденеть,

---

[78] В чакавском наречии имеем *lêd*, *lèda* с тем же значением. Т. Елезович (см. Елезовић. Речн. кос.-мет., I, 385) отмечает, что в значении 'град' это слово в косовско-метохиском наречии сохранилось в одном выражении: «*Немôј тако убйјо те лêд*!».

[79] Ср. еще чешск. *kroupa ledová* 'град'. И. Голуб и Ф. Копечный (HKES, дополн. 563) указывают на то, что греч. 'ἄρειος πάγος когда-то переводилось на чешский язык как *Arievъ ledъ*, род. п. ед. ч. *Arieva leda*, т. е. здесь др.-чешск. *ledъ* выступает в значении 'скала, утес'.

[80] В языке русских народных песен, а также в русских народных говорах встречаются формы с закономерным сохранением коренной гласной и в косвенных падежах. Ср.: ... *тонким лiодом покрывалася*...; *на леду*; *со леду*; *дайте лёду* (Сл. р. яз., V, 379).

[81] Форму местн. п. ед. ч. **ледоу** в Супр. р. Р. Шолвин толкует как новообразование.

[82] Е. Курилович основывается на древнегреческом материале, приведенном Гебауэром, а также на соответствиях в латышском языке и в некоторых литовских диалектах (*lędus*, *ledùs*)

inslav

оледенеть'[83]. Из словенского языка можно привести имя прил. *ledven*[84] 'льдистый, ледяной; glacialis' (Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 148), *ledvęn* (Pleteršn. Wb., I, 505), а также словен. топ. *Ledvica* — название озера (Bezl., 334); (см. еще Linde, I, 652—653).

Во-вторых, во всех славянских языках встречаются производные слова, содержащие следы старой основы в виде рефлекса *-ov-*. Ср. **ledov-ьn-j-(a)*: русск. *ледо́вня* 'погреб со льдом, яма со срубом и напогребницей, набитая льдом и снегом' (Даль, II, 244) восточно-слав. назв. реки *Ледовня* (Машт. Днепр., 259); блр. *лядо́ўня* 'погреб со льдом'; укр. *льодо́вня* — то же, что в блр., польск. *lodowina* 'погреб со льдом' (Linde, II, 653) и чешск. *ledovna* 'яма со льдом' (Jungmann, II, 281), а также чешск. *ledoveň, -vně* — то же самое;

**ledov-in-a*: русск. *ледови́на*: а) 'ледяная глыба, льдина', б) 'место, покрытое ледяной корой'; чешск. *ledovina* 'лед; мороженое' (ср. нем. Eis!);

**ledov-ic-a, -ka*: русск. *ледови́ца* (наряду с *леде́ница*) 'гололедица, ледяная кора', диал. 'мозглая, зимняя пора, когда идет мокрый снег, обледеняющий землю; гололедица' (Сл. р. яз., V, 374); укр. *ледівка*: а) 'гололедица', б) 'ледяные сосульки', в) 'каменная соль'; чешск. *ledovice* < *ledovica*, *ledovka* 'ледяная дорога'; польск. диал. *ledowica* 'гололедица' (Karł. Sł. gw., III, 45), *ledówka* 'лед' (там же). Ср. еще по своему значению н.-луж. *ledowizna* 'тонкий слой льда на окне'[85].

Очевидно, суффикс *-in-*, употребляемый для образования названий профессии или обозначения принадлежности лица к какому-нибудь объединению, выделяется в болг. *ледовинъ* 'холодный ветер' (Геров, III, 8). Ветер мыслится одушевленным, что характерно для древних представлений у многих народов. Ср. еще чешск. *ledovec* 'град'.

В именах прилагательных на *-ovit-*, *-ovat-* и *-ov-* нельзя с уверенностью выделить элемент *-ov-*, связанный с древней основой, так как эти суффиксы были очень продуктивными. Это относится в еще большей степени к отыменным глагольным образованиям с *-ov-* в западнославянских языках; ср., например, польск. *lodowacieć* 'леденеть' и чешск. *ledovati* 'ломать лед'.

В третьих, рассматриваемое нами слово принимает архаическую флексию, характерную для *ŭ*-основ. Ср. ст.-сл. . . . **что сътворитъ ледоу** (Супр. р., 191 — по Срезн. Мат., I, 14);

др.-русск. **на дрнкеѥ леду** (Соб. Лекц., 171). . . **на леду пишють** (Срезн. Мат., II, 14); дат. п. ед. ч. **ледови** (Соб. Лекц., 171) из более позднего периода истории русского языка род. п. ед. ч. **от леду до леду; леду не колотъ; леду не содрало на рѣкѣ** (Unbegaun. LR, 87), однако, к этому времени многие слова, первоначально не являвшиеся *ŭ*-основами, принимают эту флексию;

др.-чешск.: род. п. ед. ч. *ledu*: (Geb. Hist. ml. j. č., III, 329 и Geb. Sl. st. č., II, 216), *z ledu* (Geb. Sl. st. č., II, 216); местн. п. ед. ч. *jako na ledu*, *w ledu*, *na ledu sě shřěje* (Geb. Sl. st. č., II, 216); им. п. мн. ч. *ledové* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 329);

др.-серб.: род. п. ед. ч. *ledu* (Rječn., V, 948)[86].

---

[83] Ср. однотипные с.-хорв. *medven* 'медовый' и *medvača* 'груша сладкая, как мед' (Rječn., VI, 565).

[84] Ср. словен. *medven* 'медвяный, медовый' (Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 148).

[85] По мнению Э. К. Муки (см. Мука, 840), это слово образовано от имени прилагательного н.-луж. *lodowy*.

[86] Нужно отметить, что в старославянском языке имеются и другие формы. Ср. в Супр. р. **на ледѣ, въ врьхоу леда**, а также в одном случае и в др.-чешск. тексте: *na ledě* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 329).

inslav

Наконец, из производных с *-ov-* можно назвать: церк.-сл. **ледовьнъ** 'холодный, студеный' (Mikl. Lex., 335); др.-русск. **ледовьнъıи** 'морозный': **во дни зноиныıа и въ ноши ледовьныıа** (Срезн. Мат. II, 14); др.-чешск. название камня — *ledovín* (Geb. Sl. st. č., II, 217)[87].

Прасл. **ledъ* < **ledu* имеет достоверные соответствия только в балтийских языках[88]. В двух из них — в латышском и литовском — отражена основа на *-ŭ-*. Ср.: лтш. *lẹdus*, *-us* 'лед' (Ulmann. Lett.-dtsch. Wb, 137; Mühlenbach—Endzelin, II, 445); лит. диал. *lẽdus* (Gauthiot, 98) и *ledùs* отмечено П. Арумаа (см. Ar. T., 34) в Лазунай на Виленщине[89]. Э. Френкель (FEW, 350), принимая во внимание лтш. *lẹdus*, а также *ŭ*-основы в славянских языках, определяет диал. лит. *ledùs*, приведенное П. Арумаа, как древнюю *ŭ*-основу. Упомянутое Э. Френкелем лит. *ledùistas* (= *ledin(i)-ūotas*) 'покрытый льдом', может быть, находится в определенной связи с *ŭ*-основой *ledùs*. Как указывает П. Скарджюс (LKŽD, 372), в говорах встречается суффикс *-uista-* наряду с суффиксом *-ūsta-*[90]. Суффикс *-ūsta-* в свою очередь по происхождению связан с именами прилагательными с основой на *-ū-* (+суффикс *-sta-*), ср. прусск. *kailūstiskan* 'здоровье', что образовано от **kailūstas* 'здоровый', а это последнее восходит к **kailu-*, слав. *cěly* < **koilū-* наряду с *cělъ* < **koilu-* (см. LKŽD, 372). Основы на *-ŭ-* и основы на *-ū-*, очевидно, в некоторых случаях находились в определенных отношениях.

Лит. *lẽdas* 'лед', а также др.-прусск. *ladis* 'лед', которое, по мнению Р. Траутманна (см. TWb, 154), очевидно, из **ledas*, характеризуются основой на *-ŏ-*. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 243) предполагает заимствование этих слов из славянского.

В результате анализа можно прийти к выводу, что прасл. **ledъ* из **ledu-*, т. е. является древней *ŭ*-основой, о чем свидетельствуют многочисленные следы ее в системе формообразования в древних славянских языках и в системе словообразования как в древних, так и в современных славянских языках, а также точные соответствия в восточнобалтийских языках.

**olŭ-*

Праславянское слово **olъ* < **olu-*, старинное название для пива, горького хмельного напитка, в первичной форме удержалось только в трех языках: в словен. *ol* (читается *óv*, *óu*) 'пиво' (Murko. Slov.-dtsch.,

---

[87] Ср. Jungmann, II, 281; *ledovec* 'студеный, холодный камень, 'трудно поддающийся нагреванию, твердый как диамант', а также чешск. *led* в значении 'glacies Mariae, Fraueneis', 'Sperrglas' (там же, 278).

[88] Что касается некоторых других слов, привлеченных рядом исследователей для сравнения со слав. *ledъ*, например, ирл. *ladg* 'снег' и греч. λίθος 'камень', то их этимологическая связь еще окончательно не доказана.

[89] И. И. Казлаускас, кроме того, указывает на форму род. п. ед. ч. *ledaus*, встречающуюся в Sélinai. Baičai и в районе Klaipida (см. «Lietuvių kalbotyros klausimai», II, 1959, 21). А. М. Моркунас и А. И. Сабаляускас отмечают зв. п. ед. ч. *lèdus*, род. п. ед. ч., *lèdaus* и зв. мн. ч. *lèdus* в литовском диалекте рыбаков на Куршской косе (там же, 141).

[90] Помимо образований с *-ūsta-* имеются еще слова с *-uosta-* (ср. лит. *ligūstas* 'kränklich' наряду с *ligùistas* — то же самое и *liūgostas* — то же самое). В этой связи к лит. *ledùistas* можно привести в качестве параллелей лтш. *lẹduojis*, *lẹduôts* (лит. *ledūotas* имеет значение 'со льдом, оледеневший, изо льда, полный льдом', редкое слово) = *lẹdaîns*: а) 'ледяной, покрытый льдом'; б) 'холодный, как лед' (Mühlenbach—Endzelin, II, 445). Спрашивается, не к этим ли именам прилагательным восходят такие отыменные глагольные образования, как лтш. *lẹduôt* 'покрытый льдом' (Mühlenbach—Endzelin, II, 445) и лтш. *nùolẹduôt(ies)* — то же самое (там же, II, 809) и лит. *ledúotis* 'оледенеть, покрыться льдом', хотя исходным для последнего слова П. Скарджюс (LKŽD, 488) предполагает лит. *lẽdas* 'лед'.

inslav

291)[91]; в русск. церк.-сл. (XII в.) и др.-русск. **олъ** (-**оллъ**) 'хмельной напиток из жита, ячменя и т. п.' (Срезн. Мат., II, 663), 'крепкий напиток, кроме вина; сикера' (Вост., II, 45) и в русск. диал *ол* 'сикер, всякий хмельной напиток, кроме вина виноградного, брага, пиво, мед' (Даль, II, 671 и 380)[92]. Из ряда других славянских языков оно известно лишь своими производными, ср.: болг. *олóвина*, ст.-серб. *olovina*, словен. *ǫlovina*, серб. церк.-сл. *оловина* и польск. диал. *ołowica*[93]. Таким образом, у нас есть данные о древнем славянском названии пива из всех основных групп славянских языков за исключением чешско-словацко-лужицкой и полабской, в которых оно отсутствует, очевидно, по разным причинам (ранняя замена древнего термина для пива в чешско-славацкой группе через **pivo*; более позднее вытеснение его под влиянием немецкого языка у чехов; фрагментарное состояние сведений о полабском словаре). На основании приведенного материала можно уверенно предполагать существование этого древнего термина в праславянском языке в виде **olъ* < **olu-*.

Прасл. **olъ* одно из тех слов, которые принадлежали к группе имен существительных с основой на *-ŭ-*, хотя в специальной литературе это еще не везде находит признание. В некоторых работах указанное слово среди *ŭ*-основ не упоминается (см., например, Vondrak. Vgl. Gr. и др.), в других же его хотя и причисляют к древним *ŭ*-основам, но не включают в группу самых достоверных случаев (см., например, Meillet. Ét., II, 244; Vaillant. Gr. comp., т. II, part 1, 119). А. Мейе (там же) исходит при определении *ŭ*-основы из производного церк.-сл. **оловина** и из соответствий в балтийских и германских языках, так же как А. Вайан (там же). К *ŭ*-основам рассматриваемое слово относят еще А. Лескин (Leskien. Bildg. Nom., 239), А. А. Шахматов (Курс, III, 116), Р. Траутманн (TWb, 7), М. Блумфильд (M. Blumfield, 92), В. Кипарский (Kiparski. Lehnw., 78), Стендер-Петерсен Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 294—295; 516—517; 545), Е. Курилович (см. Kuryłowicz, L'acc., 188) и др. Наиболее точно определяют рассматриваемое слово В. Махек (Machek. Slovanské jméno, 211—213) и М. Фасмер. Исходя из производных типа *olovina*, В. Махек рассматривает его как имевшего первоначальную *ŭ*-основу (там же, 211), происходившую, по его мнению, из имени прилагательного с *ŭ*-основой, удержавшейся в языке (там же, 213). М. Фасмер (VEW, II, 262) тоже предполагает в этом слове праславянскую *ŭ*-основу. К и.-е. основе **alu-(-t-)* возводят слав. **olъ* (наряду с другими индоевропейскими

---

[91] В Каринтии и Крайнской области встречается *ôl*, *ôv* в значении 'пиво' (Murko. Dtsch.-slov., 187). С. Младенов (МЕР, 380) дает словен. *ol*, *olej*, *vol* 'пиво'; Плетершник (Pleteršn. Wb., I, 818): *ôł*, род. п. ед. ч. *ôla*, *olû* м. р. 'пиво'.

[92] В русских диалектах, а также в жаргоне бродячих торговцев, встречаются производные от этого слова: *елáха*, *алáха*, *елáшка*, 'пиво, бражка, брага' (слово офенское, но употребительное во влад., костр., яросл. и тверск. говорах — Даль, I, 518), *олáха*, *елáха*, *алáха* 'пиво' (ПЭС, 648). М. Фасмер (VEW, I, 394) пишет, что *елáха*, *алáха*, *елáшка* 'Dünnbier' (т. е. 'разбавленное пиво') вряд ли из турецк. *jalak* 'корыто', чагатайск. *jalaγ* 'таз' (Radloff. Wb., 156), а скорее относятся к *ол*. Ср. еще следующее место из отчета Д. Зеленина о поездке в Вятскую губ.: «*Ёлкин*. Шутливое название кабака (Даль, Васнецов): много слышно под г. Вяткой. Слово — в связи с *елáха*, *алáха*, *алáня* (Костр., Опыт) — 'пиво'; *олъ*, *оловина*. Применение к слову *ёлка* позднейшее» (Зеленин. Отчет, 51).

[93] Насколько нам известно, до сих пор на польск. *ołowica* 'старое название дрожжей для водки' (Karł. Sł. gw., III, 439) исследователи не обращали внимания. Приводятся обычно только данные южно- и восточнославянских языков. Наличие производного от **olъ* в польских говорах — новое подтверждение древней распространенности и исконности этого старого славянского слова.

inslav

соответствиями А. Вальде (WEWL[2], 29, 34), А. Преображенский (ПЭС, 648), Ст. Младенов (МЕР, 380) и Ю. Покорный (PEW, 33—34).

Что прасл. *olъ может быть отнесено к немногочисленной группе имен существительных с несомненной *й*-основой, доказывается следующими данными.

1. В русск. (стар.) *олýй* 'пиво, брага' (Даль, II, 671), 'слабое пиво, полпиво, разбавленное пиво = Dünnbier' (VEW, II, 265), 'пиво' (Срезн. Мат., II, 663)[94] обнаруживается чистая основа **olu-* и суффикс *-jь*[95]. Ср. по образованию однотипные с ним **volu-jь-* в церк.-сл. **волоуиглавъ** 'с воловьей головой' и **polu-jь-(ka)*: блр. *полýйка* 'горсть льна, наполовину измятого в мяле и еще не совсем очищенного от костры'[96]. Возможно, др.-русск. отчество *Олуевичъ* (*Семенъ Олуевичъ* — воевода Галицкий 1213 г. — Туп., 678) образовано от этого же слова, которое в таком случае можно предполагать для древнерусского языка.

2. В составе всех остальных производных от слова **olъ* встречается элемент *-ov-*, выступающий уже в силу своей обязательности, несомненно, как рефлекс конечной гласной древней основы. Исключения представляют лишь словен. *olár* 'пивовар' и производное от него *ǫlnica* 'пивоварня' (см. Pleteršn. Wb., I, 819) и *ołnína* 'налоги на пиво' (Pleteršn Wb., I, 820). Ср.: **olov-in-a*[97], серб. церк.-сл. *оловина* 'sicera' (Mikl., Lex., 501)[98]; русск. церк.-сл. и др.-русск. **оловина** 'род напитка, пиво; брага, сикера' (т. е. то же, что *олъ*. — *Р. Э.*) (ПЭС, 648); церк. **сікеръ, олъ** (Сл. церк.-сл. и р. яз., III, 132). Далее приводятся примеры из словаря Срезневского (Срезн. Мат., II, 660—661): **оловина** 'хмельной напиток из жита, ячменя и т. п.'[99]; **не пии вина, ни оловины** (σικερα); **творацеи оловинѫ; оупіатеса не оловиноѭ, ни винѡм** (σίκερα); **и ирѹшіимь олѡвины**[100]; **глет олѡвинѹ; нариѵеть олѡвиною**[101].

Ст.-серб. *olovina* — 'напиток, вероятно, пиво' (Kiparski. Lehnw., 78).

Болг. *олóвина*, уменьш. *оловúнка* — 'напиток из жита, прежде всего из пшеницы, нечто вроде пива; ловина, вино' (Геров, III, 358), 'вид напитка из жита' — старое и областное (МЭР, 380), *(о)ловина* 'род пива' (Kiparski. Lehnw., 78).

Словен. *ǫlovina* — 'пивные дрожжи' (VEW, II, 262; TWb, 7; Pleteršn. Wb., I, 820).

Русск. церк. *оловúна* — 'Treben, Hefe, Absatz vom Bier' (VEW, II, 262);

Русск. диал. *оловúна* 'гуща, барда, дрожжи, осадки и остатки браги, пива или квасу' — новг., пск., тверск. (Даль, II, 671), 'дробина, остатки хлеба по спуске пива или кваса' (новг. губ. тихв. уезд; пск. губ., великолуцк. и опоч. уезды; тверск. губ., остат. уезд — Опыт, 140—141); *олáвина* 'гуща, дрожжи' — тверск. (Опыт, 140); ср. еще валашск. *olo-*

---

94 Фасмер (VEW, II, 262) определяет это слово еще как «диал.», т. е. диалектное.

95 Согласно Далю (Даль, II, 671), от слова *олýй* образованы *олáха*, *алáха* 'пиво' в языке бродячих торговцев.

96 Об образованиях на **-uj̃ĭ* см. еще Vaillant. Cr. comp., II. part 1, 120.

97 См. образования на *-ina* от основ на *-й-* у Миклошича: *bьrovina*, *medovina*, *olovina* и *polovina* (Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 133).

98 Миклошич (там же) сравнивает это слово с румынск. *оловинъ* (MEW, 221 — *oloviną*), русск. диал. *оловина* 'Treber' и цыганск. *lovina*.

99 Ср. у Linde, II, 547; Eccl., т. е. церк. *оловина* 'питие всякое хмельное, кроме вина виноградного, sicera'.

100 Ср. еще Вост., II, 22: **ѿ вина и ѡлѡвины** 'ἀπο οἴνου καὶ σίκερα'.

101 Там же имеется следующее интересное примечание: «Ср. нын. (т. е. нынешнее — разрядка наша. — *Р. Э.*) *оловина* 'дробина, осадок от слитого пива, квасу, и пр.'». Иными словами, Срезневскому известно русское слово *оловина* в указанном выше значении.

inslav

vina (Срезн. Мат., II, 663) или *olàvinà* (Pott. Die Zig., II, 335), а также цыганск. *lovina* 'пиво' (там же) и румын. *oloviną* (MEW, 221).

olov-in-ьn*, т. е. имя прилагательное, образованное от слова *olovina* путем присоединения суффикса *-ьn-*, ср.: серб. церк.-сл. **оловиньнъ 'ἐκ σίκερα, e sicera' (Mikl. Lex., 501); 'τοῦ σίκερα' (Вост., II, 22) и др.-русск. (русск. церк.-сл.) **оловиньныи — Ѿ пьянства оловиннаго** (ἀπὸ τῆς·μέθης) — (Срезн. Мат., II, 661 и Вост., II, 44).

**olov-* + другие суффиксы, ср.: словен. *ǫloven* (Pleteršn. Wb., I, 820) < < **olu-* + суффикс имени прилагательного *-ьn-* 'к пиву относящийся' (*olóven*: Murko. Dtsch.-slov. 187); словен. *ǫlovnik* < **olov -ьn-* + суффикс *-ik-* 'пивовар' (Murko. Dtsch.-slov., 187); словен. *olovàr* (Pleteršn. Wb., I, 820) < **olov-* + суффикс действующего лица *-ar-* 'пивовар', *olovár* 'пивовар' Murko. Slov.-dtsch., 281, Dtsch.-slov., 187).

Польск. диал. *ołowica* < **olov-* + суффикс *-ic-a* 'старое название дрожжей, употребляемых для водки' (Karł. Sł. gw., III, 439). Ср. словен. *olove droži* 'пивные дрожжи' и вышеупомянутое словен. *ǫlovina*.

3. В нескольких случаях сохранились архаичные формы склонения, характерные для основ на *-ŭ-*. Ср. церк.-сл. **олоу** род. п. ед. ч. от слова **олъ** 'σίκερα' (Mikl. Lex., 502).

Русск. церк.-сл. и др.-русск. **олоу** род. п. ед. ч.: **вина и олоу не имать піті** (Срезн. Мат., II, 661 и Вост., II, 45). **Желание брашна да будеть емоу, вина же и олу по скуду** (Срезн. Мат., II, 663). **Вина и ѡлоу** (Шахматов. Курс, III, 116).

В других индоевропейских языках, имеющих общее с прасл. **olu*- название пива, горького напитка, везде выступает *ŭ*-основа.

Соответствия в балтийских языках. Лит. *alùs* род. п. ед. ч. *alaus* м. р. 'своеобразный вид пива, который литовские крестьяне к празднествам сами готовят; это пиво варят из слегка сушеного солода, состоящего из одинаковых частей ячменя и хмеля; оно имеет желтоватый, чаще всего нечистый цвет и сладковатый вкус, но легко опьяняет' (Nesselm. Lit. Wb., 5) 'домашнее пиво' (Kurschat. Lit.-dtsch. Wb., 7), 'слабый алкогольный напиток, чаще всего сделанный из ячменного солода с хмелем' (LKŽ, I, 93). Ср. примеры с звательной формой и формой род. п. ед. ч.: *Alaũ, aš nuo tavęs pabalau*! (LKŽ, I, 93) и *Nuo alaus pilvą skaust*... (там же). Слово *alus* встречается уже у Даукши:... *kur ner' wîno... pêrlaidžia ãlų ir midų wiêtoi wîno*... (Daukša. Postilla, 143) и у Ширвида: *Drumsčasi alus* 'мутное пиво' и *Nusistovi alus* 'настоявшееся пиво' (Širvyd. Dict. 22, 44). В ряде производных от этого слова содержатся следы древней основы на *-ŭ-*. Ср.: имя прилагательное *alutìnis, -ė* 'пивной', в котором выделяется сложный суффикс *-utina-*, восходящий по своему происхождению к старым основам на *-ŭ-*, ср. *alùs*: *alù-tis* уменьш. от *alùs*, *alùtinis* и *vidutìnis* 'средний': *vidùs* 'середина'; *viršutìnis* : *viršùs* 'верх' (см. еще LKŽD, 245).

Возможно, что и другие уменьшительные, кроме *alùtis*, содержат суффикс, который по своему происхождению связан со старыми именами существительными основ на *-ŭ-*, как, например, *alulis* (LKŽ, I, 94) и *alutėlė* (там же).

В слове *alùdė*: 1. 'пивница, погреб для хранения пива', 2. 'бочка для пива', 3. 'корыто, в котором варят пиво' (Юшкевич. Лит. сл., 1, 14); 1. 'бочка пивная', 2. 'погреб для пива', 3. 'пивная лавка'[102] (LKŽ, I, 92), так же как в ряде других слов с *ŭ*-основой (ср. *pelùdė* 'мякинник,

[102] Ср. лит. *alùdinė* = *alinė* 'пивная лавка, alùdė' (LKŽ, I, 81, 92).

inslav

половня', *namùdė* 'обиход, домашнее хозяйство') и с *i*-основой (ср. *avìdė* 'овчарня, овечий хлев'). П. Скарджюс (LKŽD, 100—101) выделяет *-dė*, которое, может быть, связано с глаголом *dėti* 'деть, класть, ставить'. Очевидно, здесь *-dė* примыкает тоже к чистой основе (*alù-dė*). В свою очередь образованы от *alùdė* : *alùdininkas* 'содержатель пивной лавки', *alùdinis* 'относящийся к *alùdė*' *alúdis* 'употребительный для того, чтобы пиво варить, лить, хранить' (примеры из LKŽ, I, 92—93).

Ряд сложных слов в первой части содержат основу **alu-*. Ср.: *alùdaris*[103] (Юшкевич. Лит. сл., 1, 14): *alùdaris*, *-rio* 'пивной котел, чан, употребительный для варки пива', *-rio* м. р., *-rė*, *-rės* ж. р. 'пивовар, пивоварка', 'пивовар' gen. com. (LKŽ, I, 92). Ср. производные от этого слова: *alùdarė* 'дом, в котором варят пиво', *alùdaris*, *-ė* имя прил. 'предназначенный для варки пива' (LKŽ, там же).

Очевидно, слово *aludavis* 'раздатчик пива, официант' (LKŽ, I, 92) образовано таким же путем, как *alùdaris*.

Обращает на себя внимание еще отыменное глагольное образование *alúotis*[104], *-úojasi*, *-ãvosi* 'угощаться пивом' (Sereiskis, 5).

По всей вероятности, и в слове *aludis*, *-ė* (gen. com.) '(человек), который очень любит пиво' (LKŽ, I, 93), имеется след старой основы на *-ŭ-*.

Лтш. *alus* 'пиво' м. р. (Mühlenbach-Endzelin, I, 69; Endzelin. Lett. Gr., 325—326), иногда и *alas*, *āls* 'пиво'. В латышских говорах имеем *āls* < *alus* (Endzelin. Lett. Gr., 527). Очень часто встречается сочетание *mieža alus* 'пиво из ячменя, Gerstenbier' (ср. лит. *alùs*!). В качестве уменьшительных образований выступают *alutiņš*, диал. *alinš*, *alutis*, *aluti*, *aluotiņš*, *altiņš* (Mühlenbach — Endzelin, I, 69). Лтш. *saldalutiņš* означает 'сладкое пиво' (Mühlenbach — Endzelin, III, 668). Как отмечает Эндзелин (Endzelin. Lett. Gr., 231), суффикс *-iņš* часто следует за суффиксами с уменьшительным значением, а именно, как правило, в уменьшительных, образованных от *ŭ*-основ, например, *alutiņš* — *alus* (ср. лит. *alùtis* и *alùs*) и др.[105] Очевидно, следующее образование является развившимся из словосочетания лтш. *mẹdalus* 'медовое пиво, медовина' (Ulmann. Dtsch.-lett. Wb., Mühlenbach — Endzelin, II, 590), 'мед' (Дравниак. Русск.-лтш. сл., 376).

Др.-прусск. *alu* — ср. р. (см. Leskien. Die Decl., 67; Trautmann. Apr. Sprd., 229; Grdr., Bd II, T. I, 182), 'медовина, хмельной напиток'[106]. Г. Геруллис (см. Gerullis. Apr. ON, 9) предполагает, хотя с некоторыми сомнениями, форму род. п. ед. ч. от др.-прусск. слова *alu* 'пиво'? + др.-прусск. *caymis* 'деревня' в прусск. топ. *Alluskaym*.

Древняя принадлежность лит. *alùs*, лтш. *alus* и др.-прусск. *alu* к *ŭ*-основам не вызывает никаких сомнений (см., например, Leskien.

---

[103] А. Александров (см. Alexandrov. Lit. Stud., 47, 77) указывает и на параллельные случаи сохранения чистой основы на *-ŭ-* в первом элементе сложного слова: *vidùs* : *vidùdienis* (у Серейского *vidūdienis* — наряду с *vidùdienis* 'полдень') *vidùkelis* (у Серейского — *vidukelė*), 'середина дороги', *vidùnaktė* (у Серейского — *vidunaktis*) 'полночь' и *viršùgalvis* 'темя, макушка' и *viršùkalnis* 'вершина горы'.

[104] Ср. лит. *ledúotis* 'оледенеть, покрыться льдом' и лтш. *leduôt* 'покрыться льдом' от лит. *ledùs*, лтш. *lẹdus*, а также лит. *apsimedúoti* 'запачкаться медом', лтш. *mẹduôt* 'смешать с медом' и лит. *medo*, лтш. *mẹdus* и др.

[105] Эндзелин приводит еще лтш. *medutiņš*, *ragutiņas* (к им. п. мн. ч. *ragus*), *lẹdutiņš*, *vidutiņš*, *pẹlutiņas*, *dzirnutiņas*, *durutiņas* (*durawas* 'дверь').

[106] А. Лескин (см. Leskien. Die Decl., 67) и Г. Геруллис (см. Gerullis. Apr. ON, 9) почему-то дают значение 'пиво', хотя у других, в том числе у Френкеля (FEW, 8), дано значение 'Met — медовина'.

inslav

Bildg. Nom., 239; Endzelin. Lett, Gr., 325; LKŽD, 55 и др.). То обстоятельство, что древнепрусское слово имеет средний род, а литовское и латышское слова — мужской, объясняется переходом древних имен существительных среднего рода с ŭ-основой в категорию имен существительных мужского рода, связанным с утратой категории среднего рода в восточнобалтийских языках. Но вопрос о том, является ли древнее балтийское название для пива исконным словом или заимствованием, требует более подробного освещения. С этим вопросом частично связана и сама проблема древней основы (см. об этом ниже).

Соответствия в германских языках. Основа на -ŭ- отражена в следующих словах: др.-англ. *ealu*, род. п. ед. ч. *ealoþ*, 'пиво' (ср. совр. англ. *ale* 'пиво'); др.-сакс. *alu* 'пиво' (Holthausen, AeEW, 84); др.-н.-нем. *alu* 'пиво' (KEW[17], 43); др.-исл. *ǫl* ср. р. 'пиво, пир = = Biergelage' (Holthausen. Awestn. EW, 357), 'пиво, пир = Trinkgelage' (JEW, 40) и *ǫldr* ср. р. < *aluþra*, то же, что *ǫl* (там же). Вероятно следы ŭ-основы можно обнаружить еще в др.-исл. *ǫlvi-*, в *ofrǫlvi* 'пьяный', *ǫlvaðr* 'пьяный' (Holthausen. Awestn. EW, 357)[107], а также, возможно, в именах собственных *ǫlmóðr*, *ǫltírr*, *ǫlver*, которые Ян де Фрис считает относящимися к названию пива *ǫl* (AnEW, 7)[108]. Не отражающими древнюю основу, но относящимися сюда же словами являются др.-в.-нем. *al-* (Holthausen. Awestn. EW, 357), ср.-в.-нем. *alschaf* 'сосуд для питья' и др.-сакс. *alofat* — то же, а также ср. нидерл. *ale*, *ael*, *aal* 'пиво'[109] (JEW, 40).

Наряду с праформой **alu* (ср. др.-сакс. *alu*, др.-исл. *ǫl* и т. д.) имеется и праформа **aluþ* < **alu-t* (ср. др.-англ. род. п. ед. ч. *ealoþ* и др.-исл. *ǫlðr*), которую следует рассматривать как расширенную дентальным звуком (*-t-* обычно примыкает к основам на *-i-* и *-u-*, а также к гетероклитическим основам) ŭ-основу. Это показал Ф. Шпехт (см. Specht. Zur Bildung, 205 и Specht. Urspr., 198 и 289), который привел др.-инд. (ведийское) *dídyŭ(t)* 'молния' и греч. 'αλύ-δ-οιμον из глоссы Гезихия.

Итак, для прагерманского языка восстанавливается основа **alu-* (в некоторых случаях **aluþ-*), точно соответствующая прабалт. **alu-* и прасл. **olu-*.

К вопросу об исконном или заимствованном характере балтийских и славянских слов нужно сказать следующее.

И. Шмидт (Schmidt. Pluralb. Neutra, 180) предполагает, что, вероятно, герм. основа *aluþ* 'пиво' относится к др.-англ. *ealu*, др.-исл. *ǫl*, др.-прусск. *alu*, лит. *alùs* и др.-болг. *olъ*, как лат. *pecud* к и.-е. **pekʷu-*. Но так как в «северноиндоевропейских» языках, в которых **alu* засвидетельствовано, конечный взрывной зубной исчезал, по его мнению, весьма вероятно, что **alu* является сокращенной формой (по звуковым законам) именительного падежа от основы **alut* и только путем ложной аналогии (durch falsche Analogie) оно перешло в склонение ŭ-основ. Как ниже будет видно, наличие форм с *-t-* наряду

---

107 Ср. др.-исл. *ǫloðr*, *ǫlr* 'пьяный' (Holthausen. Awestn. EW, 357).

108 Вообще де Фрис исходит из древнего слова рунических надписей времен Великого переселения народов *alu*, которое, может быть, сохранилось в слове *ǫlrúnar* 'табу'. С ним сравнивают хет. *alwanzaḫḫ* 'околдовывать', *alwanzatar* 'колдун, чародей' и греч. ἀλυω 'быть в бешенстве', лтш. *aluôt* 'блуждать'.

109 Очевидно, немецкое простонародное *einen* (*kleinen*) *Aal haben* 'быть слегка пьяным', которое авторы книги «Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert von Borchardt — Wustmann — Schoppe» (7. Auflage. Leipzig, 1955, стр. 20) не могут объяснить, следует привести в связь с голландским словом. На это указывает и рейнское *su oll wie en ol* = 'betrunken', т. е. 'пьяный'.

inslav

с формами без *-t-* в германском служило для некоторых исследователей основанием для утверждения заимствования этого слова балтийскими и славянскими языками[110].

А. Вальде (WEWL[3] 34)[111], указывая на прагерм. **alu(þ)* = и.-е. *alu-t* 'пиво как горький напиток', считает балтийские и славянские соответствия заимствованиями из германского и ссылается при этом на И. Шмидта.

Мнение И. Шмидта относительно прагерм. **aluþ-* и **alu-* является главным и в аргументации Стендер-Петерсена в пользу заимствования балтийских и славянских слов из германского. Он возражает Р. Траутманну, восстановившему славяно-балто-германскую праформу **alu*, так как ему кажется сомнительным, что прагерм. имя сущ. ср. р. **alu* в такой ранний период уже могло означать 'пиво'. Рассматривая прагерм. форму **aluþ-*, и.-е. **alut* как более древнюю, чем **alu*, которая появилась вторично (в этом он следует за Шмидтом), и констатируя сходные дублеты в прагерм. **mēnōþ*: *mēnō* 'месяц', Стендер-Петерсен связывает переход значения 'горький' в значении 'пиво' с образованием производного от и.-е. **alu-* 'горький' в прагерманском при помощи суффикса, который позже опять исчез, т. е. при помощи суффикса **-t-*, прагерм. -**þ-*. Этот переход значения 'горький' в значение 'пиво' в прагерманском при помощи суффикса и есть главный аргумент Стендер-Петерсена. Если бы балтийские и славянские слова являлись исконными, нужно было якобы ожидать балт. **alutis* или слав. **olъtь* (Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw., 295—296). Далее он утверждает (там же, 516—517, 545), что имя существительное среднего рода **alu* в славян-

---

[110] Вопрос о заимствовании названия пива у германцев балтами и славянами более подробно, чем Шредер (см. Hoops, RL, I, 279), разработал Х. Хирт (см. PBB, Bd 23, 336, 346, 349). Признавая, что нет звуковых критериев для установления заимствованного характера балтийских и славянских слов, Хирт видит доказательство для этого в параллельном случае, в лит. *midùs* 'мед-напиток', которое якобы происходит из случайно не засвидетельствованного гот. **midus* 'Met', т. е. 'медовина, мед как напиток'. Он указывает еще на то обстоятельство, что во всей германской языковой области *medus* имеет значение 'медовина, мед как напиток' и уже не означает 'мед'. Слав. **olu* Хирт тоже считает заимствованным из германских языков. Нам кажется неправомерным утверждение о неисконном характере прабалтийского **alu* и праславянского **olu* на основании отнесения другого слова, лит. *midùs* (которое, может быть, действительно является заимствованным словом) к предполагаемому (реально, может быть, и не существовавшему) готскому источнику. Но несмотря на неубедительность доводов Хирта, его мнение по этому вопросу было принято целым рядом ученых, даже таким крупнейшим специалистом по балтийскому языкознанию, как К. Буга. Совершенно правильно критикуя Хирта за преувеличение количества случаев заимствования балтийскими языками из германских, он, однако, считает, что единственным заимствованным словом из германского, общим всем балтийским языкам, является именно лит. *alùs*, лтш. *alus* и др.-прусск. *alu*. Это же название пива, по его мнению, переняли у германцев и финны: *olut*, вепск. *olus*—и славяне: церк.-сл. *олъ* (Būga, KS, 64, 70 и 116). Касаясь более подробно путей и источников заимствования, Буга пишет, что *alùs* могло бы происходить из северно-германского, если бы не свидетельствовало против этого слав. *олъ*, которое указывает на источник, находящийся не на севере, а где-нибудь южнее, в областях Frische Nehrung и Вислы. Слова готского происхождения (там же, 65) — а таким было, по его мнению, *alùs* — в литовский язык проникли через прусский, а *alus* перешло в латышский язык через литовский или куршский, но сначала было тоже передано пруссами, поскольку ни латыши, ни курши, ни литовцы никогда не были соседями готов, таковыми были до III века нашей эры только древние пруссы (там же, 66). Как вытекает из рассуждений К. Буги, прасл. **olu-* нужно отнести к славянским заимствованиям из готского языка III в. н. э. К. Альминаускис (Alminauskis. Germ. Lit., I, 20) и В. Мажюлис (см. Мат. сессии, стр. 113) полностью придерживаются мнения К. Буги по этому вопросу.

[111] Во втором издании (WEWL[2], 29) нет еще речи о заимствовании балтийских и славянских слов.

inslav

ском должно было естественно включаться в качестве имени существительного мужского рода в склонение основ на -ŭ-, как слав. *borъ* (там же, 103—111). Итак, по его мнению, слова, которые имеют флексию, характерную для ŭ-основ, и этим якобы отражают германские отношения, в частности *olъ* и некоторые другие термины пивоварения (Brauereiausdrücke), следует рассматривать как относящиеся к первому периоду заимствования славянским языком из германского, когда в славянском тип склонения основ на -ŭ- являлся еще вполне продуктивным.

Ф. Шпехту (см. Specht. Urspr., 195) кажется неубедительным предположение Махека о первоначальном родстве балто-славянского слова для 'пива' (лит. *alùs*, др.-прусск. *alu*, церк.-сл. **олъ** с герм. **alu-t* (др.-англ. *ealu*), греч. *'αλύ-δ-ομον* и лат. *alūmen*.

А. Брюкнер в своей рецензии на «Балто-славянский словарь» Т. Траутманна (см. ZfslPh, Bd IV, 1—2, 214) сомневается в достоверности «балто-славянских» параллелей, указывая на то, что литовское соответствие является заимствованием. По-видимому, непосредственным источником этого заимствования нужно считать славянские языки, ибо в своем этимологическом словаре польского языка (см. Br. Sł., 416) он рассматривает древнее название пива, отраженное в слав. *olъ* как слово «кельтско(!)-немецко(!)-славянское», распространенное в некоторых европейских языках и происходившее, вероятно, из кельтского, как и ряд других терминов пивоваренного дела, которые через немецкий язык проникли в славянский (*słód* 'солод' и *młóto* 'Malz'). Здесь очень много ошибочного и неясного. Прежде всего неизвестно, какое кельтское слово нужно считать исходным.

Противоположная точка зрения — признание исконности балтийских и славянских слов — имеет не меньше приверженцев, при этом она представлена и новейшими работами.

Еще О. Шрадер (см. Schrader. Rl², 142) считал заимствование лит. *alùs* из германского необоснованным. До него еще В. Томсен (см. Thomsen. Beröringer, 157) доказал, что название пива в ряде финских языков заимствовано из балтийских языков. И. Янко (см. Janko. Pravěk, 68) рассматривает слав. *olъ* как древнее исконное слово. Также как О. Гуйер (см. LF, 54, 293), не видит причины считать это слово заимствованием из германского и Р. Траутманн (TWb, 7). Он, как уже отмечалось, объединяет славянские и балтийские слова в балто-слав. праформе **alu-*, родственной германским названиям пива. В. Махек (Machek, 214) высказывается решительно за первоначальное исконное название пива в балтийских и славянских языках, подкрепляя это положение сближением слав. *olъ* с слав. *jelъkъ* 'горький, прогорклый' и *jalovъ* 'sterilis', образованными, по его мнению, от праславянского имени прилагательного с основой на -ŭ-, имевшего соответствие в балтийских языках (лтш. *jēls* 'незрелый' и т. д.). В. Кипарский (см. Kiparski. Lehnw., 78) соглашается с Махеком, расценивая семасиологический и морфологический анализ Стендер-Петерсена как небезупречный, поскольку имя прилагательное могло непосредственно переходить в имя существительное (т. е. и без суффиксального способа образования); он указывает на чешск. *sladká* 'водка' и русск. *гóрькая* — то же. Что касается финских названий пива, то он обращает внимание на то обстоятельство, что наряду с финск. *olut*, эстон. *õlut* имеются финск. диал. *olu*, вепск. *olus*, и поддерживает мнение Томсена о балтийском источнике последних двух слов. Нужно отметить и то, что среди балтийских ученых мнение К. Буги отнюдь не является единственно господствующим. Эндзелин (Mühlenbach — Endzelin, I, 69)

inslav

называет отношения балтийских названий пива к др.-церк.-сл. **олъ**, др.-исл. *ǫl*, др.-англ. *ealu* и зап.-фин. *olut* неясными. Ему следует отчасти П. Скарджюс (LKŽD, 55), который лит. *alùs*, *alaũs* (лтш. *alus*, др.-прусск. *alu*, слав. *олъ*) определяет как имена существительные с древним суффиксом *-u-*. М. Фасмер (VEW, II, 262) пишет, что русск. *ол*, др.-русск. и русск. церк.-сл. **олъ** и др., восходящие к праславянской *ŭ*-основе, вероятнее всего, находятся в первоначально родственных отношениях (urverwandt) с лит. *alùs*, др.-прусск. *alu*, лтш. *alus*, др.-сев. *ǫl*, др.-англ. *ealu*, лат. *alūmen* и греч. *'αλύδοιμον* (глосса из Гезихия). К. Мошинский (см. Moszyński. Pierw. zasiąg, 72) относит слав. *olъ* к тем словам, которые имеют точные соответствия во всех балтийских, а также в германских языках, особенно в др.-сев. *ǫl* 'пиво', и которые наряду с многочисленной группой названий полевых и садовых растений (róslin uprawnych, Kulturpflanzen) указывают на очень древние непосредственные лексические связи между славянской языковой областью (возможно, и балтийской) и германской. Нам кажется, что именно взгляды двух последних ученых соответствуют в наибольшей мере действительности. О положении того диалекта, из которого впоследствии развился праславянский язык, среди северноиндоевропейских (в частности) Порциг пишет следующее: «Das Germanische hat engere Beziehungen zu Baltisch und Slavisch, als zu anderen auserhalb der Westgruppe. Nur dem Lateinischen steht es offensichtlich näher». (Porzig. Glied., 145). Можно, следовательно, рассматривать древнее название пива как новообразование, свойственное германской, балтийской и славянской языковым группам и восходящее к тому времени, когда предки всех трех групп находились в длительном соседстве. Название пива кстати не единственное слово с *ŭ*-основой, унаследованное названными языками из этого периода. Ср. одинаковую ступень корневого вокализма (полная 1-ая ступень, Vollstufe 1) у названия ручной мельницы, «мельничного камня» (гот. *quairnus* < **gᵘerənu-*, др.-прусск. *girnoywis* < **girnuwis*, лтш. *dzirnus*, лит. *gìrnos*, ст.-сл. **жрьны**, **жрьнъви** < *gᵘerənū-* в отличие от др.-инд. *gravan*, кимр. *breuan* < **gᵘrāuṇ*, а также гот. *hails*, ст.-сл. **цѣлъ** и др.-прусск. *kailūstiskan* (Porzig. Glied., 140).

Соответствия германо-балто-славянскому названию пива с той же основой, но с другим, может быть, более древним значением некоторые лингвисты (см. WEWL[2,3]; V. Machek. Slovanské jméno...; Specht. Urspr.; PEW; VEW) отмечают в латинском и греческом языках. Ср. лат. *alūmen*, *-inis* ср. р. 'квасцы'[112]; лат. *alūta*, *-ae* ж. р. 1. 'выделанная квасцами мягкая, атласистая кожа', 2. 'вещь, сделанная из мягкой кожи; ремешок у башмака; башмак; кошелек', 3. 'мушка на лице' (Малинин. Лат.-русск. сл., 42)[113], греч. ἀλύδοιμος 'достойный сожаления', глоссу из Гезихия ἀλύδ(ο)ιμον· πικρὸν παρὰ Σώφρονι, а также ἀλυδμαίνειν. [πικραίνειν?] (WEWL[2], 29). Лат. *alūmen* обычно определяется как расширение основы **alu-* при помощи суффикса *-men-* (ср. **betu-*, лат. *bitūmen* 'горная смола, асфальт' и др.), а *alūta* некоторыми понимается как причастие к не засвидетельствованному глаголу **alu(i̯)ō* (WEWL[2], 29; Machek, Slovanské jméno., 210), хотя оно может быть образовано по образцу *acūmen*: *acu* — 'острие, острый конец; острый' и т. д. (WEWL[3], 34).

---

[112] В этимологическом словаре латинского языка Мейе — Эрну (Ernout — Meillet[3], I, 45) *alūmen* характеризуется как несомненно иностранное слово, как технический термин неизвестного происхождения.

[113] А. Вальде. (WEWL[3], 34) дает для *alūmen* значение 'bitteres Tonerdesalz, Alaun', для *alūta* — 'Alaunleder'.

inslav

Ф. Шпехт (см. Specht. Urspr., 195) исходит из древнего имени прилагательного[114], не обозначающего цвет и распространенного в одних языках через *-t- (др.-англ.), в других — через *-d- (греч.), а в третьих — через *-men- (лат.)[115]. Имея в виду прежде всего примеры из латинского языка (а отчасти из греческого), восстанавливают наиболее древнее значение для основы *alu 'горький' (см. Schrader. Rl², 39; Specht. Urspr., 195; PEW, 33), а название пива в качестве производного от этой основы определяется как 'горький напиток'[116].

Изучение ряда заимствований в других языках также подтверждает предположение о существовании древней ŭ-основы. Финские языки заимствовали название пива из германских и балтийских языков. Ср. западно-фин. *olut* < **alut*, согласно Траутманну (см. Trautmann. Apr. Sprd., 299), оно имеет значение 'пиво, приготовленное без хмеля'; эстон. *ollo*, *õlo*, *ollut*, *õllut*, *õllud* 'пиво' (Parrot. Versuch, 6). Эти слова заимствованы, вероятно, из германских языков, где имеется основа **aluþ-*. На фин. *olu*, диал. *olu*, вепск. *olus* Э. Френкель (FEW, 8), ссылаясь на В. Томсена (см. Thomsen. Beröringer, 157) определяет как заимствование из балтийских языков (см. еще Kiparski. Lehnw., 78).

Из славянского название пива (точнее производные от прасл. **olu-*) было заимствовано румынским языком, ср. рум. *оловинъ* (Mikl. Lex., 221), а также цыганским, очевидно, через валашский (см. Pott. Die Zig., II, 335), в котором встречается слово *olávinà* (там же) или *olovina* (Срезн. Мат., II, 663). Ср. цыганск. устар. *lovina* ж. р. 'пиво', уменьш. *lovinka*, производное *lovineskéro* 'пивовар', а также варианты к слову *lovina*: *lavanah*, *livin (bière)*, *levina*, *lowine*, *luwine*, *lumino* и т. д. (там же). На связь цыганск. *lovina* с церк.-сл. **оловина** указывал еще Ф. Миклошич (Mikl. Lex., 501). Возможно, болг. *олóвина* 'пиво' и уменьшительное от него *оловинка* явились источниками для цыганск. *lovina* и *lovinka*.

Отглагольные имена существительные, относимые с большей или меньшей вероятностью к праславянским ŭ-основам

I. Имена существительные на *-(n)ŭ-

От всех рассмотренных выше имен существительных с основой на -ŭ- имена существительные на *-(n)ŭ- отличаются тем, что они образованы от глагольных корней. В одних случаях сопоставление существительного на *-(n)ŭ- с соответствующим ему глаголом возможно в пределах одной языковой группы, например, славянской: прасл. **sta-nŭ* 'стан' — глагол **sta-tĭ* 'стать' (см., например, MES, 469); прасл. **čes-nъ-(kъ)* < **česnŭ-(ko-s)* 'чеснок' — глагол **čes-a-ti* 'чесать' (см. MEW, 35, ПЭС, 71 и SES, I, 125); в других случаях, однако, без сравнения с данными из других индоевропейских языков нельзя обой-

---

114 В качестве признака имени прилагательного он указывает на баритонное ударение в др.-англ. **alūþ-*.

115 Расширители *-t-*, *-d-* нередко примыкали к древним гетероклитическим основам, которые могли чередоваться с основами на *-i-*, *-u-*. Суффикс *-men*, как известно, генетически связан с гетероклитическими основами.

116 Ф. Шпехт (Specht. Urspr., 96, Specht. Zur Bildung, 205) противопоставляет герм. **alúþ-* 'горькое пиво; горький напиток' др.-инд. *mádhu-* и греческому μέθυ 'сладкий напиток'. В словаре Ф. Клуге (KEW[17], 75) пиво, приготовленное с хмелем (gehopftes Bier), противопоставляется пиву без хмеля, которое в германском было известно как **alu(þ)-*, а первое имело другое название, ср. нем. *Bier* и т. д.

inslav

тись при установлении глагольного характера корневой части изучаемых образований на *-(n)ŭ-. Ср., например, прасл. *činŭ 'чин' — др.-инд. глагол *cáyati* = *cinóti* 'накладывает, собирает, соединяет, строит' и авест. *čayeiti* = *činvaiti* 'выбирать' (см. PEW, 637—638); прасл. *groznŭ (*greznŭ) 'гроздь' и и.-е. корень *ghrō- : *ghrə- 'расти, зеленеть' (см. KEW[17], 267; PEW, 454; SES, 350—351); прасл. *tьrnŭ* 'терн' — и.-е. корень *(s)ter-, *tr̥- 'коченеть, быть окоченелым', служащий для обозначения жестких, окоченелых колючих стержней, стеблей растений и родственный и.-е. корню *ter- 'тереть, протирать, просверлить' (см. PEW, 1031; KEW[17], 139; МЭР, 640). К этой группе слов относится с несомненной основой на -ŭ- прасл. *synu 'сын' < и.-е. *sū́-nŭ-s*, в котором *-nŭ- выделяется по сравнению с др.-инд. *sūtē*, *suváti* 'рождает'; оно происходит от и.-е. корня *seu-, sŭ- 'рождать' (см. Mikl. Vgl. Gr., II, 115; PEW, 913; KEW[17], 714; О. Н. Трубачев. История, 48 и др.)[117].

Именно благодаря выявлению глагольного корня в изучаемых словах, что чаще всего возможно только при учете данных других индоевропейских языков, выделяется и своеобразная суффиксальная часть, начинающаяся со звука *n*. Древнеписьменные, а также современные славянские языки указывают на то, что в форме именительного падежа единственного числа эта суффиксальная часть выступает в виде *-nъ* (ср. ст.-сл. **сынъ**, **чинъ**, **станъ**) и с распространением через суффикс *-ko- (ср. ст.-сл. **сынъкъ**, **станъкъ**; русск. *сынóк*, *станóк* и т. д.). Это *-nъ* однако, как известно, не однозначно, ибо оно может в одних словах восходить к *-nŭ-*, как, например, в ст.-сл. **сынъ** по сравнению с лит. *sūnùs*, др.-инд. *sūnu-*, гот. *sunus* и т. д., а в других словах — продолжать старое *-nŏ-*, как, например, в ст.-сл. **грънъ** 'дымовая труба, очаг, горн' по сравнению с др.-инд. *ghṛṇá-* 'жара, пыл, жар', лат. *fornus* 'печь' и и.-е. глаг. корнем *g^{u}her-* 'быть теплым', который содержится в прасл. *gorěti*, из чего следует, что *gъrnъ также является древним отглагольным образованием[118]. Таким образом, вопрос об именах существительных на *-nŭ- прежде всего вопрос о разграничении образований на *-nŭ- и образований на *-nŏ-.

---

[117] А. Мейе (Meillet. Ét., II, 453—454) причисляет к основам на *-nŭ-*, не имеющим соответствий вне славянских языков, еще ст.-сл. **опрѣснъкъ** 'незаквашенный хлеб', **члѣнъ** 'член', **сынъ** 'башня'. О первом из этих слов см. еще у А. Вайана (Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120). По своему звуковому составу сюда еще примыкает ст.-сл. **санъ** 'ἀξίωμα', для которого ряд исследователей с большей или меньшей уверенностью предполагают *ŭ*-основу (см., например, Leskien. Handbuch[6], 76); Meillet. Ét., II, 243, 292; Кульбакин. Др.-церк.-сл. яз.[2], 147; Н. Ван-Вейк. Ист. ст.-сл. яз., 245; VEW, II, 575 и др.). Однако в отношении этих слов нужно сказать следующее: во-первых, для них невозможно найти соответствующих глаголов, от корней которых они могли быть образованы; во-вторых, только два из них (**опрѣснъкъ** и **члѣнъ**) являются славянскими по происхождению, но их недостаточная этимологическая прозрачность не дает нам права для морфологического членения на корневую часть и *-nъ* (< *-nŭ-); два же слова (**санъ** и **сынъ** 'башня' с церковнославянским вариантом **соунъ**) являются явными заимствованиями старославянского языка из языка неславянских булгар на Балканах (VEW, II, 575; III, 57 и Sadnik — Aitzetmüller, 297—298 и 313).

[118] При анализе образований на *-no- следует иметь в виду, что в некоторых случаях это *-no- слагается из -n- от древних гетероклитических основ и основообразующего звука -o- (многие древние гетероклитические основы тематизировались), как, например, в ст.-сл. **сънъ** < *supno-s, ср. греч. ὕπνος, но лат. *sopor* 'глубокий сон', хет. *šuppariia* 'спать' (см. Иванов. О значении хеттского языка, 15—16); в ст.-сл. **сланъ** < *solno 'соленый' (см. Бенвенист. Им. сл., 31—32), **лоуна** — форма ж. р. к *louksno с и.-е. суффиксом *-sn-o (там же, 131). Древнюю гетероклитическую парадигму *su-i- и *su-n- для и.-е. sū́nu-s предполагает А. Жюре (цит. по кн. О. Н. Трубачева. История. . ., 48, прим. 227), что, по-видимому, не так, ибо, как ниже будет видно, и.-е. слово для 'сын' хорошо объясняется, исходя из образований на *-nŭ и *-i̯u (в греческом и тохарском).

inslav

Единственным примером, в котором *-nŭ- восстанавливается как несомненное и древнее, является название сына в большинстве индоевропейских диалектов, включая сюда и тот диалект, из которого впоследствии развился праславянский язык. Ср. с долгой корневой гласной др.-инд. *sūnú-* м. р., лит. *sūnùs* и ст.-сл. **сынъ** и с краткой корневой гласной прагерм. **sunu-s* (др.-в.-нем. *sun(u)*, др.-сакс., др.-фрийск., др.-англ. *sunu*, гот. *sunus* и т. д.), отражающие, очевидно, чередование долгой и краткой ступени корня **sū-* || **sŭ-*[119]. Кроме того, **-nu-* содержится еще и в авест. *hunu-* 'сын'. Очевидно существование образований на **-i̯u-* — ср. греч. критск. υἱός (Specht. Urspr.. 89), атт. υἱύς и υἱός (υἱός вторичное из **su̯ū́s*, так же как υἱύς), — и на **-tu-*, ср. др.-инд. *sū́tu* м. р. 'беременность', др.-ирл. *suth* < **sutu-s* 'рождение, плод' наряду с образованием на **-nŭ-* неслучайно. Другими словами, *ŭ*-основа в индоевропейском названии для 'сына' и 'рождения, плода' довольно широко распространена и весьма архаична. Поэтому неудивительно, что и в славянских языках, древних и новых, мы находим многочисленные свидетельства о древней *ŭ*-основе этого слова[120]. Оно является одним из наиболее достоверных слов, если не самым достоверным, которое принадлежало к типу склонения основ на *-ŭ-* (см. Meillet. Ét., II, 453).

Кроме того, еще для прасл. **tьrnъ* 'терн' можно привести точное соответствие из готского языка, содержащее **-nŭ-*: *þaúrnus* 'терн' (см. Feist. Got. EW, 273; Specht. Zur indogermanischen Sprache, 11, Anmerkung)[121].

---

119 Возможно и другое объяснение, а именно предположение сокращения долгого корневого *-ū-* в некоторых индоевропейских диалектах (в нашем случае в прагерманском) в безударном корневом слоге. Эта трактовка основана на реконструкции индоевропейской праформы со старой окситонезой.

120 Позволим себе указать на некоторые из них. Помимо сохранения почти полной падежной парадигмы, характерной для древнего типа склонения основ на *-ŭ-*, имеется немало других свидетельств о древней *ŭ*-основе праславянского слова **sūnu-s*, как, например, многочисленные производные с *-ov-*; ст.-сл. **сыновьство** (Син. Псалт.); словен. *sinovstvo*; чешск. *synovstvo*, *synovství*; др.-русск. **сыновьство**; церк.-сл. **сыновьць**, **сыновица**; словен. *sinovec*, *sinovica*, *sinovka*, *sinovlja*; болг. *синовица*; чешск. *synovec*, *synovka*; укр. *синовéць*, *синовúця*; др.-русск. **сыновьць**, **сыновица**; блр. *сынóвая* 'жена сына, невестка'; укр. *синовá*; церк.-сл. **сыновъ** 'filius fratris'; чешск. *synův*, *-ova-*, *-o* 'сына'; церк.-сл. **сыновьль** 'filii'; церк.-сл. **сыновьныи**; болг. *синóвен*; др.-русск. **сыновьнии**; др.-русск. **сыновьскъ**; др.-чешск. *synovský*; словен. *sinovski*: укр. *синівський*; польск. *synowski*, *synowiec*, *synova*; церк.-сл. **въсыновлѥниѥ**, **въсыновити**, **сыновлѥниѥ**; польск. *usynowić* и т. д.; см. также образование, расширенное через суффикс **-ko-*: **synъkъ*, церк.-сл. **сынъкъ**, русск. *сынóк* и т. д.

121 В некоторых других индоевропейских языках засвидетельствованы другие основы, ср. др.-инд. *tŕ̥na-* 'былинка, трава, травка', греч. τερναξ 'стебель артишока, кактуса', ирл. *trāinīn* 'былиночка'. Однако предположение о древней *ŭ*-основе в этом слове подтверждается еще и целым рядом фактов из славянских языков. Ср. ст.-сл. **трьновъ** (Зогр., Мар., Асс.), церк.-сл. **трьноватъ**, **трьновьнъ**, **трьновъ**, **трьновьскъ**, **трьновъ**, **отрьновлѥнъ**; др.-русск. **тьрновьныи** = **тьрновьныи**, русск. церк.-сл. **подъ трьнъмь** — форма тв. п. ед. ч. (см. Sadnik — Aitzetmüller, 138; Вост., II, 71, 467; Срезн. Мат., III, 1086) и из современных славянских языков: **tьrnov-ic-a* — болг. *трьновица*; чешск. *trnovice* < **trnovica*; польск. топ. *Tarnowica*; серб. топ. *Trnovica*; словен. топ. *Trnovica*; слав. топ. в Румынии *Târnauca*, *Tarnăviţa*, *Târnoviţa*; слав. топ. в восточной Германии (Мекленбург) *Tarnewitz*, по памятникам *Tarnevitz* и *Tarneuize*; *tьrnov-ik* — русск. *тернóвик*; словен. *ternovic*; **tьrnov-ьje*: словен. *ternôvje* наряду с *tèrnje*; чешск. *trnovî* < **trnovьje*, наряду с *trnî*; полаб. *tarnául'a* < **tarnavl'a* < **tьrnovьja*; др.-польск. *tarnowie*; **tьrnov-an-*, чешск. *trnovaný*, чешск. топ. *Trnovan*; восточнослав. топ. *Тернووновка*; **tьrnov-ьcь* — чешск. топ. *Trnovec*; восточнослав. топ. *Терновцов*; словен. *tŕnavec*; **tьrnov-isko (-iste-)* — русск. *тернóвище*; чешск. *trnovisko* = *trnovište*; полаб. *tarnéiste* < **tarnevište*, *tarnôvëiste*, **tьrnovьn* — русск. *тернóвник*; чешск. *trnovník*; словен. *ternôvnast*; **tьrnov-it- (-at-)* — укр. *терноватий*; чешск. *trnovatý*, *trnovitý*, словен. *trnovît*;

inslav

Таким образом, только в двух случаях данными других индоевропейских языков указывается на древность образований на *-nŭ-[122].

Во всех последующих примерах установление суффикса *-nŭ- находит опору только в отражении флексии, характерной для типа склонения основ на -ŭ- в праславянском языке. Из них наиболее достоверными словами с древней флексией ŭ-основ следует считать, на наш взгляд, прасл. *groznъ, *stanъ, *činъ — доказательства см. в конце этого раздела в статьях «*groznъ (< *groznŭ)», «stanъ (< *stanŭ)», «činъ (< *činŭ)».

Менее достоверным словом в отношении древности и исконности флексии, характерной для ŭ-основ, является прасл. *česnъkъ. В отношении слова *česnъkъ можно предполагать и переход исконной основы на *-nŏ- в группу основ на *-nŭ-. Условием для такого процесса могло быть затемнение различий конечных -ŭ и -ŏ, что нашло свое отражение в их совпадении в редуцированном звуке непереднего ряда (-ъ-). На этот вопрос мы здесь не можем дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа, так как для этого понадобилось бы специальное исследование, в котором были бы подвергнуты пристальному анализу не только все имена, восходящие, вероятно, к основам на *-nŭ-, но и праславянские имена на -nŏ-. Это совершенно самостоятельная тема, решение которой мы не могли взять на себя. Хотелось бы только, опираясь в основном на материал, представляющий с уже оговоренной долей вероятности образования на -nŭ, наметить некоторые пути, по которым, как нам кажется, можно вести дальнейшее, более расширенное и углубленное изучение этой проблемы.

Во-первых, как уже говорилось, необходима как можно более полная инвентаризация материала, относящегося к данным вопросам.

Должны быть привлечены и образования на *-nŭ- и образования на *-nŏ-, а также наряду с именами существительными имена прилагательные.

Во-вторых, должны быть определены значение и функции *-nŭ- и *-nŏ- в индоевропейском праязыке и прослежены их изменения, насколько это возможно, в праславянском языке.

Несомненно, образования на *-nŭ- и на *-nŏ- наличествовали хотя бы уже в эпоху существования отдельных индоевропейских диалектных групп. А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 453) определяет образования на *-nŭ- как существующие в индоевропейском праязыке только в изолированных случаях.

Относительно значения индоевропейского суффикса *-nŭ- имеются, в основном, две точки зрения. Одни ученые, например, В. Махек (см. MES, 491), О. Н. Трубачев (см. История, 48) видят в нем «суффикс отглагольных образований пассивного залога» и в соответствии с этим определяют, например, и.-е. *sŭ-nu-s как 'rożenec', 'рожденный матерью'; другие ученые, например, Ф. Клуге, Ф. Шпехт, Ю. Покорный рассматривают его как суффикс, служащий для образования отглагольных, отвлеченных имен существительных (Verbalabstrakta) и, согласно их трактовке, и.-е. *sŭ-nu-s, а также sui̯ús (представленное в греческом

*tьrnov-ka — русск. *терно́вка*; чешск. топ. *Trnovka*; восточнослав. название реки *Ternika*: *Бальшая Терновка* и *Терновка*; восточнослав. топ. *Терновка* и т. д. — Следы ŭ-основы, следовательно, встречаются в германских (готском) и славянских языках. Возможно, здесь имеет место одна из многочисленных славяно-германских параллелей, особенно широко распространенных среди названий растений.

[122] А. Мейе (Meillet. Ét., II, 453—454), считая только *synъ имеющим соответствия в других индоевропейских языках и поэтому самым достоверным примером для основ на *-(n)ŭ-, рассматривает большинство этих основ как сомнительные случаи из-за смешения основ на -ŏ- и основ на -ŭ-.

inslav

и тохарском) означает первоначально *das Gebären 'рождение', 'Geburt', а потом и 'плод, сын' (PEW, 913; KEW[17], 714) или просто 'Nachkommenschaft', т. е. 'потомство' (Specht. Urspr., 89). Первое объяснение особенно убедительно в отношении упомянутого названия родства и, как недавно показал О. Н. Трубачев, хорошо увязывается по своей семантической структуре с другими названиями сына в индоевропейских языках, например, с лат. *filius*, лтш. *dēls* 'вскормленный матерью' и с германским названием, содержащим корень **bher-* 'носить'. Второе предполагает определенное семантическое развитие, но охватывает и названия того же корня в других индоевропейских языках (**sulus* — в греческом и тохарском, **su-tu* — в ирл. *suth* 'роды, плод'), стоящие несомненно в определенных отношениях к образованию на **-nu-*. Ф. Шпехт (см. Specht. Zur Bildung, 207) определяет все три архаичных образования (**sŭ-nu-s*, **su-lu-s*, **su-tu*) как отвлеченные отглагольные имена существительные. Далее он к этой же группе отвлеченных отглагольных имен существительных относит ст.-сл. **чинъ** и **станъ** (Specht. Die Flexion, 221), что кажется вполне правдоподобным. Прасл. **tьrnъ*, несмотря на то, что оно обозначает конкретный предмет, можно было бы определить как 'окоченелое', а **groznъ* как '(вы)росшее, ставшее зеленым'. Итак, возможно, внутри группы образований на *-nŭ* наблюдаются, с одной стороны, имена-действия с оттенком пассивности, а с другой стороны, имена-действия отвлеченного и конкретного значения.

В-третьих, следует изучать вместе вопрос об образованиях на *-nŭ-* и вопрос об образованиях на *-tŭ-*. Последние по своему значению ближе всего стоят к отвлеченным отглагольным именам существительным типа **чинъ** и **станъ** (см. об этом ниже в разделе «Имена существительные на *-tŭ-*»).

Наконец, представляется целесообразным рассматривать совместно вопрос о распространении имен существительных на **-nŭ* и **-tŭ* с помощью суффикса **-ko-*. Суффикс **-ko-* легко присоединяется к древним *ŭ*-основам. Ср., например, праславянские имена прилагательные с основой на *-ŭ-*, впоследствии расширенные этим суффиксом, как **soldu-ko-s* 'сладкий' и т. д. Среди образований на **-nŭ* и **-tŭ* производные с расширением **-ko-* широко распространены. Однако и здесь возникает вопрос, в каких случаях мы имеем дело с распространением древней **nŭ*-основы через **-ko-*, как например в случаях с прасл. **synъkъ*, *pasynъkъ* (см.: Vondrak. Vgl Gr.[2], I, 490; Трубачев. История, 53) и, вероятно, **stanъkъ* А. Мейе. Общсл. яз., 289), а в каких случаях **-ъkъ-*, воспринятое уже как суффикс, могло присоединиться и к другим образованиям, ср., например, прасл. **čelnъkъ* с *-nъ-*, еще недостаточно ясным в генетическом отношении, или ст.-сл. **опрѣснъкъ** и лит. *prĕskas* 'незаквашенный, пресный, свежий' (FEW, 652; о возможно вторичном характере прасл. **česnъkъ* см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 120). Возможно, что и такие образования, как например ст.-сл. **останъкъ** (церк.-сл. **останъкъ**, с.-хорв. *ȍстанак*, русск. *оста́нки*) и др.-русск, **пристанъкъ**, соотносимые с глаголами *ostati*, *pristati*, являются вторичными. В этой связи заслуживает внимания высказанный А. Лескиным взгляд на происхождение образования *ostanъkъ* из **ostanъ*, причастия прошедшего времени страдательного залога (см. Leskien. Gr. abg. [2–3], 84). Более поздним и вторичным по своему образованию являются, вероятно, также русск. *осанка* 'важный вид, манера' < < **o-san-ъk-a*. Мысль А. Вайана (Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120), согласно которой существование суффикса *-nŭ-* доказывается в первую очередь расширением *-nŭkŭ* в таких старославянских словах, как **останъкъ**, **опрѣснъкъ**, нуждается, таким образом, в дальнейшей проверке.

inslav

groz-nŭ

Прасл. **groznъ* 'гроздь, виноградная кисть' засвидетельствовано ст.-сл. **грознъ** (Мар., Супр. р. — Sadnik—Aitzetmüller, 31); слвц. *hrozno* (Jánošík—Jóna, 804); чешск. *hrozen*, род. п. ед. ч. *hroznu* (Kott, I, 499); др.-чешск. *hrozn*, *hrozen*, *-na* (Geb. Sl. st. č. I, 505); ст.-польск. (XV—XVII вв.) *grozno* (SES, I, 350)[123]; укр. гро́зно (Грінченко, 1, 329), русск. церк.-сл.[124] **грознъ**, **грозны** вин. п. мн. ч., **грезно**, **грьзно**, **грезнъ**, **грознъ**, **грьзнъ** (Срезн., Мат., I, 586, 587, 596).

А. Мейе (Meillet. Ét., II, 384—385, 454) впервые указал на то, что ст.-сл. *groznъ* нужно отнести к *ŭ*-основам, о чем, по его мнению, свидетельствует производное *groznovije* 'βότρυς'. Он включает *groznŭ* 'σταφυλή' в группу слов с основой на *-nŭ*, не имеющих соответствий в других индоевропейских языках. А. Преображенский (ПЭС, I, 160), очевидно, следуя Мейе, утверждает, что, как слово **гроздъ**, так и слово **грознъ** — основы на *-ŭ*(*-ъ-*). Э. Бернекер (BEW, I, 355) пишет, что *groznovije* указывает на *ŭ*-основу. Далее он предполагает, что прасл. **grozdъ* (**groznъ*) может быть из **gros-d(h)o-* **gras-nu*[125] и тем самым родственны гот. *gras*, др.-в.-нем. *gras*, 'трава' и т. п. Иначе говоря, Бернекер считает, что, возможно, в праславянском языке существовала основа на *-nŭ-* **groznu*. В. Вондрак при анализе ст.-сл. собир. *groznovije* 'относящийся к groznъ', встречающегося в Супрасльской рукописи (см. Vondrak. Vgl. Gr²., I, 510), склонен рассматривать последнее как вероятную *ŭ*-основу, но др.-польск. и совр. польск. *grono* 'Traube, гроздь' он возводит к **grozno*, **grozdno* (там же, 526). Ф. Славский (SES, I, 350) реконструирует наряду с праформами **gron-*, **gran-* родственные им основы на *-ŭ-* **groznъ*, **grozdъ*, образованные при помощи других суффиксов и восходящие, вероятно, к и.-е. **ghrə-s-nu*, **ghrə-s-dhu*. М. Фасмер (VEW, I, 310) снабжает ст.-сл. *grozdъ*, *groznъ* следующим замечанием: «древняя *ŭ*-основа»[126] (см. еще Meillet. Ét., 454; Meillet. — MSL, t. 20, 99).

Падежные формы и производные, характерные для древних *ŭ*- (точнее *nŭ*-)-основ: род. п. мн. ч. ст.-сл. **грозньвъ** (Супр. р., 397 — Diels. Aksl. Gr., 154); ст.-сл. **грозновиѥ** 'грозди, плоды' (Супр. р. — Вост., II, 184; Sadnik — Aitzetmüller, 31); церк.-сл. и др.-русск. **грозновиѥ**, **грьзновиѥ** собир. к **грознъ** 'виноград' (Срезн. Мат., I, 596) **грезнови**, **грьзнови** 'виноградные ягоды' (Срезн. Мат., I, 587):, др.-чешск. *hroznowe* (Geb. Sl. st. č, I, 505); имя прил. др.-русск. **грезновъ** 'относящийся к **грезно**, виноградной ягоде' (Срезн. Мат., I., 587); др.-чешск. *hroznowy*[127] 'гроздовый' (Geb. Sl. st. č., I, 505); др.-чешск., вероятно, род. п. ед. ч. *krev hrozdnu* (там же); др.-русск. форма им. п. мн.-ч. **грозновє** (памятник XI в.), **грьзновє** (памятники XII и XIII вв.) и форма род. п. мн. ч. **грезновъ** (цит. по Срезн. Мат., I, 587, 596); чешск. *hroznovina* 'вино' (Kott, VII, 1267), *hroznoví* 'стебель виноградной кисти', *hroznovitý* = *hroznovatý* 'подобный виноградной кисти'

---

[123] Польск., кашуб. *grono*; с.-хорв. *грȍња*; болг. *гронка*, *гранка*; русск. *гра́нка* (SES, I, 350; Славский имеет здесь, очевидно, в виду русск. *гра́нка* 'сросшиеся в кучу русские орехи, как родятся они на одном стебле' — Сл. р. яз., 895), а также варианта к **groznъ*, **grozdъ* мы здесь не касаемся.

[124] Ф. Миклошич (Mikl. Radices, 18) пишет, что **грознъ** «e dialecto russica».

[125] С. Фейст (Feist. Et. Wb³, 220) отрицает связь гот. *gras*, лат. *gramen* 'стебель, трава' со ст.-сл. *groznъ*, *grozd*, не совсем точно передавая установленную Бернекером праформу как **ghrasno-*; Л. Садник и Р. Айцетмюллер (Sadnik—Aitzetmüller, 240) предполагают, что, вероятно, исходным для *grozdъ*, *groznъ* являются **gras-d(h)o*, *gras-d(h)nu-*.

[126] Так, нужно, очевидно, читать вместо «alter *n*-St.», где *-n-* является явной опечаткой.

[127] Ср. чешск. *hroznový* с тем же значением (см. Kott, I, 499).

inslav

(Kott, I, 499) слвц. *hroznovitý* — то же самое (Jánošík — Jóna, 804); чешск. *hroznovka* 'гроздь', *hroznovec* 'виноградный куст' (Kott, VI, 377); *hroznovník* 'uvaria' (Kott, I, 499); наконец, еще восточнослав. местн. назв. *Грезновские Выселки* (Сп. нас. м., XXIX, 169) и др.-русск. фамилия *Грозновъ*, Федор (Туп., 525).

Суффиксальный комплекс *-nъ-* в прасл. **groznъ* (возможно, что наряду с ним был и вариант с другим корневым аблаутом **greznъ*, см. VEW, I, 306) выделяется уже на основании сравнения его с вариантом **grozdъ*[128]. Если оба слова действительно сравнимы с выше упомянутыми германскими словами, то *-z-* тоже, возможно, оказывается суффиксальным элементом (см. KEW[17], 267, где *-s-* в нем. *Gras* 'трава' рассматривается как суффиксальное, так же как *-n-* в нем. *grün* 'зеленый', и оба слова относятся к корню **ghrō-* : **ghrə-* 'расти, зеленеть'). Этот же глагольный корень, возможно, содержится и в рассматриваемом праславянском слове (см. еще SES, 350—51 и PEW, 454).

sta-nŭ-

Прасл. **stanъ* (< **sta-nŭ-*) засвидетельствовано ст.-сл. **станъ** м. р. '(военный) лагерь' (Син. Псалт. — Sadnik—Aitzetmüller, 124); болг. *стан*, член. *ста́нът*) 1. поэтич. 'тело человека, рост'; 2. мн. ч. *станове* 'лагерь (военный, туристов, пионеров), место вне населенного пункта, где живут в палатках'; 3. 'станок ткацкий' (Речн. събр., III, 295); 'стан, лагерь (боевой стан); кусок полотна на рубашку или штаны' (Дювернуа, 2244); 'рост, постав, стоянка' (Геров, V, 252); с.-хорв. *ста̑н*, род. п. ед. ч. *ста̑на*, местн. п. ед. ч. *ста́ну*, мн. ч. *ста̑нови* 1) 'квартира', 2) 'пастушья хижина', 3) 'текстильный стан', 4) воен. 'ставка' (Толстой, 907); серб. диал. *ста̑н*, 'часть рубашки, которая обматывает (обертывает) тело человека, без рукавов' (Елезовић. Реч. кос.-мет., 265); словен. *stân*, род. п. ед. ч. *stâna*, *stânu* 'здание, квартира, загон; туловище; место стояния, положение' (VEW, III, 3); 'место стояния; постановка, положение' (Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 667); чешск., слвц. *stan* 'положение, лагерь, жилище, хлев' (MES, 459); др.-чешск. *stan* 'шатер' мн. ч. 'палатки, лагерь' (Trautmann. Alex., 132); 1) 'становище, стоянка, место стояния', 2) 'дом, квартира', 3) 'палатка', 4) *stánek boží* 'храм' 5) в Словакии 'туловище, тело, стан' (Kott, III, 623); в.-луж. *stan* '(крыша) палатки; палатка на рынке, лавка' (Jakubaš, 345); н.-луж. *stan* 'палатка' (VEW, III, 3)[129]; польск. *stan* 'положение, состояние; сословие; род; общественное положение; сан; государственные чины; государство; место стояния, стоянка; рост человека, туловище, стан, телогрейка' и т. п. (Linde, V, 433)[130]; блр. *стан*. 1) 'скат, полный прибор колес для телеги', 2) 'состояние, звание, сословие', 3) 'место, избранное для становища' (Носович, 613); укр. *стан*, род. п. ед. ч. *стану* 1) 'состояние, положение', 2) 'сословие, звание', 3) 'стан, талия, 'рост', 4) 'верхняя часть женской рубахи до «підтички», без рукавов', 5) сшитая половина пла́хти', 6) 'стан, лагерь', 7) 'помещение станового', 8) 'конюшня', 9) '4 колеса, прибор колес для телеги' (Грінченко, IV, 196); русск. *стан*; род. п. ед. ч. *ста́на*, *стану́*; мест. п. ед. ч. *ста́не*, *стану́* 1) 'туловище; часть одежды; сшитые полотнища, закрывающие туловище' (обл.); 2) 'место расположения, стоянки; лагерь (книжн.,

[128] О чередовании расширителей *-d-* и *-n-* в названиях деревьев и растений см.: Specht. Urspr., 230. О прасл. **grozd* см. ниже.

[129] В полабском языке засвидетельствованы производные от этого слова: *stanêića* 'поселение', *stanêiste* 'место лагеря' (Rost. Polab. Spr. r., 424).

[130] По мнению А. Брюкнера (см. Br. Sł., 513), *stan(ъ)* — праславянское название для 'палатки, шатра'.

inslav

обл.), войско, воюющая сторона (перен.), почтовая или ямская станция, место для отдыха и мены лошадей в пути; административно-полицейское подразделение уезда' (дореволюц.) 3) 'сложная большая машина, служащая для изготовления крупных металлических изделий (тех.); прибор, механизм для тканья (тех. обл.); полный комплект, набор чего.-л. (обл.), подножие улья (обл.)' (Ушм., IV, 479—480)[131]; др.-русск. (и русск. церк.-сл.) **станъ** 'стоянка, место остановки; подстава (в пути), станок; стан, лагерь; жилище, дом; страна, предел; округ (волостное деление); постав в весах, куда кладут товар при вешанье; постоянство[132]; отступление, нарушение' (Срезн. Мат., III, 492—494); церк-сл. **станъ** 'ξενοδοχεῖον, гостеприимство, приют, пристанище, постоялый двор; убежище, логовище'; 'παρεμβολή, castra, лагерь' (Mikl. Lex.; Вост., II, 370).

Вопрос о первоначальной основе прасл. **stanъ* (< **sta-nu-*) еще окончательно не решен, хотя большинство ученых высказывается особенно в новейших работах в пользу древней *й-* или точнее *-n(й)-* основы. Преимущественно в более старых исследованиях распространено мнение, согласно которому ст.-сл. **станъ** является очевидной основой на *-ŏ-* (см. Fick. Vgl. Wb., I³, 245; Leskien. Handbuch⁶, 76; Grdr., Bd. II, T. I, 258) или образовано путем присоединения суффикса *-no-* (Vondrak, Vgl. Gr., I², 526; PEW, 1004). Основанием подобной трактовки является обычно то, что в соответствиях славянскому слову в других индоевропейских языках обнаруживается *-ŏ-* (или *-nŏ-*) основа. Ряд других исследователей относится поэтому с сомнением к установлению *й*-основы. Ср., например, праформу, которую дает Р. Траутманн (TWb, 282): *stāna* (*stānu*?).

Однако, как уже было сказано, господствующим взглядом несомненно является тот, согласно которому для прасл. **stanъ* устанавливается основа на *-й-* или *-nй-*; *й*-основу отмечают А. Будилович (Анализ, 133); (для др.-чешск.) Я. Гебауер (Geb. Hist. ml. j. č., III, 331); (с вопросом) А. Брюкнер (Br Sł., 513)[133]; Б. Унбегаун (Unbegaun. LR, 82, 95), исходя из свидетельств старославянского, древнерусского, древнепольского и древнечешского языков; Н. Ван Вейк (Ист. ст.-сл. яз., 244—245 — он считает ст.-сл. **станъ** вероятной основой на *-й-*); Р. Нахтигал (Nachtigal. Slov. jez., 25) и М. Фасмер (VEW, III, 3)[134].

Ряд лингвистов прасл. **stanъ* определяют более точно, а именно как основу на *-nй-*. Впервые на это обратил внимание Ф. Миклошич (Mikl. Vgl. Gr., Bd. II, 28). Он поместил слово *stanъ* в разделе «Суффикс *ъ* (*u*)», выделяя в рассматриваемом слове *-n-*, как в других словах того же типа, например, *činъ*, *synъ* и т. п. С наибольшей глубиной и убедительностью вопрос о принадлежности прасл. **stanй* (и его соответствий в других славянских языках) к основам на *-nй-* разработал А. Мейе. Он причисляет рассматриваемое слово к небольшой группе славянских слов с основой на *-nй-* (Meillet. Ét. II, 454)[135], (это *-nй-*

---

[131] И. А. Елизаровский (Лексика, 98) определяет 'стан, становище', исходя из болг. *стан* 'стоянка, ночлег', серб. *стан* 'жилище; остановка' и др.-русск. (по терминологическому словарю Кочина): 1) 'военный лагерь, 2) стоянка кочевников, 3) промежуточный пункт, станция, где отдыхают или сменяют лошадей (по Срезн.), и место остановки в пути', как и 'место остановки для временного проживания'. Он указывает на то, что у А. Подвысоцкого (Сл. обл. арханг. нар.) *стан* определяется как 'поселок, обитаемый только на время рыболовного сезона'.

[132] См. еще Mikl Lex., 880 и Вост., II, 370.

[133] Брюкнер указывает на сочетание *do stanu* и глагол *stanowić*.

[134] Фасмер пишет, что русск. *стан* (и его славянские соответствия) — старая славянская *й*-основа.

[135] А Преображенский (ПЭС, 377), следуя за Мейе, выделяет в ста-нъ суффикс -нъ-, который отличается от и.-е. *-no-*, например, в др.-инд. *sthánam*,

inslav

он возводит к и.-е. *neu- (Meillet Ét., II, 241, 253, 292), основываясь на архаичных, характерных для склонения основ на -й- падежных формах, а также на производных, представляющих распространение основы на -nй- суффиксом -ko-, как например ст.-сл. станъкъ, русск. стано́к, серб. stȃnak, ст.-сл. останъкъ, русск. оста́нок, серб. ȏstanok, (Meillet. Ét., II, 334, 454; Общсл. яз., 289)[136]. В. Поржезинский (Ср. гр. сл. яз., 78) констатирует, что общесл. (его термин. — *Р. Э.*) *stanъ может быть старая основа с суффиксом -nй-, которая, однако, уже склоняется как ŏ-основа. Только форма местн. п. ед. ч. станоу, по его мнению, является остатком старого склонения. В. Вондрак (Vondrak. Vgl. Gr., I, 486) также объясняет слав. sta-nъ 'лагерь' как образование с суффиксом -nй-[137]. У Ф. Шпехта (Specht. Die Flexion, 221) среди старославянских отглагольных имен существительных с абстрактным значением, которым соответствуют такие же имена существительные на -й и -nй- в древнеиндийском и основы на -ū- и -nū- в греческом, фигурирует и слово stanъ[138] П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist., 46—47) приводит ст.-сл. станъ, местн. п. ед. ч. станоу и производное станъкъ в той части своей работы, где он рассматривает имена прилагательные с основой на *-nй-. В Махек (MES, 469), принимая во внимание данные склонения (формы род. и местн. п. ед. ч. на -u-) и производные с -ov-, заключает, что прасл. *stanъ было й-основой, образованной при помощи суффикса *-nu-/*neu от корня sta- (в чешск. státi). Суффикс в славянском слове является, по его мнению, более древним, чем *-no-, содержащееся в соответствующих словах других индоевропейских языков, как например в лит. stȯnas и др.-инд. sthānam. А. Вайан (Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 120) пишет, что достоверность существования суффикса -nй- не обеспечивается только флексией нескольких слов с конечным -nй-, вроде -činй, род. п. ед. ч. čina и činu, а прежде всего распространением -nйkй в старославянских словах типа ostanйkй 'остаток' и т. п.[139].

В последующей части статьи делается попытка доказать, что прасл. *stanъ < *stanй, будучи образованием на -nй-, принадлежит к группе слов с несомненной й-основой.

Ср. производные с -ov- из современных славянских языков и диалектов:

1. *stanov- + суф. -isko- (-ište-) или суфф. -je-: русск. станови́ще (или становьё)[140] 'стан, лагерь, стоянка' (Даль, IV, 313); русск, диал. 1) 'место, где останавливаются проезжающие, в поле для отдыха лошадям и для ночлега' — иркутск., 2) 'млечный путь' (Опыт, 214); русск. диал. станови́ще 1) 'одна или несколько изб в лесу, обычно на берегу реки, озера для временного пристанища промышленников. Таковы охотничьи избушки', 2) 'закрытая бухта для остановки рыболовных судов и с рядом изб на берегу для ночевки рыбаков' (Елизаровский, Лексика, 222);

---

136 В своем более позднем труде А. Мейе (см. Общсл. яз., 331) станъ 'место стоянки' и производное станъкъ относит к наиболее достоверным основам на -й-.

137 Вондрак отмечает *nй-основу для stanъ в 1-м издании своей «Сравнительной грамматики» (Vgl. Gr.[1], I, 486), nŏ-основу во 2-м издании (Vgl. Gr.[2], I, 526).

138 Р. Нахтигал в одной из своих работ (Nachtigal. Akz., 118), ссылаясь на В. Вондрака (Vgl. Gr.[1], I, 486), очевидно, тоже склонен считать русск. станъ не просто й-основой, а образованием на -nй-, на что указывает его членение ста-нъ и сравнение этого слова с чинъ, сынъ.

139 В этимологических словарях И. Голуба — Ф. Копечного и Ст. Младенова вопрос о старой основе изучаемого слова не затронут.

140 Ср. еще ст.-польск. stanowie, как русск. становьё, из stanov- + суф. собир. знач. -je-, которое по свидетельству А. Брюкнера (см. Br. Sł. 513), в Библии употребляется исключительно тогда, когда речь идет о палатках.

inslav

(*обсушное*) *становйще* 'место, на котором судно, зайдя в большую воду, при малой воде обсохнет или останется на мели' — арханг. (Опыт, 135); укр. *станóвище* 1. 'положение, место', 2. 'позиция, стан, лагерь' (Грінченко, IV, 196); блр. *становішча* 'положение' (Байкоў, Белар., 300); болг. *станóвище* 'установка, мнение по известному вопросу; взгляд: воззрение, убеждение' (Речн. съвр., III, 295); с.-хорв. *становиште* 'точка зрения, позиция'; словен. *stanovišče* 1. 'стол, не имеющий устойчивого положения', 2. 'квартира, место пребывания', 3. 'точка зрения' (Pleteršn. Wb., II, 567); чешск. *stanovisko*, *stanovište* (Kott, III, 623, 627), 'место стоянки', 'точка зрения'; полаб. *staneiste* 'лагерь' (Rost. Polab. Spr. r., 424), очевидно, из **stanejiste* < **staneviste*; польск. *stanowisko* 1. 'пост', 2. 'точка зрения', 3. 'приличие' (переносно), 4. 'военная позиция'; кашуб. *stanoviskœ*, *stanovišče* — то же, что польск. *stanowisko* (Ramułt. Sł., 202). Ср. еще восточнослав. топ. названия *Становище* (Сп. нас. м., XL, 79) и *Становищи* (Сп. нас. м., XXIV, 256);

2. **stanovit-* (т. е. имена прилагательные на *-ovit-*): блр. *становитый* 'положительный' (Носович, 613), *становіты* 'серьезный, основательный' (Байкоў. Белар., 300); болг. *станови́тен*, *становит* 'целый, массивный' (Геров, V, 252); с.-хорв. *станȍвит*; *ста̏нован* 'крепко установленный' (Караџић, 735), словен. *stanoviten* 'постоянный, крепкий' (Murko. Dtsch.-slov., 555); *stanovît* 1. 'постоянный, усердный', 2. 'определенный' (Pleteršn. Wb., II, 567), чешск. *stanovitý* 'твердо установленный' (Kott. III, 628);

3. **stanovьn-* (т. е. основа имени прилагательного с суффиксом *-ьn-*): блр. *станоўны* 'постоянный, установленный' (Байкоў. Белар., 300); укр. *станівний* (*станівкий*)[141] 1. 'постоянный, установившийся', 2. 'возмужалый' (Грінченко, IV, 196); болг. *становѐн* 'целый, массивный' (Геров, V, 252); с.-хорв. *ста̏нован* 'крепко установленный'; *станȍвњак* = *станац* 'крепко установленный камень' (Караџић. Рјечн., 735); польск. диал. *stanowny* 'взрослый' (Karł. Sł. gw., V, 223); чешск. *stanowný* 'определенный' (Kott, III, 628);

4. многочисленные отыменные глагольные образования, в которых *-ov-*, может быть, является рефлексом конечной гласной старой основы, хотя здесь могут иметь место и случаи, в которых *-ov-* (в *-ovati*, *-oviti*) появилось вторично, путем распространения по аналогии; ср. русск. *станова́ть* 'стоять станом в поле' (Даль, IV, 313); русск. диал. *застанови́ться* (о промышленниках морских животных), 'остановиться в удобном для промыслов месте' — арханг. (Опыт, 66); русск. *станови́ть*(*ся*); с.-хорв. *станȍвати* 'жить, обитать — wohnen', *станȍвање* 'житье' и *станȍвни̑к* 'житель' (Караџић. Рјечн., 735); словен. *stanovati* 'жить, wohnen' (Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 667); болг. *станувам* 'разбить палатку' (Речн. съвр., III, 295—96); ст.-польск. *stanowić* 'разбить палатку' (Br. Sł., 513); ср. еще русск. диал. (олонец.) *станова́ть* 'проживать' (Шайжин. Олонецк. обл. нар., 16).

Следы древней системы склонения (по основам на *-ŭ-*) рассматриваемого слова сохранились в ряде старописьменных славянских языков. Ср.:

1. ст.-сл. **въ станоу** мест. п. ед. ч., **станъ** 'лагерь' (Син. Псалт. — цит. по Diels. Aksl. Gr., 156)[142];

---

[141] По мнению П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist., 101), эти украинские слова образованы от глагола *станови́ти*.

[142] По свидетельству А. Мейе (Meillet. Ét. II, 454), в старославянском языке отмечена также форма род. п. ед. ч. **стана** (Син. Псалт).

inslav

2. церк.-сл. **станоу** — род. п. ед. ч.: **бысть на поути стану; въ станоу** — мест. п. ед. ч.; **въ станоу цсрѣвѣ; на станове отиде** — вин. п. мн. ч. (см. Mikl. Lex., 880);

3. др.-русск. (и русск. церк.-сл.) **стану** — род. п. ед. ч. **станъ** = 'стоянка, место остановки': **по двѣ подводы отъ стану до стану; станъ** = 'лагерь': **с которого стану двигнутсѧ, потнуть человѣка; станъ** = 'округ, волостное деление': **и что медъ оброчныи васильцева стану** (см. Срезн. Мат., III, 493: Вост., I, 30 и II, 370 и Mikl. Lex., 880); (**въ** или **на**) **стану** — мест. п. ед. ч., **станъ** 'стан, лагерь': **сѣдѧщима има въ стану; станъ** = 'дом, жилище': **въ егуптѣ въ станѹ твоемь** (ἐν τῷ καταλυματι; **въ виталици**); **станъ** = 'округ, волостное деление': **купили есмѧ... въ берестовь стану; станъ** = 'стоянка, место остановки': **бы же на пути на стану срѣте и англъ гнь; станъ** = 'постав на весах, куда кладут товар при вешанье': **коли товаръ на стану станеть, отступи проуь**[143]; **станове** — им. п. мн. ч., **станъ** = 'дом, жилище': **бѧхоуть же станове в городѣ соломою циненѣ...;**

становъ — род. п. мн. ч., **станъ** = 'стоянка, место остановки': **еха же по милое своеи доуери до трехъ становъ**[144]; **станъ** = 'округ, волостное деление': **всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ...; станми**[145] — твор. п. мн. ч., **станъ** = 'лагерь': **перебродившесѧ, сташе станми на камнѣ** (см. Срезн. Мат., III, 492—494); из более поздних древнерусских памятников ср. следующие данные, цитируемые по книге Б. Унбегауна (см. Unbegaun. LR, 92): **перевитицкого стану** — род. п. ед. ч.; **съ того стану** — род. п. ед. ч.; **крестьѧне борисоглѣбского стану** — род. п. ед. ч. и многие другие; одно исключение представляет: **деревни Пневицкого стана; на стану или на ѧму** и многие другие примеры; отступление: **въ волости** и **въ станѣ;**

4. др.-польск. *stanu* — род. п. ед. ч., *stanowi* — дат. п. ед. ч., *stanu* — мест. п. ед. ч. (Łoś. Gram.);

5. др.-чешск. *stanu* — род. п. ед. ч.; *z ſtanu tvého; prosřed jeho ſtanu*[146], но и: *stana svého; stanovi* — дат. п. ед. ч.: *ſtanowy twému; stanu* — местн. п. ед. ч.: *w ſtanu tvém*, но и: *w ſtanye; stanové* — им. п. мн. ч.: *ſtanowe; ſtanoue; přěmili ſtany tvoji; stanóv* — род. п. мн. ч.: *svých ſtanow*[147], *podle ſtanow gich.* Все древнечешские примеры приводятся по книге Я. Гебауера (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 331). По свидетельству Я. Гебауера, форма род. п. мн. ч. **stan* нигде не встречается.

Наряду с архаичными падежными формами в древних памятниках славянской письменности довольно широко распространены факты из области словообразования, также указывающие на первоначальную *й*-основу в прасл. **станъ*. Ср.:

1) церк.-сл. **становиште** 'mansi': 1) 'пребывание', 2) 'пристанище, место отдыха, привал' (Mikl. Lex., 880; Vgl. Gr., II, 274)[148]; **становьнъ**

---

[143] Ср. форму местн. п. ед. ч. *на стану́* в белорусской пословице: *став на стану́, ни к лавце, ни к столу* (Носович, 613).

[144] В Мат. (I, 566) **трехъ становъ** переводится как 'трое суток, до третьей переночевки?'.

[145] Древнерусские формы **станми** и **станове** Б. Унбегаун (Unbegaun. LR, 95) характеризует как типичные для старой *й*-основы.

[146] У Траутманна (Trautmann, Alex., 132) читаем: *ſtogye proſſrzyed geho ſtanu.*

[147] Р. Траутманн (Trautmann, Alex., 132) приводит еще др.-чешск. форму род. п. мн. ч. *ſtonow* (V, 926).

[148] Однако ср. без *-ov-*: церк.-сл. **станиште** 'milliare' (Вост., II, 370), 'место остановки в пути; пристанище; путевая мера' (Срезн. Мат., III, 491) и **станиѥ** 'statio', т. е. 'стоянка, местопребывание, положение' (Вост., II, 370).

inslav

'σταθερός, stabilis', т. е. 'устойчивый, стойкий, постоянный' (Mikl. Lex., 880); **становьныи** 'стоящий, постоянный': **полѹдьнию становьномоу пришъдшоу** (Вост., II, 370). По мнению И. И. Срезневского (см. Мат., III, 492), **становьныи** имеет значение 'неподвижный', а сочетание **полѹдьниѥ становьноѥ** означает 'самый полдень (когда кажется, что солнце стоит)'; **становьникъ**[149] 'fundator' (Mikl. Lex., 880), 'основатель': **цр҃ковныхъ становницѣхъ** 'ecclesiae fundatores' (Вост., II, 370), 'устроитель' (Срезн. Мат., III, 492); **становитъ** 'potens' Mikl. Lex., 880), 'δυνατός, potens', т. е. 'сильный, могущественный и т. д.' (Вост., II, 370); **становити** (Mikl. Lex., 880);

2) др.-русск. (отчасти русск. церк.-сл.) **становище** 'стоянка, стан': **сутъ становища ея (ольги) и ловища и до сего дни**; 'место стана': **и положиша и братьѧ в церкви свѧтою мучѥнику, юже бѣ создалъ отець его Гюрги на нерли, идѣ же бѣ становище свѧтою мучѥнику Бориса и Глѣба**; 'остановка': **поутьникомъ становища облегчати**; 'охотничья стоянка (?)': **се купи... и пожни, и хмелники и перевѣсища, и становища**[150].

становыи 'относящейся к стану, стоянке'; **становоѥ** 'вид пошлины', 'относящийся к стану, округу': **а городьскихъ судовъ и становыхъ, что къ городу тѧнеть того ми безъ твоѥго наместника не судити**; **становьныи** 'постоянный': **шествованиѥ становноѥ** (βάδισμα ενσταθές); **становьщикъ** 'начальник стана, округа' (см. Срезн. Мат., III, 491—492)[151];

3) др.-чешск. *stanovišče* 'лагерь': *a woyzka ſſla wztanowi ſſchzie* (Trautmann, Alex., 132).

Производные от прасл. **stanъ* (< **stanu-*), образованные путем присоединения к основе суффикса **-ko-*, отмеченные А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 334 и Общсл. яз., 289) и А. Вайаном (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120) как яркие свидетельства *nŭ*-основы в слове **станъ**, должны рассматриваться особо. Как известно, в ряде случаев в праславянском языке (да и не только в праславянском, см., например, ниже) основы на *-u-* (на *-ŭ-* и на *-ū-*, см., например, ст.-сл. **сладъкъ** и лит. *saldùs*, ст.-сл. **ꙗзыкъ** < **języ-+ko* и др.-прус. *insuwis* — Мейе. Общсл. яз., 289), на *-nŭ-* (например, **сынъ** 'сын' — **сынъкъ**) и основы на -**tŭ-* (см. ниже) были распространены суффиксом **-ko-*, причем, в именах прилагательных это был довольно продуктивный способ преобразования атематических основ, в именах существительных он встречается гораздо реже. В данном случае мы имеем от прасл. **stanъ* (< **stanŭ-*) как первичные производные с **-ko-*, ср. ст.-сл. **станъкъ** 'ἐγκατάλειμμα' (Син. Псалт. XXXV, 37 — цит. по Meillet. Ét., II, 334); серб. церк.-сл. **станъкъ** 'ἕνωσις', conventus (Mikl., Lex[2]., 880); с.-хорв. I. *станак* 'пребывание'; *нема ти ту станка* 'здесь нельзя оставаться'; II. *стäнак* = *састанок* 'сходка, встреча' (Караџић, 734) 1. уменьш. от *стан* 'квартира'; 2. переносн. 'остановка, передышка' (Толстой, 907); словен. *stânek*: 1) 'место пребывания, квартира'; 2) 'точка зрения' (Pleteršn. Wb., II, 566); др.-русск. **станъкъ** 'деревянное ложе самопала' (Срезн. Мат., III, 494); **станокъ кленовои, рѣзанъ глубоко, олиѳленъ** (там же, 33); русск. 1. *станòк* 'снаряд, машина для точения, шлифования, сверления, вообще для таких работ, которые исполняются

---

149 Ср. однотипные **чиновьникъ, сановьникъ**,

150 На др.-русск. *stanovišče* указал еще Ф. Миклошич (Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 276). Значение этого слова определяется в Мат., I, 566 как 1) 'место стоянки (о войске)', 2) 'место, где прежде стояло что-л. (например, гроб святых)' (см. 2-й пример), а в Мат. терм., 341 как 'стоянка кочевников, угодье'; **становище солмное** 'угодье'.

151 Ср. еще соотношение **становьникъ — становьщик** и **садовьникъ — садовьщикъ**.

inslav

помощью коловратного движения колеса или вала'; 2) уменьшительное слова **стан: ста́нок** стар. 'остаток; имение, оставшееся по смерти кого-либо; наследство' (Сл. церк.-сл. и р. яз., IV, 457)[152], так и вторичные, с префиксами, характерными для соответствующих глагольных образований, ср., например, ст.-сл. **останъкъ** 'ἐγκατάλειμμα' — Син. Псалт.XXXV, 38 (Meillet. Ét. II, 334), 'κατάλειμμα, religuiae'— Супр. р. (Вост., II, 64), 'остаток' (Sadnik—Aitzetmüller, 78); серб. церк.-сл. **останъкъ: безъ останъка** 'ἀπαραλειπτος' (Mikl. Lex.; Вост., II, 64)[153]; др.-русск. и русск. церк.-сл. **останъкъ** 'остаток'; (**безъ останъка** 'вполне, совершенно'; **останъци** 'остальные'); 'запас; наследство'; **останъчьные кънигы; останъчьныи = останъчьнии** 'остальной' (Срезн. Мат., II, 738—739); с.-хорв. *ȍстанак* 1) 'остаток', 2) 'отпрыск, потомок, потомство', 3) 'пребывание' (Толстой, 561) и русск. *останки* (ед. ч. нет.) 1) 'тело покойника, труп, прах' (ритор.), 2) 'остатки, то, что осталось от чего-нибудь' (поэт. устар.) — (Уш., III, 878), а также др.-русск. **пристанъкъ** 'пристанище (?)' (Мат., I, 566). Правда, А. Лескин (см. Leskien, Gr. abg.$^{2-3}$, 84) *ostanъkъ* 'остаток' объясняет как производное на *-ъkъ*, обозначающее не столько действие, сколько его результат и образованное в большинстве случаев от причастия прошедшего времени страдательного залога. Поэтому он выводит *ostanъkъ* из **ostanъ*, сопоставляя последнее с глаголом *ostati* 'остаться'. Что касается приставочных образований типа *ostanъkъ*, *pristanъkъ*, то, возможно, что они находятся в определенной связи с глаголами *ostati*, *pristati*, но первичное производное *stanъkъ*, теснейшим образом связанное с *stanъ* (ср., например, хотя бы значения!), нельзя объяснить выше изложенным путем. Более того, можно даже полагать, что *ostanъkъ*, *pristanъkъ* в своем образовании испытали определенное влияние со стороны более древнего типа *stanъkъ*[154]. На основании ряда подобных данных в основах на *-nŭ-*, как например *synъ—synъkъ*, а также некоторых других фактов[155] представляется вполне допустимым возвести ст.-сл. **станъкъ** к **stanu-ko-*, иными словами, в существовании образований на *-nъkъ* от корня **stō-* мы видим еще одно доказательство для установления основы на **-nŭ-* в прасл. **stanъ*, на что уже обратили внимание А. Мейе и А. Вайан[156].

Предстоит еще определение отношения прасл. **stanъ* < **sta-nŭ* к индоевропейским соответствиям. В индоиранском, греческом и, возможно, еще в албанском праславянскому слову соответствуют образования на **-no-*, ср. др.-инд. *sthā́na-* 'место, стан', авест., др.-перс. *stāna-* 'становище, место, стан'; греч. δύσ(σ)τηνος, дор. δύστᾱνος 'в плохом состоянии, имеющий плохое положение, несчастный' и алб. *shtarë* 'стоящий', *shtorazë* 'прямой; прямо стоящий' (**sta-no-di̯o*), *shtâzë*, *shtèzë* 'скот' (**stan-zë*) (PEW, 1008). Некоторые ученые (см. Fick. Vgl. Wb., I^3, 245; Meillet. Ét., II, 454; Vondrak. Vgl. Gr^2., I, 526; Meyer. Slav. u. idg. Int., 39; PEW, 1008 и др.) как родственное слово приводят еще лит. *stónas*,

---

[152] В. Даль (см. т. IV, 312, 313) также различает *ста́нок* и *стано́к*, но у Д. Н. Ушакова (см. Уш., IV, 482), который выделяет два омонима *стано́к*; слово с ударением на корне, очевидно, как устаревшее, опущено.

[153] У Востокова указано еще более позднее, чем κατάλειμμα значение для — **останъкъ** (Mikl. Lex.); 'ἔκγονα, posteri'.

[154] О параллелизме образований на *-nъkъ* (< **nŭ-ko-*) и *-tъkъ* (< **-tŭ-ko-*), относящихся к этому же корню (ср. ст.-сл. **остатъкъ** 'остаток' и т. д.), см. в разделе об основах на *-tŭ-*.

[155] Имеется в виду параллелизм образований на *-*nъkъ* (< **-nu-ko*) и *-tъkъ* (< **-tu-ko-*) и тяготение суффикса *-ko-* к *-u-* (*-ŭ*, *-ū*, *-i-* и согласным) основам.

[156] Вопрос об отношении к выше рассматриваемым образованиям ст.-сл. **иностань, прѣстань, беспрѣстань. въстаньнъ, въстаннвъ** и др. необходимо оставить в стороне как не относящийся прямо к теме.

inslav

которое, однако, является заимствованным из славянских языков. Б. Серейский (см. Sereiskis, 864) определяет это слово как славянское, ошибочно употребляемое вместо лит. *lúomas* 'сословие, класс, состояние; звание, разряд; каста; образ; вид, род'[157]. Вед. *sthāṇú-* 'стоящий, неподвижный', имя сущ. 'пень, ствол, палка' А. Мейе (Meillet. Ét., II, 454) исключает из сравнения с вышеприведенными словами, в частности со ст.-сл. *stanъ*, из-за *-ṇ-* и расхождения в значении.

Из сопоставления слав. **sta-ti* — **stanъ*, произведенного еще Ф. Миклошичем (см. Mikl. Radices, 85) и И. В. Горяевым (см. Дополнения, 45, где он русск. *станъ* разлагает на *ста-н-ъ*, сравнивая его с *ста-ть*), а также из материала других индоевропейских языков убедительно доказывается, что прасл. **sta-nŭ-* образовано от индоевропейского глагольного корня **stō-* путем присоединения к нему архаичного суффикса *-nŭ-*.

či-nŭ-

Прасл. *činъ* (< **činu-*) реконструируется на основании следующих фактов: ст.-сл. **чинъ** м. р. 'Ordnung, Reihe (militärisch geordnete), Schar, Rang, Regel, Zeremonie, Machination, Modus' (Зогр. Мар., Асс., Син. Псалт., Син. Треб., Син. фрагм., Сб. Клоца, Супр. р., Зогр. листки — Sadnik—Aitzetmüller, 16), 'τάξις'; ordo' (Mikl. Lex., 1117; Вост., II, 560); 'τάξις' (Meillet. Ét., II, 453), 'ἔνστασις' (Clozianus, 395); болг. *чин* (чл. *чи́нът*) 'угощение зятя тестем во вторую субботу после свадьбы'[158] (BEW, 156; VEW, III, 339; см. еще и первое значение, которое для этого слова дает Дювернуа, 2555), 'класс; парта' (Дювернуа, 2555), 'степень в служебном положении на государственной службе; парта' (БТР, 947); с.-хорв. *чи̑н*[159] I 1) 'поступок, действие', 2) театр. 'действие, акт'; II 'чин, звание' 'Gestalt, Form, Art, Ordnung'; *чини* мн. ч. 'Hexereien, т. е. чародейство' (BEW, 156); слвц. *čin* 'выкуп, событие, дело, действие'; чешск. *čin* 'поступок, дело, действие', др.-чешск. *ordo* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 327) 'Art, Weise, Handlung' (Trautmann. Alex., 61), кашуб. *čin*, *-эпи* м. р. 'деяние, Tat' (Lorentz. Pom. Wb., 115); польск. *czyn* 'дело, факт', в XV в. также 'одежда, наряд, доспехи, броня; способ', *koński czyn* 'конская упряжь', в XVI в. 'инструмент, сбруя, снаряд, утварь; жертва', в XVII в. *czyn*, *czyny* 'машины для разрушения крепостных стен, башни; тараны' (SES, 130[160]); блр. *чын* 'порядок' (Носович, 699), *чынно* 'благопристойно' (ПЭС, II, 74); укр. *чин* 1) 'действие, деяние', 2) 'способ, образ', 3) 'чин' (из русского языка — Грінченко, IV, 462); русск. *чин*. 1. 'степень служебного положения государственных служащих, гражданских и военных' (дореволюц., за границей), 2. 'служащий, чиновник, представитель того или иного ведомства' (офиц., дореволюц., за границей), 3. ед. ч. 'порядок, устав, обряд, соблюдаемая норма чего-н.' (старин., церк. — Уш., IV, 1275—1276); 1. 'порядок, устав, обряд' (церк.), 2. 'степень гражданских достоинств', 3. 'звание, состояние' (Сл. церк.-сл. и р. яз., IV, 925); русск. диал. *чин* 'порядок, сословие' (Смоленск. обл. сл., 985); др.-русск. (русск. церк.-сл.) **чинъ** 'порядок; подчинение; чиноположение, последование;

---

[157] Не случайно слово *stónas* не приводится ни Траутманном (TWb, 282), ни авторами DLKŽ, ни составителями LKRŽ.

[158] ПЭС, 74 — 'в первое воскресенье после свадьбы'.

[159] Р. Траутманн (Trautmann. TWb, 124) указывает на форму мест. п. ед. ч. *činu*.

[160] В качестве первоначального значения прасл. **činъ* Славский (указ. соч., 131) рассматривает 'порядок; соответствующий правильный способ; обряд; то, что связано с обрядом, с порядком (упряжь, утварь, наряд, броня), работа, дело, действие', указывая на сходство в развитии значений со словом *rząd* 'ряд'.

inslav

определенное место; степень, должность; сан; сонм; собрание; лик ангельский; знамя; значение; обстоятельства жизни; время, пора[161], нить в ткани' (Срезн. Мат., III, 1519—1522); ст.-русск. **нѣмецкий чинъ** 'Немецкий (Тевтонский) Орден' (Unbegaun. LR, 93).

По вопросу о первоначальной основе этого слова мнения исследователей нельзя считать полностью едиными, хотя все в той или иной мере признают принадлежность рассматриваемого слова к древним основам на *-й-*[162] (см. Будилович. Анализ, 133; Leskien. Handbuch[4], 72, 76; Vondrak — см. AfslPh, IX, 621; Geb. Hist. ml. j. č., III, 327; Карский. Белоруссы, 157; Шахматов. Курс, III, 116; Е. Бернекер (см. BEW, 156 — устанавливает *й*-основу для ст.-сл. **чинъ**, ссылаясь на Лескина, и для чешск. *čin* — на Гебауера); Р. Траутманн — см. TWb, 124 — дает праформу **keinu-*, при определении *й*-основы ссылается на А. Мейе — см. Meillet. Ét., II, 453; Брюкнер — см. Br. Sł, 82[163]; Ван-Вейк. Ист. ст.-сл. яз., 244—45; Unbegaun. LR, 82, 96; Nachtigal. Slov. jez., 25; Ю. Покорный — см. PEW, 638 и М. Фасмер — см. VEW, III, 339—340)[164].

Ряд ученых дают более точное определение указанного слова как образования на **-нй-*. Еще Ф. Миклошич (см. Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 28 и 115) выделил в ст.-сл. *činъ* суффикс *-nъ-*, который, по его мнению, еще и в некоторых других образованиях соответствует др.-инд. *-nu-*. А. Мейе (Meillet. Ét., II, 241; 453—454; Общсл. яз., 280) с большой убедительностью впоследствии показал наличие суффикса *-nu-* < **-neu-* в ряде древних славянских слов, упомянув среди них и ст.-сл. *činъ* 'τάξις'. В этимологическом словаре А. Преображенского (ПЭС, II, 75) положение Мейе о суффиксе *-nъ-* < **-neu-* в слове *чинъ* нашло свое отражение. Кроме того, констатируется, что у этого слова засвидетельствовано склонение основ на *-u-* (*-ъ-*) и на *-o* и в качестве формы местн. п. ед. ч. отмечается **чиноу**. В. Поржезинский (Ср. гр. сл. яз., 78) и В. Вондрак (см. Vondrak. Vgl. Gr., I, 486) также рассматривают *činъ* как образование на *-нй-*. Р. Нахтигал (см. Nachtigal. Akz., 120), помимо установления *й*-основы в русск. *чин* (при этом он упоминает о мнении Лескина, Вондрака и Бернекера), выделяет в нем суффикс *-нъ*, как и в однотипных с ним словах *стан*, *сын*. Ф. Шпехт (Specht. Bildung des Femininums, 59, 221) приводит ст.-сл. *činъ* среди девербативных отвлеченных имен существительных, отличающихся в греческом языке основой на *-ū* (или основой на *-nū-*), а в древнеиндийском и древнеболгарском, как он выражается, суффиксом *-нй-*. И. Голуб и Ф. Копечный (HKES, 93) дают для *činъ* и.-е. праформу **kuel-nu*, добавляя, что это слово первоначально имело *й*-основу. В. Махек (MES, 74) также видит в прасл. **činъ* первоначальную *й*-основу, которая подтверждается, между прочим, и древнечешской формой род. п. ед. ч. *činu*. В качестве очень старинного суффиксального элемента он выделяет **-nu-*. Ф. Славский (SES, 130) полностью принимает мнение А. Мейе, определяя прасл. **činъ* как архаичную основу на *-й-*. Относительно принадлежности ст.-сл. **чинъ** к *й*-основам П. Дильс (см. Diels. Aksl. Gr., 157) высказывается с некоторыми сомнениями, несмотря на древность окончаний, характерных для склонения *й*-основ в несколь-

---

161 См. еще об этом значении (обычно слово **чинъ** + указательное местоимение **онъ, тъ**) у Вост., II, 560.

162 Из авторов этимологических словарей славянских языков лишь Ст. Младенов (MEP, 685) не касается этого вопроса.

163 При определении *й*-основы Брюкнер исходит из польск. *czynowaty* и *czynownik*.

164 М. Фасмер также ссылается на А. Мейе (Meillet, Ét., II, 453).

inslav

ких падежных формах этого слова. А. Вайан (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120) считает, что существование суффикса *-nu- доказывается прежде всего не словом *činъ* — род. п. ед. ч. *činu* и *čina*, а такими словами, в которых *-nu-* выступает в распространенной форме *-nŭkŭ*, как например, *ostanŭkŭ* и т. д. Высказывания двух последних ученых показывают, что прасл. *činъ* еще не все исследователи относят к той немногочисленной группе имен существительных, которые являются безусловными и общепризнанными *ŭ*-основами. Думается, однако, что на основании нижеследующих данных такой взгляд станет невозможным.

В современных славянских языках, а также в недавнем прошлом этих языков имеются слова, в которых *-ov-*, по всей вероятности, является продолжением конечной гласной старой основы[165]. Ср.: **činov-ьn-* (основа имени прилагательного): русск. церк. *чиновник* < **činovьn-ikъ* (суффикс *-ikъ* используется здесь для обозначения конкретных предметов) 'архиерейский служебник; книга, по коей архиерей совершает служение' (Сл. церк.-сл. и р. яз., IV, 924 и Даль, IV, 605), *чиновно́й* 'ко книге этой и вообще, к чину, порядку, уставу, установленным обрядам относящийся' (Даль, там же); церк. *чино́вне* 'по чину, чиноположению, по порядку, обряду' (Даль, там же); русск. *чино́вный* 'к чину относящийся, на ком есть чин' (Даль, там же); но *чи́нный* 'наблюдающий чин и т. д.' (там же); серб. *činôvno* 'чиновно' (Rječn., II, 37); словен. *činoven* 'относящийся к чину' (Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 153); слвц. *činovné* admin. 'дополнительная плата за активную службу' (Исаченко. Слвц.-русск. сл., 74). От основы имени прилагательного образованы еще следующие слова: русск. *чино́вник*[166]: 1) 'человек, имеющий какой-либо чин или степень в порядке службы', 2) церк. 'служебное лицо, облеченное особенной доверенностью, начальник князей' (Сл. церк.-сл. и р. яз., IV, 924); 1. 'государственный служащий' (дореволюц., за границей), 2. перенос. 'человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ' (Уш., IV, 1277); болг. *чино́вник*: 1) устарелое 'служащий государственный, административный или в частном предприятии' 2) перенос. 'кто относится к службе без деятельного интереса' (БТР, 947); серб. *činôvnîk* 'magistratus' (Rječn., II, 37); словен. *činovnik* 'чиновник, Amtsmann' (Janežič, 153). Словацкое *činovnik* 'общественный деятель', 'чиновник' (дореволюц.) и польское *czynownik* 'чиновник', очевидно, заимствованы из русского языка[167]. Польск. *czynowaty* 'ведущий войну, вооруженный' (Sł. j. p., I, 412), очевидно, старое образование (ср. др.-польск. *czynowaty*).

Памятники древних славянских языков дают обильный материал, доказывающий частичное сохранение старой системы склонения основ на *ŭ*- рассматриваемым словом. Ср.:

1. ст.-сл. **чиноу** род. п. ед. ч. — Супр. р., 565[19], 426[24]; **въ чиноу** мест. п. ед. ч. — Зогр., Мар., Асс., Ев. от Луки, 1, 8; **въ чиноу влчца нашеѧ стыѧ бца марїа новыѧ** — Син. Патерик (Срезн. Мат., III, 1520); чи-

[165] Следует иметь в виду, что эти старые производные от слова *činъ* встречаются исключительно в церковной и административной сферах, т. е. в книжном языке, чем объясняется отсутствие соответствий данным образованиям во многих живых славянских языках и диалектах.

[166] Ср. совершенно одинаковый с этим по структуре термин русск. *сано́вник*, который и по своему значению близок первому (Даль, IV, 65: . . . «высшие чиновники более зовутся сановниками. . .»).

[167] О значении производного русск. *чино́вник* для определения основы см.: Nachtigal. Alkz., 120.

inslav

нове им. п. мн. ч. — Супр. р., 458; **чиновъ** род. п. мн. ч. — Супр. р., 463[168] (см. Вайан. Руководство и Meillet. Ét.);

2. др.-русск. и русск. церк.-сл. **чиноу** род. п. ед. ч., **чинъ** 'сан': **ѿтолѣ оуже да не имат архїерѣиска^го^ чиноу** (Срезн. Мат., III, 1521); **чинъ** 'монашеский сан': **сподоблен же быкъ ѿ творца своего анг^е^лкого чиноу** (там же); **чинъ** 'лик ангельский'; **старѣишина чину анг҃лкоу** (там же); **чинъ** 'порядок': **колесьничьникоу съмоутиквъшоуса кони бес чиноу ришоуть бе шиноу перетъ и ветъшить ризы** (там же, 1520;) (см. еще Вост., I, 82)[169]; **въ** или **о чиноу** мест. п. ед. ч., **чинъ** 'порядок': **слоужашоу кмоу въ чиноу** — (Mikl. Lex., 1117; Срезн. Мат., III, 1519); **о семь чиноу мънозѣмъ образъ бысть** (там же); **чинъ** 'сан': **не подобаєть комоу въ чиститель**ск**ьмь причитаємыихъ чиноу или мьнихоу на оуристаниє коньноє въсходити** (Срезн. Мат., III, 1521); **чинъ** — 'чиноположение, последование': **въ чиноу ст҃ыа литоургиа** (там же, 1520); **чинъ** 'сан': **и на семи соборовъ папежеве стараго рима, иже въ томъ чиноу бысть, любо самъ идаше, любо своѧ пискупы присдаше** (там же); **чинъ** — 'значение': **а\прибожнокъ и преддверіе въ иномъ чину имѣемъ** (там же, 1521); **чинъ** 'определенное место': **прѣбываваше въ своємь чиноу камыкъ** (Срезн. Мат., III, 1520; см. еще Вост., II, 560); **чинъ** 'обряд, церемония': **о семъ бо чиноу бѣсовьстѣѣмь** (Вост., I, 72); **въ то чинꙋ = въ точна**[170] 'в то время, тогда'; **ѿгодилисѧ бихоу въ то чинꙋ старѣишины** (Срезн. Мат., III, 1522); **въ то чинꙋ** 'тотчас'; **въ то чинꙋ варда фоцинъ сн҃ъ магистрьскы^м^ сано^м^ почте** (там же);

чинове им. п. мн. ч. **чинъ** 'чиноположение, последование': **чинове молитвамъ, благооукрашеніє олтарю и ино же** (Срезн. Мат., III, 1520); **чинъ** — 'лик ангельский': **бесплътьнии чинове любъвию въсхвалаюють бц҃оу** (там же, 1521); **чинъ** 'сан': **и въславиша ѝ вои вси ѝ боаре ѝ чиновъ воинстий** (вариант из сп. Пискарева № 597: **чинове** — Хроника И. Малалы, кн. 13, стр. 8, 29); **чинъ** 'нить в ткани': **но тамо противно долѣ соуть оубо чинове** (Срезн. Мат., 1522; см. еще Вост., II, 560);

чиновъ — род. п. мн. ч., **чинъ** — 'лик ангельский': **средѣ чиновъ**; **чинъ** 'сан', 'arma, τάγματα': **и чиновъ воинстии** (Хроника И. Малалы, кн. 11—14, стр. 2, 27);

3. др.-польск. *czynu* — род. п. ед. ч., *czynowi* — дат. п. ед. ч.[171] (в двух последних примерах *czyn* выступает в значении 'arma'); *czynow* род. п. мн. ч. (здесь *czyn* имеет значение 'древесина, годная для изготовления инструментов') — все примеры из Sł. st. p., I, 413—414;

4. др.-чешск. *činu* род. п. ед. ч. *činъ* 'ordo', 'rúcho rozličného chzinu' (Geb. Hist. ml. j. č. III, 327; Trautmann. Alex., 61); *podlé czynu cného* (Geb., там же); *czynu* (Trautmann. Alex., 61); *činъ* = 'Handlung': *ten wſſdy umyzel zleho chzínu* (Trautmann. Alex., 61);

činu местн. п. ед. ч. *činъ* 'способ, ordo': *zleho zamyzla w tems chzínu*[172] (там же);

---

[168] Но ср. и ст.-сл. **чина** род. п. ед. ч., Супр. р., 146; ст.-сл. **чини** — Син. Требн. 84а, Супр. р., 337 (Meillet. Ét., II, 453) и чіні (см. Clozianus, 95, 395), а также церк.-сл. **чина** род. п. ед. ч. (Хроника И. Малалы, 14 кн., стр. 12, 13).

[169] Но: **Працри же сѧ тоу бе чина** (Вост., II, 294).

[170] В Срезн. Мат., III, 1522 имеем еще **въ то чинꙋ** 'в то время'. Примеры с **въ то чина** = **о то чина** = **отъчина** количественно преобладают над примерами с **въ то чинꙋ**.

[171] Но один раз дат. п. ед. ч. *czynu*(!).

[172] Гебауер (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 327) дает *w témž chzinu*.

inslav

činové им. п. мн. ч.: *drahých kamenov czynowe* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 327). Гебауер отмечает, что форма *čini* нигде в древнечешских памятниках не встречается.

В старописьменных славянских языках встречается и ряд производных от прасл. **činъ*, содержащих в своем составе элемент *-ov-*, который, по всей вероятности, является рефлексом конечной гласной старой основы. Ср.:

1. церк.-сл. **чиновьникъ** 'служащий' и имя прилагательное **чиновьнъ** 'congruus' (Mikl. Lex., 1117; Вост., II, 559); **чиновьнѣ** наречие 'congrue' (Mikl., там же);

2. др.-русск. (resp. русск. церк.-сл.) **чиновьникъ** 'сановник, правитель': **чиновници же и кнѧзи искаахꙋ кины на данила** (Срезн. Мат., III, 1519); **чиновьныи** 'относящийся к чину': **паче или хоуждѣк противжмѣрѣ чиновьнѣи** (там же);

3. др.-польск. *czynowaty* 'воинственный, воинствующий, боевой, храбрый': *czynowathego billigero* (Sł. st. p., I, 425).

Отыменные глагольные образования от *činъ* засвидетельствованы еще древнейшими памятниками славянской письменности. Ср. ст.-сл. **бещиновати** (иногда и **бечиновати** и **бесьчиновати**) 'быть недисциплинированным, необузданным' (Slov. j. st.-sl., 88, 90; Вост., I, 32; MEP, 685);

церк.-сл. **бесчиновати-бещиновати** 'бесчинствовать, вести жизнь беспорядочную': **чадолюбикъ оцъ егда оузьрить бещиноуѭща своего сна то кажеть; да не бещиноуѥть** (Срезн. Мат., 1, 81);

церк.-сл. **оучиновати** 'начинать, приводить в порядок': **нъ зоветь ны оуже крѣмѧ оучиновати реченыꙗ главы** (Мат., т. VI, 53—54).

Очевидно в *be(s)činovati*, *učinovati -ov-* первоначально связано с древней основой на *-ŭ-*[173], ср. *cělъ — cělovati; sladъkъ — sladovati* и другие образования этого же типа.

Как видно из предыдущего, решающими для установления древней *ŭ*-основы в прасл. **činъ* являются факты из древних памятников славянских языков.

В других индоевропейских языках нет точных соответствий прасл. **činъ* (< **činŭ-*), но в индоиранских языках имеются глагольные образования весьма близкие — и в отношении основы — к праславянскому слову. Ср. др.-инд. *cinóti*, *cáyati*, 'накладывает, собирает, соединяет, строит' и авест. *kay-*, *čayeiti*, *činvaiti* 'выбирать'. Ю. Покорный (см. PEW, 638) обращает внимание на то обстоятельство, что в ст.-сл. *činъ* содержится *-ī-*, так же как и др.-инд. *cīti* ж. р. 'собирание, das Sammeln' в отличие от др.-инд. *cinóti* и авест. *činvaiti*.

И.-е. корень **kʷei-* обнаруживается еще в греч. ποιέω 'делаю' (ослабленное значение), впоследствии также 'пишу стихотворения, dichte', являющемся отыменным образованием какого-то **ποι-ϝο-ς*[174] 'строящий, делающий' (PEW, 637—38).

Итак, примерами из других индоевропейских языков подтверждается положение, согласно которому прасл. **činu-* разлагается на корень *čī-* < **kei-* и древний суффикс **-nŭ-*.

II. Имена существительные на **-(t)ŭ-*

Так же как имена существительные на **-nŭ*, имена существительные на **-tŭ* являются отглагольными образованиями. Но в отличие

[173] А. Лескин (Leskien. Gr. abg.[2–3], 176), однако, рассматривает *besčinovati* 'ἀταχτεῖν' как неуклюжее образование, возникшее в результате рабского перенесения греческих глаголов.

[174] Р. Траутманн (см. TWb, 124) возводит ποιέω к ποιϝέϊω.

inslav

от основ на *-nŭ- глагольный корень в основах на -tŭ- в большинстве случаев выделяется сравнением данных из славянских языков. Иначе говоря, образования на *-tŭ- или, вернее, на *tŭ-ko-s, т. е. образования с основой на *-tŭ-, распространенной суффиксом *-ko-, по-видимому, в праславянском языке были живой категорией, чего нельзя сказать об образованиях на *-nŭ-. Так, например, в следующих случаях наряду с именем на *-tŭ- (или *-tŭ-ko-s) встречается в праславянском языке и соответствующий глагол:

*-bytъkъ в ст.-сл. **избытъкъ** 'изобилие, остаток', **прибытъкъ** 'прибыль, выгода'; церк.-сл. **добытъкъ** 'имение' (Вост., I. 207); **оубытъкъ** 'κτήματα, facultates' (Вост., II, 487) и гл. byti 'быть';

ст.-сл. **кѣтвь** 'ветвь' [175] и гл. **(по)кити, (из)кити** русск. *вить*, а также — *vitъkъ: в ст.-сл. **скитъкъ** 'книга, катушка, сверток' и гл. **скити** 'скатывать в трубку, свертывать';

*-jętъkъ: в церк.-сл. **приѩтъкъ** 'приятное' (Вост., II, 209) и гл. **приѩти** 'благоволить, помогать, заботиться';

*-pletъ-kъ в ст.-сл. **съплетъкъ (рѣчемь)** 'сплетни, тайные интриги' и гл. **съплести** 'плести, связывать';

*-statrkъ: в ст.-сл. **недостатъкъ** 'недостаток', **остатъкъ** 'остаток', церк.-сл. **нестатъкъ** 'defectus' (Вост., II, 493), **сътатъкъ** 'оставшееся имение' (Вост., II, 428) и гл. **стати** 'стать'; ср. еще русск. *стáток* 'имущество', диал. 'стадо' (Даль); а также *достáток*, *остáток* (VEW, III, 3);

*-četъ-kъ: в ст.-сл. **начѧтъкъ** 'начало' [176] и гл. **начѧти** 'начать' [177].

Что касается суффиксальной части, то рассматриваемые образования можно, очевидно, делить на следующие группы:

а) имена существительные на -tŭ- [178] (например, ст.-сл. **кѣтвь** <*wai-tu-);

б) имена существительные на *-tŭ-ko-s, т. е. распространения основ на *-tŭ- через суффикс: -ko- (например, только что приведенные -bytъkъ, -vitъkъ, -jętъkъ, -pletъkъ, -statъkъ и čętъkъ);

в) имена существительные, образовавшиеся путем присоединения *-tŭ-ko-s > -tъkъ или *-u-ko-s > -ъkъ, вероятно, уже неразложимых суффиксальных комплексов, к некоторым именным основам, например, церк.-сл. **полоутъкъ** 'половина', ст.-сл. **лихотъкъ** 'избыток, изобилие'; церк.-сл. и др.-русск. **жератъкъ** 'зола' и т. д.

Вероятно, образование этих отдельных групп слов шло в разное время, и слово *větvь* представляет собой древний пережиточный случай, в котором *-tu- дало *-tu̯- после перехода этого слова в другой тип склонения, а имена отвлеченного значения на *-tŭko-s > -tъkъ в праславянском языке в определенный период были, по всей вероятности, продуктивными. Наконец, третья группа состоит из слов явно вторичного и позднего образования.

То, что в праславянском языке имелось известное количество слов, восходящих к основе на *-tŭ-, доказывается, на наш взгляд, как материалом самих славянских языков, так и сравнением их с другими индоевропейскими языками.

Удачным примером для внутренней реконструкции праславянской основы на -tŭ- может служить выше упомянутое *větvь* 'ветвь, ветка',

---

[175] А. Вайан предполагает, что оно из *wai-tu- (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120).

[176] В Мат., VII, 103 для церк.-сл. начатъкъ даются значения 'κίνησις, движение, волнение, возбуждение, гнев'.

[177] Для краткости приводим примеры только из древних славянских языков. Относительно некоторых других славянских соответствий к -bytъkъ и -čętъkъ- см. BEW, 113—114 и 168. Кроме того, мы не считаем исчерпывающим данный перечень.

[178] Об именах прилагательных на *-tŭ- см. Arumaa. Sur l'hist., 72 и след.

inslav

ср.: ст.-сл. **кѣтвь**, **кѣтвие**, болг. *вѐтва* 'ветка', словен. *vîtva* 'прут', чешск. *větev* 'сук, ветвь', диал. *letvinka* (MES, 564), слвц. *vetev*, *vetva*, словинско-поморск. *vjītev*[179], польск. *vitwa* 'род ивы' (VEW, I, 193) и русск. *ви́твина* 'гибкий прут' (ПЭС, 86). Формы типа чешск. *vetev* с *-ev*, очевидно, результат более позднего развития в некоторых западнославянских языках (см. HKES, 414); все же остальные слова указывают на прасл. **vetu-*, что вполне возводимо к более раннему прасл. **voi-tu*. А. Вайан (см. Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 120), давший праформу **vaitu-* для ст.-сл. **кѣтвь**, собир. **кѣтвие**, при соотнесении с глаголом *viti* 'вить' отмечает синонимичное *věja* 'ветвь', которое также образовано от корня с дифтонгическим сочетанием. Переход в тип склонения основ на *-i-* он представляет себе обусловленным грамматическим родом древнего **vaitu-*, являвшегося якобы именем существительным женского рода. Так как имена существительные женского рода основ на *-ŭ-* в праславянском языке исчезли, данное слово примкнуло к основам на *-i-*.

Не останавливаясь подробнее на этих вопросах, мы констатируем лишь то, что разные факты из старых и современных славянских языков позволяют довольно убедительно выделить в слове *větvь* основу на **-tu-*[180].

Правильность этого вывода подтверждается материалом из других индоевропейских языков. Так, например, слав. *větvь* сравнивается с др.-прусск. *apewitwo* 'куст, ива', *witwan* 'ива'; лит. *vytuvaĩ* мн. ч. 'мотовило', *výtulas* 'свиток'; лтш. *vîtuôls* 'ива' и греч. οἶσος, οἰσύᾱ 'вид ивы' (**voituvā*[181]); ἰτέα < *Ϝιτέα 'ива' и ἴτυς 'обод, круглый щит' (см. VEW, I, 193—94; ПЭС, 86).

Как видно из предыдущего, предположение о древнем образовании на **-tu-* становится возможным благодаря внутренней и внешней реконструкции.

Таким образом, в суффиксальной части рассмотренных образований наличествует **-tu-*, распространенное в большинстве случаев суффиксом **-ko-*. Расширение основ на **-tu-* при помощи суффикса **-ko-* представляет лишь один из частных случаев явления более общего характера, а именно: присоединения суффикса **-ko-* к основам на *-u-*, ср. праславянские имена существительные на **-nŭ-ko* > *nъkъ* и праславянские имена прилагательные и имена существительные на *-ъkъ* < **-ŭ-ko-s*. А. Мейе (Общсл. яз., 280) прямо говорит о том, что общеславянский язык утратил тип основ на **-tŭ-* посредством присоединения **-ko-*. Как мы уже видели, имеется редкий случай сохранения древней **-tŭ-* основы в прасл. **voi-tŭ* 'ветвь'. А. Вайан (см. Vaillant. Gr. comp., II, part I, 120), исходя из собирательного *listvĭje*, относит к этому типу без распространения еще слав. *listъ*[182]. В качестве глагольного корня, от которого оно могло быть образовано, он указывает на лит. *lýsti* 'стать тонким', лтш. *liest* 'худеть'. Существуют определенные основания для

---

[179] Вероятно, Ф. Шпехт не прав, предполагая в др.-чешск. *mūtev*, др.-польск. *mętew* (сакральную) *ŭ*-основу (см. KZ, Bd 64, 1937, стр. 13), поскольку М. Фасмер (VEW, I, 179), исходя из русск. *мутóвка*, чешск. *moutev* 'пест' и польск. *mąiew* род. п. ед. ч. *mątwy* 'мутовка', реконструирует основу на *-ū-* **mǫty*.

[180] Еще А. Преображенский (ПЭС, 86) членил *větvь* следующим образом **кѣ-тв-ь**, обособив суффикс -тв- (и.-е. **-teu-*).

[181] Корневой аблаут этого греческого примера кажется сходен с тем, что мы находим в слав. *větvь*, *věja*.

[182] До него еще А. Мейе ст.-сл. **листвие** возводит к основе на **-tŭ-*, о которой, по его мнению, свидетельствуют также слова **листъкъ** и **листвь**::**ъ** (от последнего образовано ст.-сл. **облиствь**::**ѣти**), — см. Meillet. Ét., II, 304—305, 385 и Общсл. яз., 287.

inslav

отнесения прасл. *listъ к ŭ-основам. Ср., кроме приведенных А. Мейе, примеры с возможным рефлексом -u̯-: церк.-сл. листьнатъ, др.-русск. листьнатыи (Mikl. Lex., 337; Срезн. Мат., II, 24); др.-русск. (очевидно, местн. назв.) лиственъ; к листвену; листьвну; листівну (ПСРЛ, I, 148); русск. *листва́*, *ли́ственный*, *ли́ственница*, *ли́ственник*, *лиственяк* и *листеёнь* 'Larix'; *листви́нье* 'ботва всякой огородины', *Листвя́ны* — 'название селений' (ПЭС, 457); *лиственéть* 'обрастать листьями'; болг. *лиственица* (русск. *ли́ственица* и т. д.), с.-хорв. *listven* 1. 'богатый листьями, с густой листвой', 2. 'покрытый зеленью' (Rječn., VI, 117); восточнослав. назв. реки *Листвин* (Машт. Днепр., 259); топ. назв. *Лиственка* при озере *Лиственке* (Сп. нас. м., XXXIV, 187), *Листвяны* (Сп. нас. м., XXIV, 9), *Листвянки* (Сп. нас. м., XXIV, 91), *Листвино* (Сп. нас. м., XXXIV, 253) и *Листовка (Лиственка)* — (Сп. нас. м., XXXVII, 96); а также, вероятно, архаичные падежные формы: др.-русск. род. п. ед. ч. того листу (по Соб. Лекц., 171); ст.-сл. и др.-русск. род. п. мн. ч. листокъ (Срезн. Мат., 24); церк.-сл. им. п. мн. ч. листоке (Mikl. Lex., 337); др.-чешск. местн. п. ед. ч. *na lystu* (Geb. Sl. st. č. II, 257) и, возможно, русск. *лежать на листу́* (VEW, II, 45); наконец, примеры на *-ъкъ-*: русск. *листок*, с.-хорв. *lístak*, др.-чешск. *lístek*, польск. *listek*. Помимо этих образований, имеется определенное количество слов, содержащих *-ov-* и, возможно, тоже указывающих на бывшую ŭ-основу. Но все-таки большинство ученых склонно считать прасл. *listъ образованием на *-tŏ- (см. BEW, 723; ПЭС, 457; Trautmann. Apr. Sprd., 368; Nachtigal. Akz., III, 189; Specht. Urspr., 233; HKES, 208; VEW, II, 45 и др.). Иначе интерпретирует это слово В. Махек (см. MES, 271).

Вопрос об определении древних основ на *-tŭ- в праславянском языке осложняется тем, что далеко не во всех случаях древние основы на *-tŭ-* легко отделимы от древних основ на *-tŏ-*, ибо, как известно, *-tŏ-* и *-tŭ-* еще в праславянском языке совпали в *-tъ-*[183]. Общепризнано, что причастие прошедшего времени страдательного залога ряда глаголов было образовано при помощи суффикса *-tŏ-*. А. Лескин (Leskien. Gr. abg.[2-3], 84) выводит образования на *-tъkъ* из этих причастий, например, избытъкъ из *izbytъ, начѧтъкъ из *načętъ, съвитъкъ из *vitъ, выделяя в них суффикс *-ъkъ-*. В принципе нельзя возражать против того, что *-ъkъ-* могло быть осознано как суффикс, ср., например, некоторые порядковые имена числительные, образованные при помощи суффикса *-tŏ-*, и производные от них имена существительные: ст.-сл. четврьтъ 'четвертый', чешск. *čtvrtý*, польск. *cztwarty*, болг. *четвъ́рт* и греч. гом. τετρα—τος, лит. *ketvirtas*, с одной стороны, и ст.-сл. четврьтъкъ, с другой; далее: пѧтъ 'пятый' — пѧтъкъ; десѧтъ—десѧтъкъ; а также образования типа *polutъkъ*, о которых будет сказано ниже. И. Э. Бернекер (BEW, 113—114) рассматривает многочисленные слова с *-bytъkъ (ст.-сл. избытъкъ, церк.-сл. добытъкъ и др.) как производные с формантом *-tŏ-*.

Как нельзя давать более детальной характеристики основ на *-nŭ- в отрыве от основ на *-nŏ-*, так нельзя установить хотя бы приблизительно состав группы имен существительных, образованных при помощи *-tŭ-*, не учитывая образований на *-tŏ-* (о параллелизме этих образований см. Мейе. Общсл. яз., 283—84). В рамках данной работы про-

183 Ср., например, *-statъ* в ст.-сл. сѫпостатъ 'противник, враг', др.-русск. соупостатъ 'противник, дьявол' < *-sǫ-po-statъ (*-statъ*, очевидно, из *-stato-s*, ср. лит. *stotas* 'поставленный', авест. *stāta-* 'стоя', лат. *praestātus*) и *-statъ-* в ст.-сл. надостатъкъ, в котором *-tъ-*, очевидно, восходит к *-tŭ-*.

inslav

делать это невозможно, поэтому наш анализ опирается только на небольшое количество слов, в которых подозревают старые основы на *-*tŭ*-, resp. *-*tŭ-ko-s*. Исходя из этих фактов, ограничимся лишь двумя замечаниями.

Во-первых, думается, что и в праславянском языке основы на *-*tŭ*- были представлены[184]; причем как в нераспространенном виде, так и распространенные через *-*kŏ*-. Мнение Лескина о происхождении образований на -*tъkъ*- от причастий прошедшего времени страдательного залога вызывает сомнения. Гораздо лучше с реальными данными согласуются взгляды П. Арумаа, проводившего различие между образованиями на *-*tŏ*- и образованиями на *-*tŭ*- в именах прилагательных (а также и причастиях) в балтийских и славянских языках (Arumaa. Sur l'hist., 74—75). Арумаа принимает наряду с этими именами прилагательными существование основ на *-*tŭ*- в формах супина и в отвлеченных именах существительных типа **избытъкъ, недостатъкъ**[185] (там же, 76). Если уж сближать отвлеченные имена существительные на *-*tŭ(kŏ-s)* с определенными именными формами глагола, то не с причастиями, а с формами супина, который в праславянском языке в результате сравнения с другими индоевропейскими языками определяется как винительный падеж единственного числа основы на *-*tŭ*-, ср. ст.-сл. **датъ** < <*datun < *datum; лит. *duotų* и лат. *da-tum*, а также своеобразную форму супина церк.-сл. *bytu*, которую А. Лескин предположительно выводит из *ŭ*-основы **bhū-tu*, рассматривая ее как форму родительного или местного падежа единственного числа (Leskien. Gr. abg.[2-3], 212). Не случайно у ряда исследователей славянский супин и отвлеченные

---

[184] Их наличие в других индоевропейских языках вне всякого сомнения. Мы, правда, не можем привести примера на отдельное слово, которое во многих индоевропейских языках выступало бы как **tŭ*-основа, но частичные совпадения в нескольких индоевропейских языках, а может быть, и в определенных диалектных группах имеются, ср. выше приведенное *větvь* и его индоевропейские соответствия. Очевидно, формант *-*tŭ*-, принадлежавший к общеиндоевропейскому арсеналу морфологических средств, был продуктивным только в начальный период истории отдельных групп индоевропейских языков или отдельных индоевропейских языков. При помощи этого форманта образуются отглагольные имена отвлеченного значения (Verbalabstrakta), а именно имена действия (Nomina actionis) или, как называет их К. Бругманн, tätigkeitsbezeichnender Substantiva (Brugmann. KVG, 9, 340), ср., например, др.-инд. *gántu*- 'ход': *mántu* 'совет' и с переходом Nomen actionis в Nomen agentis) 'советник': авест. *pəšu*- (< праарийск. -*pṛ́tu*-), др.-в.-нем. *furt* 'брод', лат. *portus* 'вход в гавань, дверь'; в греческом языке, по мнению Ф. Шпехта, (см. Specht. Bildung des Femininums) долгота -ū- в -τῡς у отвлеченных имен существительных — вторичная; кроме того, по его мнению, на *-*tŭ*- указывают ἰτέα = εἰτάα в слове ἰτύς; далее в δαιτύμονες обнаруживается *tŭ*-основа: δαιτῡς (см. там же, 220); лат. *adventus* 'приход, прибытие', ср. *advenire* 'приходить'; тип имен, образованных от приставочных глаголов, был особенно живым в праславянском языке, ср. образования на -*tъkъ*; из кельтских языков: др.-ирл. *bith* < *g^{u}itu-; галльск. *cintu*-, др.-ирл. *suth* 'плод', род. п. *sotho* (ему соответствует др.-инд. *sū́tu*- ж. р. 'беременность'. Трудно согласиться с К. Бругманном (Brugmann. KVG, 350), который пишет, что в балто-славянском -*tŭ*- осталось живым только в инфинитивных формах. Ведь кроме форм супина в этих двух языковых группах имеются отвлеченные имена существительные на *-*tŭ*-, ср., например, лит. *lietùs* 'дождь' и гл. *tíeti* 'лить'; *piẽtūs* 'обед' тв. п. мн. ч. *pie-tu-mìs* (ср. слав. *piti*, *pirъ* < **pei-ro* и т. д.); лтш. *miêtus* 'мена'; *vilĩtus* 'обман' (Specht, Bildung des Femininums, 221) и славянские имена на -*tъkъ*- < *-*tŭ-ko-s*- (см: Arumaa. Sur l'hist., 76), а также реликт бывшей основы на -*tŭ*: *větvь*.

[185] П. Арумаа относит к этому же типу лит. *lytùs*, лтш. *lîts* 'дождь'; ср. лит. *lỹti*, *lỹja*, *lìjo* 'идти дождю, дождить, лить (о дожде)' и лтш. *lît*, *lîstu*, *lîju* 'дождить, лить (о дожде)', которые соотносятся с лит. *líeti*, *líeju*, *líejau* 'лить', лтш. *liêt*, *leju*, *lêju* 'лить'; ср., кроме того, лтш. *liêtus* 'дождь' и *liêtavas*, *lîtavas* 'дождливая погода' (LKZD, 333 и FEW, 368, 377—378).

inslav

имена существительные на *-tъkъ- изучаются вместе (см. ПЭС, 377: ст.-сл. **до-статъ-къ** и супин **ста-тъ**; А. Мейе. Введение, 284—285; Vaillant. Gr. comp., t. II, part 1, 120).

Во-вторых, несомненный интерес представляют образования, в которых *-tъkъ- присоединилось к некоторым именным основам. Речь идет о таких словах как ст.-сл. **лихотъкъ** 'изобилие; избыток' (Sadnik-Aitzetmüller, 51); церк.-сл. **полоутъкъ** 'половина' (Вост., II, 142; Срезн. Мат., II, 1141); церк.-сл. и др.-русск. **жератъкъ** 'пепел, зола, cinis' (Вост., I, 247; Срезн. Мат., I, 861) и ст.-сл. **сланоутъкъ** 'горох, pisum cicer' (Sadnik-Aitzetmüller, 121). В первых двух случаях мы имеем дело с основой на -ŏ- (ст.-сл. *lixo-s) и с основой на -ŭ- (ср. ст.-сл. **полъ**, род. п. ед. ч. **полоу** 'половина'), к которым, возможно, примыкал воспринятый как уже определенный суффиксальный комплекс *-tъkъ-. Однако допустимо и несколько другое объяснение способа образования этих слов. Здесь можно видеть комбинацию суффиксов *-ot-a (ср. укр. *лихота* 'беда', болг. *лихста* 'коварство, воображение', чешск. *lichota* = *lichost* 'коварство, неверность', польск. *lichota* 'ничтожность, беда, горе; бедняжка' — BEW, I, 718) и *-ut-a (ср. церк.-сл. **полоутъкъ**; словен. *poluta* 'dimidium' — Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 201 и Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 451) с суффиксом -ъkъ-, который генетически мог восходить к ŭ-основам (или tŭ-, nŭ-основам, в которых -t-, -n- уже не выделялись и которые были распространены суффиксом -ko-). Судя по данным Ф. Миклошича, в словенском языке встречается наряду с *poluta* 'половина' еще и производное *polutek* 'половина' (Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 256). Кроме того, на мысль о комбинированном суффиксальном образовании наводит болг. *полу́тина* 'половина' (Геров, IV, 151), в котором также имеется -t-, но на месте -ъkъ- выступает суффикс -in-a. Поражает одинаковое значение слов *polu-, polu-tъkъ, *polutin-a.

Слово **полоутъкъ** для нас имеет особое значение. Оно показывает, что данное образование, несомненно, очень позднее по своему происхождению, ибо немыслимо, чтобы к первичной (древней) ŭ-основе присоединился еще основообразующий формант -tŭ-, впоследствии распространенный суффиксом *-kŏ-. Здесь с очевидностью можно говорить о контаминации суффиксального комплекса *-tъkъ-, а, возможно, и просто *-ъkъ- с суффиксом *-t-ā. Иными словами, рассматриваемые четыре слова уже нельзя возвести к собственно *-tŭ-основам. Однако присоединение этих суффиксальных морфем к древней основе на -ŭ- должно было, вероятно, иметь место еще тогда, когда тип склонения основ на -ŭ- сохранялся, чем объясняется наличие чистой основы *-polŭ-. Прасл. *pclъ < *pclŭ один из немногочисленных несомненных случаев старой ŭ-основы. Напрашивается вывод о том, что в праславянском языке имелись отвлеченные имена существительные не только на -ŏtā, образованные от древних ŏ-основ, ср. **лихота**, но и на -ŭta, т. е. производные от древних ŭ-основ с *-tā. И в общеиндоевропейском отмечается такое положение вещей, ср., с одной стороны, греч. νεότης 'юность', а с другой, греч. βαρύτης 'Schwere', др.-инд. *gurutā* — то же самое (Brugmann, KVG, 350). Возможность древнего -ŭ- перед суффиксом -t-ā подтверждается, таким образом, и несколькими другими индоевропейскими языками.

Все изложенное здесь доказывает, что предлагаемый нами выше словообразовательный анализ чешск., польск. *boruta* 'лесной дух' имеет реальные основания. Полный параллелизм наблюдается не только в отношении слов слав. *poluta*, *boruta*, но даже в отношении ряда производных, ср. русск. топ. *Полутино* (Сп. нас. м., XLII, 175) и русск. топ. *Борутино* (Сп. нас. м., XLII, 400), а также *polovit в восточно-

inslav

славянских названиях рек *Половитник* и *Половитня* (Машт. Днепр., 271) и чешск. *borovit* 'лесной дух' (Kott, I, 83; Jungmann, I, 163—164). Таким образом, в формальном отношении установление древней чистой основы на *-ŭ-* в названии 'лесного духа', resp. рефлекса *ŭ*-основы в виде *-ov-*, находит убедительное подтверждение со стороны соответствующих производных общепризнанной прасл. *ŭ*-основы **-polu-*. В смысловом отношении остается, как нам кажется, самым удачным сопоставление с названиями лиц типа ст.-сл. **юнота**, **сирота**.

Что касается церк.-сл. и др.-русск. **жератъкъ**, относящегося к глагольному корню **ge/or-* (ср. русск. *горéть*), то здесь, по-видимому, присоединение суффиксального комплекса **-tъkъ* к глагольному корню привело к образованию обычного в этих случаях nomen actionis с ярким оттенком результативности. Звук *-a-* перед **-tъkъ* следует, вероятно, объяснять воздействием прасл. **zeravъ* (русск. *жерав* 'горящий, раскаленный', др.-русск., церк.-сл. **жеравъ**, с.-хорв. *žȅrâv* ж. р. 'горящие угли', словен. *žerôvnica* 'изжога', чешск. *žeravý* 'полный жару, каления', др.-чешск. *žeravie* 'горящие угли' — см. Вост., V, 247 и VEW, I, 419).

Ст.-сл. **сланоутъкъ** 'горох' в этимологическом отношении не вполне ясное образование (см. Meillet. Ét., II, 334), но, очевидно, оно принадлежит к вторичным, поздним словам на **-tъkъ* (см. Sadnik-Aitzetmüller, 303 и литературу).

III. Имена существительные на **-ru-* (**-rŏ-?*)

Здесь рассматривается очень небольшая группа имен существительных, которые по своему образованию состоят из глагольных корней и суффиксальной части, характеризуемой фонемой *-r-*. Второй компонент суффиксальной части — основообразующий звук. Было ли это звуком **-ŏ-* или **-ŭ-*, т. е. имеем ли мы дело с основами на **-ro-*[186] или с основами на **-ru-*, вопрос спорный, но об этом ниже. Итак, ср. корни **-dō-*: прасл. **-da-ti* и *da-rъ*; **pi-* (возможно, и **pei-*): прасл. **pi-ti* и **pi-rъ*; **gi-*: прасл. **ži-ti* и **ži-rъ*. Что касается прасл. **mirъ*, относящегося, очевидно, сюда же, то нам неизвестен соответствующий глагол[187], но имеется образование на **lo-*, которое обычно присоединяется к глагольным корням **milъ* 'милый'.

Отнесение к этой же группе еще других слов, например, имен существительных **вихръ**, **джб(р)ъ** (ср. **джбрака**), **ꙗдръ** (Будилович. Анализ, 145) или имен прилагательных **добръ** (Будилович, там же; Селищев. Ст.-сл. яз., II, 55), **хытръ**, **мокръ**, **мѫдръ**, **быстръ**, **остръ**, **пьстръ**, **старъ**, **штедръ** и др., является, на наш взгляд, неоправданным (об именах прилагательных на **-rŭ-* или **-rŏ-* см. Arumaa. Sur l'hist., 65 и след.).

Приведенные имена существительные (*vixrъ*, *dǫbrъ*, *jadrъ*), к которым еще можно добавить *zǫbrъ*[188], по своему образованию существенно

[186] В. Дорошевский пишет, что формант *-ro-* субстантивирует вербальные корни, создавая соответствующие имена существительные (см. его статью в PF, XV, 2, 275).

[187] Отсутствие глагола с соответствующим корнем побудило ряд исследователей и, в частности Р. Нахтигала (см. Nachtigal. Akz., II, 110), отделить слово **mirъ* от близких ему образований. Однако, нам кажется, что Р. Нахтигал слишком далеко заходит, когда рассматривает **mirъ* наряду с *žarъ* (в котором **-r-* принадлежит корню) как слова, имеющие со словами **darъ*, **pirъ* и *žirъ* лишь то общее, что и в тех, и других в качестве конечного звука (Auslaut) перед гласным основы выступает один и тот же согласный *-r-*. См. о составе основ на **rŏ-* ПЭС, II, 60; Kiparski. Lehnw., 53; Селищев. Ст.-сл. яз., II, 70; SES, I, 37 и у др.

[188] Очевидно, сюда еще относится прасл. **koprъ* 'укроп, Anethum graveolens' (русск. *копёр*, ст.-сл. **копръ**, с.-хорв. *kȍpar*, чешск. *kopr*), если является исконным родственным лит. *kvāpas* 'запах; дыхание', *kvĕpti* 'вдыхать' (PF, XV, 2, 275).

inslav

отличаются от упомянутых *darъ*, *mirъ*, *pirъ* и *žirъ*. Во-первых, мы не можем указать соответствующие глагольные корни, от которых они образованы, во-вторых, суффиксальная часть с *-r-*, даже если она выделима (как например, в *dǫbrъ* — по сравнению с *dǫbъ*, в *zǫbrъ* по сравнению с *zǫbъ*), отличается тем, что присоединяется к корню, оканчивающемуся на согласный звук. Приведенное А. Мейе среди образований на **-rŏ-* прасл. **měra*, разумеется, не будет включен в наше рассмотрение, ибо в этом случае перед нами образование на **-rā-*. Относительно церк.-сл. пыро 'ὄλυρα' (русск. *пырей*, с.-хорв. *plr*, словен. *pîra* м. р., *pîra* ж. р., чешск. *pýr*, *pýř* и т. д.) и прасл. **jarъ* 'весна' (русск. церк.-сл. ѧра, болг. диал. *ярá*, др.-русск. ѧръ, с.-хорв. *jâr*, род. п. ед. ч. *jâri* ж. р.; чешск. *jaro* и т. д.[189]), содержащихся в перечне *rŏ*-основ у А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 404), и прасл. **čarъ* (русск. *чары*, укр. *чарá*, др.-русск. чаръ и т. д.), от которого К. Х. Мейер (Meyer. Hist. Gr. d. russ. Spr., 105) приводит др.-русск. форму им. п. мн. ч. чароке 'Zaubereien' (ср. еще русск. *чаровáть*, *очаровáть*, укр. *чарувати*, болг. *чарувам*) и форму тв. п. мн. ч. др.-русск. чарми (см. Соб. Лекц.. 212) нужно сказать следующее. Во-первых, нет основания причислять эти слова к основам на **-rŭ-* (**-rŏ-*) уже потому, что в них, вероятно, во всех случаях *-r-* принадлежит корню; во-вторых, суффиксальная часть — если допу́стим, что она вообще выделима — выступает в разных славянских языках с разными основообразующими гласными, т. е. мы имеем *-rŏ-*, *-rā-*, *-rĭ-*. Возможно *jarъ* и *čarъ* в некоторых своих падежных формах и словообразовательных типах могли вторично сближаться с основами на **-rŭ-* (**-rŏ-?*), с которыми они разделяют общую структуру, разумеется, не в генетическом плане. Это могло иметь место уже на почве отдельных славянских языков. Таким образом, праславянскими основами на **-rŭ-* (**-rŏ-?*) мы должны считать лишь **darъ*, **mirъ*, **pirъ* и **žirъ*.

Тип образования этих слов уже в праславянском языке утратил свою продуктивность. Этим объясняется его малочисленность. Л. А. Булаховский (см. «Деэтимологизация», 165—166) пишет, что русск. *пир* и *дар* еще не находятся в полном разрыве с соответствующими глагольными корнями в *пить* и *дать*, чего уже нельзя сказать о словах *мир* и *жир*, у которых разрыв с глагольными корнями — совершившийся факт. Если эти высказывания характеризует историческое развитие и перспективу рассматриваемой — в праславянском, бесспорно, единой — группы слов, то некоторые соответствия в других индоевропейских языках позволяют как бы заглянуть в их «предысторию». В двух случаях встречаются достоверные соответствия, содержащие *-r-* (ср. греч. δῶρον; лит. *mieras*, лтш. *miêrs* 'мир, покой, спокойствие'), причем в первом *-r-* по своему происхождению, очевидно, связан с гетероклитическими основами. Это обстоятельство важно потому, что, как известно, с основами на **-r/l-* и **-n-* часто сочеталось *-ŭ-* (и еще ряд других формантов). Это следует учитывать при подходе к вопросу о том, были ли изучаемые слова *ŭ*-основами или *ŏ*-основами.

Ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями. Во-первых, сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков показывает, что, несомненно, в индоевропейском праязыке имелись не только имена существительные с основой на **-rŏ-*, но и имена существитель-

---

189 Ср. еще русск. *яровóй хлеб; яровúк* 'одногодовалое животное (растение)'; укр. *яровúй* и т. д.

inslav

ные с основой на *-rŭ-* (ср., например, др.-инд. *ásru* 'слеза', хетт. *ešḫaḫru* 'поток слез, плач, слезы', греч. θάκρυ, тох. А *ākrunt* мн. ч.[190]).

Во-вторых, сравнительно-историческое изучение славянских языков, хотя и не дает твердых оснований для предположения о существовании основ на **-rŭ-* в праславянском языке, все же не дает и материала для безусловного отрицания такого предположения. Насколько нам известно, только в новейшей литературе по этому вопросу имеются данные в пользу предположения о существовании основ на *-rŭ-* в праславянском языке. П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist., 65) принимает в основном гипотезу Ф. Шпехта (Specht. Zur Bildung,. 83) о тесной связи древних основ на *-ŭ-* с *r*-основами в индоевропейском праязыке, распространяя ее, как он выражается, на «балто-славянский». Правда, он имеет в виду прежде всего имена прилагательные, но, как видно из работ Шпехта и из высказываний Арумаа, они, изучая эти проблемы, не придавали разграничению имен прилагательных и имен существительных особого значения, что и вполне понятно, ибо в образовании основ у этих частей речи очень много общего.

В-третьих, из рассмотрения нижеследующего материала к четырем основам на **-rŭ-(*-rŏ-)* как общий вывод вытекает предположение, что эти основы, несомненно, еще в праславянский период находились в определенных отношениях с *ŭ*-основами и, вероятно, долгое время выступали как *ŭ*-основы. Остается, однако, открытым, кроме других нерешенных проблем, еще вопрос о том, является ли принадлежность к типу склонения основ на *-ŭ-* во всех четырех случаях исконной (для *darъ* это, пожалуй, так) или мы имеем дело с очень ранним вторичным усвоением типа склонения основ на *-ŭ-* этими словами.

**darъ 'donum'*

Мнения ученых колеблются между признанием древней *ŏ*-основы (*rŏ*-основы) и установлением (более или менее вероятной) *ŭ*-основы в данном слове. Как образование на **-rŏ-* прасл. **darъ* определяют К. Бругманн (Brugmann. KWG, 346), А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 404)[191], Э. Бернекер (BEW, 179), А. Преображенский (см. ПЭС, 174), С. М. Кульбакин (Др.-церк.-сл. яз.[2], 147 — он имеет в виду ст.-сл. даръ), Р. Траутманн (TWb, 57), Б. Унбегаун (Unbegaun. LR, 104—105), Ст. Младенов (см. МЕР, 120), Е. Курилович (Kuryłowicz. L'acc., 282), Ф. Славский (см. SES, I, 137), Л. Садник и Р. Айцетмюллер (Sadnik—Aitzetmüller, 225), В. Махек (MES, 80) и др. Еще Ф. Миклошич (Mikl. Vgl. Gr., II, 53) относит *darъ* к основам на *-rŭ-*. Как основа на *-ŭ-* рассматриваемое слово выступает также в работах следующих исследователей: Я. Гебауэра (Geb. Hist. ml. j. č., III, 334; он констатирует, что др.-чешск. *dar* в некоторых старых памятниках имеет формы, характерные для склонения основ на *-ŏ-*), А. А. Шахматова (см. Курс, III, 118), П. Дильса (см. Diels. Aksl. Gr., 157), Н. Ван Вейка (см. Ист. ст.-сл. яз., 245)[192], Р. Нахтигала (Nachtigal. Akz., 110)[193] и М. Фасмера (VEW, I, 328).

---

190 Мы имеем здесь дело с древней гетероклитической основой, ср. основу на *-n-* в др.-сакс. *trahni* мн. ч., нем. *Träne*; в арм. *artawsr* < **artasur* < **drak'ur* 'слеза' наблюдается обратная последовательность аффиксов *-u-* и *-r-* (Иванов. Др.-инд. *asram*, 480; там же рассматривается чередование основ на **-ro-* с основами на **-rŭ-*).

191 В более позднем своем труде А. Мейе (см. Общсл. яз., 331) утверждает, что даръ следует причислять к «наиболее достоверным основам на *-ŭ-*». В качестве доказательства он приводит отыменной глагол дарѣти.

192 Шахматов, Дильс и Ван-Вейк высказываются в пользу признания вероятной *ŭ*-основы.

193 Р. Нахтигал, касаясь данного вопроса, пишет, что старославянские памятники свидетельствуют о тесной связи этого имени с *ŭ*-основами, и ссылается

inslav

Реконструкция вероятной *й*-основы для прасл. **darъ* основана на следующих положениях:

1) на сохранении архаичной системы флексий в старописьменных славянских языках: Ср.:

ст.-сл. (см. Diels. Aksl. Gr., 156—157) местн. п. ед. ч. **дароу** (Супр. р.), им. п. мн. ч. **дароке** (Супр. р.), род. п. мн. ч. **даровъ** (Син. Требн.; Супр. р.), тв. п. мн. ч. **даръми** (Син. Требн.)[194], местн. п. мн. ч. **даро҃хъ**[194a] Син. Требн.);

церк.-сл. и др.-русск. род. п. ед. ч. **дароу** (Mikl. Lex., 153). **дар8** (Шахматов. Курс, III, 118); тв. п. ед. ч. **даръмь** (Срезн. Мат., I, 631); местн. п. ед. ч. **о божии дароу** (Вост., I, 195), **на дароу** (Шахматов. Курс, III, 118 и Срезн. Мат., I, 630); дат. п. ед. ч. **дарови** (Соболевский. Беседы, 60); им. п. мн. ч. **дароке** (Mikl. Lex., 153; Срезн. Мат., I, 631—632; Соболевский, там же) и **дарокьѥ** 'дары святые' (Срезн., там же); род. п. мн. ч. **даровъ** (Срезн., там же; Шахматов. Курс, III, 118); тв. п. мн. ч. **даръми, дарми** (Срезн. Мат., I, 631);

др.-польск. род. п. ед. ч. *daru* (наряду с *dara*)[195], род. п. мн. ч. *darow*, местн. п. мн. ч. *w daroch* (наряду с *w darzech*, *w darach*) (Sł. st. p., II, 26);

др.-чешск. род. п. ед. ч. *darú* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 334; Trautmann. Alex., 63); местн. п. ед. ч. *o daru* (Geb., там же); им. п. мн. ч. *darowe* (Geb., там же); род. п. мн. ч. *darow* (Trautmann. Alex., 63)[196];

2) на примерах, представляющих, очевидно, древние образования и содержащих рефлекс *-ov-*; ср.:

ст.-сл. **дарокати** 'дарить' — Зогр., Мар., Син. Требн., Супр. р.; ст.-сл. и церк.-сл. **дарованиѥ**[197] 'благодарность, дар' — Син. Требн., Супр. р. (Sadnik—Aitzetmüller, 18; Вост., I, 195)[198]; церк.-сл. **даровити** (Вост., там же и Срезн. Мат., I, 630); **объдарокати, одарокоти** 'donare' (Вост., II, 23, 34); церк.-сл. и др.-русск. **даровитъ** 'щедрый' (Mikl. Lex., 153; Срезн. Мат., I, 630); церк.-сл. **даровьнъ** 'donationis' (Mikl., там же); **даровьникъ** 'legatarins' (там же); церк.-сл. **даровьина** 'вещь, полученная даром' (Сл. церк.-сл. и р. яз., I, 841); др.-русск. **даровати, даровьныи** 'dotalius' (Срезн. Мат., I, 830); **дарованиѥ (пчелинои)** 'дань, подать' (Мат. терм., 82)[199];

др.-польск. *darować*; *darowanie*; *darowne* 'вид дани'; *darownie* 'gratis' (Sł. st. p., II, 30);

на формы местн. п. ед. ч. дароу (Супр. р.), им. п. мн. ч. дароке (там же), род. п. мн. ч. даровъ, тв. п. мн. ч. даръми (Син. Псалт.) и на редкую форму местн. п. мн. ч. даро҃хъ (Син. Требн.), а также на производные с *-ov-* русск. *дарова́ть*, *дарово́й*.

194 Но в Син. Требн. встречается форма местн. п. ед. ч. дарѣ, в Сб. Клоца — форма им. п. мн. ч. дары, в Син. Псалт. — форма тв. п. мн. ч. дары (Diels. Aksl. Gr., 156—157).

194a Эта форма на -о҃хъ, характерная еще и для имен существительных домъ, сынъ (домо҃хъ, сыно҃хъ, с.х҃ъ), послужила Дильсу поводом отнести даръ с известной вероятностью к *й*-основам (см. еще Кульбакин. Др.-церк.-сл. яз., 147).

195 Форма местн. п. ед. ч. засвидетельствована *(o)darze*.

196 Наряду с этими имеются старочешские формы род. п. ед. ч. *dara*, местн. п. ед. ч. *daře*, им. п. мн. ч. *dařі*.

197 Ср. еще церк.-сл. благодарованиѥ 'to bona dare' (Вост., I, 35) и даровательь 'donans' (там же, 195) и даровании 'святые дары' (Срезн. Мат., I, 630).

198 В отношении даръ — даровати см.: Будилович. Анализ, 165.

199 Ср. еще др.-русск. фамилии даровикъ и даровичъ (Туп., 125; 529).

inslav

3) на многочисленных примерах из современных славянских языков, представляющих, по всей вероятности, во многих случаях продолжения древних образований с *-ov-*, ср.:

болг. *даровен* 'предназначенный для даров' (Дювернуа, 462), *дарове* мн. ч. 'приданое' (там же), *дарсвит* 'одаренный, талантливый'; с.-хорв. *дâр*, мн. ч. *дâри*, *дâрови*, *дарóвâ* 'дар', мн. ч. *дары* и *дарови* 'подарки, которые невеста дарует свадебным гостям' (Караџић, 115), *дàровина* = *даровнина* 'donum', *дарóвница* 'подаренная сабля', *дарòван* 'donatus', *даровит* 'donatus liberalis'; *дарсвати* = кайкавск. *дарувати* (Rječn., II, 280, 284); словен. *dar*, род. п. ед. ч. *dára*, *darú* и *darova; darováti*, *darovíten* = *darovít* 'щедрый, одаренный' (Pleteršn. Wb., I, 122—23; Murko. Dtsch. — slov, 33); слвц. *dar*, *daruvat'* = *darovat'*; чешск. *dar*, *darovati*, *darovný* 'относящийся к dar', (Kott, I, 208); в.-луж. *darować* 'даровать'; *darowizna* 'дар, подарок', *darowny* 'щедрый' (Krahl, 46); польск. *dar*, *darować*, *darowizna* (Sł. j. p., I, 428); диал. польск. *darcwina* (Karł. Sł. gw., I, 312); кашуб. *darovac*, *darói̯zna* = *darówizna* 'подарок', *darovnĩ* 'щедрый', *dwr*, *-aru*, род. п. мн. ч. *darów* (Lorentz. Pom. Wb., 126—127; 151); блр. *дарова*ѡ, *даровина* 'подарок'; укр. *дар*, *дарувати* 'дарить', *даровина* 'жертва', *даровитий* = *даровий* 'даровой' (Грінченко, I, 357—359); русск. *дар,-а*, мн. ч. *дары́* (книжн.) 'приношение, подарок', *даровóй* 'полученный даром, бесплатный', *дарови́тый* 'талантливый, обладающий дарованием', *даровать*; русск. диал. *даровьé* 'напрасно' (Обнорский. Им. скл., 1, 72)[200], *даровó* наречие 'хорошо, ладно, нечто, ничего, нужды нет' (Даль, I, 415), восклицание вроде 'ладно, хорошо, пусть, напрасно' (Подвысоцкий. Сл. обл. арханг. нар.); *зáдарово* нареч. 'почти даром, за самую ничтожную цену' (Сл. р. яз., II, 981).

Э. Бенвенист (см. Им. сл., 36) рассматривает греч. δῶρον, арм. *tur* (<*-*dōro*) и ст.-сл. **даръ**, с одной стороны, и лат. *dōnum*, др.-инд. *dā́nam*, с другой, как гетероклитическую основу. А. Матл (см. Matl. Abstraktní význam, 139) находит даже в пределах славянской языковой области отражения древней *-r* || *n-* основы **даръ** || **дань** (ср. еще Иванов. О значении хеттского языка, 14: «Вероятно, прасл. **darъ* < **daru* представляет первоначальную основу на **-(r)ŭ*, ср. прасл. **da-ti* 'дать', **da-nĭ* 'дань' и другие производные с корнем *dō-*»).

**mirъ* 'pax, quietas, mundus'

Как *ŭ*-основу это слово определяют: Ф. Миклошич (см. Mikl. Vgl. Gr., II, 1875, 28); А. Лескин (см. Leskien, Handbuch[6], 76); А. А. Шахматов (см. Курс, III, 116); Я. Гебауэр (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 334); А. Мейе (см. Общсл. яз., 333). М. Фасмер (VEW, II, 137), ссылаясь на Гебауэра и на Мейе, видит следы первоначальной *ŭ*-основы в старославянском и древнечешском языках. Н. ван Вейк (см. Ист. ст.-сл. яз., 243—45) причисляет **миръ** к очевидно старым основам на *-ŭ-*. Р. Нахтигал (Nachtigal. Akz., 113), по-видимому, тоже склонен считать это слово бывшей основой на *-ŭ-*, опираясь на ст.-сл. формы род. п. ед. ч. **миро**ѹ (Супр. р.), дат. п. ед. ч. **мироки**, местн. п. ед. ч. **миро**ѹ, а также на церк.-сл. **мировати** и русск. устар. *мировáть* 'жить в мире'. Основу на *-ŭ-* предполагают М. Янакиев и Ст. Стоянов (Стоянов. Ст.-бълг. ез., 115).

Напротив, образование на *-rŏ-* в прасл. **mirъ* видят Э. Бернекер (см. BEW, II, 60), И. Миккола (см. Mikkola. Slav. Lehnw., I, 140—41), Л. Садник и Р. Айцетмюллер (см. Sadnik—Aitzetmüller, 268). Р. Траутманн (см. TWb, 175) дает праформу **mēira-*, а для форм с аблаутом

[200] С. П. Обнорский видит в этом наречном образовании старую форму им. п. мн. ч. *дарове*.

inslav

с.-хорв. *mijer*, др.-чешск. *mier*, др.-польск. *mier* 'pax' — **maira*. Просто к *ŏ*-основам данное слово относит Е. Курилович (Kuryłovicz. L'acc., 217)[201]. А. М. Селищев (см. Ст.-сл. яз., II, 94) причисляет **миръ** к основам на *-ŏ-*, имеющим флексии *ŭ*-основ, как, например, **мироки**.

Как древнюю *ŏ*-основу, впоследствии принимавшую окончания типа склонения основ на *-ŭ-*, *mirъ* рассматривает Б. Унбегаун (Unbegaun, LR, 104—105). Он возражает тем ученым (Миклошичу, Лескину, Шахматову и Мейе), которые в этом слове нашли *ŭ*-основу. При этом он считает, что форма родительного падежа единственного числа, встречающаяся три раза, по указаниям П. Дильса, не совсем ясная и что ей противостоит целый ряд примеров с *-a-*, *mira* (там же, 97—98). Далее он указывает на то, что форма местного падежа единственного числа *miru* засвидетельствована не более трех раз и только в Супрасльской рукописи, памятнике относительно позднем, диалектально окрашенном и что, напротив, как в Супрасльской рукописи, так и в других памятниках встречается форма местного падежа единственного числа *mire*. Пять примеров дательного падежа единственного числа *mirovi* он вслед за П. Дильсом воспринимает как персонифицированное обозначение 'света', имеющее параллели в формах **домови** 'à la famille' и **адови** 'à l'enfer'. Наконец, по его мнению, *mirъ* не имеет никаких древних производных с *-ov-*.

Что касается древних производных с *-ov*, то Б. Унбегаун, несомненно, прав, ибо кроме трех примеров из словаря Срезневского (Срезн. Мат., II, 146) мы никаких других древних образований с *-ov-* не знаем. И то одно из них, а именно др.-русск. **мировыи** 'мировая грамота, запись' фиксируется в довольно поздних памятниках. Остальные два примера относятся к XI веку: **мировати**, **мирꙋю** 'εἰρηνεύειν' (Панд. Ант., XI в.); **мировьныи** 'мирской' (Гр. Наз. XI в.). А. Востоков (Вост., I, 425) приводит наряду со словом **миротворьць** 'pacificus' (Супр. р.) еще слово **мироутворьць** 'εἰρηνοποιός, pacificus', однако трудно сказать, что такое *miru-* в **мироутворьць**, форма ли родительного падежа единственного числа основ на *-ŭ-* или чистая основа; наконец, можно даже предполагать, что это форма дательного падежа единственного числа основ на *-ŏ-*[202].

Более убедительным свидетельством древней *ŭ*-основы в рассматриваемом слове являются падежные формы с флексией, характерной для древних *ŭ*-основ, но и этот материал оказывается еще недостаточным для удовлетворительного решения вопроса. Дело в том, что наряду с несколькими примерами, указывающими на *ŭ*-основу, встречаются часто даже в одних и тех же памятниках и нередко в большем числе случаев падежные формы, говорящие скорее о первоначальной *ŏ*-основе. Ср.: ст.-сл. форма род. п. ед. ч. **мироу** (Син. Псалт.), **мироу** (Супр. р.) наряду с **мира** (Сб. Клоца, Мар., Зогр., Асс., Савв. кн., Син. Псалт., Син. Требн. и Супр. р.); форму дат. п. ед. ч. **мироки** (Асс.), **мироки** (Савв. кн., Супр. р.) наряду с **мироу** (Мар., Зогр., Асс., Син. Требн., Супр. р., Сб. Клоца)[203]; форму местн. п. ед. ч. **мироу** (Супр. р.) наряду с **мирѣ** (Син. Псалт., Супр. р.)[204].

---

[201] Е. Курилович исходит из формы дат. п. ед. ч. **мировн**, где *-ovi* выступает в названии вещи и тем самым указывает, по его мнению, на старую *ŭ*-основу; далее он приводит форму местн. п. ед. ч. **мироу**.

[202] Ср. трудный случай подобного типа в ст.-сл. **домоу законьникъ**.

[203] П. Дильс (Diels. Aksl. Gr., 155) объясняет окончание **-ови**, выступающее обычно в форме дат. п. ед. ч. имен, обозначающих лиц, из значения слова **миръ** как коллективного названия для лиц, что, по его мнению, поддерживается еще употреблением форм род. п. ед. ч. в винительном падеже ед. ч., ср. **възлюби мира** (см. еще Вайан. Руководство, 113).

[204] Примеры старославянского языка взяты у П. Дильса, Aksl. Gr., 155—156.

inslav

Русск. церк.-сл. и др.-русск. форма род. п. ед. ч.[205], ср.: **мироу** (Срезн. Мат., II, 150), **безъ мира** (там же), ср. далее **мироу** и **мира** (Шахматов. Курс, III, 116); **безъ мироу и с тѣмъ мира подвердить** (Срезн. Мат., II, 147); ср. еще др.-русск. **хотѣти миру** (Unbegaun. LR, 88); форма дат. п. ед. ч. **мироки** (Срезн. Мат., II, 148—49; Шахматов. Курс, III, 116) наряду с **вьсемоу мироу** (Остр. ев., словоуказатель, 80); форма местн. п. ед. ч. **к мироу** (Вост., I, 425), **къ миру** (Срезн. Мат., II, 150); **к томь мироу** (там же); **къ сковемь мироу** (Срезн. Мат., II, 148—49); въ миру (Соб. Лекц., 171); **къ міру** (Unbegaun. LR, 88); **на миру** (Срезн. Мат., II, 150—51); **о миру** (там же); **слати о мирꙋ** 'предлагать мир'[206] (там же), наряду с **вь семь мирѣ** (Остр. ев., словоуказатель, 80) и **примѣри** — описка вместо **при мирѣ** (Хроника И. Малалы, кн. 17, 25, 7); форма род. п. мн. ч. **мировъ есмъ створихъ с половечьскыми кнѧзи без единого ѥ** (Вост., I, 425, — здесь **миръ** выступает в значении 'перемирие, мирные переговоры');

др.-чешск. форма род. п. ед. ч. *utvrženie miru, myru mého* наряду с *obiženstvie myra* (Geb. Hist. ml. j. č., III, 334); *Ty spase všeho myra* (Geb. Sl. st. č., II, 377); форма мест. п. ед. ч. *wmiru* наряду с *w myrzye* (Geb. Sl. st. č., там же; Trautmann. Alex., 87).

Наконец, и материал из современных славянских языков и диалектов не дает нам однозначного ответа на вопрос о первоначальной основе праславянского **mirъ*. Дело в том, что факты, возможно свидетельствующие о древней *ĭ*-основе, преимущественно единичные, разрозненные. Они не образуют целостную систему доказательств. Так, например, деноминативный глагол в южнославянских языках, ср. болг. *мирувам* 'нахожусь в покое, сижу спокойно'; с.-хорв. *мирдвати мйруjēм* 'жить в мире'; словен. *mirovati* 'жить в мире', а также выше приведенное церк.-сл. **мирокати**, и многочисленные от него производные вроде с.-хорв. *мирдвнā* 'примирение', словен. *mirovanje* 'спокойная жизнь, мирное время' и т. д., не обязательно предполагают в качестве исходной *ĭ*-основу; этот глагол мог быть образован и от *ŏ*-основы по аналогии с другими многочисленными деноминативными глаголами на *-ov-*. Что касается имен прилагательных на *-ov-*, ср. с.-хорв. *мирдвен* наряду с *мирен* 'мирный', чешск. *mírový* наряду с *mírný*; укр. *мировий* наряду с *мирний*, русск. *мировой* и *мирный*, причем *мировой* может относиться не только к слову *мир* в значении 'mundus', но и к слову *мир* в значении 'pax'[207] [ср. *мировой* (судья), *мировая* 'примирение'][208], то вполне возможно, что они содержат весьма продуктивный суффикс *-ov-*. Таким же образом можно объяснить с.-хорв. *мировит* 'миран', словен. *mirovit* 'мирный' суффиксом *-ovit-*. Далее, продолжают ли чешск. *mirulibý*, *mirumilý* и образованные от последнего *mirumilovný*, *mirumilovnost* (Kott, I, 1027; VI, 988) какую-то книжную традицию (ср. выше упомянутое церк.-сл. **мироуткорьць**), остается вопросом[209]. Вообще ряд отклонений от обычной нормы (в качестве соединитель-

---

[205] Древнерусские, а также русско-церковнославянские примеры из Срезн., Мат. II, 150.

[206] Ср. еще др.-русск. **послати о миру послевь** (Unbegaun. LR, 88).

[207] Нельзя сказать, что *-ov-* имеет место только в производных от *мир* в значении 'mundus'. Этому противоречат как данные русского языка, так и других славянских языков, в том числе древнеписьменных.

[208] Сюда же относятся русск. *мировщик* 'примиритель', *мировщина* 'мировая, пир, попойка' (Даль, II, 329) и русск. диал. устар. *мировщики* 'послы от татар о мире' (Миртов. Донской сл., 185).

[209] В других чешских словах имеем характерную для славянских сложных слов соединительную гласную *-o-*, ср. *mírodajny* 'приносящий мир' (Kott, I, 1027).

inslav

ной гласной независимо от характера основы первой части сложения обычно выступает гласный *о*, ср. **медоточьнъ кръвоточити**, и т. д.) находит свое объяснение именно в предположении бывшей *ŭ*-основы, ср. примеры с **-polu-* в первой части сложного слова и др. Этот вопрос, разумеется, нельзя еще считать решенным.

Что *-r-* в рассматриваемом прасл. **mirъ* не принадлежит к корню, доказывается и славянским материалом, ср. прасл. **-mi-lъ* 'милый', и данными из других индоевропейских языков, ср. лит. *míelas*, *mylas*, *meilùs*, *mylùs* 'милый, нежный'; лтш. mīļš (первоначальная *ŭ*-основа, как лит. *mylùs*, согласно Э. Френкелю, — см. FEW, 449); др.-прусск. *mīls* (*mijls*) 'милый'; др.-инд. *máyas* 'радость, отрада, наслаждение'; лат. *mītis* 'мягкий, нежный'; ирл. *mōeth*, *mōith* 'мягкий, нежный'. Ф. Шпехт (см.: Specht. Urspr., 320) предполагает даже чередование *-l-* и *-r-* в словопроизводном слоге (Ableitungssilbe) в ст.-сл. *mi-l-ъ* и *mi-r-ъ*.

pîrъ 'convivium'.

Слово **pirъ* находим только в южнославянских и восточнославянских языках, в западнославянских оно отсутствует. Сербский и словенский языки, а также русские народные говоры свидетельствуют еще о другом значении, в котором бытует это слово. Оно употребляется для обозначения 'свадьбы, свадебного пира' и т. п. Ср. с.-хорв. устар. *пȗр* 'свадьба', *пирдвати*, *пȉрујêм* 'пировать, справлять свадьбу'; словен. *pir* 'свадьба, свадебный пир' (Murko. Dtsch.-slov., 343; Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 411—12), *pirováti* 'быть на свадьбе, справлять свадьбу, пировать', *pirovina* 'свадебный праздник', *pirovanje* — то же самое, и русск. диал. (ростовское) *пированье*, значение которого из последующей цитаты станет вполне ясным: «Правый *запой*. Первый, малый *запой* бывает у жениха в доме, когда небольшое количество самых близких родных невесты приезжает к жениху 'дому смотреть'. После этого уже назначается большой, или *правский запой*, на который съезжаются все приглашенные на 'пированье' свадьбы» (см. Волоцкий. Рост. гов.). Приведенный отрывок из сборника Волоцкого показывает не только древность значения слова **pirъ*, связанного со 'свадьбой, свадебным пиром', но еще интересен для его этимологии. Он подтверждает правильность положения, согласно которому **pirъ* связывается с глаголом *piti*, *pojiti*, ср. обозначение свадебного пира в этом отрывке словом *запой*. Параллель к этому славянскому названию свадебного пира можно найти у О. Шрадера (см.: Schrader. Rl², 478), приводившего ряд германских обозначений для свадьбы, образованных от названия напитка, как, например, др.-сев. *festaröl*, *ölstemna* и др.-англ. *brýdealu*.

Обычно прасл. **pirъ* рассматривается как образование на *-rŏ-* (см. Meillet. Ét., II, 404; ПЭС, 60; Kiparski. Lehnw., 53; MEP, 423; SES, I, 137). Р. Нахтигал (Nachtigal. Akz., I, 138) данное слово определяет как относящееся к именам существительным с основой на *-ŭ-*, поскольку в древнерусских текстах постоянно употребляется форма местн. п. ед. ч. **въ пиру** и встречается форма им. п. мн. ч. *pirove*. (Nomocanon de Mihanović). Однако, по мнению Б. Унбегауна, следует предполагать в этом случае вторичное распространение окончаний, характерных для *ŭ*-основ (см. Unbegaun. LR, 96). Таким образом, он склонен считать рассматриваемое слово имеющим *ŏ*-основу. Кроме Нахтигала (см. еще Nachtigal. Akz., 110 и 114), мнения о древней *ŭ*-основе в слове *pirъ* совершенно определенно придерживается М. Фасмер (VEW, II, 359), который связывает деноминативный глагол русск. *пировáть* с этой старой *ŭ*-основой.

inslav

Выше приводились уже некоторые формы склонения по типу основ из древнеписьменных славянских языков. Их перечень можно пополнить следующими примерами:

др.-русск. форма род. п. ед. ч. **изъ пиру** (Срезн. Мат., II, 934); **изъ пиру, после пиру** (Unbegaun. LR, 89); др.-русск. и церк. форма местн. п. ед. ч. **пироу** (Mikl. Lex., 564); **въ пироу** (Соб. Лекц. 171, Срезн. Мат., II, 934) **оу пиру = въ пиру** (там же); **въ том пиру, на пиру** (Unbegaun. LR, 89); церк.-сл. им. п. мн. ч. **пирове** (Mikl. Lex., 564), др.-русск. **пирове**, им.—вин. п. мн. ч. (Н. М. Каринский. Язык Пскова., 191); церк.-сл. и др.-русск. род. п. мн. ч. **пировъ** (Срезн. Мат., II, 933).

Из старых производных слов **pirъ*, содержащих *-ov-*, можно указать: церк.-сл. и др.-русск. **пировати, пирꙋю**, 'принимать участие в пире; potare' (Mikl. Radices, 62); **съпировательь** 'участвующий в пиру; conviva' (Вост., II, 420); **пировьникъ** 'conviva'; **пированиѥ** 'convivium' (Вост., II, 90; Mikl., Lex., 564); **пировьнъ** 'convivii' и **пировьскъ** 'convivii' (Mikl. Lex., 564); **пировьи** 'относящийся к пиру' (Срезн. Мат., II, 933), **пировьныи** прил. от **пиръ** (там же). Наряду с этими образованиями имеется немало без *-ov-*, как, например, др.-русск. **пирити, пирю** 'пировать'; **пирѥниѥ** 'пир, пиршество'; **пирина** 'торжество, праздник'; церк.-сл. **пиритва** 'пиршество'; *pirьnik* 'conviva' (Mikl. Vgl., Gr:, Bd. II, 247); **пиритель** 'тот, кто дает пир' (Вост., II, 99).

Наконец, из современных славянских языков известны такие образования, как с.-хорв. *пирдвати*, словен. *pirováti*, русск. *пировáть*, болг. *пирýвам* 'пирую' (Дювернуа, 1642); словен. *pirovánje*, 'Hochzeitsfeier, — fest' (Janežič. Sl-dtsch. Wb., 411—12); русск. *пировóй*, 'относящийся к пиру' (наряду с *пирный*) и *пирóвный*, в церк. *пирóвный праздник* (Даль, III, 112).

К. Буга (РФВ, LXXIII, 336 = Būga. Rinkt. r., I, 473) сравнивает слово *pirъ* с лит. *piẽtūs* 'обед' (Dùsetos) 'юг', (Ramýgala, Naũmiestis): *pietuvis* 'wiatr poludniowy' (Kossarzewski. Lituanica, 49в), *pietukʃztis* 'obiadowy' (Šyrwid. Dict., 197), *pietujù* 'обедаю'. И. Э. Френкель (см. FEW, 587—588) считает возможным связать лит. *piẽtūs* с ст.-сл. *pirъ*, которое в свою очередь, по его мнению, может быть соотнесено с *piti* или *pitati*. В лит. *piet (v)/ỹs/*, *piẽtvis*, *pietùvis* = *piẽtvėjis* 'южный ветер', *peĩtvis*, *peitvỹs* — то же самое, и *iš-(si-)páitvėti* 'sich herausfüttern'. К. Буга констатирует еще *ŭ*-основу, которая наличествует и в *piẽtūs*. Возможно, что от корня **pei-* литовским основам на **-tŭ-*(?) противостоят славянские образования на **-ru-*(?). См. еще П. Скарджюс (LKŽD, 338).

žirъ 'пища, корм (желудовый корм), пастбище'.

Слово **žirъ* обычно причисляется к небольшой группе славянских имен существительных на **-rŏ-* (см. Meillet. Ét., II, 405; ПЭС, 60; Селищев. Ст.-сл. яз., 70; SES, I, 137 и др.). Р. Нахтигал, однако, считает его, очевидно, принадлежащим к словам, которые находятся «в близком отношении к *ŭ*-основам», как слова *даръ* и *пиръ* (Nahtigal. Akz., 110). Он указывает на церк.-сл. форму мест. п. ед. ч. **жироу**, приведенную в словаре Ф. Миклошича, а также на русск. *жировáть* 'отдыхать, кутить' и т. д. и сев.-вел.-русск. *жировá* 'имущество' (там же, 111).

Целый ряд данных из древних и современных славянских языков делает, на наш взгляд, возможным предположение о вероятной *ŭ*-основе в слове **žirъ*. Ср. форму местн. п. ед. ч. церк.-сл. **вь... жироу**: (Mikl., Lex., 198) и **на жироу**[210] (Mikl., там же; Вост., I, 125—126), а также

[210] У Срезн. Мат., I, 875 дано на жирꙋ.

inslav

многочисленные производные с *-ov-*: церк.-сл. и др.-русск. **жировати** 'упитываться, пастись, pasci; поедать; жить, оставаться; быть, находиться' (Срезн. Мат., I, 874—875; Mikl. Lex., 198 и Вост., I, 250)[211]; **жированиѥ** 'pascuum' (Mikl., там же), 'пастьба' (Срезн. Мат., I, 874), 'действие жирующего' (Вост. I, 125); **жировати сѧ** 'пастись, жить' (Срезн. Мат., I, 845); **съжировати сѧ** 'вместо пастися' (Вост., II, 201); **пожировати** 'пастись' (Вост., II, 66); **жировити** 'pasci' (Mikl. Lex., 198)[212]; **жировьнъ** им. прил. 'νομῆς, pascui' (Mikl. Lex., 198; Вост., I, 250; Срезн. Мат., I, 875); **жировьнъ** 'pinguis' (Соболевский. Сл. мат., 84); ср. ещё др.-русск. фамилии **жировой** и **жировичъ** (Туп., 150, 548).

Из современных славянских языков и диалектов ср. болг.: *жиро́вница* 'желудовый корм (для свиней)'; с.-хорв. *жи̏рôван* 'откормленный желудями, богатый желудями', *жирдвина* = *жировница* 'pecunia glandaria, плата за откорм свиней желудями', *жирдвњак* = *жировња̏ка* 'свинья, откармливаемая желудями' (Караџић, 167); словен. *žiroven* 'богатый желудями', *žirôvina* = *zirovnica* 'плата за откорм желудями' (Janežič. Sl.-dtsch. Wb., 871); польск. *żyrować* = *żerować* 'пасти, находить корм, кормиться, охотиться', *żerowisko* 'место, где находят пищу; место кормления'; полаб. *zeiréiste* 'пастбище' и названия местностей *zeiróva* 'пастьба, *ze(ei) röveiste* 'место, где корм' (Rost. Polab. Spr. r., 441); блр. *жирова́нне* 'обилие в пище'; *жирова́ць* 'кормить до сыта, откармливать' (Носович); укр. *жирува́ти* 'добывать пищу (о диких животных); шалить, дурачиться, играть, заигрывать; раскошествовать'; *жирува́тися* 'роскошествовать'; *жирува́ния* 'кормежка (диких животных); шалости, заигрывание парней с девушками и наоборот'; *жирови́тий* 'прожорливый'; *жировиця* 'муха, надеваемая на удочку для приманки' (Грінченко, I, 485); русск. диал. *жирова́ть* 'üppig leben, prassen, verschwenden; spielen, weiden' (VEW, I, 426); 'бегать по полю за кормом (о зайцах)' (Мат., I, 491), 'жить, существовать' (Мурманский берег — Елизаровский. Лексика, 188); 1) 'жить в довольстве' — камч., 2) 'есть вдоволь некоторое время' — камч., 3) 'питаться на месте охоты убитыми зверями' — камч., 4) 'не нести яиц от жиру (о дворовых птицах)' — курск., 5) 'играть, возиться, щекотаться' — курск., моск., орл., пенз., тамб. (Опыт, 57); 'играть, резвиться' (Тиханов. Брянский говор, 47); 'пировать' (Богораз. Обл. сл., 52); 'кормиться, питаться (о зверях)' (Смоленск. обл. сл., 224); *жи́ровать* 'жить в довольстве' арханг. (Опыт, 57); *жиро́вье* 'хорошее житье, житье на хорошей пище' (Олон. обл. сл., 23 и Сл. р. яз., т. II, вып. 2, 544); *жи́рова* = *жира* 'хорошее житье, довольство' (Опыт, 57); *жи́рова* и *жирова́* 1) 'имущество, состояние', 2) 'спокойное, привольное житье', 3) 'место, где хранится имущество'; *жированье* 'житье, жизнь' (Сл. р. яз., т. II, вып. 2, 539); *жиро́вка* 1) 'рыба, мечущая икру на том месте, где она постоянно водится, в отличие от других рыб', 2) 'живая птица, которую птицеловы сажают в западню для приманки птиц', 3) *жиры* 'круги, которые делает заяц, когда кормится' (там же, 541, 547); *жировня́* 'игра с хохотом, щекотня, толкотня' пенз. (Опыт., 57); *жирово́й* 1) 'счастливый, богатый' курск., тамб., 2) 'незаконнорожденный' курск., тамб. (Опыт, 57); *жировой* (*заяц*) 'заяц, который, как видно по следу, пошел кормиться' (Смоленск. обл. сл., 224); *жировая* (изба) 'жилой дом, жилье вообще'; *жировой голубь*

---

211 У Миклошича, по свидетельству Востокова (Вост., I, 250), **жировати** дано еще в значении 'deliciari: роскошествовать'.

212 Миклошич сравнивает это образование с церк.-сл. **даровити**. Обращает на себя внимание вообще параллелизм **darъ* — **darovati*, **mirъ* — **mirovati*, **pirъ* — **pirovati*, **žirъ* — **žirovati*.

inslav

'дикий голубь' (Подвысоцкий. Сл. обл. арханг. нар., 44); *жировóй* и *жирóвый* 1) 'жилой, обитаемый', 2) 'счастливый, богатый', 3) *жировые звери* 'звери, которые живут постоянно в норах' (Сл. р. яз., т. II, 542); *жирóвый* 'бодрствующий' (Олонецк. обл. сл., 23).

Весьма значителен тот факт, что в севернорусских говорах зафиксированы названия домового, нечистой силы в виде производных с корнем **žir-*, по своему образованию точно совпадающие с другими названиями демонов, как, например, русск. *домовóй*, укр. *домовúк*; блр. *боровúк*, польск. *borowy*, *borowiec* и т. п. Имеется в виду слово *жировúк* 'нечистый дух, живущий, по мнению суеверов, в домах; домовой' олон., петрозаводск. (Опыт, 57; Сл. р. яз., т. II, 541); 'домовой' и бранное слово (Олон. обл. сл., 23). М. Фасмер (VEW, I, 426) приводит сочетание *жировóй чорт* 'Hausgeist', т. е. 'домовой дух', с ссылкой на Барсова[213] и с примечанием «сев.-вел.-русск.». Возможно, он заимствовал это выражение у Г. Куликовского (Олон. обл. сл., 23), который с этим выражением очень удачно сравнивает олон. *жировúк*. Фасмер совершенно правильно относит упомянутое сочетание к слову *жир* 'пища, имущество'. Статью в словаре Фасмера можно было бы несколько расширить, указывая на непосредственные источники, из которых подобное сочетание могло брать свое начало, а именно на некоторые материалы севернорусских диалектов, как например, арханг. *жировая изба* 'жилой дом; жилье вообще' (Подвысоцкий, Сл. обл. арханг. нар. 44); мурманск. *жировать* 'жить, существовать' — и особенно важное для нас — мурманск. *жира* 'дом, жилище' (Елизаровский. Лексика, 188).

Имеются, наконец, и топонимические названия с корнем **žir-* как, например, чешск. *Žirovnice*, *Žirov*, *Žirovice* (Kott, V, 836 и VII, 1174); словен. *Žirovanica*; полаб. *Scheireitz* = *Scheirreitzen* = *Sereitzen* и, возможно, *Serau* (Rost. Polab. Spr. r., 302, 310, 348); восточнослав. *Жирова* (Сп. нас. м., XX, 155; XXIV, 49), *Жировские* (там же, XX, 154), 5) названия притоков Днепра: *Жировая*, *Жировец*, *Жировка*, *Жировые Березы* (Машт. Днепр., 249) и польск. *żyrow*, серб. *žirovnica*, зап.-укр. *żyrawka* (Mikl. Bildg. ON, 34).

Ст.-сл. **жиръ** еще Ф. Миклошич (см. Mikl. Radices, 29; MEW, 44) связал с **жикѫ**, **жити**. Ср. еще другое производное с непродуктивным суффиксом *-zn-*: **žiznь*. То, что **žirъ* относится к **žiti*, как **darъ* к **dati* и **pirъ* к *piti*, признается всеми исследователями. О связи значений 'корм (желудовый корм)' и 'пища' см. Schrader. Rl., II, 115 и Persson. Beiträge, 825; о значении **жир** = 'сало' — например, в русском языке — как 'terminus technicus скотоводческого хозяйства' см. AALF, t. XXVII, ser. B, 118—119; наконец, подробно об этимологии слова *žirovati* см. Ляпунов. Этимол. исслед., 255—257.

Остальные имена существительные с возможной основой на -й-

Наконец, можно указать на имена существительные, не входящие в предыдущие группы, в основы на **-(n)й-*, **-(t)й-* и **-(r)й* или **-(r)ŏ-*, но имеющие, однако, ряд признаков, позволяющих хотя бы в некоторых случаях ставить вопрос о прежней принадлежности их к основам на *-й-*. Определенное количество этих слов содержит перед основообразующим гласным звук *-d-*. На эту особенность обратил внимание

[213] Как свидетельствует Куликовский, Барсов приводит рассматриваемое словосочетание в труде «Причитания северного края», т. II.

inslav

еще А. Мейе (см. Meillet. — MSL, t. 20, 99), считавший, что многие из имен существительных, оканчивающихся в форме именительного падежа единственного числа на *-dъ* (Мейе пишет *-dŭ* — *Р. Э.*) являются древними основами на *-ŭ-*, как например, *sadъ*, *plodъ*, *grozdъ*, *udъ*, *rędъ*. При их помощи Мейе пытается объяснить ст.-сл. форму род. п. мн. ч. **градовъ** (Супр. р.) и ст.-серб. форму им. п. мн. ч. *градови* и тв. п. мн. ч. *градми* (ср. современный сербохорватский тип склонения с наращением во множественном числе: *грȁдови; гридбва̄* и т. д.), относящиеся к древней *ŏ*-основе **gradъ* < **gordŏ-s*. Влияние исконных основ на *-ŭ-* со звуком *d* перед основообразующим гласным (здесь можно указать, например, на несомненные *ŭ*-основы *medъ* < **medu-* 'мед' и *ledъ* < **ledu* 'лед') на сходные по структуре *ŏ*-основы — очевидный факт. Возникает проблема, для решения которой необходимо дальнейшее исследование: отделение исконных *ŭ*-основ от тех *ŏ*-основ, которые вторично переходили в *ŭ*-основы. Мы ограничиваемся приблизительным перечислением слов на *-dъ-*, возможно, первоначально выступавших как *ŭ*-основы: *grozdъ* 'гроздь'; имеется еще вариант с основой на *-(n)ŭ-* *groznŭ-, (см. Meillet. Ét., II, 236; 243, 384—385, 454 и MSL, t. 20, 99; ПЭС, I, 159—160; Кульбакин. Др.-церк.-сл. яз.[2], 147; VEW, I[r] 310[214], SES, I, 350);

**gvozdъ* 'лес' (RÉS, т. 28, 140; Schütz, Geogr. Term., 58);

**jadъ* 'яд' (Geb., Hist. ml. j. č., 111, 328; Meillet. Ét., II, 217; BEW, I, 271; TWb, 2; Vondrak. Vgl. Gr., I, 486; Nachtigal. Akz. 121; HKES, 150; SES, 485; MES, 173;

plodъ* 'плод' (Meillet. Ét., II, 268, 929), ст.-сл. **неплоды 'бесплодная женщина' из **(ne)-plodu-ə* (Мейе. Общсл. яз., 284 и MSL, т. 20, 99; VEW, II, 373);

**rędъ* 'ряд' (Meillet. — MSL, t. 20, 99; Cuny. Ét. prégr., 167; Шахматов. Курс, III, 118; Nachtigal. Akz., 116; Вайн. Руководство);

**sadъ*[215] 'сад' (Mikl. Vgl. Gr., II, 28; Geb. Hist. ml. j. č., III, 331; Br. Sł., 478; Vondrak, Vgl. Gr., I, 486; Meillet. Ét., II, 243; Meillet. — MSL, t. 20, 99; RS, t. VI, 131 и Мейе. Общсл. яз., 331; TWb, 259; PEW, 886; Nachtigal. Akz., 117; VEW, II, 567);

**smordъ* 'запах, смрад' (Mikkola. Ursl. Gr., I, 93), лит. *smardvė* 'запах', кашуб. *smard*, *smardu*(?).

В ряде других случаев флексии или производные первоначальных *ŏ*-основ или заимствованных слов испытали влияние со стороны типа склонения основ на *-ŭ-*, в частности тех *ŭ*-основ, которые в именительном падеже единственного числа оканчивались на **-dъ* (< -dŭ). Ср.: ст.-сл. **адъ** 'ад'; формы: род. п. ед. ч. **адоу**, дат. п. ед. ч. **адови**; производные: **адовьнъ**, **адовьскъ** (Slov. j. st.-sl., I, 15—17);

ст.-сл. **гадъ** 'пресмыкающееся' — род. п. мн. ч. **гадовъ** (Diels. Aksl. Gr., 156);

---

214 У Фасмера читаем «alter *-n-* St.» 'старая *n*-основа', что является явной опечаткой: вместо *-n-* должно быть *-u-*.

215 В нашей статье «К вопросу о составе группы имен существительных с основой на *-ŭ-* в праславянском языке» (см. ВСЯ, вып. 4, стр. 122—124) мы включили это слово в ту группу имен существительных, которые в науке не являются общепризнанными *ŭ*-основами, но нами на основании приведенного в статье материала признаются таковыми. После дальнейшего подробного изучения этого слова мы пришли к выводу, что отнесение прасл. **sadъ* к несомненным основам на *-ŭ-* не вполне оправдано материалом. Большую трудность в этом слове составляют его этимология и его словообразовательная структура.

inslav

ст.-сл. **градъ** 'город' — род. п. мн. ч. **градовъ** (Meillet. — MSL, t. 20, 99);

ст.-сл. **родъ** 'род' — род. п. ед. ч. **родоу**, род. п. мн. ч. **родове** (AfslPh, Bd. VII, H. 2, 172; Diels. Aksl. Gr., 157);

ст.-сл. **сѫдъ** 'суд' — им. п. мн. ч. **сѫдове**, род. п. мн. ч. **сѫдовъ** (Diels. Aksl. Gr., 156—157);

ст.-сл. **троудъ** 'труд' — род. п. мн. ч. **троудовъ** (Diels, там же);

ст.-сл. **оудъ** 'член' (Meillet. — MSL, t. 20, 99 и Cuny. Ét. prégr., 156—157, примеч. 4; далее см.: Meillet. Ét., II, 239.), ср. формы им. п. мн. ч. **оудове**, род. п. мн. ч. **оудовъ** и тв. п. мн. ч. **оудъми** (Diels. Aksl. Gr., 156—157) и церк.-сл. **оудовьнъ** 'membri' (Вост., II, 495);

ст.-сл. **жидъ** 'еврей' — заимствование из итальянского *giudeo*, очевидно, через какой-то балканороманский язык; по типу склонения и образованию некоторых производных примыкает к основам на *-ĭ-* (Шахматов. Курс, III, 118—119; Н. Ван-Вейк. Ист. ст.-сл. яз., 241 и Вайан. Руководство, 112).

Ниже следуют еще имена существительные, которые не могут быть объединены по какому-то признаку в определенную группу. Ряд исследователей тоже причисляют их к *ĭ*-основам, но их следует, по-видимому, рассматривать как сомнительные, невыясненные случаи. Например: прасл. **dolъ* 'низ, углубление'; вопреки мнению Я. Гебауэра (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 327) большинство ученых относит это слово к именам существительным с древней *ŏ*-основой (Brugmann. KVG, 344; Meillet. Ét., II, 242—243; BEW, 209; Vondrak. Vgl. Gr., 486; TWb, 43; SES, I, 159—160; ср. еще Unbegaun. LR, 97, 121);

прасл. **dǫb* 'quercus' (Geb. Hist. ml. j. č., III, 333; RS, t. VI, 132; VEW, I, 376—377);

прасл. *grěxъ* 'грех': «слово показывает следы *ĭ*-основы в старославянском, например, **грѣховати**, **грѣховьнъ** (Супр. р.)» (VEW, I, 307); см. еще RS, t. VI, 131; Кульбакин. Др.-церк.-сл. яз., 148; Обнорский. Им. скл., I, 148;

прасл. **kortъ* 'раз', согласно В. Вондраку (Vondrak. Vgl. Gr., 487), основа на *-tŭ-*; против *ĭ*-основы: Meillet. Ét., II, 243; BEW, 576 и др., что, очевидно, более правдоподобно;

прасл. *mǫžь* 'муж' вряд ли основа на **-ju*[216], как утверждает А. Мейе (Meillet. — MSL, t. 20, 95—102; Общсл., яз., 329—330), или основа на *-ĭ-*, как предполагает А. Вайан (см. RÉSl, t. 18, 75—77; Gr. comp., t. I, 96, 185; II, part 1, 115; *mǫžь* < *mang* < **manw-*), а скорее основа на *-io* (Meillet, Ét., II, 354; Grdr., Bd. II, T. I, 224; TWb., 168; JФ, кн. V, Библиография, 329; Specht. Urspr., 218; Трубачев. История, 97);

прасл. **nizъ* 'нижняя часть чего-н.' (Nachtigal. Akz., 138; Unbegaun. LR, 97);

прасл. **pьsъ*[217] 'собака' (Mikl. Vgl. Gr.; РФВ, т. LXIX, 13; т. LXXIII, 286; AfslPh, Bd. 34, 11; Шахматов. Курс, III, 121);

---

[216] Вопрос о существовании **ju*-основ в праславянском языке, требующий специального исследования, мы исключили из нашего рассмотрения, но некоторые данные о **ju*-основах, встречающиеся в литературе, приводятся (Meillet, — MSL, t. 20, 95—102; Diels. Aksl. Gr., 149; Vaillant. Gr. comp., t. II, part I, 116—117 и др.).

[217] Предпринятую в нашей статье «К вопросу о составе группы имен существительных с основой на *-ĭ-* в праславянском языке» (ВСЯ, вып. 4, стр. 120—122) попытку доказать родство прасл. **pьsъ* с и.-е. **peḱu-* 'стриженое животное' и тем самым исконность *ĭ*-основы в праславянском слове мы вынуждены признавать

inslav

прасл. *sǫkъ 'сук' (Meillet, Ét., II, 224), ср. -r- || -n-основу в литовском языке: šaknìs 'корень' и šakařnis 'ветвистый' (см. LKŽD, 50; Specht. Urspr., 55, 352);

прасл. *svatъ 'сват' (ZfslPh, Bd. 18, 320) предполагает й-основу из-за др.-чешск. svatvie 'connubeatrix', stará svatví 'pronuba' (см. еще VEW, II, 587);

прасл. *tъrgъ 'торг' (Meillet. Ét., II, 329; Каринский. Язык Пскова, 191; Nachtigal. Akz., 119; Unbegaun. LR, 95; Vaillant. Gr., comp., t. II, part. 2, 120; VEW, II, 119), ср. лит. turgus, лтш. tirgus (Endzelin. Lett. Gr., 327);

прасл. *valъ 'вал' (Meillet. Ét., II, 221; Schütz. Georg. Term., 37);

прасл. *vodjь 'вождь' (Meillet. — MSL, t. 20, 99; VEW, I, 213; «wohl alter *ju- Stamm»);

прасл. *zmijь 'змея, дракон' (Meillet. — MSL, t. 20, 99 — считает, что это основа на *-ju; Cuny. Ét. prégr., 133, примеч. 1);

прасл. *znojь 'зной, жара'; основа на -ju обнаруживается А. Мейе (Meillet. — MSL, t. 20, 99) в старославянском слове зной (см. еще VEW, I, 459).

Глава II

НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНЫЕ СЛУЧАИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА -Ŭ-.

Специфика праславянских имен прилагательных с й-основой состоит в том, что ни в древнеписьменных славянских языках, ни в современных славянских языках и диалектах не сохранилось таких ярких следов древних й-основ, которыми мы располагаем при изучении имен существительных с основой на -й-. Наиболее достоверным методом установления их является поэтому внешняя реконструкция[218].

В праславянском языке, очевидно, еще в ранний период его истории, имена прилагательные на -й- как самостоятельная категория слов исчезли. Унификация типов склонения в этой категории произошла очень рано и очень последовательно. Возрастающее значение категории грамматического рода в этот период с особенной силой проявилось в этой группе имен. Все имена прилагательные мужского и среднего рода впоследствии стали склоняться по типу склонения основ на *-ŏ- (*-iŏ), а все имена прилагательные женского рода — по типу склонения основ на *-ā (*-iā). При этом перевод атематических имен прилагательных в тематический тип мог осуществиться двояким образом: во-первых, путем расширения й-основы при помощи суффикса *-ko- и, во-вторых, без расширения, заменой й-основы через ŏ-основу. В ряде древних имен прилагательных, распространенных через -ko-, основообразующий гласный отражен как -ъ-, но не все славянские имена прилагательные на -ъkъ-восходят к древним й-основам, поскольку элемент, ставший суффиксом, мог по аналогии распространяться и в такие образования, которые первоначально не были связаны с древ-

неудачной, ибо в дальнейшем исследовании этого слова нам не удалось привести убедительных аргументов в пользу той этимологии, из которой мы исходили. Кроме того этимология, связывающая праславянское название собаки *pьsъ с названием цвета *pьstrъ и т. д. (см. VEW, II, 347) оказывается более правдоподобной (см. еще Трубачев. Происхождение, 19).

218 Встает, правда, вопрос, в какой мере метод внешней реконструкции при исследовании имен прилагательных с древней й-основой может быть дополнен методом внутренней реконструкции. В нашей работе этот вопрос принимается во внимание.

inslav

ними *ĭ*-основами. Таким образом, при определении древних имен прилагательных с *ĭ*-основой нужно учитывать, что, во-первых, не все образования на *-ъкъ-* исконные *ĭ*-основы, и, во-вторых, что какая-то часть имен прилагательных с характерными признаками основ на *-ŏ-* тоже может первоначально восходить к древним *ĭ*-основам. Здесь, следовательно, главной проблемой является выделение той группы имен прилагательных, которые с возможно большей достоверностью следует считать исконными праславянскими *ĭ*-основами. Группа слов, представляющих праславянские имена прилагательные с *ĭ*-основой, в литературе вопроса очерчена менее четко, чем группа имен существительных с *ĭ*-основой, для которой в науке известно совершенно определенное количество случаев несомненных *ĭ*-основ. Это понятно, поскольку праславянские имена прилагательные на *-ĭ-* имеют свою специфику, о которой уже говорилось. Тем не менее, как нам кажется, попытка выделения из большого числа случаев наиболее достоверных праславянских имен прилагательных с *ĭ*-основой, может быть полезной, а в изучении праславянских имен прилагательных с *ĭ*-основой с точки зрения их состава это совершенно необходимый этап для дальнейших исследований. Ниже мы рассматриваем десять слов, из которых по крайней мере восемь относятся к самым достоверным праславянским именам прилагательным с *ĭ*-основой.

dьrzьkъ* < **dĭrzu-ko-s

Данное имя прилагательное встречается в славянских языках с суффиксом *-ko-* (ср. русск. *дёрзкий*, которое Э. Бернекер — см. BEW, I, 257 — считает церковнославянским, поскольку русской формой была бы форма *дёрзкий;* укр. *дерзкий* 'безумно смелый, сильный, крепкий'; болг. стар. и обл. *дъ̀рзъкъ*, а также *дръ̀зъкъ*, *дръ̀зки* (МЕР, 156); с.-хорв. *дрзак* 'дерзкий, бесстыдный, наглый, полный дерзания, смелый'; ст.-чешск. *drzký* 'разнузданный'; ст.-польск. *darski*, совр. польск. *dziarski* 'дерзкий, храбрый, бравый') и без него (ср.: ст.-сл. **дрьзъ**[219] 'дерзкий, храбрый, решительный', — Син. Требн., Супр. р., Макед. кир. листок; др.-русск. **дьрзыи** = **дрьзыи**[220] 'отважный, дерзкий'; с.-хорв. *дрзан*, словен. *dȓz*, ж. р. *dȓza*; чешск. *drzý*, ст.-чешск. *drzí*, *drzý* — ср. *drz* у Trautmann. Alex., 68; кашуб. *ẕéřcí*, *zĭrzĭ* 'смелый, бодрый, дерзкий, предпринимательный'; ср. также имя существительное, образованное от имени прилагательного при помощи суффикса *-ost-*, **drz-ostь-*: ст.-сл. **дрьзость** 'смелость, отважность', русск. *дерзость*, словен. *dȓzost* 'смелость, отважность' и т. д.).

Еще Н. Трубецкой (Troubetzkoy, 135) определяет ст.-сл. **дръзъкъ** как имя прилагательное с основой на *-ĭ-*, причисляя его к индоевропейскому типу отглагольных имен прилагательных. По мнению А. Вайана (Vaillant. Les adjectifs, 43), прасл. **dĭržŭ-ko-s* следует трактовать как имя прилагательное на *-ĭ-*, принадлежащее к группе индоевропейских прилагательных, обозначающих качество. Его взляд на основу этого слова разделяют и другие лингвисты, например, В. Махек (MES,

[219] Согласно А. Вайану (A. Vaillant, Les adjectifs. . ., 1—3) ст.-сл. **дръзъ** является вторичным по отношению к *dirzŭkŭ* и восстановлено с помощью глагола *drŭznǫti* так же, как *suxŭ*: *sŭxnǫti*. Другими словами, формы без *-ko-* не обязательно следует рассматривать как первичные, древние. П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist, 40), противопоставляя др.-русск. **дьрзын** (что он между прочим считает соответствующим лит. *diržùs*), русск. *деракий*, с.-хорв. *дрз* и болг. *дъръзъкъ*, рассматривает чередование форм без *-k-* с формами с *-k-* как слабое отражение древнего чередования *ŏ*-основ с *ĭ*-основами, образованными от одного и того же корня.

[220] П. Арумаа (указ. соч., 61) указывает на др.-русск. **дьрзливый**, наряду с **дьрзын**, **дьрзъкын**. Такое чередование есть и в балтийских языках.

inslav

98), Е. Курилович (Kuryłowicz. L'acc., 230) и Ф. Славский (SES, 190—191). К ним присоединяется Р. Траутманн (TWb, 60), который *dьrzъ возводит к балто-слав. *dirza. или *dirsu-, а *dьrzъkъ к и.-е. *dh$_e$rsú-. Ю. Покорный (PEW, 259) исходит из и.-е. корня *dhers-, распространенного через -i- и -u-. А. Мейе (Meillet. Et., II, 325) рассматривает ст.-сл. drŭzŭ, словен. drz, чешск. drzý как основы на -ŏ-, но сравнивая их со ст.-сл. drŭzŭkŭ, русск. дéрзкий и т. д., а также с греч. θρασύς, он допускает возможность преобразования этого слова из старой основы на -ŭ-. Древняя ŭ-основа в этом слове доказывается прежде всего на основании данных из других индоевропейских языков. Обратимся, однако, сначала к данным славянских языков.

1. Встречается отыменное глагольное образование, возможно, содержащее -ov- как рефлекс старой гласной основы, ср.: ст.-сл. дрьзовати, 'откровенно говорить' (Супр. р.) и др.-русск. дьрзовати = дрьзовати = дръзовати 'откровенно говорить' (Срезн. Мат., I, 778). Глагол *dьrz-ov-ati, вероятно относится к *dъrz ъ, *dьrz–ъ-kъ точно так же, как *cĕl-ov-ati к *cĕl-ъ и *sold-ov-ati к *sold-ъ-kъ.

2. Вероятно, перед нами форма род. п. ед. ч. на -ŭ- др.-русск. им. прил. дьрзъ в примере из Сборника 1076 г. не дьрзоу быти словъмь (Срезн. Мат., I, 779).

3. В с.-хорв. им. прил. дрзовит 'дерзновенный' имеем суффикс -ovit-, но небольшое количество соответствий из других славянских языков (ср. болг. дързовитъ — см. МТР, 627 — 'дерзкий, кто к другим относится презрительно' и производное от него дързовитость 'смелость, дерзость, презрение') не позволяет с полной уверенностью говорить об отражении следов древней основы на -ŭ- в данном примере.

Как уже отмечено выше, основную аргументацию в пользу установления ŭ-основы для прасл. *dьrzъkъ доставляет внешняя реконструкция. Но на ее пути в этом случае лежат две немалые трудности. Первая из них заключается в том, что прасл. *-z- в слове dьrzъkъ в соответствиях из других индоевропейских языков противостоит -s-, ср., например, др.-инд. dhṛṣú- 'отважный', греч. θαρσύς, θρασύς, 'смелый, отважный, дерзкий', лит. drąsús 'смелый, дерзкий', гот. gadars 'осмелюсь', др.-англ. gedyrst 'смелость.' Ряд исследователей предложили другую этимологию для *dьrzъkъ, они связывают его с др.-инд. drahyát 'сильный', авест. dərəzra 'крепкий' и т. д. (см., например, Brugmann. KVG, 134). Это решение находится в бóльшем согласии со звуковыми законами, но смысловая сторона здесь вызывает сомнения (см. еще LEW, 257). Возникает другая трудность — какую из выше приведенных этимологий следует признавать правильной? Изложим сначала более обстоятельно мнения ряда авторитетных лингвистов по этим вопросам, а затем приведем материалы.

Итак, С. Младенов (МТР, 627) считает болг. дъ́рзъкъ, ст.-сл. drъzъ, -ъkъ родственными греч. θρασύς, не объясняя прасл. -z-. В. Махек (MES, 98) определяет прасл. *dьrzъ как первоначальную ŭ-основу, родственную греч. θρασύς, др.-инд. dhṛsnú-, авест. daršyu-, лит. drąsùs, лтш. drucŝs. По его мнению, ожидаемое *dьrsъ, которое дало бы *dьrch, было очень рано изменено в *dьrz, под влиянием имен прилагательных bъrzъ(kъ) и mьrzъ(kъ), в которых также -r- предшествовало -z-, т. е., по мнению Махека, в ранний период праславянского языка -r- в слове *dьrsъ способствовало озвончению -s- по образцу слов bъrzъ(kъ), mьrzъ(kъ), в которых сочетание -rz- закономерно.

А. Мейе (Meillet. Ét., II, 325) тоже допускает сравнение праславянского имени прилагательного с греч. θρασύς, лит. drąsús и т. д., а -z- в славянских словах толкует как звук, появившийся в резуль-

inslav

тате народной этимологии. Но в другом месте (JF. V, 333) он высказывает мнение, что озвончение и.-е. *-s- в данном слове произошло под влиянием таких родственных слов как др.-инд. *drmhati*, лат. *fortis*, лит. *diržas*.

Р. Траутманн (TWb., 60) утверждает, что славянское **dьrzъ* основано на балтослав. **dirza* или **dirsu-*, (< и.-е. **dh$_e$rsù-*), в которых наблюдается уподобление глухого звука в начале второго слога звонкому звуку первого слога. Он указывает при этом на параллельный случай слав. **groza* из балтослав. **grasa* (ср. русск. *у-гроза*, лит. *grasà*).

Ф. Славский (SES, 191) считает прасл. **dźzъkъ* (**dźzъ*) самым вероятным продолжением индоевропейского имени прилагательного с *ŭ*-основой **dhźsu-* причем, по его мнению, как обычно в таких случаях наблюдается суффикс *-ъkъ* и корневой гласный на ступени редукции, как в параллельных образованиях прасл. **tьnъkъ*, **lьgъkъ*. Что касается прасл. *-z- на месте и.-е. *-s-, встречающегося, как он полагает, не один раз, то оно появилось под влиянием ассимиляции начальному звонкому звуку. Таким образом, в вопросе о *-z-* мнение Славского совпадает с мнением Траутманна, на которого он и ссылается, проводя параллель **groza*, лит. *grasà* 'угроза'. Нужно еще отметить, что Славский цитирует мнение Э. Цупицы (см. KZ, Bd, 37, 396—398), согласно которому *-s-* переходит в *-z-* перед ударением после *-n-*, *-m-* или звонкого взрывного + *r*, *l*, и отсылает к А. Ильинскому (RJ, t. VI, 226—227), Кипарскому (Kiparski. Lehnw., 66) и И. М. Эндзелину («Славяно-балтийские этюды», 78). Теорию же С. Агрелля, согласно которой **dźzъ* < **dźsu-*, он считает не убедительной, ссылаясь на Э. Френкеля (см. Fraenkel. Die baltischen Sprachen, 48—50). Также несостоятельными он считает взгляды тех ученых, которые, прежде всего исходя из значения, связывают рассматриваемое слово со словом *dzierżyć* 'держать', как например, Ю. Покорный (PEW, 254).

В. Кипарский (Kiparski. Lehnw., 65—66) склонен признавать так называемый закон Цупицы, хотя в несколько измененной им форме, а именно: в славянском сохраненное и.-е. **s* > *z*, если следует ударение и если *-n-*, *-m-* или звонкой взрывной + *r*, *l* предшествуют, причем в последнем случае только, если между *r*, *l* и звонким взрывным выступали *ь*, *ъ*. Он предполагает, что слав. *-z-* в *dьrzъ* по сравнению с греч. θρασύς, авест. *dharšati*, др.-перс. *darš* 'осмеливаться' именно такого происхождения.

И. М. Эндзелин (Эндзелин, 77—78) несколько двойственно относится к этим вопросам. С одной стороны, он для славянских языков признает переход *-s-* в *-z-* непосредственно перед ударяемым гласным. По его мнению, ст.-сл. *drъzъ* по своему значению точно совпадает с греч. θρασύς и др., и то обстоятельство, что далеко не во всех славянских формах *-z-* выступает перед ударяемым гласным, он объясняет обобщением *-z-* из *-s-*, т. е. слова *дёрзкий* и *дёрзость* возникли под влиянием *дерзáть*, *дерзнýть*. Но с другой стороны, он, пытаясь отрицать связь слав. *x* (< *s*) с арийск. *š* (< *s*), вслед за Мейе (см. JF, V, 333) предполагает, что на славянской почве в корне **derš-* (и.-е. **dhers-*) 'осмелиться' *-š-* было заменено звонким *-ź-* (потом *-z-*) под влиянием корня **derž-* (из и.-е. **dherĝh-*), который встречается в лат. *fortis*, ст.-лат. *forctis* и авест. *dərəzra* 'крепкий'.

Э. Бернекер (BEW, 257—258), а за ним и А. Преображенский (см. ПЕС, 181), предпочитают сравнение с греч. θρασύς и т. д. сравнению с авест. *dərəzra* и т. д. по семасиологическим причинам. При этом

inslav

Бернекер подчеркивает, что условием для этого является удовлетворительное объяснение славянского -*z*-, которое он находит в законе Цупицы.

И. Голуб и Ф. Копечный (HKES, 108), Ю. Покорный (PEW, 254, 259), М. Фасмер (VEW, I, 343) и Э. Френкель (FEW, 101—102), а также авторы «Словаря к древнецерковнославянским текстам» Л. Садник и Р. Айцетмюллер (стр. 230) предполагают связь двух групп слов: группы от **dhers-* 'осмелиться, быть дерзким' и группу от **dherĝh* 'крепко держать, крепкий'. М. Фасмер скептически относится к «закону Цупицы» и предполагает поэтому, что греч. θρασύς и т. д. соответствует слав. **dьrchъ*, развивавшемуся впоследствии под влиянием группы, к которой принадлежат авест. *dərəzra*, др.-прусск. *dīrstlan* 'видный' < **dīrsran*, лит. *diržtù* 'стать тягучим, вязким' в **dьrzъ*. Он указывает при этом, что еще И. Шмидт (см. Schmidt. Vok., 2, 501) непосредственно связал слав. *dьrzъ*(*къ*) с лит. *diržnas* 'сильный, красиво сложенный'. Имея в виду -*z*- в славянских языках, Френкель предполагает смешение двух этимологических групп слов: группы, представленной греч. θρασύς и т. д., с группой, отраженной в лит. *dĩržas* 'ремень, пояс' и т. д. (см. еще Fraenkel, 49—50).

Х. Хирт (см. PBB, Bd 23, 332) утверждает, что в слав. *drъzъkъ* -*z*- необъяснимо исходя из звуковых законов славянских языков, что оно объясняется фактами германских языков, предполагая тем самым заимствование славянского слова из германских языков[221]. Этот взгляд не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Переходим к перечислению индоевропейских соответствий прасл. **dьrzъ*(*къ*); располагаем их по двум установленным группам.

А. Группа и.-е. **dhers-*.

1. Др.-инд. *dhr̥ṣú* (PEW, 259): *dhr̥śat* 'отважный' (в первом случае чистая *u*-основа): *dhr̥ṣṇú* 'смелый, храбрый, отважный, дерзкий'. Это образование на -*nu*. П. Арумаа (см.: Arumaa. Sur l'hist 52) указывает на чередование морфологических элементов -*nu*- в др.-инд. примере и -*ŭ*- в греческом, литовском и других примерах. Н. Трубецкой (см.: Troubetzkoy, 134) относит это имя прилагательное к типу индоевропейских имен прилагательных, которые были связаны с глаголами, и считает, что оно образовано от др.-инд. глагола *dhr̥šnóti* 'он дерзает, он смелый' (см. Fraenkel, 49)[222]. Ср. еще др.-инд. *dādhr̥si* (*i*-основа) 'отважный, смелый': *dharṣaka* (с расширением через -*ko*-) 'нападая, бросающийся на кого-то': *dhr̥sán-t* (*n*-основа) 'падающий' (см. Specht. Urspr., 134—135); авест. *darši-* (*i*-основа), *daršita* (распространенная *i*-основа); *daršyu-* (*ju*-основа) 'отважный'; др.-перс. *adaršnauš* 'он осмеливался, дерзал'.

2. Греч. θαρσύς, θρασύς 'отважный', смелый, дерзкий' (Wortgleichung: греч. θρασύς = др.-инд. *dhr̥ṣú*), греч. θάρσυνος (с распространением -*un*-, resp.-*ūn*-) = θαρσαλέος 'смелый, отважный, доверяющий', θαρσύνω[223] 'сделать смелым, ободрять, внушать мужество, воодушевлять'; *o*-основа

---

221 См. Ф. Клуге (Kluge. Urgermanisch, 40), который придерживается тех же взглядов, что и Х. Хирт. Из их критиков назовем хотя бы Кипарского (Kiparski. Lehnw., 65, 66), отрицающего заимствование слав. *dьrzъ*(*къ*) из германского (**durzu-z*) из-за слав. -*z*-.

222 М. Блумфильд (Blumfield, 88) выводит *dhr̥ṣṇú*(*h*) из *dh̥r̥ṣú*(*h*), а последнее сравнивает с греч. θρασύς, -*n*- и считает, что оно происходит из основы настоящего времени *dhr̥ṣṇati*. Он же указывает на неслучайное наличие *i*-основы *darsi* в *darsi-dru* 'с дерзким оружием' наряду с *dhr̥ṣnú*-.

223 θαρσῦνω В. Прелльвиц (Prellwitz. Pr. EW) относит к θρασύς. Лесбийского наречия θροσέως, θάρσυνος 'смело, доверяя' Ю. Покорный (указ. соч.) выводит из **θαρσο — σῦνος*.

inslav

имеется в греч. лесб. θέρσος ср. р. 'смелость, отвага'; со ступенью редукции из имени прилагательного имеем ион., др.-атт. θάρσος — то же самое; *i*-основа обнаруживается очевидно в гом. θερσίτης (Терсит, имя воина, смело обличившего Агамемнона) 'наглец, дерзкий'.

3. а) Лит. *drąsùs* 'смелый, отважный, мужественный', что, по мнению Ю. Покорного (PEW, 254, 259), точно соответствует лтш. *drùoss̀*. Оба слова из **dhrans*, о чем свидетельствуют др.-лит. *drįsùs* и *dransniaus*. Р. Траутманн (TWb, 60) считает, что назальный тип корня брал свое начало в глаголе *dręsù* (как слав. **grędą*) и распространялся потом во всех производных. Наличие назального звука в корне В. Махек (MES, 98) и Ф. Славский (SES, 191) считают явлением вторичным. В. Прелльвиц (см. Prellwitz. Pr. EW., 117—118) возводит лит. *drąsùs* к **dhronsus*, от которого греч. θρασύς < *θρῑσύς отличается якобы только своим аблаутом. Думается, однако, что и греч. θρασύς восходит к корню с слоговым *-r̥-* (есть ведь греческие формы с θαρ-), а назальный звук в литовском примере появился, очевидно, лишь в истории правосточнобалтийского языка. М. Блумфильд (см.: Blumfield, 93) определяет лит. *drąsùs* как древнюю *ŭ*-основу, относящуюся к и.-е. **dhrsu-*. По свидетельству И. Шмидта (Schmidt. Lit. nominals, 267) еще Ф. Бопп сравнил лит. *drąsùs* с греч. θρασύς, что по мнению Шмидта, неправильно, ибо *drąsùs* из корня **drans-*, как показывает *dransus* в старых и жемайтских текстах. Но все же сравнение основ в этих двух языках возможно, ибо *-n-* проникло из глагольной формы. Необходимо еще указать на лит. глаголы *dręsù* (*drįstù*), *drįsaũ*, *drĩsti* 'осмеливаться, дерзать', диал. *drįstėti* — то же самое (FEW, 101). Наконец, представляет еще интерес образование на *-ūnas* лит. *drasūnas* 'смельчак (см. Серейский, 140), дерзкий человек'. Ср. др.-прусск. *Dirsune* и греч. θαρσυνος. По данным «Словаря литовского языка» (см. LKŽ, II, 439, 445), основа на *-ŭ-* (*drąsùs*), *-ì-* как будто засвидетельствована позднее (см. Ruhig. Wb.,), напротив, основа на *-ŏ-*(*drąsas*), *-a-* встречается уже в Постилле Моркунаса. Однако вариант *dręsùs*, *-i* (с *-ę-* под влиянием формы настоящего времени *drę̃sa*, *dręsù* = *drįsta*, *drįstù* — см. LKŽ. II, 502; FEW, 101), представляющий *ŭ*-основу, можно найти в древних памятниках, в Постилле Вилентаса, в катехизисе Петкевичюса (см. LKŽ, II, 476). Кроме того, на древность *ŭ*-основы указывают, вероятно, лит. *drąsauti*, *-auja*, *-avo* 'быть смелым, дерзким; неистовствовать' (уже в Библии Бреткунаса и у Ширвидаса), *drąsauninkas*, *-ė* 'самовольный, -ая; шалун, -нья' и *drąsavimas* — имя существительное, относящееся к *drasauti* (LKŽ, II, 439).

б) Лтш. *drùošs*, ж. р. *drùoša* 'отважный', согласно мнению Р. Траутманна (TWb, 60), из **dransus*. Э. Френкель (см: E. Fraenkel, 48—49) наряду с лтш. *drùošs* приводит еще *drùoss* — то же самое. Из глаголов ср. лтш. *drìkstu*, *drikstêt* (диал. *drīstêt*) 'осмелиться дерзать'.

в) Из древнепрусского языка сюда относится имя прилагательное **dīrsos*, **dīrsa* (Būga. Aist. Stud., 149; PEW, 259 — предполагают **dirsu-*), засвидетельствованное в сочетании *dyrsos gyntos* им. п. мн. ч. ж. р. у Грунау с переводом 'from man', т. е, 'fromme Männer' с долютеровским значением 'fromm = tüchtig, tapfer' (Trautmann. Apr. Sprd., 321—322); др.-прусск. *dīrstlan* им. прил. вин. п. ед. ч. 'видный' (Enchirid(ion), 73, 10), которое, по мнению Траутманна, из **dirs* (балт. **dirz-* или **dirs-* + суффикс *-tla-*; см. Trautmann. Apr. Sprd., 322), а согласно. М. Фасмеру (VEW, I, 343) — из *dīrsran*. Фасмер и Френкель (см. Fraenkel, 50) ставят это древнепрусское слово в один ряд с лит. *diržtu*, причем Френкель к этим словам еще добавляет др.-прусск. *dyrsos*, лит. *drąsùs* и др.-инд. *dhr̥ṣṇú-*. Он находит, что др.-прусск. *dīrstlan* совершенно

inslav

точно совпадает с греч. θαρσαλεός 'дерзость, смелость' (FEW, 101). Автор литовского этимологического словаря приводит еще ряд древнепрусских собственных имен и топонимических названий, соотносимых с др.-прусск. *dyrsos* и лит. *drąsùs*: др.-прусск. собств. имена *Dersko*, *Dirse*, *Dirsune* (ср. лит. *Dirsūnas*)[224], которые являются базой для образования топонимических названий: др.-прусск. *Dirsunikaym* и *Dirsowe*, *Dirschau* (см. еще Gerullis, Apr. ON, 28 и 239).

4. В примерах из германских языков нет сколько-нибудь ярких следов древней *ŭ*-основы. Ю. Покорный (PEW, 254) сравнивает гот. *daursan* 'дерзать' с др.-инд. перфектом *dadhárṣa* 'осмелился', а др.-англ. *gedyrst* ж. р. с др.-инд. *dṛṣtí-ḥ*: оба слова имеют значение 'смелость'. С. Фейст (см. Feist. Got. EW, 177) сомневается в принадлежности ст.-сл. **дръзъ**, **дръзати** и т. д. к группе гот. *ga-daursan*, др.-инд. *dhṛṣṇú-* и т. д. из-за славянского *-z-*, не соответствующего и.-е. **-s-*.

Б. Группа и.-е. **dherĝh-*.

др.-инд. *dṛ́hati* 'делает крепким'; *drahyát* 'дельный'; авест. *darəzayeiti* 'связывает крепко, заковывает'; *dərəz* — ж. р. 'узы, оковы'; *dərəz-ra-*, *dərəzi-* 'сильный, крепкий'; фрак. назв. бога *Darzales*[225] (все примеры из PEW, 254); греч. δράσσομαι 'схватываю'; δραξ, мн. ч. δράκες 'рука' (ПЭС, 181); лат. *fortis*, ст.-лат. *forctis* 'храбрый' (VEW, I, 343); лит. *dirž̃as*[226] 'ремень', *dirž̃ti* 'твердеть, становиться тугим, плотнеть'.

Кроме того, ряд исследователей, как выше уже было отмечено, относит сюда же прасл. *dьrzъ(kъ)* и производные, например, М. Фасмер (см. VEW, I, 343) в эту группу слов включает русск. *дерза́ть*, укр. *дерзатися*, болг. *дърза́й*, чешск. *drzati* и др.

Как видно из приведенного материала следует предпочитать принадлежность прасл. **dьrzъ(kъ)* к этимологической группе и.-е. **dhers-*, поскольку совпадение наблюдается не только в звуковом виде корня (исключение представляет лишь прасл. **-z-*, которое и в ряде других случаев еще требует объяснения) и в его значении, но и в суффиксальной части, чего нельзя сказать о сравнении прасл. **dьrzъ(kъ)* с этимологической группой и.-е. **dherĝh-*, так как в этом случае совпадением охвачена лишь одна формальная (звуковая) сторона корня.

****kortъkъ < *kortu-ko-s***

1. Праславянское имя прилагательное **kortъkъ* (ср. церк.-сл. **кратъкъ**, болг. *кра́тък*, с.-хорв. *кра́так*, словен. *krátək*, чешск. *krátký*, польск. *krótki*, в.-луж. *krótki*, н.-луж. *krotki*, кашуб. *kròtćī*, полаб. *krótkė*[227], русск. *коро́ткий*, укр. *короткий*) относится к группе имен прилагательных на *-ъkъ*. М. Блумфильд (см. Blumfield, 93), Н. Трубецкой (см. Troubetzkoy, 131) и А. Вайан (см. Vaillant. Les adjectifs,

---

[224] С этими словами связано приведенное нами выше лит. имя нарицательное *drąsūnas*, которое мы сравнивали с греч. θαρσυνος. Для *Dersko* Э. Френкель (Fraenkel, 49) предполагает исходную форму **Ders-ik*. Лит. имя собств. *Dirsūnas* он определяет из-за *-s-* (после *-r-* в литовском языке ожидали бы *-š-*) как происходящее из древнепрусского языка или из кушского. Лит. *drasūnas* имеет синонимы *drąsuonis* и *drąsuõlis* (LKŽ, II, 445).

[225] Д. Дечев. Характеристика на тракийския език, 71: GN (т. е. название бога) Δερζελας, Δαρζαλας из и.-е- **dhereĝ'h* 'крепкий. держать', в авест. *darəzayeiti* 'связывает, привязывает'.

[226] Ю. Покорный (PEW, 254) пишет, что вероятно (разрядка наша — *Р. Э.*) к вышеприведенной группе слов относится лит. *dirž̃as*, др.-прусск. *dīrstlan*, ст.-сл. *drъzъ* и т. д.

[227] Т. Лер-Сплавинский дает *kôr(t)t'e*, засвидетельствованное в *kôrtge*, *kortje* из **kort-kъ-jь* (Lehr-Spławiński. Gram. połab., 194).

inslav

43, 45) считают, что *kratъkъ*, вероятно, принадлежат к индоевропейским именам прилагательным на *-ŭ-*, распространенным в славянском языке суффиксом **-ko-*. Е. Курилович (см. Kuryłowicz. L'acc., 230; L'acc², 194) тоже причисляет это слово к основам на *ŭ-*,- сравнивая его с лит. *kartŭs*. В самих славянских языках мы, правда, не могли найти доказательства в пользу этого положения; но среди соответствий других индоевропейских языков встречается ряд примеров с *ŭ*-основой.

Многие лингвисты сравнивают прасл. **kortъkъ* с лит. *kartùs* 'горький' (BEW, 577; Vondrak. Vgl. Gr.² I, 504; Meillet. Ét. II, 325; TWb., 131; Grdr., Bd II, T. I, 176; Br. Sł., 240; MEP, 256; HKES, 186; VEW, I, 633; Kuryłowicz. L'acc.¹, 230; L'acc², 194; Sadnik-Aitzetmüller, 254; FEW, 225; PEW, 941). П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist., 66) сравнивает армян. *karcr* 'твердый, трудный, крепкий' с лит. *kartùs*. Из литовских слов ср. еще *kartìnis* то же, что *kartùs*; *kártinti* 'придавать горький вкус'; *kiřsti*, *kirstù*, *kirtãu* 'получить горький вкус' (FEW, 225). Сюда же относится др.-прусск. *kārtai* 'горький'. Это слово, засвидетельствованное им. п. мн. ч., Р. Траутманн (Trautmann. Apr. Sprd., 246) относит к именам прилагательным с *ŭ*-основой, которое в древнепрусском языке преобразовалось по *a-* (т. е. и.-е. *ŏ-*) основам. Все эти балтийские слова находятся в этимологической связи с лит. *kiřsti*, *kertù* 'рубить, сечь, резать'. В подтверждение этому Френкель (FEW, 258) приводит семантическую параллель из литовского языка: *kartùs* 'горький', которое относится к корню слова *kiřsti* 'рубить, резать и т. д.' так же, как лит. *kiřpti*, *kirpstù*. *kirpaũ* 'стать кислым (о напитках)' к *kiřpti* 'резать, стричь'. К. Буга (Būga. Aist. Stud., 190) приводит синонимические выражения *píenas sukiřpo* и *píenas sukiřto* (из Kvėdarna) 'молоко закисло'. Значение литовского *kartùs* 'горький', т. е. 'что режет, режущий' (MEP, 256) успешно сравнивается со значением прасл. **kortъkъ* 'которкий, краткий', которое в свою очередь развивалось из значения 'отрезанный, отрубленный' (BEW, 577; Vondrak. Vgl. Gr ², I, 504; Grdr., Bd II , T. I, 176; Sadnik-Aitzetmüller, 254). Таким образом, tertium comparationis для значений литовского и праславянского прилагательных выступает значение 'резать, рубить', что обозначалось и.-е. корнем **(s)kert-* || *(s)kort-*.

2. Сюда очень хорошо по своему значению подходит еще др.-инд. *kaṭú-*, *kaṭú-ka-* 'острый, разъедающий' (о вкусе) (см. Grdr., Bd II, T. I, 176; Troubetzkoy, 137; Blumfield, 88; BEW, 577; Trautmann. Apr. Sprd., 353; TWb, 131; VEW, I, 633; Sadnik—Aitzetmüller, 254 и др.). П. Арумаа (см. Arumaa. Sur l'hist., 44—45) сравнивает ст.-сл. **кратъкъ** с лит. *kartùs* и др.-инд. *kaṭú-*, *kaṭú-ka-*, рассматривая их как *ŭ*-основы, образованные от и.-е. корня **qert-* 'резать'. А. Мейе (см. Meillet. Ét., II, 325) и Ю. Покорный (см. PEW, 941) определяют *kaṭú-* как среднеиндийскую санскритизированную форму, происходящую из **kr̥tu-*, resp. **kart-u-*, что также имело, по мнению Покорного, первоначальное значение 'режущий'[228]. Критически к привлечению этого др.-инд. (вернее ср.-инд.) слова относятся С. Фейст (см. Feist. Got. EW, 130), который сомневается в правильности подобного сравнения, и Э. Френкель (см. PEW, 225), указывающий, что церебральное *-ṭ-* в *kaṭú-*, может быть, свидетельствует о происхождении этого слова из дравидских языков. Френкель сравнивает поэтому лит. *kartùs*, *kiřsti*, ст.-сл. *kratъkъ*, гот. *hardus* лишь с др.-инд. *kr̥ntáti* 'режет'.

В вышеупомянутом др.-инд. *káṭú-ka-*, однозначном с *kaṭú-*, констатируем явление распространения древней основы имени прилагательного на *-ŭ-* через суффикс **-ko*, встречающееся и вне праславянского языка.

[228] Ю. Покорный (PEW, 941) ст.-сл. *kratъkъ*, др.-инд. *kaṭú-* и лит. *kartùs* отмечает как «Wortgleichungen», т. е. как точные соответствия во всех частях слова.

inslav

Нужно еще отметить, что в более старых исследованиях (ПЭС, 361; Blumfield, 89[229]) встречается сравнение ст-сл. *kratъkъ* с ведийским *krdhú-* 'укороченный, усеченный, малый, недостаточный'. Древнеиндийское слово является образованием от и.-е. корня **(s)ker-* 'резать', распространенным через *-dh-*.

3. Весьма широко распространен взгляд, согласно которому лат. *curtus* 'укороченный, короткий, скудный' относится к рассматриваемым словам (Срезн. Мат., I, 1319; Persson. Beiträge, 166; Meillet. Ét., II, 325; ПЭС, 361; WEWL², 216; Vondrak. Vgl. Gr², I, 504; Br. Sł., 270; МЭР, 256; VEW, I, 633; MES, 233 и др.).

4. Принадлежность гот. *hardus* и других примеров из германских языков к этой этимологической группе слов многими лингвистами (особенно германистами) оспаривается. Из изученных нами лингвистов это сравнение считают возможным только А. Мейе (Meillet. Ét., II, 325). Р. Траутманн (TWb, 131) и Э. Френкель (Fraenkel, 225). А в этимологических словарях С. Фейста (Feist. Got. EW, 246), Ю. Покорного (см. PEW, 531) и Ф. Клуге (KEW[17], 290) для гот. *hardus* 'твердый, строгий', др.-в.-нем. *hart*, *herti* 'твердый, крепкий, тяжелый', др.-исл. *harðr* восстанавливается прагерм. **harđu-*, восходящее к и.-е. корню **kar-* 'твердый' + суффикс *-tu-*. К их мнению о недопустимости сравнения гот. *hardus* с лит. *kartùs*, ст.-сл. *kratъkъ* и т. д. присоединяются Франк и Ван Вейк (Frank—Van Wijk. Ned. EW, 232), Я. де Фрис (AnEW, 210—211) и М. Фасмер (VEW, I, 633). Эти ученые относят обычно и греч. κρατύς, κρατερός 'сильный, могучий', а также ряд других слов, как например, др.-инд. *karkara-* 'суровый, твердый', тохар. *kartse*, *kärtse* 'хороший' (KEW[17], 290), русск. *чёрствый* из **kr̥t-tu̯o* (Feist. Got. EW, 130, 246) и др. к и.-е. корню **kar-t* (**kr̥-*).

5. Ю. Покорный (см. PEW, 941) в один ряд со ст.-сл. **кратъкъ**, лит. *kartùs*, др.-инд. *kaṭú-* ставит еще др.-в.-нем. *herdo* 'шерсть', др.-англ. *heorđa* 'шкура' и другие германские слова, а также хет. *kartāi-* 'срезать, удалять'.

По мнению В. Махека (MES, 233), прасл. **kortъkъ*, относящееся к корню **ker-* 'резать, сечь', первоначально являлось экспрессивным выражением и вытеснило старое **mr̥ghu-* в другом значении. Очевидно, Махек имеет в виду прасл. **bъrzъ*, имевшее, по его мнению, значение 'в короткое время' и соответствующее лат. *brevis*, греч. βραχύς. Неожиданный вокализм корня *-o-* (обычно корень в праславянских именах прилагательных выступает со ступенью редукции, хотя, как мы уже видели, это не во всех случаях, так, ср., например, **sold-*, **mold-*) он объясняет возможным влиянием слова *ǫzъkъ* 'узкий'.

lьgъkъ < **lĭgu-ko-s*

К группе имен прилагательных с основой на *-ŭ-*, еще в праславянском языке распространенной суффиксом **-ko-*, принадлежит слово *lьgъkъ*. Из форм на **-ko* в славянских языках имеем: ст.-сл. **льгъкъ**, 'легкий' (Зогр., Мар., Асс., Син. Требн., Савв. кн., Супр. р.), болг. *лек*, с.-хорв. *лȁк*, словен. *láhək*, ж. р. *láhka*; *lahâk* 'легкий', наряду с *lágen*, чешск. *lehký*, слвц. *l'ahký*, польск. *lekki* (и в силу диссимиляции диал. польск. *letki*), в.-луж. *lohki*, н.-луж. стар. *lekki* наряду с *letki*, теперь *lažki* (по образцу сравн. степ. *lažšy*), кашуб. *letk'ï* (Lorentz. Pom. Wb., 448), полаб. *l'á(k)k̂ė* (*l'átk'ė*) 'легкий' (BEW, 253)[230], русск. *лёгкий*, укр.

[229] На стр. 88 указ. соч. М. Блумфильд лит. *kartùs* сравнивает с др.-инд. *kaṭú-*.

[230] Х. Хирт (Hirt, 235—236) дает полабское слово в виде *ł'ȁkỹ* 'легкий', а Т. Лер-Сплавинский (Lehr-Spławiński. Gram. połab., 194) как *l'ȁt'ə* (засвидетельствовано в *ljȁtga*, *lgȁtga*) < *lьgъkъ-jь*.

inslav

łěhkyij, блр. *лёгкі* и др-русск. лѣгъкъ. В ряде случаев имели место процессы ассимиляции и диссимиляции, а также упрощения, что привело к изменению группы задненебных согласных[231]. Встречается довольно большое число производных, содержащих тот же корень, что и имена прилагательные, но распространенных другими суффиксами или не распространенных. Ср. праславянское деадъективное имя существительное ж. р. **lьgo-ta* 'легкость': др.-болг. *lьgota*, (BEW, 753); русск. *льгóта* 'освобождение, свобода, облегчение'; болг. *лекотá*; с.-хорв. *лакдȍ̏а*; словен. *lə̑góta*, *lagóta* 'легкость'; чешск. *lhůta* (*lhota*) 'срок', старое 'привилегия, свобода'; **lьg-yń-i*, resp. **lьg-yń-a* (см. ниже); чешск. *lhostejný* 'равнодушный, беззаботный, легкомысленный'; **lьg-a* им. сущ.: ср. польск. *u-lga* 'облегчение', русск. из церк.-сл. *пó-льз-а*, русск. диал. *по-льг-а* 'польза', полаб. *pïö-lġa* — то же самое, а также связанные с ним русск. *льзя* и *нельзя*, церк.-сл. **льгость** 'levitas', лѣгостыни 'легкость, облегчение, польза' (Вост., I, 404—405). В этом слове древняя основа на *-й-*, унаследованная еще из индоевропейского праязыка, общепризнана (Grdr., Bd II, T. 1; 394; Leskien. Gr. abg.,[2-3] 90; Mikkola. Ursl. Gr., III, 51; Blumfield, 93; Troubetzkoy, 131; Vaillant. Les adjectifs. 43; Specht. Bildung des Femininums, 203—204; MES, 262 и др.). Доказательства для этого следующие.

А. Следы древней *й*-основы в славянских языках

Еще И. Зубатый (Zubaty. AfslPh, 360; Studie, II, 340) указал на то обстоятельство, что, несомненно, древняя *й*-основа имеет место в таких образованиях как ст.-сл. **льгыни, влъгыни** наряду с древними *й*-основами *lьgъ-kъ*, *vьlgъ-kъ*. В. Майд (Meid. Zur Dehnung, 273) тоже сопоставляет отвлеченное существительное женского рода, образованное от имени прилагательного, ст.-сл. *lьgyni* 'облегчение' и имя прилагательное *lьgъ-kъ* 'легкий', причем исходной для того и другого образований он считает *й*-основу. Ф. Шпехт (Specht. Bildung des Femininums, 222—223) пишет, что отвлеченные имена существительные на *-ū-* в славянском могли быть распространены через *-nī-*, как *lьgyńi* и др., и относиться к древним *й*-основам как *lьgъkъ* и др. Он сравнивает ст-сл. *lьgyńi* по своему образованию с др.-прусск. *maldūnin* вин. п. ед. ч. 'молодость'. Материал по этому вопросу не исчерпывается примерами из старославянского и древнерусского языков. Ср. ст.-сл. **льгыни** 'облегчение' (Sadnik—Aitzetmüller, 51) 'allegement, concolation' (Meillet. Ét., I, 164), засвидетельствованное в Супрасльской рукописи, 194, 18: **приде бо ми льгыни отъ дрѣва сватааго**; русск. церк.-сл. **льгыни=льгынца** встречающееся в двух значениях: а) в значении 'польза': **всякои льгыни боудоуть дарьници**, б) в значении 'облегчение': ... **милость обращеть и лгыню отъ мукы** (Срезн. Мат., II, 66; Вост., I, 405).

Б. Соответствия прасл. **lьgъkъ* в других индоевропейских языках

Балтийские языки

а) Литовский. И. Шмидт (см. Schmidt. Lit. nominals, 265, 267) писал, что почти невозможно определить, какие из литовских имен прилагательных имеют *-й-* первоначальное, какие по аналогии. Но в некоторых случаях, очевидно, устанавливается первоначальное *-й-*, как показывает сравнение с родственными языками, например, в случае лит. *leñgvas*. Ф. Шпехт (см. Specht. Zur Bildung, 198, 200) и И. Шмидт рассматривают *-v-* как отражение древнего тематического звука *-u-*,

231 Относительно конечного задненебного звука корня и его взаимодействия с *-k-* из суффикса *-ko-* см. еще Arumaa. Sur l'hist., 37—38.

inslav

при этом Шпехт подобное явление отмечает и в латинском и в древнеиндийском языках. Р. Траутманн дает в качестве праформ *lengu- и *ligu- (TWb, 158). Очевидно, приводя *lengu-, он исходил из лит. *leñgvas и lengvùs[232] 'легкий, медленный, слабый, кроткий'. К *ligu- он относит соответствия из древнеиндийского языка и из языка авесты. Таким образом, для литовских слов можно реконструировать основу с назальным звуком в корне: *leng-u-, что будет правильным и для примеров из древнепрусского языка.

в) Др.-прусск. *langiseilingins* вин. п. ед. ч. 'простоватые', *langiseiliskan* 'простоватость', в которых второй частью сложного слова является др.-прусск. *seilins* 'чувства'; др.-прусск. *preitlāngus*, *ġelinde* (Enchirid., 55, 13—14). Р. Траутманн (см. Trautmann. Apr. Sprd., 246) считает это слово именем прилагательным с основой на -ŭ-. По мнению К. Явниуса, которого цитирует К. Буга (см. Būga. Aist. Stud., 86) *preitlāngus* соответствует лит. *prieĩti leñgvas* 'тот, к которому легкий доступ'; др.-прусск. собств. имя *Langedabe* (Trautmann. Pers. N., 142). Вторая часть сложения соответствует лит. *dabà* 'природа', др.-прусск. *erlāngi* 'поднимать, возвышать'. Э. Френкель (FEW, 355), имея в виду значение этого слова, указывает на лат. *levare* 'поднимать, облегчать'. Префикс — из немецкого языка.

с) Лтш. *liêgs* 'легкий, кроткий, сердечный, милый, добрый' и вариант *liegvas* (из области Kurische Nehrung; ср. лит. *leñgvas*). Производное *liegums* (лит. *lengvumas* 'легкость') относится сюда же. Лтш. *liêgs*, очевидно, происходит из *liegus, ср. *liegums*, в котором отсутствует долгота корневого гласного. Э. Френкель (см. FEW, 356) присоединяется к мнению К. Буги (Būga. KS, 73), который лтш. *vìegl(i)s* 'легкий' связывает с лит. *viglas vigrùs* = *vikrùs*, *veikti*, лтш. *vèikt* и т. д. И. Эндзелин (Endzelin. Lett. Gr., 168) предполагает происхождение лтш. *vìegls* из *venglas, что в свою очередь развивалось путем метатезы из *leñgvas.

Весьма интересным является лит. глаг. *lāginti* 'приманить, любезно уговорить кого-л.', к которому Э. Френкель относит лит. *lóga* 'ряд, слой, раз', лтш. *lāga*, *lāgs*, *lāgus* 'слой, порядок, раз, годность, польза, смысл' и др. Обращает на себя внимание латышский вариант на -us-. К форме без назального звука в корне восходит лит. *lageñti* 'умеренно ездить верхом' или вообще 'ездить'. По мнению Френкеля (см. FEW, 328), это слово соотносится с и.-е. *leg^{u}h- 'легкий, быстрый', как и ст.-сл. *lьgъkъ*, русск. *легкий*, польск. *lekki*, лат. *levis* 'легкий, быстрый, тихий', наряду с *leng^{u}h- (лит. *leñgvas*). В отношении значения лит. *lagẽnti* он указывает на др.-инд. *rấṅghate* 'спешит, бежит', *lấṅghati* 'вскочит', др.-ирл. *lingim* 'прыгать', ср.-в.-нем. *lingen* 'идти вперед, спешить, быстро уйти', др.-в.-нем. *lungar* 'быстрый'.

Индоиранские языки.

а) Др.-инд. *laghú-*, ведийское *raghú-* 'быстрый, легкий, малозначительный' с полной ступенью корневого вокализма, т. е. *legh-, как лат. *levis* (PEW, 660; Meillet. Ét., II, 326)[233] или со ступенью редукции, т. е. *$l_e$gh (PEW, 660; TWb, 158); сравн. степ. *laghīyān*, превосх. степ. *laghiṣthaḥ*; др.-инд. *ṛhánt* 'слабый, маленький' (*'легкий') со ступенью

[232] По устному сообщению З. Зинкевичюса, *lengvùs* известно лишь в тех западнолитовских говорах, в которых наблюдается широкий переход имен прилагательных с основой на -a- (и.-е. -ŏ-) в основы на -u-. Древними памятниками *lengvùs* не засвидетельствовано. Его, очевидно, следует рассматривать как новообразование. Напротив, *leñgvas* — форма общелитовская.

[233] А. Мейе вообще предполагает смешение типов *legheu-, *$l_e$gheu- и *leng^{w}h- в др.-инд. *raghú-*, *laghú-*, авест. *rənǰyō*, др.-в.-нем. *lungar*, греч. ἐλαφρός (Meillet. Ét., I, 164).

inslav

исчезновения; др.-инд. *laghu-ta* имя сущ. ж. р. 'легкость' (Meyer. Zur Gesch., 48); др.-инд. *raṁhatē* 'бежит'.

в) Авест. *raγu*, ж. р. *rəvī* < **ragvī*[234] 'ловкий, быстрый'; наречие сравнительной степени *rəñjyō* 'легче, ловчее' < **lenghiḯes* и превосходная степень *rənǰišta* показывают полную ступень корневого вокализма с назальным звуком; авест. *rənǰaiti* 'делает ловким, легким; допускает двигаться'.

Греческий язык. Греч. ἐλαχύς 'маленький, маловажный', по мнению ряда ученых (Feist. Got. EW, 177; Prellwitz. Pr. EW, 89), из **lṇghús*, но Ю. Покорный (см. PEW, 660) возводит его к и.-е. **legʷhú-*. Сильная основа **lengh-*, согласно утверждению В. Прелльвица (см. указ. соч., 89), выступает в греч. ἐλεγχής 'достойный порицания, бесчестный, низкий' и превосходной степени ἐλέγχιστος, ελάσσων 'меньший; низший, более слабый, худший, уступающий'. Греч. ἐλαφρός 'легкий, ловкий', по определению Ю. Покорного (см. PEW, 660), очевидно, из *lṇgʷhrós*, как в др.-в.-нем. *lungar*, но по мнению Э. Швицера (Schwytzer. Gr. Gr., I, 302), ἐλαφρός возникло в результате контаминации греч. *ἐλαχρός и *ἐλαφός < *ελαχϜος, равного лит. *leñgvas*. Следуя теории М. Блумфильда (Blumfield, 93) в словах греч. ἐλαφρός, др.-в.-нем. *lungar* и греч. ἐλαχύς наблюдается «замещение» («suppletion») основ на *-u-* основами на *-ro-* (см. еще Fraenkel, 50).

Латинский язык. Лат. *levis* 'легкий, быстрый, тихий, маловажный' основывается на форме женского рода **legʷhuī*, относящейся к форме мужского рода **legʷhú-s* (WEWL², 423; BEW, 753, PEW, 660).

Кельтские языки. В кельтских языках тоже представлены образования с разными ступенями корневого вокализма и с разными суффиксами. Ср. др.-ирл. степень сравнения *laigiu* (а также *laugu*) 'меньше, хуже'; др.-кимр. *llei*, кимр. *llai* 'меньше' (корн. *le* — то же самое); брет. *lei*, др.-брет. *nahu-lei*, 'nihil-omnius' (пракельт. **lag-ī̯ōs*, и.-е. **legʷh-*); др.-ирл. формы превосходной степени: *lugimen*, *lugam*; ср.-кимр. *llaw* 'маленький' (ср.-ирл. *lau*, *lū* — то же самое); др.-ирл. *lagat* 'parvitas'. Из глагольных образований и имен существительных ср. еще др.-ирл. *lingim* 'прыгаю', др.-ирл. *leimm*, кимр. *elam* 'прыжок' (**lṇgsmen*). Все примеры взяты из PEW, 661. В формах сравнительной и превосходной степеней, как известно, никогда не выступает *ŭ*-основа. Непосредственный интерес представляет только форма на -**s-men* с суффиксом гетероклитического характера по происхождению. Об этом см. также ниже (церк.-сл. **жзмень**, др.-инд. *svādmán*).

Германские языки. В германских языках в соответствующих именах прилагательных наблюдается, с одной стороны, распространение с помощью дентального звука, герм. *-t-*, например гот. *leihts*, др.-англ. *léoth*, др.-исл. *lēttr*, др.-в.-нем. *līht(i)* 'легкий', которые Ю. Покорный (PEW, 661) возводит к **linχta*, т. е. **lengʷh-to*, а Э. Френкель (FEW, 356) и Р. Траутманн (TWb, 158) к **lenhta*, с другой стороны, — распространение при помощи суффикса *-ro-*: др.-в.-нем. *lungar* 'быстрый', др.-англ. *lunger* 'быстрый, подвижной', др.-сакс. нареч. *lungre* 'быстро, скоро', др.-англ. *lunzre* 'быстро'. Эти слова относятся, согласно С. Фейсту (Feist. Got. EW, 326), к и.-е. **lṇghro-* или **lṇgʷhro-*, а по мнению Ю. Покорного (PEW, 661), — к **lṇgʷhro-*. Сюда же относятся еще др.-в.-нем. *gilingan* 'удасться', ср.-в.-нем. *lingen* — то же самое. В этой связи можно еще упомянуть название для легких, связанное с и.-е. именем прилагательным **legh-u* или **lengh-u* 'легкий' (этот орган так называется потому, что плавает на воде, является 'легким'): др.-в.-нем. *lunga*, *lun-*

---

[234] К. Бругманн (Brugmann. KVG, 125) возводит авест. *rəvī* к праиран. **ragu̯ī-*.

inslav

gun, мн. ч. *lungunna*; др.-фрийск. *lungen(e)*, др.-англ. *lunʒen*; др.-исл. *lungo*, мн. ч.; датск. *lunge*; швед. *lunga*; голл. *long* и т. д. Для форм древних германских языков С. Фейст (см. Feist. Got. EW³, 326) предполагает праформу **lŋghon-*. Ф. Шпехт (Specht. Bildung des Femininums, 217.—218, Anmerk., I), ссылаясь на В. Шульце, разъясняет, что др.-в.-немо *lungun*, род. п. ед. ч. *lungunne* < прагерм. **lŋghnī-* может точно соχтветствовать греч.* ἐλαχύνια, являющемуся образованием ж. р. греч. ἐλα ύς. Расширение *u*-основы через *-n-* наблюдается и в ряде других случаев, как например, гом. μῖνυνθα 'немного, недолго' и ἰθύντατα, далее, в др.-инд. *táruṇa* 'свежий, молодой' по сравнению с τέρυ. ἀσθενές λεπίον (Гезихий), а также в греч. ἡδύνω 'приправлять, подслащивать'. В таком случае согласно В. Шульце, греч. **ἐλαχυνω* так соотносится с др.-в.-нем. *lungun*, как ἀνδάνω 'быть приятным, нравиться' с ἡδονή 'удовольствие, наслаждение', т. е. различие между глагольной и именной основами относится к более позднему периоду.

Албанский язык. Алб. *l'eh*, *l'ehste* 'легкий' (Meyer. Alb. Wb., 239) С. Фейст (Feist. Got. EW, 326) возводит к корню **leg-*.

Иллирийский язык. Для иллирийского языка Ю. Покорный (PEW, 660) приводит слово *lembus* (**lengᵘho-s*) 'легкое судно', из которого, по его мнению, происходят греч. λέμβος, лат. *lembus* 'легкое быстроходное судно'. Сюда же он относит название реки в Верхней Италии *Lambrus*[235], сравнивая его с греч. ἐλαφρός.

Как было отмечено еще К. Бругманном (Grdr., Bd II; T. I, 177; KVG, 130), вокализм корня этой группы слов представляет собой сложный, еще не во всех деталях решенный вопрос. Для нас в данном случае важно определить тип корневого вокализма праславянского слова **lьgъkъ*, а также его отношение к параллелям в балтийских и других индоевропейских языках. Гипотеза В. Вондрака (см. его статью, в BB, Bd 29, 114; Vondrak. Vgl. Gr., I, 141), согласно которой -ь- в слове **lьgъkъ* является якобы рефлексом и.-е. -**n̥-*, благодаря чему славянское слово относится к индоевропейскому типу корня, отличающемуся наличием назального звука, отвергается большинством лингвистов (WEWL², 423—24; Meillet. Ét., I, 164—65; BEW, 754; Feist. Got. EW, 326; TWb, 158; МЭР, 272; HKES, 201; MES, 262; PEW, 660—661; VEW, II, 24—25; FEW, 355). Если почти все исследователи сходятся в том, что прасл. **lьgъkъ* восходит к такому варианту индоевропейского корня, который не содержал назального звука, то в более детальной характеристике этого корня мы встречаемся с расхождениями во взглядах у отдельных исследователей. Нам кажется, что в этимологических словарях С. Младенова и И. Голуба—Ф. Копечного допущена некоторая неточность, состоящая в том, что ст.-сл. *lьgъkъ* возводится непосредственно к и.-е. **leghu-*, resp. **legᵘhu*. С. Фейст ст.-сл. *lьgъkъ* выводит из и.-е. праформ **legᵘhu-* или *lьgᵘhu-*. Праславянским отражением и.-е. корня *legᵘh-* было бы **leg-*, а не **lьg-*. Но факты славянских языков позволяют лишь восстановить корень в виде **lьg-*. Поэтому нам кажется более правильным мнение тех ученых, которые для прасл. **lьgъ-kъ* предполагают и.-е. корень **lᵒgᵘh-* (Мейе) или **lᵒgh-(u)* (Махек), или **lig-(u)* (Траутманн). Другими словами, ь в прасл. **lьgъkъ* является рефлексом ступени редукции гласного звука *e*[236]. Полную ступень мы имеем в лат. *levis* < **legᵘh-is*. Для лит. *leñgvas*, *lengvùs* и лтш. *liêgs*, очевидно, характерен корень **lengᵘh-* (Feist. Got. EW¹, 177; FEW, 355).

[235] Х. Краэ (Krahe. Spr. u. Vorz., 121) выводит иллирийское название реки *Lambrus* из **lŋgᵘhros* 'быстрый', сравнивая его с греч. ἐλαφρός, др.-в.-нем. *lungar*.

[236] Известно, что и.-е. **ᵒ* (schwa indogermanicum secundum), отражающееся в славянском как -ь-, а в балтийском как -*i*-, чередуется с и.-е. **-ĕ-*, **-ŏ-*.

inslav

В примерах из древнепрусского языка выделяется корень *lāng-*. Ввиду запутанности и сложности истории древнепрусского вокализма мы отказываемся от попытки более точного определения корня древнепрусских слов и довольствуемся тем, что особенностями корневого вокализма прабалтийского слова считаем наличие назального звука и такую ступень, которая не является ступенью редукции в отличие от корневого вокализма праславянского слова, отличающегося отсутствием назального звука и ступенью редукции.

Возражая А. Мейе, считавшему, что индоевропейские формы с назальным звуком (корень **leng^{w}h-*) и без назального звука (корень **legh-* или **leg^{w}h-* и его ступень редукции **l^{o}gwh-*) первоначально были разными словами, из которых содержащее корень *leg^{w}h-* имело значение 'быстро ходить', а содержащее другой корень — 'быть маленьким, малозначительным' (см. Meillet. Ét., I, 164—165). А. Вальде (WEWL², 423—24) предполагает, что **leghu-* 'легкий' (т. е. вообще формы от неназального типа корня) сначала в глагольных формах, отличающихся назальным инфиксом, развилось в **lengh-u*. Ведь не случайно корень с назальным звуком имеем в глагольных образованиях, ср. др.-инд. *raṁhatē* 'спешит, течет', др.-в.-нем. *gi-lingan* 'удасться' и авест. *rənǰaiti* 'ловко, быстро делать'. На это обстоятельство, приводя последние два примера, указывает также В. Махек (MES, 262). Он выводит из этих глаголов корень **lengh-*, от которого, по его мнению, происходит имя прилагательное с *ŭ*-основой с древним ослаблением корня. Можно это положение Махека понимать как подтверждение взгляда Вальде о существовании одной индоевропейской группы слов, а не в таком смысле, что прасл. **lьgъkъ* образовано от типа корня с назальным звуком, с чем не согласовалось бы предыдущее положение Махека о том, что *lьgъ-kъ* из **l^{o}gh-u*. Таким образом, вышеуказанное различие между прабалтийским и праславянским словами в отношении корневого вокализма можно истолковать как тяготение первого к глагольному типу корня и отсутствие такого тяготения у второго. Это находится в согласии с общей наблюдаемой нами закономерностью, состоящей в том, что имена прилагательные на *-ŭ-* по своему образованию в прабалтийском теснее связаны с глаголами, и эта связь во многих случаях в современных балтийских языках сохраняется, чего нельзя сказать об именах прилагательных на *-ŭ-* в праславянском (ср. в этой связи лит. *drąsùs*, лтш. *drùošs* 'смелый', лит. *dręsu*, *drįsaũ*, *drĩsti* 'дерзать' и прасл. **dьrzъkъ* 'дерзкий'). Лит. *lāginti*, *lagẽnti*, которое Э. Френкель считает возможным отнести к и.-е. корню **leg^{u}h-*, не противоречит нашему суждению, так как назальный инфикс встречается только в определенных глагольных образованиях, к тому же этимологическая связь лит. *lāginti*, *lóga*, лтш. *lāga*, *lāgs* с лит. *leñgvas* и т. д. еще полностью не доказана (см. Zubatý. Studie, I, 2, 102; VEW, II, 4).

ǫzъkъ < *anĝ'-u-ko-s.

К праславянским именам прилагательным, восходящим к индоевропейским именам прилагательным на *-ŭ-* и распространенным впоследствии суффиксом **-ko-*, принадлежит и слово *ǫzъkъ*, ср. ст.-сл. **ѫзъкъ** (Зогр., Мар., Асс., Син. Требн., Супр.), с.-хорв. *ȕзак*, словен. *ǫ́zək*, чешск. *úzký*, слвц. *úzký*[237], польск. *wązki*, в.-луж. *wuzki*, н.-луж. *huzki*, русск. *ýзкий*, укр. *вузький*. Производные того же корня без распростра-

[237] Словацкое слово *úzký* имеет значение 'боязливый' (FEW, II). Ср. более отвлеченное значение имен прилагательных и производных в других индоевропейских языках; а также др.-русск. ѹзити (ѫзити) 'стеснять, мучить' (Срезн. Мат., III, 1172).

inslav

нения суффиксом *-ko- редко встречаются в славянских языках; см., например, с.-хорв. *ȳзан*, *ȳзанӣ* 'узкий, тесный', церк.-сл. *ǫziti* 'стеснять', *ǫzota* ж. р. (Fick. Vgl. Wb., I³, 481), др.-русск. **ѹзота** 'теснота' (Срезн. Мат., III, 1172), русск. *ýзость*, русск. церк.-сл. *ǫzmenь*, др.-русск. **ѹзмень** 'узкое место, узкий залив', укр. *úźmiń*[238]. Принадлежность прасл. **ǫzъkъ* к древним основам на *-й-* общепризнана в науке (Fick. Vgl. Wb., I³, 481; Brugmann. Grdr., Bd II, T. I, 177; KVG, 328; Vondrak. Vgl. Gr.¹, I, 162; Поржезинский. Ср. гр. сл. яз., 78; TWb, II; Мейе. Общсл. яз., 279; Meid. Zur Dehnung, 35; Feist. Got. EW, 13—14; Frank — van Wijk. Ned. EW, 156; VEW, III, 178; PEW, 42; WEWL², 41; MES, 552; Troubetzkoy, 131; Vaillant. Les adjectifs, 43).

В пределах современных и древних славянских языков трудно найти какие-то следы древней основы. Из вышеприведенных фактов явствует, что имелось имя прилагательное **ǫz-kъ* и производные от корня **ǫz-*. Среди последних обращает на себя внимание древнерусское слово **ѹзмень**: **Тогда бо (Русь) оузьмень, глемыи Гоу, всъ пожгоша** (Срезн. Мат., III, 1171). Имеется еще русск. церк.-сл. *ǫzmen* и укр. *úzmiń* (VEW, III, 178). Слово состоит, очевидно, из корня *ǫz-* и суффикса *-men*(ь), т. е. < **anĝ-men-* (ср. образования такого же типа, как например, *ka-men-*(ь) < **ak-men-*[239], т. е. с основой на *-й-* в **ǫz-kъ* соотносится основа на* *-men*, связанная, как известно, с гетероклитическими основами). Наличие основы на* *-men* наряду с образованием на *-ъ-kъ* является дополнительным аргументом в пользу восстановления *й*-основы. Основными аргументами являются совершенно точные соответствия в других индоевропейских языках, в которых сохранились *й*-основы или их следы.

1. Гот. **aggwus* < **aggus* (как *manwus* < **manus*) 'узкий' засвидетельствовано памятниками только в форме им. пад. ед. ч. ср. р. *aggwu*. По мнению С. Фейста (см. Feist. Got. EW¹, 8), *w* здесь проникло из форм косвенных падежей. Др.-исл. *ǫng-r*, *øng-r* 'узкий, утесненный, устрашающий, строгий', по мнению Фейста (Feist. Got. EW, 13—14), имеет основу на *-w-*, но, как указывает де Фрис (см. AnEW, 10), это *u*-основа. Др.-англ. *enze* 'узкий, густой, подавляющий, боязливый, опечаленный, трудный, жесткий', др.-сакс. *engi*, др.-в.-нем. *angi*, как утверждает С. Фейст (Feist, Got. EW, 13—12), имеют *-ja*-основы; но Э. Цупица («Die germanischen Gutturale», Berlin, 1896, стр. 98) видит в древневерхненемецком слове основу на *-u*: **angu-*.

Следы *u*-основы, может быть, обнаруживаются еще в именах существительных: в гот. *ga-aggwei*, др.-исл. *øngvar* ж. р. мн. ч. 'беда, притеснение' и в др.-англ. *ėngu* ж. р. 'теснота, заключение', а *-i*-основа в др.-в.-нем. *engī*. Вероятно, эти слова связаны еще с глагольными образованиями типа гот. *ga-aggwjan*, др.-исл. ǫngva 'теснить, принуждать', *øngja*, *-va* 'притеснять, сузить, принудить, щемить' и с другими производными, как др.-исл. *ǫngvar* ж. р. мн. ч. 'стеснение, притеснение', *ǫngvi*, *øngi* м. р. 'удушье'. Как древнюю *es*-основу де Фрис (AnEW, 10) определяет др.-исл. *angr*[240] м. р. и ж. р. 'забота, досада,

[238] См. еще церк.-сл. **ѹзина** 'angustia' (Вост., II, 584).

[239] Ср. параллельные образования русск. диал. *голомень* (иногда *голомя*) олонецк. 'открытое место в озере' (И. С. Шайжин. Олонецк. обл. нар.), арханг. 'открытое море' (Опыт, 39; Сб. ОРЯС, т. 7, 6), 'плоская сторона полосы у меча, сабли и пр.' (Грот, 92), русск. диал. *сухмéнь* 'сухое, недождливое время' (Сб. ОРЯС, т. 87, 81), 'засуха, сухость' (Опыт, 222; Волоцкий. Рост. гов., 91); русск. диал. *глухмéнь* 'полночь, глухая ночь' (Опыт, 37) и соответствующие имена прилагательные: русск. *гóлый*, *сухóй*, *глухóй*.

[240] Для этого слова и А. Иоханнессон (JEW, 28) предполагает древнюю *-es*-основу среднего рода.

inslav

гнев; грех' (все эти значения имеют место только в поэтических произведениях), исл., фарэрск. *angur*, норв., др.-швед. *anger*, сравнивая их с др.-швед. *ängsla* 'бояться', др.-в.-нем. *angust*[241] 'боязнь', лат. *angor* и др.-инд. *aṁhas*.

2. Др.-инд. *aṁhú* 'узкий' (только в др.-инд. *aṁhu-bhédī* 'с узкой щелью'), абл. *aṁhóḥ* ед. ч. 'притеснение' (см. Mayrhofer, Ai. EW, 14/7). Слово *aṁhurá-* 'стесненный, несчастный' — производное от слова *amhóḥ*. Ср. еще *aṁhatíḥ* ж. р. 'притеснение' и *aṁhaḥ* ср. р. 'боязнь, притеснение', которые М. Майрхофер сопоставляет с однозначным авест. *ązah-*, а также с лат. *angor*, *angus-tus*, др.-в.-нем. *angus-t*, нем. *Angst*, ст.-сл. *ǫzos-tь*[242]. Далее он еще с др.-инд. *amhúḥ-* 'узкий' соотносит слово *áṁhatiḥ* ж. р. 'дар, подарок', что, вероятно, из **anu-(d)-hiti*.

Из языка авесты в качестве соответствия можно указать лишь на упомянутое выше *ązah-* 'притеснение'. В. Прелльвиц (см. Prellwitz. Pr. EW, 42) дает *ązaṇh* — то же самое.

3. Греч. ἀμφήν < *αγκF — 'затылок' М. Майхофер (указ. соч.) сравнивает с др.-инд. *aṁhu-*. Такую же трактовку греч. эол. ἄμφην и αὔφην 'затылок', ссылаясь на В. Шульце, дает Ю. Покорный (PEW, 43). Он возводит их к *αγχF-ήν, развившемуся в результате субстантивации имени прилагательного на *-u-* **anĝ'hu-s* путем присоединения форманта *-en-*[243]. К этой этимологической группе принадлежит еще греч. ἄγχω 'шнурую', ἀγκτηρ 'застежка', ἀγχόνη 'повешение', ἄγχι, ἀγχοῦ 'близко' и ἄχομαι 'печалюсь, боюсь', ἄχος ср. р. 'притеснение, боязнь'.

4. Армян. *anju-k*, *ancu-k* 'узкий' (см. Grdr. Bd. II, T. I, 177, Brugmann. KVG, 327; Feist. Got. EW[1], 8; Frank—Van-Wijk. Ned. EW, 156) тоже указывает на *ŭ*-основу. В этих примерах *-k-* не является индоевропейским, а представляет собой вторичный суффиксальный элемент *-g-* (см. Meillet. Ét., II, 325; PEW, 42).

5. Лат. *angiportus* 'узкая улица, переулок', по мнению А. Вальде (см. WEWL[2], 441) — от основы имени прилагательного *angu-*, принадлежащей глаголу *ango* 'сжимать, стеснять, тревожить, беспокоить'. Примерно так же это слово трактуют А. Бругманн и другие исследователи (Grdr. Bd II. T. I, 177; Ernout—Meillet. 58; Frank—Van-Wijk. Ned. EW, 156; JEW, 28; Mayrhofer. Ai. EW, 14); лат. *angustus* 'узкий', которое, по мнению А. Вальде, относится к глаголу *ango* вряд ли (несмотря на др.-в.-нем. *angust* 'боязнь') происходит из **angustos* (основа на *-u-*, ср. гот. *aggwus*), а скорее из старого **angos-to-s* и связано с *angor*, *-oris*[244] 'стеснение в горле, удушье, тоска, беспокойство', которое сравнивается с др.-инд. *ąhaḥ*, авест. **ǫzō* (*ązanh-*), ст.-сл. *ǫzostь*, лит. *aŭkštas* 'узкий'. И.-е. **es*-основу **aŋĝhos* предполагает также С. Фейст (Feist. Got. EW[1], 8) в лат. *angor*, а также в лат.

---

[241] Ю. Покорный предполагает, что др.-в.-нем. *angust* возникло из и.-е. **anghosti* под влиянием основы имени прилагательного **anghu-* (PEW, 42).

[242] В. Порциг (Porzig, Glied., 143—144) рассматривает германские и славянские слова как образования общие этим двум языковым группам. В них старое отвлеч. сущ. **anĝhos* ср. р. 'удушье, боязнь, беда', относящееся к имени прил. **anĝhus*, распространено суффиксом отвлеченного значения *-ti-*, который первоначально выступает в отглагольных производных. По его мнению, *-u-* в др.-в.-нем. *angust* выступает по образцу с именем прилагательным.

[243] Чешск. *vas* 'шея, затылок', слвц. *vās*, а также очевидно заимствованное из какого-то западно-праславянского диалекта др.-прусск. *winsus* 'шея' вряд ли следует отнести сюда, как думает Ю. Покорный (PEW, 43), так как эти слова скорее можно связать с чешск. глаг. *vazati* 'вязать' и т. п. Для смыслового перехода ср. прасл. **šija* 'шея' и глагол **šiti* 'шить' (VEW, II, 396; MES, 557).

[244] Это слово Мейе—Эрну (Ernout—Meillet, 59) определяют как основу на *-es*. Расширение через *-s-* они видят в лат. *anxius* и лит. *aŭkštas*.

inslav

anxius 'боязливый, встревоженный, мрачный и т. д.' (< **anĝhes-ţes*), *angustus*, *angustiae*. Мнение Ф. Шпехта об основе лат. *angustus* противоречиво. Он, с одной стороны, высказывается за существование основы **anguis*, которая якобы дала лат. *angustus*, чтобы избежать совпадения с *anguis* 'змея' (Specht. Zur Bildung, 201), и за *ŭ*-основу в лат. *angu-stus* (см. Specht. Urspr., 129), с другой стороны, он пишет, что *angu-st-us*, возможно, возникло из **angos-tos* (там же, 152).

6. Др.-ирл. *cumung* 'узкий' < **kom-ingu-*, и.-е. **ṇĝhu-* (Fick, Vgl. Wb., 2, 15; KEW[7], 94; Feist. Got. EW, 13—14; PEW, 42); кимр. *e(h)ang* 'широкий, объемистый' < **eks-angu*, и.-е. *ṇĝhu-* (PEW, 42). С. Фейст (указ. соч., 14), ссылаясь на Стокес, и Рейхельта, приводит еще кимр. *cyf-yng*, брет. *enk* 'узкий' < **engo-* или **engu-*. Пракельтскую форму **ongu-* дает А. Фик (там же) для ирл. *ong* 'печаль, горесть' и др.-ирл. *cumung* 'узкий'. В других примерах из кельтских языков выступают другие основы, например, в др.-ирл. *fairsing* 'далекий' < **for-eks-ingi*, др.-ирл. *ing* ж. р. 'притеснение' — **nĝhi* и в ср.-брет. *encq* 'узкий' — **angiọ* (PEW, 42).

7. Лит. *ankštùs*, *-ì* 'узкий' употребляется наряду с *aŭkštas*. Данная форма с основой на *-ŭ* известна также из восточнолитовских диалектов, в которых наблюдается наименьшее количество случаев перехода старых имен прилагательных с основой на *-a-* (и.-е. **-ŏ-*) в основы на *-u-*. Далее, вариант с *u*-основой широко представлен древнелитовскими памятниками. Эти данные говорят в пользу древности варианта *ankštùs*, *-i* (по письменному сообщению от З. Зинкевичюса).

Лит. *aŭkštas* 'узкий' (А. Юшкевич — см. Лит. сл., I, 19 — дает ошибочно *ánkštas*) со вставным *-k-* — из *anž-stas* (ср. И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, 33; FEW, II) или из **aŭštas* < и.-е. **angh-stos* (TWb, II). С. Фейст (Feist. Got. EW, 14) думает, что в лит. *aŭkštas* < **aŭž-t-as* со вставным *-k-* можно выделить суффикс *-t-*, а Ю. Покорный (PEW, 42) возводит это литовское слово к **anž(a)s-tas* или **anž-tas*. В этом литовском примере мы не находим никаких следов древней *ŭ*-основы. Р. Траутманн (Trautmann. Apr. Sprd., 418) пытается связать с литовским словом др.-прус. *saninsle* ж. р. 'пояс' родственное ст.-сл. *sъvęslo* 'узы, оковы', *vęzati* 'связать' и т. д. Этимологическая связь между рассматриваемым словом и этими примерами еще не доказана окончательно (VEW, I, 244—245).

Прасл. **ǫz-ъ-kъ* восходит, как это показывают примеры из других индоевропейских языков, к и.-е. **anĝh-u-ko-s*, т. е. в этом имени прилагательном корневой вокализм выступает в полной ступени.

****soldъkъ < *sol-d-u-ko-s.***

Классическим примером для праславянских имен прилагательных с основой на *-ŭ* служит слово **saldu-ko-s*, ср.: ст.-сл. **сладъкъ** 'сладкий' (Син. Псалт., Син. Требн., Супр. р., Слуцкий фрагм.); болг. *сладък*; с.-хорв. *слâдак*, ж. р. *слâтка*; словен. *slâdək*, *slâdka*; чешск. *sladký*; в.-луж. *słódki*; н.-луж. *słodki*; польск. *słodki*; полаб. *slâtə* (*slâtztga*, HB и *slâtzga*, H) из **soldъkъ-jь* (Lehr-Spławiński. Gram. połab., 194), русск. диал. (ю.-зап., Даль.). *солôдкий* 'сладкий'[245], укр. *солôдкий*, блр. *solôdkyj*. Кроме имени прилагательного, распространенного при помощи суффикса *-ko-*, в славянских языках встречается немало образований без этого расширения. Ср. прасл. имена существительные **soldъ* (болг. *слад*; с.-хорв. *слâд*; словен. *slâd.*, р. п. ед. ч. *slâda*, *sladû*; чешск.,

[245] См. еще русск. диал. *солбдкий* 'сладкий' — орл., тульск. (см. Сб. ОРЯС, т. 76, 138).

inslav

слвц. *slad*; польск. *słód* р. п. ед. ч. *słodu*; в.-луж. *słód*; н.-луж. *słod*; русск. *со́лод*; укр. *со́лод* 'солод'), **sold-ti* (ст.-сл. *slastь* 'сладость, радость'), **sold-ost-ĭ* (ст.-сл. *sladostь* 'сладость, радость'), а также глагольные образования, как например, ст.-сл. (*na*)*sladiti* 'услаждать, порадовать, наслаждаться, быть приятным', русск. *солоди́ть* 'делать сладким', укр. *солоди́ти* — то же самое, чешск. *sladiti* 'сладить', *sládnouti* 'солодеть, становиться сладким', с.-хорв. *сладити*: 1. 'сластить, 2. солодить' и т. д.

Еще Ф. Миклошич (Mikl. Vgl. Gr., Bd II, 254) заметил, что суффикс *-ъкъ* состоит из *-ъ-* и *-къ-*, причем первое *-ъ-* представляет, по его мнению, или облегчающую произношение вставку, или конечный звук основы (разрядка наша. — *Р. Э.*). Но он еще не применяет это положение при конкретном анализе отдельных слов, и поэтому ст.-сл. *sladъkъ* у него без всяких примечаний находится в числе очень разнородных по своим основам примеров с суффиксом *-ъкъ*, *-ькъ*. К. Бругманн (см. Grdr., Bd II, T. I, 179), касаясь имен прилагательных на *-ùs* в литовском языке и, в частности, лит. *saldùs*, которое он сравнивает со ст.-сл. **сладъкъ**, пишет, что эти прилагательные в славянском встречаются только с расширением *-ко-*. А. Лескин (Leskien, Gr. abg.,[2–3] 90), И. Миккола (Mikkola, Ursl. Gr., III, 51), А. Мейе (см. Meillet, Ét., II, 244), А. Преображенский (см. ПЭС, 219), В. Вондрак (см. Vondrak. Vgl. Gr., I, 162), М. Блумфильд (Blumfield, 92), А. А. Шахматов (Курс, III, 121), Н. Трубецкой (Troubetzkoy, 131, 133), А. Вайан (см. Vaillant. Les adjectifs.., 43), С. Младенов (МЕР, 588), Ф. Шпехт (см. Specht. Die Bildung. 203—04; Urspr., 120), Е. Курилович (Kuryłowicz. L'acc.,[2] I, 230; 194), Б. Махек (MES, 451) и др. отмечают в своих работах для прасл. **soldъkъ* *ĭ*-основу, сравнивая его обычно с лит. *saldùs* и другими индоевропейскими соответствиями. Р. Траутманн (TWb, 248—49) дает в качестве балто-славянской праформы *ĭ*-основу **saldu-* 'сладкий'. М. Фасмер (VEW, II, 691, 692) связывает прасл. **sold-ъ-kъ* с родственным ему лит. *saldùs*, лтш. *salds* и т. д., но этим ограничивается.

Для установления *ĭ*-основы исследователи пользуются преимущественно методом внешней реконструкции. Несмотря на огромное значение именно этого метода для восстановления праславянских имен прилагательных на *-ĭ-* не следует недооценивать и метод внутренней реконструкции. В самих славянских языках встречаются факты, при помощи которых можно получить некоторые сведения о первоначальной основе рассматриваемого слова. Приведем их.

1. В. Вондрак (Vondrak KZ, 146) отмечал, что глаголы типа *sladova-ti* 'быть сладким' по происхождению, несомненно, являются отыменными образованиями от *ĭ*-основ, т. е. *sladovati* соотносится с *sladъkъ*[246]. В. Махек (MES, 451) тоже считает, что от нерасширенного имени прилагательного **soldъ* были образованы глаголы и другие производные. Ср. др.-русск. (очевидно, южнославянского происхождения) слово **сладовати, сладꙋю** 'доставлять сладость, давать отраду': **каплѧ сльзьныꙗ ꙗко медъ сѫть сладꙋѭща в срци** (Срезн. Мат., III, 409).

2. По мнению В. Махека (MES, 451), не расширенное суффиксом *-ko-* имя прилагательное было субстантивировано и использовано в качестве названия для солода, причем оно, как утверждает Махек, сохранило еще флексию на *-u*. Иными словами, он определяет прасл. **soldъ* 'солод' (чешск. *slad*, русск. *со́лод*, с.-хорв. *сла̑д*) как старую *ĭ*-основу.

---

[246] Ср. еще церк.-сл. **осладыти** 'делать сладким' (Вост., II, 61).

inslav

Нам кажется, что это положение подтверждается еще и другими фактами, хотя вопрос о том, является ли **soldъ* субстантивированным, не расширенным через суффикс *-ko-* именем прилагательным или, как склонен считать Р. Траутманн (см. TWb, 249), отглагольным именем существительным (по его мнению, очевидно, соотносящимся с каузативом **solditi*), требует, вероятно, еще дальнейшего исследования. Но даже во втором случае можно предполагать сохранение следов старой основы на *-u-*, так как и в глагольных образованиях (см. выше) сохранились такого рода следы.

В названиях помещения, дома для соложения зерен, наличествует элемент *-ov-*, возможно, отражающий старый конечный гласный звук основы. Ср. русск. *солодовня* 'солодильня', польск. *słodownia* — то же самое, слвц. *sladovňa*, чешск. *sladovna* и русск. топ. *Солодовня* — деревня в бывшей смоленской губернии (Сп. нас. м., XL, 380) и укр. топ. *Солодовников* — хутор в бывшем сумском уезде, харьковской губернии (Сп. нас. м., XLVI, 174). В этой же местности есть еще назв. *Солодкий*, ср. укр. *солодкий* 'сладкий'. С этими словами, несомненно, связаны имена прил. русск. *солодовбй* 'к солоду относящийся, из него приготовленный' (Сл. церк.-сл. и р. яз., IV, 380; Опыт, 210) и образованное от первого *солодовое* старин. 'пошлина с пивоварения' (Даль, IV, 266); русск. *солодовник* или *солодовщик* 'приготовляющий солод', ср. др.-русск. фамилии: *Солодовник*, *Солодовниковъ* (Туп., 757, 367, 368). Ср. чешск. имя прил. *sladový* 'солодовый, солодовой', *sladovnik* 'солодовник' и гл. *sladovati* 'солодить'.

Из древнерусского языка ср. еще примеры с род. п. ед. ч. на *-u*: **вирьникоу взати з вѣдеръ солодоу на нелю** (Срезн. Мат., III, 461). Из древнерусского языка середины XVI в.: **съ солоду, солоду и муки и хмелю отдати** (Unbegaunn. LR, 116), **все припасено... солоду, гороху...** (там же, 107). В словаре болгарского языка Дювернуа приводится местное название *Сладовецъ* (Дювернуа, 2181).

Приведем теперь соответствия из других индоевропейских языков, отражающие *ŭ*-основу.

Балтийские языки. Из балтийских языков можно привести совершенно точные соответствия прасл. **soldъ-kъ* в отличие от соответствий других индоевропейских языков, характеризующихся несколько иным звуковым видом корня.

а) Лит. *saldùs* 'сладкий'. И. Шмидт (Schmidt. Lit. nominals, 265) считает, что это слово первоначально имело *ŭ*-основу, судя по показаниям других индоевропейских языков. Лит. *saldùs*, опред. *saldùsis* (*ſałdùs* — Daukša. Postilla, 434, *ſałdúsis*, — 437, 25) оба слова им. п. ед. ч. м. р. и форма род. п. ед. ч. м. и ср. р. *saldžiaus* (*ſałdaus* — Даукша. Катехизис, 52) встречаются уже у Даукши. Лит. местн. назв. *Saldùtiškis* (Onomast. rocz., II, 1, 24), очевидно, связано с уменьшительным *saldùtis* 'сладенький'. Лит. *saldūnìnis* (Серейский, 806: *saldūdinis*) в сочетании *saldūninis obuolỹs* 'сладенькое яблоко': Ф. Шпехт(Specht. Urspr., 120, Anmerkung) рассматривает как производное от *ŭ*-основы, возможно, через стадию **saldūnė* (см. IF, LVII, 3, 269). Ср. еще лит. *salduoksnė* наряду с *saldūksnė* — название для рябины (Specht. Bildung des Femininums, 264).

Из глагольных образований обращают на себя внимание лит. *saldėti* 'становиться слаще'; *sáldinti* 'сладить, сластить, услаждать, солодить'; *saldýti* — то же самое; *sálti*, *sãla* (*salsta*), *sãlo* 'делаться сладким, сладковатым; солодеть; таять (о сердце); раскисать (после выпитого)'; *sálsteléti*, *salsterėti* 'осолодеть, стать сладким, слащавым, стать пресным'

inslav

и связанное, очевидно, с ними имя прил. *salsvas* 'сладковатый, слащавый'.

Название солода в восточнобалтийских языках не образовано от корня **sold-*, ср. лит. *salýkla*, *sályklas* 'солод', вост.-лит. *ìsalas*, лтш. *ìesals* 'солод' (TWb, 249), хотя не только *sālinti*, но также глаголы *sáldinti*, *saldýti*, как выше указано, могут иметь значение 'солодить'. Бросается еще в глаза параллелизм глаголов «состояния»: ср. русск. *(о)солодѣ́ть* — лит. *saldéti*.

б) Лтш. *salds* из **saldus* (Endzelin. Lett. gr., 343, 461) и лтш. *saldums* 'сладость, сладкость'. Ср. еще лтш. (очевидно, диал.) *salduns* 'сладкий'; лтш. *saldūka* 'съедобный гриб', *salduoksne*, *salduoksnis*, *salduksnis*, *salduoksnes* 'ягоды дикой бузины'; *salduksnis*; 1) *salduksnis*, *saldūoksnis*, *saldūksne* (Ulmann. Lett.-dtsch. Wb.), *saldûksne*, *salduoksne* (там же) 'рябина (куст, дерево); куст, на котором растут красные ягоды, который имеет мягкую, сладкую древесину' (там же); 2) *salduoksne* 'рябина', *saldūksne*, *saldūksne*, *saldūksne* 'вид съедобного гриба' и лтш. топ. *Saldus* — город в Курляндии (Mühlenbach—Endzelin, III, 669—670).

Древнеиндийский язык. Др.-инд. *svādú* — ж. р., *svādví* 'сладкий, милый'. Как замечает Ф. Шпехт (см. Specht. Ursps., 180; Specht. Bildung des Femininums, 241), нередко имени прилагательному на **-u-* противостоит отвлеченное имя существительное на **-men*, образованное от имени прилагательного. Ср. др.-инд. *svādmán* м. р. 'сладость' и др.-инд. *svadús* 'сладкий'. Шпехт реконструирует даже первоначальную форму **svāduman* (см. Specht. Urspr., 275).

Греческий язык. Греч. ἡδύς, ж. р. — ἡδεῖα (< *ηδεϝια), дорийск. ἁδύς 'сладкий'; с формантом *-mo* встречается ἄδυμος. гомер. ἥδυμος 'приятный'.

Латинский язык. Лат. *suāvis* (из **su̯ādu̯is*, см. Brugmann. KVG, 103—104, P. Skardžius, 173) 'приятный, привлекательный, милый, любезный, с хорошим вкусом'. А. Вальде (WEWL², 748) возводит латинское слово к и.-е. **su̯ādú-s* 'сладкий, милый'. А. Мейе и А. Эрну (Ernout—Meillet, II, 1164) предполагают также, как в случаях *levis*, *gravis* древнюю *ŭ*-основу. В латинском языке ряд имен прилагательных с древней *ŭ*-основой перешел в склонение на *-i-*. Этот переход многими учеными приписывается воздействию форм женского рода, т. е. *-i(s)* в лат. *svāv-i-s* соответствует *-ī-* в др.-инд. *svadv-ī* (Sommer. Handb. lat., 481). Как указывает Ф. Зоммер (там же, 229), в латинском языке сочетание звуков *-du̯-* между гласными внутри слова изменилось в *-u̯-*: **su̯ādu̯-is*, > *suāv-is*

Кельтские языки. Засвидетельствована основа на *-ŭ-*: галл. *svādu* — в собств. именах *Svadugenus*, *Svadurix* (PEW, 1039; Fick. Vgl. Wb., II⁴, 321). В этих же словарях приводится еще ирл. *Sadb*, *Sadbh* — женское имя. С сочетанием *-db* ср. еще ирл. *Medb* и др. Далее, ср. валлийское *hawdd* 'легкий = *easy*', представляющие также **su̯ādu-* (см. Fowkes, 290).

Германские языки. Ф. Клуге (KEW³, 766) возводит др.-в.-нем. *s(w)uozi*[247] 'сладкий' к праформам **swōtu-*, **swōtia*, но Г. Мейер (см. Meyer. Zur. Gesch., 49—50) рассматривает древневерхненемецкое слово как *i*-основу, находящуюся в чередовании с *u*-основами в древнеиндийском, греческом и латинском языках. Сюда же некоторые ученые относят гот. *sūts* с аблаутом 'сладкий, приятный', однако, как показал М. Майрхофер (см. его статьи в KZ, Bd 71, 74; Bd 73, 116), это слово имеет другую этимологию.

[247] По мнению К. Бругманна (KVG, 107), др.-в.-нем. *suozi* — из *swuozi*.

inslav

Армянский язык. *k'alcr* 'сладкий, нежный' (см. Meillet.— MSZ, t. 23, 328; Arumaa. Sur l'hist., 66).

Как видно из этих данных, для праславянского языка, а также для правосточнобалтийского можно реконструировать основу **săldŭ-* (Meillet. Les dial. i.-e., 47), а для других индоевропейских языков основу **su̯ādŭ-*. Поэтому полноценным доказательством в пользу существования прасл. основы **soldu-* могут служить лишь примеры из восточнобалтийских языков, данные из других индоевропейских языков показывают только, что в них имя прилагательное, обозначающее 'сладкий', тоже характеризовалось древней *ŭ*-основой. Прямой связи между **săldŭ-* и **su̯ādŭ-* нет, т. е. нельзя выводить одно из другого. В силу этого во многих этимологических работах **săldŭ* — рассматривается вне связи с **su̯ādŭ-* (ПЭС, II, 319; Br. Sł., 499; TWb, 249; MEP, 589; VEW, II, 692 и др.). Обычно указывают на родство **săldŭ-* с индоевропейским названием соли: греч. ἅλς, ἁλός, лат. *sal*, *salis* и с распространением *-d-*, подобно прасл. **saldŭ-* и лит. *saldùs*, гот. *salt* 'соль'[248]. Семантически такой взгляд оправдывается тем, что первоначальное значение 'соленый' с оттенком 'приправленный, вкусный, пряный' могло развиться в 'приятный на вкус, сладкий' (Schrader. RL, II, 273; Feist. Got. EW[1], 223; ПЭС, II, 319; VEW, III, 691—92) или более древним являлось значение 'хороший на вкус, приятный'. Из области морфологии для объединения выше приведенных слов в одну этимологическую группу[249] аргументом может служить вероятная принадлежность всех этих слов к одному и тому же гетероклитическому имени. К и.-е. корню **sal-* могут присоединиться *-n-* (ст.-сл. *slanъ* 'соленый'), *-m-* (греч. ἅλμη 'соленая вода'), т. е. форманты, характеризующие гетероклитические основы, а также *-i-* (ст.-сл. **соль**), *-u-* (греч. ἁλυ-κός 'соленый'), *-s-* (греч. ἅλς 'соль', лат. salsus 'соленый, острый, едкий'), *-d-* (прасл. **sol-d-u*, лит. *sald-ùs*, гот. *salt* 'соль'), *-k-*, *-g-*[250] (лтш. *saĩ-k-ans* 'слащавый' наряду с *saĩ-g-ans* — то же самое — Specht. Urspr., 188), т. е. форманты, которые могли заменить *-r-*, *-l-*, *-n-* (*-m-*) гетероклитических основ.

Р. Траутманн (TWb, 249), соглашаясь с сравнением балто-слав. **saldu-* 'соленый, хороший на вкус, сладкий' с и.-е. **săld-* 'соль', пишет, что не исключена возможность происхождения балто-слав. **saldu-* из более древнего каузативного глагола (ср. лат. *sallere*, гот. *saltan* 'солить'). С ним соглашается А. Вайан (см. Vaillant. Les adjectifs, 44), который **saldŭkŭ* относит к группе имен прилагательных, расширенных через *-d-* и соотносимых с определенными глаголами. П. Арумаа (см. Arumaa. Sur l'hist., 84) прямо утверждает, что лит. *saldùs*, лтш. *saĩds*, ст.-сл. **сладъкъ** непосредственно происходят от соответствующих каузативов лит. *sáldyti*, русск. *солодúть*. Эти замечания заслуживают внимания, поскольку особенно восточнобалтийские имена прилагательные на *-u-* тесно связаны по своему образованию с глаголами.

Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что **săldŭ-* (прасл. **soldŭ-*, лит. *saldùs-*, лтш. *saĩds*) и и.-е. **su̯ādŭ-* не только полностью совпадают по своему значению[251], но и близки друг другу по своему

---

[248] М. Блумфильд (Blumfield, 92) в отношении корня **sal-d*, указывает еще на антоним *bridъkъ* 'горький' (см. еще Fraenkel, 58—59).

[249] Sadnik—Aizetmüller, 306, статья 859.

[250] П. Арумаа не согласен с Ф. Шпехтом. Он (Arumaa. Sur l'hist., 84—85) предполагает, что к корню **sald-*, происходившему из каузативных глаголов, присоединились элементы *-kans*, *-gans*.

[251] Помимо названной связи, ср. еще др.-инд. *svádati* 'приправляет' и лит. *sūdyti* 'прибавлять, посолить' (см. PEW, 1040; JEW, 794).

inslav

звуковому составу. И. Голуб и Ф. Копечный (см. HKES, 336) предполагают, что и.-е. *su̯ādŭ (по их мнению, существовало даже прасл. *svadъ-, чего, однако, ничем нельзя доказать) было заменено контаминацией с прасл. именем прил. *sol-nъ — *sald/sold-. Этот процесс способствовал якобы еще и метатезе близкого по значению прасл. имени прил. *bidrъ в *bridъ 'бриткий'.

В. Махек (MES, 451) сомневается в том, что прасл. *soldъ, лит. saldùs связаны с индоевропейским названием соли. Согласно его взгляду, 'сладкое' скорее должно было быть противопоставлено 'соленому' и 'горькому' (поэтому он считает, что *soldùs произошло от старого *svādús 'сладкий, милый' (др.-инд. svādúḥ, греч. ἡδύς, лат. suāvis, нем. süß), причем -va- в балто-славянском было заменено под влиянием антонима *solnъ сочетанием -ol-.

Нам кажется, что, если *sǎldŭ- этимологически даже связано с индоевропейским названием соли, то все-таки -d- появилось в праславянских и восточнобалтийских словах, очевидно, не без участия или влияния со стороны индоевропейского имени прилагательного *su̯ādŭ-. Ведь имеется целая группа имен прилагательных на -du-, ср. прасл. *moldu, *burz(d)u.

*tьnъkъ < *tĭn-u-ko-s

Праславянское имя прилагательное *tьnъ-kъ[252] < *tinu-ko-s — ср. ст.-сл. **тьнъкъ** 'тонкий, нежный' (Супр. р.), болг. *тънък*, с.-хорв. *тäнак*, словен. *tenȁk* 'тонкий, скудный, точный', чешск. *tenký*, наряду с *ten(n)ý* (Arumaa. Sur. l'hist., 120), в.-луж. *ćeńki*, н.-луж. *śańki*, польск. *cienki*, кашуб. *cenk'i* (F. Lorentz. Pom. Wb., 85), полаб. *t'ánt'ə/tjántga*, *dgântga* < *tьnъkъ-jь (Lehr-Spławiński. Gram. połab., 195), русск. *тóнкий*, укр. *тóнкий*, др.-русск. тьнъкъ — одно из тех слов, которые без всяких сомнений принадлежат к древним основам на -ŭ-, впоследствии распространенным при помощи суффикса -ko-. Прямые высказывания о том, что это слово с ŭ-основой мы находим у многих лингвистов: у В. Ягича (AfslPh, Bd 10, 193), А. Лескина (Leskien. Gr. abg.[2–3], 2—3, 90); К. Бругманна (Grdr., Bd II, T. I, 176); А. Мейе (см.: Meillet. Et., II, 327), И. Микколы (Mikkola. Ursl. Gr.[1], III, 51), В. Вондрака (см.: Vondrak. Vgl. Gr[1], 486), Н. Трубецкого (Troubetzkoy. Les adjectifs, 131), Р. Траутманна (TWb, 318), А. Вайана (Vaillant. Les adjectifs, 45), С. Младенова (MEP, 644), В. Махека (MES, 526), М. Фасмера (VEW, III, 119), Ф. Славского (см. SES, 100), Ю. Покорного (см. PEW, 1069), Р. Нахтигала (Nachtigal. Slov. ez., 53), З. Рысевича (см.: Rysiewicz. Z morfologii, 110) и др. Без расширения *-ko- встречаются, главным образом, глагольные образования, как например, ст.-сл. *istьniti* 'делать тонким, маленьким' (Син. Псалт.), церк.-сл. *tьnostь* 'λεπτότης' (Вост., II, 479), др.-русск. **тоность** 'тонкость, утонченность ума', ср. **сю тоность не многи имоутъ** (Срезн., Мат., III, 1049), словен. *teniti* 'делать тонким, жидким', русск. *тонить* 'делать тонким', чешск. *téniti* и ю.-чешск. *stýniti* 'утончиться, уменьшиться' < *z-téniti (MES, 526).

Приведем соответствия из других индоевропейских языков, в которых содержится ŭ-основа.

---

252 Вообще прасл. *tьnъkъ должно было бы дать *tnok*, что, действительно, встречается в македонских говорах: *тнок* (а также в результате ассимиляции *кнок*), откуда *тноко* наряду с *тенко* и *тонко*. Однако по образцу форм женского рода (*tьnъka*) и косвенных падежей редуцированный первого слога в форме именительного падежа единственного числа мужского рода не исчезает, а переходит в гласный полного образования, например, с.-хорв. *тäнак* по образцу *танка* и т. д. (А. Мейе. Общсл. яз., 90, 94).

inslav

Балтийские языки. Лит. *tę̃vas* 'тонкий, стройный' восходит, очевидно, к **tenu̯-os* (см. Mikkola. Ursl. Gr., III, 51 и Specht. Zur Bildung, 65, 200), т. е. в этом примере *-v-* выступает как рефлекс старой конечной гласной основы. Ср. в этом отношении соответствие в латышском языке, а также точную параллель в латинском языке и форму женского рода в древнеиндийском: лтш. *tiêvs* 'тонкий, редкий' < **tenv-as* (см. Mikkola. Ursl. Gr., I, 70) < **tenu̯os*. А. Фик (см. Fick. Vgl. Wb., I³, 89) предполагает праформу **tinwa-s*.

Индоиранские языки. Др.-инд. *tanú-* ж. р. *tanvī́-* 'тонкий, нежный, тощий, незначительный'. Совершенно точным соответствием праславянскому слову в отношении основы и суффикса, но очевидно с полной ступенью корневого вокализма, является др.-инд. *tánuka-* 'тонкий'[253]. Это один из немногочисленных примеров, показывающий, что и в другой языковой группе, а не только в праславянском, распространения древнего имени прилагательного на *-u-* при помощи суффикса *-ko-* были возможны. Ср. еще субстантивированное имя прил. др.-инд. *tanuṣ* ср. р., *tanū́* ж. р. 'тело', перс. *tan* 'тело'. Др.-инд. *tanū́* Ф. Шпехт (Specht. Urspr., 382) рассматривает как имя существительное женского рода с удлиненным звуком основы (согласно его пониманию, это так называемое «символическое» удлинение), соотносимое с основой на *-ŭ-*. Такое образование он считает древним, возникшим еще в индоевропейском праязыке. Далее, ср. памир. *tanúk* 'тонкий' (TWb., 319) и осет. *t'änäg* — то же самое (Feist, Got. EW¹, 287). Ср. еще др.-инд. глаголы *tanutē* 'простирается' и *tanóti* 'натягивать'.

Греческий язык. Греч. τανυ- 'длинный, растянутый' в сложных словах τανύ-γλωσσος 'с длинным (растянутым) языком' и τανύ-πτερος 'длиннокрылый' (Meyer. Zur Gesch., 77); ταναός < *ταναϜος 'растянутый, стройный'. Для ταναός Ю. Покорный (PEW, 1069) предполагает ассимиляцию из *τεναϜός. Ср. имя сущ. τανεῖα 'длинные бревна'. Это, собственно, форма женского рода имени прилагательного *τάνύς, которую В. Преллвиц в свою очередь (Prellwitz. Pr. EW, 313—314) возводит к и.-е. **tn̥-nús*). А. Вайан (см. Vaillant. Les adjectifs, 43) относит греч. τανυ- к той группе имен прилагательных на *-ŭ-*, которые связаны с глагольными корнями, и указывает на греч. τείνω 'тянуть, натягивать'. Ср. еще глаголы τανύω 'натягивать' и τάνυται 'простирается, распространяется', ясно указывающие на νυ-основу (см. еще Ernout—Meillet, II, 1209).

Латинский язык. Лат. *tenuis* 'тонкий, нежный, ничтожный'. Как и ряд других латинских имен прилагательных с прежней *ŭ*-основой, это слово образовано по образцу форм женского рода **tenuī*[254] (см. WEWL², 772). Сюда же принадлежат глаголы *tenuo* 'делаю тонким, уменьшаю', *teneo, -ēre* 'держать' и *tendo, tendere* (с распространением на *-d-*) 'натягивать, растягивать, распростереть'.

Кельтские языки. Др.-ирл. *tan(a)e* со вторичным *-e-*, корн. *tanow*, брет. *tanao, tano* 'тонкий' — из пракельтск. **tanau̯o*. Кимр. *teneu* имеет *-e-* под влиянием лат. *tenuis* (PEW, 1069).

Германские языки. Др.-исл. *þunor* 'тонкий, редкий, ясный, слабый'; швед. *tunn*; датск. *tynd*; др.-англ. *ðynne* 'тонкий, худой, жидкий, слабый, бедный', англ. *thin* др.-в.-нем. *dunni*, более старое *thunni*, нем, *dünn* 'тонкий, редкий, жидкий'. В этих словах сочетание *-nn-* из **-nu̯*, как в немецких словах *Kinn* 'подбородок', *Mann* 'человек, мужчина, муж' и т. д. (см. Brugmann, KVG, 107). В этимологическом сло-

---

[253] К. Бругманн (Brugmann. KVG, 124) выводит др.-инд. *tanū́* из **tn̥nu-*.

[254] А. Мейе (Meillet. Les dial. i.-e., 34) считает, что праформа для лат. *tenuis* содержит *-e-* корневое, как лит. *teñvas*.

inslav

варе немецкого языка Ф. Клуге (см. KEW[17], 148) дается германская праформа *þunnu- < *þunwa- и.-е. *tenu-s (см. еще PEW, 1069). С суффиксом -ko- имеем др.-исл. *þynnka* ж. р. 'что-то тонкое' и норв. диал. *tynnka* (IEW, 438).

Корень рассматриваемого слова выступает, очевидно, в двух разновидностях: *ten- (полная ступень: лит. *tęvas*, лтш. *tiêvs*) и *t_{o}n- (ступень редукции: прасл. *tьn-u-ko-s, прагерм. *tunw-). См. еще PEW, 1069; SES, 100. Здесь опять в отношении корневого вокализма восточнобалтийские и славянские языки расходятся. В праславянском имеем характерную для целого ряда имен прилагательных на -й ступень редукции, в восточнобалтийских — гласный -e-. Как видно, основа имени прилагательного (*tenu̯-, *t_{o}nu-) содержит корень *ten- 'натягивать'.

По мнению М. Фасмера (см. VEW, III, 117), восточнославянская форма возникла в результате ассимиляции звука ь в первом слоге звуку ъ во втором слоге: *tъnъkъ из *tьnъkъ (см. еще Brugmann. KVG, 327).

vetъxъ < *vet-u-so-s.

Праславянское имя прилагательное *vetъ-xъ — ср. ст.-сл, *vetъchъ* 'старый' (о вещах) (Зогр., Мар., Асс., Син. Требн., Сб. Клоца, Мак. глаг. л., Пражск. глаг. отрывки, Савв. кн., Супр. р.); болг. *вѐтъх* (и с метатезой *вехт*), *ветъ* (МЕР, 64); хор. *vètah*; серб. *вѐт*; чешск. *vetchý*, диал. *vetký*; слвц. *vetchý* и *votchý*, *votký* (с -o- под влиянием -v-); в.-луж. *wjetki*; н.-луж. *wjatki*; польск. *wiotki*, ст.-польск. *wiotchy*; русск. *вѐтхий*, др.-русск. **ветъхъ**; укр. *вѐтхий* — обычно отсутствует в группе имен прилагательных, для которых предполагают й-основы (ср., например, BSL, t, 24, fasc. 1, 130, 137; BSL, t. 31, fasc. 1—3, 43—46). В отличие от предыдущих случаев в этом слове древняя основа распространена через суффикс *-so- (Селищев. Ст.-сл. яз., I, 82). Несмотря на то, что в лингвистической литературе — насколько нам известно — нет прямых высказываний о том, что *vetъ-x принадлежит к древним й-основам в праславянском языке, можно все-таки у ряда исследователей найти праформы, допускающие предположение о существовании й-основы в очень древний период. Еще Х. Педерсен (Pedersen. — IF, Bd. V, 35—36) в конце прошлого века указал на то, что ст.-сл. *vetъchъ* 'старый' и лит. *vètuszas*[255] являются формами на -us-, а не основами на -o-, как греч. ἔτος, алб. *vjet* 'год' и т. д., и их следует рассматривать как старые образования. При этом важно еще то, что датский ученый для сравнения привлекал сходные случаи, в которых, во-первых, наряду с именами существительными на -os часто встречаются имена прилагательные на -u (др.-сев. *heill* — основа на -s- и ст.-сл. **цѣлъ**, греч. κοῖλυ — й-основы), во-вторых, чередуются основы на -u- и на -us- (др.-в.-нем. *angust* 'боязнь' наряду с гот. *aggwus* и ст.-сл. *ǫzъkъ*). Словам из славянских и литовского языков, по его мнению, ближе всего лат. *vetus*, что он рассматривает как древнее, исходное, а форму род. п. ед. ч. *veteris* как развившуюся под влиянием аналогии. Педерсен отвергает мнение Турнейзена (см. его статью в KZ, Bd 30, 485), считающего, что *vetus* из *vetustus*, а также мнение К. Бругманна (см. его статью в KZ, Bd. 24, 38), отождествляющего лат. *vetus* и греч. ἔτος; он указывает на различие в значении этих слов и на соответствия латинскому слову в восточнобалтийских и

[255] Форма *vètusz-as* (с долгим узким -ė-) реально не существует. Она является изобретением языковедов (Būga, Rinkt. r., II, 720).

inslav

славянских языках, которые трудно определить как случайные. А. Мейе констатирует отсутствие тематического -o- в лат. *u̯etus* и, считая -u- в этом слове древним, находит необъяснимым соотнесение его как имени прилагательного с греч. Fέτος. Относительно конца слова *vetъchъ* он предлагает сравнение с церк.-сл. **цѣгъхъ** 'одинокий', наряду с которыми имеется и **цѣглъ**. Р. Траутманн (TWb, 356) дает праформу **u̯etusa-*, а С. Младенов (МЕР, 64) возводит славянское слово к индоевропейской основе **vet-us-*. М. Фасмер (VEW, I, 194) указывает на то, что наряду с формой **u̯etos* 'год' реконструируют индоевропейскую праформу **u̯etus-*, **u̯etuso-* 'старый bejahrt'. Именно по поводу индоевропейской праформы рассматриваемого слова и расходятся мнения ученых. В более старых исследованиях — исключая вышеупомянутую статью Х. Педерсена — обычно исходят из индоевропейской основы на -ŏ- **u̯etos* (греч. ἔτος 'год'), являющейся якобы именем существительным, перешедшим в имена прилагательные. Основу на -ŏ- дают С. Фейст (см. Feist. Got. EW[1], 75) — **u̯et-os* и А. Иоханнессон (JEW, 128) — **u̯etos(o)*. П. Перссон (его ст. в IF, XXVI, 63) и до него еще, как мы уже видели, Х. Педерсен определили лат. *vetus*, *-eris* 'старый' как древнюю основу на *-us*, сравнивая латинское слово со ст.-сл. *vetъchъ* и лит. *vẽtušas*. На основании этих данных П. Перссон реконструирует основу **u̯etus-o*. Латинскую основу на *-us-* *vetus* он сравнивает с древнеиндийскими словами типа *áru-* 'раненый' и т. д. Для формы род. п. лат. *veteris* он предполагает процесс, происходящий по звуковым законам (особая судьба -u- в безударном открытом слоге). С П. Перссоном соглашается и А. Вельде (WEWL[2], 831). Э. Бенвенист (Им. сл., 62), касаясь латинского слова, пишет, что «нельзя, исходя из *angustus* заключить о древней основе на -ŏ-, поскольку *u̯etus*, *u̯etus-tus* соответствуют лит. *vẽtušas*, ст.-сл. **ветъхъ**». Но он связывает эти слова с образованиями гетероклитического типа, отвергая взгляд П. Перссона о древних основах на *-us*, и возводит *-us* к **-ur-*[256].

Что можно сказать о древней основе праславянского слова **vetъ-xъ*, не привлекая (или почти не привлекая) сначала данных родственных групп языков?

Во-первых, анализ звукового состава слов, представленных в разных старописьменных и современных славянских языках, приводит нас к следующим выводам. Засвидетельствованы многочисленные формы и производные с редуцированным звуком заднего ряда, следующим за -t-, ср. кроме вышеуказанных примеров ст.-сл. **ветъшати** (Зогр., Мар., Савв. кн.) 'стареть', **обетъшати** < **obъvetъšati* (Син. Псалт., Син. Требн., Сб. Клоца, Супр. р.) 'стареть, проходить', **обетъшити** < **obъvetъšiti* 'сделать ветхим'; др.-русск. **обетъшати, обетъшалыи** 'ветхий, старый'. **обетъшаниѥ** 'ветхость, обветшание', **обетъшити** (Срез. Мат., II, 502), **ветъхота** 'старость, древность' (там же, I, 248), **ветъшь** 'древность', **ветъшѣи** 'отдаленного времени' (там же, 250). Этот редуцированный впоследствии или исчез в слабом положении (ср. русск. *ве́тхий*) или перешел в гласный полного образования в сильном положении (ср. русск. *ветох* 'последняя четверть месяца'). Как известно, в праславянском языке -x- является звуком вторичным, развивавшимся из и.-е. **-s-* после *k*, *r*, *ū*, *ŭ*, *u̯*, *ī*, *ĭ*, *i̯*. Условием этого перехода является в нашем случае предшествующее звуку *-s-* *-ŭ-*, дававшее в поздний период праславянского языка редуцированный звук заднего ряда -ъ-. Что -ъ- отражает -ŭ-,

---

256 А. Кюни (Cuny, Ét. prégr., 123, прим. 3) также исходит для лат. *vetus*, *-eris* из **u̯t-us-o*, которое он по образованию сравнивает с др.-инд. *pur-ús-aḥ* 'крапчатый, пятнистый', авест. *po^{u}rušō* 'серый' и т. д.

inslav

доказывается еще наличием *-u-* в лит. *vẽtusas* и лат. *vetus*, *vetustus*. Таким образом, для праславянского языка (раннего его периода) восстанавливается *ŭ*-основа **vetu-s-os*.

Во-вторых, имеется параллельный случай имени прилагательного, распространенного через *-s-* (> *-x-*), а именно прасл. **cěgъ-xъ* 'одинокий'. На сходный с **vet-ъ-xъ* конец слова указал еще А. Мейе (см. выше). Э. Бернекер (BEW, 123), предполагает, что **cěgъchъ* образовалось из основы на *-ŭ-* *cěgъ*, которую он сравнивает с греч. πρές-βυς 'старый'. Но такому толкованию, по его мнению, препятствует то обстоятельство, что наряду с **cěgъ*, **cěg-lъ* существует побочная форма *ščьg-* (польск. *szczegół* 'отдельное, особое', *szczególny* 'отдельный, единственный, одинокий' и, возможно, еще русск. *щеголь* 'франт, модник', 'Einzelgänger, Hagestolz'). Однако М. Фасмер (VEW, III, 445), приводя и это сравнение, предпочитает, очевидно, связать русское слово с названием птицы *щегол*. Что касается самого слова **cěgъxъ*, то Э. Бернекер его выводит из серб. церк.-сл. *cěgъchъ*[257] 'одинокий', наряду с которым еще встречаются *cěglyjь* 'единственный, одинокий', *cěglo* нареч. 'только', *scěglь*, *scěglo* — то же самое, с.-хорв. *цȳгли* 'единственный, один только', *цȳгло* нареч. 'только, лишь только', *цȳглӣ*, *цигло̀ветнӣ* 'совсем один' (BEW, I, 123). Из всего этого мы можем сделать вывод о том, что в определенной мере уже материал живых славянских языков и данные их истории позволяют восстановить вид основы рассматриваемого слова в праславянском языке.

Важнейшим дополнением к этому являются точные соответствия в двух других языковых группах.

1. Из балтийских языков приведем следующие соответствия: лит. *vẽtušas*[258] (DLKŽ, 935) устарелое слово, 'старый, престарелый, дряхлый'; ст.-лит. *wętuβa* = польск. *stara* (Daukša. Postilla); лит. *vetušis*, *-io* 'престарелый, старый, пожилой' (Серейский, 1055), *vetušis* м. р., *-ė-* ж. р. 'очень старый человек' (TWb, 356), 'старый вол' (Эндзелин, 58—59)[259]; лтш. *vecs* 'старый, изношенный, прежний'; *vecis* 'старик'; *vęcums* 'ветхость' (Дравниак. Русск.-лтш. сл., 63).

Согласно К. Буге (РФВ, 67, 246) и И. М. Эндзелину (Эндзелин, 52, 58—59) лит. *vẽtušas* восходит к **u̯etuk'sos* < **u̯etusk'os*. По мнению Эндзелина, который при этом указывает на чередование *-st-*//*-sk*, привлекая к сравнению и лат. *vetustus*, **u̯etuk'sos* < **u̯etusk'os*. Он и для славянского предполагает такую же форму, допуская переход и.-е. **-sk'-* после *-i-*, *-u-* в *-s-*, что весьма сомнительно. Ф. Шпехт (Specht. Urspr., 199) рассматривает *-s-* в лат. *vetu-s*, *-tus*, лит. *vẽtu-š-as* 'старый' и ст.-сл. **ветъхъ** как происходившее из и.-е. *-s-*.

2. В италийских языках находим следующие соответствия: лат. *vetus*, *-eris* 'старый, дряхлый, прошлый, прежний'; *vetulus* 'довольно старый, староватый, немолодой;' *vetustus* 'старый, с давнего времени существующий, древний, старинный: осск. *Vezkei* '**Vetusco*' — имя божественного существа. Слово это приводит А. Вальде (WEWL², 830) со следующей ссылкой: «von Planta. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, Straβburg, 1892—97, 1, 88».

---

[257] А. Мейе. (Meillet, Ét., II, 361) и М. Фасмер (VEW, III, 445) приводят *cěgŭxŭ*, resp. *cěgъxъ* как засвидетельствованную форму, т. е. без звездочки.

[258] И. М. Эндзелин (Эндзелин, 52, примеч. 2) указывает, что *-ė-* в этом слове не засвидетельствовано достоверно, ссылаясь на ст.-лит. *wętusza* у Даукши, у которого *-ę-* обычно обозначает открытое *-e-*, и на лтш. *vecs* 'старый'. Он предполагает в литовском слове скорее *-e-*, чем *-ė-*, и в LKRŽ. стр. 370 дано *vẽtušas*, *-á*. Варианты с *-ė-* вымышлены (K. Būga. Rinkt. r., II, 720).

[259] О тесной связи лит. *vetušas* с прасл. *vetъxъ* см. Meillet. Les dial. i.-e., 47; BSL, t. 41, fasc. 1, 93—94 и Fraenkel, 108.

inslav

К приведенным словам из трех языковых групп (славянской, балтийской и италийской), представляющим собой *ŭ*-основы от и.-е. корня **u̯et-* 'год', распространенных с помощью *-s-* (а по мнению Бенвениста, *-r-*; Буги и Эндзелина, — *-sk-*, resp. *-st-*), можно еще прибавить слова с основой на *-o-* (**u̯eto-s*: греч. (F)ἔτος 'год', алб. *vjet* — то же самое); а также широко представленные во многих индоевропейских языках названия годовалых животных с основой на *-es-* (**u̯etes-*: алб. *vits* 'теленок'), с основой на *-ru* в германских языках (**u̯et-ru-s*: гот. *wiþrus* м. р. 'ягненок', 'баран, годовалое животное'; др.-исл. veðr 'баран'; др.-англ. *weder*; др.-в.-нем. *wider*, *widar*; нем. *Widder* 'баран' и швед. *vädur*[260], а также др.-исл. *vetrung-r* м. р. 'годовалое животное' — см. Holthausen, AeEW, 340), с основой на *-lo-* (греч. эол. ἔταλον, коинское ἔτελον 'годовалое животное', возможно, также лат. *vitulus* 'телка'). Хеттское *u̯etant-* 'год', состоящее из и.-е. корня **u̯et-* и суффикса **-ent-*, связанного с гетероклитическими основами и выступающего в индоевропейских названиях времен года, а также выше упомянутые образования на *-ru-*, являются доказательством того, что к и.-е. корню **u̯et-* могли присоединиться форманты, характерные для гетероклитических основ (*-r-*, *-en-t-*). А эти последние могли быть заменены, как мы уже видели, формантами *-u-*, *-i-*, *-s-* и др. или к ним *-u-*, *-i-* могли примкнуть, т. е. могли образоваться более сложные комплексы *-ru-* или *-ur-*. Это новое доказательство связи *u*-основ с гетероклитическими основами.

cělъ < *koi̯l-u- (*kailu-?)

Здесь рассматривается имя прилагательное, известное во всех славянских языках и восходящее к определенному кругу слов из северной группы индоевропейских диалектов: ст.-сл. **цѣлъ** 'целый, здоровый' (Зогр., Мар., Асс., Син. Требн., Савв. кн.); болг. *цел*; с.-хорв. *цѐо*, *цѐлӣ* 'весь, целый; чистый'; словен. *cêl* 'целый'; чешск. *celý* 'весь, целый'; польск. *cały* — то же самое; в.-луж. *cyły*; н.-луж. *cełу* 'целый'; полаб. *ćol* 'heil'; кашуб. *calĩ* 'весь, целый'; русск. *цѐлый*; укр. *цілий*; др.-русск. **цѣлъ** 'здоровый, чистый, целый'.

Х. Педерсен в одной журнальной статье (см. IF, V, 35) еще в конце прошлого века поднимал вопрос об *ŭ*-основе ст.-сл. *cělъ*, которая, по его мнению, доказывается производным русским *целовать* и соответствием в греческом языке κοῖλυ в κοῖλυ·τὸ καλόν, а также ст.-сл. *cěly* 'исцеление'. Старую *ŏ*-основу для этого слова вместе с его индоевропейскими соответствиями восстанавливает Ю. Покорный (PEW, 520), хотя наряду с праформой **kai-lo* он в скобках дает (**kailu-*), т. е. допускает возможность существования *u*-основы. Двойственность в определении основы наблюдается и у двух других исследователей. Так, В. Вондрак (Vondrak. Vgl. Gr², I, 566) причисляет *cělъ* к именам прилагательным на *-lo-*, но в статье «Этюды о славянском акценте и качестве» (KZ, Bd 41, 146) он пишет, что глаголы типа *cělovati*, *sladovati*, несомненно, были первоначально отыменными и образовались от *ŭ*-основ *cělъ* 'здоровый', *sladъkъ* и т. д. Ф. Шпехт в своей работе «К индогерманскому языку и культуре» (см. KZ, Bd 114, 22), следуя теории «сакрального *-u-*», определяет гот. *hails*, др.-прус. *kails* и ст.-сл. *cělъ* как основы на *-ŏ-*, а др.-чеш. *cělu* 'вполне, совсем', ст.-сл. *cěly* 'исцеление', др.-прус. *kailūstiskan* 'здоровье' и греч. κοῖλυ — как основы на *-ŭ-*. Надо отметить, что вообще ряд исследователей при

[260] По мнению Э. Хелльгвиста (Hellqvist. Sv. et. ordb., II, 1381), швед. *vädur* восходит к герм. *weþura < *weþru-*.

inslav

установлении *u*-основы для данного прилагательного исходят из старочешской формы, приведенной еще Я. Гебауером (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 326), например, Э. Бернекер (BEW, I, 124), М. Фасмер (VEW, III. 288). И. Голуб и Ф. Копечный (HKES, 84) тоже предполагают праславянскую *ŭ*-основу в этом слове, указывая на старочешское наречие *z cĕlu*. И. Зубатый (см. Zubatý. Studie, II, 340) высказывает предположение о наличии старой основы на *-ŭ-* в слове *cĕly* (сравнивая его с прусск. *kailūstiskan* и с церк.-сл. **льгыни, клъгыни**) наряду с древними *ŭ*-основами *lьgъkъ*, *vьlgъ-kъ*. В. Махек в своей рецензии на 2-ой и 3-й тома «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (см. «Slavia», XXVIII, 2, 272) считает *cĕlъ* *ŭ*-основой и при этом указывает еще на производное *cĕlovati*.

А. Мейе приводит ст.-сл. **цѣлъ** среди имен прилагательных на *-lŭ*, т. е. на и.-е. суффикс **-lŏ-*. Е. Курилович (Kuryłowicz. L'acc.[1], 229) тоже определяет рассматриваемое слово на *ŏ* основу.

Какие факты из славянских и других индоевропейских языков дают основание для восстановления древней *ŭ*-основы этого имени прилагательного?

1. Древнечешское наречное образование *z cĕlu* 'целиком, совсем, gänzlich'. Как отмечает Я. Гебауер (см. Geb. Hist. ml. j. č., III, 327) в древнечешском встречается *za-celu*, которое объясняется контаминацией форм *z-cĕlu* и *za-cĕlo*. В др.-чешск. *celu* (*matka zatratila mysl bieše z czyelu*) он видит форму род. п. ед. ч. (там же, 326).

2. Многочисленные производные с *-ov-* как рефлексом старой конечной гласной основы:

а) отыменные глагольные образования *cĕlovati*, ср. ст.-сл. *cĕlovati* 'приветствовать, поздороваться' (Зогр., Асс., Мар., Син. Требн., Син. Фрагм.[261], Савв. кн.), **цѣлывати**[262] 'поздороваться, целовать' (Асс., Супр.); болг. *целувам*; с.-хорв. *целивати* 'целовать'; словен. *selovati*; чешск. *celovati*; польск. *całowac*; кашуб. *całovac*; русск. *целова́ть*; укр. *цилувати*; др.-русск. **цѣловати** 'приветствовать, целовать святые предметы, клясться' (М. Фасмер — см. VEW, III, 288 — определяет *cĕlovati* как производное от **cĕlъ*, старой основы на *-ŭ-* (см. еще IF, V, 35);

б) другие производные с *-ov-*, как, например, словен. *celovina* 'одно целое' (Murko. Slov.-dtsch., 741); полаб. *elŭva* (*êlýba*, *elīwa*, *eliba*) 'целый' — (*c*)*el-ovъ-j* (Lehr-Spławiński. Gr. polab., 194); кашуб. *całovnĭ* имя прил. 'совсем полный' (Lorentz. Pom. Wb., 79).

3. Наличие производных с основой на *-ū-* от того же корня (о связи основ на *-ŭ-* с основами на *-ū-* см. выше). В славянских языках и в древнерусском наличествует имя существительное женского рода с тем же корнем, что и прилагательное, но с основой на *-ū-*. Ср. ст.-сл. **цѣлы** ж. р. 'исцеление, выздоровление' (Син. Требн.) и **цѣлъвьнъ** прилаг. 'относящийся к исцелению' (Син. Требн.)[263]; др.-русск. **цѣлы = цѣлъвь**, род. п. **цѣлъве** 'излечение, исцеление'; **цѣлъвьник** 'врач, целитель' (Срезн. III, 1455—1456); др.-прусск. *kailūstiskan* ж. р. вин. п. ед. ч. 'здоровье'. Еще И. Зубатый (см. Zubatý. Studie, II, 340) указал на параллелизм прилагательных с *ū*-основой и образо-

---

261 См.: Fragmentum Liturgiarii Sinaiticum, содержится в издании Син. Требника Р. Нахтигала (Sadnik — Aitzetmüller, VII).

262 Ср. еще церк.-сл, **цѣлывати, цѣливати** 'целовать', **цѣливъ** 'поцелуй', **цѣловати** 'поздороваться', **цѣловь** 'поцелуй' (Вост., II, 551); **объцѣлывати** = deosculari (Вост., II, 24) и **цѣлоувати** 'поздороваться' (Вост., II 552). Варианты с *-у-* появились, вероятно, под влиянием основы на *-ū*: *cĕly* (см. ниже).

263 Ср. интересное чередование морфологических элементов *-у*, *-ъvьnъ* и *-ьb-а*, *-ьb-ьnъ* в ст.-сл. *cĕly*: *cĕlьba* 'исцеление', *cĕlъvьnъ*: *cĕlьbьnъ*.

inslav

ваний на *-yńi* (**ЛЬГЪКЪ—ЛЬГЫНИ**), причем, как мы уже видели, он, ссылаясь на это явление, допускает возможность древней *ŭ*-основы в слове *cěly*. А. Лескин (см. Leskien. Gr. abg.,[2-3] 85) рассматривает *cělъ* 'Heil' *-cěly* 'Heilheit' в связи с образованиями на *-yńā*, соотносимыми с именами прилагательными. Ф. Шпехт (Specht. Bildung des Femininums) цитирует высказывание Зубатого о том, что не допустимо для каждого отвлеченного имени существительного на *-ū* в славянском подыскать соответствующее имя прилагательное на *-ŭ-*, и из этого заключает, что тип образований женского рода на *-ū* в большой мере обобщался. Однако относительно слова *cěly*, по его мнению, для балто-славянского наличие прилагательного с *ŭ*-основой доказывается др.-прусск. *kailūstistan* (см. еще Grdr., Bd. II, T. I, 215—216).

Определенный интерес представляют еще следующие образования:

а) русск. диал. (сибирск.) и разговорн. *цѣлка* 'целомудренная, девственница' (Анучкин. Мат., 35), которое, очевидно, восходит к *cělъk-a*;

б) производные, распространенные суффиксом*-*ko*: русск. *целкóвый*; болг. *cělkó* 'старинная серебряная монета'; польск. *całki* = *cały* 'целый', *całkiem* нареч. 'целиком'; чешск. *celkem*; русск. *целикóм*; возможно, что *cělъ* в какой-то мере испытывало влияние со стороны группы имен прилагательных на *-ъkъ*, что, однако, по всей вероятности, процесс частный и поздний;

в) болг. *цѣръ*, имя сущ. 'лекарство', *цѣритель* и другие производные (МЕР, 678). Э. Бернекер (см. BEW, I, 123) объясняет это образование контаминацией слова **cělъ* и заимствованного из тюрко-персидского слова *čarê* 'средство, лекарственное средство'. Обращает на себя внимание болгарское имя прилагательное *цѣровитъ* (МЕР, 678), в котором выделяется суффикс *-ovit-*.

4. Точные соответствия из других индоевропейских языков.

Древнепрусский язык. А. Бецценбергер (BB, Bd 2, 139) восстановил из сочетания *kailes vnd paschkeiles*, содержащегося в Гданском Кодексе кульмского права, *kails — pats kails 'heil — selbst heil'*[264], употребляющееся в качестве здравицы на пирах[265]. Анализ др.-прусск. *kailūstiskan* 'здоровье' вин. п. ед. ч. ведет к прилагательному **kailūstas*[266] (Specht. Zur indogermanischen Sprache, 22 и TWb, 112)[267]. Ф. Шпехт допускает возможность существования такого прилагательного и в литовском языке, поскольку, согласно мнению Шпехта, только по модели литовского языка мог образоваться антоним *ligūstas* 'болезненный'. Далее он еще предполагает, что **kailūstas* могло соотноситься, с одной стороны, с именем прилагательным **kailus* — это положение принимается и Ю. Покорным (см. PEW, 520), — с другой стороны, с соответствующим именем существительным женского рода **kailūs* = слав. *cěly* (Specht. Bildung des Femininums, 219).

---

264 С. Фейст (Feist. Got. EW, 232—233) сомневается в исконности этого выражения, нерешительно предполагая заимствование из германского. Разумеется, не исключена возможность влияния немецкого языка.

265 Ср. полаб. *Tsiōl* = *c'ol* (Rost. Polab. Spr r., 45,7) 'heil' и *zoolte* = *c'olte* 'es gibt eins', 'heil dir' (там же, 86, 12).

266 Э. Френкель (Fraenkel, 44—45) рассматривает *kailūstisku* как имя существительное отвлеченного значения на *-ūt- (-st-* < **-tt-)*, сравнивая *ū*-основу со ст.-сл. *cěly* 'исцеление', а также с тождественным по значению лат. *salūs* (основа *salūt-*), соотносимым с лат. *salvus* 'целый, спасенный', др.-инд. *sarva* и греч. ἄλ(F)ος, οὖλος 'целый'.

267 Правда, у Р. Траутманна реконструкция для славянских, германских, древнепрусского, греческого и кельтских слов дана в виде **kaila-*, т. е. как *ŏ*-основа. Нельзя, однако, переоценить ее значение. Степень точности праформ автор сам оговорил в предисловии к своей книге.

inslav

Поскольку в древнепрусском языке сохранились формы *kails* и *kailūstiskan*, а в других родственных индоевропейских языках имеется имя прилагательное на *-ŭ-* (ср. славянские языки и древнегреческий), то предположение о балтийском имени прилагательном **kailus* получает большую степень вероятности. Ср. еще прусск. топ. *Caylkaym*: *kails* 'целый' + *caymis* 'деревня' (Gerullis. Apr. ON, 53).

Германские языки. В германских языках наблюдается большое разнообразие основ в различных образованиях. Для имени прилагательного гот. *hails*, др.-в.-нем. *heil*, др.-исл. *heill* 'здоровый, целый', др.-англ. *hāl*, *hǣl* 'целый, цельный, здоровый, невредимый', англ. *hale*, *whole* 'целый', др.-франкск. *hāl*, *hēl*, др.-сакс. *hēl*, швед., датск. *hel*, норв. *heil*, фарэрск. *heilur* и т. д., соответствующего прасл. **cĕlu-*, в немецком этимологическом словаре Ф. Клуге (KEW[17], 297) даются праформы **haila-*, **hailu-*. Основу на *-ŏ* и основу на *-ŭ-* отмечал также А. Иоханнессон (IEW, 175), который, однако, обычно в установлении праформ следует Ю. Покорному. Э. Хелльгвист (Hellqvist. Sv. et. ordb., I, 344) предполагает германскую праформу **haila* = и.-е. **koilo-*. В других доступных нам этимологических словарях германских языков не определяется основа рассматриваемого слова. Можно только указать на основы разных производных от него. Так, например, имя существительное ср. р. др.-исл. *heill* 'благо, счастье, хорошее предзнаменование' восходит к основе на *-s-* **heil-z-a* (AnEW, 218 и PEW, 520); к этой же основе восходят нем. *Heil*, др.-сакс., др.-франкск. *hēl* 'счастье' и др.-англ. *hǣl*. Только в словаре Ф. Клуге (KEW[17], 297—98) отмечена праформа *hailiz*, при этом приводится сравнение с греч. γένος, лат. *genus*, *-eris*. Наряду с *s*-основой в названных словах: в именах существительных женского рода др.-исл. *heili* 'здоровье, безопасность', др.- сакс. *hēli*, др.-в.-нем. *heili* — обнаруживается старая основа на *-i-* (AnEW, 218; Holthausen. Awestn. EW, 109). Как обычно в этих случаях существительному женского рода с *i*-основой в других германских языках соответствует *ŭ*-основа в др.-англ. *hǣlu* 'здоровье, счастье, безопасность, спасение'. С таким же значением, только с дентальным распространением встречается еще одно образование: др.-англ. *hǣlđ-(u)* ж. р. 'здоровье, целение, спасение', которому соответствует др.-в.-нем. *heilida* (см. Holthausen, AeEW, 145). — Касаясь семантики германского имени прилагательного Я. де Фрис (см. AnEW, 218), ссылаясь на Марстрандера (см. NSG, II, 1939, 288) и Порцига (Porzig. Glied., 141), указывает на то, что развитие значения не шло от значения 'целый, невредимый' к значению 'heilvoll', а наоборот, слово в прагерманском принадлежало к слою религиозной лексики. Порциг рассматривает значение в кимрском языке как первоначальное, предполагая переход этого слова из сферы религиозной в общеупотребительную (Gemeinsprache). Остатки культового происхождения этого слова видят в том, что оно употребляется в формулах приветствия, здравицы и т. д. Эти ученые, исходя из семантического анализа, весьма близко подходят к точке зрения Ф. Шпехта о первоначальном сакральном значении рассматриваемого слова. Именно это, по мнению Шпехта (а в этом он идет дальше упомянутых исследователей), отражается и в особых формантах (см. выше).

Греческий язык. Обычно в качестве точного соответствия прасл. **cĕlu* приводится глосса из Гезихия: κοῖλυ· τὸ καλόν 'красота, краса, украшение'. Ф. Шпехт видит в слове κοῖλυ чистую *ŭ*-основу (Specht. Bildung des Femininums, 219). Де Фрис (AnEW, 218) соглашается с Шпехтом, не признавая за ст.-сл. *cĕlъ*, др.-прусск. *kails*,

inslav

кимрск. *coel* ŭ-основы и усматривает ее только в греч. κοῖλο и др.-прусск. *kailūstiskan*. Греческая параллель привлекается многими исследователями, но раздаются и критические голоса. Так, например, С. Фейст (см. Feist. Got. EW³, 233) и В. Кипарский (см. Kiparski. Lehnw., 63) отвергают пример из Гезихия ввиду того, что кельтские факты указывают на и.-е. *-*ai*- (см. Льюис — Педерсен. Кр. ср. грам. кельт. яз., 34), которое противоречит греч. -οι [268]. Фейст допускает, ссылаясь на П. Перссона (см. Persson. Beiträge, 516), сравнение со словами без дифтонга в корне, например, с греч. καλ(F)ός 'красивый', др.-инд. *kályas* 'здоровый'. Нужно еще добавить, что греч. κοῖλο упущено и у Ю. Покорного (PEW, 520).

Кельтские языки. Крупнейший специалист в области кельтологии Ю. Покорный (PEW, 520) считает родственными ст.-сл. *cělъ*, др.-прусск. *kailūstiskan* и гот. *hails*, слова: кимр. *cóel* ж. р. 'предзнаменование'; др.-кимр. *coilou* (мн. ч.) 'относящийся к птицегадателю'; др.-брет. *coel* 'предсказатель, прорицатель'; др.-кимр. *coiliaucc* 'авгур, птицегадатель'; др.-корн. *chuillioc* — то же самое. Др.-ирл. *cēl* 'наблюдение и толкование примет (по полету птиц)' Ю. Покорный, а также С. Фейст, ссылаясь на Х. Педерсена (см.: Pedersen. Vgl. Gr. kelt. Spr., 56), считают заимствованием в виду необъяснимости по законам кельтской фонетики -*ē*-.

Обращает на себя внимание тот факт, что характерное для кельтских слов значение встречается, хотя реже, и в примерах из германских языков (ср., например, др.-анг. *hōel* 'благоприятное предзнаменование, счастье, здоровье'; др.-исл. *heil* 'хорошее предзнаменование, счастье'; др.-в.-нем. *heilisōn* 'наблюдать приметы'), в то время как это, очевидно, более древнее значение в славянских и древнепрусских словах совершенно отсутствует. Это является дополнительным аргументом в пользу исконности славянского имени прилагательного, поскольку в случае его заимствования из германских языков (а таковое в виду общеславянского характера этого слова следовало бы отнести к праславянскому периоду, т. е. к очень раннему времени) определенные следы этого первоначального значения должны были бы иметь место и в славянских языках, чего, однако, не наблюдается. А. Х. Хирт (PBB, Bd 23, 347) именно на основании предполагаемого им полного совпадения значений германских слов, с одной стороны, и славянских и древнепрусских слов, с другой стороны, пришел к ложному выводу о том, что *kailūstiskan* и *cělъ* происходят из гот. *hails*. Даже если допустить, что более древнее значение к предполагаемому Хиртом времени заимствования было уже утрачено в том диалекте, из которого производилось заимствование, или что древнее значение было утрачено в западно-прабалтийском и праславянском бесследно, можно еще возразить Хирту в том смысле, что значения слов германских языков, с одной стороны, и славянских и древнепрусского, с другой стороны, не совпадают. Основным аргументом против заимствования славянских слов из германского следует считать положение, высказанное В. Кипарским (см. Kiparski. Lehnw., 63), что славянское -*c*- (< **k*) никогда не соответствует германскому -*h*- в заимствованных словах. Древнее родство славянских и германских слов, принимаемое большинством ученых (Уленбеком, Бернеке-

[268] Э. Френкель (Fraenkel, 44) отмечает соответствия др.-прусск. *kailūstiskun* 'здоровье' только в греческом, германских и славянских языках. В. Порциг (Porzig. Glied. 141), однако, считает возможным привлечение кельтских фактов, так что до сих пор вопрос о вокализме корневой части исходной формы остается нерешенным (**-ai* или **-oi*).

inslav

ром, Фасмером и др.), не вызывает сомнения. Весьма веским аргументом в пользу наличия древней u-основы в изучаемом слове, прасл. *cělъ < *koilu- (или *kailu-), и его соответствиях в некоторых других, индоевропейских языках является наличие ярких следов *ŭ*-основы в словах, замещающих *koilu- (*kailu-) в ряде других индоевропейских языков. Имеется в виду *solu̯-os, *salu- в лат. *salvus*, *saluos* 'целый, здоровый, спасенный' (*sl̥-eu̯os*, *saluo-*, см. WEWL², 674), греч. ὁλοός < *ὁλεϝός, др.-инд. *sárva-* 'целый, каждый', авест. *haurva-*, др.-перс. *haruva-* 'целый', др.-инд. *sárvatati* 'целостность, благополучие, Heil', греч. атт. ὅλος, ион. οὖλος 'совершенный, целый', лат. *salūs*, *-ūtia* 'сохранение жизни; здоровье, благополучие', которое является отвлеченным именем существительным на *-ti-, соотносящимся со словом *salvus* (WEWL, 674). Ф. Шпехт (Specht. Zur indogermanischen Sprache, 21—22) предполагает наряду с основами *koilo-s, *koilu- основы *solo-s; *solu̯os, *soleuos, из которых последние две являются производными от *ŭ*-основы. Далее, он сопоставляет «северно-индоевропейское» *kailu-t- (*koilu-t-), содержащееся в *kailūstas (*kailut-tas), которое в свою очередь соотносится как имя прилагательное с др.-прусс. *kailūstiskun*, с «южно-индоевропейским» *salū-t-, которое и по своему значению и по своему образованию совпадает с *kail-u-t-. В др.-инд. *sárva-* и греч. οὖλος, ὅλος < *solu̯os он видит производные, образованные от *u*-основы. Ср. еще тох. А *salu*, тох. В *solme*, относящиеся сюда же (Porzig. Glied., 141—142). На сходный способ образования отвлеченных существительных др.-прусск. *kailūstiskun* и лат. *salūs*, *-ūtis*, как уже отмечено, обратил внимание еще Э. Френкель (Fraenkel, 45).

bъrz(d)ъ < *bŭrz- (d)u-.

Прасл. *bъrzъ представлено словами ст.-сл. **брзо** нареч. 'скоро', быстро' (Супр. р.); др.-русск. **бързыи, борзыи** 'скорый, бодрый' (Срезн. Мат., I, 199); русск. *бóрзый* 'быстрый, скорый, огненный, смелый (о лошадях)', *борзóй* 'быстрый, скорый (о собаках)'; укр. *бóрзий*; болг. *бръз* 'быстрый, скорый'; с.-хорв. *бр̑з* 'быстрый'; словен. *bȓz* 'быстрый', *bŕzən* 'прыткий, ловкий, храбрый', *bŕzek* 'прыткий'; чешск. *brzý* 'быстрый', *brzký*[269] 'быстрый', диал. еще 'скорый'; ст.-польск. и диал. польск. *barzo* 'очень, быстро, скоро'; в.-луж. *bórzy*; н.-луж. *bórzë* нареч. (*bъrzě) 'скоро'; полаб. *borz* 'раньше'. Наряду с *bъrzъ, было и *bъrzdъ, ср.: ю.-зап. блр. диал. *борздо* 'борзо' (Карский. Белоруссы, 447) и *борздо* в старинных западнорусских памятниках (цит. по Г. Ильинскому, — см.: РФВ, т. 63, 322—329): **борздо, оу борздѣ** (Четья 1489); **во борздѣ, борздыми, борздо** (Литовские летописи XV—XVI вв.); **борздыи, борздыи, борздо** (Сборн. XVI в. в Позд.); **борздымъ** (Стат. 1588 г.); в Библии Скорины XVI в. рядом с **борзо**. . . чаще **борздо, борздыи, борздои, борзден, борздее, кони борздыа** (Сборн. XVI в. в Син.); ср. еще **борздо** (Шахматов. О полногласии, 35), с.-хорв. *brzdìca* 'поток, быстро несущийся через камни' (Iveković i Broz. Rječnik, I, 109) и польск. *bardzo* с XVI в., нареч. 'очень, скоро, быстро'[270].

Есть еще в южнославянских языках варианты с *-g-*: болг. *бръго*, с.-хорв. *бр̑го* 'брзо'. Э. Бернекер (BEW, 110) считает эти слова новообразованиями к сравнительной степени *брже* 'быстрее' (как *блажи*:

[269] В чешск. *brzký* наряду с *brzý*, *brzo* и в болг. *бръзъкъ* наряду с *бръзъ* (Дювернуа) П. Арумаа (Arumaa. Sur l'hist., 40) рассматривает возможность употребления элемента *-k-* как слабый след распространенного в литовском языке чередования *ŭ*-основ с *ŏ*-основами одного и того же корня.

[270] По мнению Г. Ильинского (указ. соч.), польское слово представляет собой контаминацию слов *barzo* и *barzdo*.

inslav

благ). Но Г. Ильинский (там же) выступает против этого, ссылаясь на лит. *bruzgùs* 'скорый, быстрый, шибкий, подвижной', которое, по его мнению, следует рассматривать как контаминацию лит. *burzdùs* и **burgùs*, соотносительных с *burzdėti* и *burgėti*.

Таким образом, в праславянском имеем следующие три варианта: **bъrzъ*, **bъrzdъ*, **bъrgъ*.

Замечания о первоначальной основе этого имени прилагательного редки. Лишь некоторые исследователи высказались определенно по этому поводу.

В. Махек определяет прасл. **bъrzъ* в своем этимологическом словаре как *ŭ*-основу, родственную греч. βραχύς у лат. *brevis*, восходящим к и.-е. **bṛ́ghú-s* (см. MES, 47). Смысловое различие между славянскими словами, с одной стороны, и греческими и латинскими словами, с другой (последние означают 'краткий'), он старается преодолеть ссылкой на то, что у славян значение индоевропейского слова сузилось и стало употребляться для обозначения краткого отрезка времени. Более подробно Махек эту идею изложил еще в 1937 г. в одной из заметок, посвященных индо-ирано-славянским этимологиям (KZ, Bd 94, 264—265). В этой статье он указывает на то, что ученые обычно по семантическим причинам избегают сравнения слав. *bъrzъ* 'быстрый' с греч. βραχύς, лат. *brevis*, авест. *mərəzu* 'короткий', сюда же Махек относит, ссылаясь на Блоха, ведийск. *múhu* 'внезапно, сразу' (ср. еще *muhuka-*, *muhurta-* 'мгновение') как среднеиндийскую (пракритскую) форму для первоначального **mṛ̥ghu-*. Между тем, в звуковом отношении эти слова, как указывает Махек, подходят друг к другу. Принимая во внимание исключительно временное значение древнеиндийских примеров и то обстоятельство, что авест. *mərəzu-* употребляется в тех местах, в которых значение 'краткий' относится ко времени, привлекая еще согд. *mwrzk* 'короткий (в отношении срока жизни)', Махек устанавливает, что и в славянском это имя прилагательное употреблялось, главным образом, в наречных образованиях типа русс. церк.-сл. **въ бързѣ** 'спешно, наскоро (в короткое время)', чешск. *brzo* 'скоро' — в отношении ко времени. С этой точки зрения, по его мнению, хорошо объясняются глагольные отыменные образования как русск. *борзи́ться*, с.-хорв. *бр̀зати* 'спешить, торопиться' в смысле 'в короткое время что-то делать, прийти'. В дальнейшем, согласно его взгляду, значение этого слова в славянских языках развилось таким образом, что из значения 'в короткое время, готовый' получилось значение 'быстрый, скорый'. Последнее поэтому относительно позднее и, как утверждает Махек, не может быть помехой для сравнения др.-инд. *mṛ̥ghu-* и слав. *bъrzъ*. Ст. Э. Манн (см. его статью «The indo-eur. consonants in Albanien» — «Language», t. 28, стр. 34) сравнивает алб. *brydh* 'крошиться, распадаться', лтш. *birzu* — то же самое, а также алб. *brydh-et* 'крошащийся, рыхлый'[271], лтш. *birz-igs* — то же самое, со ст.-сл. *brŭzŭ* (при этом старославянское слово он определяет как *u*-основу). Ст.-сл. *-z-* и алб. *-dh-* он возводит к и.-е. **ĝh-*. Р. Траутманн (TWb, 40) и Е. Курилович (см. Kuryłowicz. L'acc., 230, 194) тоже рассматривают прасл. **bъrz(d)ъ* как первоначальную *ŭ*-основу. Однако исходным для них является сравнение праславянского слова с точным соответствием из литовского языка, со словом *burzdùs* 'подвижной'. Это сравнение признается многими учеными (см. статью Э. Леви в KZ, Bd 90, 422; Pedersen. — JF, Bd V, 293; Эндзелин, 110; Br. Sł., 16 HKES, 78; PEW, 143; FEW, 57; FEW, I, 107; SES, 27;

[271] Как семантическую параллель ср. чешск. *rychlý* 'скорый, быстрый' и русск. *ры́хлый*.

inslav

Arumaa. Sur l'hist., 83; статью Г. Ильинского в РФВ, т. 63, 322—329). Первоначальное родство славянских и литовского слова подробно доказывает Ильинский, особенно подчеркивают это родство также Фасмер и Славский. Последний отвергает как неубедительные этимологии Розвадовского (см. его статью в RWF, XXVIII, 57), сближавшего *bъrzъ* с др.-инд. *brhánt* 'большой, высокий' и авест. *bərəzant* 'высокий' и Махека (см. его статью в KZ, Bd 94, 264—265).

В других этимологиях — отчасти более старых — отрицается связь славянских слов с лит. *burzdûs* (см. BEW, 109—110; ПЭС, 36; MEP, 46; MES, 46—47). Их либо сближают с греч. βραχύς, лат. *brevis* (Махек и др.), либо сравнивают с лат. *fortis* 'сильный' (Младенов; Зольмсен,— см. его статью в KZ, Bd 37, 575). Наконец, принимая *-z-* в слове *bъrzъ* за продолжение и.-е. **-s-*, это слово возводят к и.-е. **bhr̥sos* (т. е. *ŏ*-основе!) как ступени редукции корня **bhers-* 'торопиться, спешить' (BEW, 110) или, что одно и то же, восстанавливают для лат. *festīnō, -are* 'спешить, торопиться', ср.-ирл. *bras* 'быстрый, бурный', лит. *bruzdùs* 'подвижной', прасл. **bъrzъ* индоевропейскую форму в виде **bheres-* 'быстрый' (PEW, 143), Ф. Шпехт (см. Specht. Urspr., 192) соотносит лит. *bruzdùs* и нераспространенное через *-d-* слав. *brъzo* (**-br̥-zo*) с др.-инд. *bhurâti* 'быстро двигаться'. При этом *-d-*, встречающееся в славянских и литовских словах, объясняется по-разному. Х. Педерсен (см. Pedersen. Das indogermanische *-s-*., 35—36), предполагая группу двух дентальных звуков в славянской праформе, высказывает мнение, что здесь *-d-* отражает и.-е. корень **dhē-*, т. е. перед нами древний композитум. Г. Ильинский (см. его статью в РФВ, т. 63, 322—329) отмечает, что сочетание *-sd-*(*-zd-*) часто встречается в звукоподражательных словах в балтийских языках, а П. Арумаа (см. Arumaa. Sur l'hist.) определяет *-d-* как элемент, распространенный в итеративных глаголах балтийских языков.

Встает вопрос о том, следует ли прасл. **bъrz(d)ъ* рассматривать как древнюю *ŭ*-основу или нет. Казалось бы, очень ярким и частями весьма убедительным исследованием Махека окончательно решен вопрос. Однако даже такое существенное дополнение, как то, которое предложил чешский лингвист, еще не привело к тому, чтобы в лингвистике праславянское **bъrz(d)ъ* рассматривалось как общепризнанное соответствие греч. βραχύς, лат. *brevis*, авест. *mərəzu-* и т. д., восходящим к древнему индоевропейскому имени прилагательному с *ŭ*-основой (**br̥ĝhú-s*). Нам кажется сам методологический подход Махека неправильным, потому что нельзя вывести древнее значение для имени прилагательного прасл. **bъrz(d)ъ* из одной очень специфической формы, принадлежащей к другому морфологическому разряду. Известно, что имена, попадая в разряд наречий, переживают иногда изменения в своей семантике в связи с тем, что они употребляются для характеристики и качества и действия. В их смысловой структуре может наблюдаться нередко передвижение основного стержня с одних оттенков на другие, обобщение многообразия смысловых оттенков. По сравнению с именами наречия, образованные от имен и сближающиеся с другой группой наречий, так называемых «первичных» (в которых уже не ощутима категория, из которой они происходили), в смысловом отношении гораздо более «бледные», абстрактные. Наречия на *-o* являются явно вторичной категорией по отношению к именам прилагательным, от которых они были образованы. Поэтому определение древнейшего значения имени прилагательного, исходя из формы соответствующего ему наречия на -о (формы специфической, отличной от имени прилагательного по своей морфологии и по своему значению,

inslav

формы вторичной) нам представляется недопустимым. Синоним к *bъrzdъ— *skorъ 'быстрый, ловкий', конечно, по своему значению ближе индоевропейским соответствиям, обозначающим быстрое, прыжкообразное движение или производителя его (ср. лит. *skerỹs* 'саранча', лтш. *škirgata*, *šķirgàlis* 'ящерица'; русск. *я-щерица*, греч. σκαίρω 'скачу, прыгаю', ср.-в-нем. *scheren* 'торопиться' — см. VEW, II, 648), чем от этого же имени прилагательного образованное наречие на *-о скоро* 'bald, schnell', выступающее тоже в основном во временном значении.

Очень важным аргументом против сближения рассматриваемых славянских слов с греч. βραχύς, лат. *brevis* является невозможность перехода и.-е. *m- в -b- перед -r- в праславянском языке, как указывает Г. Ильинский (см. его статью в РФВ, т. 63, 322—329).

Для установления *ŭ*-основы в слове *bъrz(d)ъ* серьезным доказательством остается, таким образом, лишь лит. *burzdùs*. Э. Френкель (FEW, 57) рассматривает лит. *burzdùs*, *burzgùs* 'быстрый, живой' как варианты с метатезой к лит. *bruzdùs* 'быстрый, торопливый, спешный', причем последнее слово он ставит в один ряд с глаголами *brũsti* 'доставлять хлопоты, двигаться, возиться' и *bruzdėti* — то же самое. Анализ литовских слов усложняется тем, что к вышеуказанным словам примыкает группа слов звукоподражательного характера, как например, лит. *briaũgzti* 'ерунду говорить, болтать', *bruzgėti* 'шуметь, шуршать, звенеть', *bruzga* 'шуршание, шум', *bružìm(a)s* 'шум', наряду с которыми Френкель приводит лит. *bruzgùs* 'быстрый', сравнивая их с русск. *брюзгáть*, *брюзжáть*. Слова *brũsti*, лит. *bruzdùs*, лтш. *bruzdêt* 'грохотать', лит. *burzdùs*, *burgùs* он определяет как слова с другими детерминативами, но относящиеся к этой же группе. Значения 'быстро что-то делать, спешить' и 'громко делать, шуметь' нередко совмещаются в одном и том же слове, как например, лит. *bruzdinti* 'вызывать шум, суматоху; подымать возню; понукать к работе; спеша с шумом тащить, нести' *bruzdėti* 'шуметь, возиться, волноваться, суетиться, копошиться, гомозиться', *bruzda*, *-os*, *bruzdėjimas*, *bruzdesys* 'шум, возня, движение, суматоха, суета', *bruzdùs* 'суетливый, хлопотливый' (Серейский, 102), *burzdulis*, *-lė* 'бормотун, -нья; непоседа, живчик' (Серейский, 107), 'подвижной, живой, веселый, непоседа, ruchliwy' (Юшкевич. Лит. сл., I, 256). Юшкевич отмечает в своем словаре (там же, 243) еще вариант с *-g-* вместо *-d-* *bruzgùs* 'скорый, шибкий, быстрый, подвижной, вертлявый, живой, суетливый, беспокойный'. Судя по данным «Словаря литовского языка» (см. LKZ, I, 897—903; 904—907; 968; 985—988) нельзя утверждать, что лит. *burzdùs* 'подвижной' (ему точно соответствует прасл. *bъrzdъ) и вариант *bruzdùs* 'подвижной; спешный; заботливый', а также лит. *burgùs* 'подвижной, живой' (ему точно соответствует *bъrgъ: в болг. *бръго*, с.-хорв. *бр̑го*) и вариант *bruzgùs* 'скорый, быстрый, шибкий, подвижной' являются несомненно старыми *ŭ*-основами, так как из древнелитовских памятников они нам неизвестны. Только к лит. *bruzgùs* имеется глагол *bruzgáuti*, *-áuja*, *-ãvo* = *bruzgėti* 'бренчать, брящать, брякать; трещать, грохотать', который был отмечен еще Ширвидасом (Širwyd. Dict., 364) и который, возможно, указывает на *ŭ*-основу.

Звукоподражательный характер корня рассматриваемых слов в восточнобалтийских и славянских языках, а также слабое отражение *ŭ*-основы в материале из древних памятников письменности и, наконец, полное отсутствие соответствующих *ŭ*-основ в других индоевропейских языках существенно отличают данный случай от предыдущих, в которых рассматривались очень древние имена прилагательные с основой на *-ŭ-*. Здесь *ŭ*-основа устанавливается исключительно для

inslav

праславянского и восточнопрабалтийских языков и то с известной долей вероятности.

moldъ < *molo-d-u.

Нельзя считать окончательно решенным вопрос о старой основе праславянского имени прилагательного **moldъ* (ср. ст.-сл. **младъ** 'молодой, нежный, свежий' — Зогр., Мар., Асс., Савв. кн., Супр. р., Новгород. листки; болг. *млад*; с.-хорв. *млâд*, *млáда*; словен. *mlâd*, *mláda*; чешск. *mladý*; в.-луж., н.-луж. *młody*; польск. *młody*; кашуб. *młodo* (Lorentz. Pom. Wb., 508); полаб. *mlûodè*[272], русск. *мóлод*, *молодá*, *мóлодо*; *молодóй*; укр. *молодúй*; др.-русск. **молодыи**). С одной стороны, А. Мейе (Meillet. Ét., II, 237, 244) решительно утверждает, что это слово является регулярной основой на *-ŏ-*. Этот взгляд поддерживают Ю. Покорный (PEW, 718: ст.-сл. *mladъ*, русск. *мóлод* и т. д. < **mlodo-*) и В. Махек (MES, 300), который думает, что и.-е. имя прилаг. **mḷdû-s* в праславянском было изменено в **moldo-s*[273], вероятно, под влиянием слова, близкого по значению **jounos* > *junъ*. С другой стороны, Я. Гебауер (Geb. Hist. ml. j. č., III, 329; Sl. st. č., II, 377) указывает на следы *й*-основы из старочешского языка. Р. Траутманн (TWb, 167), имея в виду ст.-сл. *mladъ*, с.-хорв. *млâд*, чешск. *mlád*, польск. *młody*, русск. *мóлод*, пишет, что они, может быть, являются старыми основами на *-й-*, как показывают др.-чешск. *z mladu* 'с молодых лет', польск. *za młodu* 'в молодости' и русск. *смóлоду*. Г. Мейер (Meyer. Zur Gesch., 78) при анализе др.-инд. *mṛdu-* 'мягкий' и лат. *mollis* < **moldu̯i-s* 'мягкий' приводит в скобках церк.-сл. **младъ** 'нежный', предполагая в нем первоначальную *й*-основу. Ф. Шпехт (Specht. Urspr., 124) рассматривает ст.-чешск. *z mladu*, др.-прусс. *maldū-nin* вин. п. ед. ч. 'молодость' и др.-инд. *mṛdú* 'нежный, мягкий' как *й*-основы. М. Фасмер (VEW, II, 150) также относит русск. *молодóй* к старым *й*-основам, на основании таких форм как русск. *смóлоду*, ст.-чешск. *z mladu* и польск. *za młodu*. В этимологическом словаре И. Голуба и Ф. Копечного прасл. **mol-dъ* также определяется как старая *й*-основа (HKES, 286). И. П. Арумаа (Arumaa. Sur. l'hist., 86) причисляет ст.-сл. *mladъ* к *й*-основам, сравнивая его с др.-инд. *mṛdú-* и выделяя в этих словах суффикс **-du-*. Категорическое отрицание *й*-основы в анализируемом слове А. Мейе, может быть, имеет определенное основание, так как выше приведенные факты из западнославянских языков и русского языка представляют собой наречные образования, а в такого рода выражениях имеют место аналогические случаи *й*-флексии, ср. например, *dolu*, *dolov* по аналогии с *domu*, *domov-*. Однако данные из ряда других индоевропейских языков, указывающие на *й*-основу, и некоторые косвенные доказательства из самих славянских языков заставляют предполагать, что флексия, характерная для древних основ в рассматриваемом слове, очевидно, исконная. Ниже приводятся эти факты.

1. Падежные формы род. п. ед. ч. на *-u*, встречающиеся в застывших наречных выражениях: ст.-чеш. *z mladu* 'смолоду', например: *tru sě z mladu ostřě puči* (Geb. Sl. st. č., II, 377); *za-mladu* (ст.-сл. **замлада**), например: *Tak byl miloztyw zamladu* (Trautmann. Alex., 87)[274].

---

[272] Так у Э. Бернекера (BEW, 71); Х. Хирт (H. Hirt. Die Betonung des Polabischen, 231) приводит *mlâdy*.

[273] К. Х. Мейер (Meyer. Slav. u. idg. Int., 34) дает и.-е. **môldos*, **môldâ*. Е. Курилович (Kuryłowicz. L'acc., 229) указывает на основы на *-o/ā-*.

[274] Вероятно, к этим выражениям из других славянских языков можно еще отнести русск. *смолоду*, русск. диал. *из молоду* (Киреевский. Симб. губ., 165); укр. *зáмолоду* 'замолода' (Сл. р. яз., V, 1471); польск. *za młodu* 'в молодости',

inslav

Одновременно с этим в «Александреиде» встречается форма род. п. ед. ч. *mladeho: czyeſtu czlowyeka mladeho* (там же, 87). Иными словами в старочешском языке, в языке «Александреиды», *u*-флексия в род. п. ед. ч. была уже неживым явлением.

2. Образования с основой на *-en-/-ēn-* и *-ent-* от корня **mold-*, имеющиеся во всех славянских языках (BEW, 71). Древние основы на *-en-/-ēn-* и *-ent-* определенным образом связаны с именами гетероклитического склонения. Как известно, древние индоевропейские имена с основой *-r/l-//-n-*, в свою очередь, находятся в определенных отношениях с древними основами на *-ŭ-*. Кроме прасл. основы **moldēn-*, наряду с **molden-* и **moldent-*, основа на *-en-* сохраняется еще в древнепрусском языке в слове *maldenikis* 'ребенок', что совершенно точно соответствует ст.-сл. *mladenьcь*. Ср. еще др.-прусск. топ. *Maldenekaym*, *Maldenne* с основой **malden-* + *-kaym* (ср. др.-прусск. *caymis* 'деревня'), а также лит. топ. *Maldẽniai* (Gerullis. Apr. ON, 93).

3. Соответствия других индоевропейских языков, отражающие *ŭ*-основу.

1) Др.-инд. *mṛdú-* ж. р. *mṛdví-* 'мягкий, нежный', сравн. степень *mradīyān*, которое Ю. Покорный считает точным соответствием древнеиндийскому слову (Wortgleichung) греч. βλαδύς.

2) Армян. *mełk* 'слабоватый, вялый' из **meldu̯-i*, или **meldwi* < и.-е. **mld̥u-* (Ernout — Meillet, II, 729).

3) Греч. 'αμαλδύνω 'слабею, ослабеваю', которое Ю. Покорный соотносит с греч. именем прил. *(ἀ)μαλδύ-ς, равным др.-инд. *mṛdú-* (см. также TWb., 167; Blumfield. On a case, 90); ср. еще βλαδύς, βλαδαρός 'вялый' с корнем *μλαδ- < и.-е. **mld̥*.

4) Лит. *mollis* 'мягкий, тихий; слабый, кроткий' из **moldu̯-is*, ср. др.-инд. ж. р. *mṛdví-*. Ряд ученых (Вальде, Покорный и др.) предполагает для целой группы латинских имен прилагательных, в том числе и для *mollis*, преобразование *ŭ*-основы под воздействием форм женского рода. А. Вальде (WEWL², 491) приводит, правда, с вопросительным знаком, лат. *molluscus* 'род ореха с очень тонкой и мягкой скорлупой' с якобы не перешедшей в склонение на *-i-*, старой *ŭ*-основой.

5) Др.-прусск. *maldūnin* вин. п. ед. ч. 'молодость', которое Ф. Шпехт (см.: Specht. Urspr., 124) определяет как *u*-основу. В одной статье 1932 г. (см. KZ, Bd 29, 222—223) он утверждает, что отвлеченные имена существительные на *-ū-*, соотносимые с именами прилагательными, были характерны не только для славянских, но и для балтийских языков. По его мнению, *maldūnin* предполагает *ŭ*-основу **maldus*, которая наличествует в др.-инд. *mṛdú-* и в завуалированной форме обнаруживается в греч. ἀμαλδύνω. В. Майд (см. IF, LXII, 3, 269), подобно Шпехту, реконструирует др.-прусск. имя прил. **maldus*, являющееся, по его мнению, исходным для образования имени существительного отвлеченного значения *maldūnin*. Р. Траутманн (см. Trautmann. Apr. Sprd., 375) сравнивает др.-прусск. *maldūnin* 'молодость' с ст.-сл. *grъdynij* 'гордость'. К этому можно еще добавить следующие параллели: прасл. **cĕlu-*, **čĕlū-*, др.-прусск. *kailūstiskan*, ст.-сл. **лѣгъ-къ** — **лѣгыни** (см. выше).

6) Э. Френкель (FEW, 433) указывает еще на возможность связи лит. *apmilvinti* 'прошением усмирять' с греч. ἀμαλδύνειν, так как литовское слово может быть возведено к **apmildvinti*, а лит. **-vin-* < **vən-* и греч. -υν- < **-un-* здесь сравниваются, как лит. *mulvinti* 'покрыть илом' и греч. μολύνειν 'загрязнять, пачкать'. Ср. еще лит. *mulvė* 'тина,

---

кашуб. *z młoda*, *z młodu* или *ꙋod młoda*, *ꙋod młodu* 'смолоду' (Lorentz. Pom. Wb., 508).

inslav

ил' *maulióti* 'пачкаться (от слез)'. Наряду с этой трактовкой он допускает возможность происхождения лит. *apmilvinti* из корней **meld(h)-*, **mel(ə)-*, как лит. *malónė* 'милость, помилование', греч. μείλιχος < *μελνιχος 'мягкий, кроткий'[275].

Из примеров, содержащих другие основы, можно привести: др.-прусск. *maldai* 'молодые' (согласно Р. Траутманну, звательная форма множественного числа мужского рода) и др.-прусск. *maldian* 'жеребенок'; кимр. *blydd* 'нежный, кроткий'; брет. *ble* 'слабый' (из **mlḷdo*, по мнению Ю. Покорного, — PEW, 718); гот. *ga-malteins* 'растворение'; др.-англ. *meltan* 'сплавить' и другие германские соответствия.

Индоевропейский корень рассматриваемых слов является распространенным с помощью элемента *-d-* **mɛl-d-* (Cuny. Ét. prégr., 313), который, согласно предположению Ю. Покорного (PEW, 718), первоначально выступал с *-d-* в формах настоящего времени. Словарь Эрну-Мейе (Ernout-Meillet, 729—730) отмечает *-d-* (или *-dh-*) в др.-ирл. *meldach*, ст.-сл. *mladŭ* и др.-прусс. *maldai*[276]. В более старых работах предполагают композицию **mel-* + **-do-* (Prellvitz. Pr. EW, 17). В ряде слов имеется не *-d-*, а *-dh-*, ср. др.-инд. *mrdhátí* 'ослабляет', греч. μελθακός 'слабенький, нежный, мягкий', гот. *mildeis*, нем. *mild* и т. д. Очень своеобразными, содержащими, очевидно, более древний оттенок значения (ср. и.-е. корень **mel-* 'растирать, раздробить, молоть' и **mel-d-* 'мягкий') словами являются с.-хорв. *млâдине* ж. р. 'мелкое место в море, место, где было наводнение рядом с рекой', словен. *mlaj* 'тина, ил', с.-хорв. *млâдити*, *млâдӣм* 'мять, размягчать (о глинистой почве)' (Schütz. Georg. Term., 78).

Не обязательно предполагать, что произошло изменение корневого вокализма и суффикса прасл. имени прил. **moldo-s* < **mḷdu*, как это делает В. Махек (MES, 300). В праславянском языке имелась, вероятно, целая группа имен прилагательных с *ŭ*-основой, не распространенных суффиксом **-ko-* и не отличавшихся ступенью редукции корневого вокализма (ср. например, *cělú-* 'целый' и т. д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги нашей работы можно свести к следующим положениям:

I. Общим для праславянских имен существительных с основой на *-ŭ-* и для праславянских имен прилагательных с основой на *-ŭ-* является:

1) слоговая структура (двусложное строение);

2) тенденция к исчезновению обеих категорий слов как самостоятельного типа основ;

3) ряд особенностей словообразовательной структуры (параллелизм имен существительных на *-(n)ŭ-* и имен прилагательных на *-(n)ŭ-*, а также основ на *-(t)ŭ-* и, возможно, еще образований на *-(r)ŭ-* и на *-i̯ŭ*);

4) одинаковый способ распространения *ŭ*-основ путем присоединения суффикса **-ko-* (ср. имя существительное *ablъko* и имена прилагательные на *-ъkъ*);

---

[275] Сюда же, ссылаясь на Ф. Шпехта (Specht. Bildung des Femininums, 93) и П. Перссона (Persson. Beiträge, 203), Э. Френкель относит др.-инд. *malva-* 'опрометчивый, глупый, неловкий' и греч. ἀμβλύς 'бессильный, слабый, глупый, тупой, неострый'.

[276] Де Фрис (AnEW, 387), ссылаясь на В. П. Леманна (см. его статью в «Language», t. 18, 1942, стр. 126) объясняет *-dh-* как суффикс, означающий совершенное (произведенное) действие, др.-исл. *mildr* он выводит из основы **meldi̯a-*.

inslav

5) одинаковый тип глагольных производных на *-ovati* (ср. **domъ — *domovati; *soldъkъ — *soldovati*);

6) наличие соотносимости части *й*-основ с глаголами (ср. имя существительное *volъ — valjati* и другие многочисленные имена существительные с *й*-основой или вероятной *й*-основой отглагольного происхождения, с одной стороны, а с другой стороны, имена прилагательные отглагольного происхождения с *й*-основой типа **dьrzъkъ*);

7) отсутствие такой соотносительности (имена существительные **vьɣxu-*, **medu-* и имена существительные, рассмотренные в III разделе, а также имена прилагательные **lьgъkъ*, **tьnъkъ*, **ǫzъkъ*, **cělъ* и т. д.).

Различным у этих двух категорий имен с *й*-основой является корневой вокализм (у имен существительных наблюдается полная ступень с преобладанием *-o-*, ср. **volъ*, **polъ*, **domъ*, **bobrъ*, **borъ*, **olъ* в отличие от имен прилагательных, которые по своему корневому вокализму образуют две группы, являющиеся обе древними: во-первых, слова со ступенью редукции корневого гласного, как например, **dьrzъkъ*, **lьgъkъ*, **tьnъkъ* и др. и, во-вторых, с полной ступенью: **krotъkъ*, **ǫzъkъ*, **soldъkъ*, **moldъ*, **vetъxъ*) и время и интенсивность исчезновения как самостоятельного типа основ (имена существительные исчезают в поздний период праславянского языка, оставляя после себя многочисленные следы, которые в той или иной степени сохранились во всех славянских языках, имена прилагательные, напротив, еще в ранний период праславянского языка перешли в другой тип склонения).

II. Праславянские имена на *-й-* образуют три группы слов: во-первых, имена, имеющие точные соответствия во всех (или почти всех) индоевропейских языках (ср., например, **medu-*, **tĭnŭ-ko-s*); во-вторых, имена, имеющие точные соответствия лишь в некоторых индоевропейских языках (например, **vьɣxu-*, **olu-* и **cělu-*) и, в-третьих, имена, известные только в праславянском (ср., например **polu-*).

III. По той роли, которую играет конечный звук основы, праславянские имена на *-й-* делятся на две группы. Первую группу образуют имена, являющиеся продолжениями индоевропейских *й*-основ (имена существительные, рассматриваемые во II разделе 1-й главы и, возможно, имена прилагательные на *-u̯o-*[277]). В этих образованиях как след бывшего основообразующего звука сохранилось *-u̯-*, выступающее уже в качестве расширителя. Вторая группа составляет собственно *й*-основы. Соответственно этому устанавливаются два периода в развитии *й*-основ в праславянском языке: ранний период (в нем, очевидно, имели место случаи тематизации *й*-основ, а также случаи расширения через **-ko-*) и поздний период (для него характерны именно те случаи, которые рассматриваются под названием «праславянские имена существительные с основой на *-й-*»).

IV. Общепризнанными и несомненными именами существительными с *й*-основой являются шесть слов: **domu-*, **polu-*, **medu-*, **vьɣxu-*, **volu-* и основа на **-(n)й- *synu-*. Мы относим к этой же группе имена существительные с основами **be/obru- (*bьbru-)*, **boru-*, **ilu-*, **ledu-* и **olu-*; основы на **-(n)u-*: **groznu-*, **stanu-*, **činu-* и основы на **-(t)й-*: **voitu* 'ветвь' и **listu-*. К наиболее достоверным праславянским именам прилагательным с *й*-основой, по нашему мнению, принадлежат: **dĭrzu-*

---

[277] См.: Specht. Zur Bildung, 193—204.

inslav

ko-s, **kortu-ko-s*, **ligu-ko-s*, **anĝu-ko-s*, **tinu-ko-s*, **soldu-ko-s*, **veiu-so-s* и **koilu-* 'целый'.

Нам пришлось иметь дело с многочисленной группой вероятных *й*-основ, как например, имена существительные *grozdъ*, *gvozdъ*, *jadъ*, *plodъ*, *rędъ*, *sadъ* и образования на **-(r)u*, **-(r)o?*: *darъ*, *mirъ*, *pirъ*, *žirъ*, а также имена прилагательные **burz(d)ъ* и **moldъ* и др.

К трудно доказуемым случаям принадлежат имена существительные *dolъ*, *dǫbъ*, *grěxъ*, **kortъ* 'раз', *nizъ*, *pьsъ*, *sǫkъ*, *svatъ*, *tъrgъ*, *valъ* и др.

V. По исконности или вторичности основы праславянские имена на *-й-* распадаются на две группы. Приведенные нами в числе несомненных случаев праславянских *й*-основ слова являются все исконными. Но в группе вероятных, не вполне достоверных *й*-основ, а также среди сомнительных случаев праславянских *й*-основ могут находиться как исконные, так и вторичные *й*-основы. Вторичными следует признавать такие слова, которые были заимствованы из других языков (например, ст.-сл. **жидовинъ**, **санъ**, **сынъ** 'башня' и т. д.) или же исконно славянские, относящиеся первоначально к другому типу основ, но изменявшиеся впоследствии по типу основ на *-й-* (например, **dolъ*, **kortъ* — *o*-основы; образования с суффиксом *-tъkъ* типа *polutъkъ*, которые нельзя рассматривать как распространенные через **-ko-* **(tй)*-основы, и др.).

VI. По своей семантике праславянские имена с основой на *-й-* не представляют единой группы слов. Попытки вывести из праславянских имен с *й*-основой какую-то одну или несколько семантических групп нельзя считать удачными. Не находят подтверждения на славянском материале ни «теория парности» Кюни, ни «сакральная теория» Шпехта, ни гипотеза Трубецкого о том, что славянские имена прилагательные на *-ъkъ-* обозначают что-то маленькое, приятное. Что касается семантических классификаций, выдвинутых только для славянских имен существительных с *й*-основой (Шахматов, Унбегаун), то и они оказываются узкими и неудовлетворительными.

Группа имен с *й*-основой в праславянском языке отличалась, как мы видели, большой разнородностью состава. Все слова, относящиеся к этой группе, как правило, были весьма употребительными. Благодаря этой разнородности влияние слов с древней *й*-основой могло охватить многие и различные элементы языковой структуры. Если еще учесть употребительность праславянских имен с основой на *-й-* и их не такое уж малое количество (около двух с половиной десятков несомненных случаев), то становится ясной та роль, которую некогда играли имена с основой на *-й-* в праславянском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анучкин. Мат. — В. Анучкин. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд, Енисейской губернии. — «Изв. Красноярского продотдела РГО», 1902, вып. 6.

Байкоў. Белар. — М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1926.

Бенвенист. Им. сл. — Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Богораз. Обл. сл. — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, т. 68, № 4. СПб., 1901.

Боднарский. Сл. геогр. назв. — М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., 1954.

Будилович. Анализ — А. Будилович. Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения, т. I. Нежин, 1877.

inslav

Будилович. Перв. сл., ч. I — А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикологии, ч. I—II. Нежин, 1878—1879.
Булаховский. Деэтимологизация — Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. — «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. I. М., 1949.
Вайан. Руководство — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
Н. Ван-Вейк. Ист. ст.-сл. яз. — Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957.
Вейсманн. — А. Д. Вейсманн. Греческо-русский словарь. СПб., 1879.
Волост., IV — Волости и важнейшие селения европейской России по данным обследования, произведенного статистическим учреждением Министерства внутренних дел по поручению статистического совета, вып. IV; СПб., 1883; вып. VI; СПб., 1885.
Волоцкий. Рост. гов. — В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губернии) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1903.
Вост. — А. Х. Востоков. Словарь церковно-славянского языка, т. I—II.— «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий», т. IV. СПб., 1858; т. VI. СПб., 1861.
Герасимов. Сл. череп. гов. — М. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3. СПб., 1910.
Геров — Н. Геров. Рѣчник на българскый язык съ тлъкуваниѥ рѣчиты на български и на русски, т. I—V. Пловдив, 1895—1904.
Горяев. Дополнения — И. В. Горяев. Дополнения и поправки к сравнительному этимологическому словарю русского языка, изд. 1896. Тифлис, 1901.
Грінченко. — Б. Д. Грінченко. Словарь української мови, т. I—IV. Київ, 1907—1909.
Грот Я. К. — Грот. Дополнения к словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. 7, № 10. СПб., 1870.
Даль. — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
Даукша. Катехизис — Литовский катехизис Н. Даукши. По изд. 1595 г. вновь перепечатан и снабжен объяснениями Э. Вольтером. СПб., 1886.
Дечев — Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952.
Дравниак. Русск.-лтш. сл. — Я. Дравниак. Русско-латышский словарь. Рига, 1913.
Дювернуа. — А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. 1—9. М., 1885—1889.
Елезовић. Речн. кос.-мет. — Г. Елезовић. Речник косовско-метохиског диалекта, свеска прва. Београд, 1932; свеска друга. Београд, 1935.
Елизаровский. Лексика — И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.
Зеленин. Отчет — Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. С приложением статьи: Дополнительные и критические замечания о вятской лексике. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 2. СПб., 1903.
Записки ИАН — П. В. Шейн. Дополнения и записки к Толковому словарю Даля.— «Записки имп. Академии наук», т. XXII, кн. 2. СПб., 1873.
Иванов. О значении хеттского языка — В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЯ, вып. 2. 1957., стр. 2—28.
Иванов. Др.-инд. *asram* — В. В. Иванов. Др.-инд. *asram* 'слеза, кровь' и хетт. *ešḫaḫiu* 'слезы'. — Сб. «Езиковедски исследования в чест. на акад. С. Младенов». София, 1957.
Ильинский. Остатки склонения — Г. А. Ильинский. Остатки склонения имен на -й- среднего рода в славянских языках. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902, стр. 9—15.
Исаченко. Слвц.-русск. сл. — А. В. Исаченко. Словацко-русский словарь (A. V. Isačenko a D. Kollár. Slovensko-ruský slovník. Bratislava, 1959).
Ізюмов. Р.-укр. сл. — О. Ізюмов. Російсько-український словник. Київ—Харьків, 1930.
Караџић. — В. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Изд. 4. Београд, 1935.
Караулов. — М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. Материалы для этнографии Терской области. СПб., 1902.
Каринский. Язык Пскова — Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
Карский. Мат. — Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. 6. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 1. СПб., 1910.

inslav

Карский. Белорусы. — Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. Язык белорусского народа. Варшава, 1911.
Киреевский. Симб. губ. — П. В. Киреевский. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874.
Кирич. — Украинско-русский словарь, т. I. Под ред. И. И. Кириченко. Киев, 1953.
Кульбакин. Др.-церк.-сл. яз.[2] — С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Изд. 2. Харьков, 1913.
Льюис—Педерсен. Кр. ср. грам. кельт. яз. — Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
Ляпунов. Этимол. исслед. — Б. М. Ляпунов. Этимологические исследования в области древнерусского языка. М., 1917.
Малинин. Лат.-русск. сл. — А. М. Малинин. Латинско-русский словарь. М., 1952.
Мат. — Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий, т. 1—6. Изд. II отделения имп. Академии наук. СПб, 1854—1861; т. 7. «Известия ИАН по Отделению русского яз. и словесности», т. X. СПб., 1861—1863.
Мат. сессии — Материалы первой научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1958.
Мат. терм. — Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. Под ред. Б. А. Грекова. М.—Л., 1937.
Машт. Днепр. — П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
Машт. Днестр. — П. Л. Маштаков. Список рек бассейнов Днестра и Буга (южного). Пг., 1917.
Мейе. Введение — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938.
Мейе. Общсл. яз. — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
Миртов. Донской сл. — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Мотовилов. Симбирск. молвь. — А. Мотовилов. Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. — Сб. ОРЯС, т. 4, № 4. СПб., 1888.
МТР — С. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. I. София, 1951.
Мука — Э. Мука. Словарь нижне-лужицкого языка. Пг., 1921.
Нидерле — Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956.
Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Обнорский. Им. скл., 1 — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число Л., 1927.
Олонецк. обл. сл. — Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1870.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. Изд. II отделения имп. Академии наук. СПб., 1852.
Остр. ев. — Остромирово евангелие 1054—1057 гг. с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изд. А. Востоковым. СПб., 1843.
Подвысоцкий. Сл. обл. арханг. нар. — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Поржезинский. Ср. гр. сл. яз. — В. Поржезинский. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 1914.
Речн. съвр. — Речник на съвременния български книжовен език. Главен. ред. С. Романски, т. 1—3. София, 1955—1959.
Селищев. Ст.-сл. яз. — А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I—II. М., 1951—1952.
Серейский. — Б. Серейский. Литовско-русский словарь. Ковно, 1932.
Сл. р. яз. — Словарь русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук, т. I—VI, VIII, IX. СПб., 1891—1929.
Сл. церк.-сл. и р. яз. — Словарь церковнославянского и русского языка, т. I—IV. СПб., 1847.
Смоленск. обл. сл. — В. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Соб. Лекц. — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907.
Соболевский. Беседы — А. И. Соболевский. Беседы папы Григория Великого. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910.
Соболевский. Сл. мат. — А. И. Соболевский. Словарный материал, извле-

inslav

ченный из Никодимова Евангелия по Софийскому списку XIV в. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910.
Сп. нас. м. — Списки населенных мест Российской империи. Составлены и изданы Центральной статистической комиссией Министерства внутренних дел. СПб., 1861—1885.
Срезн. Мат. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I (А—К). СПб., 1893; т. II (Л—П). СПб., 1895; т. III (Р—W и Дополнения). СПб., 1903.
Стоянов. Ст.-бълг. яз. — М. Янакиев и Ст. Стоянов. Старобългарски език. София, 1956.
Тимченко. — Е. Тимченко. Історичний словник українського язика, т. I. Харків — Київ, 1930.
Тиханов. Брянский говор — И. Н. Тиханов. Брянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 4. СПб., 1804.
Толстой — И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Трубачев. История — О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
Трубачев. Происхождение — О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
Туп. — И. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1903.
Филин. Лекс. — Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнейшей эпохи. Л., 1949.
Флор. Лекц. — Т. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию, ч. 1—2. Киев, 1895—1897.
Фридрих. Кр. гр. хетт. яз. — И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
Хроника И. Малалы — Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Изд. В. Истрина, кн. 6—9, 11—18. СПб., 1911—1914.
Щайжин. Олонецк. обл. нар. — Н. С. Шайжин. Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении. Петрозаводск, 1907.
Шахматов. Курс, III — А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. III. СПб., 1910—1911.
Шахматов. О полногласии — А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Полногласие. СПб., 1903.
Эндзелин — И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
Юшкевич. Лит. сл. — А. Юшкевич. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках, вып. 1. СПб., 1897; вып. 2. СПб., 1904; вып. 3. Пг., 1922.

II

Alminauskis. Germ. Lit. — K. Alminauskis. Die Germanismen des Litauischen, Teil I. Die deutschen Lehnwörter im Litauischen. Leipzig, 1934.
AnEW — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Lieferung 1—7. Leiden, 1957—1959.
Ar. T. — P. Arumaa. Litauische mundartliche Texte aus dem Vilnagebiet. Dorpat, 1930.
Arumaa. Sur l'hist. — P. Arumaa. Sur l'histoire des adjectifs en -*u* en baltoslave. Årsbok, 1948—1949. Lund, 1951.
Barth. Airan. Wb. — Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
Bartoš — F. Bartoš. Dialektický Slovník moravský. Praha, 1906.
Bezl. — F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I. Del (A—L). Ljubljana, 1956.
Blumfield — M. Blumfield. On a case of suppletive Indo-European suffixes. — «Language», vol. I, № 3, 1925, стр. 88—95.
Bois. Dict. ét. — E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la Langue Greque, ed. 4. Heidelberg, 1950.
Br. Sł. — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Brugmann. KVC — K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904.
Brückner — A. Brückner. Rezension über R. Trautmanns Baltisch-Slavisches Wörterbuch. — ZfslPh, Bd 4, H. 1—2.
Būga. Aist. Stud. — K. Būga. Aistiški studijai, I. St. Petersburg, 1908.
Būga. KS — K. Būga. Kalba ir senove. I. dalis. Kaunas, 1922.
Būga. Rinkt. r. I, II — K. Būga. Rinktiniai raštai, I. tomas. Vilnius, 1958; II tomas. Vilnius, 1959.
Chojn. — W. Chojnacki. Słownik polskich nazw mejscowość w B. Prusach wschodnich i na obszarze wolnega miasta Gdańska. Poznań, 1946.

inslav

Clozianus — Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník Tridentský a Innsbrucký k vydání připravil A. Dostál. Praha, 1959.
Cuny. Ét. prégr. — A. Cuny. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indoeuropéennes et chamito — sémitiques. Paris, 1924.
Daukša. Postilla — Daukšos Postile. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
Diels. Alsl. Gr. — P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch, Teil I: Grammatik. Heidelberg, 1932; Teil II: Ausgewählte Texte und Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, red. J. Balčikonis ir kit. Vilnius, 1954.
Endzelin. Lett. Gr. — J. Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922; Heidelberg, 1923.
Enchirid(ion) — Der kleine Katechismus Luthers. Deutsch und Preußisch, 1961.
Ernout — Meillet — A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de langue latine, 3-e édition, t. I (A—L), t. II (M—Z). Paris, 1951.
Feist. Et. Wb. — S. Feist. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, 1. Auflage. Halle, 1909.
Feist. Got. EW — S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache mit Einschluss der Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen, 3. Auflage. Leiden, 1939.
Fick. Vgl. Wb. — A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1874—1876.
Fowkes — R. A. Fowkes. The Phonologie of Gaulish. — «Language», vol. 16, № 4, 1940.
Franck — Van-Wijk, Ned. EW — Franck's Etimologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal. Tweede Druk door Dr. N. Van-Wijk. 's — Gravenhage, 1912 (onveranderde herdruk 1949).
Fraenkel — E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1950.
Friedrich. Heth. Wb. — J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952.
Gauthiot — Gauthiot. Le Parler de Bucvidze. Paris, 1903.
Geb. Hist. ml. j. č., III — J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Díl 3 (Tvarosloví: 1. Skloňování). Praha, 1896.
Geb., Sl. st. č. — J. Gebauer. Slovník staročeský. Díl I—II. Praha, 1903—1916.
Gerullis, Apr. ON — G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922.
Grdr., Bd. II, T. 1 — K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Teil 1. Straßburg, 1906; Teil II. Straßburg, 1911.
Hellqvist. Sv. et. ordb. — E. Heelqvist. Svensk etymologisk ordbok, I—II. Lund, 1957.
Hirt — H. Hirt. Die Betonung im Polabischen. Leipzig, 1896.
Holder. Acelt. Sprachsch. — A. Holder; Altceltischer Sprachschatz, Bd. I—III. Leipzig, 1891—1907.
Holthausen, AeEW — F. Holthausen. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
Holthausen. Awestn. EW — F. Holthausen. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen (Altnorwegisch-isländischen) einschließlich der Lenh-und Fremdwörter sowie der Eigennamen. Göttingen, 1948.
Hoops, RL — Reallexikon der germanischen Altertumskunde, herausgegeben von J. Hoops, 4 Bd. Strassburg, 1911—1919.
Ivekovič i Broz. Rječnik — F. Ivekovič — J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Jakubaš — F. Jakubaš. Hornjoserbsko — němski słownik. Budyšin, 1954.
Janežič, Sl.-dtsch. — A. Janežič. Slovenisch-deutsches Handwörterbuch. Klagenfurt, 1883.
Janko. Pravěk — J. Janko. O pravěku slovanském. Praha, 1912.
Jánošík — Jóna — A. Jánošík a E. Jóna. Slovník spisovného jazyk slovenského. Turčiansky Svätý Martin, 1946.
JEW — A. Jóhanesson. Islandisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1954.
Jordan. Num. — J. Jordan. Nume de locuri românești in Republika Pobulără Română, vol. I. Bukureşti, 1952.
Kalina. Sł. niem.-polsk. — P. Kalina. Słownik podręczny Niemiecko-polski (cz. I); Polsko-niemiecki (cz. II). Warszawa, 1956.
Karł. Sł. gw. — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—VI, 1901—1911.
Kazlauskas — J. J. Kazlauskas. Daiktavardžių (i) u linksniavimo nykimas. — «Lietuvių kalbotyros klausimai», t. II. Vilnius, 1959, стр. 17—45.
Kiparski. Lehnw. — V. Kiparski. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem

inslav

Germanischen. — «Annales Academie Scientiarum Fennicae», Serie B, Bd 32, № 2. Helsinki, 1934.
Kluge. Urgermanisch — F. Kluge. Urgermanisch. Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte. Straßburg, 1913.
Kniezsa — J. Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövényszavai, I. Budapest, 1955.
Krahe. Spr. u. Vorz. — H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
Krahl — J. Krahl. Hornjoserbski přiručny slownik. Budyšin, 1920.
Kühnel. Sl. On u. FN — P. Kühnel. Die slavischen Orts-und Flurnamen der Oberlausitz, H. 1—5. Leipzig, 1891—1899.
Kurschat. Dtsch.-lit. Wb. — F. Kurschat. Wörterbuch der littauischen Sprache. Teil I: Deutsch-littauisches Wörterbuch, Bd. I. Halle, 1870—1874.
Kurschat. Lit.-dtsch. Wb. — F. Kurschat. Wörterbuch der littauischen Sprache. Teil II: Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle, 1883.
Kuryłowicz. L'acc. — J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Ed. I, 1952 (L'acc.[1]); Ed. II, 1958 (L'acc.[2]), Wrocław—Kraków.
Lehr-Spławiński. Gram. połab. — T. Lehr-Spławiński. Gramatyka Połabska. Lwów, 1929.
Leskien. Die Decl. — A. Leskien. Die Declination im Slavisch-Baltischen und Germanischen. Leipzig, 1875.
Leskien. Bildg. Nom. — A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
Leskien. Gr. abg.[2-3] — A. Leskien. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1919.
Leskien. Handbuch[6] — A. Leskien. Handbuch der altbulgarischen Sprache, 6. Auflage. Heidelberg, 1922.
Linde, I, III — S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. I (A—E). Lwów, 1854; t. III (N—O). Lwów, 1857.
LKRŽ — Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Kaunas, 1948.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Redegavo J. Balčikonis, t. I (A—B). Vilnius, 1941; t. II (G—F). Vilnius, 1947.
LKŽD — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
Lorentz. Pom. Wb. — F. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch. Berlin, 1958.
Łoś. Gram. — J. Łoś. Gramatyka polska, I—III. Krakow, 1922—1925, 1927.
Meid. Zur Dehnung. — W. Meid. Zur Dehnung praesuffixaler Vocale in sekundären Nominalbildungen. — IF, Bd 62, H. 3, 1956.
Matl. Abstraktní význam — A. Matl. Abstraktní význam u nejstarších vrstev slovanskich substantiv kmenů souhlaskových. — «Studie a prace linguisticke k šedesátým narozeninám akad. B. Havranka». Praha, 1954.
Mayrhofer Al. EW — M. Manfred Mayrhofer. Kurzgefastes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Haidelberg (seit 1953).
Machek. Slovanské jmeno — V. Machek. Slovanske jmeno piva olъ. — «Slavia», roč. VIII, seš. 2, стр. 209—217.
Meillet. Et., I, II — A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, t. I—II. Paris, 1902—1905.
Meillet. — MSL, t. 20 — A. Meillet. Les vocatifs slaves du type mǫžu. — MSL, t. 20, 1918, стр. 95—102.
Meillet. Les dial. i.-e. — A. Meillet. Les dialectes indoeuropéens. Paris, 1922.
Meillet. — MSL, t. 23 — A. Meillet. Armenien barjr. — MSL, t. 23. Paris, 1923, стр. 328.
Meyer. Zur Gesch. — G. Meyer. Zur Geschichte der indogermanischen Stammbildung und Declination. Leipzig, 1875.
Mayer. Alb. Wb. — G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.
Meyer. Slav. u. idg. Int. — K. H. Meyer. Slavische und indogermanische Intonation. Heidelberg, 1920.
Meyer. Hist. Gr. d. russ. Spr. — K. H Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache, Bd I. Bonn, 1923.
Mikkola. Slav. Lehnw. — J. J. Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in der westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1894.
Mikkola. Ursl. Gr. — J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik, 3. Teil. Heidelberg, 1913—1950.
Mikl. Radices. — F. Miklosich. Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae, 1845.
Mikl. Bildg. ON — F. Miklosich. Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. Wien, 1864.
Mikl. Lex. — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

inslav

Mikl. Vgl. Gr. — F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875; Bd. III. Vergleichende Wortbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1876.
MJČ — A. Profous. Mistni jména v Čechach, jejích vznik, původní vyznam a změny, Dil I (A—H). Praha, 1954.
Moszyński. Pierw. zasiąg — K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957.
Mühlenbach — Endzelin — K. Mühlenbach. Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, 4 Bd. Riga, 1923—1925.
Murko. Dtsch.-slov., slov.-dtsch. — A. J. Murko. Slowenisch-deutsches und deutsch-slovenisches Handwörterbuch. Deutsch-slowenischer Teil. Gratz, 1833.
Nahtigal. Akz. — R. Nahtigal. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
Nahtigal. Slov. jez. — R. Nahtigal. Slovanski jeziki, 2. izd. Ljubljana, 1952.
Nesselm. Lit. Wb. — G. H. F. Nesselmann. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851.
Parrot. Versuch — J. L. von Parrot. Versuch einer Entwiklung... der bürgerlichen Verhältnisse... Sprache... der Liwen, Latten, Eesten. Berlin, 1839.
Pedersen. — IF, — H. Pedersen. Das indogermanische *-s-* im Slavischen. — IF, Bd. V, 1885, стр. 35—36.
Pedersen. Vgl. Gr. kelt. Spr. — H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, 2 Bd. Göttingen, 1903—1913.
Persson. Stud. Wz. — P. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891.
Persson. Beiträge — P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912.
Petersson. Stud. — H. Petersson. Studien über die indogermanische Heteroklise. Lund, 1921.
Pleteršn., Wb. — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, prvi del (A—O). Ljubljana 1894; drugi del (P—Z). Ljubljana, 1895.
Porzig. Glied. — W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
Pott. Die Zig. — A. F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Halle, 1844.
Prellwitz. Pr. EW. — W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache mit besonderer Berücksichtigung des Neuhochdeutschen und einem deutschen Wörterverzeichnis. Göttingen, 1892.
Radloff. Wb. — W. Radloff. Versuch eines Wörterbuches der Türkdialekte, 4 Bd. St. Petersburg, 1893—1911.
Ramułt. Sł. — St. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków. 1893.
Rječn. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Dio I—VI. Zagreb, 1880—1910.
Rost. Polab. Spr. r. — P. Rost. Die Sprachreste der Dravåno-Polaben im Hannoverschen. Leipzig, 1907.
Ruhig. Wb. — Ph. Ruhig. Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon. Königsberg, 1747.
RWF — Rozprawy Akademii Umiejętności (w Krakowie). Wydział Filologiczny. Kraków.
Rysiewicz — Z. Rysiewicz. Z morfologii przymiotników w bałtyckim i słowiańskim. Formacje z sufiksem *-ko-*. — «Studia Językoznawcze». Wrocław, 1956, стр. 101—110.
Sadnik—Aitzetmüller — L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. 's-Gravenhage und Heidelberg, 1955.
Schmidt. Lit. nominals — J. Schmidt. Über das litauische nominalsuffix *-u-*. — «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen, herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher», Bd. IV. Berlin, 1865.
Schmidt. Vok. — J. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vokalismus, 2 Bd. Weimar, 1871—1875.
Schmidt. Pluralb. Neutra — J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
Scholvin — R. Scholvin. Zur Deklination der *u*-Stämme. — AfslPh, Bd II, H. 3, стр. 482—569.
Schrader. Rl. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2. Auflage, Bd. 1—2. Straßburg, 1917—1929.
Schütz. Geogr. Term. — J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
Schwytzer. Gr. Gr. — E. Schwytzer. Griechische Grammatik auf der Grundlage

inslav

von K. Brugmanns Griechischer Grammatik, I. Bd: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung. Flexion. München, 1939.
Sereiskis — B. Sereiskis. Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1932.
SES — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I (a—j). Kraków, 1952—1956; t. II, zesz. I (6) (k-kaznodzieja). Kraków, 1958.
LKŽD — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodzių daryba. Vilnius, 1943.
Skardžius — P. Skardžius. Baltisches. — ZfslPh, Bd XXVII. H. 1, 1958.
Sł. j. p. — Słownik języka polskiego pod red. J. Karłowicza etc., t. I, II. Warszawa, 1900—1902.
Slov. j. st.-sl. — Slovník jazyka staroslovenského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). Československá Akademie věd., seš. 1 (*a*-). Praha, 1958; seš. 2 (uvod). Praha, 1959; seš. 3 (дѣвѣ богородитьно). Praha, 1959.
Sł. st. p. — Polska Akademia nauk. Słownik staropolski, t. I (zesz. 1—6), t. II (zesz. 1, 3, 5, 7). Warszawa, 1953—1959.
Sommer. Handb. lat. — F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902.
Specht. Bildung des Femininums. — F. Specht. Bildung des Femininums der *u*-Stämme im Griechischen. — KZ, Bd 59, 1932, стр. 126—131.
Specht. Die Flexion — F. Specht. Die Flexion der *n*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes (214—276) + Exkurs «Der Gebrauch von adjektivischem-us als Femininum im Litauischen» (276 ff.). — KZ, Bd 59, 1932.
Specht. Zur indogermanischen Sprache — F. Specht. Zur indogermanischen Sprache und Kultur. — KZ, Bd 64, 1937, стр. 3—23.
Specht. Zur Bildung. — F. Specht. Zur Bildung der adjektivischen *u*-Stämme. — KZ, Bd 65, 1938, стр. 193—204.
Specht. Urspr. — F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
Stender-Petersen. Sl. g. Lehnw. — A. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927.
Širwyd. Dict. — K. Širwyd. Dictionarium trium linguarum. Vilnius, 1713.
Thomsen. Beröringer — V. Thomsen. Beröringer mellen de finske og de baltiska (litauisk-lettiske) Sprog. Køenhavn, 1890.
Trautmann. Apr. Sprd. — R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
Trautmann. Alex. — Die alttschechische Alexandreis. Mit Einleitung und Glossar, herausgegeben von Dr. R. Trautmann. Heidelberg, 1916.
TWb. — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Trautmann. Pers. N. — R. Trautmann. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
Troubetzkoy — N. Troubetzkoy. Les adjectifs slaves en *-k-*. — BSL, t. 24, fasc. I (Num. 73). Paris, 1923, стр. 130—137.
Uhlenbeck Ai. et. Wb. — C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—99.
Ulmann. Lett.-dtsch. Wb. — C. Ch. Ulmann. Lettisches Wörterbuch, I. Teil. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1872.
Ulmann. Dtsch.-lett., Wb. — C. Ch. Ulmann. Lettisches Wörterbuch, II. Teil. Deutsch-lettisches Wörterbuch. Riga, 1880.
Unbegaun. LR. — B. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle. La flexion des noms. Paris, 1935.
Vaillant. Les adjectifs — A. Vaillant. Les adjectifs slaves en-uku-. — BSL, t. 31. fasc. 1—3. Paris, 1931, стр. 43—46.
Vaillant. Gr. comp., t. I, t. II, part 1; part 2. — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon—Paris 1950; t. II Morphologie, part 1. Flexion nominale; part 2. Flexion pronominale. Lyon—Paris, 1958.
Vondrak. Vgl. Gr.[1] — W. Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, 1. Auflage, Bd. I—II. Göttingen, 1906—1908.
Vondrak. Vgl. Gr.[2] — W. Vondrak Vergleichende slavische Grammatik, 2. Auflage, Bd. I—II. Göttingen, 1924—1928.
Vondrak. — KZ — W. Vondrak. Slavische Akzent- und Qualitätsstudien. — KZ, Bd. 41, 146.
WEWL — A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Auflage. Heidelberg, 1910.
W. u. S. — Wörter und Sachen, kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. Heidelberg.
Zubatý. — AfslPh — J. Zubatý. Zu den Femininbildungen auf *-yńi*. — AfslPh, Bd XXV, 1903, стр. 355—365.
Zubatý. Studie I, II — J. Zubatý. Studie a články. Praha, 1945—1954.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

В. В. Мартынов

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Генетически соотносимые слова, зафиксированные в двух территориально близких языках и не имеющие соответствий в других родственных, называют ареальными лексическими изоглоссами. Этот термин нельзя считать удовлетворительным прежде всего потому, что генетическая соотнесенность таких слов в большинстве случаев проблематична, а следовательно, понятие ареальные лексические изоглоссы теряет свою определенность. Теоретически наличие подобного рода словарных пар может быть объяснено пятью различными условиями.

1. Слово возникло в языке А и проникло в язык В в результате языковых контактов и пограничного двуязычья. 2. Слово возникло в языке В и проникло в язык А в результате языковых контактов и пограничного двуязычья. 3. Слова возникли в языках А и В независимо и уподобились друг другу на основе близости языковых моделей А и В. 4. Слово языка А и соотносимое с ним слово языка В непосредственно продолжают слово праязыка, рефлексы которого в других языках данной языковой семьи исчезли. 5. Слово языка А и слово языка В разного происхождения, а их фоносемантическая близость — случайное совпадение.

Исследовательская практика с достаточной очевидностью показывает, что условия 3, 4, 5 обнаруживаются значительно реже, чем условия 1 и 2. Между тем, в области славяно-германистики изучалась, главным образом, генетическая соотнесенность славянских и германских слов, не имеющих параллелей в других индоевропейских языках (или имеющих параллели в балтийских языках)[1], и проблема относи-

[1] См.: C. C. Uhlenbeck. Die lexikalische Urverwandschaft des Balto-Slavischen und Germanischen. Leiden—Leipzig, 1890; Ph. Scherer. Germanic-Balto-Slavic Etyma.— «Supplement to Language», 1941, vol. 17, № 1; Е. Георгиев. Балто-славянско-германское родство. — «Известия на семинара по славянска филология при университета Свети Климент Охридски в София», кн. VIII, 1941; В. Георгиев. Балто-славянский, германский и индо-иранский.— «IV Международный съезд славистов. Славянская филология», вып. 1. М., 1958. Специальный раздел книги В. Кипарского «Die gemeinslavischen Lehnwörter aus der Germanischen» (см. «Annales Academie Scientiarum Fennicae», Serie B, Bd. 32, № 2, Helsinki, 1939) посвящен рассмотрению славяно-германских пар, которые автор считает генетически тождественными. Однако А. Стендер-Петерсен в рецензии на книгу В. Кипарского (см. ZfslPh, Bd XIII, 1936, стр. 255) обратил внимание на недоказуемость генетического тождества ряда примеров.

inslav

тельно поздних германских заимствований в славянских языках[2]. Такая направленность исследовательских работ в данной области объяснялась тем, что многие ученые, основываясь на внелингвистических данных, полагали, что в период до I—II вв. н. э. славяне и германцы не имели непосредственных территориальных контактов и что, следовательно, сама постановка вопроса о лексических взаимопроникновениях древнейшего периода недопустима. К сожалению, за исключением В. Махека и В. Рудницкого[3], исследователи, отстаивающие древнейшую локализацию славян в бассейнах Вислы и Одры, т. е. в условиях возможности непосредственного территориального контакта с германцами, также не касались этого вопроса.

Между тем, в случаях принятия гипотезы о висло-одрской прародине славян в неизбежной связи с ней вновь встает проблема славяно-германских лексических изоглосс. Причем, на этот раз первостепенную важность приобретает возможность установления славяно-германского лексического взаимопроникновения древнейшей поры.

Мы уже не раз обращали внимание на недопустимость смешения двух типов лексического взаимодействия языков: проникновения и заимствования[4]. Проникновение предполагает в качестве необходимого и достаточного условия территориальную смежность и пограничное двуязычье. Заимствование предполагает в качестве необходимого и достаточного условия, культурное влияние и экспорт—импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни). Такое разграничение объекта исследования имеет важные последствия двоякого рода. Во-первых, лексическое проникновение и территориальная смежность взаимно обусловлены (чего нельзя сказать о лексическом заимствовании), а следовательно, если удается разграничить эти два типа лексического взаимодействия языков, то тем самым мы получаем в наше распоряжение важный инструмент определения территориальной смежности контактирующих языков. Во-вторых, лексическое проникновение, в силу того, что оно не связано с экспортом—импортом реалий, позволяет исследователю шире применять методы внутренней (структурной) лингвистики.

В настоящей работе, помимо традиционных методов определения источника лексического проникновения, мы пользуемся методом анализа семантических микроструктур[5].

---

[2] См. библиографию вопроса в ст.: В. В. Мартынов. К лингвистическому обоснованию гипотезы о висло-одрской прародине славян. — ВЯ, № 4, 1961; его же. Проблема славянских лексических проникновений в германский праязык. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 23, 1962.

[3] См.: V. Machek. Quelques mots slavo-germaniques. — «Slavia», roč. XX, seš. 2—3, 1951; XXI, seš. 2—3, 1953; M. Rudnicki. Prasłowiańszczyzna Lechia-Polska. Poznań, 1959; M. Rudnicki. Szkice z kultury lechickiej. — SO, t. XX, 1. 1960.

[4] U. Weinreich. Languages in contact. New-York, 1953, стр. 53—60; K.-H. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle (Saale), 1951, стр. 57—58; L. Deroy. L'emprunt linguistique. Paris, 1956, стр. 69, 70; В. В. Мартынов. — «IV Международный съезд славистов. Ответы на вопросы по языкознанию». М., 1958, стр. 172; В. В. Мартынов. Рецензия на книгу K.—H. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle (Saale), 1956. — ВЯ, 1959, 3, стр. 125; его же. К лингвистическому обоснованию..., стр. 53—54.

[5] См.: Н. И. Толстой. Можно ли представить структурную типологию лексики славянских языков в лингво-географическом плане. — «Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя (тезисы докладов)». Л. 1961, стр. 4—6; В. В. Мартынов. О некоторых закономерностях становления семантических микроструктур (на материале праславянского и прагерманского языков в их взаимодействии). — «Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на 1 Всесоюзной конференции по вопросам славяно-

inslav

В самом общем виде этот метод может быть определен следующим образом. Предполагается, что семантическая система перекрывает не весь лексический состав языка, но что существуют типичные для данного языка взаимодействующие семантические микроструктуры. Каждая из таких семантических микроструктур состоит из одного семантически немаркированного слова и одного или нескольких противопоставленных ему семантически маркированных слов. В случае, если в двух языках, между которыми осуществляется лексическое взаимопроникновение, исследователь обнаруживает изоморфные семантические микроструктуры, то этот факт помогает решить вопрос об источнике лексического проникновения. В этом случае каждое слово, проникшее из языка А, сталкивается со словом в языке В, в отношении которого можно сказать, что оно занимает эквивалентное положение в изоморфной семантической микроструктуре. Длительное сосуществование таких двух единиц невозможно. Поэтому наступает перестройка семантической микроструктуры. По тому, в каком направлении осуществляется эта перестройка, удается, как мы полагаем, определить источник проникновения.

Так как первичное значение слова определяется первичным положением слова в семантической микроструктуре, то, основываясь на реконструкции последней, мы можем более точно определить значение слова языка-источника в момент его проникновения в контактирующий язык.

Методика анализа семантических микроструктур демонстрируется далее, при рассмотрении конкретного материала.

1. Прасл. ***borъ** (основа на *-ŭ-*); прагерм. ***baru-***

Славянские формы характеризуются общим значением 'сосна, сосновый лес', германские — 'лес, роща'.

Характер зависимости между славянской и германской группами соответствий определить трудно[6].

Чрезвычайно развитая омонимичность индоевропейского **bher-*, к которому восходит одна из групп, либо обе, отсутствие семантически близких параллелей ('хвойный лес') в других индоевропейских языках затрудняют решение вопроса (ср. PEW, стр. 108—110; JEW, стр. 617).

На основании анализа языкового материала мы можем утверждать с определенной степенью вероятности, что в рассматриваемом случае наблюдается изолированная славяно-германская изоглосса, ставящая под сомнение генетическое тождество сравниваемых форм. Предположение о независимом развитии обеих групп соответствий из предполагаемого и.-е. **bhoru* 'игла' (>'хвойное дерево'>'хвойный лес'>

германского языкознания». Минск, 1961, стр. 25—28. В упоминавшейся выше рецензии А. Стендер-Петерсена на книгу В. Кипарского, в частности говорится, что для случаев, формально допускающих возможность генетического тождества, «должны быть найдены новые пути решения, должна быть создана семасиология, свободная от того произвола и дилетантизма, которыми она сейчас характеризуется» (стр. 253).

[6] Г. Хирт и А. Стендер-Петерсен рассматривали славянскую группу соответствий как германское заимствование (H. Hirt. Zu den germanischen Lehnwörter im Slavischen und Baltischen. — PBB, 23, 1898, стр. 331; A. Stender-Petersen. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, стр. 271). Э. Бернекер, по-видимому, считал равновероятным германское происхождение славянских форм и их генетическое тождество (см. EW, I, стр 76). В. Кипарский и М. Фасмер склонны отнести славянскую и германскую группы соответствий к числу генетически тождественных (V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter. . ., стр. 61—62; VEW, I, 106—107). Аналогичную точку зрения высказывают также А. Брюкнер (см. «Słownik etymologiczny języka polskiego». Warszawa, 1957, стр. 36); Ст. Младенов (см. MEP, 41), В. Махек (см. MES, 38) и др.

inslav

'лес') не может быть принято, ибо и.-е. *bhoru 'игла' нигде не обнаруживается. В значении 'игла, острие' выступают другие варианты того же индоевропейского корня, ср. пракельт. *barros; др.-ирл. barr, кимр. корн. bar; брет. barr 'острие, вершина, листва'; галльск. *barros 'кустарник', 'верхушка дерева'; др.-исл. barr 'игла, хвойное дерево'; др.-инд. bhṛṣṭíh 'острие, угол'; алб. breth 'ель'; др.-ирл. brot 'шип, колючка' и т. д. Интересно, что среди приведенных параллелей две обнаруживают идентичное семантическое развитие, совпадающее в то же время с семантическим развитием рассматриваемых славянских форм. Это др.-исл. barr 'хвойное дерево' (< и.-е. *bhors) и алб. breth 'ель' (< и.-е. *bhrozdh). Обе формы показывают пути независимого развития индоевропейского корня. Одна из них к тому же германская. Если сравнить др.-исл. barr 'игла, хвойное дерево' и др.-исл. bǫrr 'дерево', др.-англ. bearu 'лес, заросли', то легко увидеть, что вторые отличаются от первой последовательным отражением ŭ- основы и семантики славянской группы соответствий.

Весь ход рассуждения приводит нас к мысли о том, что для предположения о генетическом тождестве славянской и германской групп соответствий нет достаточных оснований. Тогда остается признать в данном случае факт лексического проникновения и попытаться определить его путь. Фонетический и морфологический критерии не дают нам основания сделать заключение. Зато некоторую возможность для заключения таит в себе семантический критерий. В самом деле, славянские формы обнаруживают полный семантический ряд: 1. 'сосна' > 2. 'сосновый лес' > 3. 'лес'; германские — только третий компонент ряда — 'лес'. И так как нельзя себе представить обратного семантического развития ('лес' > 'сосновый лес' > 'сосна'), то проникновение из германского маловероятно. Когда мы говорим о невозможности семантического развития 'лес' > 'сосновый лес' > 'сосна', мы исходим из опыта сопоставительной семасиологии. Однако можно, как нам представляется, показать и для данного конкретного случая невозможность такого сдвига в значении. Для этого необходимо проанализировать распределение всех значений семантического ряда по славянским языкам и семантические микроструктуры, в состав которых они входят. Картина распределения в нашем случае весьма наглядна. В то время как западно- и восточнославянские языки фиксируют для исследуемого слова значение 'сосновый лес', 'лес' (русск. *бор*, укр. *бір*, блр. *бор*, польск. *bór*, чешск. *bor* и др.), южнославянские знают то же слово лишь в значении 'сосна' (словен. *bor*, с.-хорв. *бо̑р*, болг. *бор*). Такого рода распределение можно интерпретировать двояким образом. Либо западно- и восточнославянские языки утратили для данного слова значение 'сосна' (а значит в этом значении стало выступать какое-то другое слово), либо южнославянские языки утратили для данного слова значение 'сосновый лес' (а значит в этом значении стало выступать какое-то другое слово). Но второе невозможно, так как южнославянские языки не знают специального наименования для соснового леса (болг. *борова гора* 'сосновый лес'). И в то же время западно- и восточнославянские языки имеют общее название для сосны, отсутствующее в южнославянских языках (русск. *сосна*, укр. *сосна*, блр. *сосна*, польск. *sosna*, чешск. *sosna*).

Очевидно, западно- и восточнославянское *sosna* вытеснила *borъ* в этом значении. В результате *borъ* должен был либо исчезнуть в данной группе диалектов, либо перейти в более абстрактную семантическую сферу. Реализовался второй вариант. Наименование *sosna*, повидимому, дано было pinus silvestris в соответствии с вторичными

inslav

признаками дерева, как это обычно бывает при замене древнего названия более новым. Учитывая это, слово *sosna* можно производить от **sopsna* по крайней мере с двумя вариантами толкования значения: 'смолистое дерево' (др.-исл. *safe*, др.-в.-нем. *saf* и т. д. 'древесный сок') либо 'дуплистое дерево' (ст.-сл. **сопль** 'tibia' и т. д.). Второе основано на свидетельстве о том, что в Полесье именно дуплистые сосны с ульем в дупле носят названия *сосноватых*[7]. Каково бы, однако, ни было происхождение *sosna*, оно отличается ограниченным ареалом распространения и является несомненным новообразованием, вытеснившим *borъ* в его первичном значении. Таким образом, анализ данной семантической микроструктуры в славянских языках показывает недвусмысленно семантическое развитие 'сосна' > 'сосновый лес' > 'лес' (западно-восточнославянское *borъ* 'сосна' постепенно утрачивает маркированность, ср. русск. *сосновый бор*).

Проанализируем теперь распределение значений по германским языкам и семантические микроструктуры, в состав которых они входят. Германская группа соответствий, как уже говорилось, представлена следующими словами: др.-исл. *bǫrr* 'дерево' (отдельное), др.-англ. *bearu* 'лес, роща', др.-в.-нем. *para-wari* ('лесной сторож' > 'священник'). Как видно, первичное значение лучше всего сохранилось в древнеанглийском. Объясняется это тем, что в древнеанглийском четко противопоставлены *wudu* 'лес, деревья (в собирательном значении), дерево (материал)' и *bearu* 'роща, лес'. О такого рода распределении значений свидетельствует сложное слово *wudu-bearu* (т. е., собственно, 'роща, состоящая из деревьев'). Древнеисландскому слову *viðr* (др.-англ. *wudu* по происхождению и по значению) противопоставлено *skógr* (швед. *skog*, датск. *skove*, норв. *skog*) 'лес (= растительность, чаща)'.

Естественно, в др.-исл. *bǫrr* в связи с подобным изменением семантической микроструктуры должен был произойти сдвиг в значении ('роща' > 'отдельное дерево').

Наличие независимых форм в древнеанглийском и древнеисландском (если мы даже не примем во внимание др.-в.-нем. *para-wari*) свидетельствует о возникновении слова в прагерманский период. В дальнейшем в результате борьбы с германскими синонимами, слово приняло те значения, которые зафиксированы в рассмотренных выше формах.

Данные, свидетельствующие в пользу проникновения из праславянского в прагерманский, как мы видели, относятся в основном к области семантики (не считая совпадения основ). Гарантии в пользу отсутствия третьего источника являются по необходимости семантическими.

Если предположить существование в некотором третьем индоевропейском языке слова, которое послужило источником как для славянских, так и для германских форм, то пришлось бы реконструировать для него следующее значение: 'лес, роща'. Но принятие такого значения для гипотетического слова неизвестного языка неприемлено по тем же причинам, по каким нельзя было принять прагерм. **baru* в качестве источника для праславянских форм, так как в этом случае пришлось бы признать семантическое развитие в праславянском в обратном направлении ('лес' > 'сосновый лес' > 'сосна').

Итак, мы приходим к выводу о том, что существует вероятность проникновения праславянского **borъ* в прагерманский в период, после того как в части диалектов праславянское слово в значении 'pinus silvestris' было вытеснено словом *sosna*.

---

[7] Ср. K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957, стр. 216—217.

inslav

2. Праслав. ***xlěbъ***; прагерм. ***hlaiba-***

Общее значение для славянской и германской групп параллелей название реалии ('хлеб'). Отсутствие надежных соответствий в других индоевропейских языках ставит под сомнение генетическое тождество сопоставляемых форм[8].

Однако путь проникновения установить трудно[9].

Можно предполагать, что первичным значением для прасл. *xlěbъ* были 'хозяйство, добро, пища'. Об этом как будто свидетельствуют следующие вариантные значения слова: др.-русск. **хлѣбъ** 'кушанье, продовольствие, пища', укр. *хліб* 'средства к существованию', *хліба* 'недвижимое имущество', польск. *chleb* 'пища, добро, богатство, служба', *chlebić* (*pochlebiać*) 'угодничать, льстить', чешск. *chleb* 'питание', *chlebař* 'корыстолюбец', *chlebiti* (*pochlebovati*) 'льстить, заискивать', слвц. *chlebnatost'* 'питательность', *chlebarský* 'корыстный', *chlebovy* 'практический, хозяйственный'. Ср. прасл. ***pitati*** и пракельт. ***pitu*** 'хлеб, зерно', чешск. *zboží* 'товар, продукты; диал. хлеб'; ст.-чешск. *zbožný* 'богатый', слвц. *zbožie* 'хлеб, зерно', польск. *zboże* 'хлеб' (< ***sъbogjьe***) и др.-инд. *bhágaḥ* 'распределяющий блага, хозяин', др.-греч. φαγεῖν 'есть'. Аналогична семантика др.-инд. *bhágaḥ* 'хозяин' и др.-англ. *hlāford* — то же (< *hlāf* 'хлеб, пища', *weard* 'хранящий', 'защищающий'). Итак, было выдвинуто предположение о том, что прасл. ***xlěbъ*** имело сначала более общее значение 'имущество, богатство (рода)', а затем терминологизировалось и приняло более узкое значение 'хлеб'. При этом мы исходили из того, что слово, обозначающее основной продукт хозяйства, могло обозначать и имущество вообще. Помимо приведенных выше слов для обозначения 'хлеба, пищи, богатства' можно также напомнить аналогичные примеры для названия скота (др.-исл. *fé* 'имущество' и 'скот', др.-англ. *sceat* 'имущество' и ст.-сл. **скотъ**, чешск. *býdlo* 'жилище' и польск. *bydło* 'скот'). То, что первичным значением для параллелей *xlěbъ* : *hlaiba* было 'имущество, богатство (рода)', подтверждается, казалось бы, такой, видимо, древней семантической парой, как др.-англ. *hlāford* 'господин' (ср. *cyne-hlāford* 'суверенный правитель', буквально: 'родоначальник') и гот. *ga-hlaiba* 'сотоварищ (рядовой член рода?)'. Нар.-лат. ***com-pānio***, отраженное в ст.-франц. *compain*, вероятно, калька с германского. Аргументом в пользу данной гипотезы явилась бы следующая группа параллелей: ср. гот. *hleibjan* 'заботиться', др.-исл. *hlífa* 'беречь, щадить', *hlifandi* 'шлем', др.-в.-нем. *lîben* 'беречь, щадить'[10] и русск. *хоронить* 'прятать, оберегать', болг. *храна* 'пища, хлеб', с.-хорв. *хра́нити* 'беречь, хранить, кормить, питать'.

---

[8] Индоевропейская этимология прагерм. ***hlaiba-*** и прасл. ***xlěbъ*** (если их считать генетически тождественными) весьма затруднительна (см. обзор литературы в словарях: Feist. Got. EW, стр. 260; REW, 3, стр. 245). Однако вопрос о характере зависимости между германской и славянской группой соответствий, по-видимому, должен решаться независимо от индоевропейской этимологии, так как при любой степени надежности иноязычных соответствий значение 'хлеб' до сих пор не найдено за пределами рассматриваемых языковых групп (лит. *klìẽpas* заимствование из белорусского, а лтш. *klaìps* — древнее заимствование из восточногерманского; ср. FEW, 271).

[9] Большинство исследователей склонны считать прасл. ***xlěbъ*** заимствованием из прагерм. ***hlaiba-*** (или гот. *hlaifs*), см., например: C. C. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter im Altslavischen. — AfslPh, Bd 15, 1893, стр. 485; H. Hirt. Zu den germanischen Lehnwörter. . ., стр. 338; A. Senn. Germanische Lehnwortstudien. Heidelberg, 1925, стр. 45; A. Stender-Petersen. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. . ., стр. 297; V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter. . ., стр. 200 и др. Ср.: О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. — «Slavia», roč. XXIX, seš. 1, 1960, стр. 6.

[10] Об этом впервые писал Керн (H. Kern. Brood. — «Tijdschrift for nederlandsche Taal — en Letterkunde», 1885, 5, стр. 55).

inslav

Последнее сопоставление позволяет построить следующий семантический ряд: 1. 'имущество (рода)' > 2. 'хранение, забота' > 3. 'пища, хлеб'. К сожалению, приведенные выше соображения, независимо от их достоверности, не помогают решить вопрос о характере зависимости между славянскими и германскими формами.

В самом деле, если прагерм. **hlaiba-* 'хлеб' генетически связано с прагерм. **hleibjan* 'заботиться, беречь', то предположение о возможном проникновении из праславянского в прагерманский снимается, в силу аблаутных отношений германских слов. С другой стороны, семантический ряд: 1. 'имущество (рода)' > 2. 'хранение, забота' > 3. 'пища, хлеб', вполне вероятный сам по себе, не может быть доказан без помощи анализа семантических микроструктур.

Известно, что прагерманский знает два обозначения для понятия хлеб **hlaiba-* и **brauðа-*. Соотношение этих слов до сих пор рассматривалось лишь с точки зрения соотношения реалий с наименованиями реалий. Мы, однако, до сих пор не располагаем доказательствами того, что в данном случае речь идет о разных видах хлеба. Рассмотрение же семантической микроструктуры *brauðа-hlaiba-* дает более надежные результаты в плане определения древних значений германских слов. Ср. реализацию данной семантической микроструктуры в отдельных германских языках: крымск. гот. *broe*, др.-исл. *brauð*, др.-англ. *brēad*, др.-фриз. *brād*, др.-сакс. *brôd*, др.-в.-нем. *brôt* 'хлеб', гот. *hlaifs* 'хлеб', 'кусок (пищи)', др.-исл. *hleifr* 'хлеб', но *hleifr-brauðs* 'каравай хлеба' (см. JEW. 279).

Сравнение дает нам основание предполагать для прагерманского следующую семантическую микроструктуру: *brauðа-* 'хлеб' — hlaiba- 'булка хлеба, каравай хлеба'. Следовательно, мы можем постулировать следующее семантическое развитие: 1. 'кусок пищи' > 2. 'кусок хлеба' > 3. 'хлеб'. Совершенно аналогичную картину можно наблюдать и в славянских языках, ср. словен. *kruch* 'хлеб', с.-хорв. *кру̏х* 'хлеб', чешск. *kruh* 'кусок', *krušec* 'кормовой хлеб' и др.

Но если так, то терминологизация осуществилась на германской почве, а, значит, нужно предположить проникновение прагерм. **hlaiba-* > прасл. **xlěbъ*. Вариантные значения, отмеченные нами выше в славянских языках, могут рассматриваться либо как вторичные, возникшие на славянской почве, либо частично как результат германского влияния (гот. *hleibjan* 'заботиться' и польск. *chlebić* 'льстить' и т. д.).

3. Прасл. ****molto***; прагерм. ****malta***.

В качестве общего значения, связывающего обе группы соответствий, выступает 'солод и его обработка'. В силу того, что эти слова теснейшим образом связаны с реалиями, с производственными процессами, попытки обоснования их генетического тождества были бы, по крайней мере, ненадежными. К тому же консонантизм сравниваемых форм также не позволяет установить генетическое тождество, тем более, что никаких следов дублетных образований в других индоевропейских языках не наблюдается. Во всех такого рода случаях славянские формы традиционно возводят к германскому источнику. Предложенная в свое время этимология, согласно которой прасл. **molto* < **mol-to* 'молотое' (< **melti* 'молоть') подкрепляется, как уже указывалось в литературе, недвусмысленной цитацией из памятника: А пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбъ печи, солодъ молоть, пиво варить. (Уставная грамота митрополита Киприяна Константиновскому монастырю, 1392 г.)[11]. И хотя эта этимология принята

[11] См. V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter..., стр. 46—47 (там же обзор литературы).

inslav

рядом исследователей, хотя трудно себе представить, как др.-прус. *piwa-maltan* может быть германского происхождения (имеется в виду, конечно, второй компонент словосложения); тем не менее соответствующие выводы из этого не делаются. Более того, выдвигается предположение о независимом развитии славянских и германских форм. Такое для данного случая невероятное предположение обосновывается тем, что, как априорно предполагают многие исследователи, обратное (т. е. из славянского в германский) невозможно по причине распространенности германского слова. В данном совершенно прозрачном случае, когда речь идет о названии конкретной реалии, конкретного производственного процесса, ни о генетическом тождестве, ни о каком-то непонятном совпадении не может быть и речи. И если мы принимаем этимологию прасл. **molto* (< **mol-to* : **melti*), то нам остается только сделать вывод о проникновении из праславянского в прагерманский. Единственная возможность не допустить такой вывод заключается в опровержении славянской этимологии с противопоставлением последней убедительной германской этимологии. Попробуем рассмотреть такую возможность. Германские формы обычно выводят из прагерм. **meltan* (др.-исл. *melta* 'растворить, переварить в желудке', др.-англ. *meltan* 'таять, растворяться, переварить в желудке', др.-сакс. *meltan* 'таять, растворяться'); ср. др.-исл. *melta* 'готовить солод', ср.-н.-нем. *melten* — то же. При этом следует учесть, что на прагерм. **meltan* сильное семантическое влияние должно было оказывать прагерм. **smeltan* (др.-исл. *smelta*, ср.-н.-нем. *smelten*, др.-в.-нем. *smelzan* 'таять, плавить, топить'). В той же мере, в какой прагерм. **meltan* связано с **meltan* 'приготовлять солод' (сюда, наверное, относится значение 'переваривать в желудке' = 'сбраживать'), оно представляет собой ясновыраженную форму отыменного глагола (**malta* > **maltjan* > **meltan*).

Обратное развитие было бы непонятным. Данный случай, с нашей точки зрения, принадлежит к наиболее прозрачным случаям проникновения из праславянского в прагерманский.

Ввиду того, что в рассматриваемой славяно-германской лексической изоглоссе по всем признакам имеет место заимствование, т. е. передача названия вместе с реалией, нет, по-видимому, необходимости в применении анализа семантических микроструктур.

В праславянском, как нам представляется, существовало противопоставление **sold* — **molto* 'молотый солод', ср. укр. *молот*, польск. *młoto*, чешск. *mláto*, слвц. *mláto*, словен. *mláto* 'солодовые выжимки, пивная гуща', с.-хорв. *млâта* 'солод'. Прасл. **soldъ* последовательно во всех славянских языках выступает в значении 'солод'.

В прагерманском, очевидно, не существовало аналогичных понятий и тем более их разграничения, поэтому два славянских слова были заменены одним заимствованным германским[12]. Возможно, что доказательство заимствования прагерм. **malta* < прасл. **molto* прольет свет и на другую славяно-германскую изоглоссу: прасл.* *olъ* ~ прагерм. **alu-* 'пиво'. В настоящее время еще нет достаточных оснований для

[12] А. Стендер-Петерсен, предлагая реформировать семасиологию и установить надежный семантический критерий заимствования, приводит несколько примеров семантического анализа. К сожалению, в примере с прасл. **molto* он допускает неточность и поэтому делает неправильный вывод. Рассматривая соотношение **molto* и **soldъ*, А. Стендер-Петерсен пишет следующее: «Само существование праславянского синонима (к **molto.* — *В. М.*) **soldъ* определенно свидетельствует в пользу германского происхождения слова (**molto.* — *В. М.*)» (см. Zfslph, 13, стр. 253). Неточность заключается в том, что в действительности прасл. **molto* должно было означать 'молотый солод' и, таким образом, не являлось абсолютным синонимом прасл. **soldъ*.

inslav

интерпретации последней славяно-германской лексической изоглоссы, к тому же осложненной балтийскими соответствиями.

4. Прасл. ***netijь***; прагерм. ***neþja-***.

Общее значение славянских форм — 'племянник', германских — 'родич, муж (мужи)'. Недавно эта славяно-германская лексическая изоглосса вновь оказалась объектом исследования. Мы имеем в виду интерпретацию гот. *niþjis* 'родич', др.-исл. *niðr* 'родич, потомок', др.-англ. *niþþas* 'мужи', как результат проникновения из праславянского в прагерманский[13]. Ср. ст.-сл. **нетии**, др.-русск. **нетии**, с.-хорв. *нѐћак* 'племянник, сын сестры', чешск. *neť* 'племянница' и т. д.

В пользу подобной интерпретации свидетельствуют следующие соображения. Славянская группа соответствий, как известно, происходит из дославянского ***nept-jo-*** (ср. др.-инд. *nápāt* 'внук, потомок', др.-греч. νεπόδες 'потомки', лат. *nepos* 'внук, племянник', др.-исл. *nefi* 'племянник' и т. д.).

Упрощение группы согласных *pt* с сохранением второго согласного является существенной чертой праславянского. В прагерманском этот процесс не имел места.

Характерно, что германские языки обнаруживают исконные формы, отражающие и.-е. *nept-* с сохранением данной группы согласных (др.-англ. *nift*, др.-в.-нем. *nift* 'внучка, племянница') и сохранением первого согласного (др.-исл. *nefi* 'племянник, родственник', др.-англ. *nefa* 'племянник, внук', др.-нем. *nevo* 'племянник, внук'). Таким образом, пример, вновь введенный в научный обиход А. И. Смирницким, принадлежит к числу наиболее надежных, так как он содержит положительную гарантию славянского источника для германских форм. Эта гарантия заключается в том, что в данной германской группе соответствий (гот. *niþjis* и т. д.) обнаруживаются следы действий специфически славянских звуковых закономерностей. Сохранение же в германских языках параллельных исконных форм, не подвергшихся действию этих закономерностей, подкрепляет гарантию славянского источника.

Семантическое расхождение между германской группой соответствий ***neþja*** 'родич' и славянской ***netijь*** 'племянник' вполне естественно и должно объясняться тем, что в момент проникновения прагерманский уже обладал исконным словом для обозначения понятия 'племянник, брат сестры', поэтому проникшее слово должно было принять более общее значение.

Существует, однако, другое этимологическое объяснение прагерм. ***neþja-***, которое получило столь же широкое распространение. В свое время, как известно, было предложено рассматривать в качестве генетически соотнесенных прагерм. ***neþja-*** и др.-инд. *nítyaḥ* 'постоянный, собственный' (< ***ni-tio-*** 'внутренний'; др.-инд. *ni* 'внутри')[14]. Др.-инд. *nítyaḥ* противопоставляется в качестве антонима др.-инд. *níṣṭyaḥ* 'чужой' (< ***nis-tio*** 'внешний'; др.-инд. *niḥ* 'наружу, прочь'). Эквивалентную пару антонимов хотят видеть в гот. *niþjis* 'родич' и *framaþeis* 'чужой.

---

[13] См.: А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., 1958, стр. 188—189.

[14] См.: W. Schulze. Ahd suagar. — KZ, Bd 40, 1905, стр. 416 (с предшествующей литературой); W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1934, стр. 69. К этимологии В. Шульце присоединился Э. Френкель (E. Fraenkel. Slav. *gospodь*, lit. *viẽšpats*, pr. waispattin. — ZfslPh, Bd XX, H. 1, 1948, стр. 65) и в самое последнее время Ф. Мецгер (F. Mezger. Ahd jugîdi, lit. *vilkýtis*, got. *niþjis*. — KZ, Bd 71, H. 1/2, 1953, стр. 117—118; также с предшествующей литературой); см. также: Mayerhofer. AiEW, стр. 162—163.

inslav

При этом германские слова членятся следующим образом: *niþjis* < **ni-þ-i̯o-*; *framaþeis* < **fram-(a)þ-io-* (гот. *fram* 'прочь, наружу'), и тогда прагерм. **niþja-* оказалось бы формально адэкватным др.-инд. *nítyaḥ*. Это предположение можно было бы также подкрепить сопоставлением с гот. *niujis* 'новый, молодой' и др.-инд. *návyaḥ* — то же, в которых совершенно идентично отразился индоевропейский суффикс *-i̯o*. Все эти соображения как будто свидетельствуют в пользу вероятности генетического соотнесения прагерм. **niþja* с др.-инд. *nítyaḥ*. Однако в действительности эта этимология не получает ни семантического, ни формального подтверждения.

Во-первых, сравниваемые слова слишком далеки друг от друга по значению и требуется создание ряда промежуточных семантических звеньев для их сближения. Предположим, что др.-инд. *nítyaḥ* 'постоянный, собственный' (< 'внутренний') имел действительно также и значение 'свой', как антоним др.-инд. *níṣṭyaḥ* 'чужой' (< 'внешний'). Но и в таком случае у нас нет никаких оснований для семантического отождествления прагерманского и древнеиндийского слов, так как ни в одной из древнеиндийских форм мы не обнаруживаем значения 'родич' и ни в одной из германских — значений 'внутренний, собственный и т. д.'. Нам также неизвестны семантические параллели, которые позволяли бы делать такое допущение.

Во-вторых, нельзя германские и древнеиндийские формы безапелляционно возводить к индоевропейской, игнорируя полное отсутствие параллелей в других индоевропейских языках. И уже во всяком случае этого нельзя делать там, где не может быть доказана словообразовательная адэкватность сравниваемых слов.

В-третьих (и это самое главное), словообразовательная адекватность сравниваемых слов не может быть доказана. Более того, мы полагаем, что может быть доказана несовместимость словообразовательных моделей сравниваемых слов. Начнем с др.-инд. *nítyaḥ*. Элемент *ni* в нем легко выделяется в качестве самостоятельного слова и префикса; одно из значений: 'внутрь'. Др.-инд. *ni* адекватно др.-иран. *ni*. Ср. др.-инд. *ni-jáḥ* 'урожденный' (= 'здесь родившийся') и др.-иран. *nizənta* 'урожденный', индо-иран. **ni* возводится к и.-е. **eni*. Последнее имеет следующие рефлексы в других индоевропейских языках: др.-греч. ἐν—, кельт. *in-*, герм. *in-*. Прагерм. **ni-* нигде не обнаруживается, а прагерм. **niþ* существует только в группе соответствий с общим значением 'низ'. Ср. др.-исл. *niðr*, др.-англ. *niþer*, др.-фриз. *nither*, др.-сакс. *nithar*, др.-в.-нем. *nidar* 'вниз'.

Поэтому др.-инд. *nijáḥ* и др.-иран. *nizənta* соответствуют др.-греч. ἐγγονή (< ἐν—γονή) 'внучка', др.-ирл. *ingen* (< *in-gen*) 'дочь', гот. *inkunja* (< *in-kunja*) 'член рода'. Др.-инд. *nítyaḥ* должно было бы соответствовать гот. **in(a)þjis* (как антоним к *framaþeis*) < **in-(a)þ-ia-*. Таким образом, отсутствие генетической соотнесенности между др.-инд. *nítyaḥ* и прагерм. **neþja-* нам представляется доказанным.

С другой стороны, трудно что-либо возразить против семантической близости прагерм. **niþja-* и др.-инд. *nápat* 'внук, потомок', др.-греч. νεπόδες 'потомки' (ср. др.-исл. *niðr* 'потомок').

Основное возражение против лексического проникновения праслав. **netijь* > прагерм. **neþja-* сводится к тому, что в этом случае «... германцы должны были бы заимствовать славянское слово со специализированным значением... для того, чтобы создать для понятия родства общее наименование»[15].

---

[15] W. Schulze. Ahd suagar..., стр. 412.

inslav

В этом возражении мы наблюдаем обычное для такого типа аргументации смешение двух видов языкового контакта: заимствования названий реалий и лексического проникновения на основе пограничного двуязычья. Нами уже не раз обращалось внимание на то, что в условиях лексического проникновения значение иноязычного слова целиком зависит от места, какое данное слово займет в адекватной иноязычной семантической микроструктуре. Между тем, проникшее в прагерманский праслав. *netijь столкнулось с древними, издавна установившимся германскими семантическими микроструктурами родства. В качестве противопоставления, адекватного праславянскому *roditjь — *netijь ('родственник по нисходящей линии, отпрыск — 'племянник'), в прагерманском, по-видимому, выступало *kunda- *nefō-. Др.-исл. *nefo* имело значение 'племянник'. Возникшее в результате проникновения др.-исл. *niðr* должно было занять определенное положение в семантической микроструктуре по отношению к исконному *nefo*. Разумеется, оно не могло получить то же значение ('племянник'). Данные древнеисландского свидетельствуют о том, что *niðr* занял положение немаркированного члена по отношению к *nefi*. Отсюда его значение 'родственник по нисходящей линии, отпрыск', отсюда вытеснение *kunda в этом значении (и, вероятно, его смешение с *kinda, ср. др.-исл. *kind* 'род, отпрыск'). В древнеанглийском старая германская семантическая микроструктура, по всем признакам, сохранилась полнее. Этим, пожалуй, и следует объяснить др.-англ. *(ge)cynd* 'потомок, отпрыск', которое в сочетании с др.-англ. *nefa* 'племянник, внук' привело к вытеснению *niþþas* (мн. ч.) за пределы семантической микроструктуры (отсюда значение 'мужи'). Значение гот. *niþjis* 'родич' свидетельствует, как мы полагаем, о близости готской семантической микроструктуры и древнеисландской. Этим же нужно объяснить и то, что гот. *kunds* сохранилось только как второй компонент сложных слов со значением 'происходящей от...'.

5. Прасл. ***plъtъ***; прагерм. ***flut-***.

Общее значение праславянских и прагерманских соответствий 'плот, сплавляемые по реке бревна'. Генетическое тождество сравниваемых форм при условии различной суффиксации вполне возможно, семантически, однако, не столь вероятно. Славянскую группу соответствий в настоящее время не связывают с *plotъ* 'забор' (< *pletǫ* 'плету', т. е. собственно 'плетень'), а с и.-е. *pleu- / *plu-.

Для этого существуют формальные и семантические основания. Формальная сторона подкрепляется западнославянскими параллелями (польск. *płet*, др.-чешск. *plet'*, слвц. *plt'*). Семантическая сторона находит свое обоснование в непосредственной связи с прасл. *plovǫ (русск. *плыву*) — (см. VEW, 2, стр. 374). Однако прасл. *plъtъ, по-видимому, не может быть объяснено как образование, возникшее на славянской почве. В случае, если бы мы допустили возможность такого рода образования, пришлось бы рассматривать прасл. *plъtъ как страдательное причастие прошедшего времени с суффиксацией на *-tъ*. Но подобное допущение лишено оснований (от *plyti*, вероятно, не могло образоваться страдательное причастие, но если бы даже и образовалось, оно имело бы форму *plytъ). Другого рода формы с суффиксацией на *-tъ* возникли в дославянслую эпоху и в праславянском рассматриваются как индоевропейское наследие. Если бы можно было доказать, что и праслав. *plъtъ сформировалось таким же путем, судьба славяно-германской пары *plъtъ — flut-* была бы решена. На первый взгляд, такую возможность таит в себе др.-греч. πλωτός 'плавучий, судоходный' (< πλεω 'плыть на корабле', ср. πλώιμος 'судоходный и т. д.').

inslav

Но древнегреческой параллелли (с иным вокализмом и достаточно далекой семантикой) следует решительно предпочесть балтийскую параллель к германским формам. Ср. лит. *plūdẽ* 'поплавок', лтш. *plūds* — то же, *plūdini* 'поперечные бревна, на которые опирается лодка-однодеревка' и др. (см. FEW, стр. 630—631; лтш. *pluts* в таком случае не может рассматриваться как исконное).

Тождественность германских и балтийских форм, указывающая на их вероятное генетическое родство, заставляет нас вернуться к предположению о проникновении их из прагерманского в праславянский. Возражение против этой гипотезы, как известно, сводилось к тому, что герм. *flot-* не могло дать слав. *plъtъ*[16], так как герм. *o* не могло перейти в слав. *ъ*.

Однако это возражение имеет силу только для периода после нашей эры, после реализации передвижения гласных в германских языках. Если же речь идет о периоде германского языкового единства, когда прагерм. **u* еще не перешло в *o*, то, само собой разумеется, данное возражение должно отпасть.

В пользу генетического тождества германских и балтийских форм свидетельствует также и следующая кельтская параллель: пракельт. **(p)loudio* 'я гоню' (ирл. *imluadi* 'гонит, приводит в движение'). Ср. польск. *tratwa*, *trafta*, *tryfta* 'плот' < ср.-в.-нем. *trift* 'плот' (от *treiben* 'гнать'), семантический переход в обоих случаях нетрудно обосновать, так как он непосредственно связан с процессом транспортировки дерева по рекам.

Характерно, что при наличии ряда поздних одноязычных названий для плота (польск. *tratwa* < нем., польск. *flis* < нем., чешск. *vor* < **vьrěti* 'связывать, соединять') мы не находим синонима в праславянском для *plъtъ*. Прасл. **portъ* (русск. *паром*, с.-хорв. *прȁм*, польск. *prom*, чешск. *prám*) независимо от характера его связи с германскими формами (др.-исл. *farmr* 'груз, товар', др.-в.-нем. *farm* 'лодка') имело иную семантику, тесно связанную с процессом переправы через реку (ср. др.-греч. πορθμός 'место переправы', πόρος 'переправа, перевоз, пролив' и т. д.).

Итак, нам представляется достоверным проникновение прагерм. **flut-* > прасл. **plъtъ*. Так как это проникновение осуществилось до германского передвижения гласных, которое датируется I в. н. э., то относится оно к древнейшим. Мы допускаем также субституцию *f* > *p*, хотя доказать ее реальность не представляется возможным (в противном случае пришлось бы отнести данное проникновение к эпохе до первого передвижения согласных, т. е. до V в. до н. э., что само по себе не может быть исключено). Возможно также, что отражение в праславянском прагерманского *t* (< *d*) свидетельствует о том, что проникновение имело место тогда, когда процесс передвижения согласных еще не был завершен. Данное проникновение, по всей видимости, носило характер заимствования, так как славянские языки не обнаруживают древнего синонимического названия для плота. Заимствование могло идти теми же путями, которыми впоследствии пошли ср.-в.-нем. *trift* (> польск. *tratwa*) и *flis* (> польск. *flis*).

6. Прасл. ***sočiti***; прагерм. ***sakan***.

Прагерманскую и праславянскую группы соответствий можно объединить под общим значением 'предъявлять обвинение, вести тяжбу'. Исследователи традиционно связывали рассматриваемые формы с прасл. **sočiti* 'следить, высматривать'. Как уже отмечалось в литературе, две

[16] Ср. V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter..., стр. 80.

inslav

эти группы соответствий следует считать омонимичными. Во всяком случае, если даже в какой-то период индоевропейского языка они и существовали как одна, то к моменту распада праязыкового единства и.-е. *sekṷ- 'говорить' и и.-е. *sekṷ- 'следить' уже ощущались как омонимичные. Об этом с достаточной ясностью свидетельствуют многочисленные индоевропейские соответствия как для прасл. *sočiti 'обвинять', так и для прасл. *sočiti 'следить'. Причем, во всех языках они воспринимаются как омонимичные. Ср. прасл. *sočiti 'обвинять', лит. sèkti 'рассказывать', др.-исл. segja 'говорить', др.-греч. ἑνέπω 'рассказываю', лат. insequo 'возвещать' и праслав. *sočiti 'следить', лит. sèkti 'следовать', гот. saíhwan 'видеть', др.-инд. sácate 'следует', др.-греч. ἕπομαι 'следую', лат. sequor — то же и т. д. (см. PEW, стр. 896—898).

Все это дает основание при установлении характера зависимости между прасл. *sočiti 'обвинять' и прагерм.*sa kan с тем же значением исходить из материала данных групп, не привлекая более широкий круг соответствий. Славянские формы, как указывалось выше, имеют не вызывающие сомнений параллели в других индоевропейских языках, однако терминологическое значение 'обвинять' отсутствует во всех этих формах и поэтому должно рассматриваться как позднее. Как показывают индоевропейские соответствия, первичным значением для всей группы было 'говорить'. В отличие от близкородственных балтийских и германских языков, где эти формы сохраняют первичное значение (лит. sèkti 'рассказывать', др.-исл. segja 'говорить'), в славянских языках значение 'говорить' стало выражаться при помощи иных форм (прасл. *kazati), как это всегда бывает в таких случаях. Причиной этому должно было послужить сужение значения первичных форм, их терминологизация. Таким образом, у нас не вызывает сомнений наличие следующего процесса в праславянском: *sočiti 'говорить' > *sočiti 'обвинять'.

В свете всего вышеуказанного представляется возможным рассматривать прагерм. *sakan как результат праславянского проникновения [17]. В то время как славянские формы имеют не вызывающие сомнений соответствия в других индоевропейских языках (в том числе и с аблаутными вариантами), германские не имеют таких соответствий [18]. Единственным аргументом, на который можно было бы сослаться при желании найти соответствия для прагерм. *sakan за пределами германских языков, является утверждение о генетической связи между прагерм. *sakan и прагерм. *sōkjan (гот. sōkjan 'искать, ссориться', др.-исл. sǿkja 'искать, вызывать на суд', др.-англ. sēcan 'искать, нападать', ср. лат. sāgio 'выслеживаю'). Как видно из сравнения, все германские формы последовательно показывают значение 'искать' и наряду с 'искать' — 'ссориться', что как будто напоминает значение прагерм. *sakan 'обвинять' (см.: Feist, Got. EW, 407). Но ведь *sōkjan 'ссориться' может быть отыменным глаголом от *sakjo 'ссора' с закономерной вторичной долготой, не имеющим, таким образом, ничего общего с sōkjan 'искать'.

---

[17] Ряд исследователей предполагал обратное: заимствование прасл. *sočiti из прагерм. *sakan (см.: C. C. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter. . ., стр. 491; H. Hirt. Zu den germanischen Lehnwörtern. . ., стр. 338; J. J. Mikkola. L'avance des slaves vers la Baltique. — RESl, 1, 1921, стр. 202 и др.

[18] Позиция В. Кипарского, относящего прасл. *sočiti и прагерм. *sakan к генетически тождественным (см.: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter. . ., стр. 83) непонятна. В свое время мы уже обращали на это внимание (см.: В. В. Мартинов. Проблема первісної префіксації і найстаріші слов'яно-германскі мовні зв'язки. — «Праці Одеського державного університету». Серія філологічних наук, вып. 6, 1957, стр. 187, прим. 5).

inslav

Применяя методику анализа семантических микроструктур, попытаемся восстановить древнейшее значение прасл. **sočiti*. Выше уже говорилось о том, что рассмотрение индоевропейских параллелей к нему дает нам основание утверждать, что таким древнейшим значением было 'говорить'. Однако значение 'говорить' имеет во всех славянских диалектах совершенно однозначное выражение в виде **rekti*. Ср. ст.-сл. **речи**, др.-русск. **речи**, укр. *речи*, болг. *река*, с.-хорв. *pèći*, словен. *rêči*, чешск. *řéci*, слвц. *riect'*, польск. *rzec*, в.-луж. *rjec*, н.-луж. *ŕac*.

О древности **rekti* свидетельствуют также такие индоевропейские параллели, как лит. *rêkauti* 'кричать', лтш. *rèkt* 'кричать' *rẽkuôt* 'беседовать', тох.А *rake*, тох.В *reki* 'слово' и т. д.

Таким образом, в нашу задачу входит определение соотношения между **rekti* и **sočiti* в пределах праславянской семантической микроструктуры. Присмотревшись внимательнее к семантике индоевропейских соответствий прасл. **sočiti*, мы обнаруживаем в ней признаки значения 'говорить, сообщая что-либо', ср. лит. *sèkti* 'расследовать', *sakýti* 'сказать, рассказывать', *sèkmė̃* 'рассказ, сказка', *sakà* 'легенда', *pãsaka* 'басня'; лтш. *sacît* 'сказать', *saka* 'легенда', др.-исл. *segja* 'сказать', *saga* 'легенда' и т. д.

Если древнейшим значением прасл. **sočiti* было 'рассказывать, сообщать что-либо', то вполне понятным становится терминологизация данного слова с семантическим сдвигом 'рассказывать, сообщать что либо' > 'обвинять кого-нибудь' (= 'давать показания'). С другой стороны, прасл. **rekti* не имеет аналогичных оттенков значения. Прасл. **rekti* является немаркированным членом противопоставления **rekti* — **sočiti*.

В дальнейшем, когда **sočiti* терминологизировалось и выделилось из данной семантической микроструктуры, его место должно было занять ближайшее по значению праславянское слово. Таким образом, очевидно, стало *kazati*, ср. др.-русск. **казати**, укр. *казати* (*казка* — 'сказка'), болг. *кажа*, с.-хорв. *казати* (*кажа* — 'весть, известие'), чешск. *kazati* (*kazaní* — 'проповедь'), польск. *kazać* (*kazanie* — 'проповедь') и т. д.

Таким образом, терминологизация **sočiti* 'сказать' > **sočiti* 'обвинять' — процесс, имевший место в праславянском языке и приведший к изменению праславянской семантической микроструктуры **rekti* — **sočiti*. На основании этого мы также приходим к выводу о лексическом проникновении прасл. **sočiti* > прагерм. **sakan*.

7. Прасл. ****vedro***; прагерм. ****wedra***.

Общее значение славянских форм — 'хорошая погода', германских — 'погода'. Как уже указывалось в литературе, если бы германские формы находились в генетическом родстве с прасл. **vètrъ*, то прасл. **vedro* пришлось бы рассматривать как результат германского проникновения[19]. Но прасл. **vètrъ* имеет индоевропейские параллели значительно более убедительные и с формальной (*ē* в корне) и семантической стороны: лит. *vêtra* 'буря', др.-прусск. *wetro* 'ветер', лтш. *vẹ̃tra* 'буря', др.-инд. *vā́tas* 'ветер' и т. д.

Вторая возможность этимологизации германских форм, заключается в объединении их со славянскими в и.-е. **u̯edhro*[20]. В этом случае, однако, мы ничего не можем сказать о характере зависимости между сопоставляемыми группами соответствий. В конечном счете, такое

---

[19] См.: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter. . ., стр. 90.

[20] См.: Ст. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. — СбНУ, 15, 1909, стр. 37; V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 90.

inslav

решение не является этимологическим решением, так как нам остаются известными значение и форма индоевропейского архетипа (отсутствуют параллели за пределами славянских и германских языков и в пределах этих языков).

Предложенная недавно этимология основывается на предполагаемой генетической связи между прасл. *vedro и прасл. *vǫditi: польск. *wędzić*, чешск. *uditi*, словен. *voditi* 'коптить (мясо)'[21]. Семантический переход обосновывается построением следующего семантического ряда 'коптить (сушить огнем)' > 'сушить' > 'сухой, знойный (о погоде)'. Прасл. *vědrъ мыслится как древнее образование с *r*-суффиксацией от *(s)vęd-. Нерегулярность огласовки можно было бы объяснить выдвинутой в свое время гипотезой о деназализации корневого гласного в новых формах, образованных при помощи суффикса -*r*[22]. Данная этимология предполагает признание славянского проникновения в германский. Мы бы, однако, предпочли другую этимологию для прасл. *vedro.

Более надежным, с нашей точки зрения, было бы сближение прагерм. *weðra с др.-греч. (Ϝ)ἔτος 'год', ἐτησίαι 'летние годичные ветры' γέτορ (Ϝέτορ — Гесихий) 'год', δυσ-ετηρία 'плохая, неблагоприятная пора', др.-инд. *vatsarā́ḥ* 'год' и др. Для такого сближения существуют прочные семантические соответствия: русск. *год* и *погода*, с.-хорв. *вре́ме* 'погода' и русск. *время*, чешск. *počasí* 'погода' и *čas* 'время'.

В этих семантических сдвигах отражается тот общеизвестный факт, что время измерялось (определялось) полезными в хозяйственном отношении явлениями природы. В прагерманском древнее *weðra 'год' (ср. гот. *wiþrus*, др.-исл. *veðr*, др.-англ. *weðer*, др.-сакс. *wethar*, др.-в.-нем. *wider* 'баран' < 'годовалый' и др.-инд. *vatsáḥ* 'годовалое животное, годовалый теленок') было вытеснено более новым *jēra (ср. гот. *jer*, др.-исл. *ár*, др.-англ. *gear*, др.-фриз. *jer*, др.-сакс. *jâr*, др.-в.-нем. *jâr* 'год'). В связи с этим прагерм. *weðra приобрело значение 'погода'. Эта терминологизация реализовалась на германской почве, и поэтому прасл. *vedro 'погода' нужно рассматривать как результат прагерманского проникновения. В праславянском прагерм. *weðra 'год, погода' вошло в соприкосновение с прасл. *godъ 'год, благоприятная пора' (ср. ст.-сл. **годъ** 'час, время', **къ годъ** 'εὐκαίρως', др.-русск. **годъ**, **безъ года** 'не во время' (т. е. 'не в благоприятное время'), русск. диал. *година* 'хорошая погода', укр. *година* — то же, с.-хорв. *го̑д* 'праздник', словен. *god* 'благоприятное время, праздник', чешск. *hod* — то же, слвц. *hody* 'пиршество', польск. *gody* 'праздник', в.-луж. *hody* 'святки', н.-луж. *gody* — то же.

В результате их взаимодействия в разных славянских языках возникли новые семантические микроструктуры. Вот некоторые из них: русск. *погода* (немаркированный член противопоставления) — *вёдро* 'хорошая погода' (маркированный член противопоставления); с.-хорв. *време* 'погода' (немаркированный член противопоставления) — *вёдро* 'хорошая погода' (маркированный член противопоставления); чешск. *počasí* 'погода' (немаркированный член противопоставления) — *pohoda* 'хорошая погода' (маркированный член противопоставления). По поводу данных семантических микроструктур следует заметить, что *pogoda является западно-восточнославянской инновацией на основе производного от праслав. *godъ 'год, благоприятная пора', в то время как *vedro следует признать праславянским. Как *pogoda*, так и *vedro* могут высту-

---

[21] См.: J. Holub. Stručný slovník etymologický jazyka československého. Praha, 1937, стр. 324; MES, 559.

[22] J. Otrębski. Z badań nad infiksem nosowym w językach indoeuropejskich. Kraków, 1929, стр. 57.

inslav

пать в роли то немаркированного, то маркированного члена противопоставления, например, русск. *погода* (немаркированный), чешск. *pohoda* (маркированный), в.-луж. *vjedro* (немаркированный), н.-луж. *vjedro* (маркированный) и т. д. В чешском языке в качестве немаркированного члена противопоставления выступило новообразованное *počasí* (по образцу маркированного *pohoda*), поэтому *vedro* оказалось вытесненным из семантической микроструктуры (чешск. *vedro* 'жара').

Мы не знаем, проникло ли прагерм. **wedra-* в праславянский с значением 'погода' или 'хорошая погода' (ср. др.-англ. *weder-daeg* 'хороший день' = др.-исл. *góðan veðrdag*, где *weder* 'хорошая погода', а *veðr* 'погода'), но в любом случае возникновение на славянской почве *vedro* в качестве абсолютного синонима *godъ* (*pogoda*) не представляется возможным. На германской же почве *wedra* объясняется очень хорошо как на основе анализа семантической микроструктуры, так и на основе сравнения с генетически тождественными словами других индоевропейских языков.

8. Прасл. ***vektъ***; прагерм. ***wehti-***.

Общее значение для славянской и германской групп соответствий — 'вещь, дело'. Полная зависимость значений и словообразовательных моделей сравниваемых форм ставит (при отсутствии параллелей в других индоевропейских языках) под сомнение их генетическое тождество. Для определения характера зависимости между славянскими и германскими формами необходимо начать с решения для данного случая вопроса о предполагаемом исходном значении для вторичного, абстрактного — 'вещь'. В качестве такого исходного предполагается и.-е. **u̯ek^u̯*- 'говорить'[23] (ср. чешск. *řeč* 'речь' и 'вещь', др.-в.-нем. *sahha* 'спор, тяжба' и н.-в.-нем. *Sache* 'вещь', др.-исл. *þing* 'народное собрание' и нем. *Ding* 'вещь' и т. д.) или **u̯ēt-* (то же значение при тех же семантических параллелях; ср. еще ст.-сл. **кѣщє** 'собрание, вече' и **кѣщь** 'вещь'). Для первой этимологии привлекаются в качестве индоевропейских параллелей к славянским формам: др.-греч. ἔπος 'слово, речь', лат. *vox* 'голос', для второй — др.-прусск. *waitiāt* 'говорить, обращаться с речью', др.-иран. *vaēϑ-* 'решать судом'. Вторая этимология, однако, маловероятна, так как в случае ее принятия придется отрицать всякую зависимость между славянскими и германскими формами (последние ведь отражают догерманское звукосочетание *-kt-*). Первая этимология, которую, очевидно, следует признать единственно возможной, не помогает нам определить характер зависимости между сравниваемыми формами. Словопроизводство отглагольных имен на *-ti* типично как для славянских языков (прасл. **pamęti*), так и для германских (прагерм. **mahti-*), поэтому и оно не может быть в данном случае критерием. С другой стороны, и.-е. **u̯ek^u̯*-, не осложненный суффиксацией, не встречается в праславянском, а это лишает нас в данном случае возможности установить вероятность словопроизводства при помощи суффикса *-ti-* на славянской почве. В итоге, характер зависимости между славянскими и германскими формами остается неустановленным до тех пор,

[23] F. Prusik. Slavische Miscellen. — KZ, Bd 35, 1897, стр. 596—597. Вслед за ним Ст. Младенов и В. Кипарский считают славянские и германские формы генетически тождественными (и.-е. **u̯ek^u̯*) — (Ст. Младенов. Старите германски елементи..., стр. 37—39; V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter..., стр. 91). Иные реконструкции в работах: F. A. Wood. Etymological notes. — MLN, 23, 1908, стр. 148; J. Loewenthal. Zur germanischen Wortkunde. — Afnf, 35, 1919, стр. 230; F. Holthausen. Wortdeutungen. — PBB, 46, 1921—1922, стр. 146. Все три этимологии невероятны прежде всего потому, что предполагают отсутствие всякой зависимости между славянскими и германскими формами.

inslav

пока мы при помощи словообразовательного анализа и анализа семантических микроструктур не определим языковую почву, на которой наиболее вероятно образование рассматриваемой формы.

Начнем с анализа славянской семантической микроструктуры. Прасл. **vektь* имеет следующие соответствия в отдельных славянских языках: ст.-сл. **вѣщь**, болг. *вещь*, чешск. *věc*, слвц. *vec*, в.-луж. *wěc*, н.-луж. *wěc*.

Даже самый беглый обзор этих соответствий убеждает нас в том, что они представлены неравномерно и неполно. Как тому учит практика семасиологических исследований, обычной причиной такого рода неполноты является воздействие конкурирующего образования. Его нетрудно обнаружить. Это — употребляющееся в том же значении прасл. **rečь*, ср. укр. *річ*, блр. *рэч*, польск. *rzecz*, словен. *reč*.

Семантическое развитие 'речь, слово > вещь' здесь хорошо прослеживается. Кроме того, славянские языки сохранили первичный глагол **rekti* в значении 'сказать' и большое количество производных от него с разными ступенями аблаута, ср. ст.-сл. **рещти**, **рьци**, **рьчь**, **рокъ**; др.-русск. **речи**, **рьчь**, **рокъ**, **рицати**.

Того же, однако, нельзя сказать о праслав. **vektь*. Как уже говорилось выше, первичный глагол в значении 'сказать' от и.-е. **u̯ek** отсутствует в славянских языках. Отсутствуют также однокоренные производные с разными ступенями аблаута. Эти факты свидетельствуют о том, что прасл. **vektь*, по всей вероятности, не является прямым продолжением какой-то дославянской, индоевропейской формы. Утверждая это, мы исходим, во-первых, из того, что возникновение в одном языке двух абсолютно синонимичных терминов маловероятно, во-вторых, для такого процесса, даже если бы мы допустили его возможность, не существует необходимого параллелизма исходных форм (прасл. **rekti* не имеет синонима, образованного от и.-е. **u̯ek**-). С другой стороны, прагерм. **wehti-* непосредственно связано с индоевропейским **u̯ek** 'говорить'. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие реликтов этого глагола в отдельных германских языках: др.-исл. *váttr* 'свидетель', *vátta* 'свидетельствовать' (< **waht-*), др.-в.-нем. *giwahanen* 'упоминать' (< *gawahnajan*) и др.; во-вторых, наше предположение подтверждается следующими вариантными значениями прагерм. **wehti*, регулярно отраженными в большинстве германских языков: гот. *waíhts* 'вещь', *niwaíht* 'ничего'; др.-исл. *vitr* 'живое существо', 'сверхъестественное существо', *nevaettki* 'ничего'; др.-англ. *wiht* 'существо, дух', *nāwiht* 'ничего'; др.-сакс. *wiht* 'существо', *neowikt* 'ничего'; др.-в.-нем. *wiht* 'живое существо, сверхъестественное существо', *niwiht* 'ничего'. Значение 'дух, привидение, сверхъестественное существо' является для данного слова, несомненно, табуистическим и развилось из первичного 'названное, упомянутое', ср. реализацию и.-е. **g'heu̯* — 'звать, призывать': др.-инд. *hávate* 'зовет, призывает', лит. *žavėti* 'колдовать', ст.-сл. **зъвати** 'звать', гот. *guþ* (и в других германских языках) 'бог' (первоначально 'демон, злой дух', ср. др.-исл. *gyzki* 'безумие', др.-англ. *gydden* 'безумный', т. е. 'одержимый бесом, бешеный').

Итак, прагерм. **wehvan* 'звать, называть' + *-ti* (продуктивный на германской почве суффикс, оформляющий отглагольные имена) > *wehti* 'названное, вещь'; а прагерм. **wehti-* > прасл. **vektь*.

Если признать первичной праславянскую форму **vektь*, а не **vextь*, то проникновение имело место до первого передвижения согласных в германских языках.

9. Прасл. ****vorgъ***; прагерм. ****warga-***

Общее значение славянской группы соответствий 'враг, преступник,

inslav

опальный человек, дьявол'; германской — 'преступник, опальный человек, дьявол'[24].

По мнению некоторых исследователей[25], славянские и германские формы не связаны между собой, так как первые имеют регулярные индоевропейские соответствия, ср. лит. *vérgas*, лтш. *vẽrgs* 'раб', гот. *wraka* 'преследование', др.-англ. *wraec* 'изгнание', лат. *urgeo* 'гнать' и т. д. Однако, как показывают приведенные значения славянских и германских форм, попытка отрицания всякой зависимости между ними не реальна, тем более, что и с формальной точки зрения они абсолютно эквивалентны. С другой стороны, вряд ли могут вызвать сомнение приведенные выше индоевропейские параллели к прасл. **vorgъ*. Согласно отраженной в них семантике, первичное значение для прасл. **vorgъ* должно было быть 'опальный, преследуемый, изгнанный человек' (гот. *wraka* 'преследование', лат. *urgeo* 'гоню'), ср. нем. *verhaßt* 'ненавистный', ~ *hetzen* 'преследовать, гнать'. Сюда же относятся праслав. **vьrgati* 'толкать, бросать'. Ср. ст.-сл. **изврагъ** 'отверженный', **извьргати** 'изгонять'[26] и ср.-лат. из герм. *wargus* 'изгнанник'. Как видно, в данном случае мы имеем дело с родовым юридическим термином.

Возникновение этого термина прослеживается только на славянской почве (**vьrgati* > **vorgъ*). Индоевропейские параллели еще не отражают терминологического значения. О том, что праславянская форма проникла в прагерманский уже в терминологическом значении, свидетельствуют и табуистические значения прагерманского **warga* (др.-англ. *wearg* 'дьявол', др.-в.-нем. *warg* 'дьявол'; ср. русск. *ворог*, болг. *враг*, с.-хорв. *враг*, словен. *vrag* 'дьявол'). По законам табуистической семантики германцы, восприняв это у славян, давали 'нечистому духу' наименование, предназначенное 'человеку вне закона'. Наконец, третий аргумент в пользу праславянского проникновения в прагерманский: гот. *wardiþa* 'проклятие' и ср.-лат. *wargida* (< герм.) 'отсутствие мира' (= 'вражда') не могут быть генетически родственными с прасл. **vorgьda* 'вражда', так как готский суффикс *-iþa* является развитием индоевропейского **-ēta*. Славянский же суффикс *-ьda* (например, *pravьda*) никакой связи с последним не имеет. В данном случае в гот. *wargiþa* суффикс *-iþa-* лишь субституция славянского *-ьda* в форме **vorgьda*, и возникнуть он должен был в результате проникновения из праславянского в прагерманский.

К аналогичным выводам мы придем, если рассмотрим славянскую и германскую группу соответствий в плане семантических микроструктур. Поскольку для прасл. **vьrgati* в качестве генетически тождественных признаются прагерм. **wrekan* 'преследовать, гнать' и лат. *urgeo* 'толкать, гнать', представляется возможным рассматривать праславянский глагол в составе семантической микроструктуры **gnati* — **vьrgati*, где **gnati* выступал бы в качестве немаркированного члена противопоставления, ср. ст.-сл. **гнати, женѫ**; др.-русск. **гнати, жену**, укр. *гнáти, женý*; блр. *гнаць, жэну*, болг. *гóня*, с.-хорв. *гнáти, жéнем*; чешск. *hnati, ženu*; польск. *gnać*, в.-луж. *hnać*, н.-луж. *gnaś* с общим,

[24] Заимствование из германского предполагают: F. Kluge. Urgermanisch. Strassburg, 1913, стр. 41; A. Senn. Germanische Lehnwortstudien..., стр. 44; K. Moszyński. Uwagi do słownika etymologicznego Fr. Sławskiego. — JP, 35, 1955, стр. 134. — В. Кипарский предполагает генетическое тождество славянских и германских форм (см.: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter..., стр. 95).

[25] О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 176—177. Здесь же обзор других этимологий.

[26] Там же, стр. 176.

inslav

последовательно фиксируемым во всех славянских языках значением 'гнать, преследовать'.

В результате взаимодействия с *gnati *vьrgati приобретает специализированное значение, становится маркированным членом противопоставления. Реконструкция первичного значения прасл. *vьrgati в настоящее время представляет большие трудности, однако судя по таким реликтам, как ст.-сл. **изкръгъ**, **изкраг**, др.-русск. **изкьргъ**, **изкорогъ**, первичным значением праславянского глагола было 'гнать, преследовать человека (члена рода)'. Рассматриваемая семантическая микроструктура распалась, видимо, очень рано. Уже скоро после распада славянского языкового единства глагол *vьrgati в ряде случаев заменяется глаголом* gnati (ср. аналогичную, хотя и менее полную замену глагола *vědati* глаголом *znati*). Об этом свидетельствуют, во-первых, разнообразие значений *vьrgati в отдельных славянских языках (ср. ст.-сл. **врьгнѫти** 'бросать', с.-хорв. *вр̏гнути* 'бросить, вложить, подвинуть, замахнуться', польск. *wierzgnąć* 'толкать, бить, ударять' и т. д.), во-вторых, повсеместная замена более древних образований типа др.-русск. **изкьргъ** новыми типа русск. *изгнанник*, болг. *изгнанник*, с.-хорв. — *и́згнанник*, словен. *izgnanec*, чешск. *wyhnanec*, польск. *wygnaniec* и т. д.

Имя *vorgъ*, как уже указывалось в литературе, представляло собой древнейшее отглагольное образование. И так как ни в одном из славянских языков мы не обнаруживаем следов древнейшего значения 'изгнанный из рода', следует предполагать, что это значение было утрачено еще в праславянский период.

Утрата первичного значения была вызвана терминологизацией прасл. *vorgъ. В свою очередь терминологизация привела к разрушению старой семантической микроструктуры (ср. аналогичный процесс терминологизации прасл. *sočiti с последующим разрушением семантической микроструктуры).

Мы не знаем, имело ли прасл. *vorgъ ко времени проникновения в прагерманский значение 'враг' или 'преступник, опальный человек и (табуистическое) дьявол'. Однако, если прасл. *vorgъ и имело значение 'враг' (иначе пришлось бы допустить, что таким значением обладало лишь слово *neprijatelь), то оно не могло сохраниться на германской почве по следующим причинам.

В прагерманском проникшее прасл. *vorgъ должно было столкнуться с синонимичным *fijand- (ср. гот. *fijands*, др.-исл. *fjandi*, др.-англ. *fēond*, др.-фриз. *fīand*, др.-сакс. *fîond*, д.-в.-нем. *fîjand* 'враг').

Терминологическое значение, не встретившее сопротивления, было усвоено, как заимствование, ср. др.-исл. *vargr* 'разбойник, опальный человек, волк', др.-англ. *wearg* 'опальный человек, преступник', др.-сакс. *warag* — то же, др.-в.-нем. *warg-* — то же. *Vorgъ в значении 'враг' не могло бы, естественно, вытеснить *fijand- в том же значении и было поэтому для прагерм. *warga- утрачено. Что же касается табуистического значения, то оно в силу своей меньшей системной организованности оказалось лишь частично усвоенным и распределялось следующим образом по германским диалектам: др.-англ. *wearg* 'злой дух', др.-в.-нем. *warg* 'дьявол', др.-исл. *fjándi-* — то же, др.-англ. *feond-* — то же. Впрочем, возможно, что др.-исл. *fjándi* и др.-англ. *feond* в значении 'дьявол' представляют собой кальки с лат. *inimicus* или др.-греч. ἐχθρός.

Закономерности становления семантической микроструктуры не позволяют предположить возникновение в прагерманском двух абсолютных синонимов (*fijand- и *warga-) с общим значением 'враг'. А так

inslav

как **fijand* (лексикализированное причастие) легко объясняется на основе прагерманской словообразовательной модели, остается предположить неисконность прагерм. **warga-*. Так, методом моделирования семантической микроструктуры подтверждается, по нашему мнению, лексическое проникновение праслав. **vorgъ* > прагерм. **warga-*. В данном случае, однако, это не более чем подтверждение, так как нам неизвестно, имело ли прасл. **vorgъ* значение 'враг'. Доказательство же осуществляется путем проверки всех основных критериев лексического проникновения.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

Ю. В. Откупщиков

О СТАРОСЛАВЯНСКОМ СИГМАТИЧЕСКОМ АОРИСТЕ

В работах, посвященных истории старославянского сигматического аориста, и в общих руководствах по старославянскому языку стали уже традиционными аксиомами следующие три положения.

1. Чередование типа **везж : вѣсъ, прободж : пробасъ, рекж : рѣхъ** и т. п. имеет морфологическое происхождение и восходит к индоевропейскому чередованию **e* (презенс): **ē* (сигматический аорист).

2. Аорист типа **ведохъ, рекохъ** является более поздним образованием по сравнению с сигматическим аористом типа **вѣсъ, рѣхъ**.

3. Формы 2-го и 3-го лица ед. ч. в парадигме сигматического аориста (1-е лицо **вѣсъ**, 2-е и 3-е лицо **веде**) являются супплетивными формами простого аориста.

Все три вывода, основательность которых в настоящее время обычно не подвергается сомнению, нам тем не менее представляются спорными. Попытаемся аргументировать свою точку зрения.

1. Огласовка корня сигматического аориста типа вѣсъ

Ф. Миклошич высказал мнение о том, что долгота *ē* в ст.-сл. **вѣсъ, рѣхъ** и т. п. является заменительной (Ersatzdehnung), появившейся в результате выпадения согласного перед *s*[1]. Этого же объяснения придерживался Н. В. Крушевский[2], а в настоящее время придерживается П. С. Кузнецов[3]. Точка зрения Миклошича была подвергнута критике Ф. Сольмсеном, который писал, что огласовка корня старославянского аориста типа **вѣсъ** отражает индоевропейскую удлиненную ступень (Dehnstufe)[4]. Толкование Сольмсена получило всеобщее признание[5]. Согласно этому толкованию, чередование **везж : вѣсъ** восходит

---

[1] F. Miklosich. Über die Steigerung und Dehnung der Vokale in den slavischen Sprachen. Wien, 1878, стр. 32, 36, 39—40.

[2] Н. В. Крушевский. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма. — РФВ, т. V (1881), стр. 92—93.

[3] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 205.

[4] F. Solmsen. Sigma in Verbindung mit Nasalen und Liquiden im Griechischen. — KZ, Bd 29, 1888, стр. 82.

[5] См., например: K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd I, Teil I. 2. Aufl. Straßburg, 1897—1916, стр. 486; А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 228; А. Мейе. Общеславянский язык. М.,

inslav

к древнеиндийскому чередованию *e (презенс): *ē (сигматический аорист), сохранившемуся также в лат. *vehō*:*vēxī* и санскр. *váhami*: *ávākṣam*. Как отмечает Хр. Станг, подобное совпадение в огласовке корня сигматических форм аориста было бы трудно объяснить как результат самостоятельного развития отдельных языков («...Die Dehnstufe einzelsprachlich kaum zu erklären wäre»)[6].

Несмотря на кажущуюся убедительность приведенных аргументов, гипотеза об индоевропейском происхождении чередования **везѫ:вѣсъ**, **рекѫ:рѣхъ** и т. п., на наш взгляд, не может быть признана удовлетворительной. Рассмотрим относящиеся к данному вопросу факты.

Прежде всего, гипотеза об индоевропейском происхождении чередования типа **везѫ:вѣсъ** базируется на данных всего трех языков: латинского, древнеиндийского и старославянского. В германских и балтийских языках сигматический аорист отсутствует[7] и вряд ли он там когда-нибудь вообще существовал[8]. В греческом языке не сохранилось никаких следов предполагаемой индоевропейской огласовки *ē корней сигматического аориста, огласовка которого в греческом языке совпадает с огласовкой основы настоящего времени[9]. Нет следов огласовки *ē и в кельтском претерите на -*s*-, который является кельтским новообразованием[10]. Все это говорит о том, что индоевропейский (и, в частности, старославянский) сигматический аорист явление сравнительно позднее, что формирование сигматического аориста совершалось, в основном, в рамках отдельных языков — независимо друг от друга[11]. О позднем формировании сигматического аориста говорит также факт резкого расхождения в распределении функций сигматических образований в ряде наиболее близкородственных языков. Так, в латинском языке имеется сигматический аорист (совпавший с перфектом), а в оскском и умбрском языках сигматический аорист отсутствует, но имеется будущее время, образованное с помощью того же суффикса -*s*-[12]. Сходное явление наблюдается в балто-славянских языках. В славянском имеется сигматический аорист, но нет сигматического будущего[13], в балтийском, напротив, имеется будущее на -*s*- при отсутствии форм сигматического аориста. Эти факты свидетельствуют о том, что

1951, стр. 204. — Из работ последнего времени см.: Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. — «Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps Akademi i Oslo», II, Historisk-Filosofisk Klasse, 1942, № 1, стр. 13; J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 159—160; H. Wagner. Keltisches *t*-Praeteritum, slavischer Wurzelaorist und germanisches schwaches Praeteritum. — ZfCeltPh, Bd 28, 1960, стр. 3.

[6] Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 13.

[7] E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1950, стр. 97; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 13.

[8] Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 13.

[9] A. Meillet. Sur l'aoriste sigmatique. — «Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure». Paris, 1908, стр. 102; А. Мейе. Введение..., стр. 228; П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 147.

[10] Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 356.

[11] K. Brugmann und B. Delbrück. Указ. соч., Bd. II, T. III, стр. 395—396; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 13; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 200; H. Wagner. Указ. соч., стр. 16; W. K. Mattheus. Rusian Historical Grammar. London, 1960, стр. 49.

[12] A. Meillet. Sur l'aoriste sigmatique, стр. 82; A. Meillet et J. Vendryes. Traité de grammaire comparée des langues classiques, 2. éd. Paris, 1948, стр. 272; И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., 1953, стр. 76.

[13] Кроме изолированной формы причастия будущего времени **бышѧщѥ, бышѧщꙗ**.

inslav

формирование сигматического аориста (перфекта) в латинском языке происходило после распада италийского единства и что славянский сигматический аорист также является сравнительно поздним образованием. Наконец, формы древнеиндийского сигматического аориста расходятся с данными наиболее близких к санскриту иранских языков. Чередованию лат. *vehit* : *vēxit*, санскр. *váhati* : *ávākṣit* противоречит авест. *vaza'ti* : *(uz-)važat*, где это чередование отсутствует [14]. Следовательно, у нас нет никаких оснований возводить огласовку корня сигматического аориста в латинском, древнеиндийском и старославянском языках к эпохе индоевропейского единства. Как справедливо отмечает М. М. Гухман, «...лишь небольшое количество глагольных категорий может быть отнесено к эпохе индоевропейской общности... Системы наклонений и времен в основном оформлялись индивидуально в развитии отдельных языков, хотя предпосылки этого развития были заложены в языке-основе» [15].

Вообще нельзя механически проецировать в систему индоевропейского праязыка все те явления, которые совпадают в двух-трех (и даже более) языках. Хорошо известно, что монофтонгизация дифтонгов, палатализация заднеязычных, редукция безударных гласных, образование аналитических глагольных форм и многие другие процессы протекали параллельно и независимо друг от друга в целом ряде индоевропейских языков. Вряд ли, например, кто-нибудь станет возводить к периоду индоевропейского единства образование сходных форм на *-ся* в славянских и на *-s* в скандинавских языках или образование близких к ним романских форм с возвратным местоимением [16].

Против гипотезы об индоевропейском происхождении чередования **везѫ : вѣсъ** говорят также и другие факты. Даже в тех трех языках, в которых засвидетельствовано чередование **e* (презенс): **ē* (сигматический аорист), огласовка корня сигматического аориста совпадает только в одной форме — в 1-м лице ед. ч. индикатива актива. Причем, совпадение это для всех трех языков может быть проиллюстрировано на примере только одного глагола: ст.-сл. **вѣсъ**, лат. *vēxi*, санскр. *ávākṣam*. Именно этот пример фигурирует во всех книгах, статьях и учебниках, якобы подтверждая индоевропейский характер чередования **везѫ : вѣсъ**. Во 2-м и 3-м лице ед. ч. старославянские формы, как известно, расходятся с латинскими и древнеиндийскими формами. Здесь перед нами выступают формы аориста с кратким гласным (**везе, рече**), которые обычно рассматриваются как супплетивные формы простого аориста. Древнеиндийский сигматический аорист, отражающий (согласно традиционной точке зрения) наиболее древнее индоевропейское состояние, имел чередование в огласовке корня форм единственного и множественного числа действительного и среднего залога. Это чередование также чуждо и старославянскому, и латинскому языку. Наконец, ступень *vṛddhi*, характеризующая изъявительное наклонение древнеиндийского сигматического аориста, отсутствует в конъюнктике (субъюнктиве). Это чередование между индикативом и конъюнктивом также не засвидетельствовано ни в латинском, ни в ста-

---

[14] Ср. также, например, авест. *frašī* 'я спросил' и санскр. *áprākṣam*. Chr. Bartholomae. Grundriß der iranischen Philologie, Bd I. Straßburg, 1895—1901, стр. 196.

[15] М. М. Гухман. Приемы сравнительно-исторического изучения системы словоизменения. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 277.

[16] Там же, 269.

inslav

рославянском языках. Латинский конъюнктив сигматического аориста (перфекта) имеет ту же огласовку корня, что и индикатив, а старославянский сигматический аорист вообще не имеет сослагательного наклонения.

Таким образом, расхождения в характере чередования корневого гласного старославянского, древнеиндийского и латинского сигматического аориста столь велики, а совпадение — столь незначительно [17], что сам собой напрашивается вывод о параллельном возникновении этого чередования — независимо в каждом из трех языков.

И действительно, если рассмотреть данные латинского языка, то окажется, что долгота гласного в формах *vēxī*, *rēxī*, *tēxī* и т. п. имеет явно фонетическое происхождение, не восходящее к индоевропейской эпохе. В латинском сигматическом перфекте корневой гласный удлиняется лишь у глаголов, корень которых оканчивается на простой (или придыхательный) звонкий смычный. Во всех остальных случаях корневой гласный сигматического перфекта имеет то же количество, что и в настоящем времени. Таким образом, в латинском языке долгота корневого гласного в формах типа *rēxī*, *tēxī* явилась результатом оглушения последующего звонкого смычного. Это фонетическое изменение принципиально ничем не отличается от удлинения корневого гласного в причастиях типа *āctus*, *lēctus*, *tēctus* (закон Лахмана) — удлинения, поздний характер которого ни у кого не вызывает сомнений. Против предположения об индоевропейском происхождении чередования типа *legō* : — *lēxī*, *regō* : *rēxī*, *tegō* : *tēxī* свидетельствуют также и греческие формы ἔλεξα, ὤρεξα и ἔστεξα, которые не могут отражать индоевропейской удлиненной ступени **ē*.

Наконец, даже в санскрите, «по образу и подобию» которого обычно восстанавливается предполагаемое чередование **e* (презенс): **ē* (сигматический аорист), это чередование явилось следствием позднейшей унификации. В древнейших ведийских текстах огласовка корня *s*-аориста не отличается достаточной регулярностью. Здесь глагольный корень нередко может оказаться на ступени *vṛddhi* и в субъюнктиве или в среднем залоге [18]. С точки зрения индоевропейского происхождения чередования типа *váhami* : *ávākṣam* необъяснимой остается и огласовка корня, например, в санскр. *ádikṣam* (ср. лат. *dīxī*, греч. ἔδειξα).

Вообще гипотеза об индоевропейском происхождении чередования **e* (презенс): **ē* (сигматический аорист) опирается на представление о древнеиндийской глагольной системе как об исконно индоевропейской, сохранившей наиболее архаические черты древнеиндоевропейского глагола. Новые языковые материалы тохарского и хеттского языков не подтвердили этой точки зрения, от которой исследователи последних 40—50 лет должны были отказаться [19].

Допустим, однако, что чередование типа ст.-сл. **везѫ** : **вѣсъ**, лат. *vehō* : *vēxī*, санскр. *váhami* : *ávākṣam* возникло все же в индоевропейском языке-основе и что он имеет морфологическое происхождение. Подобное допущение было бы невозможно увязать с известными нам фактами старославянского и других индоевропейских языков. Известно, что в славянских языках глагольные основы, содержащие долгий гласный, обычно обозначали длительное или многократное действие, про-

---

[17] Совпадает во всех трех языках только 1-е лицо, только единственного числа, только действительного залога и только изъявительного наклонения. Во всех остальных формах это совпадение отсутствует.

[18] См.: A. A. Macdonell. Vedic Grammar. Strassburg, 1910, стр. 380—381; Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М., 160, стр. 135.

[19] См.: М. М. Гухман. Указ. соч., стр. 235—236.

inslav

тивостоящее краткому или однократному действию. Древность этого противопоставления подтверждается сходными фактами количественного чередования корневого гласного во многих индоевропейских языках. Так, санскр. *váhati* 'везет' противостоит *vāháyati* 'возит', латыш. *nest* 'нести' — *nēsāt* 'носить'. Аналогичные отношения мы имеем и в греч. τρέπω : τρωπάω, νέμω : νωμάω; лит. *stìkti* : *stýgoti*; ст.-сл. **рекж** : **прѣрѣкати**, **плетж** : **съплѣтати**, **текж** : **притѣкати**, **бодж** : **избадати** и мн. др.[20]. Итак, во всех приведенных примерах удлиненная ступень огласовки корня обозначает длительность или многократность действия. Как известно, ни длительность, ни многократность действия не была характерной чертой аориста. Поэтому долгота корневого гласного в сигматическом аористе типа **вѣсъ** не может рассматриваться как долгота морфологического происхождения, противопоставляющая основу аориста основе настоящего времени.

Противопоставление огласовки корня в ст.-сл. **везж** : **вѣсъ** не может быть достаточно древним и потому, что генетически основы настоящего времени и аориста восходят к общему источнику. А. Мейе в связи с этим пишет: «...за исключением образований на *-s-, все типы основы, употребляемые в аористе, встречаются и в настоящем времени...»[21]. В другом месте Мейе пишет: «...типы образования аористов, за исключением одного (разрядка наша. — *Ю. О.*), имеют также соответствующие формы настоящего времени»[22]. Следовательно, сама по себе основа аориста не противопоставлялась основе настоящего времени. Чередование типа **везж** : **вѣсъ** является в этом отношении исключением, а не индоевропейской нормой. В лингвистической литературе является общепризнанным то положение, что по своему происхождению сигматический аорист восходит к сигматическим формам настоящего времени[23]. Если так, то изначальное противопоставление огласовки корня в основах настоящего времени и сигматического аориста вообще исключается.

Сигматические формы настоящего времени, сохранившие свои следы во иногих индоевропейских языках, также свидетельствуют против гипотезы о морфологическом происхождении чередования **e* (презенс): **ē* (сигматический аорист). В индоиранском засвидетельствованы формы сигматического презенса, также удлинившие свой корневой гласный:

---

[20] Широко распространенный термин «более позднее чередование» («der jüngere Dehnungsablaut»), противопоставляемый «более древнему чередованию» («der ältere Dehnungsablaut» — см., например, P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik, I. Teil. Heidelberg, 1932, стр. 91) нам представляется неудачным. Во-первых, чередование типа **везж** : **вѣсъ**, видимо, не восходит к индоевропейской эпохе, а поэтому вряд ли следует именовать его «более древним». Во-вторых, чередование типа **плетж** : **съплѣтати**, засвидетельствованное в ряде индоевропейских языков, является древним, хотя оно и сохранило многочисленные следы и даже свою продуктивность, например, в современном русском языке (*толкать* : *подталкивать*, *избрать* : *избирать*, *звать* : *призывать* и т. п.). Поздняя продуктивность и длительное существование этого чередования еще отнюдь не говорит о его позднем происхождении. Напротив, это чередование, видимо, возникло даже раньше, чем чередование типа **везж** : **вѣсъ**.

[21] А. Мейе. Введение..., стр. 260.

[22] Там же, стр. 213.

[23] А. Мейе. Введение..., стр. 230; K. Brugmann und B. Delbrück. Указ. соч., Bd II, T. III, 1, стр. 336, 390, 395; здесь же (стр. 336—390) приведены многочисленные примеры сигматических образований настоящего времени в индоиранском, греческом, германском и в других языках; H. Hirt. Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Straßburg, 1900, стр. 186; Chr. Bartholomae. Указ. соч., стр. 75—76; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 12—13.

inslav

санскр. *tāṣṭi*, авест. *tāšti* (санскр. *tákṣati*), санскр. *dāṣṭi*, *rāṣṭi* и др.[24] Следовательно, удлиненная ступень огласовки корня в древнеиндийском языке и в Авесте не является специфической особенностью форм сигматического аориста — особенностью, противостоящей формам настоящего времени. Напротив, та же самая удлиненная ступень огласовки корня встречается и в сигматическом настоящем времени — что заставляет предполагать для того и другого явления наличие причин фонетического характера.

Итак, сигматический аорист в латинском, древнеиндийском и старославянском языке — это не древние индоевропейские формы, а образования сравнительно поздние, но продолжающие развитие очень древних индоевропейских сигматических форм. Чередование *е (презенс): *ē (сигматический аорист) оформилось во всех трех языках независимо друг от друга под воздействием фонетических причин.

В старославянском языке чередование **везѫ : вѣсъ, гребѫ : грѣсъ, несѫ : нѣсъ ведѫ : вѣсъ, рекѫ : рѣхъ чьт : чисъ бодѫ : прабасъ** и т. п. засвидетельствовано только для тех случаев, когда перед *-s- исчезает конечный согласный корня. Все прочие случаи этого чередования не знают. Что касается примеров типа **мьрѫ : мрѣхъ**, то последняя форма может восходить и к **mērsom*, и к **mersom*. Точно также **клахъ** может восходить к **kōlsom* или к **kolsom*, **пасъ** — к **pēnsom* или к **pensom*[25]. Поэтому в формах с плавным не может быть восстановлена древнейшая огласовка корня, а тем-самым — не может быть доказано наличие или отсутствие предполагаемого древнего чередования. Наличие надежных примеров этого чередования только в случаях с выпадением согласного перед *-s- говорит в пользу отвергнутой в настоящее время гипотезы Миклошича о заменительном характере удлинения корневого гласного в формах старославянского сигматического аориста типа **вѣсъ**.

Об этом же свидетельствует соотношение между основами настоящего времени, инфинитива и аориста в старославянском языке. Как известно, старославянские глагольные формы обычно примыкают к одной из двух основ, противостоящих друг другу, — к основе настоящего времени или к основе инфинитива. Формы аориста, в случае наличия противопоставления этих основ, совпадают в плане огласовки корня с основой инфинитива: **зовѫ — зъвати зъвахъ, борѭ — брати — брахъ, мьрѫ — мрѣти — мрьхъ.** Когда основы инфинитива и настоящего времени одинаковы, основа аориста также не отличается от них: **молѭ — молити — молихъ, трасѫ — трасти — трасъ, блюдѫ — блюсти — блюсъ.** В этом отношении аорист типа **вѣсъ**, с одной стороны, «...не отражает общего противопоставления основы настоящего времени и основы инфинитива»[26], а с другой стороны — он противостоит общей для глаголов этого типа основе настоящего времени и инфинитива. Поскольку **гребѫ — грети, ведѫ — вести** имеют одинаковую огласовку корня в настоящем времени и в инфинитиве, мы ожидали бы в аористе форм **grēsъ* и **vesъ* (ср. **молихъ**), возникших из **greb-s-om*, **ved-s-om*. Именно эти формы должны быть признаны исходными, если мы не хотим вводить для старославянского глагола еще третий особый тип

[24] См.: K. Brugmann und B. Delbrück. Указ. соч., Bd II, T. III, 1, стр. 98, 293; H. Hirt. Указ. соч., стр 176; А. Мейе. Введение..., стр. 252 и др.

[25] А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 255—257.

[26] А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 258—259.

inslav

основы, на которой образуются лишь некоторые формы сигматического аориста (тип **вѣсъ**). А поскольку формы **greb-s-om* и **ved-s-om* дали в старославянском языке не **gresъ* и **vesъ*, а **грѣсъ** и **вѣсъ**, долгота корневого гласного может быть объяснена только как результат заменительного удлинения (после выпадения смычного перед **-s-*). Это выпадение смычного не могло произойти в индоевропейском языке-основе, так как ни санскрит, ни латинский, ни греческий язык не знают подобного выпадения. Следовательно, утрата смычного перед **-s-* и удлинение предшествующего гласного в формах аориста типа **вѣсъ** относится, по-видимому, к общеславянской эпохе.

К общеславянскому периоду относит это удлинение и С. Б. Бернштейн в недавно вышедшей книге «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961). Однако автор этой книги считает долготу *ē* в **рѣхъ**, **грѣсъ**, **нѣсъ** не заменительной, а позиционной (изменение *ē* в *e* перед **ks*, **bs*, **ks*). Причем изменение **reksom* > **rēksom* произошло, по его мнению, раньше, а удлинение в **грѣсъ** и **нѣсъ** имело место «уже в другую эпоху» (стр. 134). Точка зрения Бернштейна не подтверждается никакими примерами, находящимися за пределами форм старославянского сигматического аориста. Кроме того, вряд ли можно предположить, что тождественные фонетические изменения, происшедшие в одинаковых формах аориста, относятся к различным эпохам развития праславянского языка.

Против возможности существования заменительного (или позиционного) удлинения перед **-s-* в общеславянском языке, на первый взгляд, свидетельствуют такие слова, как **оса**, **тесати** и **ось** (ср. лит. *vapsà*, др.-в.-нем. *wafsa*, санскр. *tákṣati*, греч. τέκτων; лат. *axis*, санскр. *ákṣaḥ*). Во всех трех словах имело место выпадение смычного перед **-s-* без удлинения предшествующего гласного. Однако утрата смычного в этих словах относится к очень древнему времени. О древности выпадения **k* в словах **ось** и **тесати** говорит лит. *ašìs* и *tašýti*, а выпадение **o* в **оса** произошло, видимо, в общеславянском языке, но задолго до выпадения смычных в формах сигматического аориста[27]. О позднем характере фонетических изменений в старославянском сигматическом аористе говорят разные рефлексы в огласовке корня этого аориста и литовского сигматического будущего времени[28]. Хорошо известно, что действие любого фонетического закона всегда ограничено определенными хронологическими рамками, причем эти рамки могут быть весьма узкими. Поэтому мы можем предположить, что выпадение *p* перед *s* в слове **оса** произошло до начала действия фонетического закона.

Помимо форм сигматического аориста, образование которых происходило в какой-то определенный — ограниченный во времени — период, действие этого закона можно проиллюстрировать на примере старославянского прилагательного **высокъ**. Санскр. *úpā* 'на, вверх', *upatá* 'высочайший, высший'; авест. *upata* 'высший'; греч. ὑπέρ 'сверху, на, над, через', ὕπατος 'высочайший, высший', ὑψηλός 'высокий'; лат. *s-ŭper* 'сверху, наверху, наверх, через', *s-ŭperus* 'верхний'; др.-в.-нем. *ubir*, совр. нем. *über* 'над, через' — все эти примеры, содержащие краткий гласный *u*, говорят о том, что ст.-сл. **высокъ** восходит к **v-up-sokos* и, что здесь изменение *u* > *ū* (ы) явилось результатом выпадения смычного перед *-s-*.

---

[27] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Lyon — Paris, 1950, стр. 85—88.

[28] Там же, стр. 88.

inslav

Итак, чередование типа нѣсъ : нѣсъ не является древним индоевропейским чередованием морфологического происхождения. Это чередование есть общеславянское новообразование, возникшее на фонетической основе.

2. СИГМАТИЧЕСКИЙ АОРИСТ ТИПА ВЕДОХЪ, РЕКОХЪ.

А. Шлейхер отмечал, что происхождение славянских форм сигматического аориста на -ѫхъ является весьма темным[29]. А. Лескин по этому же вопросу в очень осторожной форме писал: «Несомненного объяснения нет и недостоверно, может ли это образование быть возведено к какому-нибудь древнему индоевропейскому образованию аориста. Может быть, оно возникло внутри славянского процесса развития из простого аориста...»[30] Последнее предположение высказывалось и до Лескина. Начиная от Бругмана — вплоть до нашего времени — сигматический аорист на -ѫхъ всеми исследователями, как правило, относится к числу очень поздних славянских новообразований. «Сигматический аорист нового типа», «новый аорист», «une forme nouvelle», «a later creation», «Neubildungen jungen Datums» и т. п. — вот обычные обозначения для аориста на -ѫхъ в лингвистической литературе[31]. Более того, в ряде работ самое формирование аориста на -ѫхъ относится уже к исторической эпохе — к периоду появления первых памятников славянской письменности. «В старославянских памятниках обнаруживается новое формирование сигматического аориста», — пишет по этому поводу А. М. Селищев[32]. Самое возникновение сигматического аориста на -ѫхъ и постепенное вытеснение атематических форм сигматического аориста тематическими, на первый взгляд, может быть проиллюстрировано на материале древнейших памятников. Формы аориста на ѫхъ не встречаются в Мариинском евангелии, в Клоцовом сборнике и в Синайской псалтыри. В Ассемановом евангелии они уже встречаются, в Зографском евангелии становятся обычными, наряду с формами типа нѣсъ; в Саввиной книге последний тип аориста встречается крайне редко, а в Супрасльской рукописи — полностью вытесняется образованиями на -ѫхъ (из атематических форм аориста здесь сохраняется только рѣхъ)[33]. Создается впечатление, что формирование аориста «нового типа» и постепенное вытеснение им форм «старого аориста» типа нѣсъ зафиксировано древнейшими старославянскими памятниками. Однако подобный вывод был бы слишком поспешным и необоснованным. Все перечисленные выше памятники датируются X—XI вв. н. э. Вряд ли можно серьезно говорить о том, что на протяжении каких-нибудь 100—150 лет мог

---

[29] Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 4. Aufl. Weimar, 1876, стр. 80.

[30] А. Лескин Указ. соч., стр. 258—259.

[31] K. Brugmann und B. Delbrück. Указ. соч., Bd II, T. III, 1, стр. 427; V. Oblak. Macedonische Studien. — «Sitzungsberichte der philoshist. Klasse der Akademie der Wissenschaften», Bd. 134. Wien, 1896. стр. 116; A. Meillet. [Рец.] A. Leskien Grammatik der altbulgarischen Sprache. «Göttingische gelehrte Anzeigen» 172, Jg. (1910), стр. 366; С. Кульбакин. Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. Пг., 1915, стр. 88—90; Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 496; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 171, 205; А. Вайан. Указ соч., стр. 255, 264; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 312 и мн. др.

[32] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 172.

[33] Там же. См. также: А. Вайан. Указ. соч., стр. 265; G. Handris. Old Church Slavonic Grammar, part I. London, 1959, стр. 145.

inslav

возникнуть и оформиться новый тип аориста и на протяжении тех же 100—150 лет полностью вытеснить формы аориста типа **вѣсъ**. К тому же Зографское евангелие, например, в котором «новый тип» аориста является обычным, по всей видимости, древнее Синайской псалтыри, в которой аорист на **-охъ** «еще» не встречается. Прав поэтому L. Вайан, считавший, что соотношение форм аориста типа **вѣсъ** и **ведохъ** в древнейших славянских памятниках определяется не относительной древностью этих памятников (а следовательно — и самих форм **вѣсъ** и **ведохъ**), но их принадлежностью к различным диалектам[34]. Так, например, в русских церковнославянских памятниках обычной является форма **рекохъ**, в то время как в сербо-хорватских памятниках мы имеем форму **рѣхъ**[35].

Правда, мы не можем отрицать того очевидного факта, что атематические формы сигматического аориста типа **вѣсъ** в конечном итоге вытесняются в славянских языках тематическими формами типа **ведохъ**. Однако продуктивность последнего типа и постепенное отмирание сигматического аориста типа **вѣсъ** в памятниках исторического периода отнюдь еще не говорит о том, что тип **ведохъ** является «новейшим образованием». Поздняя продуктивность тех или иных форм не может еще служить доказательством их позднего возникновения.

О древности сигматического аориста типа **ведохъ** свидетельствует тот факт, что данный тип аориста встречается и у южных, и у восточных, и у западных славян. В старославянском, древнерусском, болгарском и сербском языках широкое распространение получил аорист на **-охъ** (ст.-сл. и др.-русск. **несохъ**, болг. *нѐсох*, серб. *нѐсох*). В древнечешском, нижнелужицком и древнепольском языках сохранился аорист на *-ech* (др.-чешск. *pečech*, н.-луж. *ńasech*, др.-польск. *-idziechą*). Вряд ли можно предполагать, что все приведенные формы возникли параллельно во всех этих языках — независимо друг от друга в период создания первых памятников славянской письменности. Нам представляется гораздо более правдоподобным предположение о том, что все перечисленные формы продолжают развитие единой общеславянской формы тематического *-s-* аориста.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки объяснить аорист на **-охъ**, *-ech* как результат поздней контаминации форм простого аориста и аориста типа **вѣсъ** встречались с очень серьезными затруднениями. Многочисленность предложенных гипотез[36], их противоречивость и отсутствие единого мнения по данному вопросу — наглядное свидетельство несостоятельности предположения о контаминационном характере аориста на **-охъ**, *-ech*. А. Мейе считал, что аорист на **-охъ** — вторичное образование, созданное «по образцу форм 2—3-го лица ед. числа» (тип **веде**, **несе**)[37], т. е. по образцу форм 2—3-го лица ед. ч. простого аориста. Однако это предположение Мейе — маловероятно. Во-первых, тип **ведохъ**, **несохъ**, **рекохъ** не мог возникнуть по образцу простого аориста хотя бы потому, что старославянские глаголы с корневым гласным *е* вообще не образуют форм простого аориста[38]. Затем, гипотеза Мейе не объясняет удовлетворительным

[34] А. Вайан. Указ. соч., стр. 266.

[35] Там же.

[36] См., например: Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 496, где приведены ссылки на литературу, вышедшую до 1916 года.

[37] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 171. Ср. также стр. 205.

[38] Формы 2—3-го лица ед. ч. **веде**, **несе** и т. п., как мы увидим ниже, являются по своему происхождению формами сигматического, а не простого аориста. Ни в 1-м л. ед. ч., ни в мн. (и дв.). ч. нет ни одной формы простого аориста для глаголов с корневым гласным *е*.

inslav

образом появления в восточно- и южнославянских языках во всей парадигме аориста «нового типа» тематического гласного *о* (вместо ожидаемого *е*): **ведохъ** и т. д. (вместо **vedexъ*). Наконец, сам Мейе, касаясь форм аориста на **-охъ**, пишет: «кажется странным, что ударение этих форм не согласуется с ударением старого 2—3-го лица: серб. *nèkox* и *nêče*, *trêcox* и *trêce*...»[39]. Если бы в этих случаях 1-е лицо ед. ч. возникло по образцу 2—3-го лица, то ударение во всех трех лицах должно было бы быть одинаковым.

Нам представляется гораздо более правдоподобным следующее объяснение происхождения форм славянского аориста на **-охъ**, *-ech*. Тематический аорист этого типа формируется параллельно с аористом типа **кѣсъ** еще в общеславянском языке. Как и все тематические глагольные образования, этот аорист имеет чередование тематического гласного **e*/**o*. Распределение тематического гласного между различными лицами было обычным для индоевропейских глагольных форм.

Это распределение видно из следующей таблицы:

	Единственное число		Множественное число	
1-е л.	ἔφερον,	**падъ**;	ἐφέρομεν,	**падомъ**;
2-е л.	ἔφερες,	**паде**;	ἐφέρετε,	**падете**;
3-е л.	ἔφερε,	**паде**;	ἔφερον,	**падѫ**;

Двойственное число

1-е л.	—	**падовѣ**;
1-е л.	ἐφέρετον,	**падета**;
3-е л.	ἐφερέτην,	**падете** (**та**).

Следовательно, в 2-м лице всех чисел и в 3-м лице мн. ч. мы имеем тематический гласный **o*, в остальных формах —**e*. Та же картина должна была иметь место и в тематических формах общеславянского сигматического аориста:

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1-е л.	*ved-o-s-om	*ved-o-s-omos	*ved-o-s-ovē
2-е л.	*ved-e-s-s	*ved-e-s-te	*ved-e-s-ta
3-е л.	*ved-e-s-t	*ved-o-s-ent	*ved-e-s-te.

Формы второго и третьего лица ед. ч. фонетически закономерно дают во всех славянских языках **веде** (*vede*). Кроме того, происходит выравнивание парадигмы в плане унификации в употреблении тематического гласного. Западнославянские языки обобщают тип с тематическим гласным *е* и проводят его по всем лицам и числам. Южные и восточнославянские языки обобщают тематический гласный *о*. Подобное (правда, частичное) выравнивание парадигмы засвидетельствовано, например, в спряжении глаголов настоящего времени, где в 1-м лице мн. ч. (**беремъ**) тематический гласный *о* (ср. греч. φέρομεν) был вытеснен гласным *е* под аналогическим воздействием форм **береши, беретъ, берете**.

Еще Ф. Ф. Фортунатов сопоставлял формы старославянского аориста на **-охъ** с формами древнеиндийского *-iṣ-* аориста[40]. А. Мейе

[39] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 171.
[40] Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. II. М., 1957, стр. 288.

inslav

справедливо возражал против этого сопоставления, отмечая отсутствие фонетического соответствия у сопоставляемых Фортунатовым форм[41]. Однако мы вправе считать, что и древнеиндийские формы *-iṣ-* аориста, и славянские формы на -ѫхъ явились результатом параллельного и независимого развития предпосылок, заложенных еще в индоевропейском языке-основе.

В лингвистической литературе уже высказывалось мнение о том, что всякой атематической глагольной форме в индоевропейском языке могло соответствовать параллельное тематическое образование[42]. В последнее время эту точку зрения развил и детально обосновал А. А. Белецкий. В одной из своих работ он пишет по этому поводу: «Атематические и тематические глаголы в индоевропейских языках следует рассматривать как относительные, вопреки существующему мнению о том, что атематические глаголы представляют более древний тип глаголов сравнительно с тематическими»[43]. И далее: «... в смысле относительной хронологии оба типа (атематический и тематический) сложились на одной и той же ступени развития»[44]. Согласно Белецкому, в доисторическую эпоху атематические и тематические формы существуют параллельно, в начале исторической эпохи они начинают противостоять друг другу и пути их развития расходятся. И только в сравнительно позднее время происходит вытеснение атематических форм тематическими[45]. Гипотеза Белецкого, основанная, главным образом, на материале греческого языка, хорошо подтверждается данными санскрита, где, например, экспансия аористов на *-iṣ-* за счет аористов на *-s-* относится к позднему времени[46], а также фактом позднего вытеснения аористом на -ѫхъ форм аориста типа кѣсъ в славянских языках. Предлагаемое нами объяснение происхождения форм славянского аориста на -ѫхъ, *-ech* также исходит из предположения об изначальном сосуществовании параллельных атематических и тематических форм сигматического аориста в общеславянском языке.

Таким образом, формы тематического аориста на -ѫхъ, *-ech* являются, на наш взгляд, столь же древними, как и формы аориста типа кѣсъ, и у нас нет никаких оснований считать сигматический аорист с тематическим гласным аористом «нового типа», возникшим чуть ли не в эпоху создания первых памятников славянской письменности.

3. О ФОРМАХ 2—3-го ЛИЦА ЕД. Ч. В ПАРАДИГМЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО СИГМАТИЧЕСКОГО АОРИСТА

Формы 2—3-го лица ед. ч. типа ведѣ, рече и т. п. всеми исследователями рассматриваются как супплетивные формы простого аориста и в парадигме сигматического аориста типа кѣсъ, рѣхъ, и в парадигме типа ведохъ, рекохъ[47]. А. Мейе и (вслед за ним) В. Вондрак,

---

[41] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 206.

[42] Г. Г. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, т. II. Варшава, 1895, стр. 261—262.

[43] А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 145.

[44] Там же, стр. 153.

[45] Там же, стр. 141. Ср. также стр. 236—237.

[46] Т. Я. Елизаренкова. Указ. соч., стр. 137.

[47] См. A. Schleicher. Указ. соч., стр. 802; Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880, стр. 144 (со ссылкой на Ф. Миклошича); K. Brugmann und B. Delbrück. Указ. соч., Bd. II, T. III, 1, стр. 408;

inslav

Н. Ван-Вейк и Хр. Станг считают эти формы изолированными реликтами древнего имперфекта[48]. Основной аргумент Мейе и его последователей заключается в том, что 2—3-е лицо ед. ч. сербохорватского сигматического аориста может иметь ударение, отличное от ударения 1-го лица ед. ч. и других форм этого аориста. Например, 1-е лицо ед. ч. *плѐтох*, 2—3-е лицо ед. ч. *плѐте*; то же соотношение имеет место в случаях с *нѐсох* и *нѐсе*, *трѐсох* и *трѐсе* и др. Это противопоставление, по мнению Мейе, объясняется различным происхождением противостоящих друг другу форм: *плѐтох* — это аорист, а *плѐте* — древний имперфект, который, как и настоящее время, должен иметь ударение, отличное от аориста.

Формы 2—3-го лица ед. ч. сербохорватского аориста, действительно, часто противостоят остальным формам этого времени — в плане характера (места) своего ударения. Но это, как нам кажется, не есть древнее противопоставление основ аориста и презенса (имперфекта). Глаголы I, III и IV классов имеют разное ударение во 2—3-м лице ед. ч. аориста и в настоящем времени. Глаголы III, IV и отчасти II и V классов не противопоставляют форм 2—3-го лица ед. ч. остальным формам сигматического аориста. Лишь часть глаголов II класса имеет во 2—3-м лице ед. ч. аориста ударение, совпадающее с ударением настоящего времени и противостоящее ударению остальных форм сигматического аориста: наст. вр. *тȍнêм*, *тȍнê* — аор. *тȍнух*, *тȍну*[49]. Гипотеза Мейе никак не объясняет гораздо более многочисленных случаев, когда ударение 2—3-го лица ед. ч. аориста противостоит ударению других его форм, но не совпадает с ударением настоящего времени: наст. вр. *плѐтем*, *плѐтê* — аор. *плѐтох*, *плѐте*; *бѐрêм*, *бѐрê* — *брȁх*, *брȁ*. Не объясняет Мейе и тех случаев, когда и 2—3-е и 1-е лицо ед. ч. сигматического аориста противопоставлено настоящему времени: *пȉшêм*, *пȉшê* — *пȉсах*, *пȉса*; *пȉтȁм*, *пȉтȁ* — *пȉтах*, *пȉта*. Все это говорит о том, что противопоставление ударения в 2—3-м лице ед. ч. сигматического аориста и в остальных формах этого времени не может восходить к древнеиндоевропейскому противопоставлению аориста — имперфекта.

В сербохорватском языке четко разграничиваются 2 типа сигматического аориста: 1) аорист с различным характером ударения во 2—3-м лице ед. ч. и в остальных формах: (*хвȁлих* : *хвȁлȉ*); 2) аорист с одинаковым ударением во всех лицах (*пȉсах* : *пȉса*)[50]. С точки зрения Мейе, первый тип должен отражать древнее противопоставление

Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. II, стр. 288; А. Лескин. Указ. соч., стр. 256; Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 319; A. Vaillant. L'aoriste second du slave. — BSL, t. XLIII (1946), стр. 68; J. Mikkola. Urslavische Grammatik, Bd III. Heidelberg, 1950, стр. 99; А. Вайан. Указ. соч., стр. 258; Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 310 и многие другие работы.

[48] A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, part I, 2. éd. Paris, 1902—1905, стр. 142; А Мейе. Общеславянский язык, стр. 169, 199 и др.; W. Vondrak. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912, стр. 123; N. Van-Wijk. L'accentuation de l'aoriste slave. — RÉSl, t. 3, 1923, стр. 27—47; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 64, 74; Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation. — «Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», I. Historisk-Filosofisk Klasse, № 3, 1957, стр. 128.

[49] A. Leskien. Grammatik der serbo-croatischen Sprache. Heidelberg, 1914, см. таблицы на стр. 574—582.

[50] Подробная характеристика глаголов, примыкающих во 2—3-м лице ед. ч. сигматического аориста к основе инфинитива, и глаголов, имеющих в этих лицах ударение, отличное от основы инфинитива, дана М. Решетаром (M. Rešetar. Les changement d'accent en serbo-croate. — RÉSl, t. 17, 1937, стр. 58—59.

inslav

аориста и имперфекта, а второй тип — результат поздних фонетических изменений (*пи̂са̄ → пи́са). Против последнего предположения категорически высказывался А. Белич: если *пи̂са̄* перешло в *пи́са* — спрашивает он, — то почему *хва̂лӣ* не дало **хва́ли*?[51] Сам Белич объясняет случаи различного ударение во 2—3-м и в 1-м лице ед. ч. сигматического аориста следующим образом. В древнем славянском языке имелся аорист, восходящий к индоевропейскому имперфекту (место ударения устанавливается на основании данных индоевропейских языков):

1-е л.	*плѣ̑тъ	*плѣ̀томъ
2-е л.	*плѣ̀те	*плѣ̀тете
3-е л.	*плѣ̀те	*плѣ̑тѧ.

Собственно аорист имел акцент на тематическом гласном: **плетъ̀хъ*, **плетѣ̀* — **плетъ̀хомъ*, **плетъ̀сте*, **плетъ̀ше*. Контаминация того и другого типа дала парадигму: *плетъ̀хъ*, *плѣ̀те* и т. д.[52]

Гипотеза Белича, принципиально не отличающаяся от гипотезы Мейе, также, в какой-то мере, может объяснить случаи с аористом первого типа (где характер ударения во 2—3-м лице ед. ч. противостоит остальным формам). Но как быть с аористом второго типа, где этого противопоставления нет (и, как считает сам Белич, никогда не было — см. стр. 179 его работы)?

Наконец, гипотеза Мейе (как и гипотеза Белича) не только не объясняет многих фактов, но и находится в резком противоречии с теми самыми явлениями сербохорватской акцентуации, на которые эта гипотеза опирается. Сам Мейе вынужден признать следующее: «Поскольку известно, что сербский аорист *нѐсе* представляет старый имперфект, соответствующий настоящему времени *нѐсē*, мы с удивлением констатируем различие места ударения в этих двух формах»[53]. Выше мы уже говорили о том, что Мейе считает самую форму типа *плѐтох*, *нѐсох* — новообразованием, созданным по образцу *плѐте*, *нѐсе*. В этом случае противопоставление ударения в *плѐтох* — *плѐте* является (как это признает сам Мейе) странным и непонятным.

Попытки Мейе объяснить расхождения в ударении настоящего времени и предполагаемого имперфекта отдельными нерегулярными фактами позднейших фонетических изменений — противоречивы и неубедительны. Сам Мейе, касаясь данного вопроса, пишет: «Это изменение не вполне ясно, поэтому весь вопрос нужно изучить и подвергнуть критике дополнительно»[54]. Выдвигая свою гипотезу, Мейе пытается одно непонятное явление объяснить с помощью другого — гораздо более темного. Он и сам признает, что «... теория ударения является едва ли не самой сомнительной частью славянской фонетики»[55]. Поэтому выводы Мейе относительно имперфектного происхождения форм 2—3-го лица ед. ч. сигматического аориста (**веде**, **рече** и т. п.) нам представляются неубедительными, хотя они отчасти и получили признание таких видных ученых, как Ван-Вейк и Станг.

---

[51] А. Белић. Историја српскохрватског језика. Београд, 1957, стр. 178.

[52] Там же, стр. 180—181.

[53] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 169. Настоящее время *нѐсē* отражает более древнюю форму **несē* (ср. русск. *несу́*, *несёт*).

[54] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 193. В последней работе Станга, посвященной вопросам славянской акцентуации, вообще отрицается реальность закона Фортунатова — Соссюра, на который почти во всех неясных случаях ссылается Мейе (см. Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation, стр. 19, 179).

[55] Там же, стр. 126.

inslav

Постараемся рассмотреть вопрос о так называемых супплетивных формах простого аориста (или имперфекта), исходя из тех выводов, которые сделаны нами в первых двух частях настоящей работы.

Тематические и атематические формы сигматического аориста сосуществовали в общеславянском языке. Представление о них может дать следующая таблица:

Атематические формы		Тематические формы
Единственное число		
1-е л. *ved-s-om	> вѣсъ	*ved-o-s-om > ведохъ
2-е л. *ved-s-s	> *вѣ(?)	*ved-e-s-s > веде
3-е л. *ved-s-t		*ved-e-s-t > веде
Множественное число		
1-е л. *ved s-omos	> вѣсомъ	*ved-o-s-omos > ведохомъ
2-е л. *ved s te	> вѣсте	*ved-e-s-te > ведосте[56]
3-е л. *ved-s-ent	> вѣсѧ	*ved-o-s-ent > ведошѧ
Двойственное число		
1-е л. *ved-s-ove	> вѣсовѣ	*ved-o-s-ovē > ведоховѣ
2-е л. *ved-s-ta	> вѣста	*ved-e-s-ta > ведоста[56]
3-е л. *ved-s-te	> вѣсте	*ved-e-s-te > ведосте[56]

Легко заметить, что огласовка *ē* корневого гласного имеет место только в тех атематических формах аориста, в которых перед **s* находился смычный **d*. Утрата этого смычного и привела, как мы видели выше, к удлинению корневого гласного. Таким образом, предлагаемая нами гипотеза объясняет все случаи огласовки корня как атематических, так и тематических форм сигматического аориста.

Из всех окончаний тематического и атематического аориста только окончания 2—3-го лица ед. ч. не содержат в себе гласного. Поэтому соответствующие атематические формы оказались неудобопроизносимыми (**vedss*, **vedst*). Возможно, что фактически они никогда и не существовали в языке. Естественно, что их место заняли соответствующие тематические формы сигматического аориста, которые стали таким образом обслуживать обе парадигмы. Именно этим обстоятельством можно объяснить употребление одних и тех же форм типа веде в парадигме атематического (вѣсъ, веде, веде) и тематического спряжения (ведохъ, веде, веде). Следовательно, не формы простого аориста (или имперфекта) вытеснили во 2—3-м лице ед. ч. формы сигматического аориста, а тематические формы сигматического аориста вытеснили здесь его же атематические формы. В дальнейшем, как известно, атематические образования сигматического аориста были вытеснены соответствующими тематическими образованиями также и во всех других лицах. Таким образом, проникновение форм веде, рече в парадигму аориста типа вѣсъ — не случайное явление супплетивизма, а первый шаг, начало того процесса вытеснения атематических форм тематическими, который засвидетельствован древнейшими славянскими памятниками. Естественно, что это вытеснение началось именно с тех форм 2—3-го лица ед. ч., которые были неудобопроизносимы.

[56] Тематический гласный *о* вместо *е* — результат позднейшего выравнивания парадигмы.

inslav

В распределении атематических и тематических форм в рамках одной парадигмы спряжения общеславянский язык, видимо, продолжал развитие некоторых тенденций, заложенных еще в индоевропейском языке. Если взять парадигму **вѣсъ**, **веде**, **веде** и т. д. (< *ved-s-om, *ved-es-s, *ved-es-t), то распределение тематических и атематических форм будет в ней определяться характером соответствующих окончаний. Показатель аориста *-s- выступает без тематического гласного перед окончаниями, содержащими гласный; перед чисто согласными окончаниями этот же показатель аориста выступает уже в форме *-es-. Нечто аналогичное имело место в санскрите, где показатели аориста -iṣ- и -s- также являлись вариантами одной морфемы; распределение и частота употребления этих показателей зависела от характера следующего за ним окончания: перед окончаниями, начинающимися с гласного, преимущественно употреблялся показатель -s- перед согласным (дентальным) — -iṣ-[57].

В связи с предложенным выше объяснением происхождения форм аориста типа **веде**, **рече** можно попытаться решить еще некоторые вопросы, касающиеся истории старославянского аориста.

Так, формы 2—3-го лица ед. ч. аориста, основа которого оканчивается на гласный (тип **зна**), возводились как к формам сигматического, так и к формам простого аориста, т. е., например, 3-е лицо ед. ч. **зна** a priori может восходить и к * znā-s-t, и к *znā-t. Обычно эти формы рассматривались как формы простого аориста[58]. Соотношение форм **знаχъ** — **зна** и **ведохъ** — **веде** (< *ved-es-t) говорит в пользу того, что 2—3-е лицо ед. ч. типа **зна** по своему происхождению также является формой сигматического, а не простого аориста[59].

Выше говорилось о том, что атематические формы 2-го и 3-го лица ед. ч. сигматического аориста (*ved-s-s, *ved-s-t), возможно, никогда не употреблялись в языке. Фонетически закономерно они должны были бы дать в старославянском языке форму *вѣ. И все же мы можем допустить, что некоторые следы подобных форм в языке сохранились. Сюда можно было бы отнести такие формы, как **откѣ** (Ассеманово евангелие, Саввина книга), **съвѣ**, **сѣ**, **обрѣ** и др.[60] Также древнесербские формы **понѣ**, **донѣ** и далмат. *пони*, *зани* (1-е лицо ед. ч. — *дȕнjех*), которые обычно рассматривались как новообразования[61], быть может, являются поздними реликтами тех неустойчивых форм, которые в сигматическом аористе очень рано были вытеснены соответствующими тематическими формами 2—3-го лица ед. ч. Такой же изолированной реликтовой формой, возможно, является и 3 лицо ед. ч. **из-ѣ** (< *-ed-s-t). Характерно, что эта форма сохранилась у глагола, имевшего в индоевропейских языках тенденцию к длительному сохранению атематических образований (ср., например, лат. *ēst*, *ēstis*, санскр. *ádmi*, лит. *édmi*).

Большие споры в свое время вызвал вопрос о происхождении окончания 2—3-го лица ед. ч. -**тъ** в старославянском аористе (**клатъ**, **питъ** и т. п.). Высказывалось мнение о том, что формы типа **клатъ** — позднейшие образования, что окончание -**тъ** в этих формах заимствовано

---

57 Т. Я. Елизаренкова. Указ. соч., стр. 137.

58 См., например: N. Van-Wijk. L'accentuation de l'aoriste slave, стр. 32; J. Mikkola. Указ. соч., стр. 101 (т. III) и др.

59 Эта точка зрения не является новой. См., например: T. Lehr-Spławiński, Cz. Bartula. Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym [4], Wrocław-Kraków, 1959, стр. 82.

60 См.: Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 494.

61 См.: М. Кульбакин. Сербский язык. Харьков, 1915, стр. 76—77.

inslav

из 3-го лица ед. ч. настоящего времени, что позднее оно было распространено с 3-го лица аориста на 2-е[62]. Против предположения о заимствовании окончания -тъ из форм настоящего времени говорит известный факт довольно четкого противопоставления в древнерусских памятниках (Остромирово евангелие и др.) окончания -ть в настоящем времени и окончания -тъ в аористе. Кроме того, происхождение самого окончания 3-го лица настоящего времени -тъ не выяснено окончательно. Если, например, принять гипотезу Ф. Ф. Фортунатова — С. П. Обнорского о сравнительно позднем местоименном происхождении этой формы[63], то предположение о заимствовании окончания -тъ аориста из настоящего времени вообще отпадает.

В специальной работе, посвященной истории окончания -тъ в старославянском аористе, Г. А. Ильинский убедительно доказал, что окончание -тъ во 2-м и 3-м лице ед. ч. аориста является древним окончанием асигматического аориста[64]. Древность этих форм была признана и другими исследователями[65]. Мейе, касаясь этого окончания -тъ, приводит хетт. *kuenta* 'ты ударил, он ударил', что свидетельствует о большой древности совпадения окончаний с начальным *-*t*- во 2-м и 3-м лице ед. ч.[66] Ван Вейк отмечает древнейшую связь между окончанием -тъ аориста и суффиксом отглагольных прилагательных (причастий) на -тъ[67].

Таким образом, окончание -тъ в формах типа питъ (от пихъ) есть древнее окончание простого аориста (сигматический аорист имел бы форму **pistъ*[68]. Утрата конечного -тъ в формах типа питъ, как это отметил еще Ильинский, не могла произойти фонетическим путем. Можно предполагать, что эта утрата окончания -тъ произошла под аналогическим воздействием форм сигматического аориста, где сходное отпадение окончания, как мы видели выше, было обусловлено фонетически: **vedest* > ведѣ: питъ → пи. В итоге формы 2-го и 3-го лица ед. ч. сигматического и простого аориста слились (в обоих случаях — нулевое окончание) и стали взаимно влиять друг на друга.

Следовательно, история старославянских форм с окончанием -тъ также свидетельствует в пользу предлагаемой нами гипотезы относительно происхождения образований аориста типа ведѣ, рече. Если простой аорист имел древнейшее окончание -тъ — формы ведѣ, рече не могли быть формами простого аориста. В то же время фонетические изменения, происшедшие во 2—3-м лице ед. ч. сигматического аориста (**vedess*, **vedest* > ведѣ), в результате которых эти формы утратили признак сигматических образований, привели к аналогическому отпадению окончания -тъ в формах простого аориста и к последующему смешению сигматических и асигматических форм 2-го и 3-го лица ед. ч. аориста.

---

62 А. Лескин. Указ. соч., стр. 255.

63 С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 117—137.

64 Г. А. Ильинский. Из истории старославянского аориста. — ИОРЯС, т. V, 1900, стр. 191—203.

65 A. Meillet. Études sur l'étymologie..., part I, стр. 139; С. М. Кульбакин. Грамматика церковнославянского языка, стр. 90; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка, стр. 314; Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum, стр. 65—67; Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation, стр. 135.

66 А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 204.

67 N. Van-Wijk. Die slavischen Partizipia auf *-to-* und die Aoristformen auf *-tъ*. — IF, Bd XLIII, 1925, стр. 281—289 (особенно см. стр. 286).

68 Формы быстъ и дастъ, как это показал Станг, также являются формами простого аориста, у которых *st* < **dt* (**byd-tъ*, **dadtъ*) — см. Chr. S. Stang, Slavonic Accentuation, стр. 135.

inslav

Итак, формы аориста типа **ведѐ**, **несѐ**, **рече** и т. п. не могут быть по своему происхождению формами простого аориста[69] или древнего имперфекта. Они являются древними тематическими формами сигматического аориста. Этому предположению не противоречат и приводившиеся уже выше факты сербской акцентуации. Сербское ударение в формах 2—3-го лица ед. ч. сигматического аориста, по общему признанию, «... составляет одну из труднейших загадок славянской акцентологии»[70]. Разумеется, мы не надеемся разрешить эту загадку в рамках настоящей статьи. Однако изложенная выше гипотеза происхождения форм **ведѐ**, **рече** и т. п. позволяет, как нам кажется, осветить этот вопрос с новой стороны.

Мы уже видели, что в праславянском языке сформировались две парадигмы спряжения сигматического аориста: 1) **ved-s-om*, **ved-es-s*, **ved-es-t* (> **вѣсъ**, **ведѐ**, **ведѐ**) и 2) **ved-o-s-om*, **ved-es-s*, **ved-es-t* (> **ведохъ**, **ведѐ**, **ведѐ**). Формы 2-го и 3-го лица ед. ч. в первой парадигме были заимствованы из тематического спряжения (т. е. из второй парадигмы). В результате возник тот тип сигматического аориста, который, видимо, на протяжении длительного времени был весьма продуктивным, но исчез в первые века существования славянской письменности:

1-е л. **вѣсъ**	(< **ved-s-om*)	**вѣсомъ**	(< **ved-s-omos*)
2-е л. **ведѐ**	(< **ved-es-s*)	**вѣсте**	(< **ved-s-te*)
3-е л. **ведѐ**	(< **ved-es-t*)	**вѣсѧ**	(< **ved-s-ent*)[71]

Как видно из таблицы, формы 2-го и 3-го лица ед. ч. являются тематическими (показатель сигматического аориста **-es-*), остальные формы — атематические (показатель аориста **-s-*). Следовательно, различное ударение во 2—3-м лице ед. ч. и в остальных формах сигматического аориста могло явиться результатом древнего противопоставления тематических и атематических образований. Различная акцентуация тематических и атематических глагольных форм — факт, хорошо известный многим индоевропейским языкам. Характерно, что формы 2—3-го лица ед. ч. сербохорватского аориста типа *плѐте*, *пѐче*, *трѐсе* и т. п. всегда имеют ударение на корне[72], что является отличительной особенностью тематических образований[73].

По-видимому, в тот период, когда контаминированный тип сигматического аориста, объединивший атематические и тематические формы, был наиболее продуктивным, сложившееся к тому времени противопоставление ударения 2—3-го лица ед. ч. и остальных форм сигматического аориста стало нормой. Эта норма в отдельных случаях могла сохраниться даже и в тот период, когда тематические образования стали вытеснять соответствующие атематические во всех формах аориста. При этом вытеснении атематических форм тематическими возможны

---

[69] Выше уже говорилось о том, что глаголы с корневым гласным *е* вообще не образуют в старославянском языке форм простого аориста.

[70] Л. А. Булаховский. Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы. М., 1958, стр. 44.

[71] Малоупотребительные формы двойственного числа не меняют общей картины. Для краткости их опускаем.

[72] Эта особенность 2—3-го лица ед. ч. сербохорватского аориста была отмечена еще Р. Брандтом, а затем — Лескиным и Ван-Вейком (см. N. Van-Wijk. L'accentuation de l'aoriste slave, стр. 27—28).

[73] Хр. Станг, считавший формы *плѐте*, *трѐсе* древними имперфектами, отмечает, что система, которую образуют эти формы, есть система акцентуации тематических глаголов (Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation, стр. 129).

inslav

были три случая: 1) древнее противопоставление 2—3-го лица ед. ч. остальным формам аориста сохраняется; 2) во всей парадигме обобщается ударение, характерное для тематических форм; 3) во всей парадигме обобщается ударение атематических форм. Именно этим обстоятельством можно было бы объяснить наличие в сербохорватском языке глаголов, у которых акцентуация 2—3-го лица аориста: 1) отличается от 1-го лица ед. ч. и от остальных форм аориста (*плѐтох — плѐте, трѐсох — трѐсе*); 2) совпадает с остальными формами аориста и с настоящим временем (*сѐдох — сѐде*); 3) совпадает с остальными формами аориста, но отличается от настоящего времени (*мдгох — мдже*).

Различная акцентуация 2—3-го лица ед. ч. и остальных форм сербохорватского сигматического аориста могла быть вызвана и другими причинами. Известно, например, что индоевропейское ударение (тон) было неразрывно связано с количественными явлениями. В частности, в некоторых языках (например, в древнегреческом) место и характер ударения находились в зависимости от «конечного ансамбля» слова (термин Е. Куриловича). Греч. σῶμα — σώματος — σωμάτων, σῶφρον — σώφρων, ἄνθρωπος — ἀνθρώπου наглядно иллюстрируют эту зависимость. В парадигме старославянского сигматического аориста (тематический тип) «конечный ансамбль» слова во 2—3-м лице ед. ч. четко противостоит «конечному ансамблю» всех остальных форм (безразлично, возьмем ли мы старославянские или реконструирумые праславянские формы):

1-е л.	**ved-osom* (> ведохъ)	**ved-osomos*	(> ведохомъ)
2-е л.	**ved-ess* (> веде)	**ved-este*	(> ведосте)
3-е л.	**ved-est* (> веде)	**ved-osent*	(> ведошѧ)[74].

Только во 2—3-м лице ед. ч. суффикс плюс окончание состоит из одного слога. Во всех остальных случаях мы имеем два (и даже три) слога. Это противопоставление не могло не отразиться на характере ударения в системе славянского сигматического аориста[75]. В образовании форм сигматического аориста с основой на гласный тоже имело место аналогичное различие в «конечном ансамбле» слова: **znā-s-om*, **znā-ss*, **znā-st*.

Наконец, изменение количества корневого гласного в атематических образованиях сигматического аориста, противостоящее неизменному количеству этого гласного у тематических образований, также могло послужить причиной различной акцентуации этих форм: **ved-s-om* > > **vēsom* > вѣсъ, но **ved-es-s*, **ved-es-t* > веде.

Сочетание всех перечисленных причин плюс позднейшие акцентуационные изменения[76] — все это затемнило характер древнейших отношений в распределении ударения между 2—3-м лицом ед. ч. и остальными формами сигматического аориста.

Разумеется, предлагаемое нами решение данного вопроса — слишком схематично, оно требует дальнейшего специального анализа данных сербохорватского и других славянских языков. Но оно, как нам

---

[74] Двойственное число не отличается в интересующем нас плане от множественного. Для краткости опускаем его.

[75] Сопоставление древнегреческого и славянского ударения, а также объяснение ряда сходных явлений в том и другом языке было предложено еще А. А. Шахматовым (А. А. Шахматов. Об общих явлениях в греческом и славянском ударениях. — «Сб. статей в честь Ф. Е. Корша». М., 1896, стр. 154 и др.).

[76] Эти изменения до сих пор остаются недостаточно ясными, но их наличие в общеславянском языке признается всеми исследователями.

inslav

кажется, позволяет обойти те затруднения и противоречия, которые возникают в случае принятия гипотезы об имперфектном происхождении форм типа **веде, рече**.

* * *

Итак, основные выводы настоящей статьи вкратце могут быть сформулированы следующим образом.

1. Чередование корневого гласного в формах старославянского сигматического аориста типа **везѫ: вѣсъ, проводѫ: провласть, рекѫ: рѣхъ** не восходит к индоевропейской эпохе. Это чередование явилось славянским новообразованием и происхождение его было обусловлено не морфологическими, а фонетическими причинами.

2. Аорист **ведохъ, рекохъ** и т. п. не является аористом «нового типа», возникшим где-то на рубеже появления славянской письменности. Этот тематический тип сигматического аориста сформировался в общеславянском языке вместе с аористом типа **вѣсъ, рѣхъ** и в историческую эпоху постепенно вытеснил формы последнего.

3. Формы 2 и 3-го лица ед. ч. в парадигме сигматического аориста (**веде, рече** и др.) не являются супплетивными формами простого аориста (или древнего имперфекта). Эти образования — фонетически закономерный результат развития тематических форм сигматического аориста[77].

---

[77] Когда настоящая статья была уже закончена, в пятом выпуске «Вопросов славянского языкознания» (1961) вышла интересная работа В. Н. Топорова «К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола». С удовлетворением констатируем, что основной вывод В. Н. Топорова о том, что «сигматический аорист не является категорией, свойственной индоевропейскому праязыку» (стр. 53), целиком совпадает с выводами настоящей статьи. И хотя в ряде случаев (например, по вопросу о происхождении форм 2—3-го лица ед. ч. типа **веде, рече**) наши взгляды не совпадают с точкой зрения В. Н. Топорова, общая направленность его аргументации в пользу позднего характера индоевропейского сигматического аориста представляется вполне убедительной.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

Т. М. Судник

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫГОЛЕКСИНСКОГО СБОРНИКА XII—XIII вв.

Рукопись, известная в исторических исследованиях по русскому языку под названием Выголексинский сборник XII—XIII вв., в настоящее время хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (музейное собрание, ф. 178, № 1832).

Выголексинский сборник имеет в своем составе два жития: краткую редакцию жития Нифонта Константиноградского (**житиѥ и хожениѥ стаго ѿца нифѿнта. ѥже въ коньстантини градѣ въ кратъцѣ съп°нно**[1]— л. 1—32; житие Федора Студита (**житиѥ и жизнь прпдбьнаго ѿца нашего исповѣдьника Ѳеѿдора. игоумена студийскаго**), включающее монастырский устав Федора Студита, — л. 33 об.—171.

Оба жития представляют собой типичный образец переводной агиографической литературы, они ничем не отличаются от общепринятого житийного трафарета.

Первое сообщение о данной рукописи было сделано в 1863 г. Д. В. Поленовым,[1] который приобрел ее в Выголексинской обители и передал на хранение в Московский Румянцевский музей[2].

Содержание пометы на одном листе, сделанной скорописью XVII в.:

книга юрѣева м°тра

указывает еще на одно место хранения рукописи — Юрьев монастырь. Об этом же говорит и запись в конце книги, сделанная не позднее XIII в.; почерк близок по характеру почерку всей рукописи, но более мелкий: **се азь хоудын калогеръ ѳеѿфилъ. ѿ своѥѣ хоудости сътажахъ книжницѧ. сиѧ. въ славоу стѣи троицѣ. и въ ч°ь стоумоу мунькоу геѿргию. ти аще поиметь мѧ бъ ѿ сего житиѧ. се ѿставлѧю стмоу геѿргию благословленик. и бр^та оутѣхоу и на спсениѥ дшамъ. и помиѥнанте мѧ бр^та въ ст^ы кашихъ млтвахъ.**

С лингвистической точки зрения рукопись изучалась А. И. Соболевским, который, проследив характер употребления в ней ѣ, в заметке

[1] См. «Известия II отделения Академии наук», т. X. СПб., 1861—1863, стр. 374—378.

[2] См. «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867—1878 гг.», 1879, стр. 90—91.

inslav

«Два древних памятника галицко-волынского наречия»[3] причислил ее к галицко-волынским текстам XII—XIII вв.

А. И. Соболевский рассматривал также вопрос об истории перевода Выголексинского сборника и на основании выделенного комплекса слов с «особым восточнославянским обликом» (кръуеньскъ, грамотица, комара, лоутъ, моусѣꙗ, ножикъ, тъсноути сꙗ, на столѣ сѣде и др.) предположительно относит его к русским переводам, сделанным в домонгольской Руси[4].

Автор ставит перед собой задачу проверить принятую датировку рукописи XII—XIII вв. и предположение А. И. Соболевского о галицко-волынском говоре писца.

1. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

1. Замечания о внешнем виде. Выголексинский сборник представляет собой прекрасно сохранившуюся пергаменную рукопись: пожелтели лишь края листов; встречающиеся местами дыры и капли воска не приносят ущерба тексту. Рукопись состоит из 171 листа форматом в $^1/_4$; листы сшиты в 22 тетради по 8 листов в каждой (исключение составляют: 1 тетрадь, содержащая 7 листов, причем, первый лист, предшествовавший тексту, утрачен; 22-я тетрадь, состоящая из 4-х листов). Тетради пронумерованы рукой того же писца, причем, номер проставлен на первой и последней странице каждой тетради.

Нумерация листов поздняя, она сделана при хранении. Разлиновка листов — вычерченные острием горизонтальные линии, заключенные между двумя вертикальными (рукопись писалась в один столбец).

Переплет, выполненный из сосновых досок, обтянутых кожей, более поздний, чем сама рукопись; прежний переплет был приклеен к последнему листу, на котором сохранились следы клея, и, вероятно, к первому листу, который впоследствии был удален. Тиснение на коже переплета — бордюрная басма, расположенное в центре клеймо — не позволяет отнести переплет к XIII в., как это делает Д. В. Поленов, так как для XIII в. тисненые переплеты не известны.

2. Художественное оформление книги. Особого интереса оно не представляет: Выголексинский сборник принадлежит к числу рядовых рукописей. Исполнителем двух имеющихся заставок и двух инициалов (л. 1, 33 об.) был, вероятно, сам писец, который чертил их, подчиняясь обычаю времени. Заставки и инициалы нарисованы пером, причем, использованы те же чернила, которыми писалась рукопись. Заставка на л. 1 выполнена в виде арки, включающей элементы орнамента на залитом чернилами фоне: три цветка в круге (мотив, встречающийся еще в XI в. — среди мозаик Киевской Софии, в Остромировом евангелии), две плетенки чисто тератологического характера у основания арки. Внизу по бокам арки расположен растительный орнамент в виде нераспустившихся бутонов. Арка завершается «процветшим» крестом, по обе стороны которого нарисованы два павлина, близкие по характеру рисунка к аналогичной по стилю миниатюре Юрьевского евангелия 1120 г.[5] Заставка на л. 33 об. представляет

---

[3] См. РФВ, т. 12. Варшава, 1884.

[4] А. И. Соболевский. О древних русских переводах в домонгольский период. М., 1897.

[5] В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1886.

inslav

собой заключенную в прямоугольную раму «непрерывную» плетенку, по углам — завитки орнамента, вверху рамки использованы архитектурные мотивы в виде верхнего яруса церковного здания (закомара, барабан, купол, крест). На верхней раме нарисованы драконы с крыльями и хвостами. Большие инициалы очень просты: на л. 1 буква Т, состоящая из ярусно разделенных «ножек», на л. 33 об. — Н в виде двух витых веревок, соединенных перекладиной; малые же инициалы отличаются от строчных букв только высотой, причем характерно, что они не возвышаются над строкой, но заходят за строку вниз.

Такого рода оформление книг (ранний тератологический стиль) типично для рукописей до второй половины XIII века.

3. Начертание букв. На протяжении всей рукописи сохраняется один почерк — так называемый «средний»[6] устав с формой букв, близкой к квадратной; выделяются лишь 29 строк (л. 164 об.—165), написанных другой рукой: буквы мельче, с наклоном влево, постоянно употребляется ѳ. Письменные знаки характеризуются устойчивой графической формой, соблюдением геометрического принципа, и этот характер письма дает возможность приурочить рукопись ко 2-й половине XII в. — началу XIII в. Об этом свидетельствуют и начертания отдельных букв — к, н, ж, м, ѵ, ы, ѡ, ѣ[7].

к — встречается только один тип — с горизонтальной перекладиной, касающейся йота и є в их середине (начертание к с косой или высокой перекладиной относится ко второй половине XIII в.);

н — перекладина на уровне середины высоты буквы или чуть выше; других начерков (с косой перекладиной, с прямой перекладиной, лежащей наверху) не отмечено;

ж — симметричное, пишется в три приема: прямая линия, верхняя и нижняя дуги; несимметричное ж встречается, но не достигает типичности;

м — характерных для XIII в. написаний м с чертой наверху не отмечено; внутренняя дуга опускается почти до линии строки;

ѵ — выдерживается один тип написания — в виде симметричной чашечки;

ы — представлены два типа начертания ъі и ы с соединительной перекладиной, которые употребляются безразлично; начертания ы нет;

ѡ — постоянно с сокращенной серединой, как в случае ѡ, так и ѿ, характерны «реснички»; омега с высокой серединой не встречается;

ѣ — соблюдается тип, описанный В. Н. Щепкиным как характерный для XII в.: «ѣ своею мачтою по б. ч. несколько (очень мало) возвышается над верхним уровнем строки, а коромысло буквы лежит в этом уровне или приближается к нему»[8].

Несколько раз встречается «декоративное» ѣ с вытянутой мачтой, пересеченной вверху длинным коромыслом (такое ѣ употреблялось в рукописях XI в.)

Спорадически употребляются буквы в, ѣ, ъ, ь с утратившей геометричность нижней петлей.

Отличительной чертой данного памятника по сравнению с другими является употребление не только л, н, (с крюком), но и д: ѥспълн-

---

[6] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918 г. стр. 93.

[7] В. Н. Щепкин выделяет эти буквы, так как характером начертания именно этих букв различаются между собой пергаменные рукописи XI—XII—XIII—XIV вв. (там же, стр. 100—106); выделенного Щепкиным ѱ в данной рукописи нет.

[8] В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 100.

inslav

кии — 4 об.; **на нъ** — 6 об.; **ѿтца** — 27 об.; **волк** — 76 об.; **пригвожд-ены** — 40 об.; **въждлахъ** — 166 об.; **дъждь** — 151 и др.

4. Лигатуры, сокращения, надстрочные знаки, знаки препинания. Кроме постоянного ѿ, писец в ограниченных случаях (в конце строки, при исправлениях) употребляет два типа лигатур: ѣ (напр. **ѿкѣй** — 39 об.; **провъзкѣсѣ** — 94, **новнокаѣ** — 114 и др.); ȣ (чаще всего при исправлении из о: **цѣлȣютъ** — 32; **мȣкъ** — 31; **ѿвѣдȣющимъ** — 52 и др.).

Принятые в рукописи сокращения ничем не выделяют ее среди других памятников конца XII—начала XIII вв.

Титла имеют форму прямой линии, часто с загнутыми концами и перечеркнутой серединой (**блгодѣть**). Из других надстрочных знаков отмечены так называемые «реснички», которые постоянны над омегой, над ѣ в начале слова: **ѣдоуцимн** — 11 об; **ѣдоуцихъ** — 11 об. **ѣдъ** — 155; один раз над е: **ѣдва** — 112. Начиная с л. 52 об., над строкой появляются иногда точки, разделяющие слова: **ѿбѣщанна мь/на симъ подобаше** — 53 об. Они были проставлены позже (чернила более светлые) для облегчения чтения.

Единственный в рукописи знак препинания — точка.

Таким образом, как выяснилось, рукопись характеризуется совокупностью таких палеографических особенностей, которые подтверждают высказанное предварительно Д. В. Поленовым и А. И. Соболевским предположение о датировке рукописи второй половиной XII в.—первой половиной XIII в.

II. ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ[9]

В Выголексинском сборнике использованы следующие буквы:

а б в г д е є ж ѕ и ї к л м н ѻ о ѡ ѳ ✠
п р с т ѹ ф х ц ч ш щ ъ ь ы ѣ ю ѧ ѳ ѹ ѧ ѕ

Состав письменных знаков, применяемых в рукописи, в основном, предопределен звуковой системой древнерусского языка. Однако имеются и графические дублеты для обозначения одного и того же звука. В частности, для обозначения [f] используются знаки ф и ѳ, что объясняется влиянием греческого письма. Распределение ф и ѳ часто нарушается (ср. **ѳеѡдора** — 33 об. и **феѡдоре** — 152 и т. д.) [о] передается знаками о, ѡ, ȣ ✠, которые распределены следующим образом: ѡ употребляется в начале слова, в середине слова после гласной (**ѡбаче, въѡбражаюмок, ѳеѡфиль**), кроме того, ѡ употребляется в имени **инфѡнтъ** — 1, 24, 25, где часто смешивается с о, в лигатуре ѿ, выступающей в качестве самостоятельной графической единицы; о — после согласных; один раз в лигатуре ȣ — 142 об., в начале слова — **онъ** — 29; ȣ — отмечено в нескольких случаях в начале слова (чаще всего, когда рядом ѡ: **ѡѡканьнии** — 11. **ȣного** — 54 об., **ѿобою**), в лигатуре **ȣтоудоу** — 114 об., ✠ — только в ✠**баче** — 107.

---

[9] См. о необходимости разграничения графики и орфографии: И. А. Бодуэн де-Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912; Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1955, стр. 155.

inslav

Из двух знаков, передающих [i], и употребляется постоянно, ї отмечено несколько раз при исправлении и в конце строки при недостатке места (грѣшьнї/ — 19 л., прї/де — 136 об., ꙁемлї — 169 и др.). В аналогичных случаях известно 8, параллельное оу.

Употребление букв ꙋ, ꙗ ограничено словами греческого происхождения. ꙋ передает *y*: егупта — 106 об., вуꙁантию — 55 об., фуникы — 103 об. и др. ꙗ только дважды: альꙗндрьскомоу — 126, ꙗнролофъ — 143.

ѕ (ѕѣло) отмечено только в числовом значении (см. нумерацию листов: ·ѕ·).

Характерно использование двух способов для передачи палатальности согласных (вероятно, это были варианты орфографической нормы): употребление букв с крюком и йотация гласных.

С помощью крюков фиксируется палатальность *l*, *n* и, что особенно интересно, *d*. ѫ употреблено в трех случаях в сочетании жд < **dj*: пригвожденыі — 40 об., дъждь — 151, въждекалахъ — 166 об. и 1 раз — перед согласным: неподвижимоє — 93.

ѧ, ѩ передают палатальность как исконную, так и развившуюся в результате смягчения полумягких: (оу, ѿ) ѩего — 2, 54, 78; кънѧемоу — 11; /на, ѿ/ѩемь — 28 об., 70 об. (2 раза), 72, 141; /на, въ/ѩь — 6 об., 18 об., 108; вънѧен — 100, 108; сънѧми — 4, оуплѣнѧема — 4; испълнѧеніи — 4 об.; стенѧ — 9; ѿгнѧ — 29, 145, 150 об., 151 об.; -нѧ — 27 об.; — ѩнъ — 30; -ѩеви 117, 150 об.; ѩмь — 164, раꙁгънѣвакъ сѧ — 29 об., 80; оуѩє — 46, 70 об.; ѿѩелѣ — 61; поѩеже — 62, 81, 145; ближьѩіи — 75; пременѣвахоуть — 77 об.; тоуѩє — 82 об.. преклонъ сѧ — 84 об.; изменъшю — 102 об.; иконѣ — 107 об. (2 раза); премѣненіє — 110; исъгнѧвъшихъ, -въша — 136; исъгнѧла — 136; конъѩикъ — 148; съгнѣтивъше — 150 об.; дальѩіми — 162 об.; люѩіи — 38; полѩ — 44; похвалѣваюѩемоу — 70 об.; похваленіи — 72 об.; оустрьмленію — 76 об.; боѩвленіа — 81; кластелѩ — 81 об., хрстителѧ — 84; оуставленыі — 85; далѩ — 99 об.; болъми — 116 об., погоубителѧ — 133.

Другого рода графические показатели мягкости согласных — йотированные ѥ, ꙗ — также употребляются для передачи мягкости и исконной, и развившейся из полумягкости: нѫѥ — 2: жажѥю — 2 об.; мълчаніѥ — 44 об.; тъщаніѥмь — 45 об.; прочаꙗ — 58; глѥщѥ — 157; ѿвѣцꙗ — 74; клѣвѣтъно — 12; плѥнити — 93 об.; кѥлю — 165 и др.

Для обозначения мягкости шипящих наряду с употреблением йотированных букв используется ѧ (чѧсто — 160 об.; жѧжа — 138 об.; прочѧꙗ — 171 и др.).

Рукопись, несомненно, русского извода: в ней последовательно проведены те орфографические нормы, которые Н. Дурново охарактеризовал как специфически русские в отличие от норм южнославянских текстов[10]. В частности, регулярны написания ър, ъл, ьр в соответствии со старославянскими ръ, лъ, рь (см. стр. 198—200). Для форм тв. п. ед. ч. основ на *о-многочисленны написания с -ъмь, ьмь (см. стр. 195—196). Формы 3-го лица глаголов пишутся исключительно с -ть. В суффиксе прилагательных -ѧн- вместо старославянского -ѣн- пишется ѧ или ꙗ. Систематически проведено написание ѫ на месте старославянского жд < **dj* (напр.: наслаженіє — 34 об.; ѿгражаше — 40; ноуженіє — 41; преже — 41, 42, 42 об.; межю — 116 об; 160; вѫжю — 154; надежꙗ — 98 и т. д.). Последовательность соблюдения этой тенденции

[10] Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — «Byzantinoslavica», I, 1929, стр. 18—19.

inslav

в рукописи может иллюстрировать указание А. А. Шахматова о раннем русском произношении и написании ж на месте старославянского жд из *dj[11].

В соответствии с древнерусской фонетикой на месте старославянского ж в рукописи употребляется исключительно оу, на месте ѭ — ю, на месте ѩ — ꙗ, ѧ. Эта черта при древнем, строго геометрическом характере письма указывает на принадлежность памятника ко второй половине XII в.[12]

Однако, как показывает анализ рукописи, не все русские фонетические особенности древнейшей эпохи в равной мере проникали в письменные тексты.

Данью старославянской орфографической традиции является последовательное написание щ там, где в древнерусском языке произносилось [č] (общесл. *tj, *kt, *gt перед гласными переднего ряда ь, i, e). ꙋ появляется исключительно редко: хоꙋю — 31, 143 об.; вꙗꙋьшю — 156; ѿбьꙋен — 61. Постоянно употребляются старославянские неполногласные формы. Написания с оро, ере, оло сравнительно редки: посередѣ — 125 об.; 12 об.; 136 об.; ѿмороꙋн — 6; ꙋерено — 6 об.; голодомь — 15; норови — 26 об. 28 об; боронящемъ — 126 об.; ꙋересъ — 131; загорожено — 131.

В шести случаях отмечено начальное русское оу (ȣ) в соответствии со старославянским ю: ȣтрьнюю — 20; ȣнъ — 38 об.; оуности — 29 об.; оуношьскъин/мн — 64; оутрьнн/мь — 50; наоутрн — 169; 3 раза зафиксировано начальное ѿ (ст.-сл. є): ѿдъва[13] — 27, 27 об.; ѿдного — 97. Только в трех примерах наблюдается древнерусское ро в начале слова в соответствии со старославянским ра, восходящим к общеславянскому *or с интонацией циркумфлекса: розгъналиꙗ — 74; розглядакмъ — 112 об.; росхрьптакъ сꙗ[14] — 129.

III. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПИСЦА

1. Отражение процесса падения редуцированных в слабой позиции

Как известно, падение редуцированных вызвало сложную цепь явлений, во многом определивших диалектное членение русского языка, поэтому представляется особенно важным определить, в каком отношении находится данная недатированная и нелокализованная рукопись к этому процессу.

Что касается абсолютной хронологии падения редуцированных, то в этом вопросе наиболее аргументированными были точки зрения А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. А. И. Соболевский[15], основываясь главным образом на памятниках с «чистым русским языком» (надпись на Тьмутараканском камне, Мстиславова грамота), а также

---

[11] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1946, стр. 70—71.

[12] В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 101.

[13] о в этом слове — вероятно, результат обобщения, так как «начальное *о* в соответствии с *е* ст.-сл. и *je* других славянских языков в русском является только в том случае, если в следующем слоге гласные *е* или *i*» (Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 112).

[14] «понюже нитъ сожѩбрѣте · ѩхъже желаньноюе · нмаше. велию росхрьптавъ сꙗ. и рекъшаго бнлъ ѥсмь» — 129 л.

[15] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1903, стр. 46—50.

inslav

на написаниии с согласным на конце названия днепровского порога Νεασητ у Константина Багрянородного, полагал, что во второй половине XI в. «глухие уже исчезли из произношения и перестали слышаться в живом говоре» (несколько более поздним временем — второй половиной XII в. — Соболевский датирует пояснение ъ, ь в о, е). Более развитой и убедительной является теория А. А. Шахматова[16], который в специальной главе «Очерка древнейшего периода истории русского языка» доказал существование редуцированных ъ и ь в русском языке в исторический период. В системе доказательств Шахматова основными являются свидетельства русских письменных памятников XI—XII вв., в которых, в отличие от южнославянских, последовательно выдерживается написание этимологических ъ и ь. Причем, наибольшей доказательной силой обладают примеры древнерусского написания с редуцированным перед плавным общеславянских сочетаний типа *tъrt в соответствии со старославянскими ръ, лъ и т. д., ибо в этих случаях ссылка на южнославянские оригиналы невозможна (тогда как относительно других примеров все-таки допустимо предположить следование исчезнувшим оригиналам, с которых сделаны русские списки). Кроме того, существенно, что в галицко-волынских памятниках XI в. и первой половины XII в. нет написаний ѣ вместо е перед слогом с утраченным ь, і (случаи типа: камѣнь, ѹчнтѣль, шѣсть). В пользу своей датировки Шахматов приводит и ряд единичных фактов: русские заимствования в литовском, латышском и финском языках, восходящие к эпохе XI—XII вв. и передающие ъ, ь через *u*, *i*; подпись на грамоте 1063 г. Анны Ярославны, французской королевы, дочери великого князя Ярослава Владимировича ана рънна[17], где звук [ə] (современное «e muet») передается кириллической буквой ъ.

Все эти факты в их совокупности обосновывают вывод Шахматова о том, что процесс падения редуцированных в древнерусском языке начался не ранее второй половины XII в. Исследования последнего времени подтверждают датировку Шахматова дополнительными аргументами. В. Н. Сидоров учитывает систематическое написание -ть вместо старославянского -тъ в 3-м лице глаголов и замену окончаний -омь, -емь на -ъмь, -ьмь в тв. п. ед. ч. имен с основой на *о, ставшую языковой нормой для памятников русского извода. «Заменять окончания -омь, -емь оригиналов болгарского извода древнерусскими окончаниями -ъмь, -ьмъ возможно было только в том случае, если редуцированные ъ и ь существовали в языке в качестве особых фонем, отличных по своему звучанию от гласных *о*, *е*»[18]. Если же допустить, что редуцированные уже исчезли в языке, то следовало бы ожидать в сильной позиции в окончании тв. п. ед. ч. гласных *о*, *е*, что «совершенно соответствовало бы болгарским написаниям, которые и сохранялись бы»[19].

Следовательно, в XI в. и первой половине XII в. редуцированные ъ и ь существовали в древнерусском языке как самостоятельные фонемы. Процесс падения редуцированных начался во второй половине XII в. (в южных говорах он начался раньше: Добрилово

---

[16] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 203—216.

[17] См. также: П. Я. Черных. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 3. М., 1947.

[18] В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке. — «Труды ИЯАН СССР», т. 2, 1953, стр. 201.

[19] Там же.

inslav

евангелие 1164 г. и другие галицко-волынские памятники с однородной графикой уже обнаруживают падение редуцированных и его последствия).

В каких фонетических условиях была отмечена первоначальная утрата редуцированных и в какой последовательности этот процесс распространялся на другие позиции? Современным представлениям об этом вопросе соответствует точка зрения, впервые высказанная Ф. Ф. Фортунатовым[20] и обстоятельно развитая И. Фалевым[21]. И. Фалев рассматривает гипотезу А. А. Шахматова о первоначальном исчезновении ъ и ь в начальном предударном слоге и подвергает ее сомнению, считая ее лишенной доказательных фактов: во-первых, история русского языка свидетельствует о том, что первый предударный слог всегда был наиболее сильным, и, во-вторых, понятие начального слога всегда условно, так как слова часто составляют единое фонетическое целое с предлогами, частицами и слабо ударными словами. И. Фалев связывает первоначальную утрату редуцированных с их положением в тех корневых морфемах, где «редуцированный гласный не поддерживался другими формами с сильным глухим, был, так сказать, „лишним", „пустым" с языковой точки зрения»[22], т. е. не играл смыслоразличительной роли. Затем редуцированные были утрачены в других корнях, в суффиксах, предлогах-приставках. Такая относительная хронология развития этого процесса вполне понятна в свете следующих рассуждений: системы суффиксов, предлогов-приставок, падежных флексий и система корневых морфем были в разной степени проницаемы для однотипного процесса в силу того, что они различались, во-первых, количеством составных элементов (естественно предположить бóльшую взаимозависимость элементов в более ограниченной системе), во-вторых, — фонемным составом их (если суффиксы и префиксы представляют собой комбинации из двух-трех-четырех, максимум пяти фонем, то лексические морфемы могут состоять и из большего количества фонем, что облегчает возможность их фонетических изменений). Прояснение сильных ъ и ь в гласные полного образования происходило, вероятно, позднее. Завершающей же стадией процесса падения редуцированных было их прояснение в особой для них позиции — в сочетании с плавными.

Какова же судьба ъ, ь в говоре писца данной рукописи?

Корневые редуцированные ъ и ь в слабой позиции

Анализ этого материала даст возможность сделать вывод о том, в какой мере осуществлялась в языке писца первоначальная стадия процесса падения редуцированных[23].

[20] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика индоевропейских языков. — «Избранные труды», т. I. М., 1956, стр. 291—323.

[21] И. Фалев. О редуцированных гласных в древнерусском языке. — «Язык и литература», т. II, вып. 1, 1927.

[22] Эту точку зрения фактически поддерживал и конкретизировал А. М. Селищев, который считал, что утрата слабых ъ и ь происходила «не одновременно во всех словах» и выделял четыре позиции (п-с, п-ш, п-т, к-с), где редуцированные «утрачивались раньше сравнительно с общим фонетическим процессом утраты ъ и ь в слабом положении». (А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 281—284).

[23] Существует точка зрения, что фонетической позицией, где утрата слабых ъ, ь происходила раньше всего, был конец слова. Но конец слова, как и начало слова, с фонетической точки зрения — понятие условное. Важнее учитывать другое — интенсивное действие графической традиции, по которой написание ъ, ь было сигналом конца слова при древнерусском слитном написании. В силу этого позиция конца слова не является фонетически показательной.

inslav

1. **кьс-** (πᾶς). Как известно, в этой позиции (**к-с**) фонетические возможности для утраты слабого **ь** существовали еще до общего фонетического процесса утраты редуцированных в слабом положении (об этом писал А. М. Селищев[24], ссылаясь на наибольшую частоту пропусков **ь** в рукописях между этими согласными). Можно предположить, что ранней утрате **ь** в этом слове способствовало и то, что это слово как часто употребляемое могло подвергаться редукции в целом своем составе.

Безусловно, что в языке писца нашей рукописи **ь** в группе **к-с** не произносился: слова этого корня относятся к числу наиболее употребительных, и в преобладающем большинстве отмечены написания без **ь**. Так, на первых 33 листах рукописи: 17 написаний без **ь** — 1 об., 3 об (2 раза), 4 об., 5 об. (3 раза), 6 об., 8 об. (2 раза), 10 об., 11 об., 18 (2 раза), 19 об., 24, 32 и только пять написаний с **ь** — 5,9 об., 18, 21, 26; в остальной части рукописи написания с **ь** встречаются еще только в одиннадцати случаях (33 об., 46 об., 47, 49, 50 об., 59 об., 60, 61, 61 об., 62 об., 93). Три последних случая подчиняются графическому правилу конца строки. Остальные случаи сохранения слабого **ь** объясняются, вероятнее всего, влиянием орфографического облика слов этого корня с сильным редуцированным (**кьсь, кьсьде**).

2. **пьс-** (γράφω). Зафиксировано только одно слово **напьсанъ** (123), в остальных случаях представлена ступень *i*.

3. **пьш-** Встретилось в слове **пьшеничьно** — 10 (2 раза). Позиции **п-с**, **п-ш**, как отмечает А. М. Селищев, также благоприятствовали наиболее ранней утрате артикуляции для **ь**. Написания с **ь** объясняются, скорее всего, высокой грамотностью писца, а не его произносительной нормой, хотя единичность примеров не позволяет это утверждать с достаточным основанием.

4. **къниазь**. В рукописи это слово пишется исключительно без **ъ**: **кна|зн** — 17 об., **князю** — 20 об., 21 об., 31, **князя** — 22, **князь** — 29 и т. д.

Это убедительно свидетельствует о произношении без **ъ**, тем более, что уже в древнейших русских памятниках (надпись на Тьмутараканском камне 1068 г., Мстиславова грамота около 1130 г.) **ъ** в этом слове отсутствует.

5. **къниг-**. Этот корень, тождественный корню **къниазь** с точки зрения фонетических условий для слабого **ъ**, также произносился без редуцированного. Отмечены написания исключительно без **ъ** (см. 53 об., 70, 82 об., 83 (2 раза), 84 (2 раза), 84 об., 85, 116, 120 и др.).

6. **гън** — (καταδιώκω). Сохраняя редуцированный только в трех случаях: **нзъгъняноу** — 71, **розъгъняша** — 74, **нзгъняна** — 159, писец в других случаях пишет этот корень без **ъ**, например: **ѿгнакъ** — 64 об., **нзьгнакъ** — 64 об., **нзъгна** — 76 об., 86, **прнгна | къшоу** — 96, **нзъгна|ноу** — 96 об. (см. также 114 об., 116 об., 120 об., 129, 159, 176 об.).

Редуцированный в этой группе был, несомненно, уже утрачен в говоре писца. Интересно отметить, что все эти случаи утраты относятся к середине слова, а не к начальному предударному слогу.

7. **мъног-** (πολύ) Этот корень представляет одну из позиций наиболее ранней утраты редуцированного. В рукописи только 3 случая написания с **ъ** при многочисленных написаниях без **ъ**: **къ мъногымъ** — 127, **мъ|ногн** — 99 об., **мъ|ножьство** — 16 об. В последних двух случаях **ъ** — явление чисто графическое, обусловленное положением в конце строки.

---

[24] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I, стр. 283.

inslav

8. **мън-** — местоименный корень, представляющий позицию, аналогичную описанной выше. В преобладающем количестве примеров **ъ** отсутствует. Можно заключить, что в произношении писца он также был утрачен. На письме **ъ** сохранен в следующих случаях:

мънѣ — 25, 26 (2 раза), 98, 123, 154 (в последнем случае сохранение **ъ** обусловлено положением в конце строки). Из двух случаев сохранения **ъ** в этой корне на л. 26 один раз **ъ** написан также при переносе. Вместе с тем на этом же листе 4 раза встретилось **мнѣ**.

9. **мьн-** (νομίξω). В рукописи написания без **ь** значительно преобладают. Это дает основание думать, что в языке писца не действовала тенденция, отмеченная В. Н. Щепкиным для писца Саввиной книги, который последовательно писал **мьн-**, сохраняя «старую численность слогов по аналогии других основ того же класса»[25]. Ф. Ф. Фортунатов также усматривает в этом случае возможность аналогического воздействия со стороны глаголов типа **грьмнтъ, свьтнть**[26]. Можно предположить, что такая аналогия на время укрепила орфографическую традицию написания форм этого глагола с **ь**, чем и объясняется появление в рукописи 13 примеров сохранения **ь** в этом корне, например: **мьнить** — 19 об., **мьнѣ** — 35 об., **мьнаше** — 46 (см. также 56 об., 60 об. 87, 104 об., 123, 146).

Четыре примера с сохранением **ь** приходятся на конец строки:

мь|на — 53 об., 134, **мь|ню** — 36, **мь|нить** — 124.

10. **къто** (τίς). В этом местоимении **ъ**, еще удерживавшийся в говоре писца Остромирова Евангелия[27], в говоре писца нашего памятника, безусловно, уже утратился как в позиции начала слова, так и в середине: **кто** — 4,4 об., 12 (2 раза) 60, 78 об., 88 об, 130 об., 140, 140 об., 162 и др.; **нѣкто** — 11, 165, 75 об., 102 об., 121 об., 132 об., 138 об.

Исключение составляют только два написания с **ъ**: **къто** — 84 об, 130 об.

11. **къде** (ποῦ) **кде** — 26 об., 27, 29, 78 об., 129, 137, 162, **къде** — 8, 20 об., 25, 26 об. (2 раза).

никде — 161.

Преобладают написания без редуцированного, которые, по-видимому, являются фонетическими. Примеров, свидетельствующих об ассимиляции по звонкости, в рукописи нет.

12. **чьто (чьсо)** (τί). В 31 случае **ь** отсутствует, например: **что** — 55, 79, 80; **нѣчто** — 57 об., 66 об., 72; **неуто** — 48 об.; **усо** — 120, 164 об. (2 раза); **нуусо** — 92 об.; 158; см. также 37 об., 71, 73 (2 раза), 79, 81, 82, 82 об. (2 раза), 85, 85 об. (2 раза). В остальных же случаях (более 30) **ь** сохраняется: **уьто** — 55, 94 об., **ничьто** — 48 об. (2 раза), 62 об.; **поуьто** — 93 об.; **нѣчьсо** — 77 об., 124; **уьсо** — 98 об., 101 об.; см. также 59 об., 87 об., 88 об., 92, 118, 131, 143 и др.

13. **уьт-** (**уьст-**) (τιμή). Фонетически группа **у-т** утрачивала редуцированный, но **ь** здесь сохранялся под воздействием аналогичных по образованию глаголов, имевших в корне редуцированный, защищенный от полной утраты; в данном случае мог влиять, например, глагол **цвьтеть**, как предполагает Фортунатов[28]. Этим объясняется преобладание написаний с редуцированным **ь**, например: **чьтѣть** — 24, **чьто-**

---

[25] В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899, стр. 143.

[26] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика..., стр. 301.

[27] См.: Козловский. Исследование о языке Остромирова Евангелия. СПб., 1895; Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. СПб., 1908.

[28] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика..., стр. 301.

inslav

ꙋть — 34, почьтена — 156 об. и др. (см. 4 об., 34, 103 об., 96, 114 об., 144 об.). Вариант чьст — всегда пишется с ь, например: почьстити — 55 об., чьстѧ — 154 об. и т. д. (см. также 43 об., 95 об., 104 об., 107 об., 143, 144).

14. тъсн- (Миклошич возводит тъсн-, тъщ- к *tusk[29]) пишется всегда с ъ: потъсноуща сѧ — 47, тъсноуща сѧ — 59, тъсноути — 62, 95. Очевидно, здесь редуцированный не утрачивался перед группой согласных, по крайней мере в церковном произношении.

15. тъщ- (μόχθος). Писец последовательно выдерживает написание с ъ, например: тъщеславнѥмь — 4, потъщи сѧ — 9, тъщиваꙗ — 35 (см. также 40 об., 77, 80 об., 114 об., 164 об., 42, 74 об., 120 об., 163, 45 об., 54, 63, 84 об., 104 об., 105, 120 об., 121 об., 123, 131 об., 150, 8 об., 39 об.).

Только на л. 8 об. дважды (в заглавии) встретилось написание ѿщеславии. Оно, однако, не свидетельствует об утрате ъ в этом корне, так как подчиняется общей графической тенденции писца к широкому употреблению ѿ.

Фонетические условия этого корня — положение редуцированного после *t* (согласный) и перед группой согласных: *t-šč* — способствовали сохранению редуцированного. Кроме того, если сопоставить этот корень с современным литовским *tùščias* 'пустой, порожний, тщетный, напрасный', то можно предположить, что в каких-то формах редуцированный был ударным.

16. жьж- — пожьжеть — 13, 135, жьжеть — 29, пожьже — 30. Фонетическая интерпретация этих написаний затруднительна потому, что они подчиняются известной в русских рукописях графической традиции, по которой ъ и ь всегда пишутся между буквами одинаковых согласных.

17. ѿбьщ- (κοινός). Всегда пишется с ь, например: ѿ||бьщии — 38 об., съѿбьще|ние — 81 об., ѿ|бьщаꙗ — 81 об., 82 (3 раза), 83 об., ѿбьщьника — 87 об., съѿбьщьникъ — 91; (см. также 43, 79, 87 об., 148 об., 149, 164 об., 166).

Последовательное сохранение ь в этом корне объясняется положением ь после б и перед группой согласных: *šč*.

Пример с написанием ꙋ вместо щ — ѿбьꙋен — 61 л. — единичен, по нему трудно судить о церковном произношении этого корня. Возможно, что сочетание бь обозначало палатализованный *b*.

18. жьд-. Редуцированный ь в этой группе мог исчезать очень рано (в словах колижьдо, комоуждо и др.). Сохранение же ь в трех случаях в нашей рукописи: пожьдавъ — 124, 148 об., 166 могло быть вызвано тем, что ь здесь выполнял функцию знака палатальности *ž* (это особенно возможно перед слогом с непалатализованным согласным).

19. дъв- (δυο). Зафиксирован 8 раз; из них в четырех случаях с ъ (см. 3, 17 об., 119, 166) и 4 раза без ъ: двооулине — 67, два — 96, 129 об., 167 об.

Можно заключить, что четыре написания без редуцированного являются фонетическими, поскольку этот корень зафиксирован среди ранних случаев утраты редуцированного, который был здесь всегда в слабой позиции. Написаний с ь вместо ъ перед следующим палатальным слогом не зафиксировано.

---

[29] F. Miklosisch. Etymologisches Wörterbuch der Slawischen Sprachen. Wien, 1886.

inslav

20. **дън-** (ἄβυσσος). Начальная группа **дън-** в рукописи не встречается. Она представлена в следующих словах; **бездьноу** — 22 об, **бѣздьнѣ** — 31 об.

Объясняя написания этого слова через **ь** в Саввиной книге и Остромировом евангелии, В. Н. Щепкин пишет: «Слово **бездьна**, вероятно, утратило свою этимологическую связь с **дъно** и подчинялось аналогии слов, заключавших в себе суффикс **-ьн-**[30]. Более правильным является объяснение А. А. Шахматова, который считал, что **ь** здесь появилось фонетически в результате прогрессивной ассимиляции со слогом с *е*[31]. Заметим в связи с этим, что в нашей рукописи **ь** в этом слове появляется в одном случае перед палатальным слогом, в другом — перед непалатальным.

21. **кътор-** (δεύτερος). Последовательно сохраняется **ъ**, например: **въторомоу** — 40 об.

къторънмн — 134, **по/лоукътора** — 141 об; (см. также 50, 57 об., 64 об., 75 об., 78., 83 об., 91, 133 об.). Эта последовательность сохранения **ъ** объясняется тем, что позиция между **к-т** была для редуцированного особой. Утрата **ъ** в этой позиции влекла за собой по говорам изменения двух родов: либо появление *f* вместо *v* в результате ассимиляции с последующим *t*, либо переход *v* в *u̯*, *u* перед следующим согласным. Как в том, так и в другом случае фонетический облик слова существенно отличался от орфографического облика: возможно, поэтому церковное произношение в противовес живому дольше сохраняло редуцированный в этом корне.

22. **ръуер-** (ἐχθές). Встретилось в рукописи только один раз: **ръуерашнаго** — 169 об. Вследствие единичности примера нельзя сделать вывод о произношении этого корня, так как **ъ** на месте этимологического **ь** мог объясняться опиской.

23. **съребр-** (ἀργυρος). В старославянских текстах засвидетельствованы формы **съребро** (Зогр. ев.) при **сьребро**. Это явление Фортунатов ставит в связь с латышским *sudrabs* при *sidrabs*[32].

Для данной рукописи характерны написания без редуцированного: **сребролюбьць** — 15, **сребро** — 23 об., **сребрьнницю** — 22 об., **сребрь(нн)цю** — 22 об.

Можно предположить, что писцу было неизвестно произношение этого корня с редуцированным. Живому произношению соответствовало, вероятно, написание **серебро**, зафиксированное на л. 23. Написания же без редуцированного возникли вследствие отождествления их с орфографически правильным неполногласием на месте древнерусского полногласия.

24. **зьр-** (ὁρᾶν). Только в пяти случаях встретились написания без **ь**: **зазрн** — 2, **презрѣвъшн** — 37, **възрѣннє** — 57, **зракъ** 79 об., **зракъ** — 108.

Значительное большинство остальных примеров падает на случаи сохранения **ь** в этом корне (см. 3 об., 14, 14 об, 20, 21 об., 22, 24, 27, 30 об., 45, 155 об. (2 раза), 72 об., 80, 89, 89 об., 119 об., 132, 132 об., 165, 168 об.). Можно предположить аналогическое воздействие глаголов того же класса типа **горю, горѣти**. Кроме того, **ь** мог быть знаком палатальности *z*.

25. **мьр-** (θάνατος). Зафиксированы только написания с **ь**: **оумьре** — 16, 18, 18 об., **оумьреть** — 20.

---

[30] В. Н. Щепкин. Рассуждение..., стр. 136.

[31] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 66. Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 163.

[32] Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова Евангелия, стр. 18—19.

inslav

26. **стьр-**. Есть только 1 пример и тот с **ь**: **простьрє** — 14 (2 раза). Слова **прострѣти** — 69 об., **пространо** — 121 об., **пространьствѣ** — 121 об., 122 об. являются формами, восходящими к **tort*.

27. **ѵьн-**. Во всех случаях **ь** сохраняется, например: **наѵьнише** — 2 об., **наѵьнѣть** — 13, **наѵьноуть** — 21 об; (см. также 2 об., 15 об.).

Последовательному сохранению **ь** во всех этих примерах способствовала сильная аналогия со стороны других форм этого глагола, например **наѵѧти**.

28. **бьр-**. Зафиксирован только с **ь**, например: **събьраша** — 35, **възвьра** — 38 об. **събьраниѥ** — 143 об., **събьравъша сѧ** 163: (см. также 42 об. (2 раза), 72, 92, 100 об., 113 об, 123).

29. **пьр-**. Тоже зафиксирован только с **ь**: **попьралъ** — 8 об., **пьрѧща сѧ** — 38, **распьрѧмн** — 72, **препьрнть** — 110 об., **попь/ралъ** — 3 об., **попь/-равъ** — 21.

30. **дьр-**. Встретился один раз с **ь**: **раздьравъ** — 134, 2 раза без **ь**: **раздратн** — 106, **нераздраноую** — 106.

Корни **бьр-**, **пьр-**, таким образом, систематически пишутся с редуцированным, что, по-видимому, соответствовало церковному произношению. Для корня же **дьр-** можно предположить утрату **ь** в говоре писца. Следует обратить внимание на тот факт, что на стыке **раз-** и корня **дьр-** возникала группа **здр**, которая фонетически и графически была привычна писцу (написания типа **въздражати, раздроушати** и т. п. постоянны в памятнике).

31. **шьпът-**. Из пяти случаев в трех встретилось написание без **ъ**: **шьптати** — 4 (на этом же листе см. формы с **ъ**); **шъпташе** — 11 (2 раза).

Можно думать, что слабый **ъ** был утрачен в этом корне, тем более, что, как уже говорилось выше, позиция **п-т** была позицией наиболее ранней утраты редуцированного.

32. **зьд-**. Зафиксирован четыре раза с **ь**: **съзьданн** — 10, **зьданнн** — 40 об., **съзьдавъ** — 107, **съзьданъмь** — 109 об. и один раз без **ь**: **зданниѥ** — 66 об.

Единичный пример **зданниѥ** не свидетельствует с определенностью об утрате **ь**, к тому же это слово относится к книжному пласту лексики, и такое его написание могло появиться под влиянием старославянских текстов. Формы с **ь** в корне, возможно, испытывали аналогическое воздействие со стороны форм типа **съзиждати**. Случаев замены **ь** на **ъ** в этом корне в рукописи нет.

33. **рьц-**. В этом звуковом виде корень появляется в следующих случаях: **рьцн** — 14 об., 18 об., 24 об., 27, **рьцѣте** — 17 об., 115 об.

Сохранению **ь** способствовала позиция после палатального плавного *r* и, возможно, аналогия со стороны форм **реѵн**, **рѣѵь** и др.

34. **съл-** (ἀποστέλλω). Хотя написания без **ъ** зафиксированы только четыре раза: **пославъ** — 18 об., **посланниѥ** — 70 об., **въспосла** — 139 об., **прн//слалъ** — 152, можно предположить, что живой язык уже утратил **ъ** в этом корне. Писец сохраняет написание редуцированных в одиннадцати случаях в середине строки (см. 23 об., 108, 140, 128, 115, 129, 129 об., 130, 138 об., 145 об., 151 об.) и в трех примерах в конце строки (см. 23 об., 124 об., 134 об.). Эти написания появлются в результате стремления выдержать орфографическую норму, которая имела поддержку в словах этого корня с сильной позицией для **ъ** (**сълъ**). Написание **посалании** (115 л) — результат описки.

35. **сът-** (ἑκατόν). Встретился 2 раза и оба раза с **ъ**: **съта** — 78 об., 129.

Необходимо принять во внимание форму **сътъ** род. п. мн. ч., которая способствовала сохранению слабого **ъ** в других формах.

inslav

36. **зъл-** (κακός). Этот корень в рукописи встречается очень часто — 86 раз. Из них в 37 случаях без ъ, например: **зло** — 66, 69 об., 89, 67, 103, **злаго** — 66 об., **злѣ** — (67, 75, 93, 146, **ѿзлобити** — 112, **злонравьно** — 137, 139 об.; (см. также 64 об., 65 об, 66, 69, 72, 79, 89, 95, 95 об., 102, 103 (2 раза), 105, 107, 113, 126, 130, 131, 137, 137 об., 139 об., 142, 157, 161, 170 об.).

Можно сделать вывод, что этот корень уже утратил редуцированный в языке писца. Многочисленные примеры с ъ подчиняются орфографической традиции, укрепляемой аналогическим воздействием формы **зълъ**. Единичное **зьлѣ** — 46 л. при **зълѣ** в пяти случаях и **злѣ** в четырех случаях, трудно объяснить фонетически. Это написание могло появиться под влиянием старославянского языка[33].

37. **зъв-** (κράξω) четыре раза встретилось написание без ъ: **званиємь** — 79 об., **възвавъ** — 79 об., **звання** — 79 об., **при/звавъ** — 169; семь раз с ъ (см. 18 об., 42, 79 об., 114 об., 118 об., 119, 151, 161). Это соотношение написаний позволяет заключить, что живой говор писца уже утратил здесь ъ, семь написаний следуют орфографической модели, поддерживаемой формами **зовоу**, **зъвъ**.

38. **съп-/сън-** (ὕπνος). В 7-ми случаях этот корень пишется с ъ. Например: **съплю** — 12 об., **съпання** — 28, **оусъпаше** — 28, **съноу** — 41, **съна** — 57 об., **оусъпе** — 169, **съ/па** — 5 об.

Следует предположить наличие редуцированного, по крайней мере, в искусственном церковном произношении. Зафиксированный 1 раз пропуск ъ падает на слово **оуспѣніє**, которое не показательно в фонетическом отношении, так как это книжное слово и его написание могло быть усвоено под влиянием старославянских текстов. Надо принять во внимание также существование сильного аналога **сънъ**.

39. **тьм-** (σκότος, μύριον). Только в формах одного слова корень **тьм** — имел редуцированный в слабой позиции: **тьмы** — 61 об., **тьмою** — 6 об., **тьмами** — 67, 94, 98 об. Безусловно, редуцированный здесь сохранялся, чему способствовали формы **тьмьнъи**, **тьмьница** и др. А. А. Селищев отмечал позицию **т-м** как позицию, где редуцированный в диалектах оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь[34].

40. **лъж-** (ψεῦδος). Всегда пишется с ъ, например: **лъжи** — 2, 103, 107, **лъ/жа** — 18 (см. также л. 18 об, 39, 110, 113, 126, 168). Редуцированный поддерживался теми формами, где ъ был в сильной позиции, например: **лъжьнъи**.

41. **льст-** (δόλος). Во всех случаях фиксируется с ъ: **прельстити си** — 16 об., **прельщена** — 22, **льстивомь** — 103, **прельсти** — 104, **прель/стивъ** — 102.

42. **мьст-**. Также всегда пишется с ъ: **мьщеніє** — 114, **мьститель** — 119 об., **ѿмьщеніє** — 126, 70, **ѿ//мьстилъ** — 128 об., 129.

43. **мьзд-** (μισθός). Все примеры с ь: **мьздоу** — 46 об., 130, **мь/здомьствоу** — 17 об., **мь/здами** — 130.

Для приведенных выше слов с корнями **льст-**, **мьст-**, **мьзд-** действовала аналогия со стороны форм **льсть**, **мьсть**, **мьздъ**. По наблю-

---

[33] Ф. Ф. Фортунатов писал, что написание **зьлѣ** возникло в старославянском «вследствие приближения иррациональных гласных в условиях их образования к следовавшим за ними звукам» (см.: «Сравнительная фонетика индоевропейских языков», стр. 303). Этого же объяснения придерживались и И. В. Ягич (см. ArfslPh, Bd I) и Н. Ван-Вейк (см.: «История старославянского языка»). По мысли А. Лескина (см. ArfslPh, Bd XXVII, стр. 345—349) и А. А. Селищева (см. «Старославянский язык», ч. I, стр. 289), оно появилось уже после утраты слабых ъ и ь и указывало на мягкость *z*, полученную под влиянием следующего мягкого *l*.

[34] А. Н. Селищев. Старославянский язык, ч. I, стр. 285.

inslav

дениям А. А. Селищева, в позициях л-ж, л-ст, м-ст, м-зд редуцированные могли сохраняться и после общего процесса падения редуцированных[35]. Причиной была аналогия и фонетические условия — положение перед группой согласных *st*, *zd*.

44. **єдъва** (μόλις). Чаще пишется без ъ: **єдва** — 55 об, 57 об., 96, 131, 138, 163 об. (4), 169 об., **єдва** — 112 и реже с ъ: **єдъва** — 31(2), 37 об., 61, 136 об., **ѿдъва** — 27, что свидетельствует о том, что ъ уже не произносился писцом в этом слове, которое, вследствие частоты употребления легко подвергалось редукции в целом своем составе.

45. **тъкъмо.** 16 раз встретилось написание **тъкмо** (35 об., 55, 56 об., 57 об., 59 и др.), около 20 раз — с сохранением этимологического слабого ъ. Многочисленность случаев написания без ъ, безусловно, свидетельствует о том, что редуцированный был утрачен в говоре писца, тем более, что это слово, как часто употребляемое, могло подвергаться редукции.

46. **бьхъма.** Пропуск слабого ъ отмечен в случаях: **бьхма** — 75, **бєхма** — 82, 89 об.

Можно предполагать утрату ъ, о чем косвенно свидетельствует прояснение в предшествующем слоге ь в є.

Анализ 46 корней с этимологическим редуцированным в слабой позиции дает возможность восстановить следующую картину:

для 17 корней (**вьс-**, **кънѧз-**, **кънег-**, **гън-**, **мъног-**, **мън-**, **къто**, **къде**, **ѹьто**, **дъв-**, **шьпът-**, **съл-**, **зъл-**, **зъв-**, **єдъва**, **тъкъмо**, **бьхъма**) можно с достоверностью констатировать утрату слабого редуцированного. Критерием надежности этого вывода является преобладание написаний этих корней с пропуском редуцированного.

Относительно остальных корней этого с определенностью утверждать нельзя, поскольку преобладают случаи с сохранением редуцированного. Это явление может быть объяснено, во-первых, высокой грамотностью писца, во-вторых, действием такого существенного фактора, как церковное произношение, в котором «глухие сохранялись в бо́льшем количестве случаев, чем в разговорном языке»[36]. Следует учесть также действие аналогических процессов в языке, на которые указывалось выше при рассмотрении написаний отдельных корней.

Таким образом, начальную стадию процесса падения редуцированных — утрату ъ и ь в слабой позиции, по крайней мере, в некоторых корнях — Выголексинский сборник отражает.

Редуцированные ъ, ь в суффиксах

До эпохи падения редуцированных обязательным элементом древнерусского суффикса был гласный звук (что, впрочем, характерно для любой древнерусской морфемы)[37].

Для ряда суффиксов таким характерным гласным элементом были редуцированные звуки ъ и ь, которые, подчиняясь общеязыковой фонетической тенденции, должны были либо развиться в гласные полного образования, либо утратиться.

Однако, как свидетельствуют письменные памятники, для суффиксальных морфем процесс падения редуцированных наступил несколько

---

35 Там же.

36 Н. М. Каринский. Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка. СПб., 1903, стр. 18.

37 П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, Изд-во МГУ, 1953 г., стр. 17.

inslav

позднее, чем для лексических[38]. Это находит себе объяснение в особенностях данной позиции. Древнерусская суффиксальная система состояла из сравнительно небольшого количества элементов, поэтому естественно предположить, что здесь требования системы были ощутимее, что процессы аналогического выравнивания для этой позиции были интенсивнее, чем для лексических морфем, число которых было гораздо значительнее.

Графическая модель древнерусского суффикса сохранялась продолжительное время по вполне понятным причинам: суффиксальное словообразование было чрезвычайно развито в древнерусском языке, поэтому эта графическая модель постоянно возобновлялась писцом, что создавало прочный орфографический навык.

В Выголексинском сборнике отмечен следующий набор суффиксов, содержащих ъ и ь: *-ьn-*, *-ьstv-*, *-ьsk-*, *-ьš-*, *-ъš-*, *-vъš-*, *-ьc*, *-ьč-*, *-ьb-*, *-ьl-*, *-ьliv-*, *-ъk-*, *-ьk-*, *-ьd-*, *-ъv-*, *-ъx-*, *-šьdy-*.

В каждом из этих суффиксов писец сохраняет на письме знак редуцированного в огромном большинстве случаев как в сильной, так и в слабой позиции. В связи с этим представляется излишним приводить полную сводку всех случаев сохранения на письме ъ, ь. В работе для каждого суффикса дается перечень слов, включающих в свой состав данный суффикс и сохраняющих редуцированный как в сильном, так и в слабом положении. В каждом отдельном случае специально рассматриваются примеры прояснения и утраты редуцированного звука.

1. Суффикс *-ьn-*. По частоте употребления *-ьn-* превосходит все другие суффиксы. Он отмечен в различных формах следующих слов (как в сильной, так и в слабой позиции): **неподвижьнъıи, безбожьнъıи, блнжьнии, книжьнъıи, ноужьнъıи, мятежьнъıи, нъıнѣшьнии, постошьнъıи, вънѣшьнии, брашьно, грѣшьнъıи, вышьнии, страшьнъıи, мощьнъıи, вѣчьнъıи, неразлоучьнъıи, различьнъıи, тъчьнъıи, бесконьчьнъıи, паучьнъıи; дьрьнъıи, вѣрьнъıи, сребрьница, вьноутрьнии, покорьнъıи, довъльнъıи;**

ѿканьнъıи, вълньнъıи, временьнъıи, скверьнъıи, безаконьнъıи, неиздреченьь, — нъıи;

безоумьнъıи, тьмьнъıи, подобьнъıи, скърбьнъıи, пагубьнъıи; зоубьнъıи, коупьно, пристоупьнъıи, коумирослоужьбьникъ, ласкавьнъıи, равьнъıи, дивьнъıи, црквьнъıи, древьнии, злонравьнъıи, любобьникъ;

оужасьнъıи, небсьнъıи, свьтоносьнъıи, красьнъıи, тѣлесьнъıи, сльзьнъıи, пользьнъıи, великовъздрастьнъıи, вражьдьнъıи, правьдьнъıи, бестоудьнъıи, доброплодьнъıи, празьдьнъıи, смрадьнъıи, благородьнъıи, оугодьнъıи, бѣдьнъıи, клевѣтьнъıи, ненавистьнъıи, радостьнъıи, цвѣтьнъıи, чьстьнъıи, соуботьнъıи, прельстьнъıи, вопрнятьнъıи, соуютьнъıи, пакостьнъıи, житьница, празьдьньство.

Для этого суффикса зафиксировано и наибольшее количество случаев утраты редуцированного — 67 примеров. Рассмотрим эти случаи.

десьн- (Здесь предполагается индоевропейский корень **dek*[39], суффикс *-ьn-* восстанавливается на основании лит. *dešinis* 'правый', санскр. *dakṣinas*). В нашей рукописи, как и в других памятниках, постоянно

[38] Следует отметить, что некоторые случаи утраты редуцированных в суффиксах относятся к ранним случаям падения редуцированных. О случаях ранней утраты ь перед сонорными л, н (оумна, вѣрна, подобна, тьмница) писал А. М. Селищев, обобщая те фонетические условия, где ъ, ь выпадали еще до общего процесса падения редуцированных (см. «Старославянский язык», ч. I, стр. 283).

[39] См.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958.

inslav

написание десн—десна — 5 об. ѿде/сноую — 13 об., деснѣн — 91 об., десницею — 102 об., деснаꙗ — 140 об., деснъıн — 164 об.

Объяснение этому явлению было дано Ф. Ф. Фортунатовым[40], который предполагал здесь нефонетическую утрату ь под влиянием форм тѣснъ, тѣснъıн, которые не имели редуцированного в группе *sn*, возникшей в общеславянскую эпоху из *skn* — ср. ст.-сл. тѣскъ, тискати. Можно думать также, что в языке рано утратилось осознание морфологической структуры этого слова, поскольку других образований от этого корня в языке не было, а это нейтрализовало аналогическое влияние со стороны других прилагательных с суффиксом *-ьn-*.

коупьно. Написания этого слова без ь многочисленны: коупно — 43, 44, 63 об., 82, 87 об., 110 об., 120, 138, 158 об. и др.

В силу частого употребления это наречие могло подвергаться редукции во всем составе. Можно заключить, что написания данного слова без ь отражают фонетическое явление утраты слабого редуцированного в суффиксе.

подобьн-. Пропуск редуцированного отмечен в следующих случаях: подобно — 82 об., неподобнаго — 94, неподобномоу — 104 об.; 2 раза пропуск отмечен в словах под титлом: прпдбнаго — 67, прпдбнъıн (наряду с прпдбьнаго — 33 об.).

По наблюдениям А. М. Селищева, утрата ь в этом слове фиксируется в большинстве древнейших русских рукописей[41].

тьмьн-. ь отсутствует в следующих примерах: ѿтьмнн — 6 об., тѣмнѣн — 82 об., ть/мнцн — 93, 130, тьмнѣн — 130, нстьмнце — 137 об., тьмнцѣ — 161. Это также случай древнейшей утраты ь. В языке писца нашей рукописи ь здесь, по-видимому, тоже не произносился (фонетически это было возможно, ср. утрату редуцированного в группе *mn* корня мъног- и местоименной основы мън- в нашей рукописи).

Кроме этого, утрату ь в суффиксе *-ьn-* представляют следующие примеры: ѿбычно — 66; ꙁлоѿбычно — 67; вышнаꙗ — 57; нынѣшнѥ/ѥ — 36 об.; блнжнин — 75; дроужню — 88 об.; неразлоучна — 97; ꙗчноу — 136; не//моирноѥ — 112 об.; брашны — 158; дъ/лъжнаꙗ — 165 об.; вышнаго — 168 об.; вчерашнаго — 169 об.; ꙗсно — 9, ꙗснѣ — 103; ꙗснѣѥ — 144 об.; ꙗснѣѥ — 170, пользнеѥ — 58 об.; напрасно — 93; телесноу — 132; нздраднеѥ — 169 об.; прнстоупно — 57; неразоумнъıн — 94; непотребны — 96 об.; ꙗрьмникъ — 148; равности — 82; рьвность — 83; нечьстивно — 85; дневны — 163. После р, л утрата ь отмечена в следующих трех случаях: вѣрно — 63 об. (в этом слове известна ранняя утрата ь), доволнѣ — 154, 157.

Представляется возможным приведенные многочисленные факты (если учесть сопротивление орфографического навыка) истолковать как свидетельство утраты редуцированного в суффиксе *-ьn-* не только для тех примеров, где она была известна в большинстве древнейших памятников, но и для других случаев. Что касается прояснения сильного ь в этом суффиксе, то оно отмечено только один раз: потребенъ — 96. В слове цркъвънѣмь — 49 об. ъ появляется вместо ь, скорее всего как описка под влиянием ъ предыдущего слога.

2. Суффикс *-ьstv-*. Весь набор слов, включающих в свой состав суффикс *-ьstv-*, не содержит ни одного случая утраты суффиксального ь. Такая последовательность вполне понятна, если учесть, что в случае

[40] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика индоевропейских языков, стр. 298; см. его же. Состав Остромирова евангелия, стр. 18—19.
[41] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I, стр. 283.

inslav

пропуска ь в слове возникала бы графически и, вероятно, фонетически недопустимая комбинация из четырех согласных[42].

Суффикс *-ьstv-* встречается в сильной и слабой позиции в формах следующих слов: множьство, соупроужьство, поспышьство, бжьствьнъін, ѡуьство, прроуьство, велнуьство, моужьство, хоудожьство, соуцьство; ѡзьмьствие, лоукавьство, ненстовьствовати, уоувьство, звѣроѡбразьство, богатьство, ѥстьство, соуботьствовати, къслѣдьствовати, праздьньство, пиньство, достонньство, разньствоующии, ѥдиньство, таньство; пронъырьство, моудрьствоующии, дарьствовати, царьство.

В одном случае отмечено прояснение сильного ь: бжествьнъішмъ — 40 об.

3. Суффикс *-ьsk-*. Регулярно сохраняется вид -ьск-: коузньуьскъін, ѥдноуьскъін, оуношьскъін, мнишьскъін, ѡуьскъін, ѵлвуьскъін, прроуьскъін; римьскъін, икономьскъін, нерамьскъіи, бѣсовьскъін, къруевьскъін; елиньскъін, хрьстиньскъін, полоньскъін, корсоуньскъін, гьскъін, готьскъін, ипатьскъін, дѣтьскъін, братьскъін, градьскъін, далматьскъін; мирьскъін, царьскъін, варварьскъін, альзандрьскъін, жнжительскъін.

4. Суффикс *-ьš-* зафиксирован в следующих словах: вѧщьшии, поущьшии, лоуучьшии, въішьшии, хоужьшии, рожьшии, положьшии, погашьшии, ѡвращьшии, възложьшии, съмѣшьшии сѧ, оуньшии; крѣпльшии, большии, горьшии, сътворьшии, пьрвосътворьшии, оуставльшии, ѥвльшии сѧ.

На л. 136 об. имеется один случай утраты ь в этом суффиксе: лоуушнхъ. Существенно заметить, что это слово относится к пласту общеупотребительной лексики.

5. Суффикс *-ъš-*. Для этого суффикса отмечено два примера утраты ъ: оумьрша — 97 об.; нздрекшю — 167. В остальных причастиях с этим суффиксом ъ сохраняется: пришьдъшии, въпадъшии, пресъхъшии, принмъшии, ищьзъшии и др.

6. Суффикс *-vъš-*. Причастный суффикс *-vъš-* пишется систематически с редуцированным: презьрѣвъшии, оставивъшии, разоривъшии, бывъшии и т. д.

7. Суффиксы *-ьc-*, *-ьč-*. Пишутся исключительно с ь: коньць, вѣньць, пьрвѣньць, ѡтьць, простьць, сребролюбьць, чѧдолюбьць, бословьць, любословьць, мьртвьць, самовидьць, письць, самодьржьць, мъшьца, жьрьць, старьць, иконоборьць, игрьць; ѡвьуии, коньуьнъін, тѧжьуие, бесконьчьнъін.

8. Суффикс *-ьb-*. цѣльба, слоужьба, врауьба, дроужьба, соудьба, мольба, коумирослоужьбьиикъ.

9. Суффикс *-ьl-*. В слове свѣтьлъін суффикс постоянно передается с редуцированным. Один случай представляет утрату ь: ѡсли/те — л. 147; сознание этимологии этого слова было уже утрачено в языке.

10. Суффикс *-ьliv-*. Встречается в 2-х словах в орфографически правильной форме: негнѣвьливъ, оувѣтьливъ.

11. Суффикс *-ъk-*. Систематически проводится написание ък: сладъкъін, крѣпъкъін, мьрзъкъін, тънъкъін, кротъкъін, гладъкъін, кратъкъін, мѧкъкъін, прибытъкъ.

Единичные написания с о: недостатокъ — 15 об., жестокъ — 29 об., жестока — 64, глоубоко — 72 могут быть и образованиями с суффиксом *-ок-* (ср., однако, совр. *жесткий* и совр. диал. *глыбко*).

[42] Случаев типа бѣство, где намечается упрощение возникающей группы из четырех согласных, в нашем памятнике нет.

inslav

12. Суффикс *-ьк-*: **тѫжькын, горькын**. Зафиксирован один пропуск **ь** (после **р**) **горко** — 90.

13. Суффикс *-ьd-*. Этот суффикс был непродуктивным, он содержался только в нескольких словах. В рукописи он последовательно сохранен. Случаев утраты, смешения, прояснения редуцированного нет: **правьда, правьдьнын, кражьда, кражьдоуюцнн, кражьдоватн, кражьдьно, ѡправ-ьданнк.**

14. Конец основы *-ъv-*. *-ьv-* содержат слова **цьркъвь, любъвь**. Решение вопроса о том, произносился ли **ъ** в слове **цьркъвь**, осложняется тем, что оно постоянно под титлом (без титла только однажды: **ць/р-къви** — 44 об.). Чаще всего **ъ** под титлом не пишется, хотя есть и случаи сохранения **ъ** (49 об., 87, 100 и др.). В слове **любъвь**, которое было общеупотребительным, можно предположить гласный полного образования. В пользу этого свидетельствуют сравнительно многочисленные написания этого слова через **о**: **любовь** — см. 48, 96 об., 144, 160 об.; 161 об., 170; **любовьнуе** — 170 об.

15. Суффикс *-ъх-*. Встречается только в формах слова **ветъхын** (лит. *vètušas*) всегда с **ъ**.

16. Суффикс *-šьdy-*. Этот суффикс кратности числительных сохраняет свой орфографический облик: **дъвашьдъı** — 3, **трншьдъı** — 3, **многашьдъı** — 71, 21 об., 27 об., 45 об., 148, **г.шьдъı** — 30.

Ассимилятивных явлений также не засвидетельствовано для этого суффикса.

Рассмотрим в этом же разделе наречные образования с частицей *-lьma (-lьmi)*. Различные варианты написания распределяются здесь следующим образом: **болмн** — 117 об., но **больмн** — 132; **болъмн** — 116 об., **больма** — 53, 59, 62, 62 об.; **дѣлма** — 63 об., но **дѣльма** — 52, 86 об; **елма** — 40, но **ельма** — 59 об; **ѡкольмн** — 3, **кѣльмн** — 103.

Сосуществование этих вариантов можно объяснить известной в древнейших памятниках традицией написания **л** с крюком (в данной рукописи написание **болъми** — 116 об.).

Общий вывод о судьбе редуцированных в суффиксах сводится к следующему. Фактов, свидетельствующих об утрате и прояснении **ъ, ь**, зафиксировано сравнительно немного (в основном, это пропуски редуцированного в суффиксе *-ьn-*). Но их удельный вес достаточно велик, чтобы истолковать их как свидетельство того, что процесс падения редуцированных затронул и суффиксальную систему.

Для суффикса *-ьn-* утрата **ь** отмечена в самых различных позициях. Что касается других случаев утраты **ъ, ь**, то существенно обратить внимание на тот факт, что два из этих спорадических случаев (**горко, оумьрша**) представляют утрату редуцированного после **р**. Однако это не дает основания утверждать, что в языке писца нашей рукописи **ъ, ь** утрачиваются интенсивнее после **р**, чем после всех других согласных, что предполагал Л. Васильев для памятников XII в.[43]

Редуцированные ъ, ь в предлогах и приставках

Анализируя редуцированные в предлогах и приставках, мы исходим из допущения, что в древнерусском языке, как и в современном русском языке, сочетания с предлогами «произносятся так, как если бы

---

[43] См. Л. Васильев. Одно соображение в защиту написания **ьрь, ьръ, ъръ, ълъ** древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия. — ЖМНП, XXI, 1909, № 8.

inslav

они представляли одно слово»[44]. Это допущение подтверждается историей русского языка: процессы, происходящие на стыке приставки и корня, оказываются тождественными процессам в сочетаниях предлогов со знаменательными словами. Одинаковый характер имели в обоих случаях и те явления, которые были связаны с общеязыковым процессом падения редуцированных.

Судьба редуцированных в позиции стыка приставки и корня, предлога и самостоятельного слова имела некоторые особенности. В частности, для этой позиции следует предположить большее, чем для корневых морфем, развитие аналогических процессов, что можно объяснить большей взаимозависимостью элементов в системе предлогов и приставок, набор которых был сравнительно невелик. При этом важно отметить и ограниченность фонемного состава приставок и предлогов.

В исследуемой рукописи представлен следующий набор предлогов и приставок, содержащих редуцированный: *sъ*, *vъ*, *kъ*, *otъ*, *obь (obъ)*, *podъ*, *nadъ*, *prědъ (pred)*, *razъ*, *bezъ*, *vъzъ*, *izъ*, *nizъ*, *črěz (čeresъ)*.

Рассмотрим последовательно приставки и предлоги с этимологическим «фонетически неподвижным» (термин Ф. Ф. Фортунатова) редуцированным и те приставки и предлоги, где ъ еще в общеславянскую эпоху был подвижным (сюда относится *obь/obъ* и образования на *z*).

1. Приставки и предлоги *sъ*, *vъ*, *podъ*, *nadъ*, *predъ* (в рукописи всегда **предъ**), предлог *kъ*.

Для этих предлогов и приставок характерно последовательное сохранение этимологического ъ во всех позициях (эти позиции можно выделить, имея в виду известные в истории русского языка изменения) — перед одним согласным, перед группой согласных, перед нейотированными гласными *u*, *i*, перед йотированными гласными. Исключением являются четыре случая пропуска ъ: **спросн** — 150, **под нимь** — 68, 82 об., **к нимъ** — 28 об. Заметим, что утрата ъ в сочетаниях предлог **къ** + местоимение известна уже в древнейших рукописях как частое явление[45]. Встретился один пример на прояснение ъ в о: **ко всѣмъ** — 48 об.

2. *otъ*. «В общеславянском **otъ-*, **otь-*, **ot-*, — писал Ф. Ф. Фортунатов, — совпали два слова: предлог **otъ* из древнего наречия **otos* (ср. др.-инд. *atas* 'отсюда', 'оттуда')... и предложная приставка **otь-*, **ot-*... (ср. лит. диал. *ati* — 'от', при *at-* и *ata*)... Конечное ъ в **otъ* был по условиям образования фонетически неподвижным»[46].

Выяснение судьбы *otъ* в данной рукописи затруднено тем, что писец регулярно передает это сочетание посредством лигатуры ѿ, которая становится самостоятельной графической единицей для передачи последовательности этих звуков (см. распространение этой тенденции на случай **ѿмеславнн** — 8 об). Расчлененное написание применяется только для слова **ѿтнноуждь** (этимологически **от-ьнждь** с *ot* без редуцированного, как это обосновывает Мейе[47]); один раз отмечено **отъкѣрлакъ** — 18 об.

3. *obь*. В общеславянском языке ь здесь был подвижным, было допустимо изменение в *obъ*.

---

[44] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 50.

[45] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. — ИОРЯС, XIII, 1908, стр. 210.

[46] Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского языка. — «Избранные труды» т. 2. М., 1957, стр. 205.

[47] A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, стр. 158

inslav

При постоянном написании без редуцированного в рукописи отмечен ряд форм с ъ, ь. Они распределены следующим образом. ъ перед *i*, *j*: ѿбъꙗвлєнїє — 46 об., ѿбъимаꙗ — 97; ь перед *j*: ѿбьꙗтъ — 164. Перед корнем *dьrž* — наблюдаются написания двоякого рода, с ъ и ь (не являются ли они этимологическими вариантами?): ср. ѿбъдьржнмъ — 134, ѿбъдьржнма — 149 об, ѿбъдьржꙗтн — 159 об. объдьржнть[б] — 165, объ/дьржнмъ — 166 и ѿбьдьрьжнмъ — 132 об., ѿбьржнма — 134 об. Написания ѿбнимаше — 39 об., ѿбнишьдъ — 91, ѿбнтѣкатн — 79, ѿбнсиꙗть — 101 могут быть использованы как косвенное свидетельство палатальности *b*. Возможно, что эти написания отражают искусственное церковное произношение.

Преобладание написаний с пропуском редуцированного дают основание констатировать для писца утрату редуцированного в рассматриваемой приставке.

4. Приставки и предлоги на *-zъ*.

При рассмотрении судьбы редуцированных в предлогах и приставках, оканчивающихся на *-zъ*, исходным является то положение, что сосуществование фонетических вариантов *izъ*, *bezъ*, *nizъ*, *razъ-*, *vъzъ-* и *iz*, *bez*, *niz*, *raz-*, *vъz-* было характерно еще для общеславянской эпохи[48]. На основании древнейших текстов общеславянскими признаются и те фонетические изменения, которые явились результатом контакта *z* + согласный.

Исследуемая рукопись в отношении судьбы образований на *zъ* представляет следующий круг явлений.

В ней находят отражение общеславянские изменения, возникавшие в результате тесной связи конечного *z* с последующим звуком:

а) *z* (*s* < *z*) + *z*, *s*, *c* > *z*, *s*, *c*

бестоудьнаго (7), -нъıн (8), -нъı (24), бестоуднє (103 об., 112 об.) -дьнѣ — 117, -дьнъ — 142, беславъı — 46, бесъмьртьна — 77 об., бесоумнѣнн/ꙗ — 115 об., нсъхъшнмъ — 133, въслѣдоующа — 90., -щнмъ — 137 об., раслабленн — 29, расмотрнвъ — 66 об., расѣун — 68 об., -ченомъ — 32, растоꙗщнхъ — 96, расоужатн — 114, растоꙗнню — 71 об., расѣстн сꙗ — 117, расѣѧ/номъ — 125, раслабле/нъ — 163 об., расмотрꙗше — 168 об., безаконнн — 18 об., 25, -нє — 66, -нню — 69, -ньномоу — 65, 93 об., -ньнъıꙗ — 116 об., -ньнъıнхъ — 120 об., -ньствоваше — 66 об., 69 об., -ньноваховуть — 87 об, -ньнова — 170 об., безълобнє — 25 об., ненцѣлнмоую — 65, нен/цѣлнмо — 95, възрѣнє — 57, възьрѣвъ — 45, 155 об. (2 раза), 7 об. възьрѣтн — 168 об., възъкавъ — 79 об. (В четырех последних случаях, возможно, мы имеем дело с образованиями с приставкой въ).

Что касается известного изменения *z* + *š* > *š*, то в рукописи наряду с нишьдъше — 170 об. наблюдаются написания иного рода: нщедъшемоу — 106 об., нщьше — 114 об., раіщьдъше — 122, нщьдъ — 124 об.,

б) *z* + глухой согласный (кроме *z*, *s*, *č*, *š*) > *s* + глухой согласный. Эта ассимиляция наблюдается в многочисленных случаях: беспечальна — 41 об., бесконьчьно — 67;

въскрь/сенна — 118, въскърмленнє — 168 об., въспитѣна — 36 об., въспѣ — 87 об., въспѣва- — 117 об., 138, 167, въспомнна- — 52 об., 74 об., 83 об., 116, 125, въспомꙗ/ноувъше — 98, въспрнꙗ- — 43, 46 об., 53 об., 55 об., въспрнім- — 16 об., 63, 67, 80, 82, 168 об., въспрнємъ — 56, въс-

---

[48] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского языка, стр. 202—204; его же. Состав Остромирова Евангелия.

inslav

ход- — 51, 54 об., 79 об., въсхоженнѥ (—н) — 82 об., 99, въсхотѣ — 182 об., въсточьномоу — 133 об.; превъсходящꙗ — 57 об.;

нскнигь — 122, нскоуш- — 6, 13 об., 59, 67 об., 69 об., 74, 86, 88, 91, 92 об., нспълни- — 1 об., 4 об. (2 раза), 20 об., 26 (2 раза), 27, 94 об., 101 об., 111 об., 120, 143 об., 171, нспоущ-8 об., 58, 74 об. исповѣд- — 33 об. (2 раза), 36, 125, 140, 144 об., нсправлѥнѥ — 59, 69, 99-нꙗ, нспразнѥвъше — 122 об., нспьрва — 45, 93, нсъписанаго — 104 об., нспытати — 79, нстанхъ — 124, нстекъшею — 124 об., нстьрпѣвъше — 99 об., нстъргашеть — 99, нстꙗзати — 78 об., 113 об., нстъцѥ — 16, нсход- — 50 об., 132; раскопати — 137, распа- — 3 об., 20 об., распалꙗющаго — 145 об., распростьрто — 44, 64, -тнрата — 87, растоꙗнню — 71 об., растьрза — 87 об., 134 об. -заша сꙗ — 64 об., -зати — 146, растекъ/шемоу — 118, растьлѣвъ шаꙗ — 128, растьлѣннѥ — 148 об.; росхрьптавъ сꙗ — 129.

в) $z+\check{z} > \check{z}d$. раждизаѥмъ — 3, -заше — 48 об., раждь/женню — 30 (2 раза), раждьгъ — 68, въждѥлахъ — 166.

г) $z+\check{c} > \check{s}\check{c}$. бецисльнъ — 36, 139, 168, об., бецьств- — 41 об., 55, 103, бецисмене — 162 об., бецинноу — 103, 150 об., н/цез- — 8 об., 137 об., нцьпата — 22 об., нцнстн — 156, рацинтаꙗ — 80 об.

д) $z+r > zdr$ (аналог гораздо более древнего процесса, известного, например, для слов *nozdri*, ср. лит. *nasrai*; *struja*, ср. лит. *srovė*, санскр. *sru-* и др.): въздрадовашасꙗ — 22, въздраст- — 37, 61, 96 об., 99, 153, въздрецѥ — 61, въздрѣчьна — 85, въздражати — 88 об., въздрацата — 160 об., неразрѣшимаго — 34, ненздречен- — 34, 93, 107, 125, 157, 170, издрꙗдьн- — 124 об., 169 об., нздрече- — 93, 130 об., 131, издрицаше — 135, нздрекшю — 167, нздрьцѣте — 167, нздрецѥ — 35 об., 98, 101 об., 146 об., раздрѣшаѥть — 71, 142, раздроуша- — 54, 86, 88, раздрѣшѥ — 127 об.

е) $z+n' > \check{z}n'$: нжнѥго — 29, нжнѥꙗ — 96 об.

Кроме этих явлений фонетическими являются многочисленные (около 220 случаев) написания рассматриваемых предлогов и приставок без ъ в случаях, известных в общеславянскую эпоху.

Наблюдаются следующие случаи предлогов и приставок на -*зъ* перед нейотированными гласными и *i*: безоума (сочетание наречного типа — δωρεὰν εἰχῆ);

нзнде — 16, 73 об., 160 об.,[49] нзндоша — 19 об., възъигравъ — 23, възнмаше — 28[50], пронзнде — 38, изити — 56 об., възндоша — 76 об., възнде — 86; нзъ ѿуню — 48 об., нзъ нстинъ — 51 об. нзъѿбъıуꙗ — 60, безъ ѿдного — 97.

Ограниченность материала не позволяет проверить отмеченное Л. Васильевым фонетическое явление: «Во всех случаях, где начальные нейотированные гласные сознавались говорящими как таковые, везде они вызывали перед собою ъ в разбираемых предлогах-приставках»[51].

В рукописи отмечен ряд явлений, которые могут быть истолкованы как графические новообразования. Сюда относятся случаи восстановления *з* (в виде з или зъ) перед глухими согласными и *n'*: нзъ храмъ — 54, низъшедъ — 56 об., нзъ//цр҃ьства — 86, нзъшедьшю — 97 об., нзтьмнице — 137 об., безъпакости — 155, безнѥꙗ — 120, изнемагающоу — 130. Объяснение этому явлению было дано Л. Васильевым, который писал:

---

[49] По наблюдениям Л. Васильева, глаголы ити, имати всегда принимают приставки на *з* без ъ. Иначе — глагол играти: написание через ы отмечено уже в Архангельском евангелии 1092 г., Успенском собрании XII в., Златоструе XII в. и др. (см. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных..., стр. 233).

[50] Там же, стр. 233.

[51] Там же, стр. 245.

inslav

«Исчезновение глухих создало ряд новых фонетических комбинаторных состояний; благодаря этим новым состояниям явилась возможность проникновения предлогов-приставок с конечным ꙁ на место измененных при прежних фонетических условиях предлогов-приставок. На письме новые предлоги-приставки стали изображаться писцами двояко, так же как изображались двояко и новые комбинаторные сочетания, являвшиеся вследствие исчезновения ъ, ь: или посредством ъ, или без его посредства»[52].

Такую же природу имеют написания: бесъ потъкновенна — 54 об., нсъчнсли — 84 об., нсъ/цѣленнє — 155 и появившиеся, вероятно, под их влиянием: нсъгнивъшнхъ — 136, нсъгнила — 136.

Графический характер имеют встречающиеся случаи написания с -ꙁъ, которые появлялись под влиянием предлогов и приставок с древним конечным ъ (тех именно случаев, когда конечный ъ должен был сохраняться):

безъ времени — 51, безъ ба — 55 об., безъ въꙁбороне/нна — 142, безъ крѣда — 155, нꙁъвалѣчи — 51 об., нꙁъводить — 54, нꙁъгна — 64 об., 86, 96 об., нꙁъверже — 87, нꙁъбранѣ/нше — 87 об., нꙁъвѣшавъше — 91 об., нꙁъгни/къша — 136, нꙁъ града — 170 об.; нисъложилъ — 62, —нти — 106; разъгрѣвала — 48 об., —въ — 80, разъ/вращенъ — 55, —нию — 116 об.; —цала — 112.

Приставка *vъꙁъ* — регулярно сохраняет свой неконечный редуцированный, например: въꙁъмогоуть — 61 об., въꙁвращенне — 74 об. и т. д. Отмечен один случай мены ъ на ь: вьꙁьатъ — (112 об.)

Предлог *čresъ* встречается один раз в своей закономерной фонетической форме (с этимологическим *s*)[53]: чересъ днь — 131.

В итоге рассмотрения редуцированных в предлогах и приставках с достоверностью можно констатировать отсутствие редуцированного в *овь/овъ* и в образованиях на *z*. Для вывода о слоговости ъ перед нейотированными гласными в предлогах и приставках на *z* материал недостаточен. Что касается предлогов и приставок с этимологическим «фонетически неподвижным» ъ, то рукопись, вследствие высокого орфографического уровня, также дает крайне ограниченный материал, что затрудняет его интерпретацию.

Редуцированные ъ, ь в падежных флексиях

Парадигма древнерусского склонения содержала ряд падежных флексий, включающих в свой состав в качестве гласного элемента редуцированные ъ, ь (имеются в виду неконечные ъ, ь). Судьба этой категории редуцированных осложнялась интенсивной грамматической аналогией, связанной с тенденцией к унификации типов склонения.

Вследствие этого представляется, что лишь некоторые случаи изменения ъ, ь в падежных флексиях могут быть интерпретированы как отражения процесса падения редуцированных. В связи с этим факты, связанные с ъ, ь в падежных флексиях, не рассматриваются в работе детально, но в той мере, в какой они являются специфическими.

---

[52] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных. . ., стр. 243.

[53] См. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914 г. (для старославянского языка приводится форма чрѣꙁъ, чрѣсъ и дается сопоставление с др.-прусск. *kirsa*, *kirscha*, *kerscha*; лит. *skeřsas*; греч., ἐγκάρσιος, κάρσιον, ἐπικάρσιος).

inslav

Рукопись представляет следующие падежные флексии, содержащие ъ, ь: **-ъмь, -ьмь** (тв. п. ед. ч. основ на *ŏ, *ĭ, *ŭ, *en, *es); **-ъмъ, -ьмъ** (дат. п. мн. ч. основ на *ĭ, *ŭ, *en, *es, *ū); **-ъмн, -ьмн** (тв. п. мн. ч. основ на *ĭ, *ŭ, *en); **-ъхъ, -ьхъ** (местн. п. мн. ч. основ на *ĭ, *ŭ, *en, *es, *ū).

Для флексий дат. п. мн. ч., тв. п. мн. ч., мест. п. ед. ч. выдерживается регулярное сохранение соответствующего редуцированного. Иную картину представляют флексии тв. п. ед. ч. Известно, что именно в этом случае древнерусские флексии были противопоставлены старославянским. Здесь, как это было характерно для древнерусских рукописей XI—XII вв., орфографически правильными писец осознавал написания **-ъмь, -ьмь,** которые им и проводятся последовательно. Этим объясняются 19 исправлений о на ъ в следующих словах: **страхъмь** — 4,4 об., 140; **ѿбразъмь** — 6 об., **дѣлъмь** — 15; **соудъмь** — 26 об.; **платонъмь** — 45, **тѣлъмь** — 46; **оумъ/мь** — 47; **стельствъмь** — 55 об., **уннъмь** — 76; **ꙗзъкъмь** — 83; **батьствъмь** — 99; **дѣлъ/мь** — 100 об.; **съзьданъмь** — 109 об., **етеръмь** — 109 об., **толикъ/мь** — 132 об., **пѣснѣнъмь** — 100; **недоугъмь** — 155 об. Исправления вносил сам писец, прибавляя к о высокую мачту. Очевидно, написания с **-омь** писец рассматривал как описки, появлявшиеся в результате расхождения между орфографией и привычным ему произношением, и исправлял их. Написания с **-омь,** вероятно, фонетические, встречаются в следующих словах: **миромь** — 32; **батьствомь** — 36; **тѣломь** — 38 об., **нракомь** — 40, **възоромь** — 50 об.; **оумомь** — 109, 125; **соуцьствомь** — 109 об., **патрархомь** — 158 об., **дѣломь** — 87 об., 42 об. Отмечен один случай для е на месте ь: **именемь** — 2.

Хотя для всех этих фактов не будет убедительным чисто фонетическое объяснение (возможно было, например, воздействие форм дат. п. мн. ч.), но в общем контексте изменений редуцированных в рукописи они свидетельствуют о распространении этого процесса и на систему падежных флексий.

Что касается конечных редуцированных, то в данной рукописи они последовательно сохранены, отметим только один пропуск ъ:

жестокъ намзѣло — 29 об. и один случай употребления ъ вместо ь: **ѿнѣмъ** — 129 об.

2. *Корневые редуцированные* ъ, ь *в сильной позиции*

Здесь рассматриваются все случаи, за исключением корней, содержащих редуцированные с плавными между согласными, которые будут рассмотрены особо.

А. И. Соболевский предполагал, что начало прояснения сильных ъ, ь в гласные полного образования *о*, *е* не совпадает во времени с начальным моментом утраты слабых ъ, ь (оно датируется несколько более поздним временем) на том основании, что «памятники XI в. и начала XII в., имеющие сравнительно немало слов без ъ, ь, или совсем не знают замены ъ, ь через *о*, *е* или дают крайне ограниченное число ее примеров, которые все однородны с находящимися в церковнославянских памятниках и потому могут считаться за перешедшие в русские списки из церковнославянских оригиналов»[54]. А. А. Шахматов, давая этой последовательности фонетическую интерпретацию, предполагает, что прояснение ъ, ь в *о*, *е* было вызвано падением редуцированных

[54] А. И. Соболевский. Лекции. . ., стр. 57.

inslav

в слабой позиции (именно в этом смысле он говорит об «одновременности» этих явлений)[55]. С этим согласуются и результаты проверочных наблюдений И. Фалева[56].

Выше было выяснено, что для языка писца нашей рукописи уже была характерна утрата слабых редуцированных. Были приведены также спорадические случаи прояснения *ъ*, *ь* в *о*, *е* в суффиксах и предлогах. Что касается судьбы сильных редуцированных в корне, то и здесь обнаруживается интенсивное стабилизирующее действие орфографической нормы (случаи прояснения *ъ*, *ь* в *о*, *е* сравнительно редки при преобладании орфографически выдержанных написаний), поэтому ниже приводится лишь перечень тех корней, которые в составе различных слов в большинстве случаев сохраняют сильные *ъ*, *ь* и не допускают замены их на *о*, *е* (в скобках помещены некоторые примеры встречающихся в рукописи слов, включающих в свой состав данный корень с редуцированным в сильной позиции): **бъдр-(бъдръ), бьхъма** (ь первого слога), **вьс -(вьсь, вьсьде), довъл-(довъльно, недъвъльствоуꙗ), дъжд-(дъждь), дъск-(дъскамн, дъскахъ), двьр-(двьрьнъін), дъх-(нꙁдъхъша), -ьм-(въꙁьмъ, нꙁьмъ, нꙁьмъша), ꙁъл-(ꙁълъ), къꙁн-(къꙁнн), лъж-(лъжьна), льст-(прельстьникъ), локът-(локъть, лакътьнынмн), льг-(обльгъуꙗшеть), польꙁ-(польꙁьно), мьн-(мьньшаго, мьньшннхъ), нъ** — союз, **рьвьн-(рьвьноватн, рьвьность), съх -(пресъхъшнн, нсъхъшнмъ), стьг-** «ἀγορα» **(стьгнъі), сън -(сънъ), тъ** — местоимение, **тъкъмо, тън-(тънъкъін), тьм -(тьмьнъін, тьмьнца, ѿтьмьннкъ), чьст- (чьстьнъін, бецьствовати), цьрк-** написано без титла один раз: **ць/ркъвн-** (44 об.), **шьд- (шьдъшнн), шьпът -(шьптатн).**

Однако для отдельных корней может идти речь о прояснении в них сильных **ъ, ь** в гласные полного образования. Это относится к следующим корням, обнаруживающим на письме замену **ъ, ь** на **о, е: бьхъма, довъл-, тьм-, шьд-**[57]. Например, для **бьхъма** (πάντως): **бехъма** — 74 об., 87 об., 92, 115); **бехма** — 82, 89 об.); для **довъл-** ('αρχεῖν): **доволнѣ, довольноуꙗ** — 132 об., **недъвъльно** — 59 об. В последнем слове **ъ** исправлен из **о** в слоге **въ**. В словах с этим корнем действие фонетической тенденции было усилено влиянием слова **колꙗ**, как это предполагал Л. А. Булаховский[58]. Что касается написаний **недъвъльно** — 59 об., **недъвъльствоуꙗ** — 45, то появление в них **ъ** вместо **о** в слоге **дъ** — можно объяснить опиской под влиянием последующего **ъ**, так как они являются именно в тех случаях, когда сохранен на письме сильный **ъ**.

Для корня **тьм-** (σκότος, μύριον) имеется только один пример на замену **ь** на **е** **темьнъін** — 12 об.

В слове **тѣмнѣн** — 82 об. **ѣ** вместо **ь** следует признать опиской, появление которой могло быть вызвано следующим далее **ѣ** (такая описка естественна при близости начертаний этих букв: **ѣ** отличается от **ь** дополнительной горизонтальной чертой).

В корне **шьд- е** на месте **ь** появляется не только в случаях: **пришествнемь** — 106 об., **ѿшествню** — 121, **ѿшествнꙗ** — 130 об., **прише-**

---

55 А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода. . ., стр. 243.

56 См. И. Фалев. О редуцированных гласных. . ., стр. 120.

57 Сосуществующие в рукописи варианты наречий **къгда** и **когда, тъгда** и **тогда, нъгда** и **ногда**, где **гда** из ***gъda** с подвижным **ъ** стоят в особом отношении к этому вопросу. В этом случае мы имеем не замену **ъ** на *о*, но параллельные образования от разных местоименных корней, например, **къгда** — от корня **къ-**, выступающего в **като**, форма же **когда** от корня **ко-**, содержащегося в **кольма** (см. Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика. . ., стр. 322).

58 Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 77—78.

inslav

ствнк — 156, 163, **съшествнк** — 148 об. (предположительно к этой категории случаев относим и **ннзъшедъ** — 56 об., **ѿшедъшоу** — 60, **ннзъшедъшоу** — 93 об.), в которых можно было бы предполагать влияние старославянских написаний, но и в следующих формах, известных живому древнерусскому языку: **нщедъшемоу** — 106 об., **зашедъша** — 131, **съшедъшнмъ** — 144 об., **съшедъшеся** — 150, **съшедъ** — 151, **въшедъше** — 159.

На основании этих данных представляется возможным считать написания с **е** фонетическими. Известного в других рукописях смешения **ь** и **ъ** в этом корне в нашем памятнике нет.

Исходя из всех вышеприведенных фактов, можно сделать вывод о том, что прояснение сильных корневых редуцированных в гласные полного образования было известно в языке писца нашей рукописи. Ограниченность количества этих фактов, которую в известной степени можно объяснить высокой грамотностью писца, не позволяет, однако, утверждать, что это прояснение получило уже полное развитие.

Что касается имеющихся в рукописи написаний: **всь** — 56 об., 122, 124, 139, 164, 155, 166 об., 170; **всьде** — 131 об., 142; **дньь** — 154, то они имеют чисто графическую природу.

всь, **всьде** являются под влиянием многочисленных написаний с пропуском слабого **ь** в этом корне. Слово **дьнь** в рукописи постоянно под титлом, так что написание без титла **дньь** — 154 скорее всего следует трактовать как пропуск титла. Единичное написание корня **вьс** — через **ъ** — **въсьдесоущаа** — 168, вероятно, описка.

3. Редуцированные в сочетаниях с плавными между согласными

В данном разделе речь идет о двух разных видах сочетаний — типа **tъrt* и **trъt*, различавшихся на общеславянском уровне распределением слоговости. Судьба этих сочетаний в русском языке, как и в других славянских, представляла особый случай изменения редуцированных, что было связано с фонетической природой сонантов (в частности, с их способностью выступать в слогообразующем варианте).

Сочетания **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*, **tьlt*. Для этих сочетаний в общеславянском языке можно предположить звуковой вид *tr̥̯t*, реконструированный Ф. Ф. Фортунатовым и принятый в некоторых позднейших исследованиях[59]. Это представление о распределении слоговости дает возможность объяснить сложную систему соответствий, которую образуют рефлексы **tъrt* в разных славянских языках. Для русского языка в его древнейшем состоянии возможен двусложный состав сочетаний типа *-ъr-*: *tъ̯/r̥̯t*, как это обосновывает В. Н. Сидоров[60]. На основании

---

[59] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика. . ., стр. 323—329; И. Еленски. Редуцированные гласные в Святославовом изборнике 1073 г. Канд. дисс., МГУ, 1955. — Следует отметить, что с общефонетической точки зрения такое распределение слоговости — достаточно редкое явление. Слоговую функцию чаще принимают на себя *i*, *u* (здесь ь, ъ из *i*, *u*) в случае сочетания двух сонантов разных типов: *i*, *u*, с одной стороны, *r*, *l*, *m*, *n* — с другой (см. об этом: П. С. Кузнецов. О поведении сонантов на границе основ глаголов III и IV классов в славянских языках. — Сб. «Славянская филология», в. III. М., 1958 и ссылку в указанной работе на: J. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. Weimar, 1895).

[60] В. Н. Сидоров, Редуцированные гласные ъ, ь в древнерусском языке, стр. 203—219.

inslav

именно этого произношения могла выработаться орфографическая норма, ставшая отличительной особенностью древнерусского извода — написание ър, ьр, ъл[61] на месте старославянских ръ, рь, лъ.

Эта особенность развивается в направлении к последовательному проведению, начиная уже от первых 23 листов Остромирова Евангелия[62].

В последующей истории русского языка сочетания *tъ/r/t* подвергались изменениям, связанным с процессом падения редуцированных. Эти изменения имели специфический характер — независимо от качества следующего слога и от того, был ли редуцированный ударным или безударным, в данной позиции произошло прояснение ъ, ь в *о*, *е*. (Причиной этого была особенность позиции: «редуцированные в сочетаниях типа *tъrt* находились в положении перед позиционно обусловленным слогом. Это положение не отвечало тем условиям, которыми создавалось различие между «слабыми» и «сильными» редуцированными, и они при падении глухих изменялись одинаковым образом»[63]. Причем, произошло именно развитие ъ, ь в гласные полного образования.)

Рассматриваемая рукопись содержит несколько типов написаний, отражающих судьбу **tъrt*.

Статистически преобладают написания ър, ьр, ъл (80% от 320 случаев передачи сочетаний типа **tъrt*). Они отмечены для следующих конкретных сочетаний, выступающих в разных формах слов: **бьрн-** (**бьрнне**); **-вьрд-**(**твьрдъıн, оутвьрдитн**); **-вьрж-**(**извьрженъ**); **-вьрз -**(**ѿвьрзатн сѧ**); **-вьрн-**(**скврьньнъıн, ѿскврьнитн**); **вьрт-**(**вьртоградѣ**); **вьрх-**(**вьрхъ**); **вьрш-**(**съвьршатн**); **дьрж-**(**въздьржанне, дьржатель, дьржащнн, ѿдьржнмъ** и др.), **дьрз-**(**дьрзость, дьрзноутн, дьрзъкъ**); **жьрт-**(**жьртва**); **зьрн-**(**зьрно**); **мьрз-**(**мьрзъкъıн**); **мьрт-**(**мьртвьць, съмьрть, бесъмьртьнъıн**); **пьрв-**(**пьрвъıн**); **тьрп-**(**тьрпѣтн, тьрпнмъıн, нисътьрпнмъ** и др.), **тьрз-**(**растьрзатн**); **цьрк-** (один раз без титла, причем в конце строки: **ць/ркъвн**—44); **чьрк-**(**чьрвьмь, ѿчьрвленою**); **вълн-**(**вълна, вълньнъıн**); **гърд-**(**гърдъıн, гърдость**); **дълг-** (**дългъıн, дългъ**); **дълж-**(**дължьнъıн**); **-кърв-**(**скървь, скървьнъıн** и др.); **кърм-**(**кърмьннкъ, въскърмленне**); **мълк-**(**помълкъшнн**); **мълн-**(**мълнна**); **пълн-**(**пълнъıн, испълннтн, напълнатн** и др.). **тълщ -**(**тълщек**); **търг-**(**нстъргатн**); **-тълп-**(**стълпъ**).

Характерно регулярное различение этимологических **tъrt* и **tьrt*. Особняком стоят случаи с корнем **скърв** — (вероятно, слова с этим корнем не были характерны для живого языка), где наряду с этимологически правильными написаниями (40 об., 10 об., 6, 11, 66) представлено **скьрв-** — (6, 10 об., 2 раза, 55, 69, 81, 147, 149 об.), явившееся, вероятно, в результате палатализующего влияния слога **-вь-**. Старославянских написаний с ъ, ь после плавного не отмечено. Надстрочные знаки над плавными в рукописи не ставятся.

В рукописи имеется еще один способ передачи сочетаний **tъrt*, также характеризующий древнерусский извод — написание редуцированного по обе стороны плавных. Этот тип написания представлен в 43 случаях: **съдьрьжю** — 4 об., **дьрьжава** — 21 (см. также л. 8 об., 9,

---

[61] Что касается сочетания *tьlt*, то оно, как известно, перешло в *tъlt* вследствие отвердения *l* (ср., напр., русск. *полный* — лит. *pìlnas*). Случаев с ь после шипящих типа *жьлтъ* в рукописи не отмечено.

[62] Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова Евангелия.

[63] В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ, ь в древнерусском языке, стр. 208.

inslav

13, 14, 37, 56 об. (2 раза), 58, 59 (2 раза), 73, 89 об., 92, 108, 112, 120, 132, 140, 143 об.); **дьрьз-**, например, **дьрьзаюте** — 17 об. (см. также л. 50, 103 (2 раза), 146); **гърьдъıн** (26 об.), **вьрьжен-** 26 об, 123; **оуткьрьжаıа** — 70, 77, 78, **растьрьза** — 187 об. (2 раза), 146 об.; **дълъзѣ** — 125 об., **дълъг-** — 144, 170, **дъ|лъжьн-** — 166 об. **мълъч-** — 117 об., 131, **нспълънєнъ** — 171. Два случая приходятся на конец строки: **мълъ|ѵаинємь** — 117 об.; **нспълъ|нєнъ** — 171.

Все эти написания следует интерпретировать как контаминацию «русского произношения со старославянским письмом, как на это указывал уже Ягич (AfslPh, Bd 1, 369) и другие»[64]. Фонетическими их можно считать лишь в той мере, в какой под влиянием написаний **ьрь**, **ъръ** и т. д. возможным являлось также и соответствующее произношение церковнославянских слов у русских, например, не только **съмьрти**, но и **съмьрьтн**[65].

Прояснение редуцированных в *о*, *е* зафиксировано для 18 примеров (распределение: 12 случаев переходов **ъ** в *о*; 6 примеров на переход **ь** в *е*). Важно, что все они с наибольшей достоверностью могут быть возведены к говору писца, поскольку такого рода написаний не было в старославянских оригиналах:

Ѿвергоу сıа — 7, **бернııа** — 8 об., **жертка** — 22 об., 164 об., **Ѿве || рьзають сıа** — 26, **поверзн** — 31, **поѵерпаıа** — 63, **нзъверже** — 87, **съвершитн** — 80 об., 131 об., **придержа сıа** — 109, **нзверженъ** — 116 об., **възверьгохъ** — 152 об., **полноу** — 8 об., **гордостню** — 90 об., 112, **разгордѣвъ** — 102, **го|рдаго** — 142. Если признать ту относительную хронологию, согласно которой «последним моментом» падения глухих надо считать прояснение их в сочетаниях с плавными[66], то можно заключить, что наша рукопись отражает и последнюю стадию процесса падения редуцированных. Как выясняется из сопоставления этих данных с данными анализа сильных редуцированных не в позиции **tъrt*, рукопись содержит приблизительно равное количество фактов прояснения **ъ**, **ь** в *о*, *е* в той и другой позиции. Представляется возможным согласовать эти результаты, предположив следующее: в языке писца уже осуществился переход **ъ**, **ь** в *о*, *е* в сильной позиции (в том числе и в сочетаниях типа **tъrt*), и на все эти случаи в равной степени распространялась тенденция писца к строгому соблюдению орфографической нормы.

Сочетания **trъt*, **trьt*, **tlъt*, **tlьt*. При передаче сочетаний этого типа для писца не существовало противоречия между старославянской орфографией и привычным для него произношением, в результате чего рефлексы этих сочетаний в рукописи единообразны — как в сильной, так и в слабой позиции последовательно проводится **ръ**, **лъ**, **рь**, **ль** (в корнях)[67]: **блъх-**, **плът-**, **кръв-**, **бльв-**, **грьк-**, **крьс-** (**въскресєнıє**), **скрьж-**, **стрьм-**, **хрьст-**, **крьст-**, **сльз-**.

Отмечено четыре случая прояснения **ъ**, **ь** в **о**, **є** в этой позиции: **съкровнıца** (16, 35), **скре^же^те** (24 об.), **кровию** (169).

---

[64] Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова Евангелия; см. также: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 182—183, 274—275; В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в., стр. 218. — Иного взгляда придерживался Л. Васильев (см. его. Одно соображение в защиту написаний **ьрь**, **ьръ**, **ъръ** **ълъ**..., стр. 294—313).

[65] Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова Евангелия, стр. 6.

[66] И. Фалев. О редуцированных гласных..., стр. 120.

[67] О сочетаниях типа **trьt*, образующихся на стыке корня и суффикса: **єдиномысльıн**, **александрьскъıн**, см. выше, стр. 187 и далее.

inslav

* * *

В итоге проведенного анализа представляются обоснованными следующие выводы: в языке писца уже осуществилось падение редуцированных (как утрата ъ, ь, так и прояснение их в гласные полного образования); поскольку же серьезным фактором, противодействующим отражению этого процесса на письме, выступила система орфографии, представляется, что данный памятник может быть хронологически приурочен к той эпохе, когда еще не была утрачена непосредственная связь с древнейшими русскими рукописями (скорее всего, это вторая половина XII в.). В нарушениях орфографической нормы (подкрепляемой церковным произношением), проявляется следующая закономерность: наибольшее количество фактов относится к корневым морфемам, менее проницаемыми оказываются системы суффиксов, предлогов-приставок, падежных флексий.

4. Редуцированные ў, ĭ

Особо следует рассмотреть судьбу редуцированных звуков *ў*, *ĭ*. Как свидетельствуют и письменные памятники и говоры, на восточнославянской почве известны специфические рефлексы этих звуков.

Орфографическая норма (она последовательно соблюдена в древнейших русских текстах: в Остромировом евангелии, Ефремовской Кормчей, Минее 1097 г., Мстиславовой грамоте около 1130 г., Русской Правде по списку 1282 г.)[68] требовала написания слов, содержащих *ў*, *ĭ* через ы, и[69]. Эту норму последовательно выдерживает и писец Выголексинского сборника: регулярно для ударного и безударного положения проводятся написания ꙗ, ѥ, и, ын, ыю, ю | имѣнꙗ, видѣнꙗ, житиѥ, нынѣшьнии, бесконьчьнын, скрыю и т. д.; и сохраняется в конце слов (стоиши, боуди, пои, пити и др.).

Сравнительно редки в рукописи написания иного рода — с заменой ю, ꙗ на ью, ьꙗ:

бьꙗше — 2; пьꙗ — 2; пью — 12 об. (в этих словах перед j выступали у, і «исконные»); любъвью — 34 об., 46 об., 53 об.; добродѣтелью — 34 об., блгоучьстью — 35; ноцью — 45 об., страстью — 55.

Написания такого рода в незначительных количествах проникали под влиянием старославянских оригиналов уже в древнейшие русские рукописи, не будучи, однако, доказательством того, что *ĭ* отсутствовало и в произношении. При истолковании написании ьꙗ, ью в данной рукописи необходимо принять во внимание, что (1) как было выяснено в предыдущем разделе, в живом языке писца уже осуществился процесс падения ъ, ь; (2) существенные ограничения отражению этого процесса на письме были наложены орфографией, писец отличался высокой грамотностью. Имея это в виду, можно предположить, что написания ьꙗ, ью появились вне зависимости от старославянских оригиналов, они проникли из живого языка писца, уже утратившего *ў*, *ĭ* в этом положении. Регулярность сохранения орфографических написаний могла объясняться соответствующим искусственным церковным произношением.

---

[68] Перечень дается по кн.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, . . ., § 350.

[69] Древнерусская графика, как и старославянская, не имела специального знака для *ў*, *ĭ* — использовались графемы ы, и, служившие и для обозначения гласных полного образования.

inslav

Отметим написание ѿбратнїѣ (л. 95), которое приводится А. А. Шахматовым[70] как один из самых ранних случаев «отпадения *ĭ* в конце слова».

5. *Вопрос о ѣ*

В применении к Выголексинскому сборнику вопрос о судьбе ѣ имеет сугубо существенное значение — данный памятник представляет в этом отношении ряд специфических графических явлений, характеризующих его с точки зрения диалектной принадлежности писца. Основываясь на этих явлениях, А. И. Соболевский причисляет данный памятник к группе галицко-волынских текстов, объединяемых общими графическими приемами в употреблении ѣ[71]. Эти тексты (к ним относятся Добрилово евангелие 1164 г., Типографское евангелие № 6 XII—XIII вв., Венский Октоих XII—XIII вв., Галицкое евангелие 1266—1301 гг. и др). характеризуются в отношении употребления ѣ следующими закономерностями: (1) более последовательным, чем это наблюдается в других рукописях того же времени, соблюдением этимологических написаний ѣ; (2) появлением так называемого «нового ѣ» на месте этимологического *е* в определенных случаях | в словах на -ень-, енїѥ,- -еньнъ -тель, напр.: ꙁнамѣнїѥ, ремѣнь, бремѣньнъıи, оучитѣль; в 3 лице настоящего времени глаголов, напр: боудѣть, можѣть; в некоторых падежных формах местоимений и прилагательных и др. Как показал А. И. Соболевский, эти данные графики выявляют фонетические особенности галицко-волынского говора: во-первых, последовательное различение звуков *ě* и *е*, во-вторых, причинно связанное с падением редуцированных заменительное продление *е* перед слогом с утрачивающимся *ь* и *ĭ*, появление так называемого «нового ѣ». Современный украинский язык на месте как этимологического, так и «нового» ѣ представляет *і*, отсюда является возможность проецировать в эпоху древнейших галицко-волынских текстов звуковую тождественность этимологического и нового ѣ. Исходя из дальнейших преобразований ѣ в галицко-волынских памятниках (см. появление буквы и на месте ѣ в книгах конца XIII в., например: в Галицком евангелии 1283 г. и др.)[72], можно считать, что звуковым соответствием галицко-волынского ѣ был дифтонг *îe*[73].

Как было выяснено в предыдущем разделе работы, рассматриваемый памятник отражает процесс падения редуцированных, и таким образом фонетические возможности для удлинения и дифтонгизации *е* перед слогом с утрачивавшимся *ь*, *ĭ* в языке писца уже существовали. Рассмотрим теперь, какими графическими явлениями определяется судьба ѣ в данной рукописи[74].

1. Этимологическое ѣ. Характерно систематическое соблюдение орфографической нормы в отношении употребления ѣ и и, ѣ и е.

Отступления от орфографии немногочисленны. Замена ѣ на е наблюдается в следующих случаях: ꙁвестн — 7, некоторъıа — 11 об., бе-

---

[70] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., § 360.

[71] А. И. Соболевский. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, т. 12. 1884.

[72] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 73.

[73] См. об этом: А. И Соболевский. Лекции..., стр. 72—74, а также А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 299—300; его же. Исследования в области русской фонетики, стр. 134.

[74] А. И. Соболевский, не ставя целью подробный анализ судьбы ѣ в Выголексинском сборнике, в заметке «Два древних памятника галицко-волынского наречия» приводит для подтверждения своих мыслей не полный набор фактов, а чаще всего некоторые примеры, впрочем, многочисленные.

inslav

совьскаꙗ — 11, 11 об., **нменнꙗ** — 15; **нменнѥ** — 24 об., 43, **пременѥнѥ** — 154 (**ѣ** в корне), **пременѥваχоуть** — 77 об., **бесамъ** — 140. Несколько написаний **ѥ** вместо **ѣ**: **ѥмь** — 12 об., **ѥдн** — 51 об., **ѥχъ** — 82 об., **плѥнити** — 93 об., **нъинѥшнѥѥ** — 149, **болѥзни** — 165 об.

Кроме того, **е** вместо **ѣ** пишется на месте старославянских сочетаний **рѣ**, **лѣ** из **tert*, **telt* (напр.: **плене/нъмь** — 160, **трезвнсꙗ** — 10 об., **брецн** — 21 об., **запрецѥнѥ** — 23 об., **древа** — 44, **прещенѥмь** — 91; **прещенѥ** — 118, 128 об., **времꙗ**; предлог и приставка **предъ**, **ѵресъ** и т. д.); однако эти написания не свидетельствуют о неразличении *ě* и *е* в живом говоре писца, так как на месте старославянских **рѣ**, **лѣ** из **tert*, **telt* в живом древнерусском языке было представлено полногласие. Равно не свидетельствуют о неразличении *ě* и *е* формы **тебе** — 2, 30 об., **себе** — 2 об., 6, 31 об., в живом языке писца были известны иные формы дат. п. ед. ч. этих местоимений: **тобѣ** **собѣ**. Что касается слов **телеса** — 92, **телесе** — 128, **телесьнъꙗ** — 128; **телесн** — 133, 144 об., при **тѣло**, то такие написания наблюдаются во многих древнейших памятниках. А. А. Шахматов допускал здесь «ассимиляцию **ѣ** следующему **е**»[75], ссылаясь при этом на мнение А. И. Соболевского; более вероятно предположение Н. Дурново, который считал, что основа **тѣлес-** живому русскому языку не была известна[76].

ѣ вместо **е** (не перед слогом с выпавшим *ь*, *ĭ*) ограничено следующими случаями: **въстатѣлѣ** — 75, **бѣсѣдоуꙗ** — 122, **огнѣвн** — 150 об., **бѣсѣдоу** — 163 об. и греческими словами: **въ никѣи** — 42 об., **нюдѣнскомоу** — 106. об. **лѣѡнь** — 162.

Таким образом, графическое смешение этимологического **ѣ** и **е** не получает в данной рукописи развития; отмеченные немногочисленные примеры могли явиться под действием искусственного церковного произношения. Что касается отношений между **ѣ** и **и**, то единственное **и** вместо **ѣ** в **побиднлъ** — 9 об., вероятно, описка. Замена **и** на **ѣ** наблюдается только в случае: **бѣ бо ꙗко нѣкто же инъ** — 42 об. Кстати, отсутствие **и** на месте **ѣ** — одна из примет, ставящих для памятника хронологический предел (если памятник галицко-волынский): известно, что буква **и** вместо **ѣ** фиксируется в галицко-волынских книгах с конца XIII в.[77].

2. «Новое» **ѣ**. Появление **ѣ** вместо **е** перед слогом с утрачивавшимся **ь** или **ĭ** наблюдается в следующих категориях случаев:

в словах на **-енѥ**: **знамѣнѥ** — 28 об., 29; **камѣнѥ** — 29; **семѣрѣнѥ** — 45, 47 об.; **съставлѣнѥ** — 47 об., 57 об., **съвъкоуплѣнѥ** — 50; **поставлѣнѥ** — 56; **ѡбрѣтѣнѥ** — 60 об.; **дьрзовѣнѥ** — 68 об., 103 об., **плетѣнѥмь** — 100 об., **прикосновѣнѥмь** — 108; **погребѣнѥ** — 150; **сърѣтѣнѥ** — 144; **творѣнꙗ** — 153; **оуспѣнѥ** — 169 об.; в словах на **-ень**: **камѣнь** — 28, 144; **пламѣнь** — 30; **степѣнь** — 35; **корѣнь** — 62 об.

в словах на **-еньн-**: **камѣньно** — 100 об.; **прикосновѣньно** — 109 об., **несъмѣрѣньно** — 123;

в словах на **-есьн-**: **телѣсьнъінхъ** — 81 об.; **словѣсьнъінмъ** — 99 об., **словѣсьнаго** — 146 об.

в словах: **клѥвѣтьно** — 12; **погъвѣльнаго** — 17; **пѣць** — 26 об., **бѣздьнѣ** — 31 об., **мытѣжьноу** — 33 об.; **добродѣтѣльнѣмь** — 40 об. (возможно, описка); **мытѣжьноу** — 42; **весѣлнѥ** — 42, 49, 145; **вѣлнѥ** — 46 об., **вѣць** — 46, 55 об., 56 об., 57 об., 66 об., 108 об., 111, 112, 130

---

[75] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 116.
[76] Н. Дурново. Русские рукописи XI—XII вв..., стр. 46.
[77] А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 72—73.

inslav

(ср. **вещи** — 42, 43, 59 об. и др.); **зѣмьнѣн** — 51 об., **вѣльми** — 103; **мѣчь** — 113 об., **вѣльможь** — 151 об.;

в местном падеже единственного числа местоимений: **и, сь, вьсь** (м. и ср. р.); **ꙗ, си** (ж. р.) **ѿнѣмь** — 127 об., 157; **по сѣмь** — 10 об., 155, **ѿнѣн** — 44 об., **въ сѣн** — 50 об.;

в глаголах (настоящее время, 3 лицо ед. ч.): **боудѣть** — 1,5 об, 15 об, 16 об., 17, 25, 60, 79, 82, 91 об., 81 об., 92; **прндѣть** — 1,17, 164; **въстанѣ/ть** — 3, **наѹьнѣть** — 4,12 (2 раза), 13; **ведѣть** — 17 об., **приимѣть** — 19, **въведѣть** — 51 об., **покниѣть ся** — 51 об., **вѣниндѣть** — 66; **въспрнимѣть** — 67; **ѿндѣть** — 105 об., **изберѣть** — 121; **подвигнѣть** — 130 об., **изведѣть** — 130, 140; **ндѣть** — 143; **п/р/несѣть** — 161; **зовѣть** — 162[78]. Хотя современный украинский язык представляет формы *буде*, *може*, теоретически необходимо предположить ступень *budiet'*, *umriet'*, изменившуюся по аналогии с формами, напр., *budete*, *umremo* в *bud'et'*, *umr'et'*[79], форм с отпадением — **ть**, предполагаемых[80] для некоторых глаголов в глубокой древности, в данной рукописи не отмечено;

в отрицании **не : нѣ нмѣ** — 120 об. По воздействию на предыдущий открытый слог *i* было равно исчезавшим *ъ*, *ь*[81].

Таким образом, в общем контексте этимологически правильных написаний рукопись содержит 111 примеров появления **ѣ** вместо **е** перед слогом с выпавшим *ь*, *i* (+ один пример появления *ь* перед *и*). Можно считать, что данная графическая черта развивается в направлении к последовательному проведению, и, соответственно, рукопись отражает фонетическую особенность галицко-волынского говора — дифтонгизацию *е*, связанную с удлинением *е* в новом закрытом слоге.

6. Некоторые единичные явления

Необходимо упомянуть несколько написаний единичного характера: если каждое из них само по себе не является абсолютным признаком для хронологического и территориального приурочения рукописи, то в совокупности характерных для рукописи явлений каждое из этих написаний представляет определенный интерес.

1. Дважды отмечено **о** вместо **е** после шипящих: **изволшомъ** — 61, **движющомоуся** — 139, что, возможно, не следствие фонетического изменения *е* в *о*, но результат влияния твердой разновидности склонения.

2. **градоуща** — 14. А. И. Соболевский приводит этот случай как самый ранний пример отвердения *r* перед *a* в галицко-волынских текстах; ср.: «великорусское наречие знает лишь спорадическое отвердение *r* перед *u*»[82].

3. В написаниях **оусрѣ/тенне** — 143, **оусьрѣте** — 147 можно видеть отражение произношения *vь* перед согласным (после падения редуцированных) как *u*.

---

[78] А. Булаховский предлагал морфологическое объяснение этих написаний — аналогическое воздействие глаголов на **-ть** (см. «Питання похождення українськоі мови», Київ, 1956, стр. 55). Вероятно, в данном случае, как и обычно в явлениях конца слова, имело место сложное взаимодействие фонетического и морфологического факторов.

[79] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода . . ., стр. 301.

[80] См. рецензию А. М. Селищева на «Очерк истории русского языка» Н. Дурново — ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 328—329, а также П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке. — «Slavia», roč. XXV, 1956.

[81] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных. . ., стр. 181—255.

[82] А. И. Соболевский. Лекции. . ., стр. 138.

inslav

Характерно, что ранние примеры появления **оу** на месте **къ** содержат галицко-волынские тексты (Добрилово евангелие 1164 г. и др.), в памятниках других говоров **оу** вместо **къ** известно с XIII в.

Рассмотренные единичные написания не противоречат высказанному мнению о диалектной принадлежности писца: написания же **градоуцꙗ оусрѣтенꙗ**, **оусьрѣте**, напротив, могут свидетельствовать о галицко-волынском говоре писца (если учесть, что отвердение *r* перед *a* и появление *u* на месте *vъ* характеризует галицко-волынское наречие и что древнейшие примеры этих изменений содержатся именно в памятниках галицко-волынского письма).

* * *

В итоге проведенного анализа представляется возможным сделать следующие заключения:

Выголексинский сборник должен быть хронологически приурочен ко второй половине XII в. — началу XIII в. и точнее, вероятно, ко второй половине XII в. Об этом свидетельствуют согласующиеся между собой результаты наблюдений палеографических, графических и фонетических особенностей рукописи.

Следует признать, что в памятнике находят некоторое отражение галицко-волынские особенности. Они выражаются, прежде всего, в специфическом употреблении **ѣ**: при сохранении этимологически правильных написаний **ѣ**, **є** в других случаях, имеют место многочисленные случаи замены **є** на **ѣ** перед слогом с утрачивавшимися *ь*, *ĭ* (падение редуцированных уже осуществилось в языке писца). Вероятно, этому графическому диалектизму на фонетическом уровне соответствовала дифтонгизация е, наступившая за счет сокращения следующего слога с утраченным *ь*, *ĭ*.

В пользу предположения о галицко-волынском говоре писца свидетельствуют и некоторые факты единичного характера (замена **къ** на **оу**, написание **градоуцꙗ**, отразившее, возможно, диалектное отвердение *r* перед *a*).

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

Г. П. Клепикова

ПРИСТАВКИ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ *ras-, za-, na-* В ИСТРОРУМЫНСКОМ

В румынский язык вошли многие приставки славянского происхождения. Однако исследовались они мало. Время от времени появлялись специальные статьи, работы, но, как правило, этот вопрос освещался попутно в нормативных и исторических грамматиках румынского языка[1], в различных работах, посвященных общим и частным вопросам румынского языкознания[2], в диалектологических описаниях.

Обычно исследователи ограничивались перечислением славянских приставок в румынском языке. Исключение составляют большая статья Б. Ауэрбаха[3], в которой подробно разбираются значения приставок в дакорумынском, и диссертация Р. Корнфельд «Функции славянских приставок в молдавском языке» (1955 г.)[4].

Приставки, заимствованные из славянских языков в арумынском, мегленорумынском, истрорумынском диалектах, перечислены в соответствующих разделах монографий Т. Капидана (Th. Capidan. Aromânii, vol. I. Bucureşti, 1932; Th. Capidan. Meglenoromânii, vol. II. Bucureşti, 1928) и С. Пушкарю (S. Puşcariu. Studii istroromâne, vol. II. Bucureşti, 1929). В статье М. Кшепинского (M. Křepinský. Influence slave sur le verbe roumain. «Slavia», roč. XVI—XVII, 1938—1939) сделана попытка дать общее представление о судьбе и распространении славянских приставок во всех румынских диалектах.

Таким образом, в большинстве упомянутых выше работ приставки славянского происхождения только перечисляются, их значения в румынском языке и диалектах остаются невыясненными.

---

[1] T. Gartner. Darstellung der rumänischen Sprachen. Leipzig, 1904, стр. 148; H. Tiktin. Grammatik der rumänischen Sprache. Strassburg, 1905, стр. 42; G. Weigand. Praktische Grammatik der rumänischen Sprache. Leipzig, 1918, стр. 204—205; I. Iordan. Gramatica limbii române. Bucureşti, 1937, стр. 210; Gramatica limbii romîne. Bucureşti, 1954, стр. 324; O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine, vol. I. Paris, 1901, стр. 246—248; vol. II, 1930, стр. 360—361, 363; A. Rosetti. Istoria limbii române, vol. II. Bucureşti, 1945, стр. 66—67.

[2] S. Puşcariu. Limba română. Bucureşti, 1940, стр. 227, 281; A. Rosetti. Influenţa limbilor slave meridionale asupra limbii române. Bucureşti, 1954, стр. 47.

[3] B. Auerbach. Verbalpräfixe im Dakorumänischen. «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache», Bd XIX, 1913.

[4] См. также: Р. Корнфельд. Глагольные приставки славянского происхождения в молдавском языке. — «Уч. зап. Кишиневского гос. пед. ин-та». Серия гуманитарных наук, т. 4. Кишинев, 1955, стр. 209—215.

inslav

В настоящей статье, во-первых, устанавливается круг глаголов, в которых приставки *răs-*, *za-*, *na-* выделяются как живые элементы в истрорумынском диалекте, испытывающем сильнейшее славянское влияние во всех сферах языка, в том числе и в словообразовании; во-вторых, анализируются значения этих приставок, т. е. проявление их словообразовательной функции[5].

Данная статья может представить интерес для исследователей, занимающихся вопросом взаимодействия неродственных языков. Исследуемый материал позволяет наглядно проследить, как при заимствовании словообразовательных элементов происходит заимствование значений. Как правило, истрорумынский отражает все значения, свойственные приставкам в славянских языках, и поэтому сопоставление со славянскими языками (точнее хорватским и словенским) является основанием при определении значений приставок в истрорумынском. Однако по крайней мере на основании данных, которыми мы располагаем, обнаруживается, что при этом не происходит усвоения румынским диалектом всех значений, свойственных приставкам в славянских языках: некоторые значения, например, встречаются реже, чем в славянских языках, или вообще не отмечены в истрорумынском. В отдельных случаях можно говорить о значениях, которые как будто не свойственны приставкам в славянских языках, из которых происходило заимствование.

Приставка *răs- (res-)*. О происхождении приставки *răs-*, известной всем румынским диалектам, писалось много. А. Филиппиде, вслед за П. Дицем и Г. Мейер-Любке, возводил *răs-* к лат. *re-*[6]. Б. Ауэрбах соотносит *răs-*, через ступень *res-*, с двойной латинской приставкой *re-+ex-*[7], а О. Денсушяну исходит из предположения, что *răs-* имеет двойное происхождение: из лат. *re-+ex-* и слав. *razъ-*[8]. Однако ни одно румынское слово с *răs-* не имеет прямых и несомненных соответствий в других романских языках, поэтому мнение, что *răs-* восходит к *re-+ex-*, неприемлемо, тем более, что значения приставки *răs-* точно совпадают со значениями соответствующей приставки в славянских языках.

Таким образом, *răs-* является заимствованной из славянского. Этого же мнения, кроме О. Денсушяну, придерживался и Х. Тиктин[9]. Наиболее же полно и подробно вопрос о происхождении *răs-* разобран в специальной работе Г. Булгара, считающего славянское происхождение *răs-* несомненным[10].

Указанная приставка чрезвычайно широко распространена в истрорумынском диалекте. Фонетические варианты ее: *răs-* (< *ras-*, так как безударное *a-* изменяется в *ă-*) и *res-*[11].

---

[5] О формообразовательной функции приставок славянского происхождения в истрорумынском см.: Г. П. Клепикова. Функции славянских глагольных приставок в истрорумынском. — ВСЯ, вып. 4, 1958.

[6] A. Philippide. Principii de istorie limbii române. Jași, 1894, стр. 101.

[7] B. Auerbach. Указ. соч., стр. 250.

[8] Так, он считает, что в глаголе *răsfira* 'развертывать' следует видеть *răs-* < слав. *razъ*, а не лат. **re-exfolio*; то же в глаголе *răsfrîngi* 'засучивать рукава', который нельзя сопоставлять с лат. **re-exfrango*. Напротив, в *a răsbuna* 'отомстить', *a răscumpăra* 'выкупить' надо видеть лат. *re-+ex-* (O. Densusianu. Histoire. . , vol. I, стр. 246—247).

[9] H. Tiktin. Wörterbuch, Bd II. Bukarest, 1903, стр. 1312.

[10] G. Bulgăr. Prefixul *răs-* în limba romînă. «Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba romînă», vol. I. București, 1959, стр. 18—19.

[11] Как правило, в селах около озера Чепич приставка *răs-* звучит как *res-*, в то время как в селе Жеани *a* остается неизменным или редуцируется в *ă*: *rezbi* (N), *s-a rezlegat* (Let.), *restignit-a* (B), но *razlega* (J).

inslav

Причины, вызвавшие переход *a* > *e* в указанной приставке, еще окончательно не ясны. С. Пушкарю считает, что решающую роль в этом процессе сыграло ассимилирующее воздействие последующего слога — в тех случаях, когда он содержал гласный *e* (например, *resetit-l'-a*, Puşc. I, 28), затем единичные переходы *a* > *e* генерализовались, и вместо *ras-*, *răs-* всегда стала употребляться приставка *res-*[12]. По его мнению, та же причина действовала и в приставках *na-* и *za-*: *na-* > *ne-*, *za-* > *ze-*.

П. Скок, наоборот, считает, что *a* > *e* сначала только в *răs-* под влиянием приставки *des-* < *de-* + *ex-*, в приставках же *na-*, *za-* *a* > *e* по аналогии[13].

Каждое из указанных обстоятельств могло, разумеется, сыграть свою роль в процессе перехода *a* > *e* в приставках славянского происхождения. Но при этом следует иметь в виду, что он известен некоторым чакавским и кайкавским говорам[14], и этот факт должен быть учтен. То, что в хорватских диалектах *a* > *e* только в приставке *raz-*, позволяет предположить, что, может быть, и в истрорумынском этот процесс затронул сначала эту приставку, а затем по аналогии произошло изменение гласного в других приставках:

Ниже приводится список глаголов, в которых эта приставка является живой. Возможность выделения из состава глагольной основы живой для настоящего состояния языка приставки опирается, во-первых, на существование в языке либо соответствующего простого глагола, либо глагола того же корня, но с другой приставкой, во-вторых, на учет семантики этих глаголов.

1. *razberi* (Mor., 36), отмечен простой глагол *beri* (Byhan, 192). Заимствование, ср. хорв. *ràzbrati* (Broz, II, 321), словен. *razbráti* (Pl., II, 379). Значение: 'разобрать'.

2. *răzbi* (Byhan, 328; Mor., 148; Puşc., I, 44; Pop., II, 39—40), бесприставочный глагол не отмечен, но есть однокоренные глаголы: *nebi* (Byhan, 286), *zabi*, *pribi* (Puşc., III, 131). Заимствование, ср. хорв. *ràzbiti* (Broz, II, 320; RHSJ, XIII, 459—464), словен. *razbíti* (Pl., II, 378). Значение: 'разбить'.

3. *rescărc* (Pop. II, 24; Křepinský, 519), отмечен простой глагол (ă)-ncărc (Pop., II, 24); ср. лат. *discaricare* (S. Puşc., EW, 44), друм. *a descărca* (Tiktin, Wb., II, 525), арум. *discarcu*, мегл. *discarc*. Значение: 'разгрузить'.

4. *rescaléi* (Byhan, 327; Pop., II, 75), отмечен простой глагол *caléi* (Byhan., 236). Заимствование, ср. хорв. *raskáḷati* (RHSJ, XIII, 102), словен. *raskâlati* (Pl., II, 387). Значение: 'раскалывать'.

5. *rescepi* (Dens. Ant. dial., 76; Mor., 61), простой глагол в словарях истрорумынского диалекта не отмечен, но есть однокоренной: *zecepi*. В хорватских и словенских словарях аналогичный глагол как будто

---

[12] S. Puşcariu. Studii istroromâne, vol. II, § 60.

[13] P. Skok. Des rapports slavo-roumains. «Slavia», roč. II, seš. 1, 1924, стр. 615.

[14] Явление *a* > *e* после *r* довольно широко распространено в этих говорах: например, в истрийских диалектах оно проявляется только в некоторых словах: *kresti* < *krasti*, *resti* < *rasti*, *rebac* < *vrabac* (M. Małecki. Przegląd słowiańskich gwar Istrji. Kraków, 1930, стр. 106, 109, 116, 119, 122); это же явление отражено и в приставке *raz-* в локварском говоре (Горски Котар): *respolovet*, *resparat*, *rezveselit* (R. Štrohal. Osobine današnjega lokvarskoga narječja. «Rad JAZU», knj. 152, Zagreb, 1903, стр. 237, 241). Из кайкавских говоров переход *a* > *e* отмечен в говоре около Огулина: *de* < *da*, *deleč* < *daleč*, *rez* < *raz*: *reseč*t, *restrgat* (R. Štrohal. Osobine današnjega ravnogorskoga narječja. «Rad JAZU», knj. 162, 1905, стр. 34).

inslav

отсутствует. Возможно, что глагол *rescepi* возник уже в истрорумынском из *tŝep* 'затычка' (Buhan, 365), ср. хорв. *čȅp* (RHSJ, I, 939), словен. *čèp* (Pl., I, 98). Значение глагола *rescepi*: 'вынуть затычку, раскрыть (бочку)'.

6. *reschini* (Byhan, 327; Pop., II, 3; J., 31), зафиксирован только однокоренной глагол: *prichini* (Byhan, 319). Заимствование, ср. хорв. *raskinuti* (RHSJ, XIII, 106—108). Значение: 'раскидать, разрушить'.

7. *rescl'ide* (Byhan, 327; Puşc., III, 82, 83; Puşc., I, 7; J., 17, 22), отмечен однокоренной глагол *(ă)ncl'ide* (Puşc., I, 53). Ср. лат. *discludere* < *-claudere*; ср. друм. *a deschide*, *deşchide*, арум. *diskl'idu*, мегл. *diskl'id* (Candrea, Densusianu. Dicţionar, 56—57) Значение: 'раскрыть'[15].

8. *rescopéi* (Puşc., I, 8), есть простой глагол *copéi* (Mor., III, 12). Заимствование, ср. хорв. *raskopati* (RHSJ, XIII, 120—121) словен. *raskopáti* (Pl., II, 388). Значение: 'раскопать, разрыть'.

9. *rescoperi* (*rescuperi*) (Byhan, 327; M. Gast. Chr. rom. II, 285), отмечен однокоренной глагол *pocuperi* (Puşc., III, 109). Ср. лат. *(dis)co(o)perire*, друм. *a descoperi* (Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 60; H. Tiktin, Wb., I, 15; Puşc. EW, 3). Значение: 'раскрыть'.

10. *rezdeli* (*rezdili*) (Buhan, 328; Puşc., I, 50) есть простой глагол *deli* (Byhan, 205). Заимствование, ср. словен. *razdelíti* (Pl., II, 382); в хорватском следует сравнивать с икавским *razdīlȳt* (Сусак), *razdiliti* (Жумберак)[16], а не с екавским *razdijeliti* (Broz, II, 399; RHSJ, XIII, 497). Значение: 'разделить'.

11. *rescuţa* (Byhan, 327; Mor., 87), в данном случае пару составляет глагол *(ă)ncăţa* (Puşc., III, 116). Варианты гласного в корне (*ă* : *u*) наблюдаются и в дакорумынском: *a descălţa* (Трансильвания), *a încălţa*, но и *a desculţa* (Tiktin, Wb., II, 525; Puşc. EW, 44). В этом отражается положение, существовавшее уже в латинском языке: *calx* 'пятка', производное от него: *calcō*, *-āre* 'толкать, пинать ногой', откуда: *con-*, *inculcō* 'втаптывать', *proculcō*[17]. Значение глагола *rescuţa* 'разуваться'.

12. *resfaşéi* (Puşc., III, 116), отмечен однокоренной глагол *ţnfţeşa* (Puşc. III, 116). Ср. лат. fasciare, друм. *a desfăşa* (Tiktin, Wb., II, 528), *a îmfăşa* (S. Puşc. EW, 73; H. Tiktin, Wb., II, 806). Значение: 'развязать'.

13. *resganéi(se)* (Mor., I, 358, 383), отмечен простой глагол *ganéi* (Byhan, 222). Возможно, глагол *resganéi* возник непосредственно в истрорумынском, так как в словарях и в окружающих славянских диалектах зафиксирован только простой глагол: *ganati* (RHSJ, III, 33 — материал из словарей Стулли и Парчича), *gánati* (Pl., I, 206), *gânäti* (Црес, Опатия, Врбник, Дубашница, Крк)[18], в славянских диалектах на полуострове Истрия глагол *gânati* известен со значением 'решать загадку, отгадать'[19]. В истрорумынском сложный глагол *resganéi* означает 'поговорить, обсудить'.

14. *reshitéi* (I., 22), есть однокоренной глагол: *zahitéi* (Byhan, 328). Заимствование, ср. хорв. *ràshitati* (RHSJ, XIII, 83), словен. *rashìtati* (Pl., II, 389). Значение: 'разбрасывать'.

---

[15] Существует производный от него глагол: *rescl'idavei* (Pop., II, 37—38).

[16] «Hrvatski dijalektološki zbornik», knj. 1. Zagreb, 1958, стр. 174, 225.

[17] A. Ernout, A. Meillet. Dictionaire ètymologique de la langue latine. Paris, 1932, стр. 133.

[18] M. Tentor. Leksička slaganja creskoga narečja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. «Razprave. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti», t. I. Ljubljana, 1950, стр. 73.

[19] J. Ribarić. Razmeštaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. «Српски дијалектолошки зборник», књ. IX. Београд, 1940, стр. 146. (Далее — СДЗб.).

inslav

15. *razţaditi(se)* (Byhan, 328; Puşc., I, 51; Weig. Jahrb., I, 144; Mor., 137), отмечен однокоренной глагол *zaţadi*. Заимствование, ср. словен. *razjàditi(se)* (Pl., II, 387), хорв. *razjàditi se* (RHSJ, XIII, 568). Значение: 'разозлиться, разгневаться'.

16. *rezţezdi* (Puşc., III, 149; Puşc., I, 43), отмечен однокоренной глагол: *zeţezdi* (Puşc., III, 331). Значение: 'ездить на коне, разъезжать на коне'. Ни в одном словаре, кроме словаря А. Плетершника, истрорумынский глагол не находит соответствия: *razjézditi* 'объезжать коня, разъезжать' (Pl., II, 387).

17. *rezlega* (Byhan, 327; Puşc., III, 109; Puşc., I, 17, 54; Mor., 123; Mor., I, 408; Křepinský, 519), есть однокоренной глагол *deslega* (Byhan, 207). Ср. друм. *a deslega*, лат. *disligare* (Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 146). Значение: 'развязать'.

18. *rezmeţa(se)* (Byhan, 327; Křepinský, 519; Candrea, Densuşianu, Dicţionar, 135), есть однокоренной глагол *(ă)nmeţa* (Puşc., III, 394); ср. лат. *disvitiare*, друм. *a dezvăţa*. Значение: 'разучиться'.

19. *rezmisli* (Mor., 80), есть простой глагол *misli* (Byhan, 278). Заимствование ср. хорв. *ràzmisliti* (Broz, II, 330; RHSJ, XIII, 662—663), словен. *razmísliti* (Pl., II, 393). Значение: 'размышлять; обдумать, усиленно думать'.

20. *resparti* (*resparţi*) (Byhan, 327; Puşc., I, 26; Pop., II, 1, 2, 46; Křepinský, 519), есть глагол *ămpărţi* (Puşc., III, 189). Ср. друм. *a despărţi* (Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 203). Значение: 'разделить, расчленить'.

21. *respleti* (T. Cant., 50), есть однокоренной глагол *opleti* (Cant., 50). Заимствование, ср. хорв. *rasplêsti*, *rasplètêm* (RHSJ, XIII, 191), словен. *rasplésti*, *-plétem* (Pl., II, 396). Значение: 'расплести'.

22. *răspol'a*(*respul'a*)[20] (Byhan, 328; Křepinský, 519; Puşc., I, 33; Zanne. Prov. rom. I, 7; Mor., 30), есть однокоренной глагол *despol'a*. Ср. лат. *despoliare*, друм. *a despoia*, *despuia* (Tiktin, Wb., I, 532—533; Puşc. EW, 46; Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 78). Значение: 'раздеться'.

23. *răsplăti*(*se*) (Puşc., III, 320), есть простой глагол *plati* (Puşc., III, 320). Заимствование, ср. хорв. *rasplatiti*(*se*) (RHSJ, XIII, 189), словен. *rasplatíti se* (Pl., II, 396). Значение: 'расплатиться'.

24. *resadi* (I., 32), отмечен простой глагол *sădi* (Byhan, 333). Заимствование, ср. хорв. *rasaditi* (RHSJ, XIII, 68), словен. *razsaditi* (Pl., II, 401). Значение: 'рассадить'.

25. *reseci* (*reseţi*)[21] (Byhan, 390; Puşc., I, 31), отмечены лишь однокоренные глаголы: *poseci* (Puşc., III, 323), *zeseci*, (Puşc., III, 381). За-

---

[20] Существует производный от него *respul'avei* (Cant., 132) 'раздеваться'.

[21] В истрорумынском шипящие произносятся неодинаково. В говоре села Жеани звуки *j*, *c*, *ş* отличаются от свистящих *z*, *ţ*, *s*; в говорах сел Монте-Маджиоре они не различаются или различаются настолько мало, что это не отмечается в транскрипции Л. Морарю, С. Пушкарю. Например, *ojivi*, *face* (Жеани) и *zivi*, *moresti*, *ziţe* (Сусневица). Окружающим славянским говорам также известен указанный переход *š*, *ž*, *č* > *s*, *z*, *c*, например, говор Риеки («Rad JAZU», knj. 124, стр. 103), говор островов: Црес (AfSlPh, XXX, стр. 154), Хвар (JФ, XIV, стр. 12). Но в данном случае нельзя говорить о славянском влиянии на истрорумынский. Причина указанного явления в воздействии итальянского языка. М. Бартоли писал: «В некоторых истрорумынских свистящих, как и в истории их в славянских говорах Карсии, нужно видеть две различные фазы. В первой фазе, которую можно назвать довенецианской, села сохранили *s* и *ş* отличными друг от друга. Во второй фазе вводится то венецианское *s*, которое Г. Вейганд обозначал как *ŝ*, а остальные — *š* и *ṣ*, которые ограничивали первую фазу все более и более. Сегодня только некоторые истрорумыны и их соседи славяне — и то лишь те, кто имеет минимальные сношения с венецианцами, — сохраняют

inslav

имствование, ср. хорв. *rȁsjeći* (Broz., II, 301; RHSJ, XIII. 98). Значение: 'рассечь'.

26. *respi* (< *răsipi*) (Byhan, 328; Tiktin, Wb., III, 1329), отмечен однокоренной глагол: *prospi* (Byhan, 321). Заимствование, ср. хорв. *ràsipati* (RHSJ, XIII, 93), словен. *rezsípati* (Pl., II, 401). Значение: 'рассыпать; разлить'.

27. *restachei* (Mor., 60), отмечены однокоренные глаголы: *zatachei*, *potachei*. Заимствование, ср. словен. *raztȃkati* 'расточить (имущество); разлить что-либо, перелить' (Pl., II, 405). Истрорумынский глагол имеет значение: 'распрячь', 'развести (волов, коней)'.

28. *restărzęi* (*restrzęi*)[22] (Pop., II, 79; Puşc., III, 323), отмечен только глагол *potărzei* (Mor., II, 7). Заимствование, ср. хорв. *rastrzati*, *rastrzȃm* (RHSJ, XIII, 331), *ràstrzati*, *ràstržêm* (Broz, II, 313), но не словен. *raztŕgati*, *-trgam* (Pl., II, 406), на что указывает фонетический облик данного слова. Значение: 'разорвать, разодрать'.

29. *restegni* (*restigni*) (Pop., II, 4, 80; Mor., 84), отмечены только однокоренные глаголы: *netegni* (Puşc., III, 317), *potegni* (Byhan, 314)[23]. Заимствование, следует сравнить со словен. *restégniti* (Pl., II, 405), а не с хорв. *restegnuti* (RHSJ, XIII, 284)[24]. Значение: 'растянуть'.

30. *restoli* (< *restopi*, Byhan, 328), есть простой глагол *topi* (Byhan, 361). Заимствование, ср. хорв. *rastòpiti* (Broz, II, 312, RHSJ, XIII, 305—307), словен. *rastopíti* (Pl., II, 406). Значение: 'растопить'.

31. *rezveseli*(*se*) (Puşc., I, 18), отмечен простой глагол *veseli* (Byhan, 376). Заимствование, ср. хорв. *razvesèliti* (Broz, II, 335; RHSJ, XIII, 752—753), словен. *razveselíti* (Pl., II, 408). Значение: 'развеселить(ся)'.

Во всех перечисленных глаголах приставка *răs-* (*res-*) является живой, так как для каждого из них отмечены однокоренные (простой или сложный). Одновременно можно сделать некоторые выводы о продуктивности данной приставки в истрорумынском. О продуктивности *răs-* свидетельствует, во-первых, соединение ее с румынскими основами: *rescărc*, *rescl'ide*, *rescoperi*, *rescuța*, *refașęi*, *rezlega*, *rezmeța*, *resparti*, *respol'a*. Во-вторых, образование ряда глаголов, характерных именно для истрорумынского, но для которых нет соответствий (простых или сложных) с другой приставкой. Среди этих глаголов выделяются,

---

более или менее последовательно довенецианскую стадию (*s* и *ş* и т. д.)» (Цитируется по книге: S. Puşcariu. Studii istroromâne, vol. II, стр. 122). О венецианском влиянии на славянские диалекты, говорит и М. Храсте. (M. Hraste. Čakavski dijalekat o Hvara. — ЈФ, књ. XIV, стр. 12).

[22] Наличие слогового плавного фиксируется редко, чаще всего, как в данном слове, так и в других, на месте хорватского *ŕ* в истрорумынском представлено сочетание *ăr*(*îr*). Слоговой *ŕ* проник и в некоторые румынские слова, например, *ŕpe*, *ŕpi* 'камни' (Puşc., I, 4) < лат. *ripa* 'берег реки'. Иногда это же слово передается как *ărpiţe* (Mor., 65). Появление в диалекте особого звука *ŕ* следует приписать влиянию окружающих хорватских (и словенских) диалектов, о чем упоминает И. Попович (И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1950, стр. 105).

[23] Простой глагол не зафиксирован не только в истрорумынском, но и в хорватском и словенском языках, по крайней мере, он не отмечен в словарях. В хорватских диалектных текстах, правда, простой глагол *tegnuti* встречается: *nisu bili tegnuli* (J. Jadras. Kastavština. «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena», t. 39. Zagreb, 1957, стр. 134.

[24] В некоторых соседних с истрорумынскими славянских диалектах также находим суффикс *-ni-* < *-nu-*, а именно в южной и западной Истрии в языке так называемых «словенцев», в то время как в средней Истрии (северночакавские говоры) — *-nu-* (I. Ribarić. — СДЗб., IX, стр. 119). Тот же переход *-nu-* > *-ni-* в кайкавском говоре Г. Котара («Rad JAZU», knj. 152, стр. 169), в чакавско-кайкавском диалекте Карловацкого Котара («Rad JAZU», knj. 146, стр. 87). в говоре Жумберака (AfSlPh, Bd XXXIII, стр. 371). Об изменении суффикса *-nu-*(< *nǫ*) > *-ni-* пишет с М. Кшепинский (Указ. соч., св. 2—3, стр. 220).

inslav

прежде всего, глаголы, образованные из *răs-* и славянского же корня: *rescepi*, *resganęi*, для которых в словарях хорватского и словенского языков не указаны соответствующие глаголы **rasčepiti*, **rasganati* и которые, следовательно, можно рассматривать как собственные создания румынского диалекта. Отметим также глагол *rezlutîi*, который возник в истрорумынском из *răs-* и **-lutîi* (ср. лат. *lucere*, друм. *a luci* по модели хорв. *rasvitliti*, словен. *rasvetiti* (Byhan, 328) и для которого нельзя указать парный глагол. Наконец, есть случаи соединения с глаголами, заимствованными из итальянского языка, для которых в истрорумынском отсутствуют парные: *rezlargei*, *respiştei*[25].

Все значения, вносимые приставкой *răs-* (а также другими приставками) в глагол, могут быть разделены на конкретные (пространственные) и переносные (временные), которые развились из соответствующих конкретных.

1. Из пространственных значений выделяются: а) значение членения объекта: şi iel' *respartit-a* ćesta porc (S) Pop., II, 46 'и они разделили этого поросенка'; lât sâbl'a şi *reseţit-l-'a* piţoru (S) Puşc., I, 28 'взял саблю и рассек ему ногу'; şi cunoscut-a ie ćeli doi fraţ, tot *restărzęit* (N) Pop., II, 79 'и он узнал этих двух братьев, все разорванные на куски'; pinezi *răzberit-a* lu siromaştine (S) Mor., 36 'деньги у него разобрали бедные'; б) распределение объекта между несколькими субъектами: şi colę n-an *rezdilit* (S) Puşc., I, 50 'а телегу мы не разделили'; в) значение развертывания действия, движения от центра или какой-либо точки на поверхности или в пространстве в разные стороны: vor veri trei de iel' si vor *rescopęi* te, gospodar (S) Puşc., I, 8 'придут трое из них и раскопают тебя'; şi fost-a *restegnit* za noi ăn vrema lu Pilat şi zapatimeit-a (S) Mor., 'и был распят(-растянут) за нас во время Пилата и пострадал'; г) значение движения взад и вперед: si gospodinu *razţezdę* calu (S) Puşc., I, 43 'и господин разъезжает на коне'.

2. Из переносных значений отметим следующие: а) значение постепенного усиления действия вплоть до максимальной интенсивности, характерной для данного действия: S-a-v ćâro *rezveselit* cu iel' si lât-l'-a case (S) Puşc., 18 'обрадовался вместе с ними и пошел домой'; pocle s-a ie *rezyadit* (S) Weig. Jahrb., I, 144 'после он разозлился'; б) значение интенсивно совершающегося действия: şi-n celado zile tu moreşti *rezmisli* căt ie dimboca mara (B) Mor., 80 'и в эти два дня мы должны поразмыслить, как следует, как глубоко море'; в) эффективное: şi s-a *rescarcât* (S) Pop., II, 24 'и разгрузился' (-освободился); *resmetsa-tu-m-am* (B) Byhan, 327 'я разучился'; cuciari *restacheit-a* cal'i di su voz (S) Mor., 60 'кучера распрягли коней из воза'; Avrilu nu te *rescuperi*. Maiu zalic ciá Romai cu câemeâşa ia, Zodnjacu *respoljate* Zanne. Prov. rom. I, 7 'в апреле не раскрывайся, в мае ходи медленно, в июне снимай рубашку, в июле оставайся раздетым'; e postolele ş-a lasat de friche e a *rescuţ* chia scapat (B) Mor., 87 'и от страха оставил свои лапти, разулся, когда бежал'; şi *rescepit-a* cepurile ăn băcivi (S) Mor., 61 'и ототкнул затычки в бочках'.

Роль славянской приставки *răs-* (*res-*) в истрорумынском диалекте будет понята лучше, если сопоставить эту приставку с исконной приставкой *des-* (<лат. *dis-*), конкурирующей с *răs-* во всех румынских диалектах. Однако соотношение этих приставок по диалектам различно. Так, в дакорумынском существует около 20 глаголов славян-

[25] *rezlargęi* (Byhan, 327; Křepinský, 519), ср. ит. *largare* 'расширить'; *respiştęi* (Křepinský, 519; Pop., II, 63), ср. венец. *pestar*. Значение: 'растоптать'.

inslav

ского происхождения с *răs-*, где приставка выделяется этимологически, и несколько исконно румынских глаголов с этой же приставкой[26]. Неизмеримо более употребительной и более продуктивной в дакорумынском оказывается приставка *des-*. С. Пушкарю, специально исследовавший употребление этой приставки, отметил это[27]. При чтении в словаре слов, начинающихся с *des-*, еще нельзя составить никакого представления о жизненности и продуктивности этой приставки, так как в действительности гораздо больше глаголов могут образовывать пары с *des-*, чем это в состоянии отметить словари. Число глаголов увеличивается еще больше, если учесть, что нередки случаи, когда приставка *des-*, присоединяясь, не изменяет значение глагола (явление, называемое им Doppelcharakterisierung). Таково положение в дакорумынском.

Иная картина в истрорумынском. В нем также отмечено употребление двух приставок: *răs-*, *des-*. Однако более употребительной и более продуктивной является славянская приставка, ее преобладание в диалекте несомненно. С приставкой *des-* отмечено два глагола: *dislega* (Byhan, 207) (ср. лат. *disligare*, друм. *a deslega*) 'развязывать' и *despul'a* (Mor., 73) (ср. лат. *dispoliare*[28], друм. *a despoia*) 'раздеть'. Параллельно с глаголом с *des-* употребляются глаголы того же корня с приставкой *răs-*, что также является доказательством активности славянской приставки и вытеснения ею приставки румынского происхождения *des-*[29]. В истрорумынском не зафиксировано ни одного случая вытеснения приставкой *des-* славянской приставки *răs-* в глаголе славянского же происхождения[30].

Приставка *za-* (*ze-*). Приставка *za-* (*ze-*) в следующих глаголах оказывается живой (о переходе *a* > *e* в приставке см. выше, в разделе о *răs-*, *res-*).

1. *zabi* (Mor., III, 13), встречены только однокоренные приставочные глаголы: *nebi*, *rezbi*. Глагол *zabi* — заимствование, ср. хорв. *zabiti* (Broz, II, 761), словен. *zabíti* (Pl., II, 817). Значение: 'забить'.

2. *zebogati* (Mor., 58), отсутствуют однокоренные глаголы, но отмечено прилагательное *bogât* (Puşc., III, 305). Заимствование, вероятно, из словенского: *zebogatẹ́ti* (Pl., II, 818). Значение: 'разбогатеть'.

3. *Zabudi* (*zebodi*, *sebodi*) (Byhan, 388; Mor., 116), отмечен только однокоренной глагол *nebodi* (Mor., 146). Заимствование, ср. хорв. *zabòsti* (Broz, II, 762); словен. *zabósti* (Pl., II, 818). Значение: 'забить, воткнуть'.

4. *Zecapi* (Puşc., III, 117); в опубликованных словарях не отмечен соответствующий простой глагол или однокоренной глагол с другой приставкой; в подготовляемом к печати словаре резьянского говора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ отмечено: *kapít*, *kapét* 'понять'. Глагол *zecapi* возник, вероятно, уже в истрорумынском диалекте, его значение: 'понять, разобраться'.

---

[26] M. Křepinský. Указ. соч., стр. 522.

[27] S. Puşcariu. Das rumänische Präfix *des-*. — «Zeitschrift für romänische Philologie», Bd. 63. Halle, 1943, стр. 14.

[28] Точнее *despoliare* < *de-spoliare* (Puşc. EW, 46) в дальнейшем происходило переразложение основы; во всяком случае, в современном языке в *despol'a* выделяется приставка *des-* на основании сопоставления с глаголом *respol'a*.

[29] Но, разумеется, неправ М. Кшепинский (Указ. соч., стр. 520), утверждающий, что *des-* встречается только в заимствованных из итальянского глаголах: *despreṭẹ́i* < ит. *desprezzar(e)*, *desperẹ́i* < ит. *desperar(e)*. Если это было бы так, то следовало бы сказать, что *des-* не является живой приставкой в истрорумынском, однако существование глаголов *dislega*, *despol'a* свидетельствует об обратном.

[30] Для дакорумынского С. Пушкарю приводит примеры: *a desgîrna*, *a desluci* < *razlǫčiti* (Указ. соч., стр. 8).

inslav

5. *zeceavlei* (Cant., 187), не отмечены другие однокоренные глаголы (простой или приставочные); очевидно, этот глагол является отыменным образованием, ср. *ciavălu* 'гвоздь' (Mor., III, 13). В словарях хорватского и словенского языков находим только: *čăvao* 'гвоздь', *čavliti* 'забивать гвоздь' (RHSJ, I, 916—917, с пометой, что глагол — только в словаре Стулли), *čavelj* (Pl., I, 95). Глаголы *zaceavlei* можно рассматривать как создание истрорумынского диалекта. Значение: 'забить гвоздь'.

6. *Zacepi* (*zecepi*) (Mor., 48; Mor., II, 7), отмечен только однокоренной приставочный глагол: *rescepi* (Mor., 61). Заимствование, ср. хорв., словен. *začèpiti* (Broz, II, 768; Pl., II, 821). Значение: 'закрыть, заткнуть (бочку)'.

7. *Zecl'ide* (Byhan, 389), есть однокоренной глагол *res-clide* (Byhan, 327). Ср. лат. *inclidere*, друм. *aînchide* (Tiktin, Wb., II, 784; Puşc. EW, 70; Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 56). Значение: 'закрыть'[31].

8. *zeclimei* (Cant., 35). Не отмечены однокоренные глаголы с другими приставками и простой глагол **climei*. В словарях хорватского языка отмечен только глагол *klimati* (RSHJ, V, 74, Broz, II, 534). Таким образом, глагол *zaclimei* появился уже на истрорумынской почве. Его значение: 'закрыть веки, замигать'.

9. *zecopęi* (Mor., 113), есть простой глагол *copęi* (Mor., III, 12). Заимствование, ср. словен. *zakópati* (Pl., II, 843). Значение: 'закопать'.

10. *zecosi* (Mor., II, 64), есть простой глагол *kosi* (Byhan, 249). Заимствование, ср. хорв. *zakòsiti* (Broz, II, 784), словен. *zakosíti* (Pl., II, 843).

11. *zekuhęi* (Pop., II, 13), есть простой глагол *kuhei* (Byhan, 256). Заимствование, ср. хорв. *zàkuhati* (Broz, II, 786), словен. *zakúhati* (Pl., II, 845). Значение: 'начать готовить (еду)'.

12. *zedurmi* (Puşc., I, 39), есть простой глагол *durmi* (Mor., 9). Ср. лат. *dormire*, друм. *a dormi* (Tiktin, Wb., II, 565; Puşc. EW, 47). Значение: 'заснуть'[32].

13. *zafăreca* (Pop., II, 9), есть простой глагол *făreca* (Byhan, 214). Ср. с лат. *fabricare* (< *fauricare*), по мнению И. Кандри и О. Денсушяну (Condrea, Densuşianu. Dicţionar, 94), или с лат. *ferricare*, по мнению А. Бихана (Byhan, 214). Значение: 'заковать (в кандалы), связать (цепями)'.

14. *zegasi* (Byhan, 389), отмечен только однокоренной глагол *pogasi* (Puşc., III, 135). Заимствование, ср. хорв. *zagásiti* (Broz, II, 771). Значение: 'загасить'.

15. *zegl'edi* (Puşc., I, 23), отмечены только однокоренные глаголы, например, *pogledi* (Mor., 81). Заимствование, ср. хорв., словен. *zaglédati* (Broz, II, 772; Pl., II, 829). Значение: 'заглянуть, начать глядеть'.

16. *zagoţi* (Mor., IV, 158), есть простой глагол *goţi* (Pop., II, 70). В словарях хорватского и словенского языков (кроме RHSJ, который не доведен еще до буквы *z*) соответствующий глагол не отмечен, указан только простой: *gòjiti* (Broz, I, 321; RHSJ, III, 244—247). Возможно, глагол *zagoţi* возник уже в истрорумынском путем сложения *za-* со словенской основой *-goj-*. Значение: 'вырастить'.

17. *Zagradi* (Mor., 131), есть только однокоренные глаголы, например, *obgradi* (Mor., 151). Заимствование, ср. хорв. *zagráditi* (Broz, II, 774), словен. *zagradíti* (Pl., II, 832). Значение: 'загородить'.

---

[31] Отмечен и глагол *zecl'idavęi* (Mor., I, 362) 'закрывать' — итератив к *zecl'ide*.

[32] Отмечен и глагол *zadurmivęi* (Puşc., III, 243) 'засыпáть' — итератив к *zedurmi*.

inslav

18. *zegreşi* (Puşc., III, 193), есть однокоренной глагол *prigriži* (Byhan, 224). Заимствование, ср. словен. *zagrešíti* (Pl., II, 833), в словарях хорватского языка аналогичный глагол отсутствует. Значение глагола *zegreşi*: 'согрешить, ошибиться'.

19. *zàgărni* (*zagrni*) (Byhan, 389; Puşc., III, 100), простой глагол не отмечен[33]; имеется несколько однокоренных глаголов: *ogrni* (Mor., 107), *zgrni* (Byhan, 391). Заимствование, ср. хорв. *zagŕnuti* (Broz, II, 775). Значение: 'завернуть, завить (во что-либо)'.

20. *Zagubi* (J., 30), есть только однокоренной глагол *pogubi(se)* (Puşc., I, 28). Заимствование, ср. хорв. *zagùbiti* (Broz, II, 775), словен. *zagubiti* (Pl., II, 833). Значение: 'погубить'.

21. *zahitęi* (Puşc., III, 85), есть только однокоренной глагол с другой приставкой *prohitęi* (Weig. Jahrb., I, 150). Заимствование, ср. хорв. *zàhitati* (Broz, II, 776), словен. *zahítati* (Pl., II, 834). Значение: 'забрасывать, закидывать (чем-либо)'.

22. *zahŗstei* (Pop., II, 1), есть простой глагол *hŗstei* (Pop., II, 1). В хорватских словарях соответствующего глагола с приставкой *za-* нет, в словаре А. Плетершника — только *zahŕskati* 'ржать' (Pl., II, 835). Глагол *zahŗstei* таким образом, очевидно, возник уже в истрорумынском, его значение: 'захрустеть, заскрипеть'.

23. *zehvali(se)* (Puşc., I, 13), есть простой глагол *χvalesku* (Byhan, 230). Заимствование, ср. хорв., словен. *zahváliti* (Broz, II, 777; Pl., II, 836). Значение: 'начать хвалиться', другое значение: 'похвалить' не найдено в славянских словарях.

24. *zazeli* (Puşc., III, 258), есть простой глагол (Puşc., III, 331). Заимствование, ср. хорв. *zažèljeti* (Broz, II. 832), словен. *zaželeti* (Pl., II, 901). Значение: 'пожелать, захотеть'.

25. *zeţezdi* (Puşc., I, 26; Pop., II, 41), есть простой глагол *ţezdi* (Puşc., III, 312). Заимствование, ср. словен. *zajęzditi* (Pl., II, 838). Значение: 'начать ездить; поехать (на коне)'.

26. *zeigrei* (Puşc., I, 44), есть простой глагол *igrei* (Byhan, 230). Заимствование, ср. словен. *zaigráti* 'проиграть' (Pl., II, 836). В словаре Броза—Ивековича *zaigrati* имеет только значение 'начать танцевать' (Broz, II, 778). Значение глагола *zeigrei* в истрорумынском: 'проиграть (имущество)'.

27. *zalega* (Mor., 34), есть однокоренной глагол *polega* (Pop., II, 26). Ср. лат. *ligare*, друм. *a lega* (Tiktin, Wb., II, 899; Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 146). Значение: 'завязать'.

28. *zelivei* (Cant., 42), есть простой глагол *livei* (Byhan, 265). Заимствование, ср. хорв., словен. *zalivati* (Broz, II, 789; Pl., II, 848). Значение: 'заливать, поливать'.

29. *zel'ubi(se)* (Mor., 32), есть простой глагол *l'ubi* (Byhan, 230). Заимствование, ср. прежде всего со словен. *za-ljubiti se* 'полюбить друг друга' (Pl., II, 848), а не с хорв. *zaljubiti(se)* 'поцеловать(ся)' (Broz, II, 790). Истрорумынский глагол *zel'ubi(se)* имеет значение: 'полюбить друг друга'.

30. *zemoci* (Mor., 85), есть однокоренные глаголы, например, *omoci* (Mor., 126). Заимствование, ср. хорв., словен. *zamòčiti* (Broz, II, 795; Pl., II, 854). Значение: 'замочить'.

31. *zepali* (Puşc., I, 33), есть простой глагол *pali* (Byhan, 302). Заимствование, ср. хорв., словен. *zapáliti* (Broz, II, 800; Pl., II, 859). Значение: 'запалить, зажечь (огонь)'.

---

[33] У А. Бихана приведен глагол *grni*, *γrni*, но это из **grmi* (Byhan, 389).

inslav

32. *zapatimei* (Mor., 6). Простой глагол не отмечен; в несколько иной форме: с окончанием *i-*, а не *ei-* (как в истрорумынском) простой глагол есть в некоторых словарях: *pătimi* '(er)leiden, erfahren' (Tiktin, III, 1134); pătimi... '2) a suferi marturiu' (L. Şăineanu. Dicţionar universal al limbei romîne. Craiova, 1929, стр. 470). Таким образом, глагол *zapatimei* — вероятно, создание истрорумынского диалекта; его значение: 'пострадать (о мучениках)'.

33. *Zapelǫ́i* (Byhan, 359; Pop., II, 68), отмечен только однокоренной глагол *dopelei* (Mor., IV, 32). Заимствование, ср. словен. *zapéljati* (Pl., II, 861). В словаре Броза—Ивековича нет даже простого глагола с этим корнем, в RHSJ есть простой (RHSJ, IX, 768) и с приставкой *do-* (II, 645); подобный глагол: *zapeḷăti* отмечен в говоре Жумберака[34]. Значение глагола *zapelǫ́i* 'загнать, завести'.

34. *zapisǫ́i* (Puşc., I, 31), есть простой глагол *pisǫ́i* (Byhan, 307). Заимствование, ср. хорв., словен. *zapísati* (Broz, II, 802; Pl., II, 863). Значение: 'записать, начать писать'.

35. *zapravi* (Puşc., III, 238), зафиксированы только однокоренные глаголы с другими приставками: *popravi* (Puşc., I, 61). Заимствование, ср. словен. *zapráviti* (Pl., II, 868), в хорватских словарях этот глагол в значении истрорумынского и словенского глагола не отмечен. Значение *zapravi*: 'сделать'.

36. *zerasti* (Cant., 52), есть однокоренные глаголы: *zrasti* (Puşc., I, 13), *nerasti* (Puşc., I, 17). Заимствование, ср. хорв., *zarasti* (Broz, II, 809), словен. *zarásti* (Pl., II, 870). Значение: 'зарасти'.

37. *zeseci* (Weig. Jahrb., I, 132), есть только однокоренные глаголы с другими приставками: *reseci* (Puşc., I, 31), *poseci* (Mor., I, 352). Соответствующий глагол не отмечен в словарях хорватского и словенского языков. Возможно, он образовался уже на почве истрорумынского. Значение 'срубить'.

38. *zesopi* (Mor., I, 377), есть простой глагол *sopi* (İ., 20). Заимствование, ср. словен. *zasopsti*, *zasopem* (Pl., II, 878), хорв. *sòpsti* (RHSJ, XV, 322) с общим значением 'тяжело дышать, дуть', а также со значением 'svirati u sopile' в диалектах (Винодол, Криквеница — RHSJ, XV, 322). Значение глагола *zesopi*: 'заиграть (букв. 'начать дуть') на дудке'.

39. *zesluji* (Mor., 103), есть простой глагол *služi* (Byhan, 343). Заимствование, ср. хорв. словен. *zaslúžiti* (Broz, II, 814; Pl. II, 877—878). Значение: 'заслужить'.

40. *zasviri* (Mor., 122), есть простой глагол *sfirǫ* (Byhan, 337). Заимствование, ср. словен. *zasvirati* (Pl., II, 882) и *засвйрити* (с пометой: «зап.» — В. Караџић, 202). Значение: 'заиграть на музыкальном инструменте'.

41. *zeşcuri* (Mor., 79), в истрорумынском отсутствуют другие глаголы с этим корнем (простой и приставочный), но есть наречие *scur* (Pušc., III, 325). Следовательно, приставка *ze-* выделяется из состава основы. Глагол *zeşcuri* возник на почве истрорумынского от наречия (или прилагательного), заимствованного из окружающих хорватских диалектов[35]. Не исключено, однако, что указанный глагол целиком является заимствованием из соседних славянских диалектов, например, в каставском говоре находим: J' *zašcurilo* (J. Jadras. Kastavština, стр. 40). Значение глагола *zeşcuri*: 'смеркнуться, наступить (о ночи, вечере)'.

42. *Zatari* (*setari*) (Mor., IV, 29; Byhan, 366), есть простой глагол *tari* (Byhan, 359). Заимствование, ср. словен. *zatrẹ́ti*, *-tárem* (Pl., II, 888),

[34] P. Skok. Mundartliches aus Žumberak. — AfslPh, Bd. XXXIII, 1912, стр. 367.

[35] *Škûro*, *škûr* (< ит. *scuro*) 'темно, темный', отсюда: *škuriti se* (Истрия — СДЗб., IX, стр. 197), *pošcurit* (о. Дуги — ЈФ, VII, стр. 90).

inslav

не хорв. *zàtrti*, *zàtrēm* (Broz, II, 822), а хорв. диал. *zatarỳt* (о. Сусак — HDZb, I, 184). Значение: 'стереть, уничтожить'.

43. *Zatachei* (Mor., 130), отмечены только однокоренные глаголы, например, *restachei* (Mor., 60). Заимствование, ср. словен. *zatâkati* (Pl., II, 884), этот глагол не найден в словаре Броза—Ивековича. Значение глагола *zatachei*: 'залить, заполнить', 'завлечь; затащить'.

44. *zatisni(se)* (Mor., 112), отмечены только однокоренные глаголы с другими приставками: *stisni* (Byhan, 357), *pritisni* (Byhan, 320). Заимствование, ср. словен. *zatísniti* (Pl., II, 887). В хорватском словаре Броза—Ивековича соответствующий глагол отсутствует. Значение глагола *zatisni* 'зажать, сжать'.

45. *Zavi* (Mor., 144), есть простой глагол *viţe* (Byhan, 381), отмечен также однокоренной глагол *povi* (Puşc., III, 116). Заимствование, ср. хорв. *zȁviti* (Broz, II, 827), словен. *zaviti* (Pl., II, 895). Значение: 'завернуть, закрутить'.

46. *zavichei* (Mor., 70), есть простой глагол *vichei* (Byhan, 381). Заимствование, ср. хорв., словен. *zavíkati* (Broz, II, 827; Pl., II, 895). Значение: 'закричать'.

47. *zazidei* (Mor., 151), есть однокоренной глагол с другой приставкой: *nezidei* (Mor., 103). Заимствование, ср. хорв., словен. *zazídati* (Broz, II, 831; Pl., II, 899). Значение: 'загородить, застроить'.

Приставка *za-* (*ze-*) в истрорумынском является не только живой, но и продуктивной. Об этом свидетельствует, прежде всего, соединение приставки *za-* (*ze-*) с румынскими основами: *zecapi*, *zecl'ide*, *zedormi*, *zefăreca*, *zelega*, *zapatimei*; во-вторых, образование с этой приставкой и славянскими основами ряда глаголов, для которых нет соответствий в славянских языках (хорватском или словенском): *zagoţi*, *zegreşi*, *zahţstei*, *zeseci*.

1. Приставка *za-* (*ze-*) вносит в глагол прежде всего пространственные значения. Среди них выделяются локальные и транскурсивные значения. Локальные значения оказываются наиболее обычными и часто встречающимися в глаголах с приставкой *za-* (*ze-*) в истрорумынском диалекте. В понятие локальности включаются следующие более узкие значения: а) значение охвата предмета действием, в результате чего он оказывается внутри чего-либо или за чем-либо: potle l-a *zăvit* cu gutu (S) Mor., 46 'после завернул его с головой'; cu ţela capoţine s'a *zăgrnit*. Dens. Ant. dial., 77 'он закутался этой шинелью'; Sv. Martin *zahiteit*-a-vo cu slama (B) Puşc., III, 85 'Св. Мартин забросал ее соломой'; şi ucis-l'-a şi . . . ăn şcatule ke l'-a *zacopeit* (B) F.-F., II, 146 'и она их убила и в ящике закопала'; pac av verit la în ţardin şi av fost *zazideit* (J) Mor., 151 'опять пришел в сад и был сад загорожен'; б) значение направленности действия внутрь предмета, вглубь его: căn s-a napit an un cuţit ăn bucva *zabudit* (J) Mor., 116 'когда напился, воткнул нож в ствол'; prevtu-av *zabit* ciavălu lu omu ăn vărhu de cap, când av omu durmi (J) Mor., III, 13 'священник забил гвоздь в голову мужа, когда тот спал'.

Приставка *za-* (*ze-*) вносит в глагол транскурсивное значение, т. е. указывает на движение в пространстве до какого-либо отдаленного предмета. Это значение возникает в глаголах движения: când l-a *zepeleit* nuntru ie a prstenu pre jajet trdo netignit (Suc.) Pop., II, 68 'когда его завели внутрь, он опять надел на палец перстень'.

2. Приставка *za-* (*ze-*) вносит в глагол различные переносные значения. Среди них выделяются: а) начинательное: şi c-av *zavicheit* de tota gura (J) Mor., 157 'и как начал кричать изо всех сил'; când a ia verit. . ., ie *zesopit* şi l'epuru nazat ăn codru (S) Mor., I, 337 'когда она пришла. . .,

inslav

он заиграл на дудке'; şi s-a *zel'ubit* şi remas-a scupa şi na miru jivescu (S) Mor., 32 'и полюбили друг друга и жили в мире'; verit-a Marco către iale şi *zehvalit*-ăs-a che-i dosti tare (S) Mor., 52 'пришел к ним Марко и стал хвастаться, какой он сильный'; e ţela *zeiezdé* calu (S) Puşc., I, 43 'и тот начал ездить на коне'; *zecuheit*-av-o- cu foc (S) Mor., 36 'начал варить ее на огне'; б) значение окончания действия (дефинитивное): şi grâna cu grâna hrsteit-a, osań puti *zxhrsteit*, saca vota un fiurin (S) Pop., II, 1 'и ветка о ветку терлась (=скрипела), восемь раз проскрипело, и каждый раз по флорину'; ţăsta-i a ţe plăće t-ai *zeslujit* (S) Puşc., I, 32 'вот твоя плата, которую ты заслужил'; şi iă l'-a-v muşât *zehvalit* (S) Puşc., I, 13 'и она их как следует похвалила'; şi fost-a restegnit za noi ăn vrema lu Pilat şi *zapatimeit*-a (S) Mor., 6 'и был распят за нас во время Пилата и пострадал'; в) эффективное значение: şi iel *zebogatit*-a (S) Mor., 58 'и он разбогател'; ceasta va va *zagoi*! (S) F.—F., IV, 158 'эта вас вырастит!'; cral'u făcut-a *zecuheit* cădera de lâpte (S) Pop., II, 13 'царь велел вскипятить котел молока'; când s-a *zeşcurit* sere, mere ie che va fura se cumpań din capeliţe (B) Mor., 79 'когда стемнело, идет он, чтобы украсть колокол из часовни'; când au taţi oile specit şi poidit, au iel' *zadurmit* (J) Mor., 148 'и когда изжарили разбойники и съели, тогда они заснули'; âflu âte boţe, pre ia *zepiseito*... (S) Puşc., I, 31 'нашли другой кусок, на нем записано...'; *zemocit*-ăl'-a pîrhatu (B) Mor., 85 'замочил тряпку'.

Приставка *na-* (*ne-*). Об изменении *na-* (*ne-*) см. выше, в разделе о приставке *răs-* (*res-*). Приставка *na-* (*ne-*) является живой в следующих глаголах.

1. *neberi* (Byhan, 286; Mor., 75; Ī., 17), отмечен простой глагол *beri* (Byhan, 192). Заимствование, ср. хорв. *nàbrati*, *-bèrem* (Broz, I, 723; RHSJ, VII, 213—214), словен. *nabráti*, *nabérem* (Pl., I, 626). Значение: 'набрать'.

2. *nebi* (Byhan, 286), отмечен однокоренной глагол *rezbi* (Mor., 148). Заимствование, ср. хорв. *nàbiti* (Broz, I, 723; RSHJ, VII, 209), словен. *nabíti* (Pl., I, 625). Значение: 'набить'.

3. *nebroi* (Mor., 59), отмечен простой глагол *broi* (I., 45). Заимствование, ср. хорв. *nabròjiti* (Broz, I, 724; RHSJ, VII, 216). Значение: 'насчитать'.

4. *nabudi (se)* (Mor., 146), отмечен только однокоренной глагол *zebodi* (Byhan, 388). Заимствование, ср. хорв. *nabosti*, *nabòdem* (Broz, I, 724); RHSJ, VII, 212), словен. *nabósti*, *nabódem* (Pl., I, 623). Значение: 'наткнуть(ся), проткнуть'.

5. *necosi* (Mor., II, 64), есть простой глагол *cosi* (Byhan, 249). Так как глагол *cosi* отмечен и в дакорумынском (*Cihac*, 65; DLR, 557), можно предположить, что он вошел в румынский язык еще в период до расселения румын. Однако существование в истрорумынском приставочной формы — результат влияния хорватского и словенского языков, ср. хорв. *nakòsiti* (Broz, I, 744; RHSJ, VII, 402), словен. *nakosíti* (Pl., I, 646). Значение: 'накосить'.

6. *nedurmi (se)* (Mor., IV, 157), кроме простого глагола *durmi* (Mor., 9), известен и приставочный *zedurmi* (Puşc., I, 39). Ср. лат. *dormire*, друм. *a dormi* (Tiktin, Wb., II, 565; Puşc. EW, 47). Образован по модели славянского *naspati se*, с тем же значением 'наспаться'.

7. *neganéi* (Mor., 50)[36], отмечен однокоренной глагол *resganéi* (Mor., I, 358). Оба глагола, очевидно, являются созданиями истрорумынского

[36] Этот глагол не имеет ничего общего с отмеченным А. Биханом глаголом *neganei* 'Jagd machen' из слав. *naganjati*, итератив от *goniti* (Byhan, 286).

inslav

диалекта (см. подробнее стр. 473). Значение глагола *neganęi*: 'сказать, заговорить'.

8. *nejni* (Mor., 40), отмечен простой глагол *žni* (*snji*) (Byhan, 393). Заимствование, ср. хорв. *nàžeti*, *nážńem* (RHSJ, VII, 781), *nàžeti nàžnjeti* (Broz, I, 787—788), словен. *nažęti* (Pl., I, 632)[37]. Значение: 'нажать, накосить'.

9. *nali* (Mor., 122), есть однокоренные глаголы с другими приставками, например *proli* (Pop., II, 31). Заимствования, ср. хорв. *nàliti* (Broz, I, 746; RHSJ, VII, 419—420), словен. *nalíti* (Pl., I, 648). Значение: 'налить',

10. *namaji* (*nemaji*) (Mor., I, 356), есть простой глагол *maži* (Byhan, 273). Заимствование, ср. хорв. *nàmazati* (Broz, I, 248; RHSJ, VII, 431—432), словен. *namazáti* (Pl., I, 650). Значение: 'намазать'.

11. *nemisli (se)* (Puşc., I, 18), есть приставочные глаголы *domisli*, *zmisli* (Byhan, 278). Заимствование, ср. хорв. *nàmisliti (se)* (Broz, I, 750; RHSJ, VII, 443—4), словен. *namísliti* (Pl., I, 652). Значение: 'надумать; подумать (про себя)'.

12. *namănca (se)* (Mor., 166), отмечен простой глагол *mănca* (Mor., 166). Ср. лат. *mandicare* < **manducare*, друм. *a mînca* (Candrea, Densuşianu. Dicţionar, 170). Значение: 'наесться'.

13. *namlati* (Mor., III, 6), есть простой глагол *mlati* (Byhan, 273, приводит и форму *blătesc*, взятую из материалов И. Майореску, но считает ее дакорумынской, ср. друм. *îmblăti*). Заимствование, ср. хорв., словен. *namlátiti* (Broz, I, 752; RHSJ, VII, 458; Pl., I, 652). Значение: 'намолотить'.

14. *nepali* (Mor., 57), отмечен простой глагол *pali* (Byhan, 302); в дакорумынском известен глагол *a pali* (Cihac, 239; DLR, III, 350), поэтому можно предположить, что слово проникло в общерумынский еще до его дробления на диалекты; не исключено, однако, что здесь мы имеем дело с влиянием славянских языков в отдельности на каждый диалект. Глагол *napali* — заимствование, ср. хорв. *napáliti* (RHSJ, VII, 477), в словарях Броза—Ивековича и А. Плетершника отсутствует. Значение: 'зажечь огонь, разложить огонь'.

15. *nepi (se)* (Puşc., I, 51), есть однокоренные глаголы: *popi* (Byhan, 313), *ponepi* (Mor., I, 406). Заимствование, ср. хорв. *nàpiti (se)* (Broz, I, 757; RHSJ, VII, 491—492), *napíti (se)* (Pl., I, 656). Значение: 'напиться'.

16. *nepisęi (napisęi)* (Mor., 153), отмечен простой глагол *pisęi* (Byhan, 307). Заимствование, ср. хорв., словен. *napisati* (Broz., I, 756; RHSJ, VII, 489—490; Pl., I, 656). Значение: 'написать'.

17. *napravi* (Pop., II, 24), простой глагол не зафиксирован, отмечены лишь следующие сложные: *pripravi* (Puşc., I, 6), *spravi* (Byhan, 349). Заимствование, ср. хорв. *nàpraviti* (Broz, I, 759; RHSJ, VII, 515—517), словен. *naprávíti* (Pl., I, 659). Значение: 'сделать, устроить'.

18. *napusti* (Mor., 147), есть простой глагол *pusti* (Byhan, 314), отмечается в дакорумынском: *năpustesc* (Cihac, 300). Заимствование, ср. хорв. *napùstiti* (Broz, I, 762; RHSJ, VII, 548—9), словен. *napustíti* (Pl., I, 660). Значение: 'оставить, отпустить'.

19. *nerasti* (Puşc., I, 17; J., 18), есть только приставочный глагол *zrasti* (Puşc., I, 13). Заимствование, ср. хорв., словен *narásti* (Broz, I, 762; RHSJ, VII, 554; Pl., I, 661). Значение: 'вырасти'.

20. *nesadi* (Byhan, 345), отмечен простой глагол *sadi* (Byhan, 333), этот же глагол есть и в дакорумынском *a sădi* (DLR, IV, 19), *sad*, *nă-*

---

[37] Ср. в прмническом говоре (около с. Риеки): *жњет* (*жњем*, *жњй[ј]ем*) (Б. Милетић. Црмнички говор. — СДЗб., IX, стр. 456).

inslav

sădesc (Cihac, 322—323; Tiktin, Wb., II, 1037). Вероятнее всего, в истрорумынском *nesadi* — заимствование из хорватского, ср. *nasáditi* (Broz, I, 766; RHSJ, VII, 602—603), словен. *nasadíti* (Pl., I, 664). Значение: 'насадить, посадить'.

21. *nesopi* (Mor., 44), не отмечены сложные глаголы с другими приставками и простой глагол **sopi*, однако часто отмечается производный от него *sopę́i* (Byhan, 345; J., 43). В словарях хорватского и словенского языков зафиксирован только бесприставочный (*sopiti*), лишь в словаре Броза—Ивековича отмечен один приставочный глагол — *zasopiti* (Броз, II, 814). Таким образом, глагол *nesopi*, вероятно, появился уже в истрорумынском. Значение этого глагола: 'надуть; заиграть на музыкальном инструменте'[38].

22. *netegni* (*netigni*) (Puşc., I, 8), есть однокоренные глаголы, например, *restegni* (Pop., II, 4). Заимствование, ср. словен. *natégniti* (Pl., I, 673), а не хорв. *natégnuti* (Broz, I, 774; RHSJ, VII, 679—680). Значение: 'натянуть; втянуть'.

23. *netezę́i* (Byhan, 287; Pusc., I, 34), простой глагол не отмечен не только в истрорумынском, но и в хорватских и словенских словарях (также, как и глагол **tegnuti*); отмечены однокоренные глаголы: *stezę́i* (Mor., 10), *potezę́i* (Byhan, 314). Глагол *netezę́i* — заимствование, ср. хорв. *natézati* (Broz, I, 774; RHSJ, VII, 681), словен. *natę́zati* (Pl., I, 673). Значение: 'натягивать, втягивать'.

24. *natuci* (Mor., 122), есть простой глагол *tutŝi* (Byhan, 374). Заимствование, ср. хорв. *natúći* (Broz, II, 778; RHSJ, VII, 705), но не словен. *natółči* (Pl., I, 678). Значение: 'набить, избить'.

25. *nevrti* (Puşc., I, 42), зафиксирован только глагол с другой приставкой: *ănvrti* (Byhan, 300). В словарях хорватского и словенского языков глагол *vrtjeti* с приставкой *na-* не отмечен[39]; можно думать, что *nevrti* образовался уже на почве истрорумынского, а не заимствован непосредственно из хорватского или словенского языков. В дакорумынском существует глагол *a învărti* (DLR, II, 690). Значение глагола *nevrti* 'провертеть, сделать отверстие'.

26. *nezidei* (Mor., 103), есть простой глагол *zidei* (Mor., 126). Заимствование, ср. хорв., словен. *nazidati* (Broz, II, 785; RHSJ, VII, 771; Pl., I, 681). Значение: 'настроить'.

Приставка *na-* (*ne-*) является живой во всех перечисленных глаголах. О продуктивности *na-* (*ne-*) свидетельствует, во-первых, тот факт, что она соединяется с глаголами романского происхождения: *nedurmĭ (se)*, *nemănca (se)*; во-вторых, глаголы, образованные из *na-* (*ne-*) и славянского корня: *neganę́i*, *nesopi*, *nevrti*, для которых в словарях не найдены соответствующие приставочные глаголы; следовательно, глаголы *neganę́i*, *nesopi*, *nevrti* можно рассматривать как созданные уже на почве истрорумынского диалекта, а не просто заимствования из хорватского или словенского языков.

В истрорумынском диалекте приставка *na-* (*ne-*) имеет следующие значения.

1. Среди пространственных выделяются: а) значение распространения действия по поверхности предмета: si *netegnę́*-v-o ăn te columbar (S) Puşc., I, 8 'и натяни ее (= кожу) на свой круг'; prva zi av *namajit* cral'u... ocl'i cu cea ceruşe (J) Mor., 140 'первый день намазал король... глаза пеплом'; б) значение движения в направлении какой-

[38] Ср. хорв. *sopilka* 'флейта, дудка'.

[39] В диалектных текетах обнаружен лишь глагол *zavrtjeti* (сб. «Kastavština», стр. 47.

inslav

либо точки (например, снизу вверх): atunce c-av ie poșnit *netezei* sus (J) Mor., 118; žbulęa li ei voi acordęai ke pote veri sus, *netezęa* — *indęa*-se pre tšea žbulea (S) Weig. Rom., XXI, 252 'из-за этой луковицы, я согласен, что можно подняться вверх, подтягиваясь (т. е. цепляясь) по этой луковице'; se *netegnit*-a ... ăn vrh de hrast, (S) Pușc., I, 51 'и втащил ее на вершину куста'.

2. Приставка *na-* (*ne-*) вносит в глагол переносные значения: а) дистрибутивное — распространение действия на большое количество предметов, действие оказывается многократно завершенным: și potle *nezideit-a* palaţurle și locandele (Let). Mor., 103 'и после настроил домов и дворцов'; иногда значение дистрибутивности обусловлено контекстом (а не только глагольной формой): veţi vede che voi io do-trei bîrse *namlati* de fajo (J) Mor., III, 6 'вы увидите, что я намолочу два—три мешка фасоли'; și iușto poșnit-a che va *neberi* lu maie (B) Mor., 75 'и только начал (это делать), чтобы набрать их матери...'; б) значение полноты действия, пресыщенности («сативность»): io s-au *namîncat* și napit (J) Mor., 66 'я наелся и напился'; când a ia se *nepit*, ăl'gane (S) Mor., I, 389 'когда он напился, говорит им'; — Scol-te! Vechi t-ai *nadurmit* (J) F.-F., IV, 157 'Вставай! Ты уже наспался'; в) начинательное значение: si pecniţa *nepali* za păre coce (S) Mor., 57 'и печку разжечь, чтобы испечь хлеб'; tu moreşti sopelele hiti se *nesopi* nigdar ato (S) Mor., 44 'ты должен бросить волынку и никогда не (за)играть на ней (буквально — надуть ее)'; baba-l' vire cu bătu... *neganęia* neca mergu mlati (S) Mor., 50 'старуха пришла к ним и стала говорить, чтобы они шли молотить'; г) значение результата действия (эффективное): și av-o ata *napiseit* (J) Mor., 153 'и другое написал'; ie t-a rugăt ke neca duţi secura su desnę mâr ke l'er *nepravi* plugu, zăsto lui tezâc ke nu stiie (S) Pușc., I, 21 'он тебя попросил, чтобы ты пришел с топором под правой рукой, чтобы сделать плуг, потому что земледелец не умеет'; e prevtu facut-a propela *nejari* ăn foc (B) Mor., 83 'и священник приказал сжечь распятие в огне'; ie ziţe: nevrtę si ţa âta băţvę (S) Pușc., I, 42 'он говорит: проверти (= продырявь) и эту бочку'; e niciur nu vrese veri, niciur *namlati* jito che-i gn'ilo (B) Mor., 85 'никто не хотел прийти, обмолотить хлеб, который гниет'; un bob și ie vale *nerastit*-a pila la ćer (S) Pop., II, 6 'белым рождается, зеленым вырастает и красным в гроб падает' (загадка); si Pupel-mera, ie *nejnit*-a un braţ de fir (-de iarbe) și dat-a lu sachi (S) Mor., 40 'И Пупел-мера нажал охапку травы и роздал каждому'; și căn s-a napit, un cuţit ăn bucva *nabudit* (J) Mor., 116 'и когда он напился, воткнул нож в дерево'; д) значение действия, совершающегося в незначительной, слабой степени (деминутивное): ţesta-l' ziţe: samoć *nemislę* pre ţela pul', ţiie se va scându făţe (S) Pușc., I, 18 'ему говорит: только подумай об этой птице, и у тебя будет еда'.

Рассмотрение глаголов с приставками славянского происхождения *răs-*, *za-*, *na-* показывает, что их значения в истрорумынском, в основном, отражают значения, свойственные данным приставкам в славянских языках (хорватском и словенском), откуда они были заимствованы. Такими значениями для приставки *răs-* являются: значения членения объекта, распределение объекта между несколькими субъектами, развертывание действия — движение от центра или какой-либо точки на поверхности или в пространстве в разные стороны (пространственные) и значения постепенного усиления действия вплоть до максимальной интенсивности, характерной для данного действия, эффективное (переносные); для приставки *za-* такими значениями оказываются значения охвата предмета действием, в результате которого он оказывается внутри чего-либо или за чем-либо, направленности действия внутрь

inslav

предмета, транскурсивное (пространственные) и значения начинательности, эффективности (переносные); для приставки *na-* это значения: распространение действия по поверхности предмета, движение в направлении какой-либо точки (пространственные) и значения дистрибутивности, полноты действия, эффективности (переносные).

Одновременно можно указать на своеобразие значений приставок *răs-*, *za-*, *na-* в истрорумынском по сравнению со славянскими языками; это значение интенсивно совершающегося действия в приставочных глаголах с *răs-*: *rezmisli* 'поразмыслить, тщательно обдумать'; это начинательное значение *na-* (*ne-*): *nesopi* 'заиграть', *nepali* 'зажечь огонь', *neganći* 'заговорить, начать говорить'. Можно отметить также расширение значения окончания действия (дефинитивность) в глаголах с приставкой *za-*, оно обнаруживается в глаголах *zahrstei* 'проскрипеть', *zepatimei* 'пострадать'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

B. — Brdo (населенный пункт).
Broz — F. Iveković. J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. I—II. Zagreb. 1901.
Byhan — A. Byhan. Istrorumänisches Glossar. — «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache», Bd. VII. Leipzig, 1899.
Candrea, Densușianu. Dicționar — J. A. Candrea, O. Densușianu. Dicționarul etimologic al limbii romîne. Elementele latine, fasc. 1—10. București, 1914.
Cant. — T. Cantemir. Texte istroromîne. București, 1960.
Cihac. — A. Cihac. Dicționnaire d'étymologie dacoromane. II. Élements slaves, magyars, turcs, grecs modern et albanais. Francfort s/M, 1879.
Dens. Ant. dial. — O. Densușianu. Antologie dialectală română. București, 1907.
DLR — Dicționarul limbii romîne literare contemporane, vol. I—IV. București, 1955—1957.
Gast. Chr. rom. — M. Gaster. Chrestomatia română, t. II. Leipzig—București, 1889.
F.-F. — «Făt-Frumos», vol. I—IV. Cernăuți, 1926—1929.
HDZb — Hrvatski dijalektološki zbornik, knj. I. Zagreb, 1958.
J. — Jeani (населенный пункт).
I. — P. Iroaie. Cântece populare istroromâne. Cernăuți, 1935.
Караџић — В. Караџић. Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1898.
Křepinský — M. Křepinský. Influence slave sur le verbe roumaine. «Slavia», roč. XVI—XVII. Praha, 1938—1939.
Let. — Letai (населенный пункт).
Mor. — L. Morariu. Lu frați noștri. Suceava, 1928.
Mor., I — L. Morariu. De-ale Cirebirilor. Cernăuți, 1930 (extras din «Codrul Cosminului», an. VI, 1929).
Mor. II—IV — L. Morariu. De-ale Cirebirilor, t. II—IV. Cernăuți, 1931—1934.
N. — Noselo (населенный пункт).
Pl. — A. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, t. I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pop., II. — J. Popovici. Rumaenische Dialekte, IX. Dialekt der Istrien, t. II. Halle, 1905.
Puşc. EW — S. Puşcariu. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1909.
Puşc., I — S. Puşcariu. Studii istroromâne, t. I (Texte). București, 1905.
Puşc., III — S. Puşcariu. Studii istroromâne, t. III (Glosar). București, 1929.
Rad JAZU — Rad Jugoslovenska Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.
RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. I—XVI. Zagreb, 1880—1957.
S. — Susneviţa (населенный пункт).
Suc. — Sucodru (населенный пункт).
Tiktin, Wb. I—III — H. Tiktin. Rumanisch-deutsches Wörterbuch, Bd I—III. Bukarest, 1903—1925.
Weig. Jahrb., I — G. Weigand. Istrisches. «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache», Bd I. Leipzig, 1894.
Weig. Rom., XXI — G. Weigand. Nouvelles recherches sur le roumain de l'Istria. «Romania», t. XXI. Paris, 1892.
Zanne. Prov. rom. — A. Zanne. Proverbele romînilor. București, 1895—1903.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII 1963 г.

Р. В. Булатова

СУДЬБА СООТНОСИМЫХ ПАР ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

(глаголы *ѝћи — ходити, *нѐсти — нòсити, *вѐсти — вòдити, *вѐсти — вòзити*)

§ 1. Судьбе парных основ глаголов движения в славянских языках посвящено немало отдельных исследований[1], не считая страниц, которые отводились им в общих трудах по славянскому глаголу и в грамматиках.

Парные основы глаголов движения привлекали внимание исследователей тем, что они выпадают из видовой системы славянских языков, образуя внутри несовершенного вида соотношение глаголов определенного направленного и неопределенного ненаправленного движения. Если даже не соглашаться с мнением ученых, видевших в парных основах глаголов движения такие отношения, на которых возник современный славянский глагольный вид[2], то небезынтересно само по

---

[1] Г. К. Венедиктов. О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв. — КСИС, вып. 28. М., 1960; его же. Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке. — КСИС, вып. 30, М., 1961; его же. Zur Frage der suppletiven Aspektkorrelationen in der bulgarischen Sprache der Gegenwart. — «Zeitschrift für Slawistik», Bd VI, H. 3. Berlin, 1961; A. Gerad. Die Verben *ходити*, *носити*, *водити*, *влачити*, *лазити*. «Slavia», roč. XVII. Praha, 1939/40; А. Достал. Старославянските глаголи, които изразяват ходене (*ити*, *грѧсти*, ходити). — «Списание на Българската Академия на науките», кн. LXXI, 34. София, 1950; А. В. Исаченко, Глаголы движения в русском языке. — РЯШ, 1961, № 4; З. Н. Стрекалова. Словообразование глаголов движения в современном польском языке. М., 1955 (канд. дисс.); ее же. К вопросу о многократных глаголах в современном польском языке. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т, XXIII. М., 1962; Е. В. Чешко. Словообразование глаголов движения в современном русском языке. М., 1947 (канд. дисс.); ее же. К истории глаголов движения — Сб. «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски». София, 1960; ее же. Словообразование глаголов движения в русском языке. — ВСЯ, № 6, 1962; Н. А. Янко-Триницкая. Особенности префиксации глаголов движения. — «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. XXI. М., 1952.

[2] А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М., 1941, стр. 56—78; N. Van-Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RES, т. 9. Paris, 1929, стр. 243; Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. III. М., 1951, стр. 344; C. Y. Regnell. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund, 1944, стр. 49—51.

inslav

себе изучение характера этих отношений, бесспорно, древних, довидовых.

Исследователи глаголов движения констатировали, что восточные и западные славянские языки унаследовали из общеславянского коррелятивные пары типа *нести* : *носити*, которые соотносились, по мнению одних ученых, как дуратив : итератив[3], по мнению других, — как «определенный» : «неопределенный» глагол[4], по мнению третьих ученых, как глагол, обозначающий действие конкретной длительности и действие отвлеченной длительности[5]. Сохранение соотносимых пар в современных восточно- и западнославянских языках ученые объясняют развитием у глаголов движения противопоставления по признаку направленности—ненаправленности[6].

§ 2. Сербско-хорватские глаголы движения не были предметом специального исследования, возможно, отчасти потому, что не сохранили соотносимых пар, как, впрочем, и другие южнославянские языки[7], кроме словенского. Однако следы, свидетельствующие о наличии в ранние периоды развития сербско-хорватского языка таких пар, неоднократно отмечались исследователями[8].

Когда были утрачены эти пары в группе глаголов движения и в чем причина их утраты в сербско-хорватском языке — вот те вопросы, которым посвящена настоящая статья. Для разрешения указанных вопросов был проведен анализ характера отношений парных основ сербско-хорватских глаголов движения и рассматривалась эволюция каждой основы в связи с изменением характера отношений между основами.

Прежде чем приступить к анализу материала, мы считаем своим долгом остановиться на некоторых высказываниях исследователей о сербско-хорватских глаголах движения. Хотя эти высказывания, лишенные анализа конкретного материала, представляют собой чаще всего механическое перенесение определений, отражающих общеславянское состояние или состояние какого-то другого языка, на сербско-хорватский язык, их нельзя обойти молчанием, так как они стали традиционными и тем самым общепризнанными в лингвистической литературе и в грамматиках. Мнения исследователей о характере

---

[3] Например, František Travníček. Mluvnice spisovné češtiny. Část II, Praha, 1951, стр. 1324. — Ученые, считавшие славянские глаголы типа *носити* итеративами, исходили обычно из индоевропейского языка. Однако, как справедливо заметил А. Мазон, тот факт, что славянские *водити*, *носити* и т. д. восходят к индоевропейским итеративам, не может служить еще достаточным основанием для того, чтобы считать их славянскими итеративами (A. Mazon. Emplois des aspects du verbe russe. Paris, 1914, стр. 22). Решительно возражал против того, чтобы считать славянские *носити*, *ходити* итеративами, ван Вейк: «Действительно, эти глаголы могут иметь итеративное значение, однако, на самом деле такое итеративное употребление только частный случай „неопределенного" значения».

[4] N. Van-Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave, стр. 244; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 226.

[5] А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 47, 64.

[6] Е. В. Чешко. К истории глаголов движения, стр. 209.

[7] И. Добровольский. К учению о славянском глаголе.—«Филологические записки», т. IV—V. Воронеж, 1884, стр. 299; Ю. С. Маслов. Морфологическая система глагольного вида в болгарском языке. — КСИС АН СССР, вып. 15. М., 1955, стр. 45.

[8] R. Ružić. The aspects of the verb in Serbo-Croatian. Berkelley and Los Angeles, 1943, стр. 13. См. также: Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, т. I—II. Биоград, 1863—1864, где найдем глаголы *ити — ходити*, *нести — носити*, *вести — водити* и т. д.

О болгарских глаголах см. Г. К. Венедиктов. О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв.

inslav

отношений сербско-хорватских парных основ не едины, как, впрочем, не едины определения этой оппозиции в общеславянском языке (см. § 1).

Чаще всего противопоставление *нѐсти* : *нòсити* определяется грамматистами как противопоставление глаголов имперфективный: итеративный[9] или дуративный : итеративный[10]. А. Мейе и А. Вайян в своей грамматике соотносят сербско-хорватские глаголы движения как «определенные типы, обозначающие действие, предел которого предвидится, и неопределенные типы, обозначающие действие, предел которого не предвидится»[11].

Несколько интересных наблюдений по указанным глаголам можно найти в работе Р. Ружича. Отсутствие у автора единой терминологии (соотносимые глаголы называются то дуративами и итеративами с прибавлением признака направленности движения[12], то глаголами определенного типа[13]) наводит на мысль, что Р. Ружич тоже не имеет четкого представления о значении этих глаголов и о характере их оппозиции в целом. Однако, и это очень ценно, Р. Ружич правильно подметил, что и итеративность, и различия между глаголами движения как глаголами с определенным направлением и без определенного направления уже не являются характерными в языке[14]. Ср. грамматики сербско-хорватского языка, где безо всяких оговорок «неопределенные» глаголы продолжают называться итеративами.

* * *

Приступая к разбору материала по бесприставочным глаголам движения в сербско-хорватском языке, мы исходим из двух положений:

1. Не во всех славянских языках характер оппозиции парных основ глаголов движения в исторический период их развития был одинаков. В одних языках (как, например, современном польском) основным признаком противопоставления могла быть направленность — ненаправленность, в других (например, древнерусском) конкретность — отвлеченность.

2. Тип соотношения парных основ глаголов движения каждого конкретного языка с течением времени мог изменяться, эволюционировать.

§ 3. Сербско-хорватские глаголы движения, этимологические корреспонденты общеславянских глаголов с парными основами, не сохранили коррелятивных отношений ни типа ст.-сл. **нести : носити**, ни русск. *нести* : *носить*. Тенденция разрушения оппозиции в парных основах, охватившая все сербско-хорватские глаголы движения, в каждой паре проявлялась, однако, по-своему.

---

[9] A. Leskin. Grammatik der Serbo-Kroatischen Sprache, Teil I. Heidelberg, 1914, стр. 498.

[10] Ст. Новаковић. Српска граматика. Београд, 1902, стр. 280; А. Белић. Историја српскохрватског језика, II. Београд, 1951, стр. 80.

В современных грамматиках сербско-хорватского языка глаголы *нòсити*, *хòдити* и т. д. обычно называются итеративами. См.: T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1931, стр. 342; I. Brabec, M. Hraste, Sr. Živković. Gramatika hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb, 1954, стр. 174.

[11] A. Meillet, A. Vaillant. Grammaire de la langue serbo-croate. Paris, 1952, стр. 265.

[12] R. Ružić. Указ. соч., стр. 13 и 28.

[13] Там же, стр. 13.

[14] Там же.

inslav

Самую многочисленную группу составляют глаголы *ѝћи — хо̀дити*, **нѐсти — но̀сити*, **вѐсти — во̀дити*, **вѐсти — во̀зити*, прошедшие в своем развитии одинаковый путь. Здесь утрачивалась одна из основ («определенная», кроме пары *ѝћи — хо̀дити*); оставшаяся основа стала обозначать любой вид движения, независимо от степени его проявления и пространственной характеристики. Все глаголы этой группы имеют, кроме того, «многократные» образования на *-а-* *хо̀дати*, *но̀сати*, *во̀дати*, *во̀зати*. Глаголы **гна̏ти — го̀нити — го̀нати — га̏њати*, несмотря на их некоторое своеобразие, тоже можно включить в эту группу глаголов [15].

Во вторую группу входят глаголы, у которых одна из парных основ — «неопределенная» — отмирает, а «определенной» основой обозначается любой вид действия: *јѐздити — ја̏хати* (< *јѐхати*) [16], *бѐгати — бѐжати* [17].

Третью группу составляют глаголы, от которых не осталось никаких, или почти никаких следов в современном сербско-хорватском языке: от **лѐсти — *лѧ̏зити* сохранилась лишь «неопределенная» основа, употребляющаяся с приставками в значении '-ходить'; от *пли̏ти* (*плу̏ти*) — *пла̏вати* не осталось ни одного глагола [18].

Четвертой может быть отмечена глагольная пара, сохранившая обе основы, ставшие, однако, самостоятельными лексемами: *ву̏ћи* 'тянуть, тащить, волочить', *вла̏чити* 'бороновать, чесать, вытягивать'.

И, наконец, пятая группа состоит из глаголов, которые сохраняют как пережиток старых отношений обе основы. При этом или между этими основами нарушены всякие соотношения, то есть они обе могут обозначать одинаковые типы действий: *пу̏зити — пу̏зати* [19], или же, если верить утверждению Р. Ружича, основы противопоставляются по признаку направленности — ненаправленности действия [20], не раз-

---

[15] О нарушении коррелятивных отношений в основах *гна̏ти* : *го̀нити* свидетельствует употребление *го̀нити* как в значении глагола направленного единичного действия («Одједном одлучи да их *гони* у Сарајево и да их преда старом другу Јусуфагићу. . .» А. I, 76), так и в значении глагола разнонаправленного повторяющегося действия («Дошло је лето. Птице су кључале и зелено грожђе са чардаклије. Васка их је, држећи бебу у рукама, по цео дан *гонила*». Б. Ћосић, 90).

[16] Некогда «определенный» глагол *ја̏хати* в современном сербско-хорватском языке обозначает не только единичные конкретные направленные действия («*Јахао* је пун сат, све кроз борове, док не изађе на велико било» А. I. 100), но и отвлеченные («И онда, заборавивши на све око себе, стаде причати о своме животу и Русији. . . и како је младе грофице изводила шетњу на коњима, и како је и сама одлично јахала». . . Б. Ћосић, 117). *Јѐздити* — очень редкий глагол, «отмирающий».

[17] Глагол *бѐжати* употребляется только в значении 'убегать, бежать' и потому обозначает необратимые или направленные движения: (*а*) конкретные, единичные: «Свршено је. *Бежимо* у Солун» (Б. Ћосић, 93) и (*б*) неконкретные, повторяющиеся: «*Бежао* је неколико пута у Србију и склањао се од мржње и освете неких Турака» (А. Ћуп., 136).

[18] См.: Р. В. Булатова. Глаголы с основами *plu-/pli-/plov-/plav-* в сербско-хорватском языке. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII. М., 1962.

[19] Направленные единичные действия: «. . . он продужи да *пузи* напред» (Б. Ћосић, 290) и «Ипак је подуго требало док су се четници усудили да се преко честине приближе рушевинама колибе . . . *Пузали* су и примицали се спремни за свако изненађење» (Б. Ћопић, 251). Разнонаправленные, повторяющиеся действия: «Из мрака, одакле је дошао позив, севну и стаде да *пузи* опрезно круг светлости» (А. II, 452) и «Тако, згрчена, увијек полуотворених уста, *пузала* је с једног миндерлука на други и лежала годинама у мрачним и студеним собама Бадемлића. . .» (А. I, 142).

Сохранение в языке обоих глаголов *пу̏зати* и *пу̏зити* объясняется еще тем, что у них развились новые дополнительные значения: у *пу̏зати* 'лезть вверх, карабкаться', у *пу̏зити* 'скользить, катиться'.

[20] См.: R. Ružić. The aspects of the verb in Serbo-Croatian, стр. 13. — Однако, вопреки утверждению Р. Ружича, *лѐтети* может обозначать не только

inslav

личая действий единичных конкретных, с одной стороны, и повторяющихся отвлеченных — с другой: *лѐтјети — лијѐтати*[21].

В настоящей статье рассматриваются глаголы первой, самой многочисленной, группы, судьба которых во многом типична для всех остальных сербско-хорватских глаголов движения. Кроме того, данная группа глаголов интересна и тем, что, благодаря существованию здесь глаголов с суффиксом *-а-* (*хо̏дати*, *но̏сати*, *во̏дати*, *во̏зати*), она вызывает утверждение, будто в современном сербско-хорватском языке существуют соотносимые пары *но̀сити — но̏сати* и т. д., составляющие такую же оппозицию, как старые *нѐсти — но̀сити* и т. п.[22]

Эволюция глаголов *ѝћи — хо̀дити*, **нѐсти — но̀сити*, **вѐсти — во̀дити*, **вѐсти — во̀зити* прослеживается от первых памятников письменности (XII в.) до современного литературного языка.

Для древнего периода XII—XVI вв. использовались памятники различных жанров, отражающие живые сербский и хорватский языки, меньше подверженные влиянию церковнославянского языка. Это, в первую очередь, грамоты, летописи, законники, жития, кроме того произведения дубровницких писателей XV—XVI вв.

XVII—XVIII вв. представлены литературой областных авторов (Дубровник, Славония и т. д.); XIX—XX вв. — произведениями классиков югославской литературы[23].

Кроме того использован материал словаря Югославской академии наук[24].

Диалектный материал привлекался не для иллюстрации местных особенностей в глаголах движения, а для показа того, что тенденции, действующие в группе глаголов движения в штокавском диалекте, легшем в основу литературного сербско-хорватского языка, действуют и в двух других диалектах сербско-хорватского языка — чакавском и кайкавском, то есть что эти тенденции являются общесербско-хорватскими.

Глагольная пара *ѝћи — хо̀дити* рассматривается отдельно от других глаголов, поскольку она обладает некоторым своеобразием, заключающимся в том, что оба глагола этой пары до сих пор сохраняются в языке и, в отличие от глаголов **нѐсти—но̀сити*, **вѐсти—во̀дити*, **вѐсти—во̀зити*, тенденцию к утрате имеет не «определенный» глагол, а «неопределенный»[25].

направленные действия, но и ненаправленные: «*Летео* орао до подне изнад облака, а онда се спустио наниже и сео на сушницу» («Борба», 4. X 1957, 6).

[21] Надо сказать, что в современных словарях *лѐтати* обычно характеризуется как глагол «многократный», наряду с *но̏сати*, *во̏дати* и т. п. у него подчеркивается оттенок «то туда, то сюда». Интересно, что старый «неопределенный» глагол *лѐтати* с утверждением в языке новых «многократных» глаголов типа *но̏сати* стал, благодаря сходству с ними в морфологическом строении, восприниматься как тождественный им и в отношении семантики.

[22] См.: А. Белић. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 2. Београд, 1951, стр. 74.

[23] См. список условных сокращений.

[24] Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio I—XVII, sv. 1—2 (A — šarati). Zagreb, 1880/82—1960 гг. (далее в тексте — RJA).

[25] Несколько слов относительно терминологии, которая не уступает по своей пестроте определениям сути оппозиции в группе глаголов движения. Только в русской лингвистической литературе находим несколько терминов для определения членов оппозиции: «определенный» и «неопределенный» подвиды несовершенного вида (В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 525); «некратный» и «кратный» подвиды («Грамматика русского языка», т. I. М., Из-во АН СССР, 1960, стр. 458); «определенно-моторные» и «неопределенно-моторные» глаголы (А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 187): «„конкретные“ глаголы и глаголы „отвлеченного“ действия» (А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М., 1941, стр. 64).

inslav

§ 4. Обращает на себя внимание тот факт, что в болгарском и сербско-хорватском языках, где давно утрачены соотносимые пары в глаголах движения, до сих пор находим глаголы *идти—ходить*: болг. *ида—ходя*, с.-х. *ѝћи—хо̀дити*. Однако в болгарском языке эти глаголы уже не составляют соотносимой пары, так как они разошлись семантически: *ида* 1. сов. в. 'уйти', *ида* 2. нес. в. 'приходить', *ходя* 'ходить'[26]. В сербско-хорватском языке дело обстоит иначе.

Кроме *ѝћи* и *хо̀дити* в современном сербско-хорватском литературном языке в значении 'передвигаться, перемещаться с помощью ног', употребляется глагол *хо̀дати*. Статистические подсчеты показывают степень употребительности этих трех глаголов в современной литературе: на 1015 страницах текста И. Андрича[27] — современного классика югославской литературы — встретилось 223 примера с *ѝћи*, 17 — с *хо̀дати* и 3 — с *хо̀дити*. На 540 страницах текст из другого современного писателя Б. Чосича[28] встретилось 169 примеров с *ѝћи*, 3 — с *хо̀дити*[29] и 2 — с *хо̀дати*; на 139 страниц текста из книги М. Борисавлевича[30] приходится 40 примеров с *ѝћи* и ни одного с *хо̀дити* и *хо̀дати*.

Какие действия выражает каждый из этих глаголов?

I. *Ѝћи* в большей части примеров обозначает единичные действия. В контексте при этом могут содержаться конкретные условия протекания действия во времени, или их может не быть.

1. Единичные действия могут быть *направленными* или *целенаправленными*. «Аника је прошла... право у врата на порти ка којима је *ишла*» (А. I, 218); «*Ѝћи* даље за сунцем није имало смисла» (А. II, 174); «...и згади већ сама помисао да *иде* да тражи сламу и огањ» (А. I, 74); «...*идем*, рекох, да га видим па ето...» (А. I, 18).

В этом значении направленного единичного действия в формах будущего времени, настоящего времени в значении будущего, в инфинитиве и императиве *ѝћи* может выступать как глагол совершенного вида — 'пойти' или 'уйти' (пример А. II, 329).

«Вуле *ће ићи* напред» (А. II, 449); «...рече јој да он сјутра *иде* «на пут» (А. I, 424); «...да сутра ујутро мора *да иде* комендија и Швабица» (А. II, 91); «...*нек иде* куд је пошао» (А. II, 235); «...ако ти нећеш да му кажеш *да иде*, ја ћу телефонирати полицији...» (А. II, 329).

Если, для обозначения прошлого действия, единичного, конкретного направленного в русском языке употребляется два глагола: когда действие представлено в процессе — *идти* (*шел*), когда действие дается как готовый факт — *ходить* (*ходил*), то в современном сербско-хорватском языке в обоих случаях находим глагол *ѝћи* (в перфекте).

«Као у сну пође она преко улице, у којој је превладала сјена; с њом је *ишао* ('шӗл') Салих, који ју је увијек доводио и одводио...» (А. I, 425); «Још неки дан, кад су Турци чаршинлије *ишли* ('ходили') у депутацију Мазхар-паши и жалили се на тешко стање...» (А. I, 422);

В своей работе мы будем пользоваться терминами привычными для нас по сербско-хорватским грамматикам: «определенный» (*нѐсти*), «неопределенный» (*нѐсити*) и «многократный» (*нѐсати*) глаголы. Однако мы не считаем, что эти термины полно и точно определяют суть соответствующих глаголов и потому берем их в кавычки.

[26] См. Ю. С. Маслов. Очерки болгарской грамматики. М., 1956, стр. 167, 185 и Г. К. Венедиктов. О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв., стр. 25, 32.

[27] И. Андрић — см. список условных сокращений.

[28] Б. Ћосић — см. список условных сокращений.

[29] Все три примера дают *хо̀дити* в императиве.

[30] М. Борисављевић — см. список условных сокращений.

inslav

«Онако оћесвјештену, нашле су је Циганке из Беркуше, кад су *ишле* ('шли' или 'ходили') у дрва...» (А. I, 433).

2. Единичные действия могут быть также просто *линейными*, то есть необратимыми. Линейность движения или ясна из всего контекста, или о ней свидетельствует в контексте указание на пространственную ограниченность движения («от и до», «вдоль улицы» и т. п.), или указание на динамичность, стремительность движения.

«Белим друмом... полако су *ишла*... кола» (А. II, 62); «Ђерђелез *иде*, опален и лак, у силној снази...» (А. I, 24); «...да у свакој ствари господа треба да *иду* пред народом...» (А. I, 422).

Линейным может быть действие выборочное из ряда повторяющихся действий. Это — единичное действие, выделенное из какого-то сложного, может быть, разнонаправленного движения, ограниченное пространственными рамками или представленное в виде отрезка. *Ићи* в этих случаях, как правило, употребляется в форме потенциала. Действие, обозначенное глаголом *ићи*, не отнесено к какому-то конкретному отрезку времени. По-русски *ићи* здесь может быть передан тремя различными глаголами: 'куда бы он ни *шел* (*ходил*, *пошел*)'.

«А кадгод *би ишла* угледала би за прозором нацерено лице лудог Алије...» (А. I, 27); «...застајао би и без велике нужде не *би ишао* даље» (А. I, 245); «...а и кад *би ишао*, није улазио у кућу, него у лимарску радњу...» (А. II, 416).

II. Отличительной особенностью сербско-хорватского глагола *ићи* является обозначение повторяющегося действия. Контекст может содержать конкретные условия протекания действия во времени, или указывать на их отсутствие.

1. При этом движение, обозначаемое *ићи*, может быть *направленным*. Это или регулярно, периодически повторяющееся движение:

«Преко дана је *ишао* за послом...» (А. I, 164); «Недељом и празником Аника је *ишла* у цркву...» (А. I, 219); «Са првим кишама и хладнијим данима Ненад преста *ићи* у школу...» (Б. Ћосић, 159); или привычное, обычное движение: «Сељаци се навикоше да *иду* у Грунтовицу...» (А. II, 241); «...ташта која је под старе дане почела да *иде* по плажама...» (А. II, 367).

2. Повторяющееся действие может быть *направленным* или *ненаправленным* в зависимости от того, как понимать контекст, лишенный всякого указания на направленность:

«...није *ишао* с осталим момцима, ни пио, ни пушио...» (А. I, 217); «Никуд није *ишла*, и нико јој није долазио, осим Халише Циганке...» (А. I, 407).

Здесь отметим случаи, когда действие распространяется на ряд объектов. Если эти объекты расположены один за другим по прямой (см. ниже примеры А. II, 461; А. II, 447), то движение линейное. Если же объекты разбросаны в беспорядке (см. пример А. I, 341), то движение — разнонаправленное.

«И опет неко прича грубо и наивно како Хитлер *иде* из једне земље у другу и свуда уништава Јевреје, до последњег» (А. II, 461); «Не свлачећи се, Тигар је *ишао* из собе у собу и притом безобзирно лупао вратима» (А. II, 447); «...мора да *иде* по кућама у дућанима у касаби и по засеоцима око ње» (А. I, 34).

3. Повторяющееся действие *разнонаправленное* (беспорядочное, направлено то туда, то сюда) обозначается глаголом *ићи*, который употребляется в форме перфекта.

«Мој пас живахно крстарио по честару, а ја сам, сав прожет тишином шуме, полако *ишао* за њим изукрштаним стазама којима су јелени

inslav

и дивље свиње преконоћ излазили да купе жир испод старих усамљених храстова...» (Борисав., 23); «Јасна престаде да одлази на посао. *Ишла* је по соби, лутала по тавану одакле је извлачила све што се могло погорети» (Б. Ћосић, 162); «Старац после тога сасвим помахнита. *Ишао* је као месечар кроз своје велике и полумрачне собе, хватао Трифуна и испитивао га по стоти пут о тој Беби...» (Б. Ћосић, 250); «Тај прст је *ишао* тамо-амо по хартији, пипајући, милујући, застајући, пун благости...» (Б. Ћосић, 161).

Ићи, единственный из трех глаголов (*хо̀дити*, *хо̀дати*), имеет в современном литературном языке обширную сеть переносных значений, входит в состав многих идиоматических выражений[31].

1. 'Литься, течь' и т. п. (о слезах, о ветре): «...а сузе му *иду* низ браду» (А. II, 241); «...па сваки час лагано зашушти у вјетру који *иде* предвече» (А. II, 90).

2. 'Идти, устремляться' — а) о времени: «*Иде* време, носи бреме» (К. Посл., 95); б) о человеке, который живет целеустремленно: «...и он *иде* тим путем...» (А. II, 450); в) о взгляде (разговоре, мысли), направленном куда-то: «...и њен поглед *ишао* изнад њега...» (А. II, 120); г) (о работе) о песне, идущей вперед: «...и да све *иде* ка спасењу» (А. I, 65); «Пјесма је *ишла* пред њим» (А. I, 8).

3. 'Сопровождать', 'быть связанным с кем-то': «...а лукавство *иде* уз богатство» (А. I, 330); «Уз пуцњаву је *ишло* и све остало...» (А. II, 5).

4. 'Протянуться, простираться' (дорога, морщины, горные хребты, ветви и т. д.): «Зато се по стазама које *иду* ка води» (А. I, 134); «...растао је орах и гране су му *ишле* под кров и плеле се са гредама» (А. I, 159).

Глагол *хо̀дати* обозначает только повторяющиеся разнонаправленные движения, причем со следующими оттенками:

а) движение то туда, то сюда, совершающееся в каком-то ограниченном пространстве (по комнате, по двору и т. п.). Действие обычно приурочено к какому-то конкретному времени.

«Чуло се како обојица *ходају* убрзано, сваки по својој ћелији» (А. II, 110); «Конзул је *ходао* брзо, горе-доле» (А. I, 456); «*Ходајући* тако по целом стану, он запита Зеку одједном...» (А. II, 445). Ср. близкие к этим примерам примеры с *ићи* (см. раздел II, 3: *ишла·је* — Б. Ћосић, 162; *ишао је* — там же, 250; *је ишао* — там же, 161)[32];

б) движение, совершающееся в течение какого-то длительного отрезка времени, бесцельно беззаботно. Движение при этом может совершаться в какое-то конкретное время или может быть не приуроченным к конкретному времени:

«Јер овај непомични човек зна људе и прилике, промене и догађаје боље од свих ових што поваздан на својим ногама *ходају*» (А. I, 326); «И нама је даље *ходати*, уза стрме путеве, сад на кршу, сад по блату» (Назор, 30).

В следующем примере представлены оба оттенка а) и б):

«Не једе готово ништа, него поваздан *хода* по кући, подбула и увезане главе» (А. I, 431);

---

[31] Отмечая лишь наиболее частые переносные значения *ићи* и не останавливаясь на идиомах, в состав которых входит этот глагол, мы отсылаем читателя к RJA (т. IV. Zagreb, 1892—1897), где все эти значения даются подробно.

[32] Интересно отметить, что *хо̀дати* в переводном тексте передает русский глагол *расхаживать*: «Тамо где је некада озбиљно *ходала* угојена Роска...» (Т., 239) = «Там, где некогда важно *расхаживала* Роска...»

inslav

в) движение, совершающееся обычно, постоянно, непрерывно-длительно. В этом случае действие не приурочено к какому-то определенному времени.

«Зато овакви царски људи и *ходају* земљом» (А. II, 21); «...а Маргите и Тигрове и толики њима слични *ходају* на слободи...» (А. II, 420).

Хо̀дати обозначает, кроме того, физическую способность передвигаться с помощью ног:

«..даје характеристику свему што по Сави и око Саве плива, весла или *хода*» (А. II, 364); «Госпођа од дебљине не може да *хода* одмах се умори и дахће» (J. Игњатовић. Дела, 115); На дорату, замишљен, са оним потпуно неусиљеним држањем какво имају људи којима је јахати исто тако лако као *ходати*» (Политика», 12. III, 1957, 14).

Можно отметить смежное с этим значение — как проявляется физическая способность передвигаться (о походке, о манере, ходить). Здесь речь идет о действии, неконкретном во времени, о действии обычном.

«Обично је *ходао* као мјешина пуна смијеха» (А. I, 420); «Слон, било афрички или индиски, може да хода на два начина... да корача и да трчи» («Политика», 24. V 1957, 11); «Кад сјаха и пође према капији видјело се да је необично низак и здепаст и да *хода* споро и раскорачено као људи који нису навикли да ходе пјешице» (А. I, 9). Однако в этом же значении в идентичном контексте можно встретить и глагол *ѝћи*: «Међу толиким кулучарима сељацима био је неки Радисав... Онизан човек мрка лица, и немирних очију, добро погнут у пасу, *ишао* је брзо, растурајући ногама и клатећи главом и раменима» (А. Ћуп., 31); «Он је увек *ишао* голорук, црвених шака и набреклих прстиј у» (Б. Ћосић, 232). В примере из переводного текста находим *ѝћи* в значении, которое в русском оригинале передано глаголом *ходить*: «Паншин је јако напредовао у чиновима и нишани већ на директорски положај, *иде* мало погнут мора бити да га крст светог Владимира притеже доле» (Т., 237)=«Паншин сильно продвинулся в чинах и метит уже в директоры; *ходит* несколько согнувшись, должно быть, Владимирский крест, пожалованный ему на шею, оттягивает его вперед».

Глагол *хо̀дити* в современном сербско-хорватском языке, как показывают статистические данные, употребляется довольно редко. Он встретился в следующих значениях.

1. *Хо̀дити* в значении физической способности передвигаться (см. аналогичное значение глагола *хо̀дати*): «Кад сјаха и пође према капији видјело се да је необично низак и здепаст и да хода споро и раскорачено као људи који нису навикли да *ходе* пјешице» (А. I, 9).

Интересно, что это значение *хо̀дити* в толковом словаре Л. Бакотича передается глаголом *ѝћи* (Л. Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика, Београд, 1936; 'ићи пјешице').

2. *Хо̀дити* обозначает повторяющееся линейное действие, имевшее место в прошлом. В том же значении обычно употребляется глагол *ѝћи* (см. выше).

«...нека Јеврејка што је *ходила* с чалгицијама из Селаника» (А. I, 23); У цркву је *ходио* само недељом и о већим годовима» (Матавуљ, 83).

3. *Хо̀дити* обозначает повторяющееся, видимо, ненаправленное движение. Впрочем, контекст здесь довольно неопределенный, невыразительный.

inslav

«Дабогда, жено, бијесна *ходила*, у ланцима те водили...» (А. I, 236).

Сюда же можно отнести и следующий пример, где *хòдити* употреблен, вероятно, ради рифмы:

«I z menom na prstih su *hodile* i v kraj su međ bregi me vodile» (Dragutin Domjanić, 29)[33]. Ср. пример с *ѝћи* в идентичном значении: «...и целим телом показа став човека који *иде* на прстима...» (А. II, 287).

4. *Хòдити* в императиве регулярно употребляется в значении 'иди сюда (ко мне)', выражая единичное движение с оттенком приближения: «*Оди*! — зове Фреди. На прстима Ненад улази у собу» (Б. Ћосић, 204); «Устани, господине, назепћеш, *ходи* к мени» (там же, 406)[34]. Интересен пример из переводного текста, где русское «идите сюда» передано глаголом *хòдити*: «*Ходите*, дошла је «Дружба» (Бабајевски, 89).

* * *

Итак, анализ примеров с *ѝћи*, *хо́дати*, *хòдити* показал, что современный сербско-хорватский литературный язык в отношении этих глаголов представляет собой переходное состояние: еще удерживается в языке *хòдити*, ставший явным архаизмом и сохраняющий монополию только в форме императива со значением приближения; не сформировались окончательно новые отношения между глаголами *ѝћи* и *хо́дати*.

Ѝћи является основным, «универсальным» глаголом для обозначения действий, связанных с лексемами «идти—ходить». Им обозначаются самые различные типы движений: единичные (направленные, линейные; конкретные и неконкретные) и повторяющиеся (направленные, разнонаправленные; конкретные и неконкретные). *Ѝћи* может также выражать физическую способность передвигаться (см. дальше, § 6, — *ѝћи* в пословичном употреблении, а также помету в словаре Л. Бакотича — *хòдити* — 'иђи пјешице'). О жизнеспособности глагола *ѝћи* говорит обширная система переносных значений.

Глагол *хо́дати* не может сравниться с *ѝћи* ни по степени употребительности, ни по охвату значений. Он выражает лишь очень небольшую часть тех значений (повторяющихся разнонаправленных), которые выражаются глаголом *ѝћи*, причем, это значения со специфическими оттенками. Основным в семантике *хо́дати*, как и других глаголов того же типа (*но́сати*, *во́дати*, *во́зати* — см. дальше), является оттенок «то туда, то сюда». Этот несколько необычный термин, употребляющийся в грамматиках сербско-хорватского языка, обозначает действие, напоминающее движение челнока.

§ 5. Совершенно иную картину с глаголами, обозначающими 'идти—ходить', видим в древних памятниках сербской и хорватской письменности XII—XVI вв.

В текстах XII—XVI вв. употребляются три глагола со значением 'идти—ходить': *ѝти*, *хòдити* и *грѐм*[35], которые по числу встретившихся на них примеров соотносятся как 63 : 86 : 61. Глагол *хо́дати* отмечен всего два раза: в штокавском тексте XIV в. и в чакавском памятнике XV в.[36]

---

[33] «Jugoslavenska lirika moderna». Zagreb, 1957.

[34] Ср. *ѝћи* в императиве: «*Иди*, богати, човече! Шта је теби?» (А. II, 497) — 'уходи' — движение направлено от говорящего.

[35] Глагол **грѐсти*, начиная с древнейших текстов и до современных чакавских говоров, известен только в форме настоящего времени.

[36] «Ne smêše slobodno *hodati* po carevi zemlê» (Spom sr. 1, 22; 1399 г. — RJA) — в значении разнонаправленного действия. Kako zbog starosti ne može *hodati*, dao

inslav

Уже статистические данные показывают высокую степень употребительности в текстах XII—XVI вв. глагола *хòдити*, который, кроме своих исконных, характерных значений «неопределенного» глагола (об этом см. ниже — *хòдити* как коррелят *ѝћи*), мог иметь значение «определенного» глагола. Глагол *хòдити* в известных грамматических формах мог обозначать действия *единичные направленные*:

а) *хòдити* в значении 'идти (пойти) войной' в форме аориста (обычно в летописях):

«Въ лѣто ≠ѕцд• Сиѥ лѣто тѹрци на Угрѣ *ходише*» (Ст. Стари лет., 113; XIV—XVII вв.); «≠зрпа• *ходи* царь Мехмедь на Леха и прїими градь Каменицоу» (там же, 272); «*ходи* (*поће* подг.) цар на Моурею и ничто не полоучи» (там же, 245).

В этом же значении в форме аориста встречается глагол *ѝћи* и реже, в более поздних списках — *пòити*:

«*Иде* Мехмет-паша на Стефана молдавскаго, и разбїень бысть, и оутече» (Ст. Стари лет., 250); «•зрнн• *иде* Текели паша на Задарь и не оузе га» (там же, 271); «•зрое• *поиде* таже Ахметь паша на Крить, и воева его •г• лѣта и вьзеть» (там же, 272).

Ощутимого различия между примерами с этими тремя глаголами нет. Возможно, в примерах с *ѝћи*, *пòити* есть оттенок начинательности.

б) *хòдити* в своем обычном лексическом значении в формах аориста и перфекта:

«Сіа же Милица бысть вьноука ѿ племене и колѣна Неманина вьдана же бысть вь женоу великомоу кнезоу Лазароу. Сь же кнезь Лазарь *ходи* вь Ѥроусалимь и въ Светоую Гороу» (Ст. Стари лет., 261); «И по томь како гпт҃во҃ти писа намь ѥрь ѡь дне до дне чекате сь заморица гю҃гїа кои ѥ за ине ваше работе. и за нѥга тамо *ходиль* комь догѥ хокѥте ѡправи҃т. и зато молимо гпт҃во҃ти бѹди҃т млть ѡправи како си ѡбѣтоваль» (Ст. П. п. I, 468; 1406 г.); «...како ѥ калкашь никола *ходиль* ѹ бнетке такози се ѥ разболиль не знамь да ѥ҃с до здези живь»... (там же, 66; 1352 г.);

в) *хòдити* в конструкции «начал идти» (*поче ходити*). Примеры только из чакавских текстов:

«vaze kravu, ter ju poča voditi po mostu. u kada *poča hoditi* po mostu, krava se poča micati, tere ne htiše hodati... i tako se vodeći pridoše nasrid mosta« (Tondal, 113); «И то рек Филон в голию влизе и ка отоку *наче ходити*» (Jag. Aleks., 279);

г) *хòдити* в императиве — «иди (туда)» и т. д.[37]; Примеры из чакавских текстов:

«*hodi* ovamo za mnom, i ka godi budeš viditi...» (Tondal, 111); «gospodine... ne *hodimo* tamo» (там же, 114); «рече: ка старшим моим внутар *ходи*» (Jag. Aleks., 283).

Кроме того, *хòдити* выражал в древнехорватском языке и *длительное* действие:

---

ga je Andrija onamo privesti na konju» (Milko Kos. Pet Istarskih razvoda iz XV stoljeća. — «Jadranski zbornik». Rijeka Pula, 1956, стр. 196 — в значении 'физическая способность перемещаться').

[37] В этом же значении, по-видимому, употребляется *хòдити* в форме наст. вр.: «и вьврѣвь же на светааго юношоу ѩко сь великыимь гнѣвомь рекь ѥмоу: да ты коуде *ходиши*» (Дан. Жив. Саве, 137).

inslav

«нощи бо вся отъ толѣ до правилнаго часа истощевааше по граду *ходя* и требующаа изыскуа» (K.-S. Жив. Деч., 19); «въставъ желаемый зряше свѣтъ, потемнѣніа перваго избавлься, и иже прежде того водящему бывъ вождь. величіа божіа проповѣдаше *ходя*, Стефаномъ дѣйствуемая» (там же, 22).

В случаях с деепричастиями *ходећи* (настоящего времени) и *ходив* (прошедшего времени)[38] носителем длительности является сама форма деепричастия[39]:

«I tada *hodeći* vidiše mir velik i visok, i s one strane mira od kuda oni gredihu vidiše mnoštvo veliko muži i žen» (Tondal, 115); «И ту четири дни *ходив* [и] до шкуре земле доиде... И ждрибице на станих оставише и тако в шкуру землю улизоше, и ноћ *ходише* [едну]» (Jag. Aleks., 285); «И от ютра до ноћи *ходив*, люди наиде тамо грчким езиком говорећи» (там же, 279—280).

Глагол *хòдити*, кроме того, искони употреблялся при обозначении физической способности существа передвигаться и качественной оценки этой способности.

«и наиде е осам тисућ тисући и десет тисућ лавов, ки биху научени *ходити*» (Jag. Aleks., 290); «сѣвавше сльзами радостию пожьнють; ходеште же *хождаахоу*, реуе, метаюште сѣмена своа» (Дан. Жив. Сим., 106—107); «И ѥмь ме за роукоу и въздвиже ме, и трепетомь одрьжимь быхь, и вь скорѣ вьскоуихь, и просто стахь, и вьси здравь бывь, и се *хождоу*, ꙗкоже ме видишь» (Дан. Жив. Саве, 341); «да ви видите ѥрь смо людиѥ врменни и стари много не моремо поки ѥрь ѥдва ѡвьдѣ по градꙋ *ходимо*» (Ст. П. п. I, 183; 1397 г.)[40].

Сравнение круга переносных значений *ѝти* и *хòдити* показывает, что *хòдити* обладал не менее, если не более обширной сетью переносных значений, чем *ѝти*.

Ѝти в древних текстах встретился в следующих переносных значениях:

1. 'вступать в сан, в звание': «молюся вашей любви, како ожелающее того отьчество вьзьвратися. и кыимъ образомъ въ царскій *иде* санъ» (K.-S. Жив. Деч., 10);

2. 'лить, течь' (о дожде, о слезах): «...40 дни *иде* киша лѣта 1694» (Ст. Стари лет., 331); «и сузе од очию неговию како у чловици непрестанно *идиху* и ногами землю копаше» (Jag. Aleks., 327);

3. 'распространяться, идти' (о случаях, вести): «povida... da je vidil carovu vojsku po Sarajevi i da je po ńoj hodil, i da joj je dužina na dvi miḷe zemḷe, i da je glas, da *ide* pod Siget» (Siget. opis., 402).

Переносные значения *хòдити*, встретившиеся в древних текстах:

---

38 *Ходив* — сокращенная форма деепричастия прошедшего времени *ходивши*, которая употреблялась в древнехорватском, когда не имела при себе существительного и когда относилась к лицу мужского рода в им. п. ед. ч. (см. Ђ. Даничић. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. Београд, 1874, стр. 374—376 и T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1931, стр. 195).

39 T. Maretić. Указ. соч., стр. 564.

40 Близки к этому примеру случаи, когда *хòдити* обозначает — в каком виде постоянно (или обычно) пребывает субъект: «без шапки», «с оружием» и т. п. «...и безь вьсего ороужиꙗ *ходе* и толико троупиꙗ полагаѥ мрьтва» (Дан. Жив. Сим., 98).

inslav

1. 'пребывать в милости' и т. п.: «Сице доблественный Стефанъ, тѣсноту сердца своего, Богу единому вѣдомо творя и нань всю надежду спасенія возлагая въ царскыихъ *хождааше* благоговѣинѣ убо и благочиннѣ» (К.-S. Жив. Деч., 3);

2. 'жить, существовать': «eto lav najjača živina ka po zemlji *hodi*» (Živ. Jerol., 231); «I sedmonadeste lito *hodeći*, umri slavom velikom, i sin stariji prijamše na misto otca svoga» (K.-S. Kr. hrv., 23);

3. 'поступать, жить определенным образом': «и прѣдавь имь комоуждо книгы законьныє, и заповѣдавь комоуждо ихь сь вьсакыимь богобоязньствомь и сь вѣрою чистою непорочьно *ходити* и о вьсемь добрѣ поревьноуюште по новомоу законоу христовоу» (Дан. Жив. Саве, 233); «Понеже оубо вь немощі нашаѧ *ходеще* и добытька мало приобрѣтохомь...» (Ћор. Сп. Саве, 123); «...да иного изберѣте наставніка себѣ, ижь име по воли вашѣи *ходити* и вамь се повіноваті а не вы томоу» (там же, 95); «Velija ki puk uzvede žene i ditcu, i vojsku, š njimi gredihu i s sobom nosahu sve imanje svoje, ki čudnim zakonom *hojahu*» (K.-S. Kr. hrv., 10);

4. 'идти' (о времени): «...и даше вѣрꙋ бꙋдели бꙋтковикю ꙋ ѡвь начинь да има прити ꙋ дꙋбровникь за вась ѡви м҃сь июнь кои *ходи*...» (Ст. П. п. II, 436; 1407 г.); «За годице кое *ходи* сада» (Mon. ser., 502; 1467 г.).

Глагол *ити* не обозначал столь разнообразные типы движений в древних памятниках сербской и хорватской письменности XII—XVI вв., как *ходити*. Он выражал *единичные направленные* движения и составлял с глаголом *ходити* корреляцию по признаку (1) *единичного*: *повторяющегося* действия.

Это особенно четко прослеживается в случае, когда оба глагола обозначают направленное движение:

«И *идохь* вь срьбьскꙋю землю желаѥ и хоте ꙋкрепити прстоль родитель моихь...» (Ст. П. п. I, 76; 1378 г.); — «И како ѡ҃ь винꙋ народь рꙋсажьки *ходиль* ѥ ꙋ дꙋбровни҃ на кꙋплю по сѡль и по ино цю сꙋ хотѣли» (там же, I, 291; 1414 г.).

Однако, как правило, единичность действия, выраженного *ити*, сопровождается направленностью, а повторяемость *ходити* — разнонаправленностью:

«поклонивь се на мѣстѣ цѣлованиа прѣсветыє богородице сь Ѥлисавьтою и *иде* же вь домь захариинь тѣмьжде поутемь» (Дан. Жив. Саве, 267); «По светыимь же црькьвамь *ходе* светыє слоужьбы сьврьшаѥ» (там же, 223).

Следовательно, дополнительными в корреляции *ити*: *ходити* — являлись признаки (2) направленность: разнонаправленность движения:

«да си *ходе* ваши купьци по моѥ ѡбласти свободно... ако си хоте *ити* ꙋ тꙋгꙋ зм҃ꙋ с кꙋплами своими да си идꙋ» (Кар.-Тврт., 23—24; 1253 г.); — «*ходе* безъ порока и дѣлаѥ правьдоу... от града же светааго Иѥросалима *иде* вь светыи градь Назареть» (Дан. Жив. Саве, 277); «Да ѥ свѣдомо всакомꙋ. створи милость кралевьство ми градю и кнезꙋ и свои ѡпкинѣ града дꙋбровьчкога и трьговьцемь, кои *ходе* вьсꙋдѣ по земли кралевьства ми» (Mon. ser., 51; 1240—1272 гг.) — «...рекь имь: *идѣте* вь всꙋ вьселенꙋю, проповѣдите славꙋ моѥго божьства» (там же, 160; 1357 г.).

inslav

Глагол *грêм* в корреляции не участвовал. Его значение в древнесербском языке, как, впрочем, и в старославянском[41] довольно неопределенно[42].

Корреляция глаголов *ѝти — хòдити* как глаголов единичного направленного: повторяющегося разнонаправленного действия наблюдается не только в памятниках XII—XVI вв., но также по отдельным говорам и в более поздний период: в штокавском Дубровнике XV—XVI вв.[43], в Боснии XVI—XVII вв.[44], в областях бассейна Великой Моравы XVI—XVII вв.[45]; в северных чакавских говорах XVII в., находившихся под влиянием кайкавского диалекта[46], окраинных чакавских говорах Хорватского приморья XIX в.[47], в современном говоре острова Сусак[48].

---

[41] A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnštině, стр. 156 — «Стоит *gręsti* между *iti* и *choditi*».

[42] RJA указывает, что *грêм* обычно выражал такие по качеству движения, которые обозначались глаголом *ѝти* и реже — *хòдити* (RJA, III, Zagreb, 1887—1891, стр. 415).

С особой точкой зрения на этот глагол в древних славянских текстах выступает А. Вайян, считавший глагол *grędǫ* неопределенным в отличие от определенного *idǫ*. А. Вайян говорит, что *grędǫ* заменял *idǫ* в тех случаях, когда последний терял свой перфективный вид. В общем *grędǫ* не появлялся с приставками, выражал имперфективный презент, *idǫ* же выражал перфективный презент и инфинитив, и от него образовывались приставочные формы (см. A. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić, II. Paris, 1931, стр. 286).

[43] М. Држић. Дундо Мароје. Београд, MCMLI. *Ѝћи* встретился здесь 24 раза, *хòдити* — 22 раза. «Из града ли *идеш*?» (стр. 67); «Да је благосовљена земља по којој *ходиш*!» (стр. 63).

[44] А. Гильфердинг. Старинный сборник сербских пословиц. СПб., 1868. — Боснийские пословицы в списке 1697 г., которые непосредственно восходят, как считает А. Гильфердинг, к списку XVI в. *Хòдити* встретился в 31 примере, *ѝћи* в 7 примерах (и 10 примеров с *грêм*). Правда, большое количество примеров с *хòдити* обусловлено характером памятника, где речь, как правило, идет о типичных, неединичных действиях.

«Кудъ му годъ є *ходила*, лѣ се є дома телила» (стр. 38); «Хварльци *иду* у яту» (стр. 105). Глагол *грêм* употребляется как в значении *ѝћи*, так и в значении *хòдити*: «Звоно свакого зовѐ а онъ само не грêде» (стр. 20); «Коя жена веле *греде*, мало преде» (стр. 36).

[45] П. Ивић. О говору Галипољских Срба. Београд, 1957. — В языке галипольских сербов глаголы *идем*: (*х*)*одим* соотносятся как глаголы конкретного направленного действия и неконкретного ненаправленного дэйствия: «*Оди* вам (тамо-овамо), *иди* там» (стр. 304); «Ја с вама не мож да *ѐдим*» (стр. 265) — «И тако дошло ред и Циганину да *иде* на воду и за дрва» (стр. 448).

Правда, здесь еще глагол *тодим* (< отходим), который по употребительности не уступает *одим* (с *идем* встретилось 80 примеров, с *одим* — 16, с *тодим* — 17) и имеет близкие с ним значения: *тодим* обозначает неконкретные повторяющиеся действия: «Ми *тодимо* еним девојком» = ја «идем» т. ј. забавлам се с једном девојком» (стр. 358); ср. «Шо *одиш* боним дивојком (стр. 349); а также неопределенное разнонаправленное движение: «Она нигдер ни *тоди*» (стр. 302).

Тодим тоже соотносится с *идем* как глагол неконкретного и конкретного действия: «. . . не знам то ћу да *идем* на икимпију, не имам пет пара у руки, празних руком не *тоди се* на екимпију» (стр. 459).

Возможно предположить, что глаголы *одим* и *тодим* воспринимаются в языке галипольских сербов как синонимы (может быть, не во всех случаях), если *т*- (в *тодим*) перед гласным понимается как безсмысленный призвук (ср. *идем* и *ѐ-идем куће* — здесь же).

[46] P. Zrinski. Adrijanskog mora sirena. Zagreb, 1957: «. . . da krvjom zmarani mrtav k Bogu *ide*» (стр. 102), «čidom oboružan nad vnoge *hodiše* (стр. 146).

[47] St. Mažuranić. Hrvatske narodne pjesme. Senj. 1876 (с *хòдити* 16 примеров, с *ѝћи* — 16, с *грêм* — 8). «Nemož tako po svietu *oditi*» (стр. 68); «Devet dana do Marka *hodio*» (стр. 22); «Ona *ide* na gornje črdake» (стр. 69); «A ja *idem* kupiti svatove» (стр. 70).

[48] J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. Govor otoka Susak. — «Hrvatski dijalektološki zbornik», JAZU, I. Zagreb, 1956. — *Ѝћи* и *грêм* в говоре Суска —

inslav

Однако уже в памятниках XIII—XV вв. встречаемся с примерами, свидетельствующими о начале процесса разрушения коррелятивных отношений между *ѝти* (как глагола единичного направленного действия) и *хо̀дити* (как глагола повторяющегося разнонаправленного действия). Речь пойдет об употреблении *ѝти* в побудительном императиве.

Обычным для того времени в конструкциях типа «пусть ходят купцы по нашей земле» был глагол *хо̀дити*, что является закономерным фактом, поскольку речь здесь идет о неединичном и ненаправленном движении:

«*да ходе* по моеи земли свободно с трьгомь» (Mon. ser., 16; 1195—1228 гг.); «*да си ходите* свободьно и пространо бесь вьсакѣ десѣтине...» (Там же, 28; 1240 г.); «*да си ходе* по земли кралевьства ми без боѩзни» (Там же, 50; 1240—1272 гг.).

Наряду с такими примерами изредка в подобных конструкциях можно встретить глагол *ѝти*.

«...и *да си идоу* доубровчане по нашѣи земли сь своимь добыткомь» (Mon. ser., 34; 1249 г. Хум).

Возможно, между примерами с *хо̀дити* и примерами с *ѝти* было сначала какое-то различие: движение, обозначаемое *ѝти*, могло восприниматься как линейное длительное («пусть *идут* дубровчане по нашей земле»).

Однако при все более частом употреблении глагола *ѝти* в этом значении различия между предложениями двух типов стирались. Со временем *ѝти*, легко заменяя здесь *хо̀дити*, стал выражать в форме побудительного императива действие *повторяющееся разнонаправленное*:

«И цю пише великость гнтва ти да смо ѹставили наше трьгоⱳце *да не идѹ* с трьгѡⱳь по земли гнтва ти просекю наась да ихь пѹстимо да идѹ. гⱐне истинѡⱳь ѹставили-хь за ѡнои безаконьѥ петрово да не идѹ ѹ ново брьдо. а инѹдѣ по гнства ти земли *да идѹ* како и вьзда до толѣ до колѣ пишемо гнствѹ ти» (Ст. П. п. I, 220; 1417 г.).

В то же время *ѝти* в побудительном императиве мог употребляться для обозначения *повторяющегося направленного* движения:

«И тко си люби ити из мое земле ѹ дѹбровникь или срьбинь или влахъ или чи годе чвкь на кѹплю всаки *да иде* свободно да га не ѹсталꙗмь ꙗ влкь»... (Ст. П. п. I, 138; 1387 г.); «И ѹ Дѹбровникь оловѡ, свила, црьванць и восакь *да не иде*, ино *да иде*» (Mon. Ser., 475; 1456 г.).

Интересен в этом смысле сербский памятник XV в. — Законник Стефана Душана[49], собственно, два его списка (из 20 с лишним). В этих двух списках в побудительном императиве употребляется только один глагол. В Призренском списке XV—XVI вв., написанном книжным

супплетивные формы, так как при одинаковом семантическом и грамматическом значениях они употребляются в различных грамматических формах; *грѐм* — в настоящем времени и в императиве, в остальных грамматических формах (инфинитив, претерит) находим *ѝћи*.

Хо̀дити обозначает неконкретные повторяющиеся действия, *ѝћи*, *грѐм* — конкретные единичные действия. «Ka su uzȃli pȍcat jȗdi χodȳt v Lošȉn, pȁk uzȃχu z mȃlu bȃrku χodȳt» (стр. 143); «Da onȉ lȃćaχu rȳbe, *ǰidaχomȍ* v Lošȉn» (стр. 118); «Uȍn χȍjaše svȃki dȃn nȃ teχ» (стр. 118); «Spȉmȍ jedan vȅčer, *γremȍ* tudȅka, jȗšto bȃtiχu jedanȃjst ūri» (стр. 144).

[49] С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898.

inslav

языком с сильным влиянием церковнославянского[50], находим сплошь глагол *грêм*[51]. В Раковецком, который одни исследователи относят ко второй половине XV в.[52], а другие к началу XVIII в.[53], написанном народным языком, в побудительном императиве употребляется только *ѝти*.

Учитывая, что жанр памятника накладывает определенный отпечаток на характер примеров: здесь нет случаев с конкретным, единичным действием, поскольку всегда имеются в виду какие-то типичные (значит, не единичные) действия — будем различать движения, обозначаемые глаголом *ѝти*, только по *направленности* (1) — *разнонаправленности* (2):

(1) Призренский, 65, стр. 53[54]: «И попь кои ѥ годѣ оть свога господара *да не греде* никамо»; ср. «*да не иде*» (Раковецкий); «да не отходи» (Афонский, Ходошский, Быстрицкий, Раваницкий, Текелин-Софийский). Призренский, 162, стр. 128: ...«или аште боудоу прѣписали книге на инь образь, да *имь *ѥсть оправданіе *да гредоу* прѣдь судіе»; ср. «*да иду*» (Раковецкий); «да иду» (Афонский, Быстрицкий). Призренский, 18, стр. 21: «нъ да гредоу оу ине монастырѣ; и да имь се дава храна»; «*да идоу*» (Раковецкий); «да идоуть» (Ходошский, Раваницкий).

(2) Призренский, 162, стр. 128: «Пристави безь книгѥ соудіине никамо *да не гредоу*»; ср. «*да не идоу*» (Раковецкий); «да не ходет никоудь» (Раваницкий, Текелин-Софийский). Призренский, 119, стр. 92: «Трьгов'ціи *да гредоу* свободно безабавѣ по земли царства ми»; ср. «*да идоу*» (Раковецкий); Ср. современный язык «да путују».

Интересно, что в Раковецком списке встретился пример, где *ѝти* обозначает повторяющееся разнонаправленное движение, но не в форме побудительного императива, а в настоящем времени:

Призренский, 118, стр. 91: «Трьгов'ци кои *гредоу* по дареве земли, да нѣсть вол'нь никои властѣлинь»; ср. «кои *идоу* по земли» (Раковецкий); «ходе» (Раваницкий, Текелин-Софийский).

Таким образом, Раковецкий список отражает такой штокавский говор северной Сербии (XV в. или начало XVIII в?), где корреляция между *ѝти*: *хо̀дити* как глаголами *направленного*: *разнонаправленного* действия была нарушена[55]. Действия, которые могли прежде выражаться только глаголом *хо̀дити*, стал обозначать глагол *ѝти*.

---

[50] См. Ал. Соловјев. Законодавство Стефана Душана. Скопље, 1928, стр. 21, где указывается, что Ст. Новакович и Т. Д. Флоринский относят Призренский список к началу XV в., сам А. Соловьев и Л. Стоянович датируют его первой половиной XVI в.

[51] Призренский список не представляет для нас большого интереса, во-первых, потому что это памятник с книжным языком и, во-вторых, потому что в нем употребляется глагол *грêм*, который не участвовал в корреляции с *хо̀дити* и, хотя был в основном глаголом линейного действия, мог обозначать любые типы движений.

[52] А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею в связи с историей народа. М., 1857, стр. 37.

[53] Ал. Соловјев. Указ. соч., стр. 28—29. — А. Соловьев называет и место написания этого списка — фрушкогорский монастырь под Новым Садом.

[54] Цифры после Призренского списка обозначают номер статьи Законника, из которой взят пример, и страницу по изданию Ст. Новаковича.

[55] Анализ А. Досталом старославянских глаголов движения показал, что и в старославянском языке можно найти следы разрушения коррелятивных отношений в парных основах определенного и неопределенного действия. О нарушении отношений между этими основами здесь свидетельствует тот факт, что глаголы неопределенного действия начинают употребляться и в значении определен-

inslav

* * *

Картина с глаголами «идти — ходить» в древних сербских и хорватских текстах отличается от современного литературного языка составом глаголов, семантическим значением каждого глагола и типом отношения между ними.

Статистические данные по текстам XII—XVI вв. и по современному языку показывают высокую степень употребительности *хòдити* в древних текстах по сравнению с современным литературным языком. Прямо пропорционально изменилась и семантическая нагрузка, которую несет каждый из этих глаголов. *Хòдити* из глагола с богатой семантикой (о чем свидетельствуют переносные значения и разнообразные виды движений, которые мог выражать *хòдити*) превратился в глагол с весьма ограниченным кругом семантических значений, потерял ряд значений и обречен на исчезновение из языка. *Ѝћи*, напротив, приобрел много новых семантических значений, стал выражать ряд новых видов движения, главное из которых — повторяющееся движение.

Корреляция *ѝти* : *хòдити* в текстах XII—XVI вв. как глаголов единичного направленного и повторяющегося разнонаправленного действия ничего не имеет общего с отношением современного *ѝћи* и *хо́дати*. Там основами характеризуются различные виды движений, здесь — основы обозначают один вид движения (повторяющееся разнонаправленное), но *хо́дати* вносит в это движение ряд особых семантических оттенков, основной из них — «то туда, то сюда».

Уже в памятниках XIV—XVI вв. можно встретиться со случаями, свидетельствующими о начале процесса разрушения коррелятивных отношений между *ѝти* : *хòдити*. Фактом первостепенной важности в этом отношении является употребление *ѝти* в императиве с *да* со значением повторяемости.

Таким образом, сравнение современного литературного сербско-хорватского языка с языком древних текстов XII—XVI вв. проясняет основные линии, по которым шло развитие глаголов *ѝћи*, *хòдити*, *хо́дати*: 1) разрушение коррелятивных отношений между *ѝти* : *хòдити*; 2) появление нового глагола *хо́дати*. С этими основными явлениями связаны и сопутствуют им эволюция в семантике каждого глагола, развитие новых отношений между *ѝћи* — *хо́дати*, с одной стороны, и *хòдити* — *хо́дати*, — с другой.

Материал XVII—XVIII вв. и XIX в. рассматривается по двум названным основным линиям.

§ 6. XVII—XVIII вв. знаменуют качественно новый этап в эволюции глаголов *ѝћи*, *хòдити*. Явления, едва наметившиеся в сербско-хорватском языке в XIV—XVI вв., в XVII—XVIII вв. получают как бы новый толчок в развитии. Речь идет, во-первых, о появлении «многократного» глагола *хо́дати*, зафиксированного до XVIII в. всего два раза[56], а с XVIII в. регулярно употребляющегося сначала в штокавских говорах, затем и в чакавских; во-вторых, о закреплении повторяющегося значения у *ѝћи*, о чем свидетельствует появление в XVII—XVIII вв. и других форм времени от этого глагола со значением повторяемости, кроме форм императива с *да*.

ном. Причем, А. Достал отмечает, что в одних глагольных парах этот процесс зашел глубже (например, вести : водити), в других еще только начинается (ити : ходити). См.: A. Dostál. Studie o vidovém sistému v staroslověnštině, стр. 484—488.

[56] См. § 5, сноска 36.

inslav

Эти два явления в начале своего развития никакой внутренней связи между собой не имели. Определенное время они развивались независимо друг от друга, в одних говорах параллельно, в других — сначала одно, затем второе.

Находим *хддати* у писателей Славонии XVIII в. — Релковича[57] и Дошена — в значении глагола *повторяющегося разнонаправленного* движения:

«..кои свакȣ ноћь по селȣ *хода*» (Релковић, 76); «Самъ краль *хода* и свашто прегледа» (Он же, 122).

Дошен употребляет *хддати* и при обозначении *повторяющегося* действия, но имеющего *определенное направление*:

«Svast do svaka često *hoda*, jeda l' sebe gdigod proda» (Došen, 168[b]; — RJA); «Od istoka do zahoda kako na svom redu *hoda*» (там же, 260[a]).

Находим *хо́дати* и у сербского писателя-классика XVIII в. Д. Обрадовича (родом из Баната) в значении *повторяющегося беспорядочного* движения:

«... каже ми да ће онъ спавати, а да я могу *ходати* по манастру и около» (Обрадовић, 76).

Эти редкие примеры из XVIII в. показывают, что характерным признаком в значении *хо́дати* была *повторяемость*. Разнонаправленность была сопутствующим, не всегда обязательным признаком. Однако можно сказать, что *хо́дати* выражал такие повторяющиеся действия, которые чаще всего были ненаправленными, беспорядочными, без определенной цели.

К концу XVIII — началу XIX в. *хо́дати* в штокавских говорах Сербии и Герцеговины встречается в значении длительно-повторяющегося действия:

«Три дни *хода* преко поља равна, а четири преко горе чарне» (К. I, 547); «*Хода* беже три—четири дана, ништа бего уловит не може» (К. III, 118); Оде Симо у свијет бијели, *хода* Симо девет годиница» (К. II, 66).

Значение повторяемости у *ѝћи*, которое в единичных примерах наблюдалось в XV в., в XVII—XVIII вв. встречается все чаще, и примеры с этим значением представляют все более широкий круг штокавских областей.

«И нѣколико лѣть мимо *идѣ*, и Влькашинь росвѣрепив се оувы соудѣ соудѣ неправедноу и наоуцаеть Влькашина ратоборца исконїи ненавидеи добра дїаволь и наоуцаеть свое слȣгы оубыствȣ» (М. П. 37; XVII в.); «Zašto *iđeš* na misu?» (Lastrić, 291; — RJA); «Čim se *iđe* u grad slavni» (J. Kavanin, 480[b]; — RJA).

К началу XIX в. *ѝћи* в значении повторяющегося (причем, направленного) действия можно уже встретить в говорах Сербии, Герцеговины, Черногории:

«Овуд *иду* часто Црногорци» (К. IV, 27); «А он *иде* часто у планину, собом води хрте и очаре» (там же, 389); «На тебе се нико ставит неће, јер ти часто *идеш* међу њима» (Његош, 107).

---

[57] В книге А. Релковича «Сатиръ то есть укоритель злых нравовъ» (Будин, 1807) встретилось 10 примеров с *ѝћи*, 11 примеров с *хддити* и 3 примера с *хо́дати*.

inslav

Результатом действия двух названных факторов (появление «многократного» *хо̀дати* и развитие повторяемости у *ѝћи*) явилось нарушение коррелятивных отношений *ѝћи*: *хо̀дити* и вытеснение *хо̀дити*, с одной стороны, глаголом *ѝћи*, с другой — глаголом *хо̀дати*.

Хо̀дити уступил *ѝћи*, в первую очередь, значение направленного повторяющегося действия, *хо̀дати* вытеснял *хо̀дити* в случаях с разнонаправленным повторяющимся движением. Не надо, однако, думать, что *хо̀дити* в XVIII—начале XIX вв. уже не употреблялся в названных значениях. Не только в этот период, но и в более позднее время *хо̀дити* употреблялся параллельно с *ѝћи* при обозначении направленного повторяющегося движения и параллельно с *хо̀дати* при обозначении разнонаправленного повторяющегося или длительного действия:

«И досад си на војску *ишао*» (К. II, 367) ср. «Јесам скоро у чету *ходио*, долазио у равно Крново» (К. IV, 416); «Трг'вац *ходи* по свијету, дома не долази» (К. I, 395) ср. «Тако сам и ове године мислио, и *ходао* сам беспослен по овом лепом свету» (Ненад., 53); «а све *ходах* по турској ордији и не нађох краја ни хесапа» (К. II, 312); «И да нису по ноћи *ходиле*» (Релковић, 24) ср. «Кои свакȣ ноћь по селȣ *хода*» (там же, 76).

Ѝћи вытесняет *хо̀дити* и в переносных значениях: о времени к началу XIX в. стали говорить *ѝћи* (ср. § 4): «*Иде* време, носи бреме» (К. посл., 95)[58].

До XIX в. *хо̀дити* прочно удерживался только при обозначении физической способности передвигаться и смежном значении — каким образом осуществляется эта способность:

«Кад виде слипци, а хроме *ходе*» (Нов., 249); «Коња водим, пеше *ходим*, чизме носим, а бос одим» (К. I, 253); «Већ им гледају хода и погледа: како *ходе* како л' погледају» (там же, 388); «Када *ходи*, како ветар веје, кад говори, како сабљом сече» (там же, 169).

Однако *ѝћи* еще в XVII в. встречается в значении 'ходить вообще, как способ передвижения' в пословицах:

«*Идемъ* гди ме ноге носе — али воде» (Гильф., 32) — '*Хожу*, где меня ноги носят или водят'; «И коњ се укине, ки на четири ноге *иде*» (там же, 34) — 'И конь спотыкается, который на четырех ногах *ходит*»'. Примеры с *ѝћи* и *хо̀дити* в этом значении почти тождественны. Ср., например: «Рак *иде* назада» (Гильф., 79) — 'Рак ходит назад' и «Рак не може управъ *ходитъ*» (там же, 79) — 'Рак не может прямо ходить'. Правда, *ѝћи* и *хо̀дити* употреблены здесь не в однотипных контекстах.

В пословицах XIX в., собранных Вуком Караджичем и Ст. Новаковичем, число примеров с *ѝћи* в указанном значении гораздо больше и употребляется *ѝћи* в тех же контекстах, что и *хо̀дити*:

«Боље је и на најрђавијем коњу јахати, него пјешице *ићи*» (К. посл., 23) ср.: «Боље се и на брани возити, него пјешице *ходити*» (там же, 26).

Эти случаи употребления сербско-хорватского *ѝћи* в значении 'ходить вообще, как способ передвижения' можно было бы рассматривать как характерное для пословиц и поговорок обозначение отвлеченного действия через конкретное, что встречаем и в русском языке: «Тише *едешь*,

[58] Правда, кое-где *хо̀дити* еще сохраняет это значение и в XIX в., например, в Черногории: «Све једнако, тада али данас, вријеме ће својим током *ходит*» (Његош, 127).

inslav

дальше будешь» = с.-х. «Ко лагано *иде*, даље ће отићи» (К. посл., 144). Однако в сербско-хорватском языке *ѝћи* в указанном значении употребляется гораздо шире, чем, например, в русском языке. В примерах ниже по-русски даже с натяжкой нельзя передать *ѝћи* «определенным» глаголом, то есть действие, обозначенное глаголом *ѝћи*, не может быть представлено как конкретное:

«За што човек *иде*? — Што не може да лети» (Нов., 249) — «Почему человек ходит? — Потому что летать не может»; «*Иде* — нога нема, лети — крила нема, кад се прода—доста пара нема» (там же, 111) — «Ходит, а без ног, летает — без крыльев».

Другими словами, в сербско-хорватском языке мы имеем дело не с передачей отвлеченного действия через конкретное, а с фактами развития у *ѝћи* значения 'ходить вообще, как способ передвижения'. С этим значением *ѝћи* мы встретимся в XIX в.; кроме того, оно было отмечено словарем Л. Бакотича в XX в., о чем упоминалось выше.

§ 7. В XIX в. наблюдается дальнейшее углубление и территориальное расширение ранее наметившихся тенденций: сокращается сфера употребления глагола *хо̀дити* за счет расширения значений *ѝћи* и *хо̀дати*.

Материалом по языку XIX в. послужили, в основном, произведения Вука Караджича (1787—1864) и Любомира Ненадовича (1826—1895) — писателя-классика югославской литературы.

В языке В. Караджича соотношения между *ѝћи* и *хо̀дити* сильно нарушены. *Ѝћи*, кроме своих исконных значений линейного глагола, постоянно употребляется в значении неконкретного повторяющегося действия. Причем это действие может быть не только *направленным*, линейным:

«Први дан Божића нико никоме не *иде* у кућу, осим полажајника» (К., 4); «У Дубровнику сам *ишао* много пута увече у просту крчму» (К. Писма, 205); «У то се вријеме људи највише и жене, пријатељи један другога походе, многи *иду* у лов и сами и у друштву» (там же, 18),— но и *разнонаправленным*:

«Они *иду* по вароши читав онај дан скачући, грљећи бабу и љубећи њу и дијете» (там же, 19); «Никакав Србин до данас није *ишао* по Русији с овим намјеренијем с којим сам ја» (К. Писма, 30); «У Дубровнику за времена републике *ишла* су уз месојеђе по граду и по његовим предграђима чороје» (К., 19).

Хо̀дити еще нередко встречается у Вука, им выражаются действия, аналогичные тем, что обозначал глагол *ѝћи* — повторяющиеся разнонаправленные или линейные.

«Когод му из дома *ходио*, лијепи глас по свему свијету носио, како што носи чела по медену цвијети» (К., 76); «...наше сестре и невјесте из дома *ходиле* а коло водиле» (К., 126); «Јеси ли кад путем *ходио* и собом коња водио је ли на њему седло било» (там же, 122).

Однако нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах *хо̀дити* употреблен ради рифмы. В других случаях в подобных значениях Вук употребляет глагол *ѝћи*:

«Гоне ме дошљаци који су тамо дошли на звеку од талира, као скакавици што *иду* по свијету за травом и лишћем... и нисам онако дуго *ишао* по школами као они...» (К. Писма, 187).

Следующий пример из Вука, где *хо̀дити* обозначает конкретное единичное линейное действие, мог появиться лишь в результате нарушения соотношения между *ѝћи* и *хо̀дити*:

«Ви сте данас из далека *ходили*. чело ознојили а ноге утрудили» (К., 120).

inslav

Глагол *хо́дати* встретился у Вука всего два раза в значениях, аналогичных тем, что выражались глаголами *ѝћи* и *хо̀дити*; *хо́дати* обозначал разнонаправленные повторяющиеся действия:

«*Ходајући* тако по земљи њих двојица заједно дођу на море и стану да се купају» (К., 226) ср. «*Идући* тако по свијету дође на конак некакоме терзији» (там же, 217); «Кудгод *ходали*, *ходали* путем широкием а образом свијетлием» (там же, 74—75) ср. «Когод му из дома *ходио*, лијепи глас по свему свету носио» (там же, 76).

Таким образом, язык Вука фиксирует переходный момент в отношениях глаголов *ѝћи*, *хо̀дити*, *хо́дати*. Ещё не обозначился четко круг значений, который выражался каждым глаголом, хотя уже рельефно проступала «многозначность» глагола *ѝћи*; *хо̀дити* еще не уступил своих позиций, а *хо́дати* не получил еще широкого употребления.

Язык Л. Ненадовича, покоящийся на традициях Вука и уже вплотную приближающийся к современному литературному языку, а также произведения Р. Домановича, М. Глишича иллюстрируют шаг вперед в эволюции рассматриваемых глаголов движения.

Ѝћи регулярно начинает употребляться в значениях 'ходить' (в школу) — повторяющегося *направленного* действия и 'ходить' (по свету) — повторяющегося *разнонаправленного* действия. Направленные: «Овуда путници ретко *иду* у позоришта» (Ненад., 22). «Ја сам, без владике, са другим друштвом *ишао* на острве и нека оближња места. Свуда је лепо и свуда сам се добро провео» (там же, 22) и разнонаправленные: «... па ћемо, вели, заједно *ићи* по Неаполу» (там же, 14); «... и врло често господин Паја не може ни да се скраси на својој столици већ *иде* из канцеларије у канцеларију да цитира нумере» (Нушић, 151). «Мислио, мислио, и најзад смислио на једно... Па онда стане *ићи* од Србина до Србина и да разбере који су то што су га толико звали...» (Доман., 92).

Хо́дати употребляется довольно часто у Ненадовича (на 118 страницах текста 10 примеров с *хо́дати* и 6 с *хо̀дити*) в значении глагола повторяющегося *разнонаправленного* действия с оттенком «то туда, то сюда»:

«*Ходају* с пушком на рамену тамо-амо по бедемима» (Ненад., 48); «*Ходају* и трче по парку, седе поред клупа на трави, једе кобасице и печење...» (там же, 61—62); «Кад не изиђе у шетњу, он обично *хода* по својим великим собама» (там же, 24).

Однако другие писатели (М. Глишич, Р. Доманович) как будто избегают употребления *хо́дати*. Движение с оттенком «то туда, то сюда» у них обозначается такими глаголами как *путовати*, *шетати* с соответствующими обстоятельствами образа действия:

«... а свет је *шетао* горе доле, увеличавајући тиме свечаност» (Доман., 130); «Једни *шеткају* тамо—амо и читају наглас, сваки свој предмет» (там же, 165).

Движение с этим оттенком может быть обозначено даже глаголом *ѝћи*, если контекст или употребленный выше глагол указывает на непрерывную длительность действия и на оттенок «то туда, то сюда»:

«Лутао сам тако, бог свети зна куда, а ноћ није била кратка, обична ноћ, већ као некаква дугачка ноћ као читав век, а ја непрестано *идем*, а не знам куда. *Ишао* сам тако врло много година и отишао некуд, тако далеко...» (Доман., 56).

Глагол *хо̀дити* удерживается в значении 'ходить как физическая способность передвигаться':

«Ко има ноге нека *ходи*» (Ненад., 69); «Тако ме боли да не могу да *ходим*, стога морам непрестанно у соби седети» (там же, 52); «Један би

inslav

сломио руку којом шије те се храни, други би угануо ногу којом *ходи* те кромпир продаје...» (там же, 68).

Однако в этом значении можно встретить и глагол *ѝћи*:

«Сава је од обога нас здравији и веселији; истина да још сам не може *да иде*, али је сваки дан милији и паметнији» (К. Писма, 59); «Пропао сам и ја, мој брате, горе не може бити. Видиш да *идем* бос?!» (Доман., 93).

Употребляется *хо̀дити* также в императиве со значением приближения:

«*Оди* амо!» — рече капетан па устаде и уведе Симицу у канцеларију» (Глишић, 66); «*Оди*, море, амо!» (там же, 108);

Сравни *ѝћи*, который в форме императива обозначает движение с оттенком удаления:

«*Иди*, *иди* кући те спавај» (Глишић, 59); «*Иди* тамо оној момчадији» (там же, 108).

Таким образом, «неопределенный» глагол *хо̀дити*, обозначавший в XII—XVI вв. не только повторяющиеся разнонаправленные действия, но единичные направленные (в известных временных формах и в определенном лексическом значении) и имевший широкий круг переносных значений, к концу XIX в. не обладает уже ни одним значением, которое бы не могло быть выражено глаголами *ѝћи* и *хо̀дати*, за исключением императива со значением приближения.

Противопоставление *ѝћи* : *хо̀дити*, основным признаком которого являлась единичность—повторяемость, было нарушено в результате развития у *ѝћи* значения повторяемости. Сначала от *хо̀дити* к *ѝћи* перешло значение повторяющегося направленного действия. Почти одновременно повторяющиеся разнонаправленные движения, искони выражавшиеся глаголом *хо̀дити*, стали обозначаться глаголом *хо̀дати*. Некоторое время за *хо̀дити* остается значение 'ходить вообще как способ передвижения'. Однако и это значение в XIX в. стал выражать глагол *ѝћи*, в первую очередь, в пословицах.

Ѝћи продолжает дальше расширять сферу своих значений, и к концу XIX в.—началу XX в. повторяющиеся разнонаправленные действия стало возможно обозначать этим глаголом. *Ѝћи*, таким образом, становится «универсальным» глаголом при обозначении действия «идти—ходить».

У *хо̀дати* наблюдается сужение семантики. Им теперь обозначаются не просто повторяющиеся разнонаправленные действия, но с оттенком «то туда, то сюда», непрерывной длительности и др.

§ 8. Две основные тенденции развития глаголов *ѝћи* и *хо̀дити*: 1) нарушение коррелятивных отношений между ними и 2) появление «многократного» глагола *хо̀дати* — являются общесербско-хорватскими тенденциями, т. е. охватывают все основные диалекты сербско-хорватского языка: штокавский, чакавский и кайкавский. На диалектном материале можно проследить не только действие общесербско-хорватских тенденций, которые проявляются в каждом диалекте с определенным своеобразием, но разные стадии развития указанных тенденций.

Штокавские говоры, которые легли в основу литературного сербско-хорватского языка, были, видимо, первыми, где начала разрушаться оппозиция парных основ глаголов *ѝћи* : *хо̀дити*, и эволюция этих глаголов в штокавских говорах была близка к литературному языку. Можно отметить только неравномерность, неодновременность зарождения новых отношений в этих глаголах по отдельным говорам штокавского диалекта.

inslav

Прежде всего новое соотношение глаголов *ѝћи* : *хо̀дити* наметилось в XVII—XVIII вв. в северных штокавских областях — в Славонии (Релкович и Дошен)[59] и Банате (Д. Обрадович)[60]. В говорах северной Сербии в конце XVI—начале XVII вв. *идем* : *ōдим* еще составляли соотносимую пару (галипольские сербы)[61]. В говорах крайней юго-восточной Сербии[62] в то же время только начинается процесс разрушения старых отношений в паре *ѝћи* : *хо̀дити*. *Ѝћи* здесь уже встречается в значении повторяющегося направленного действия, правда только в императиве: «Ни се мијеш ни по Бога молиш, ни се крстиш ни у цркву *идеш*. Да ти *идеш* цркве Раванлије, да ти *идеш* у свету недељу» (В. Николић, 319).

В инфинитиве, например, в том же значении встречаем *(х)о̀дити* (здесь инфинитив заменен конструкцией «да»+наст. вр.): «Да *одим* боса по цркву» (В. Николић, 281). *Хо̀дити* широко употребляется в говорах юго-восточной Сербии, причем его находим там, где, например, в Славонии употребляется *хо̏дати*: разнонаправленное действие — «Овчар по брег *оди*, сиво стаде пасе» (В. Николић, 293) ср. «... a *ljudi hodaju* amo tamo» (T. Smičiklasa, 170); длительное, разнонаправленное — «Три дни *одим*, три дни *одим*, трипут коња ковем» (В. Николић, 290) ср. «On *hoda*, *hoda*, a ne može ništa da ulovi» (T. Smičiklasa, 165).

Глагол *(х)о̏дати* в текстах, приводимых у В. Николича, встретился всего один раз в значении разнонаправленного действия без каких-либо дополнительных оттенков: «Ој Радиче, јуначе, куде *одаш*, поодаш, кому мене остављаш» (В. Николић, 299).

Кроме неравномерности в распространении новых процессов по штокавским говорам, надо еще отметить различные пути разрушения парных основ. В большинстве штокавских говоров это происходило в результате приобретения глаголом *ѝћи* значения повторяемости, причем обычно *ѝћи* начинал обозначать направленные повторяющиеся действия. Разнонаправленные повторяющиеся действия выражались новым «многократным» глаголом *хо̏дати*. Между *ѝћи* и *хо̀дити* вплоть до утраты последнего сохранились отношения глаголов направленного (единичного и повторяющегося) и ненаправленного (повторяющегося) действия.

Однако в говоре Вука Караджича (см. § 7) наблюдаем иную картину: отношения между *ѝћи* : *хо̀дити* в корне нарушены, и глаголом *ѝћи* выражалось любое повторяющееся действие (направленное и разнонаправленное), а *хо̀дити*, утратив свою специфику, мог обозначать и единичное линейное действие: «Ви сте данас из далека *ходили*, чело ознојили, а ноге утрудили» (К., 120)[63].

Чакавские говоры отличаются более долговечной корреляцией глаголов *ѝћи* : *хо̀дити*. На окраинах чакавской территории до сих пор можно найти говоры, где *ѝћи* и *хо̀дити* четко противопоставлены (см. § 5, сноску 48).

Второй отличительной чертой чакавских говоров является сохранение в живом употреблении глагола *грêм*, который составляет суппле-

---

59 См. § 6.
60 См. § 6.
61 См. § 5, сноска 45.
62 В. Николић — см. список условных сокращений.
63 Аналогичную картину наблюдал А. Достал в старославянском языке. — См. сноску 55.

inslav

тивную форму с *ȕћи* или является дублетом к нему[64]. Таким образом, в этих чакавских говорах *грêм* является «определенным» глаголом.

Однако новые процессы коснулись и ряда чакавских говоров, хотя проявляются они здесь своеобразно.

Интересен современный говор чакавцев Кастава[65], который, благодаря своему географическому положению, подвержен влиянию кайкавских говоров с востока и словенского языка — с севера. Разнородное влияние, как правило, способствует сохранению самобытных старых черт в говоре. Здесь сохраняются две соотносимые пары: gre (šal): hoditi и nesti: nositi.

Находим у каставцев «многократные» глаголы, образованные суффиксом *-jeva-* (*hojevati*, *noševati*). Таким образом, видим здесь тройную цепь: *iti* (*gren*) : *hoditi* : *hojevati* (ср. *ȕћи* : *хо̀дити* : *хо̀дати*), причем каждый глагол в ней обладает четким кругом значений: *iti* (*gren*) обозначает единичное, конкретное направленное действие; *hoditi* — неконкретное повторяющееся, разнонаправленное действие; *hojevati* — обычное, повторявшееся действие в прошлом. В том случае, когда все три глагола обозначают повторяющееся действие, они отличаются друг от друга: «Ma Studenjki sako jutro *gredu* v Reku z bremenom» (Jardas, 166) — повторяющееся направленное действие, которое представлено в виде единичного: «каждое утро идут (или ходят) в Реку с грузом»; «Ne pij vode, po koj žabi *hode*» (там же, 244) — постоянно происходящее, характерное действие, разнонаправленное; «Čuda let san *hojeval* po gorah» (там же, 344) — неоднократно повторявшееся в прошлом действие.

Таким образом у чакавцев Кастава соотношение *ȕћи* : *хо̀дити* не осталось без изменений. Эволюция этих глаголов идет по тем же основным линиям, что и в штокавских говорах: появление «многократного» глагола (*hojevati*), приобретение глаголом *iti* значения повторяемости.

Другим примером разрушения старых соотношений парных основ может служить новочакавский говор из Хорватского приморья, записанный Микуличичем в XIX в.[66]

Основным глаголом, выражающим движение человека, животного и т. п., здесь является глагол *грêм* (с *ȕћи* — 15 примеров, с *хо̀дити* — 16, с *грêм* — 30 примеров), который употребляется в значении *ȕћи* и *хо̀дити*:

«Kamo *greš* divojko, tako rano z grada?» (Mikul., 159) ср. «Kamo *ideš*, Lovrenac?» (там же, 141); «...ta noć doć, da *gre* spat» (там же, 5) ср. «*Ide* spat i zaspi» (там же, 6); «Petnajest dan *gre* školu i već zna više od meštra» (там же, 11) ср. «a žena mu svaki dan *hodila* z obedom» (там же, 15); «...leh *gren* po svitu da delan ljuden dobro» (там же, 39) ср. «Bil je jedan mladič i *hodil* je po svitu» (там же, 35).

Только глагол *грêм* встретился здесь в переносных значениях, что свидетельствует о его жизнеспособности: «Jutro *gre*» (Mikul., 56); «Suzi njoj *gredu* kodi s kabla» (там же, 22); «Tare, tare, ale ... krv neće, da *gre* ž nje ća» (там же, 33).

Противопоставление *ȕћи* : *хо̀дити* здесь не нарушено (*ȕћи* — «определенный» глагол, *хо̀дити* — «неопределенный»), эти глаголы употребляются традиционно. Однако глагол *грêм*, который является, видимо,

---

[64] Остров Крк: «*Sel* je po Sarajevu» (Žic, 273); «Načinil se je kako da *gre* na pir» (там же, 254). Остров Сусак: «*Jidȍhu* kel popȁ nekà ih napov^{i}ê» (Hamm, 132); «Jivȁn i Marîja namȉslihu setimȁnu kȁ *gr^{i}e* da redȕ se ozenȋt» (там же, 132).

[65] Jardas — см. список условных сокращений.

[66] Более поздних сведений об этом говоре у нас нет.

inslav

наиболее жизнеспособным и употребительным у чакавцев Хорватского приморья, нарушает всякие соотношения, употребляясь и как глагол «определенный» и «неопределенный». Появление здесь глагола *хо̀дати* («Pa s' volela češati leh po vodi hodati» Mikul., 142) дополняет картину эволюции в глаголах движения и показывает, что и у чакавцев Хорватского приморья в развитии глаголов движения были оба характерных признака: смешение понятии «определенного» и «неопределенного» глаголов и появление «многократного» глагола.

Заметим, что исследователи островных чакавских говоров отмечают следующую особенность в употреблении глаголов движения: вместо глагола *ѝћи* здесь употребляется глагол *хо̀дити*, глагол же *ѝћи* встречается только с приставками[67].

К сожалению, мы не располагаем необходимым материалом, чтобы разобраться, какие процессы происходят в островных чакавских говорах Южной Далмации. Если бы дело там обстояло действительно так, как указывает, например, М. Храсте, то процесс вытеснения *ѝћи* глаголом *хо̀дити* говорил бы о происходящем в этих говорах разрушении парных основ и, что в отличие от штокавских говоров, здесь побеждает «неопределенный» глагол. Однако некоторые факты позволяют нам усомниться в точности указаний М. Храсте.

Так в текстах из исследований М. Храсте и у М. Франичевича[68] — современного поэта О. Хвара, пишущего на своем диалекте, — встречаются примеры с *ѝћи* в перфекте (а в настоящем времени *грêм*): «Jedân je od nâs *išā* na prôvu» (M. Hraste, 153); «Sibe skoći na gomilu Franić pusti kobilu, ženske se impjantali, težaci na meje *išali* is rukami nad očima gledodu za kolima» (M. Franičević, 53).

Ошибочным также является утверждение П. Ивича о том, что *ѝћи* «не часто встречается в галипольском диалекте, вместо него обычно употребляется глагол *тодим* (< *отходим*)»[69]. Подсчеты, проведенные по материалам самого П. Ивича, показали, что с *идем* встретилось 80 примеров, а с *тодим* — всего 17.

Кайкавские говоры в отношении глаголов «идти—ходить» более консервативны, чем штокавский и чакавский диалекты. Новые тенденции проявились здесь позднее, видимо, под влиянием словенского языка, где коррелятивные отношения в глаголах движения сохраняются. Среди кайкавских говоров есть такие, где глаголы «идти—ходить» и сейчас составляют оппозицию.

Примером такого говора может служить беднянский говор[70], сохранивший немало архаичных черт благодаря своему исключительно изолированному положению. В беднянском говоре находим несколько соотносимых пар в глаголах движения, в том числе пару *iti* : *hediti*. Эти глаголы соотносятся здесь как глаголы направленного : разнонаправленного действия, например:

«Dõ su bĩli ped večer s pèslem getèvi, *ĩšli* su sĩ trêi tõ, dè su mâd estõili» — перевод на современный с.-х.: «Kad su bili podveče s poslom gotovi, *išli* su sva tri tamo, gdje su med ostavili» (Jedvaj, 328); «Cĩeli

---

[67] M. Hraste. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. — ЈФ, XIV. Београд, 1935, стр. 10; его же. Osobine govora otoka Šolte, Čiova, Drvenika i susjedne obale. — Rad JAZU, 272, Zagreb, 1948, стр. 132. — Заметим, что такие мнения высказывались и относительно дубровницкого диалекта: M. Rešetar. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907, стр. 202.

[68] M. Franičević. Govorenje Mikule Trudnega. Zagreb, 1945.

[69] П. Ивић. О говору Галипољских Срба, стр. 268.

[70] Jedvaj—см. список условных сокращений.

inslav

dîen ja *hyed'il* zo penăzi, ali nîe mègel nigder nič pesoudîti», перевод на современный с.-х. «cijeli dan je *hodao* za novcima, ali nije mogao nigdje ništa posuditi» (там же, 320).

В формах перфекта *iti* и *hediti* соотносятся как глаголы, обозначающие единичное действие в процессе и действие как готовый факт:

«Mȍkor sym bȅrze *šȅl*, nîesym go mègel dýejti»—перевод на современный с.-х.: «makar sam brzo *išao*, nisam ga mogao stići» (Jedvaj, 324); «tye sta vêi tê kȍjkyek *hed'ili*?» — перевод на современный с.-х.: «to ste vi tada kojekuda *hodali*?» (там же, 323).

Показательно, что *hed'iti* употребляется и в переносном значении, когда речь идет о повторяющемся, обычном действии:

«En *hed'i* zo tergeveinu» — перевод на современный с.-х.: «On se bavi trgovinom» (Jedvaj, 320).

Такую же картину сохранения корреляции у глаголов *ìti* : *hòditi* наблюдаем в кайкавском говоре Хорватского Загорья[71]. *Ìti* здесь обозначает единичное направленное действие, а *hòditi* повторяющееся разнонаправленное:

«*Išla* je djevojko za gore po vodu» (Pop. Zag., 66); — «Marija po vrtu *hodila*» (там же, 159); «*Išel* si je u pole, kod si ljudi ne *hodi*» (там же, 123).

Однако не все кайкавские говоры так консервативны в отношении глаголов *ȉћи*, *хòдити*. И в кайкавских говорах можно найти отголоски тех новых процессов, которые протекают в этих глаголах во всех штокавских и в большинстве чакавских говоров.

Во-первых, в отдельных кайкавских говорах появляется «многократный» глагол. Это или общесербско-хорватский *хо̏дати*: «*Hoda* kak posoda» (Lukanec, 156) — Вирье и Подравина, или свой, кайкавский *hâditi*: «Za njoj *hâdi* mladi jagar ...» (K.-S. hrv. p., 213) — хорватская кайкавщина XIX в.

Кроме того, в говоре Петриянца[72] — крайний северо-западный на кайкавской территории — наблюдаем разрушение соотношений между *ìti* и *hòditi* в результате расширения значений первого глагола. *Ìti* в говоре Петриянца является как бы универсальным глаголом, с одинаковым успехом выражающим как свои исконные значения, так и значения *hòditi*:

«Sad je Marko *išel* vsaki dan v lov» (Petrijan., 130) — повторяющееся целенаправленное действие; «Za to vreme *išel* je sin po šumi pak je opazil, gde idu dva človeka» (там же, 130) — повторяющееся разнонаправленное действие. Глагол *hòditi* в последнем значении встретился здесь всего один раз, причем ниже в том же тексте он заменен глаголом *iti*:

«Đogo je *hodil* po šumi...» (Petrijan., 140) ср. «Da je *išel* po sveto dogo...» (там же, 141).

Несмотря на то, что современные диалекты представляют все стадии эволюции глаголов *ȉћи*, *хòдити*, *хо̏дати*, они не могут дать перспективной картины развития этих глаголов. Можно однако полагать, что тенденция расширения значений глагола *ȉћи* за счет глаголов *хòдити* и *хо̏дати* будет развиваться дальше. Такая перспектива в развитии этих глаголов становится очевидной при сравнении их

[71] Pop. Zag. — см. список условных сокращений.
[72] Petrijan. — см. список условных сокращений.

inslav

судьбы с судьбой глаголов *нѐсти—нȍсити, нȍсати; *вѐсти—вȍдити, вȍдати; *вѐсти—вȍзити, вȍзати, эволюция которых шла по тем же основным линиям, что и у глаголов *ѝћи — хȍдити, хȍдати*. Вместе с тем названные глаголы идут в своем развитии впереди глаголов *ѝћи — хȍдити, хȍдати*, их состояние в современном языке — это будущее глаголов *ѝћи, хȍдати*.

§ 9. В письменных памятниках XII—XV вв. сербско-хорватского языка употреблялись глаголы *нѐсти—нȍсити, вѐсти—вȍдити*. Глагол *вѐсти* (*вѣзѹ*) встретился всего один раз: «вь Константинь вь градь корабль *везомь* обрѣть» (Дан. Жив. Сим., 195). Видимо, он рано был утрачен, чему могло способствовать его полное фонетическое совпадение с *вѐсти* (*вѣдѹ*) в инфинитиве.

Круг значений глаголов с «определенной» и «неопределенной» основами был четко ограничен. «Определенные» глаголы употреблялись во всех тех случаях, когда нужно было выразить единичное *направленное* (или линейное) движение:

«...паче же, да истиноу реч(е)мь, покладь *несеть* б(ог)оу и пр(ѣ)ч(и)стои ѥго м(а)т(е)ри и настав'ници» (Ћор. Сп. Саве, 131); «И кѹпци цю *несѹ* скплю ако растовари ѹ брьсковѣ · да плати царинѹ ако ли мимо *несе* да г^ѧ^е прода · тѹ и царинѹ да плати...» (Ст. П. п. I, 37; 1302 г.); «и светыи прѣподобьныи отьць нашь кь господоу радоуѥ се идеть ѵедь своихь *веды* сь собою лик светыихь многыихь арьхиѥреи и светитель прѣподобьныихь и праведьныихь...» (Дан. Жив. Сим., 15); «И шьдь сь ѥклисаарьхомь. и обрѣте и на гробѣ кирь савинѣ, и ѵоудеси оудивиль се, и поѥмь *веде* и кь арьхиманьдритоу, и повѣда ѥмоу бывьшеѥ» (Дан. Жив. Саве, 341).

Обычно «определенные» глаголы употреблялись при живом описании конкретных событий, происходящих как будто перед глазами рассказчика, при этом рядом с «определенным» глаголом стоит приставочный глагол от «неопределенной» основы.

«И *ведоуть* и прѣдь двьри. И *приходить* дръжавныи господинь все сръбьскые землѥ и поемлѥть и за рѹкоу ѡть светыхь двьри и *приводить* его къ прѣсветѣи» (Ћор. Сп. Саве, 78); «любовьноѥ посьланиѥ твоѥ приѥхь сь любовию, и сльзьныѥ мольбы твоѥ не прѣзрѣхь, и светыѥ мошти господина твоѥго светааго срьдолюбьно желаѥмыѥ тобою *несоу*, и самь шьствоую сь ними» (Дан. Жив. Сим., 99).

«Неопределенными» глаголами выражались более разнообразные виды движений, чем глаголами «определенными». «Неопределенные» глаголы могли обозначать повторяющиеся движения, среди которых мы различаем:

а) *ненаправленные* (то есть не могущие быть по своим физическим свойствам направленными, но разнонаправленность которых не важна для говорящего и потому не подчеркнута) и *разнонаправленные*:

«да имь не воль^N^ ѹчини^т^ ни мѹсромани^N^ ни христьяни^N^ по цареве заповести да ихь имамо сьвлюсть ни^х^ и ни^х^ блго и кто би ни^х^ товарь *носи*^х^ али бѹдѹ людьѥ херьцегови али бѹдѹ лю^х^ѥ воеводе владисаве да имь е вера царева и моѧ воеводі...» (Ст. П. п. II, 236; 1454 г.); «И ек'сар'си козмици да несоу да ихь не посилаю митрополитіе по поповѣхь; ни да *воде* конь митрополит'скыихь по поповѣхь» (Нов. Зак. Душ., 35);

б) *направленные* движения также могли выражаться «неопределенными» глаголами:

«I učini g(ospo)din Miklouš Zrinski, da vsaki gospodičić u velikom varošu svoju hižu raskrije, i da se slama van varoša *vozi* i važge, a u novom varošu da se slama s krovov uzme i u hiže *nosi*» (Siget. opis.,

inslav

412); «И ѿо пише гпство ти за наше трьговце ѥрь за прьве господе нѣсꙋ ини трьгь изь срьбалꙗ изьносили размѣ коже воскь и сиреньѥ а сьди *носе* сребро и злато» (Ст. П. п. I, 220; 1417); «да ѡ сада напрѣда ѿо би годи нихь трьговци или нихь слꙋге сребра *носили* из нашего рꙋсага ꙋ дꙋбровникь» (Ст. П. п. II, 164; 1461 г.); «Мозите и (к) тои пиле лес'ь *возити*, ки к нои прис'тои и такои гори, пашу, воде, путь...» (Hrv. s., 130; 1430 г.).

«Неопределенными» глаголами обозначалось постоянно происходящее действие, лишенное конкретной отнесенности во времени.

«Побѣди врагы своѥ, ꙗко Моиси Амалика, крьсть Христовь неослабьно прѣдь очима *носе*, и тѣмь побѣдоу вздвизаѥ на противьныѥ варвары» (М. П., 33; XIII в.); «се же вьсе по сьмотрению божию бысть, богоу вьсегда прѣдьлагаюштоу ѥмоу поути, вьсегда доухомь светьимь *водимь*, и божиѥю благодѣтию покрываѥмь...» (Дан. Жив. Саве, 274).

Действия с оттенком «то туда, то сюда» обозначалось в древних текстах «неопределенными» глаголами:

«почтене твоѥ приꙗзни ·в· листа примисмо и разꙋмѣсмо· а наипрьво ѿо намь пише^т да *возите* изь сливна 8 рать добитке и ину пратежь и ѡь тꙋде ѡпеть» (Ст. П. п. I, 537; 1415 г.).

Случаев употребления «неопределенного» глагола в значении «определенного» в древних текстах не встретилось.

В побудительном императиве, где наряду с «неопределенным» *хо̀дити* употребляется и «определенный» глагол *ѝти* (см. выше), здесь постоянно во всех случаях без исключения употребляются «неопределенные» глаголы — *но̀сити*, *во̀дити*, *во̀зити*;

«к'то люби ити ꙋ инꙋ землю с трьгомь с кꙋп'ломь да гре^х пр — землю црь ми и кра^вꙋ свободно бе — забавѣ тькмо ѡрꙋжиꙗ *да не носѣ* ни ꙋ бꙋгаре ни ꙋ басарабинꙋ зем'лю» (Ст. П. п. I, 60; 1349 г.); «... да греду сь трьгомь 8 землꙋ кралевьства ми и де ни ꙋсилиꙗ и крьчьму *да носе*» (там же, 3; 1219 1228 гг.); «... *да возите* изь сливна ꙋ рать добитке и ину пратежь и ѡь тꙋде ѡпеть просе ѡь наась да вамь тꙋи млть ꙋчинимо» (там же, 537; 1415 г.).

Итак, в древних памятниках XII—XV вв. «определенные» и «неопределенные» глаголы *нѐсти — но̀сити*, *вѐсти — во̀дити*, вероятно, и *вѐсти — во̀зити* употреблялись еще традиционно. Утверждение югославских лингвистов о том, что *нѐсти* (в той же мере это можно отнести и к *вѐсти*) всегда в сербско-хорватском языке употребляется редко, несостоятельно[73]. В XII—XV вв. эти «определенные» глаголы были столь же употребительны в сербско-хорватском, как в старославянском языке, как в современном русском, польском языках. Можно было бы сослаться на статистические подсчеты (в древних текстах встретилось 15 примеров с *вѐсти*, 10 — с *во̀дити*, 7 с *нѐсти* и 40 с *но̀сити*), однако в случае с глаголами *нѐсти — но̀сити*, они не показательны и вот по каким причинам. Бо́льшая часть примеров с *но̀сити* дает этот глагол в таких переносных значениях ('носить одежду', 'иметь постоянно при себе оружие' и т. п., 'носить горе', 'носить имя', 'носить в утробе (дитя)' и т. д.[74]), которые допускают употребление только одной основы — «неопределенной».

[73] См. RJA, т. VIII, Zagreb, 1917—1922, стр. 88.

[74] «и томоу сь ними блаженомоу кирь Савѣ, и благославивьше и, и сьтворивьше и арьхиманьдрита, и даше ѥмоу *носити* набедрьницоу и нароуквице» (Дан. Жив.

inslav

Таким образом, тот факт, что *нȍсити* по сравнению с *нѐсти* в текстах XII—XV вв. употребляется намного чаще, объясняется не «универсальностью» этого глагола при обозначении действий, связанных с лексемами «нести — носить», а более богатым семантическим содержанием *нȍсити*. *Нȍсити* не был безразличен к выражению определенных и неопределенных действий, он был глаголом «неопределенным».

В глагольной паре *вѐсти — вȍдити*, как показывают подсчеты, гораздо употребительнее был глагол *вѐсти*: он часто встречается в значении 'вести происхождение, происходить'[75], которого не было у глагола *вȍдити*.

Итак, анализ текстов XII—XV вв. показал, что глаголы *нѐсти — нȍсити*, *вѐсти — вȍдити*, *вѐсти — вȍзити* составляли корреляцию по признаку единичность: повторяемость действия[76].

§ 10. Материал XVI—XVIII вв. и дубровницкая литература с конца XV в. показывают совершенно иную картину с глаголами *нѐсти — нȍсити*, *вѐсти — вȍдити*, *вѐсти — вȍзити*: «определенные» глаголы исчезли почти бесследно, все виды действий обозначаются глаголами «неопределенными».

Чем объяснить такую разницу в употреблении данных глаголов в памятниках XII—XVI вв., с одной стороны, и в более поздних письменных памятниках, с другой? Сильная ли церковнославянская традиция препятствовала проникновению в ранние памятники новых явлений, происходивших в глаголах *нѐсти — нȍсити*, *вѐсти — вȍдити*,

---

Саве, 191—192); «И ето что се оу сиемеи месте ѡб(рѣте), на благословеніе оудаю ти крьстьць, да ми га *носишь* на (вь)споминаніе, и поисьць, ере га сьмь полагаль на грѡбѣ» (Ћор. Сп. Саве, 188); «. . . поменоувь ѡно глаголющеѥ: дроугь дроугоу теготи *носите*, и тако скончаѥте законь Исоусь Христовь» (Ст. З. н., 50; 1386 г.); «и Стефанъ, явленно есть рече, о царю презирающему пастырю, волчій, иже въ стадо входы и неотгоняющу сего такову же быти и тому звѣрю.аще и пастыря *носитъ* имя» (K.-S. Жив. Деч., 6); «и иде же вь домь захариинь тѣмьжде поутемь, имьже и прѣчиста дѣва Марима ѥште вь оутроби *носешти* Христа любителы ѥго» (Дан. Жив. Саве, 267).

[75] «Вь началѣ да рекѣ неемана первагѡ цара сербского, которы *ведеть* племѧ свое ѿ кровы Ликиніа мѣчителѧ и Констаниіе сестре великагѡ Константина. . .» (М. П., 44); «Нъ понѥже послѣдованіе племѣне срьбскаго кон'ць пріеть до послѣдняго Оуроша, а к томѣ не въста кнезь въ них развѣ Милицѡмь кнегїнѡмь занѥ сїа ѿ рода онога *ведеше* се, ѿ нѥеже бысть Стефань деспоть» (Ћор. Сп. Саве, 41).

[76] Отметим, что некоторые из современных кайкавских и чакавских диалектов сохраняют глагольную пару *нѐсти : нȍсити*. Например, кайкавский беднянский говор *nȁsti* (*nȁšen*, *našȁn; nȁsel*, *nȁslo*, *nȁsle*) — *neȘsȉti* (*nȅisilo*, *nyȅsȉl*, *niȘsȉle*) (Jedvaj, 312, 315). Кайкавский говор Петриянца: «Večer bu taki. pšenica je zrela, koj bun drugo, neg bum nažel nekoliko snopa pak bum *nasel* dimo» (Petrijan., 135); «Jenog po jenog je *nosil*, dok je došel od onog, koj je bil skoro na pol mrtev, i néga tam odnese» (там же, 131).

Чакавский говор Кастава, как и в случае с глаголами *gre(šal):hoditi:hojevati*, представляет тройную цепь в глаголах *nesti:nȍsiti:nošević* и двойную — *voziti:voževati*. Значения между этими глаголами распределяются так же, как и в глаголах *ȉmu:ходити* (см. § 8): «Kad pomuzu kravi, *nesu* mleko doma» (Jardas, 263); «Nekada su najboju pečenju nesli, popu. . . sen su mleko *nosili*» (там же, 43); «. . . odvavek *nošević* bremena v Reku» (там же, 364). В паре *voziti:voževati* второй глагол выражает действия повторявшиеся, обычные в прошлом, остальные виды действий обозначаются глаголом *voziti*: «Nekada su *voževali* kastafci na šuver v Reku i Potpećinu, a i va Trst» (Jardas, 210); «Kad je počela v Reku železnica *vozit*, se j' to počelo poć brže, se z nekun prešun» (там же, 276); «Ja ti već ne bin rad va gore Vlačice *vozil* i so leto se s palentun gušil» (там же, 360).

Все говоры, сохраняющие соотносимую пару *нѐсти—нȍсити*, сохраняют коррелятивные отношения в этой паре.

inslav

вѐсти — вѐзите[77], или здесь имел место резкий скачок в эволюции этих глаголов? Во всяком случае, проследить по древним текстам XII—XVI вв. процесс утраты «определенных» глаголов в названных парах нам не удалось, возможно, из-за недостаточного количества примеров.

Дубровницкие писатели XV—XVII вв. употребляют исключительно «неопределенные» глаголы *нѐсити*, *вѐдити*, *вѐзити* для обозначения всех видов действия.

1. Повторяющееся разнонаправленное действие:

«Из куће му сам скупио што сам мало нашао: гаћа фрапанијех, сајуна од велута ваера што је по кући *носио*» (М. Држић, 162); «Морешке земље доносе камилионте, као ли се зову, који и се јајером хране, а не *води* јунаке собом који се јајером не пасу» (там же, 34); «Jedni *nose* gvozdene poluge, drugi *nose* grede i balvane, oko grada kule načinjaju, ispod grada beden potkopaju» (Kačić — M., 109); «Ako mi ga uhvatiti Bod da, gola ću ga po vojscti *voditi* živa ću ga na mihe derati, njegove se krvce napojiti» (там же, 80).

2. Единичное направленное действие:

«*Носим* ону ствар ку ти рекох» (М. Држић. 173); «Срце ми нјешто говори да сињори не *носим* ове дзоје, ма да јој их не понесем тер да штогоди интравења, не би ми живота ш њим било» (там же, 195); «Ход' напријед, *вод*' ме куд знаш» (там же, 129); «Sikoše ih, pobratime dragi, do čadora cara čestitoga. Kada li se natrad povratiše, svaki *nosi* glavu od junaka» (Kačić — M., 109); «Maleno je vrime postajalo, al to ide Murat, care silni, s dvista hiljad' svojizih junaka, sobom *vodi* dvista lumbarada» (там же, 95).

Замену «определенных» глаголов (*нѐсти* и *вѐсти*) в этом, исконном для них значении, «неопределенными» глаголами (*нѐсити* и *вѐдити*) в XVII в. можно видеть на примере различных списков Законника Стефана Душана.

Призренский список XV в: «Кто што наиде оу царевѣ земли; да не оузме тере да не рече вратикю... а што наиде оу тоугои земли на воисцѣ, да *вѣде* и *несе* прѣдь цара и воеводу» (Нов. Зак. Душ., 89); ср. Раваницкий список середины XVII в: «Аште лі же наиѣе оу тоуѣеи земли на воисци, да *носи* предь господара и воиѥводу» (там же, 90); ср. перевод на современный язык: «А што ко уз рат војујући у туђој земљи нађе, да *води* и *носи* пред цара и војводу» (там же, 216).

К концу XVIII в. от «определенных» бесприставочных глаголов *нѐсти*, *вѐсти*, *вѐсти* не осталось в сербско-хорватском языке почти никаких следов. В словарь Вука Караджича 1818 г.[78] попадает только глагол *нѐсти*, известный составителю по единичному примеру из штокавского фольклора: «Млада нева воду нела» (К. I, 351). *Вѐсти*, *вѐдѐм* отмечен в грамматике Дж. Даничича[79] с единичным примером из XVIII в: «Бјеснило је дивље Турке, на све наше краје *вело*» (П. Његош, Шћеп. мали, 107)[80].

---

[77] Впрочем, А. Достал отмечал, что старославянские нести, водити раньше и чаще, чем другие глаголы этого же типа (ходити, гонити), стали обозначать «определенное действие» такое, какое обычно выражалось глаголами нести, вести (см. A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnštině, стр. 486 — 487).

[78] Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачким и латинским ријечима. Београд, 1818.

[79] Ђ. Даничић. Српска граматика, дио III. Биоград, 1874, стр. 64.

[80] Глагол *вѐсти*, *вѐдѐм* утрачен раньше *вѐсти*, *вѐдѐм* и *нѐсти*.

inslav

Глагол *нѐсти* долго удерживался в значении 'нести яйца' (о птице). Так, в XIX в. в этом значении *нѐсти* зафиксировал Новакович в штокавских говорах Сербии:

«За што на торњеве стављају питла а не кокош? Јер петао не *несе* јаја» (Нов., 248).

В этом же значении его можно встретить и в современных штокавских говорах Лики (Северная Хорватия)[81], Далмации и даже в кайкавском говоре Вирья и Подравины, для которых характерна такая же эволюция глаголов движения, какая наблюдается в штокавских диалектах: «Predebela kokoš ne *nese*, ney (samo) piška (-zadak) masti» (Lukanec, 181).

§ 11. Со второй половины XVIII в. фиксируются «многократные» глаголы *нȍсати*, *вȍдати*, *вȍзати*. В словаре Югославской Академии наук указывается, что самый ранний достоверный пример с *нȍсати* (*носах*, *носаше*, встречавшиеся раньше, могли быть формами имперфекта и от *нȍсати* и от *нȍсити*) относится ко второй половине XVIII в.[82] К этому же времени можно приблизительно отнести и появление многократых *вȍдати*, *вȍзати*. Сначала эти глаголы обозначали разнонаправленные повторяющиеся действия без каких-либо специфических оттенков, употребляясь параллельно с «неопределенными» глаголами.

«Lijepađevojka... muško čedo u rukamo *nosa*» (Nar. pjes. Petr., 2, 11; — RJA) ср. «Пошетала пречиста госпођа, она земљом и свијетом шета, а на руке *носи* сина свога» (К. I, 128); «Kao zmije tko ufati i počme ju milovati i u nidrim *nosat* stane, dok dopone, lute rane» (V. Došen, 82b; — RJA), ср.: «Боље је и празну врећу под пазухом *носити* него врага у њој» (К. Посл., 23).

Примерно в середине XIX в. в семантике «многократных» глаголов появляется оттенок «то туда, то сюда». Причем сначала не сама основа передавала этот оттенок, он выражался с помощью лексических средств. Если же в контексте отсутствовало лексическое указание на то, что движение совершается то туда, то сюда, а по своему характеру движение было именно таким, то употреблялся «неопределенный» глагол:

«Pa padoše (t. j. Luka i Hrnica) u travu zelenu, dok padoše na noge skočiše, *nosaju se* desno i l'jevo» (Nar. pjes. Juk., 322; — RJA); «Иво *се вози* на једној лози; сам се Бог чуди, како се Иво вози на једној лози» (Нов., 162) ср. «Наш *се* Иво *воза* на десет лоза и натраг и напред; сам се Бог чуди како *се вози*» (там же, 162).

Иногда «неопределенному» глаголу отдавалось предпочтение даже в случаях, когда контекст содержал лексическое указание «то туда, то сюда»:

«Парк је одмах до краљевог двора. *Возили смо* се по нему тамо-амо до једног прекрасног водопада» (Ненад., 36).

Однако постепенно действия с таким оттенком начинают закрепляться за «многократными» глаголами.

Закрепляются «многократные» глаголы и в контекстах типа «носить по комнате», «водить по двору», где хотя и нет непосредственного указания на то, что движение совершается то туда, то сюда, но речь идет о таком именно движении:

---

[81] См. I. Broz, F. Iveković. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. 1. Zagreb, 1901, стр. 804: «ova kokoš nese» (Sjev. Hrvatska).

[82] RJA, t. VIII. Zagreb, 1917—1922, стр. 234.

inslav

«Марко *вода* шарца по авлији» (Петран., 218).

Когда движение не ограничено какими-то пространственными рамками, употребляется «неопределенный» глагол:

«Кад је био твој милостан бабо,он је нама често доходио, *водио* нас по Шари планини» (Петран., 169).

§ 12. В современном литературном языке «многократные» глаголы употребляются очень редко[83]. Они обозначают действие, ограниченное определенным пространством, повторяющееся между двумя точками туда и обратно.

«А што ја сам заслужио да ми тако враћаш? Нисам те нахранио, нисам те напојио... Била си к'о играчка, све сам те по соби *носао*» (Др. Поповић. Свадба. — «Књижевност», св. 7—12, Београд, 1947, стр. 453); «Кад се ишколујеш, ја ћу доћи код тебе, па ћеш ме *водати* по читавом граду и купићеш ми ципеле» (Б. Ћопић, 189); «Опет претукао неку? — упита Мајсторовић... Не ову је *возао* голу у лифту за дрва»...(там же, 297); «Има нечег врло болног у лику сељака који, раскречених ногу и раширених руку, истрчава и стаје пред свог излуделог коња и са оно мало свога разума настоји да буде паметнији и од своје избезумљене животиње и од оних безумника што од пуста беса *водају* чудовишта по чаршији» (А. I, 289).

Даже если контекст выделяет на первый план какой-то другой оттенок — длительность, например, то он все-таки сопровождается значением «то туда, то сюда»[84], т. е. носителем этого значения становится сама основа «многократного» глагола:

«Иначе је поваздан *носао* свој шећер по вароши, певушећи и мрморећи» (А. I, 234).

«Неопределенные» глаголы, кроме того, что обладают обширной сетью переносных значений[85], обозначают все возможные виды действий:

I. Единичное. Контекст может содержать конкретные условия протекания действия во времени (А. I, 143; А. II, 319) или контекст указывает на отсутствие таких условий (А. II, 65; А. II, 430—431).

1. Единичное действие может быть *направленным*:

«Отара је повела са собом јетрву, богињаву, стару дјевојку. С њима су ишла и два момка да дјевојчицу *носе* (у Олово. — *Р. Б.*), јер се није могла држати на коњу. *Водили* су два коња у поводу за повратак» (А. I, 143); «Тај немир је њу *носио* као сламку уз стрму улицу и *водио* је право очинској кући» (А. II, 319); 2. *линейным*:

---

[83] Например, в книге Б. Чосича «Покошено поље» (Београд, 1955) на 540 страницах текста не встретилось ни одного примера с *нóсати*, в то время как *ндсити* употреблен здесь 97 раз. Во всем I томе рассказов И. Андрича (Београд, 1954) на 468 страницах *нóсати* употреблен только два раза, в то время как примеров с *ндсити* несколько десятков, а во II томе у И. Андрича *нóсати* не встретился ни разу.

В XIX в. «многократные» глаголы как будто употребляются чаще: в фольклоре XIX в. на 91 пример с *ндсити* приходится 7 примеров с *нóсати* (К. I, II, III, IV, посл.; Нов.; Богиш.; Петран.; K.-S. hrv. p.; Mikul).

[84] RJA (т. VIII. Zagreb, 1917—1922, стр. 232) утверждает, что есть такие примеры, где этот оттенок у *нóсати* стерт, тогда *нóсати* равен глаголу *ндсити*. Из всех примеров с *нóсати*, которые дает RJA, только один может иллюстрировать такое утверждение: «Oni *nose* vodu, cijepaju drva... *nosaju* i zabavljaju decu» (Vuk, rječn). Но это пример из XIX века, в современном языке нам такие случаи не встретились, где бы *нóсати* не имел оттенка «то туда, то сюда»; примеры, где такой оттенок имеет глагол *ндсити*, встречаются: «Кад је отворио врата, видео је Крсту и Крстиницу како *се*, ухваћени у коштац, *носе* по соби» (А. I, 223).

[85] См. RJA, т. VIII. Zagreb, 1917—1922, стр. 234—240.

inslav

«Тако су *се возиле* две сестре преко равног Гласинца, занесене ваздухом и ширином нових крајева» (А. II, 65); «И у човеку је све дрхтало, механички и неодољиво, као да *се вози* на теретним колима неравним и каменитим друмом» (А. II, 430—431).

II. Повторяющееся. Действие может повторяться в одном или в разных направлениях (А. I, 217; А. II, 253 и Б. Ћосић, 235; А. II, 523) или происходить постоянно, обычно и потому быть повторяющимся (А. II, 69; там же, 425).

1. *Направленное*:

«Људи који су одлазили тада у Сарајево причали су да су га видели како, звецкајући оковима, *носи* са осталим робијашима креч на Жуту Табију» (А. I, 217); «Те послеподневне посете код старијег друга стале су да се понављају и да бивају чешће. Нагло сам се усавршавао у немачком језику, почео сам да читам италијански. *Носио* сам и кући, у свој сиротински стан, те лепо повезане стране књиге» (А. II, 253).

2. *Без определенного направления или разнонаправленное*:

«.. завитлан грозницом инфлације, раздражен женама по кабареима у које су га сваког дана *водили*...» (Б. Ћосић, 235); «Ту добива двадесет снопића меког дрвета, товари их на своја колица и почиње да *вози* по стрмим и кривудавим улицама...» (А. II, 523); «Кад *возим*, ја не пијем и не *носим* никаква пића са собом» (там же, 69); «И све је то чинила у трку и безглавој јурњави, тражећи узалуд електричну лампицу коју је *носила* у џепу...» (там же, 425).

* * *

Видимость соотносимых пар в современных глаголах *нòсити — нóсати*, *вòдити — вóдати*, *вòзити — вóзати*, а также *ѝћи — хóдати* привлекала внимание исследователей сербско-хорватского языка, которые считают глаголы *нóсати*, *вóдати* и т. д. итеративами к *нòсити*, *вòдити* и т. п.[86] Правда, некоторые лингвисты допускают при этом оговорку, указывая, что это итеративы с «особым значением»[87] или итеративы, отличающиеся своими значениями от обычных имперфективных глаголов[88].

Рассматривая *нóсати*, *вóдати* и т. д. как итеративы к *нòсити*, *вòдити* и т. п., исследователи тем самым признают между этими глаголами наличие определенных коррелятивных отношений как между простым (или дуративным) : итеративным глаголом.

Так, А. Белич считает, что глаголы *нòсити — нóсати* составляют в современном языке корреляцию того же грамматического типа, что и некогда существовавшая пара *нѐсти — нòсити*. А. Белич предполагает, что глаголы типа *нѐсти*, *вѐсти* были длительными, а *нòсити*,

---

[86] См. А. Белић. Постанак прасловенске глаголске системе. — «Глас» СКА. кн. CLXIV, други разред, 84. Београд, 1935, стр. 10; М. Стевановић. Граматика српскохрватског језика. Нови Сад, 1954, стр. 269—270; I. Brabec, M. Hraste, St. Živković. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1954, стр. 105.

[87] T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskog književnog jezika, стр. 344 и 446. Т. Маретич замечает, что *хóдати* утратил этот особый оттенок «то туда, то сюда» (там же, стр. 344). Нам же кажется, что *хóдати* этот оттенок еще не развил в достаточной мере.

[88] A. Meillet et A. Vaillant Grammaire de la langue serbo-croate, стр. 269.

inslav

вòдити по отношению к ним многократные, когда же утратились первые глаголы, то многократные стали длительными, а вновь образованные глаголы *нòсати*, *вòдати* — многократными[89]. Однако эта заманчивая своей простотой схема А. Белича: выражение старых отношений новыми формами — не подтверждается при знакомстве с материалом.

Анализ глаголов движения и их оппозиции с древнейших памятников письменности XII в. до современного литературного языка показал, что древнесербский язык, унаследовав из общеславянского глагольные пары *ѝти — хòдити*, *нѐсти — нòсити*, *вѐсти — вòдити*, *вѐсти — вòзити*, сохранял эту оппозицию до XV в. Основой этой грамматической оппозиции было противопоставление основ по признаку единичного — повторяющегося действия и побочных признаков направленного — ненаправленного действия.

С XV—XVI вв. корреляция по единичности—повторяемости нарушается, однако некоторое время остается тенденция сохранить противопоставление по признаку направленности—ненаправленности. По-видимому, благодаря этой тенденции, появились в XVIII в. «многократные» глаголы *хòдати*, *нòсати*, *вòдати*, *вòзати*, которые стали обозначать *разнонаправленные* движения. Оставшийся от разрушенной пары глагол выражал в основном действия направленные (единичные и повторяющиеся).

Однако эволюция глаголов *ѝћи*, *нòсити*, *вòдити*, *вòзити* шла дальше. Для них не остается чуждым и тип действия разнонаправленного. Глаголы *ѝћи*, *нòсити*, *вòдити*, *вòзити* становятся «универсальными» глаголами при обозначении действий «идти — ходить», «нести — носить», «вести — водить», «везти — возить».

Различия между ними и «многократными» глаголами переходят в план семантики. Глаголы *хòдати*, *нòсати*, *вòдати*, *вòзати* начинают обозначать действия с оттенком «то туда, то сюда», без определенной цели. *Хòдати*, *нòсати*, *вòдати*, *вòзати* в их отношении к «универсальным» глаголам можно поставить в ряд с такими глаголами, как, например, *путовати* 'ходить, ездить, летать', *шетати* 'водить, гулять', *шетати се* 'ходить, бродить, прогуливаться' и более стилистически окрашенными глаголами *крстарити* 'бродить, ходить туда-сюда', *лутати* 'бродить, скитаться, блуждать' и др.

Таким образом в современном литературном сербско-хорватском языке нельзя говорить о каких-то соотносимых парах типа *нòсити — нòсати* и тем более приравнивать *нòсити — нòсати*, отношения которых лежат в области семантики, к древнесербской грамматической оппозиции *нѐсти — нòсити*.

Лингвисты, видевшие в глаголах типа *нòсати* итеративы, исходили исключительно из морфологического строения этих глаголов. И, может быть, Дж. Даничич был единственным, кто почувствовал специфику этих глаголов, назвав их (вероятно, не совсем удачно) деминутивными[90].

---

[89] А. Белић. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 2, стр. 74.

[90] Ђ. Даничић. Српска деминуција и аугментација. — «Гласник Друштва српске словесности», књ. XII. Београд, 1860, стр. 491. — И. Грицкат считает, что Даничича к такому выводу могли привести «кой-какие адвербальные примеси в значении» этих глаголов (такие как «тут и там», без определенной цели, беззаботно) — см.: И. Грицкат. Деминутивни глаголи у српскохрватском језику. — ЈФ. XXI. Београд, 1955—1956, стр. 48.

inslav

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Тексты XII—XVI вв.

Дан. Жив. Саве (Сим.) — Ђ. Даничић. Живот Светога Симеуна и Светога Саве. Београд, 1865.
Кар.-Тврт. — П. Карано-Твртковић. Србскіи споменицы, или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ и сношенія босански, сербски, херцеговачки, далматински, и дубровачки кралѣва, цара, банова, деспота, кнезова, войвода и властелина, I. Бѣоград, 1840.
М. Држић — М. Држић. Дундо Мароје. Београд, MCMLI.
М. П. — Миливој Павловић. Примери историског развитка српскохрватског језика. Београд, 1956.
Нов. Зак. Душ. — Ст. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898.
Ст. З. н. — Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902.
Ст. П. п. I — Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма. Књ. I, први део. Београд — Ср. Карловци, 1929.
Ст. П. п. II — Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма. Књ I, други део. Београд—Ср. Карловци, 1934.
Ст. Стари лет. — Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд—Ср. Карловци, 1927.
Ћор. Сп. Саве — В. Ћоровић. Списи св. Саве. Београд—Ср. Карловци, 1928.
Hrv. S. — Đuro Šurmin. Hrvatski spomenici. Sv. I (1100—1499). Zagreb, 1898.
Jag. Aleks — V. Jagić. Život Aleksandra Velikoga. — «Starine JAZU», knj. III. Zagreb, 1871.
K.-S. Жив. Деч. — Iv. Kukuljević-Sakcinski. Живот Стефана Дечанскога краля србскога. — «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku», knj. IV. Zagreb, 1857.
K.-S. Kr. hrv. — Iv. Kukuljević-Sakcinski. Kronika hrvatska iz XII věka. — «Arkiv. . .», knj. I. Zagreb, 1851.
Mon. ser. — Fr. Miklosicht. Monumenta serbica. Vienn, 1888.
Siget. opis. — Podsjedańe i osvojeńe Sigeta u glagolskom prijepisu hrvatskoga opisa iz g. 1566 ili 1567. — «Starine JAZU», kń. XXXVI. Zagreb, 1918.
Tondal — Gj. Daničić. Tondal. — «Starine JAZU», knj. IV. Zagreb, 1872.
Živ. Jerol. — V. Jagič. Ogledi stare hrvatske proze, III, Život sv. Jerolima. — «Starine JAZU», knj. I. Zagreb, 1869.

Литература XVII—XVIII вв.

Kačić-M. — Andrija Kačić Miošić. Razgovor ugodni naroda slovinskoga. Zagreb, 1956.
Обрадовић — Животъ и приключенія Димитрія Обрадовића. Књига прва. Земун, 1850.
Релковић — А. Релковић. Сатиръ то есть укоритель злыхъ нравовъ. Будин, 1807.

Литература XIX в.

Доман. — Радоје Домановић. Приповетке. Београд, 1897.
Глишић — Милован Ђ. Глишић. Приповетке. Књига прва. Београд, 1879.
К. — Вук Стеф. Караџић. Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867.
К. Кр. пол. — Вук Стеф. Караџић. Критике и полемике. Нови Сад—Београд. [Нови Сад, 1960].
К. Писма — Вук Стеф. Караџић. Писма. Нови Сад—Београд. [Нови Сад, 1960].
Матавуљ — Симо Матавуљ. С мора и планине. Нови Сад, 1901.
Његош — Петар Петровић Његош. Горски вијенац. Београд, 1952.
Ненад — Љубомир Ненадовић. Писма. Београд, 1958.
Нушић — Бранислав Нушић. Сабрана дела, 25. Београд, 1936.

Литература XX в.

А. I, II — Иво Андрић. Одабране приповетке. Књига прва. Београд, 1954; књига друга. Београд, 1954.
А. Ћуп. — Иво Андрић. На Дрини ћуприја. Београд, 1954.
«Борба» — «Борба». Орган Социјалистичког Савеза радног народа Југославије. Београд, 1957.
Борисав. — Миодраг Борисављевић. Међу људима. Београд, 1956.
Назор — Владимир Назор. С партизанима. Београд, 1955.
Б. Ћопић — Б. Ћопић. Дјечак прати змаја. Београд, 1956.
Б. Ћосић — Бранимир Ћосић. Покошено поље. Београд, 1955.

inslav

Диалектные тексты

1. Штокавские говоры

К. I, II, III, IV — Вук Стеф. Караџић. Српске народне пјесме, I. Биоград, 1891; II. Беч, 1845; III. Беч, 1846; IV. Беч, 1864.
К. Посл. — Вук Стеф. Караџић. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичају узете ријечи. Беч, 1849.
В. Николић — Владимир Николић. Етнолошка грађа и расправе из Лужице и Нишаве. «Српски етнографски зборник» САН, књига шеснаеста. Београд, 1910.
Нов. — Ст. Новаковић. Српске народне загонетке. Београд и Панчево, 1877.
Петран. — Б. Петрановић. Народне пјесме из Босне и Херцеговине. Биоград, 1867.
T. Smičiklasa — T. Smičiklasa. Narodne pripovijetke iz Osječke okoline u Slavoniji. «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», knj. XVII, sv. 1. Zagreb, 1912.

2. Чакавские говоры

Hamm. Susak — J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. Govor otoka Susak. «Hrvatski dijalektološki zbornik» JAZU, knj. I. Zagreb, 1956.
Jardas — Ivo Jardas. Kastavština. «Zbornik za narodni život...», knj. 39. Zagreb, 1957.
Mikul. — Fr. Mikuličić. Narodne pripovietke i pjesme iz Hrvatskoga Primorja, Kraljevica, 1876.
Žic — Ivan Žic. Fraze i poslovice. Vrbnik na Krku. «Zbornik za narodni život...», knj. XX, sv. 2. Zagreb, 1915.

3. Кайкавские говоры

Jedvaj — Josip Jedvaj. Bednjanski govor. «Hrvatski dijalektološki zbornik» JAZU, knj. I. Zagreb, 1956.
K.-S. hrv. p. — Pěsme Ivana Kukuljevića Sakcinskoga s dodatkom narodnih pěsamah puka harvatskoga. Zagreb, 1847.
Lukanec — Pero Lukanec. Poslovice i fraze. «Zbornik za narodni život...», knj XXXI. sv. 2. Zagreb, 1938.
Žganec — Vinko Žganec. Narodne popijevke hrvatskoga Zagorja. Zagreb, 1952.

Переводная литература

Бабајевски — С. Бабајевски. Каваљер Златне Звезде, Књ. I. Београд, 1948.
Т. — И. С. Тургењев. Племићко гнездо. Нови Сад, 1948.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

В. А. Никонов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЧАСТОТ

За последние десятилетия каждая отрасль языкознания все чаще обращается к статистическому методу. В связи с этим возникает целый ряд совершенно новых лингвистических проблем, среди которых не последняя — принципы истолкования статистических данных.

Наибольший простор для статистики представляет фонетический состав речи, где в грандиозных величинах повторяются стандартные, очень немногочисленные единицы. Если человек за час произнес 10 000 звуков языка, вся эта масса состоит все-таки из 40 (к примеру) одних и тех же звуков данного языка. Повторится ли каждый из них по 250 раз? В действительности, например, в русской речи такого объема окажется 602 [*m*] и только 8 [*ф'*]. Неужели же эта почти стократная разница маловажна? Таблица фонем, в которой обе фонемы столь различной частотности, представлены по одному экземпляру, конечно, недостаточна, чтоб передать фонетический облик языка: на стендах краевого музея выставлены образчики всех местных растений, но облик края характеризуется их частотой[1]. Во всех языках есть гласные и согласные, но на 100 гласных приходится в английской речи 152 согласных, а в самоанской лишь 60 согласных. Этим оба языка фонетически различимы больше, чем составом гласных и согласных. Два языка даже с одинаковым ассортиментом своих звуков различаются их частотой. «Фонетический спектр», неповторимый в каждом языке и близкий для родственных языков, может служить языковым «паспортом».

При всей силе расхождений сохраняется между родственными языками статистическая близость многих фонетических явлений, выяснение частотности которых может помочь и при установлении языкового родства. Из множества примеров достаточно ограничиться единственным. По отношению ко всей массе согласных в речи лабиальные составляют в сербско-хорватском, чешском, польском, как и в старославянском, по 22%, в словенском — 23, в русском и болгарском по 20, а в тюркских языках их доля иная — в турецком, ногайском и татарском по 15%, в кара-калпакском — 17%. Конечно, на одном показателе нельзя строить глоттогенетических выводов, для этого обязательны разносторонние перекрестные свидетельства, и та же статистика в силах дать их, как и определить частотные различия.

[1] Статистическую частоту (frequence), может быть, лучше называть частостью, чтоб избежать двусмыслицы: в фонетике термин «частота» уже обозначает физическую характеристику звука — количество колебаний в секунду.

inslav

Задача предлагаемой работы — выявить, чем же вызваны эти частотные различия.

Тут необходимо предварительное замечание. Прежде всего возникает вопрос: считать звуки или фонемы? В отношении, например, глухих и звонких согласных в русской речи результаты фонетического и фонематического подсчетов резко различны[2]. Среди фонологов ходит мнение, что считать фонемы нельзя. Однако Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии» упрекает А. М. Пешковского за подсчет звуков, а не фонем[3]. Но для подсчета необходимо «с автоматической точностью» относить каждую единицу, а пока нельзя даже сказать «сколько фонологов, столько и фонологических схем»: схем больше, так как некоторые фонологи предлагали по нескольку схем. Спорно даже количество фонем в русском языке: академическая грамматика насчитывает 41[4], А. А. Реформатский — 39[5]. Данными фонематических подсчетов невозможно пользоваться — они несопоставимы. Часто даже неизвестно, какая схема транскрипции положена в основу подсчета. Статистиков должно бы заставить задуматься предложение Р. И. Аванесова различать три вида транскрипций: фонетическую, словофонематическую и морфофонематическую[6]. Однако сложность 2-й и 3-й препятствует применению их при подсчетах сотен тысяч единиц, когда невозможно производить в каждом случае специальный анализ. Да и принятие любой транскрипции «по Аванесову — 2» или «по Аванесову — 3», «по Кузнецову», «По Торсуеву» и т. д. только вызвало бы возражения большинства фонологов.

Уже не говоря о том, что для прикладных нужд важна статистика не фонем, а именно звуков и их сочетаний (для техники связи, для методики обучения иноязычной фонетике, для исследования текстов неизвестного языка[7], для поэтики), сегодня это предпочтительней и в теоретическом плане — надежней и объективней.

Подсчет фонем — необратим, по его результатам нельзя судить о звуках языка, тогда как фонетический подсчет, если он тщательно дифференцирован, будет легко обратимым в фонематический (например, если в таблице глухих согласных выделены случаи позиционного оглушения звонких и т. п., фонолог переведет фонетические показатели в фонематические).

В предлагаемой статье даны подсчеты звуков языка. А. А. Реформатский — против понятия «звуки языка», убежденный, что звуки присущи только речи, а язык знает лишь фонемы. Не вступая здесь в спор с его пониманием языка и речи, можно ограничиться несколькими ссылками. «Звук языка» — употребительный термин в «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого и у многих советских лингвистов различных направлений от С. Б. Бернштейна до С. К. Шаумяна. В специ-

---

[2] Во многих случаях оба подсчета различаются не так значительно, а иногда и совпадают. Для сравнения подсчитаны фонетически и фонематически *л* (твердое) и *л'* (мягкое) в двух рассказах А. П. Чехова:

	л	*л'*	Итого
Фонетический подсчет	190	165	355
Фонематический подсчет	201	154	355

[3] N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, стр. 233.

[4] «Грамматика русского языка», т. I. М., 1952, стр. 51.

[5] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 183.

[6] Р. И. Аванесов. О трех типах научно-лингвистических транскрипций. — «Slavia», 1956, № 3.

[7] В. А. Никонов. Неизвестные языки Поочья. — ВЯ, 1960, № 5, стр. 89—95.

inslav

альной статье П. С. Кузнецов[8] убедительно доказал правомерность понятия «звук языка» и необходимость отличать его, с одной стороны, от фонемы, а с другой стороны, от звука речи (звук речи, кем-либо произнесенный, единичен, неповторим; звук языка — тождественный или близкий звук, повторяющийся в речи). Нет принципиальных оснований отвергать этот термин. Хуже, что он громоздок в употреблении, но это уже вопрос не терминологии, а номенклатуры.

* * *

Различия фонетических (точно также и фонологических) частот проявляются в трех аспектах. Эти различия можно сформулировать в виде вопросов: 1) Почему в одном языке различные звуки (или фонемы) употребляются неравномерно? 2) Почему частота одного и того же звука (или фонемы) различна в различных языках? 3) Почему частота звука (или фонемы) изменяется в разные периоды развития одного и того же языка?

Предложены объяснения не только разные, но и полярно противоположные. К сожалению, у нас они не только никем не рассмотрены, но и не сопоставлены и даже малоизвестны[9].

Их можно свести к четырем основным концепциям, условно обозначив их антропологической, механической, психологической и структуральной.

Антропологическая. Как полагал Ван-Гиннекен[10], различия фонетической частотности зависят от биологических свойств. «Артикуляционная база» Ван-Гиннекена — биологическая принадлежность расы (например, преобладанье губных согласных в языках банту), а смешанный фонетический состав современных языков — результат физического смешения их носителей (потомство наследует от отца одни физиологические черты и с ними обилие заднеязычных, а другие физиологические черты — от матери и с ними обилие губных). Заслуга Ван-Геннекена в том, что он установил существование языковых «континентов», более крупных, чем известные семьи языков, и не всегда совпадающих с их границами. Но его ошибка — биологическое истолкованье этого явления. Негры безупречно говорят по-английски, а мулаты не создали своего смешанного «мулатского» языка. Там же, где билингвизм привел к формированию смешанного языка, это обязано не физическому смешению, а тесному общению. При таком общении обычно облегчается и физическое смешение, но оно не причина языковых изменений, это два процесса, общих по своим причинам, но взаимно независимых и не всегда совпадающих во времени. Языковая принадлежность не зависит непосредственно от этнической. Это остроумно сформулировал и Аку-Аку у Хейердала. Скрещение языков вполне возможно и без физического смешения их носителей. Значительная вокализация венгерской речи, в которой процент гласных повышен (по сравнению с обеими обскоугорскими), не обязана непременно смешанным бракам, — достаточно было тесного длительного социального общения мадьяр с тюркоязычными и славянскими народами. Низкий процент гласных

---

[8] П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959. № 2.

[9] Попытка свода их сделана автором в работе «Консонантный коэффициент» на страницах польского журнала «Lingua Poznaniensis», VIII. Poznań, 1960, стр. 228—235.

[10] J. van-Ginneken. La biologie de la base d'articulation. — «Journal de Psychologie», XXX, № 1—4. Paris, 1933; его же. Ras en Taal. Amsterdam, 1935.

inslav

в английской речи и высокий в самоанской не больше зависит от биологических свойств говорящего, чем политические различия островов Самоа и Великобритании от их географического положения, которое не требовало, чтобы острова Самоа принадлежали Великобритании, а не наоборот. Устройство речевого аппарата, подобно географической среде в истории общества, было важнейшим условием развития, а не активным фактором его. Если на заре человечества, возможно, различия языков непосредственно зависели от различий биологических, то теперь такая прямолинейная зависимость отступила. Больше того! Сам речевой аппарат приспособляется к языковым различиям, развивая соответствующие артикуляции.

Механическая. Один из виднейших теоретиков лингвистической статистики, математик Джордж Кингсли Ципф в поисках универсальных законов, общих для всех языков, связал частоту фонемы с ее простотой[11]. А может быть, Ципф поставил причинную зависимость на голову? Ведь можно представить: не потому фонема чаще, что она проще, а, наоборот, потому проще, что чаще, — стремление облегчить речевой процесс упрощает самые употребительные фонемы, «обкатывает» их, как море гальку. Но что такое простота? Ципф даже не пытался предложить ее мерку. Ошибочность такой постановки проблемы менее наглядна, пока речь шла о «конкуренции» глухих и звонких или [*м*] и [*н*]. Но что «проще», гласные или согласные? В таком случае либо англичане, либо самоанцы за века не догадались, что говорят на ужасно неудобном языке. Или придется признать, что для англичанина проще согласные, а для самоанца гласные. Тогда снова возникает вопрос «почему?» и окажется, что мнимое объяснение Ципфа лишь переместило вопрос в иную плоскость, но не ответило на него.

Психологическая. Концепцию Ципфа пытались улучшить по двум направлениям. Дальнейшее развитие его идей об экономии речевых усилий нашло выражение в работах А. Мартинэ[12], видящего механистичность построений своего предшественника. Однако, Мартинэ еще более Ципфа занят обратной зависимостью — простотой не как причиной частотности, а как следствием ее. О причинах частоты или редкости фонемы интересней отдельные замечания его, например, объяснение большой частоты [*б*] во французском наличием ее в экспрессивных словах с кругом значений «глупый» — и т. д., а также первоначальной редкостью ее, придавшей ей особую выразительность[13]. Он прав, что «все это уводит нас довольно далеко от цифровой строгости Ципфа». Но высказывания Мартинэ о фонетической частотности не приобрели необходимой четкости и слишком фрагментарны. Из необъятного разнообразия языковых фактов можно найти примеры, подтверждающие любое положение, но неправомерно генерализовать их: никакая экспрессивность не объяснит частоты или редкости каждой французской фонемы.

Структуральная. В противоположность «психологической» интерпретации Марсель Коэн в рецензии на книгу Ципфа[14] предложил структуральную. Он, по выражению Н. С. Трубецкого, «фонологически изложил» теорию Ципфа на основе бинарных противопоставлений: из

---

[11] G. K. Zipf. The Psycho-Biology of Language. Boston, 1938; его же. Selected Studies of the Principle of relative Frequency in Language. Cambridge (Massachusets), 1935.

[12] A. Martinet. Economie des changements phonetique. Berne, 1955.

[13] Там же, стр. 135.

[14] «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XXXVI, 1935, стр. 10.

inslav

двух членов привативной оппозиции немаркированный член встречается чаще, чем маркированный. «В общем и целом эта формула, по-видимому, соответствует действительности» — соглашается Н. С. Трубецкой[15]. Но употребляющие термин «маркированность» (отмеченность) вкладывают в него разный смысл, не всегда отдавая себе отчет, какой именно смысл подразумевают. Возможны следующие толкования этого термина. 1) Маркированность понимается как наличие дополнительного признака при прочих равных. Нередко дополнительный признак — отсутствие какого-либо признака, свойственного «немаркированному» члену. Где же критерий — который из членов признать отмеченным? 2) Маркировано — меньшинство («необычное»). Статистический критерий объективен, но значит, нельзя пользоваться термином «отмеченность» до подсчета, убеждающего, что перед нами количественное преобладание. Объяснять же частоту маркированностью в этом понимании — тавтология: «чаще та фонема, которая чаще». 3) Генетически исходное — не маркировано, новое — маркировано. Допустим, будто на каждый случай готова историческая монография, устанавливающая, который член старше. Но процессы перегруппировки так мощны, что сегодня назвать «отмеченным» более позднее — только внесло бы путаницу. В действительности сторонники маркированности защищают лишь собственное ощущение, которого не могут обосновать.

Сам Н. С. Трубецкой тотчас берет свое согласие обратно, предупреждая, что объяснение частоты немаркированностью «ни в коем случае не следует рассматривать как правило, не терпящее исключений. Необходимо различать нейтрализуемый и ненейтрализуемый член оппозиции, а также принимать во внимание объем нейтрализуемого»[16]. Как пример он приводит преобладание твердых согласных над мягкими в русской речи и аномалию в паре *л* : *л'*. В отличие от 11 консонантных пар, по Трубецкому, *л'* встречается чаще, чем *л*, в соотношении 1,38[17]. Эти данные противоречат подсчетам А. М. Пешковского[18], пересчитанным фонематически Якобсоном[19]. На 10 тысяч единиц в русской речи приходится:

	л	*л'*	*л* + *л'*	*л'* : *л*
По Пешковскому	202	173	375	0,85
По Черри, Халле, Якобсону . . .	212	162	374	0,76

Обширные фонетические проверочные подсчеты, охватившие более полумиллиона звуков языка, дали такое количество случаев *л'* на одно *л*: Пушкин — «Метель» 0,59, «Гробовщик» 0,68, «Барышня-крестьянка» 0,52, Тургенев — «Малиновая вода» 0,63, «Бирюк» 0,43, «Свидание» 0,53; Чехов — «Налим» 0,93, «Брожение умов» 0,90, «Хамелеон» 0,80 (понятно, что пересчет на фонемы еще больше отдалит эти показатели от соотношения, приведенного Трубецким). Но подсчеты обнаружили вид речи, в котором действительно всегда преобладает *л'*: в передовых «Правды» соотношение — 1,77 (минимально 1,3), в произведениях В. И. Ленина «Две тактики» и «Три источника и три составные части марксизма» — 1,4; выборочные подсчеты по учебникам физики, алгебры и химии дали от 1,5 до 1,7.

[15] N. S. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 235.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков. В «Сборнике статей». Л., 1925.
[19] Cherri, M. Halle, R. Jakobson. Toward the logical description of languages in their phonemic Aspect.—«Languages», N 1, Baltimore, 1955 (подсчет фонем).

inslav

Разве оппозиция *л/л'* нейтрализуется в художественной прозе и не нейтрализуется в научной и политической? Очевидно, причина различия частоты этих фонем вовсе не в нейтрализациях их оппозиций. Еще меньше объяснения Коэна или Трубецкого годны для анализа количественного отношения гласных и согласных. Кто станет утверждать, что в английском языке согласные потому чаще, что там маркированы гласные, а в самоанском наоборот? Хотя именно структурализму лингвистическая статистика обязана своим широким развитием, за четверть века после Трубецкого еще не дано иного структуралистского объяснения частотности.

Правда, некоторые авторы этих гипотез интересовались преимущественно не причинами частотности фонем, а следствиями ее; впрочем, они рассматривали эту зависимость как обоюдостороннюю — так, по Ципфу, чем фонема чаще, тем она проще, а, следовательно, самые простые фонемы и есть самые частые.

* * *

Чтобы подойти к решению, необходимо обратиться от итоговых показателей к рассмотрению самих процессов, то есть проследить, из чего и как образуется та или иная частота определенного фонетического явления. Фонетическая статистика, спеша к универсальным выводам (например, о преобладании глухих согласных над звонкими во всех языках мира, — по Ципфу), оперировала величинами, не интересуясь, как они образовались. Но одинаковые числа могут получиться совершенно различными путями и тождественность двух показателей сама по себе еще не обладает доказательной силой; она может быть случайным совпадением, как в этимологии обманчиво внешнее сходство слов. Так, количественное соотношение гласных и согласных почти одинаково в английской и хантыйской речи (на 100 гласных около 152—153 согласных), в литовской и эвенкийской (122—124), но это не дает права утверждать родство внутри этих пар. Если тот же показатель в чешском — 143, в лакском — 144, в армянском — 142, то из этого нельзя делать вывод, что чешский язык промежуточен между лакским и армянским. Одинаковое соотношение могло получиться в одном случае как результат убывания гласных, в другом, наоборот, их увеличения, а могло быть и следствием нарастания согласных или их поредения, причем величина зависит не только от направления процесса, а и от его темпа. Поэтому необходим анализ, из чего и как сложилась каждая величина.

На этом пути прежде всего обнаруживается, что недостаточно оперировать общим статистическим показателем для «семейства» звуков, группируя их, например, по месту артикуляции или по способу артикуляции (ряды и серии — в терминологии Мартинэ). Анализ показывает, что, например, количественная судьба звонких шумных в русской речи не однородна, также различна судьба обеих носовых согласных. В этом легко убедиться на примере губных согласных в славянских языках. На 1000 звуков в каждом языке встречается (включая твердые и мягкие):

	м	*б*	*п*	*в*	*ф*
Старославянский	28	17	24	47	1
Русский	28	17	28	36	9
Болгарский	23	13	28	37	10
Сербско-хорватский	42	13	26	35	—
Чешский	36	17	29	39	7
Польский	35	15	31	35	15

inslav

Амплитуда колебаний порой может заслонить общность основы, которая в славянском «спектре» лабиальных еще отчетлива, но уже обнаруживает резкую неравномерность их развития: с разной силой внедряется *ф*, в сербско-хорватском и польском поредело *б*, в большинстве славянских языков участилось *м*. При этом нельзя нащупать тенденций, объединяющих глухие в противоположность звонким или губнозубные в противоположность губногубным. Также с судьбой *м* несходна судьба другого носового согласного *н*, причем они не перекликаются и не связаны между собой, их развитие не параллельно и не контрастно.

Итак, употребительность каждого звука языка исторически складывается индивидуально, различно от употребительности других звуков той же артикуляции или того же места образования (как для всех славянских языков в целом, так и для каждого языка в отдельности). Принадлежность звука к губным, к носовым и т. д. еще не определяет его речевой частоты, которую необходимо исследовать отдельно для каждого звука языка.

Ясней большие показатели, поэтому наиболее удобно взять самые частые согласные каждого славянского языка в их отношении ко всей массе согласных в речи. На 1000 согласных приходится[20]:

	т	*н*	*с*
Старославянский	**113**	90	100
Чешский	95 (92)	**107 (99)**	88 (96)
Польский	73	**112**	50
Русский	**139 (131)**	108 (107)	76 (79)
Болгарский . . .	**130 (145)**	100 (119)	92 (95)
Сербско-хорватский	75 (84)	**104 (108)**	100 (97)
Словенский	75	**104**	93

В большинстве современных славянских языков, преобладает *н*, а в русском и болгарском *т*, как и в старославянском. Обе эти фонемы не связаны взаимно и частота одной не зависит от частоты другой. В русской и болгарской речи *т* господствует совсем не потому, что оно «вытеснило» *н*: позиции *н* в русском даже укрепились, но *т* обогнало его в своем количественном росте. Оба процесса протекали совершенно независимо один от другого.

Как получили *т* и *н* такое мощное развитие в славянских языках и почему в одних языках первенствует *т*, а в других *н*?

Не помогут ли при решении такого вопроса богатейшие средства традиционной фонетической науки (хотя перед ней такого вопроса и не стояло)?

Для этого она знает только две возможности: 1) артикуляционные изменения, заменяющие один звук другим, и 2) иноязычные заимствования.

В обстоятельном статистическом исследовании венгерской фонетики Эдит Вертеш превосходно показала влияние заимствований на частоту звуков языка: так, встречаемость *б* в венгерском больше всего обязана

[20] Так как по некоторым языкам опубликованы подсчеты нескольких исследователей, в скобках приведены расходящиеся показания; шрифтом выделен звук, преобладающий в данном языке. При сопоставлении данных надо помнить, что пока объем подсчетов ограничен, материал неоднороден, методика не унифицирована. Поэтому данные могут служить лишь для предварительной ориентировки. Но даже возможное огромное изменение показателей (до 10%) не колеблет основных тенденций.

inslav

словам славянского и турецкого происхождения[21]. Но известны переходы славянского *т* в палатализованные аффрикаты и неизвестно превращения каких-либо звуков в *т* за исключением оглушения *д* в конце слов и перед глухими гласными. Подсчет обширного русского разговорного текста показал, что только меньше 5% всех фонетических *т* обязаны оглушенью *д*. Значит не этому источнику обязано *т* своим обилием в русской речи.

Может быть причина в иноязычном влиянии? Огромна частота *т* в угорских языках, где в мансийском и особенно в хантыйском на 1000 звуков встречается больше 100 *т* — частота, немыслимая в славянской речи ни для одного консонанта. Но ни в русском, ни в болгарском нет такой массы заимствований из угорских, которая принесла бы с собой мощный поток *т*. Сильней заимствования из германских языков, где этот звук част (на 1000 звуков — в английском 73, в немецком 64), но все же он там реже, чем в русском и, следовательно, ни при каком воздействии на русский язык не мог бы поднять в нем частоту *т* до 80 на 1000 звуков.

До сих пор для статистики звуки и фонемы существовали вне их связей с морфемами, хотя реально только в таком единстве они и существуют. Действительно ли частота звуков или фонем безотносительна к их морфематическим функциям, а присуща им «самим по себе», в силу их собственно-фонетических или собственно-фонематических свойств? Не заключен ли секрет их частоты именно в их связях с теми или иными морфемами?

Произведенные подсчеты дали на это убедительный ответ. В первых 5000 звуках пьесы М. Горького «Дачники» подсчитаны все случаи *т* по их принадлежности к тем или иным элементам слова. Такой подсчет выполнен и по польскому и болгарскому переводам того же текста. И аналогичный подсчет сделан в первых 5000 звуков польского текста пьесы Г. Запольской «Мораль пани Дульской» и в русском переводе того же текста. Вот результаты — количество *т* в приведении на 1000 звуков[22]:

	Польский		Русский		Болгарский
	Г	З	Г	З	Г
Корневое	40	41	42 + 8	49 + 13	41
В частице — *то*	—	—	2	1	—
В постпозитивном артикле	—	—	—	—	14
В аффиксах	4	1	5 + 2	2 + 1	7
В глагольных флексиях	—	—	9 + 13	11 + 12	8
Итого	44	42	57 + 23	63 + 26	70

Таблица отчетливо вскрывает, за счет чего образовалась разница частоты *т* в русской и польской речи при большой близости частот корневого твердого *т*.

Больше половины этой разницы составляет *т'*, отсутствующее в польском, где его с XII в. окончательно заместила мягкая аффриката (за исключением единичных более поздних иноязычных заимствований, как *tiara*, которые в подсчитанном тексте не встречались ни разу). Но главное не в самом по себе факте фонетического изменения, а в том,

[21] E. Vértes. Statistische Untersuchungen über den Phonetischen Aufbau der ungarischen Sprache. —«Acta Linguistica», v. III, 1953.

[22] Г — Горький, З — Запольская; в русском после знака «+» показано количество [*т'*]; в обоих текстах на польском языке [*t'*] не встретилось; в болгарском твердая и мягкая ипостаси фонемы показаны вместе.

inslav

что *т* тем самым утратило частоту, обязанную частой употребительности инфинитива (старославянское **бьрати**, русское *брать*, но польское *brać*), множественного числа императива, некоторых суффиксов (*-ость* и др.).

Но и твердое *т* в русском чаще, чем в польском. Этим оно обязано своему участию в русских глагольных флексиях, особенно в 3-м лице настоящего времени (*горит*, *горят*) и др.

Вот эта морфологическая функция *т* в русском языке и дала этому звуку огромное количественное преобладание в русской речи. В болгарском она развита слабей, но зато там *т* — основа постповитивного артикля. В русской разговорной речи частоту *т* несколько повышает частица *-то*. Для всех славянских языков немаловажен вес многочисленных аффиксов с участием *т*: приставка *от-*, суффиксы *-ств-*, *-сть*, *-ат-*, *-ит-*, *-тель*, *-ист* и мн. др.

Даже те причины, влияющие на частоту *т*, которые кажутся собственно фонетическими, как польский переход *т* в аффрикату, для частоты фонемы важны не сами по себе, а лишь в меру их связи со средствами словообразования и словоизменения.

Консонантные сочетания задненёбных с *в* в русском языке дали *зв*, *цв* (*звезда*, *цвет*), а в западнославянских сохранились как *гв*, *кв*, но это фонетическое различие не ощутимо в сравнительной частоте звуков *г*, *к*, *з*, *ц* в русском и польском, так как касается относительно малого круга корней, а со служебными элементами словообразования и словоизменения не связано совсем.

Частое употребление *н* в славянских языках обусловлено и поддерживается прежде всего деятельным участием этого звука языка в многочисленных общеславянских аффиксах и прежде всего в праславянском суффиксе, образующем относительные прилагательные (**сильнъ**), а также в приставках (*на-*, *не-*), в видовом суффиксе глаголов (*шагнуть* при *шагать*) и мн. др.

Ведь никакая самая употребительная основа по своей частоте не может даже отдаленно конкурировать со служебными элементами.

Итак, частота звука языка, а также и фонемы в славянских языках больше всего зависят от активности ее участия в средствах словообразования и словоизменения как максимально повторяющихся элементах речи. В славянских языках с их чрезвычайно развитой аффиксацией и флективностью эти служебные части слов сосредоточивают почти половину всей массы звуков (по каждому славянскому языку 40—48%, в зависимости от жанра).

Но более половины всех случаев и *т*, и *н* принадлежат все же не грамматическим элементам, а самим основам. В этой массе частота *т* обусловлена больше всего местоимениями. В «Капитанской дочке» Пушкина[23] самые употребительные слова с *т*: *что* — повторено 484 раза, *ты* — 257, *то* — 180, *это* — 168, *который* — 134, а существительные, содержащие ту же фонему, употребляются несравненно реже (самые частые: *комендант* — 73, *батюшка* — 71). Именно этот отряд и дал решающее преобладание *т* в основах слов, как для *н* — отрицание *не* и предлог *на*. Совершенно ясно, что и эта частота зависит не от артикуляционных или иных свойств самого звука и не от фонологических отношений, а от истории слов. Фонологически ничто не требовало, чтобы именно зубная взрывная глухая образовала в славянских языках такие-то группы местоимений, а зубная носовая сонорная — отрицание. Произошло это лишь в результате исторического развития, в основном еще до выделения славянских языков. Таким образом, и в служебных

[23] H. Josselson. The russian word count. Detroit, 1953, стр. 28.

inslav

формантах, и в основах частота той или другой фонемы обязана не ей самой и не ее положению в системе фонем, а истории словообразования и словоизменения. Вот фактор, определяющий частоту фонемы.

Именно эта причина сильней, чем все другие, ослабила позиции [*р*] на славянской почве, где этот звук языка употребляется заметно реже, чем в других индоевропейских языках. На 1000 звуков он появляется в английском 70 раз, итальянском — 66, старославянском — 40, русском, польском и болгарском — по 36, словенском — 47. Западнославянская метаморфоза его мягкой ипостаси — не причина убыли (ведь в польском и русском частота взятых вместе твердых и мягких его форм одинакова), — это только эпизод, а процесс поредения этого звука в славянских языках гораздо шире. Причина этого вне пределов фонетики. Архаический *р* — суффикс существительных (*жир*, *пир*, *дар* при *жить*, *пить*, *дать*) давно мертв, да по своей субстантивной функции и не мог достичь высокой частоты в речи, непродуктивен и суффикс прилагательных (*мокрый*), а в живых словообразовательных и грамматических формантах *р* почти не участвует, за исключением приставки *раз-* и заимствованного глагольного суффикса *-ир-*. А в основах эта фонема не проникла в местоимения, союзы и предлоги, — самые повторяющиеся элементы речи.

Убедительным примером — из чего складывается частота *л* и *л'* в двух видах русской речи на 10.000 звуков служит следующая таблица[24]:

	«Барышня-крестьянка»		Передовые «Правды»	
	л	*л'*	*л*	*л'*
В исконном славянском корне	112	90	82	66
В лексических заимствованиях	8	8	10	43
В морфологической позиции смягчения . .	—	14	—	12
В глагольной флексии прошедшего времени	226	32	18	13
В суффиксах	7	39	1	61
Всего . . .	353	183	111	195

Этим раскрыт секрет, почему в русской классической художественной прозе преобладает *л* над *л'* (обилие глаголов в форме прошедшего времени), а в политической и научной литературе — наоборот (суффиксы *льн*, *-тельн*, *-льств*, *-тель* и др., новые лексические заимствования из западноевропейских языков с их мягким *l*).

Ошибочно мнение Н. С. Трубецкого, будто частота фонемы одинакова для разных видов речи (он именует их «стилями»). Он понимал в отличие от многих последующих лингвостатистиков, что средние показатели частот словообразовательных и грамматических различны по различным видам речи, например, средняя длина слова «теснейше связана с различиями в стиле»; он уже знал, что частота консонантных сочетаний иная в научной прозе, чем в сказках, и справедливо предупреждал, что «при фонолого-статистическом исследовании всегда надо учитывать специфические особенности того или иного стиля». Однако сам он пренебрег этим верным указанием и в заключение того же абзаца выдвинул совершенно ложный тезис: «Напротив. Частота различных фонем довольно независима от характера текста»[25]. Единственным материалом для такого ответственного обобщения ему послужило сопоставление двух коротеньких отрывков совершенно недостаточного

[24] Взята полностью «Барышня-крестьянка» Пушкина и 10 передовых статей «Правды» за апрель—июнь 1961 г.

[25] N. S. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 233.

inslav

объема (из немецкого лингвистического текста и из немецкого перевода осетинской сказки).

Даже такой устойчивый показатель, как количественное соотношение гласных и согласных, все же неодинаков по видам речи. Еще в 20-х гг. Артюшков открыл, что в русском стихе процент согласных выше, чем в прозе[26]; этим явлением интересовался Б. Г. Унбегаун[27]; не зная об этих работах, то же самое в чешском стихе обнаружила Вера Мазлова[28], подробней по этому вопросу в моей упомянутой работе «Консонантный коэффициент»[29].

Надо отдать должное научной осторожности, с какой формулировал Н. С. Трубецкой свой ошибочный постулат, избегая категоричности утверждений. Многозначительно и замечание, что «полное высвобождение фонологической статистики из-под влияния стилистических типов речи кажется неосуществимой задачей», и совет искать, по возможности, «нейтральный текст»[30]. Этот вывод обязывает к особой внимательности при отборе текстов для подсчета: диалог и научная проза резко отличаются по употребительности грамматических форм; для диахронического сравнения необходима одна и та же сфера речи, а, по возможности, и однородный жанр.

Одинаков ли размах различий по видам речи и в лексике, и в грамматике, и в фонетике? Лексическая разница между бытовым диалогом и научной статьей видна каждому «невооруженным глазом», разницу их грамматического строя наилучше выражают статистические показатели. Но существенней другой вывод. Амплитуда статистических отличий видов речи тем слабей, чем шире, абстрактней единица деления при подсчете. Частота отдельных губных согласных может заметно различаться между научной и художественной прозой, но общий процент губных согласных разнится по видам речи меньше, он устойчивей (статистические «пики», различные для каждого звука, как бы компенсируют друг друга и сглаживают различия, взаимно погашаясь). Еще постоянней такая широкая группировка, как количественное соотношение гласных и согласных, которое до некоторой степени может служить показателем для данного языка в целом.

* * *

Ключ к частоте звука или фонемы лежит не внутри самой фонетики или фонологии, а за их пределами — в исторической лексике, в историческом словообразовании и в исторической грамматике, то есть принадлежит не физиологии, а истории языка. Фонема в речи существует не «сама по себе», а только в морфеме, как морфема — в слове (только как частный случай они совпадают в словах, состоящих из одной фонемы).

Для различных языков различен вес каждого из этих трех источников частоты: в одних языках частота звуков больше всего определена степенью их участия в формах словоизменения, в других — в формах словообразования, в третьих — историей лексики. В славянских языках

---

[26] А. Артюшков. Стиховедение. Качественная фоника русского стиха. М., 1927, стр. 98.

[27] B. Unbegaun. Russian Versification. Oxford, 1956. Французский перевод: B. Unbegaun. La versification russe. Paris, 1958, стр. 146—147.

[28] V. Mazlová. Jak se projevuje zvuková stránka češtiny v hlaskových statistikách. —«Naše řeč», roč. XXX, № 6—7, Praha, 1946, стр. 110.

[29] «Lingua Posnaniensis», t. VIII, 1960, стр. 230—231.

[30] N. S. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 233.

inslav

с их богатейшей аффиксацией и флексийностью частота звука сильней зависит от того, с какими грамматическими и словообразовательными формами исторически связана его судьба. В языке, испытавшем мощное лексическое воздействие иной языковой семьи, частоты звуков отражают изменение лексического состава. Все эти три источника — историчны.

Именно отсутствие историзма помешало авторам рассмотренных концепций найти верное решение, даже когда они были на подступах к нему. Им заслоняли действительность попытки вывести универсальные и вечные законы фонетической частотности.

Даже такие общие количественные соотношения, как различный процент гласных и согласных в языках — результат не физиологических различий, а сложных исторических процессов, протекавших на протяжении многих тысячелетий как внутри языка, так и вне его (миграция, межъязыковые влияния).

Возможно, что некоторые закономерности кажутся всеобщими и вневременными лишь по ограниченности материала, каким пока располагает лингвистика. Такие «стоящие над семьями языков» обобщения, как тяготение губных согласных к абсолютному зачину слова, может быть, тоже факт истории языка, но восходящий к столь отдаленной эпохе, проникнуть в которую исследователь еще не может.

«Отменяется» ли этим значение для частоты звуков физиологической базы речи и собственно фонетических изменений? Нет, не отменяется, так же как подлинный историзм не зачеркивает роли географической среды в развитии человеческого общества, но правильно истолковывает ее. Устройство речевых и слуховых органов предоставило в распоряжение человека возможность образования определенных звуков языка, но реализация и дальнейшее развитие этой возможности зависят не от речевого аппарата, а от истории языка. Даже в случаях первоначальной физиологической обусловленности того или иного фонетического явления теперь оно опосредствовано всем длительным и сложным процессом развития языков. Как и географическая среда в истории человечества, физиология речи только условие фонетического развития (и в значительной мере — его результат), но не активный фактор его.

С другой стороны: «отменяется» ли этим взгляд на фонологический строй языка как на систему отношений? Нет. Здесь лишь утверждается, что не в самой этой системе скрыта причина различной частоты ее элементов, а в их связи с морфемами. Это основной принципиальный вывод. К тому же привели автора и подсчеты употребительности русских падежей: установлено, что причину их частот следует искать не вне грамматики, но и не внутри самой системы падежей, а в грамматических связях падежей, то есть в отношениях падежной системы с синтаксисом как системой более высокого порядка[31]. Это и можно вывести в качестве закона интерпретации лингвистических частот: ключ к частотности элементов каждой системы — не в ней самой, а в ее связях с системой следующего, высшего уровня[32].

---

[31] В. А. Никонов. Борьба падежей. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», v. IV, 1961; В. А. Никонов. Статистика падежей русского языка. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 3 (10). М., 1959.

[32] Автор благодарен М. Янакиеву, любезно предоставившему результаты неопубликованных подсчетов по болгарскому языку (100 тысяч звуков).

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXVII, 1963 г.

М. Г. Рожновская

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(Предикативные определения подлежащего при переходных глаголах)

Болгарские грамматики, освещая вопрос о предикативных определениях, указывают, что в болгарском языке предикативное определение (для обозначения которого наиболее часто употребляется термин «сказуемно определение»), относящееся к подлежащему, имеет место только при некоторой группе непереходных глаголов[1].

Позиция болгарских грамматистов по рассматриваемому вопросу раскрывается не только в прямых высказываниях о непереходном характере глаголов, выступающих с предикативным определением подлежащего. Даже в тех случаях, когда в грамматиках нет непосредственных указаний на такой характер глаголов, эта позиция также

---

[1] Главные грамматические труды, вышедшие за последние двадцать пять лет, содержат следующие высказывания по этому вопросу. П. Ст. Калканджиев пишет в «Българска граматика» (2-е доп. изд. Пловдив—София, 1938): «Глаголами, которые способны сочетаться со сказуемным определением, являются: а) ограниченное число подлежащных глаголов (этим термином П. Ст. Калканджиев называет непереходные глаголы. — *М. Р.*) и б) некоторые переходные глаголы в страдательном залоге» (стр. 341).

В книге Ст. Младенова и Ст. Василева «Граматика на българския език» (София, 1939) и в «Българска граматика» Н. Костова (София, 1939) предикативным определениям отведено мало места и интересующий нас вопрос вообще не затронут.

А. Теодоров-Балан в работе «Нова българска граматика» (София, 1940) четко формулирует свою позицию относительно характера глаголов, употребляющихся с предикативным определением. Он пишет: «Подобно *съм* с предикативными определениями (в терминологии А. Т.-Балана «прирочници») сочетаются и другие глаголы со значением бытия, состояния, положения и т. п., образуя сложные сказуемые (в терминологии А. Т.-Балана «сложити прироци»). Это глаголы непереходные и возвратные» (стр. 404—405). Это же положение А. Теодоров-Балан повторяет в книге «Състояние на българската граматика» (София, 1947, стр. 203).

В «Основна българска граматика» Л. Андрейчина (София, 1944) также высказывается положение об употреблении в болгарском языке предикативного определения подлежащего только при непереходных глаголах. Автор этой грамматики в специальном разделе приводит отдельные группы глаголов, употребляемых с предикативным определением, при этом он одни глаголы характеризует как непереходные, а при рассмотрении других не затрагивает этого вопроса. Однако давая общую характеристику всех глаголов, способных иметь при себе предикативное определение подлежащего, он подчеркивает их непереходный характер (стр. 433—434).

inslav

видна достаточно ясно из приводимого списка глаголов, так как среди них не указывается ни одного переходного глагола.

Учебная литература по болгарскому языку для высшей и средней школы также содержит положение об употреблении предикативного определения подлежащего только при непереходных глаголах, и в списки, приводимые в учебниках, также последовательно включаются лишь такие глаголы[2].

Категорические выводы о возможности предикативного определения только в сочетании с непереходными глаголами не соответствуют фактическому положению дел в болгарском языке. Даже у самих исследователей, выдвигающих указанный тезис, среди примеров, иллюстрирующих его, имеются случаи предикативного определения подлежащего при переходном глаголе. Например, у П. Ст. Калканджиева и А. Т.-Балана, вопреки их утверждениям, в числе примеров приводятся предложения с переходным глаголом и прямым дополнением: *Аз слушах тази изповед ужасен*, *Пътникът все делвата зарадван*[3], *Слушаш ме тъй безучастен*[4]. Видимо, большая сила традиции грамматик других славянских и западноевропейских языков, для которых действительно употребление предикативного определения подлежащего при переходном глаголе не характерно, помешала исследователям болгарского языка отметить наличие в нем предикативных определений подлежащего не только при непереходных, но и при переходных глаголах[5]. Попутно отметим, что отличие болгарского языка от ряда других родственных языков не сводится лишь к тому, что предикативное определение в болгарском языке имеют не только непереходные, но и переходные глаголы. Группа глаголов, способных употребляться с предикативным определением, в болгарском языке шире и в области непереходных глаголов. В грамматиках эта действительная широта списка непереходных глаголов также не отражается.

Настоящая статья имеет цель показать, что предикативные определения в болгарском языке могут выступать и выступают в сочетании с переходными глаголами. Предварительно сделаем некоторые замечания, вводящие в круг проблематики рассматриваемого вопроса.

Результаты предшествующих исследований категории «предикативное определение» выявили следующие ее признаки. Предикативное определение — это одна из функций существительного или прилагательного (понимаемых в широком смысле, то есть с включением в состав существительных местоимений-существительных, а в состав прилагательных — местоимений-прилагательных, причастий и т. п.) в предложении. Эта категория наиболее близко соприкасается в предложении с простыми определениями и приложениями. От прилагательных и

---

[2] См., например: Л. Андрейчин, К. Попов, М. Иванов. Съвременен български език. Учебник за I и II курс на учителските институти, част II. София, 1957; Л. Андрейчин, Н. Костов, Е. Николов. Българска граматика. За институтите на начални учители. София, 1960; Л. Андрейчин, К. Попов, Ст. Стоянов. Българска граматика. Синтаксис. Учебник за 7 клас на общообразователните трудово-политехнически училища. София, 1961.

[3] П. Ст. Калканджиев. Указ. соч., стр. 341, 343.

[4] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 405.

[5] С аналогичным фактом столкнулись исследователи испанского языка. В испанском языке имеются предикативные определения подлежащего при переходных глаголах, однако этот факт долго оставался неотмеченным и грамматики содержали положение об употреблении предикативных определений только при непереходных глаголах. Этот вопрос затрагивается, хотя и не как основной, в канд. диссертации: Н. Л. Трауберг. К вопросу о глагольно-именном сказуемом в современном испанском языке (построения типа *habla alegre*). М., 1955.

inslav

существительных в этих функциях предикативное определение отличается рядом признаков.

Традиционная грамматика славянских языков указывала на отличия грамматического значения предикативных определений и на их формальные черты. Фундаментальное исследование этого явления в славянских языках было проделано А. А. Потебней. Свои наблюдения он сформулировал следующим образом: «Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; аттрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием, или посредством его»[6]. Помимо этого А. А. Потебня указал и формальные показатели, которые отличают предикативные определения от простых определений и приложений: порядок слов и интонация.

Исследование А. А. Потебни явилось основополагающим в разработке вопроса о предикативных определениях во многих работах по славянскому языкознанию.

В современном зарубежном языкознании исследователи, разрабатывающие вопросы синтаксиса с учетом новых лингвистических теорий, также уделяют внимание конструкциям с предикативным определением. В своих работах они отмечают в основном те же признаки предикативных определений, что и в традиционной грамматической школе[7]. Расхождения наблюдаются в том, что сторонники формального направления не включают грамматическое значение в ряд определяющих признаков данной синтаксической категории.

В дальнейшем, исходя из вышесказанного, под предикативным определением мы понимаем составной компонент особой трехчлен-

[6] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 117.

[7] Так, Ч. Фриз в книге «Структура английского языка» (Ch. C. Fries. The Structure of English. An introduction to the construction of English sentences. New Jork, 1952), ставя перед собой вопрос, какими формальными контрастами различаются структуры predicate nominative, object complement, appositive, noun adjunct и другие, делает вывод, что «формальные контрасты, которые опознают эти структуры, являются сущностями главным образом из образцов порядка слов» (стр. 189). Помимо порядка слов Ч. Фриз указывает как признак, разграничивающий предикативное определение и приложение, интонационное оформление предложения. Ч. Фриз считает, что предикативные определения, как и другие синтаксические категории, имеют свои грамматические значения (в терминологии Ч. Фриза «структурные значения»). Для предикативного определения подлежащего он принимает значение «характеристики опознавания», для предикативного определения дополнения — «тот, который проистекает из действия». Он подчеркивает, однако, что формальное устройство, а не отличие в значении характеризует и отделяет предикативные определения от других синтаксических категорий.

Г. Глинц в работе «Внутренняя форма немецкого языка» (H. Glinz. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern, 1952), формулируя свои наблюдения над предикативными определениями (в его терминологии это «равновеликие величины к основным величинам» и «равновеликие величины к величинам цели»), подчеркивает, что «они обладают специфическим свойством с точки зрения занимаемого места в предложении» (стр. 160). Он пишет далее, что интонация четко противопоставляет случаи предикативного определения приложениям («дополнительным величинам»), что предикативные определения «не имеют особой частичной дуги или даже не допускают ее, а наоборот, стоят под одной дугой с номинативом, выражающим основную величину» (стр. 161). Г. Глинц освещает также вопрос о разновидностях значений конструкций с предикативным определением (стр. 168).

В работе «Элементы структурного синтаксиса» Л. Теньер (L. Tesnière. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959), исходя из материала различных языков, приходит к выводу, что различия, обнаруживающие функцию простого определения (épithète) и функцию предикативного определения (attribut), коренятся в порядке слов (стр. 155).

inslav

ной конструкции, двумя исходными элементами которой являются существительное (подлежащее или прямое дополнение) и глагол (сказуемое). Этот компонент выражается прилагательным или существительным, согласуемым с первым существительным конструкции.

Основная задача при выявлении синтаксической функции «предикативное определение» сводится к отграничению ее от простых определений и разного рода обособлений. Интонация является главным показателем обособлений в предложении и четко противопоставляет их простым и предикативным определениям, поэтому мы исключаем из нашего рассмотрения случаи обособлений. Предикативные определения будут нами рассматриваться в противопоставлении только с простыми определениями.

Чтобы показать, что в болгарском языке возможно употребление предикативных определений подлежащего при переходных глаголах, необходимо предварительно описать признаки предикативных определений конкретно в болгарском языке. Ввиду того что в функции предикативных определений при переходных глаголах употребляются только имена прилагательные, мы остановимся при описании признаков предикативных определений именно на тех случаях, когда в этой функции употреблено прилагательное. Известно, что предикативное определение разделяется на два вида: предикативное определение, связанное с подлежащим, и предикативное определение, связанное с прямым дополнением. Описывая признаки предикативных определений, следует рассмотреть предикативное определение не только подлежащего, но и дополнения, так как эти два вида предикативных определений представляют собой в известной мере одно общее явление, а кроме того, в связи с рассмотрением предикативных определений подлежащего при переходных глаголах, встают синтаксические вопросы, непосредственно касающиеся предикативных определений дополнения.

При описании признаков предикативных определений болгарского языка мы будем основываться на материале тех предикативных определений, которые признавались в исследованиях по болгарскому языку, то есть на материале предикативных определений при непереходных глаголах. Затем мы покажем, что в предложениях с переходными глаголами имеются конструкции, которые обладают признаками, характеризующими предикативные определения, и которые, следовательно, на этом основании также должны быть квалифицированы как предикативные определения. Иными словами, мы покажем, что в предложениях с переходными глаголами имеются предикативные определения подлежащего.

Отличия предикативного определения подлежащего от простого определения

В болгарском языке в форме самих прилагательных нет разницы в зависимости от их предикативного и непредикативного употребления, и порядок слов составляет единственный показатель того, является ли интересующий нас элемент в предложении простым определением или предикативным.

Основным вариантом порядка слов в болгарском языке является порядок «существительное-подлежащее—глагол-сказуемое»: (1) С—Г. Прилагательное-определение стоит перед определяемым существительным: (2) П—С, а прилагательное-предикативное определение находится после глагола. Таким образом, основным вариантом порядка

inslav

слов в предложении с простым определением является порядок «прилагательное—существительное — глагол»: (3) П—С—Г. Например: ***Препълнените тролеи се движеха*** *съвсем бавно*... (Веж). Основным вариантом порядка слов в предложении с предикативным определением является порядок «существительное—глагол — прилагательное»: (4) С — Г — П. Например: ***Старецът вървеше приведен,*** *слушаше го умилено и мълчаливо, и от време на време попипваше пазухата си, дето носеше парите* (Е. П.).

Наряду с основным вариантом порядка слов С — Г, в болгарском языке, где существует известная свобода порядка слов, возможен и обратный порядок, т. е. порядок «глагол — существительное»: (5) Г—С. При таком порядке глагола и существительного прилагательное, являющееся простым определением, занимая место перед определяемым существительным, оказывается между глаголом и существительным: (6) Г — П—С. Прилагательное, являющееся предикативным определением, занимая место после глагола, оказывается также между глаголом и существительным: (7) Г—П— С. Таким образом, при подобном порядке прилагательное, как в том случае, когда оно выступает в функции предикативного определения, так и в том случае, когда оно выступает в функции простого определения, занимает одно и то же место в предложении, а именно стоит между глаголом и существительным. Следовательно, порядок Г—П—С является синтаксически двусмысленным. Например: *През железна заключена врата* ***стои подхвърлен букет*** *от свежи цветя* (Е. П.).

Для выяснения подобных случаев полезно рассмотреть более подробно состав и закономерности расположения элементов в группе подлежащего, то есть в группе П—С, и выделить на этой основе формальные показатели синтаксической функции прилагательного. Известно, что в группу существительного может входить не только одно прилагательное, но и другие определяющие элементы. В порядке расположения этих элементов относительно существительного и относительно друг двуга имеются свои закономерности.

Наиболее регулярным элементом, определяющим существительное, является член. Наблюдения исследователей над режимом употребления члена в группе существительного при наличии в этой группе прилагательного-определения сводятся к следующим нормам: а) препозитивное прилагательное получает член определяемого слова; б) при нескольких препозитивных прилагательных член ставится у первого из них; в) при именах собственных, которые сами по себе не членуются, прилагательное член имеет. На основе указанных норм можно сделать следующие выводы применительно к интересующему нас случаю стечения слов глагол — прилагательное — существительное: а) если член стоит не при прилагательном, а при существительном, прилагательное не входит в группу существительного; б) если прилагательное предшествует прилагательному с членом, оно не входит в группу существительного; в) в случаях, когда существительное есть имя собственное, отсутствие члена при прилагательном свидетельствует о том, что это прилагательное не входит в группу существительного.

Таким образом, порядок расположения элементов в группе из существительного и определяющих его члена и прилагательного сводится к следующим основным положениям:

а) прилагательное — член — существительное:
8а) П—член—С.

inslav

б) прилагательное — член — прилагательное — существительное (при нескольких прилагательных):

(8б) П — член — П — С;

в) прилагательное — член — существительное (при именах собственных):

(8в) П — член — $С_{соб.}$

Тогда двусмысленность стечения элементов Г — П — С для случаев простого определения разрешается следующим образом:

(9а) Г — П — член — С

(9б) Г — П — член — П — С

(9в) Г — П — член — $С_{соб.}$

Случаи же предикативного определения будут иметь вид:

(10а) Г — П — С — член

(10б) Г — П — П — член — С

(10в) Г — П — $С_{соб.}$

Продемонстрируем сформулированные здесь положения на ряде предложений болгарского языка. В предложении: *Не казваше ли той, че трябва да* ***се държи сух барутът?*** (Л. Стоян.) прилагательное *сух* идет непосредственно за глаголом и может быть расценено как предикативное определение. Но вместе с тем оно стоит перед существительным и вследствие этого могло бы быть понято как простое определение. Анализ порядка расположения элементов показывает, что интересующая нас группа *се държи сух барутът* имеет вид Г — П — С — член, то есть соответствует формуле (10а). Следовательно, прилагательное *сух* является в данном предложении предикативным определением. Подобным же образом место члена свидетельствует о том, что в нижеследующих предложениях прилагательные *свита, окъпани, учудена* выступают в функции предикативного определения: *Високите кули на конака стърчаха самотни в синьото небе, широките чардаци стояха пусти, докато в голямата стая долу* ***седеше свита жената*** *и се вслушваше в бумтежа на пушките* (Л. Стоян.); *В кафенето срещу банята, край което два пъти в седмицата* ***минаваха окъпани жените*** *от града и гдето по тая причина се събираха сластолюбивите и наклонни към изневяра мъже, името на тая вдовица не беше произнесено* (Е. П.); — *Ху-ба-ва работа! —* ***дръпна се учудена арнаутката*** (Карасл.).

В противоположность этому, в предложении: *Над обекта* ***гаснат белите струи*** *на светлината* (Страндж.) группа глагол—прилагательное—существительное имеет вид Г — П — член — С, то есть соответствует формуле (9а). Это значит, что прилагательное в ней выступает в функции простого определения.

Показательны следующие примеры с двумя рядом стоящими согласуемыми с существительным элементами: *В сайванта* ***стояха вързани трите коня*** *на Муржу, но къде беше верният му вардиянин?* (Л. Стоян.); *В шествието един до друг* ***вървят унили и скучающи тримата приятели:*** *Поров, Зигзагов и Поклоников, също известни личности, важни лица и висши чиновници по финансовите учреждения* (Е. П.). Прилагательные в них можно было бы счесть за однородные

inslav

члены. Однако синтаксическая функция их в предложении различна. Одно из прилагательных в паре является предикативным определением, а другое входит в группу существительного в роли простого определения. В этом легко убедиться на основе анализа в соответствии с данными выше правилами. Рассматриваемые группы в этих предложениях имеют вид Г — П — П — член — С, то есть соответствуют формуле (10б). Следовательно, прилагательные *вързани*, *унили*, *скучающи*, выступают здесь в функции предикативного определения. Сопровождаемые же членом слова *тримата*, *трите* входят в группу существительного как простые определения.

Случаи «в», когда в рассматриваемой группе Г — П — С на месте существительного выступает имя собственное, являются разновидностью вариантов «а». Однако формальным показателем синтаксической роли прилагательного оказывается не место члена, а наличие или отсутствие его вообще, так как в случаях предикативного определения, когда член должен был бы стоять при существительном, при имени собственном он опускается. Следовательно, в предложениях: *Освен да почваме! — **върна се изпотен Жори,** който по тайната поръчка на Дица беше ходил чак дома му да го търси...* (Даск); *На балконе **излезе гологлав Ценко** и махна с ръка на Стойков, като поклати юмрук* (Даск.) прилагательные *изпотен* и *гологлав* являются предикативными определениями, так как интересующие нас группы имеют вид (10в): Г — П — $С_{соб.}$, в то время как в предложении ***Върна се младия Жори,*** где интересующая нас группа сводится к формуле (9в): Г — П — член — $С_{соб.}$, прилагательное *младия* выступает в функции простого определения.

Помимо члена, группа существительного нередко оказывается расширенной благодаря присутствию энклитик. Энклитики, обладая фиксированным положением, также служат четким показателем границ группы существительного. Энклитические притяжательные местоимения ставятся после одиночного существительного или же, если существительное имеет препозитивные определения, после первого определения. Таким образом, положение энклитики в случае расположения Г — П — С есть, наряду с членом, также четкий показатель границы группы существительного и, следовательно, критерий при оценке, является ли интересующее нас прилагательное простым определением или же оно стоит вне группы существительного и представляет собой предикативное определение.

Аналогично случаям (9а) и (10а) эта закономерность может быть сформулирована следующим образом:

для простого определения:

(11) Г — П — энклитика — С;

для предикативного определения:

(12) Г — П — С — энклитика.

Практически в такой комбинации почти всегда присутствует и член, поэтому действительное положение в случае присутствия в группе существительного энклитик будут выражать формулы, объединяющие в себе свойства как (9а) и (10а), так и (11) и (12), а именно:

для простого определения:

(13а) Г — П — член — энклитика — С;

inslav

для предикативного определения:

(14а) Г — П — С — член — энклитика.

В формуле (13а) между прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой, и существительным могут присутствовать и другие однородные определения. Все они будут находиться в границах группы существительного, начало которой обозначено прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой, то есть в таком случае формула будет иметь вид:

(13б) Г — П — член — энклитика — П — С.

Но, как и в уже приводившихся примерах, два прилагательных, стоящих между глаголом и существительным, могут по синтаксической функции различаться между собой, то есть одно из них быть простым определением, а другое — предикативным. В таком случае расположение элементов имеет вид:

(14б) Г — П — П — член — энклитика — С.

Конкретно в языке это выглядит следующим образом. В предложении: *На гърдите ѝ стоеше полуживо двегодишното ѝ унуче, сираче, болно от две недели насам* (Ваз.) имеется два прилагательных, расположенных между глаголом и существительным: *полуживо* и *двугодишно*. Такое расположение заключает в себе возможность трактовать их как два простых определения к существительному *унуче*. Однако место члена и энклитики характеризуют первое из прилагательных как не относящееся прямо к группе существительного и являющееся предикативным определением, а второе — как простое определение, входящее в эту группу, то есть расположение элементов имеет вид формулы (14б).

Помимо члена и энклитики, граница группы существительного может быть четко обозначена словами, которые всегда занимают первое место в группе существительного. Так, присутствие в группе существительного слов *един*, *много* ясно отграничивает все, непосредственно входящее в эту группу, от того, что не относится к ней. Таким образом, в случае порядка слов Г — П — С место слов *един*, *много* служит признаком, различающим предикативное определение и простое определение. Например, в предложении *Ерофим подига глава: под стряхата, гдето под всеки два дирека са заковани дъски за кафез на гълъбите, в една такава дупка* ***стои замислен един червен гълъб*** *и гука — вика другарката си* (Йовк.) порядок интересующих нас слов представлен как (15): Г — П — един — П — С. Этот порядок означает, что первое прилагательное *замислен* стоит вне группы существительного и является предикативным определением, а второе прилагательное *червен* входит в эту группу и является простым определением.

Отличия предикативного определения дополнения от простого определения

Предикативное определение-прилагательное, относящееся к прямому дополнению, как правило, стоит в предложении после глагола и этого дополнения, то есть расположение элементов имеет вид: (16) $С_1$ — Г — $С_2$ — П, где $С_1$ является подлежащим, а $С_2$ — прямым дополнением (если прямое дополнение выражается энклитическим местоимением, порядок слов имеет вид $С_1$ — $доп_{мест.}$ — Г — П).

inslav

Например: *Ситен невидим* ***дъждец правеше въздуха мокър,*** *тежък от влага* (Гул.).

Простое определение к существительному-дополнению в соответствии с нормой языка ставится перед таким дополнением, и, следовательно, порядок элементов получает вид:

(17) $С_1$ — Г — П — $С_2$

Например: *Ситен дъжд непрестанно ръми и* ***рони последните жълти листа*** *на оголелити тополи* (Е. П.).

Однако расположение элементов вида (17) не является однозначным. Порядок слов при предикативном определении обладает некоторой свободой. Он допускает возможность инверсии предикативного определения по отношению к дополнению, то есть постановки предикативного определения перед дополнением. В таком случае расположение элементов также имеет вид:

(18) $С_1$ — Г — П — $С_2$, т. е. совпадает с формулой (17).

Этот случай омонимии разрешается аналогично случаям, рассмотренным нами в предыдущем разделе, где мы столкнулись с совпадениями порядка слов при предикативном и простом определениях, относящихся к существительному-подлежащему. Как и там, синтаксические связи четче выявляются при более детальном анализе состава группы существительного с целью установления точной границы этой группы. Граница группы существительного оказывалась четко выявленной благодаря присутствию в ней элементов со строго фиксированным местом в группе: член, энклитика, слова *един*, *много*. Нормы употребления слов с фиксированным положением в группе и другие связанные с этим вопросы мы сформулировали в предыдущем разделе, при рассмотрении вопроса о группе подлежащего. Но сами эти нормы являются более общими, они относятся вообще к группе существительного, независимо от его функции в предложении, то есть при учете этих норм группа с прилагательным-определением имеет вид: П — член — С; П — член — энклитика — С; един — П — С.

Если мы введем эти уточнения в формулу (17), то омонимия разрешается для случаев простых определений дополнения следующим образом:

(19а) $С_1$ — Г — П — член — $С_2$

(19б) $С_1$ — Г — П — член — энклитика — $С_2$

(19в) $С_1$ — Г — един — П — $С_2$.

В случаях же, когда прилагательное является предикативным определением дополнения, фиксированные элементы группы существительного будут оформлять само это существительное, то есть формула (18) в развернутом виде представляется таким образом:

(20а) $С_1$ — Г — П — $С_2$ — член

(20б) $С_1$ — Г — П — $С_2$ — член — энклитика

(20в) $С_1$ — Г — П — един — $С_2$

Рассмотрим более подробно ряды типа (20а). Примерами этого ряда могут служить предложения: *Пазвантооглу гледаше през пръсти,* ***остави отворен вилаета,*** *царската войска го притисна и смаза* (Л. Стоян.); *За Кара Ибрахим беше важно да* ***хване жив разбой-***

inslav

ника *и хората му, да ги изпрати в Хюлбе на пашата — тогава и за него мир и за царщината спокойствие* (Л. Стоян.). Общее разложение первого предложения приводит к двусмысленной формуле $С_1$ — Г — П — $С_2$. Однако дополнительный анализ существительного позволяет уточнить ее как формулу $С_1$ — Г — П — $С_2$ — член, которая приводит нас к выводу, что прилагательное *отворен* стоит вне границ группы существительного $С_2$ и является его предикативным определением. Во втором предложении прилагательное *жив* на основе тех же данных должно быть также квалифицировано как предикативное определение.

В противоположность приведенным, предложение ***Той*** *каза това и веднага* ***си спомни смутения глас*** *на Лазар Тонкин* (Гул.) в интересующей нас части имеет формулу $С_1$ — Г — П — член — $С_2$, характеризующую прилагательное *смутен* в его составе как простое определение.

Подобно тому, как это имело место при существительном-подлежащем [см. формулы (9б) и (10б)], перед существительным-дополнением может стоять не одно, а несколько прилагательных, целиком входящих в его группу, или же несколько прилагательных, одни из которых входят в его группу, а другие находятся вне ее границ. Соответственно этому в случае, когда все прилагательные входят в группу существительного-дополнения, конструкция имеет вид:

(21) $С_1$ — Г — П — член — П — $С_2$.

Если же одни из прилагательных входят в группу существительного как простые определения, а другие находятся вне группы и представляют собой предикативные определения, граница между ними в формуле обрисовывается следующим образом:

(22) $С_1$ — Г — П — П — член — $С_2$.

Анализ предложений: 1) *...* ***дядо Кузма*** *беше стоял един дентука... и* ***гледаше*** *отгоре* ***бедното схлупено селце*** (Диав.) и 2) *„Македонски ще играе, но Македонски не е проклет“, — каза начумерено мъжът, — „аз не зная как* ***наричаш проклети народните хора,*** *дето се жертвуват за отечеството...“* (Ваз) показывает, что первое из них в интересующей нас части разлагается на составные элементы в виде формулы (21): $С_1$ — Г — П — член — П — $С_2$, что свидетельствует о вхождении обоих прилагательных в группу существительного-дополнения. Поэтому прилагательные *бедно* и *схлупено* мы квалифицируем как простые определения. Второе же предложение, в котором член находится при втором прилагательном *народни*, раскладывается на составные элементы соответственно формуле (22): $С_1$ — Г — П — П — член — $С_2$, то есть из двух прилагательных *проклети* и *народни* только второе прилагательное *народни* входит в группу существительного *хора* в качестве простого определения. Первое же прилагательное *проклети* находится вне границ этой группы и является предикативным определением.

В случае, когда дополнением является имя собственное, последовательность глагол—прилагательное—существительное для простого определения сохраняет вид формулы (19а):

(23) $С_1$ — Г — П — член — $С_{2соб.}$

inslav

Для предикативного определения она получает форму: (24) C_1 — Г — П — $C_{2соб.}$, так как член, который должен был бы стоять при имени собственном, согласно нормам языка опускается[8].

Следовательно, в предложениях: *Вие кажете, искайте каквото искате от мене. Макар и да* ***доведа върван Мидхадпаша*** (Ваз.); *Васил Левски бил в Карлово, правителството подушило това и изпратило за там страшният кърсердар Хаджи Исмаил—ага с четирийсе и пет души конни войници, със заповед да разтършува цялото Карлово и* ***да намери и доведе жив или мъртъв Левски*** (Ваз.) прилагательные *върван, жив, мъртъв* не являются простыми определениями, так как последовательность глагол—прилагательное—существительное имеет вид Г—П—$C_{2соб.}$, то есть соответствует формуле (24). На этом основании мы квалифицируем их как предикативные определения.

В противоположность двум вышеприведенным примерам, в предложении: *Пяколко часа след това* ***двама*** *от тях* ***докараха разтреперания Кузма*** *в общината* (Диав.) прилагательное *разтреперания* является простым определением имени собственного, так как присутствие члена при нем четко указывает на принадлежность этого прилагательного к группе существительного-дополнения.

Мы рассмотрели роль члена как показателя границы группы существительного-дополнения и таким образом сигнализатора синтаксической функции интересующего нас прилагательного. Как указывалось выше, такими сигнализаторами могут быть и другие элементы с фиксированным местом в группе существительного. Продемонстрируем это на примерах. В предложении: ***Тя видя*** *пред голямата железна порта* ***струпан много народ*** (Е. П.) функция прилагательного *струпан*, занимающего положение между глаголом и существительным, не является синтаксически двусмысленной, так как при существительном имеется слово с фиксированным местом *много*, которое ограничивает группу существительного и свидетельствует, что прилагательное *струпан* является предикативным определением. Рассматриваемая конструкция в данном предложении сводится к формуле C_1—Г—П—много—C_2, то есть соответствует виду (20в). Напротив, в предложении ***Той видя много високи къщи*** прилагательное *високи* является простым определением. Об этом исчерпывающе свидетельствует место слова *много*, обозначающего начало группы существительного-дополнения. Расположение элементов в предложении имеет вид C_1—Г—много—П—C_2, соответствующий формуле (19в).

Предикативные определения подлежащего при переходных глаголах

Рассмотрев вопросы, связанные с употреблением предикативного определения подлежащего и дополнения в случаях, признаваемых в болгарских грамматиках, и сформулировав основные принципы построения этих конструкций, мы имеем теперь критерии для анализа тех случаев, которые традиционно исключались из данной сферы.

Разберем предложение: ***Войниците*** *го* ***гледаха поразени*** (Веж.). В данном предложении имеется согласованное с подлежащим прилага-

[8] Здесь мы снова наблюдаем параллель с тем, что уже было отмечено при рассмотрении предикативного определения подлежащего. А именно: в случаях с существительным-именем собственным показателем предикативного определения является не место члена, а отсутствие его вообще (ср. стр. 277 в разделе о предикативном определении подлежащего).

inslav

тельное *поразени*. Расположение слов в этом предложении соответствует основному варианту порядка слов в болгарском языке, то есть существительное-подлежащее—глагол-сказуемое: С—Г. Место прилагательного в данном предложении является характерным для предикативного определения и ярко противопоставлено позиции простого определения: прилагательное стоит здесь после глагола, в то время как в функции простого определения оно стояло бы перед существительным-подлежащим и предложение имело бы вид: ***Поразените войници го гледаха.*** Таким образом, данная конструкция соответствует уже рассмотренным нами выше случаям, обобщенным в виде формулы (2): С—Г—П и квалификация прилагательного *поразени* как предикативного определения не может вызывать сомнения.

Данное предложение не укладывается в рамки обычных представлений грамматистов о предикативном определении болгарского языка. Глагол этого предложения *гледаха* является переходным, в чем также не может быть сомнения, так как при нем стоит прямое дополнение *го*. То есть перед нами случай предикативного определения подлежащего при переходном глаголе.

Не является простым определением подлежащего и прилагательное *зачудени* в предложении: „*Каква е тая работа, кмете?*" — ***питат го зачудени селяните*** (Е. П.), в котором в качестве сказуемого выступает переходный глагол *питат*. Анализ расположения элементов в данном предложении показывает, что оно имеет порядок слов Г—П—С, порядок, при котором возможна синтаксическая омонимия, то есть толкование прилагательного и как простого определения, и как предикативного определения. Действительная функция этого прилагательного определяется путем выявления границы группы существительного. Четким показателем границы является в рассматриваемом случае место члена. Член стоит в предложении при существительном *селяни*, указывая, что *зачудени* не входит в группу существительного. Интересующая нас конструкция имеет вид Г—П—С—член, то есть соответствует указанной нами формуле (10а) конструкции с предикативным определением подлежащего. Сомнения в переходности глагола *питат* отвергаются присутствующим в предложении прямым дополнением *го*.

Среди предикативных определений подлежащего при переходных глаголах также возможны различные варианты места члена, как это мы наблюдали среди предложений с предикативным определением при непереходном глаголе. Так, в предложении: „*Че какво като е войната?*" — ***погледна го учудена старата Тъкачева*** (Карасл.) член также служит показателем границы группы существительного и таким образом характеризует прилагательное *учудена* как предикативное определение, не входящее в эту группу. Разница между этим предложением и предыдущим заключается только в том, что член здесь стоит не при самом существительном, а при прилагательном, имеющемся перед существительным и входящем в его группу как простое определение. Приведенная конструкция соответствует случаям предикативного определения при непереходных глаголах, обобщенным в формуле (10б): Г—П—П—член — С. Отличие приведенной конструкции от этих последних состоит только в том, что глагол в ней является переходным и имеет при себе прямое дополнение *го*.

Еще одним вариантом предложений, где обозначение синтаксической функции прилагательного связано с членом, является предложение: „*Защо да е смешно?*" — ***изгледа го учудена Станчева*** (Карасл.). Здесь подлежащим является имя собственное, а стоящее перед ним прилагательное *учудена* не имеет члена. Рассматриваемый пример со-

inslav

ответствует формуле (10в): Г—П—$С_{соб.}$, данной как обобщение при рассмотрении предикативных определений подлежащего при непереходном глаголе. Таким образом, и здесь наблюдается параллелизм между построением конструкции предикативного определения с непереходным глаголом и данным нами предложением. Вместе с тем глагол приведенного предложения имеет переходный характер, свидетельством чего является присутствие при нем прямого дополнения — энклитики *го*.

Как уже указывалось выше, четким сигнализатором границы группы существительного является, наряду с членом, и энклитика, место которой дает основание судить о функции прилагательного при синтаксически двусмысленном порядке слов Г—П—С. В предложении: — *„Да попарим яйца със сирене? Какво ще кажеш?“* — ***гледаше я развълнувана майка ѝ*** (Карасл.) расположение глагола, прилагательного и существительного само по себе не обнаруживает синтаксической функции прилагательного *развълнувана*, однако, в действительности, двусмысленности нет, так как при существительном имеется энклитика, место которой характеризует как первое слово группы существительного само существительное *майка* и этим указывает, что слово *развълнувана* стоит вне этой группы. Данное предложение соответствует формуле (14а), приведенной при рассмотрении предикативных определений с непереходным глаголом: Г—П—С—член—энклитика. Отсутствие члена после слова *майка* не может быть основанием для сомнения в правильности такой квалификации. В данном случае мы имеем дело с последовательным наслоением двух грамматических норм. С одной стороны, существует общая норма употребления члена при существительном. Именно она и учтена в формуле (14а). С другой стороны, норма употребления члена при именах родства предусматривает опущение члена при некоторых из них, если за ними следует энклитическое притяжательное местоимение. К их числу относится и существительное *майка* из рассматриваемого предложения. Таким образом, мы имеем основания полагать здесь член присутствующим, но в нулевой форме, вызванной частной разновидностью имени существительного. Учитывающая норму употребления члена при некоторых именах родства формула Г—П—$С_{род.}$ — энклитика, которой соответствует анализируемое предложение, является всего лишь частным случаем формулы (14а)[9]. Итак, прилагательное *развълнувана* однозначно определяется как предикативное определение подлежащего *майка*. Глагол же в этом предложении является переходным и имеет при себе прямое дополнение *я*[10].

Мы привели несколько примеров предложений с переходными глаголами, имеющими при себе прямое дополнение и входящими в конструкцию с предикативным определением подлежащего. Эти факты опровергают традиционно сложившееся мнение, что конструкции с предикативным определением подлежащего могут образовывать только непереходные глаголы. В болгарском языке приведенные нами предложения не являются единичными случаями отклонения от общей нормы.

---

[9] С аналогичным явлением мы уже сталкивались выше, в случаях, когда существительное было именем собственным и член, который по общей норме должен был бы стоять за существительным, отсутствовал (ср. формулу (10в) Г — П — $С_{соб.}$, с более общей формулой (10а) Г — П — С — член).

[10] Следует отметить также, что грамматическое значение, характерное для предикативных определений и отличное от значения простых определений, имеется и в рассматриваемых предложениях с переходными глаголами. Из предложения с переходным глаголом: *„Как-найде се?“* — ***изгледа го учуден комендантът*** (Карасл.) четко видно, что прилагательным *учуден* в нем обозначен именно признак, возникающий вместе с действием глагола (см. стр. 273).

inslav

Это только примеры широко развитого в языке явления. В дополнение к уже данным приведем еще ряд подобных предложений с предикативным определением подлежащего при переходном глаголе: ***Тъкачев*** *я гледаше* ***втренчен*** *и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ* (Карасл.); *„Но защо не ми каза... еще като дойде?“ —* ***упрекна*** *го дълбоко* ***развълнуван Борис****, като го гледаше с някаква плаха надежда* (Карасл.); *„Не съм ли много строг?* ***„попита*** *се* ***смутен бащата****, защото си спомни за трагични любовни истории с такива затворени младежи, чийто родители е осъждал за тяхната духовна слепота* (Карасл.); ***Тя съзна смазана*** *всичко това и стана да си върви, но той я спря неочаквано* (Дим.); ***Той*** *изпусна пижамата и ги* ***вагледа безпомощен*** (Даск.); ***Иванчо изгледа настръхнал*** *Мунча* (Ваз.); *„И за мене ли каза той?“ —* ***посочи*** *се* ***тя учудена*** (Карасл.); *„Ой, на баба юнакът! —* ***заклати тя доволна*** *глава заради това, че първият ѝ внук започваше вече да пакости* (Карасл.); *Синап изгледа с бърз поглед човека с корема“. защото коремът най-силно го караше да го* ***отмине погнусен****, но онзи дигна ръка с заплаха и кресна: — Куче!* (Л. Стоян.); *Боян мислеше да си отиде и каже на жена си, но* ***Васил*** *го* ***спря разтревожен:*** *„А бе, викат ни в Лютидол, ти знаеш ли?...“* (Даск.); ***Тъкачев хапеше смутен*** *устната си* (Карасл.); *Старият* ***адвокат чакаше наежен*** *сина си, приготвил кратка, но много силна унищожителна обвинителна реч* (Карасл.).

Анализ конструкций предикативного определения подлежащего с переходными глаголами показывает, что они принципиально не отличаются от аналогичных конструкций с непереходными глаголами. Они являются лишь частными случаями конструкции предикативного определения, обусловленными особенностью переходных глаголов, то есть их способностью иметь при себе прямое дополнение. Если отразить в формулах своеобразие предложений, в которых имеется предикативное определение при переходном глаголе, эти формулы для рассматриваемых нами случаев будут иметь вид:

(25) С — доп.$_{мест.}$ — Г — П (*Войниците го гледаха поразени*);
Г — доп.$_{мест.}$ — П — С — член (*...питат го зачудени селяните*);
Г — доп.$_{мест.}$ — П — П — член — С (*...погледна го учудена старата Тъкачева*);
Г — доп.$_{мест.}$ — П — С$_{соб.}$ (*...изгледа го учудена Станчева*)
и т. д.

По отношению к формулам (4), (10а), (10б), (10в), формулы (25) характеризуются тем, что включают в себя еще один элемент предложения — прямое дополнение, то есть более широким охватом синтаксического строя этих предложений. Ставя цель дать общие формулы, отражающие все случаи предикативного определения подлежащего, то есть охватывающие как конструкции с непереходными глаголами, которыми традиционно ограничивались грамматики, так и конструкции с переходными глаголами, наличие которых было показано выше, необходимо выбрать один из двух возможных путей.

В основу общих формул, отражающих все случаи предикативного определения подлежащего, могли бы быть положены формулы более широкого охвата (25). Если бы мы избрали этот путь, то общие формулы свелись бы к форме:

(26) С — ± доп. — Г — П
Г — ± доп. — П — С — член
Г — ± доп. — П — П — член — С
Г — ± доп. — П — С

inslav

Такой путь означал бы, что мы рассматриваем случаи присутствия прямого дополнения как развернутый вид конструкции с предикативным определением подлежащего. Но прямое дополнение не входит в состав самой конструкции предикативного определения, не влияет на ее свойства, а оказывается присоединенным к конструкции благодаря специфике глагола. Поэтому формулы (26) нельзя признать разверткой конструкции типа (4) и (10). Случаи (26) являются частными с точки зрения принципов построения конструкции с предикативным определением подлежащего.

Эти выводы служат исходной точкой избираемого нами второго пути при формулировании общего вида конструкций с предикативным определением подлежащего. Мы принимаем в качестве общих формул конструкций с предикативным определением подлежащего формулы вида (4) и (10):

(27) С — Г — П

Г — П — С — член

Г — П — П — член — С

Г — П — $С_{соб.}$,

а формулы (25), в виде которых обобщаются случаи присутствия в предложении прямого дополнения, рассматриваем как частные производные от них, то есть символ Г в формулах (27) охватывает и случаи Г+доп. как возможность расширения группы, которое не нарушает самой рассматриваемой нами конструкции.

Вследствие установления факта возможности предикативного определения подлежащего при переходных глаголах, не только добавляется несколько новых глаголов к уже известной группе глаголов, употребляющихся с предикативным определением подлежащего, но и поднимаются новые грамматические вопросы. В качестве примера можно указать на следующий вопрос.

В болгарском языке, как и в целом ряде других родственных языков, помимо предикативного определения, относящегося к подлежащему, имеется также предикативное определение, относящееся к прямому дополнению. Это значит, что наряду с предложениями, построенными по типу (4) С — Г — П (*Тя изглеждаше весела*), где прилагательное, выступающее в функции предикативного определения, связывается с подлежащим, существуют предложения, построенные по типу (16) $С_1$ — Г — $С_2$ — П или $С_1$ — доп.мест. — Г — П (*Вие ме гледате в компанията весел...* Е. П.), где прилагательное, выступающее в функции предикативного определения, связывается с прямым дополнением. Вместе с тем в языках, где, как и в болгарском, имеются две указанные разновидности предикативного определения, но в противоположность болгарскому языку предикативное определение подлежащего употребляется только с непереходными глаголами, не возникает проблемы омонимии конструкции с предикативным определением, то есть проблемы — к какому элементу относится предикативное определение: к подлежащему или к прямому дополнению. В болгарском же языке тот факт, что глагол предложения представляет собой переходный глагол, имеющий при себе прямое дополнение, сам по себе еще недостаточен для обозначения того, с каким элементом предложения связано предикативное определение. Действительно, в предложении с составом

inslav

C_1 — доп.мест. — Г — П возможна связь прилагательного как с подлежащим, так и с прямым дополнением, то есть такой состав имеют предложения как типа C_1 — доп.мест. — Г — П (см. формулу (16), примером которой является предложение *Вие ме гледате в компанията весел...* Е. П.), так и типа C_1 — доп.мест. — Г — П (см. формулу (25), примером которой служит предложение *Войниците го гледаха поразени* (Веж.)[11].

Не каждый переходный глагол может употребляться с предикативным определением подлежащего, так же как только некоторые из переходных глаголов употребляются с предикативным определением дополнения. Если бы в группу глаголов, употребляющихся с предикативным определением подлежащего, входили одни из переходных глаголов, а в группу глаголов, употребляющихся с предикативным определением дополнения — другие, то вопрос, с каким элементом предложения связано прилагательное в случае его употребления при переходном глаголе — с подлежащим или с дополнением, разрешался бы принадлежностью глагола к первой или ко второй группе. Поэтому важно отметить, что в болгарском языке существует группа переходных глаголов, употребляющихся как с предикативным определением подлежащего, так и с предикативным определением дополнения. Следовательно, в случае употребления предикативного определения при глаголе, принадлежащем к этой последней группе, анализ глагола не может разрешить вопроса, к какому элементу предложения относится предикативное определение. Так, например, в приведенных выше предложениях: *Вие ме гледате в компанията весел...* и *Войниците го гледаха поразени* глагол *гледам* не обнаруживает связи предикативного определения, так как этот глагол одинаково возможен как при предикативном определении подлежащего, так и при предикативном определении дополнения.

Известно, что в болгарском языке прилагательное согласуется с определяемым существительным в роде и числе. Таким образом, в случаях, когда между подлежащим и дополнением имеются различия с точки зрения рода и числа, конструкция C_1 — доп.мест. — Г — П не является двусмысленной, так как род и число прилагательного могут быть соотнесены с родом и числом только одного элемента: либо подлежащего, либо дополнения. Например, в предложении *Емине, бабичката му, син му и снаха му го гледаха учудени* (Л. Стоян.), в котором употреблен глагол *гледам*, возможный при предикативном определении как подлежащего, так и дополнения, множественное число прилагательного *учудени* свидетельствует о связи его с подлежащим, а не с прямым дополнением. Однако возможно совпадение рода и числа подлежащего с родом и числом дополнения. В таком случае конструкция оказывается омонимичной, например, *Татко Пиер го гледаше все тъй неподвижен...* (Дим.).

Употребление предикативных определений подлежащего при переходных глаголах заслуживает внимания не только потому, что это

---

[11] В ряде болгарских грамматик отмечается, что существует два вида предикативных определений и что в тех случаях, когда глагол является непереходным, предикативное определение относится к подлежащему, а в тех случаях, когда глагол является переходным, такое определение относится к прямому дополнению. Такие высказывания, будучи следствием неверного исходного положения о возможности предикативного определения подлежащего только при непереходных глаголах, также являются ошибочными.

inslav

ставит ряд специальных вопросов. Предикативное определение занимает известное положение в группе глагола-сказуемого. Присутствие при глаголе прямого дополнения, то есть более полный состав группы глагола, рельефнее, чем это имеет место при непереходных глаголах с отсутствующим прямым дополнением, обнаруживает отношения элементов в группе и место в них предикативного определения. Таким образом, факт наличия предикативных определений подлежащего при переходных глаголах представляет интерес и для рассмотрения более общего вопроса об отношениях между элементами в предложении, имеющем предикативное определение. Но эти вопросы выходят за рамки данной статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ваз. — И. Вазов
Веж. — П. Вежинов
Гул. — А. Гуляшки
Даск. — С. Даскалов
Диав. — В. Диаватов
Дим. — Д. Димов
Е. П. — Елин-Пелин
Йовк. — Й. Йовков
Карасл. — Г. Караславов
Л. Стоян. — Л. Стоянов
Страндж. — К. Странджев

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Эккерт. Основы на *-й-* в праславянском языке 3

В. В. Мартынов. Славяно-германские лексические изоглоссы 134

Ю. В. Откупщиков. О старославянском сигматическом аористе 154

Г. М. Судник. Палеографическое и фонетическое описание Выголексинского сборника 173

Г. П. Клепикова. Приставки славянского происхождения *ras-*, *za-*, *pa-* в истрорумынском 206

Р. В. Булатова. Судьба соотносимых пар глаголов движения в сербско-хорватском языке 223

В. А. Никонов. Интерпретация фонетических частот 259

М. Г. Рожновская. К вопросу о предикативных определениях в болгарском языке 271

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
Б[illegible]
Общественных наук
Академии Наук СССР

Коллектив авторов

Ученые записки

Том 27

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. Н. Сироткина*
Технические редакторы *Т. А. Прусакова* и *Т. В. Полякова*

Сдано в набор 27/VI 1963 г. Подписано к печати 21/XI 1963 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 18 = 24,66 усл. п. л. Уч.-изд. л. 25,4. Тираж 1100. Изд. № 1728. Тип. зак. № 281.

Цена 1 р. 67 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

inslav

inslav